ПРОЦЕСС ЧЕТЫРЕХ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ПО ДЕЛУ
ГАЛАНСКОВА, ГИНЗБУРГА, ДОБРОВОЛЬСКОГО
И ЛАШКОВОЙ

СОСТАВЛЕНИЕ И КОММЕНТАРИИ
ПАВЛА ЛИТВИНОВА

1971
АМСТЕРДАМ
ФОНД ИМЕНИ ГЕРЦЕНА

ПРОЦЕСС ЧЕТЫРЕХ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ПО ДЕЛУ
ГАЛАНСКОВА, ГИНЗБУРГА, ДОБРОВОЛЬСКОГО
И ЛАШКОВОЙ

СОСТАВЛЕНИЕ И КОММЕНТАРИИ
ПАВЛА ЛИТВИНОВА

СЕРИЯ «БИБЛИОТЕКА САМИЗДАТА»: № 1

1971
АМСТЕРДАМ
ФОНД ИМЕНИ ГЕРЦЕНА

1/3427

©

Copyright 1971

In the USSR: Pavel LITVINOV

In all other countries:

THE ALEXANDER HERZEN FOUNDATION

Amstel 268, Amsterdam, Holland.

Текст печатается в том виде, в каком он получен из СССР. Английский перевод в слегка сокращенном виде, но с добавочными примечаниями, выйдет под названием The Trial of the Four в лондонском издательстве Longmans, Green в 1972 году.

Printed in the United Kingdom for
Alexander Herzen Foundation by
Multilingual Printing Services,
200, Liverpool Rd., London, N1 1LF

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Составитель настоящего сборника ставил себе две главных задачи. Во-первых, познакомить советское и мировое общественное мнение со всеми известными составителю обстоятельствами «дела четырех», поскольку везде и всегда гласность является непременным и главным условием соблюдения законности. Во-вторых, вновь обратить на «дело четырех» внимание тех, от кого зависело и зависит проведение этого и подобных процессов в нашей стране, — верховные советские законодательные, исполнительные и судебные органы. Во исполнение этих задач он составил настоящий сборник и теперь: во-первых, будет добиваться его опубликования как в СССР, так и за границей; во-вторых, направит его Председателю Президиума Верховного Совета СССР.

Составитель стремился к максимальной объективности — удалось ли ему это, он оставляет судить читателям сборника. Он сознает недостатки сборника, но хочет отметить, что, во-первых, работа над сборником проходила в очень трудных условиях, во-вторых, еще недостаточно разработана метода составления подобных сборников. Составитель, по вполне понятным причинам, не везде мог достаточно ясно указать источник своей информации или степень достоверности того или иного факта, однако он все тщательно проверял и готов нести личную ответственность за все сведения, сообщенные в сборнике без указания источника. В частности, это относится к стенограммам судебных заседаний. Составитель хочет подчеркнуть, что хотя запись во многих случаях не является дословной, ее общий смысл совершенно точен.

Сборник разделен на следующие части: 1) Предыстория, личность обвиняемых; 2) До суда; 3) Суд; 4) Отношение общественного мнения; 5) Освещение дела в печати; 6) Кассационный суд. Составитель счел целесообразным ограничиться только письмами и заявлениями советских граждан по поводу процесса и публикациями советской печати, так

как его интересовало в первую очередь это и только такую задачу он смог бы выполнить в достаточно полном объеме. Внутри разделов все материалы располагаются в хронологическом порядке, там, где их авторы не поставили дат, они указываются составителем в скобках. Все материалы внутри разделов пронумерованы, ссылки даются на номер раздела и номер документа (например, II-1, т. е. документ № 1 раздела II).

Составитель заранее благодарит всех, кто окажет ему содействие в публикации и распространении настоящего сборника.

Павел Литвинов

24 августа 1968,
Москва.

I

ПРЕДЫСТОРИЯ. ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМЫХ

Как считает составитель настоящего сборника, процесс Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой явился продолжением дела Синявского и Даниэля, осужденных в 1966 году на 7 и 5 лет лагерей строгого режима за свои литературные произведения. Процесс четырех явился продолжением этого дела как по существу, ибо действия, приведшие главных обвиняемых на скамью подсудимых, были их реакцией на дело 1966 года, так и формально, ибо большая часть официально инкриминируемых Галанскову и Гинзбургу материалов была связана с этим делом.

В деле Синявского и Даниэля соединились, как кажется составителю, два противоречивых момента. С одной стороны, оно явилось выражением наметившейся за последние годы тенденции все большей «формализации» правовой жизни в Советском Союзе, тенденции руководствоваться существующими законами и постановлениями, а не только в каждом отдельном случае практическими конъюнктурными соображениями. Синявского и Даниэля судили именно за то, что они сделали, и по той статье Уголовного кодекса РСФСР, под какую, при ее неопределенном толковании, подпадали их действия. Их не объявили «психически больными», «тунеядцами», «злостными хулиганами» или «агентами империалистических разведок», как это могли сделать, чтобы удобнее было покарать их. Так же, хотя их все время осуждали за это с нравственной точки зрения, формально их не обвиняли в том, что они печатали свои произведения под псевдонимом и за границей, поскольку публикация под псевдонимом или за границей сама по себе не является уголовно наказуемым деянием. В вину им ставилось только то, что они *путем публикации за границей* распространяли свои *антисоветские произведения*, причем их согласие на

эти публикации служило доказательством их антисоветского умысла*.

С другой стороны, в суде над Синявским и Даниэлем нашел выражение уже чисто конъюнктурный момент. Устраивая этот процесс и придавая ему большую гласность, ответственные за это лица стремились тем самым приостановить неконтролируемый поток заграничных публикаций советских авторов. Обращаясь к советским писателям, как к признанным, так и к начинающим, они как бы хотели сказать: смотрите, что вас ожидает, если ваши произведения, не опубликованные и не одобренные здесь, появятся за границей!

Если суд над Синявским и Даниэлем действительно имел эту цель, то, как теперь видно, эта цель достигнута не была, скорее наоборот. Неожиданно для себя устроители суда убедились, что в нашей стране есть не только писатели, выходящие в своем творчестве за официозные рамки, но также и общественное мнение, готовое этих писателей поддержать. Многие представители советской общественности — писатели, ученые, деятели искусства, студенты — открыто выражали свое несогласие с решением суда, требовали пересмотра дела, освобождения осужденных или, по крайней мере, смягчения сурового приговора. Подспудно сформировавшееся за десятилетие, прошедшее со времени развенчания культа Сталина, общественное мнение нашей страны неожиданно вышло наружу и сделало свой первый шаг. Это было самым удивительным и значительным результатом процесса.

Еще более резко, чем советская общественность, к суду над Синявским и Даниэлем и к их осуждению отнеслись друзья нашей страны за рубежом. В большинстве своем плохо осведомленные о действительном положении дел у нас, они были потрясены возможностью суда — не над диверсантами, шпионами или участниками террористических групп, а над писателями, вся вина которых в том, что они писали и публиковали произведения, по своему содер-

---

* Умысел — необходимое условие для применения ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). Составитель говорит здесь не о соблюдении существа закона, а о чисто внешнем стремлении руководствоваться законами. По его мнению, возможность нарушения закона заложена уже в том, что к ст. 70 УК не приложено комментария, дающего формальную оценку понятия «антисоветская агитация и пропаганда», что целиком предоставлено усмотрению следствия и суда.

жанию и стилю отличные от официально одобренных канонов советской литературы.

Большой интерес советской и мировой общественности к процессу требовал, естественно, как можно более полной и объективной информации о нем. Хотя советские и зарубежные газеты и журналы много писали о процессе, эти публикации были зачастую тенденциозными или содержали неточную информацию, а опубликованные за границей стенограммы судебного заседания имели ошибки. Кроме того, все эти материалы были весьма разрознены, так как публиковались на разных языках, в разных изданиях и в разное время, а многие вообще не были опубликованы и существовали только в очень ограниченном количестве рукописных экземпляров. Сама собой напрашивалась задача собрания всех или наиболее интересных материалов о процессе — вне зависимости от того, какую точку зрения они выражают — в один сборник, который удовлетворил бы потребность общества в информации и одновременно мог бы явиться стимулом для пересмотра дела.

Не удивительно, что эта идея появилась независимо и в Советском Союзе, и за рубежом, и независимо была осуществлена. В Советском Союзе такой сборник составил Александр Гинзбург, руководствуясь, по его словам, желанием наиболее полно информировать не столько общественность, сколько ответственных советских руководителей и добиться таким образом отмены несправедливого, по его мнению, решения суда*.

Александр Ильич ГИНЗБУРГ родился 21 ноября 1936 года в Москве. Когда ему было два года, умер его отец, и мальчик воспитывался своей матерью Людмилой Гинзбург, экономистом по образованию, всю жизнь, однако, интересовавшейся искусством и передавшей этот интерес сыну. В школе он увлекался поэзией и был актером школьного театра. Его кумиром в то время был Маяковский, за чтение стихов которого он неоднократно получал награды. Позднее он увлекся гребным спортом и в 1954 году занял первое место на Всесоюзных юношеских соревнованиях (на двойках — байдарке и каноэ). По окончании средней школы он работал токарем на заводе и одновременно выполнял репортерскую

* За рубежом подобный сборник составили Leopold Labedz и Max Hayward, «On Trial. The Case of Sinyavsky (Tertz) and Daniel (Arzhak), London, 1967».

работу для газеты «Московский комсомолец». В 1956 году поступил на вечернее отделение факультета журналистики Московского университета. В 1957 году принимал участие в работе Советского подготовительного комитета VI Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве, работал помощником режиссера на съемках фильма о фестивале. В 1958 году, продолжая заочно учиться в университете, устроился актером в Кимрский драматический театр*, где проработал около двух лет. В 1959 году он упал из окна своей квартиры на третьем этаже, сломал себе руку, и в связи с этим ему пришлось отказаться от карьеры актера.

Конец пятидесятых годов был временем появления новых культурных тенденций в нашей стране. Некоторые писатели и художники, уже завоевавшие официальное признание, начали касаться тем, доселе запретных, и искать новые формы выражения. Появились также молодые художники и поэты, чье творчество заранее почти исключало для них быструю возможность быть опубликованными или выставленными в Советском Союзе, не столько в силу каких-либо политических моментов, сколько из-за избранных ими художественных направлений, вызывающих недоумение и раздражение у обывателей. Можно сказать, что в нашей стране появился своего рода художественный авангард. Однако все они были очень разобщены, мало информированы друг о друге и почти неизвестны публике. Потребность взаимообщения и какой-то популяризации нового искусства, можно сказать, «носилась в воздухе», и Гинзбург почувствовал, что здесь он может приложить свои силы. В 1959-60 годах он принял участие в организации нескольких неофициальных выставок молодых художников, а также начал выпускать машинописный журнал «Синтаксис». Его квартира стала постоянным местом встреч молодых художников, писателей и поэтов.

Журнал «Синтаксис» (всего вышло три номера) включал в себя только стихи, большинство авторов «Синтаксиса» или уже печатались в официальных изданиях или были напечатаны в ближайшие годы, в частности Б. Ахмадулина, А. Глазков, Вс. Некрасов, Б. Окуджава, Б. Слуцкий. Однако КГБ усмотрел опастность в попытке выпускать нецензурованные машинописные сборники. В 1960 году в «Известиях»

* Кимры — город в Калининской области, в 120 км к северу от Москвы, население около 100,000 человек.

о Гинзбурге был помещен фельетон А. Иващенко «Бездельники рвутся на Парнас», он был исключен из университета, арестован, помещен в Лубянскую тюрьму, и органами КГБ было начато следствие по ст. 70 УК РСФСР. Было привлечено свыше ста свидетелей, однако никакого убедительного обвинения выдвинуть против Гинзбурга КГБ, очевидно, не смог. Единственное, чем располагало следствие, это довольно резкими отзывами Гинзбурга об отдельных произведениях советской литературы, данными им во время допросов, но этого все же было слишком мало для уголовного дела. Кроме того, еще в силе был лозунг, что «в СССР нет политзаключенных», а дело приобрело уже большую огласку, чтобы осудить Гинзбурга тайно. Тогда против Гинзбурга решили использовать другое обстоятельство. Незадолго до ареста он, желая помочь товарищу, сдал за него экзамены на аттестат зрелости, переклеив для этого фотографию в удостоверении личности. Теперь следствие по ст. 70 УК было прекращено, а по ст. 196 ч. I УК РСФСР (подделка документов) Гинзбург получил максимальный двухлетний срок, остаток которого после суда отбывал в лагере общего режима*.

По возвращении в Москву в 1962 году, Гинзбург столкнулся с большими трудностями. Он едва получил разрешение жить в Москве со своей матерью, невозможно оказалось поступить куда-либо учиться, очень трудно устроиться на работу. Гинзбург работал сначала в тресте канализационной очистки, затем осветителем на телевидении, токарем на домостроительном заводе, библиотекарем, рабочим Литературного музея. Только в 1966 году он смог поступить на вечернее отделение Историко-архивного института. Несмотря на все эти трудности, Гинзбург продолжал свои попытки содействовать сближению и взаимопониманию различных художников и писателей, уменьшить духовную изоляцию нашей молодежи от мировой культуры. По-прежнему это вызывало явное неудовольствие КГБ. В 1963 году Гинзбург устроил у себя дома и у своих друзей просмотры нескольких французских фильмов о художниках (Пикассо,

* Не оправдывая нисколько поступок Гинзбурга, следует заметить, что такие случаи, как сдача экзаменов за другое лицо, происходят довольно часто. В случае разоблачения, результаты экзаменов аннулируются, а против виновного применяются меры общественного воздействия, так что возбуждение уголовного дела явилось здесь уникальным случаем.

Утрилло и других) — фильмы эти, хотя впоследствии многие из них шли в советских кинотеатрах, были конфискованы у Гинзбурга, а в «Известиях» о нем появился фельетон М. Стуруа и В. Кассиса «Дуньки просятся в Европу». В 1964 году Гинзбург взял у гидов Выставки американской графики в Москве несколько книг по американской и европейской культуре — книги эти были у него изъяты КГБ, и он вновь обвинен в «распространении антисоветской литературы»*. Несколько дней он вновь провел в Лубянской тюрьме, но следствие, как и в 1960 году, было прекращено из-за явной несостоятельности обвинения. Тем не менее КГБ не прекратил своего давления на Гинзбурга. Ему было заявлено, что в любой момент он опять будет арестован или выслан из Москвы, если публично не заявит об отречении от своей «прежней деятельности». Это давление продолжалось в течение года, и наконец Гинзбург написал требуемое от него письмо. Оно было опубликовано в «Вечерней Москве», причем редакцией был сделан ряд добавлений**. Письмо это вызвало большое удивление у друзей Гинзбурга и, по-видимому, послужило источником мучительных переживаний для него самого. Для него очень важна была возможность показать всем, и прежде всего себе самому, что в действительности он не изменился и сохранил верность своим прежним взглядам о необходимости творческой свободы.

В августе 1965 года были арестованы Синявский и Даниэль, и в феврале 1966 года состоялся суд над ними. Счи-

---

* Быть может, основанием для этого послужило то, что Гинзбург получил также несколько книг политического характера, в том числе «Новый класс» М. Джиласа, вызывающий сильное раздражение сотрудников КГБ.

** Письмо под заглавием «Ответ господину Хьюгесу» было помещено в номере за 3 июня 1965 года. Редакция сообщала, что публикует его, «надеясь, что А. Гинзбург искренне раскаялся в своих ошибках и твердо стал на правильный путь». Сам Гинзбург пишет, что, интересуясь литературой и искусством, он не проявлял необходимой для такого интереса политической зрелости и поэтому из-за его наивности и легкомыслия его в своих целях пыталась использовать «западная пропаганда» и «западная разведка» (типичный представитель которых некий журналист Лоран Хьюгес). Вот как пытаются его использовать: «На свет вытаскивается подпольный литератор, подпольный общественный деятель. Я, видимо, показался западным пропагандистам вполне подходящим для этого человеком. Сотворив вокруг меня ореол после моего возвращения из тюрьмы, они решили, вероятно за неимением лучшего, использовать меня в качестве одного из винтиков своей машины». Гинзбург отказывается от этой роли и заканчивает свое письмо: «Слава борца за западную гниль — слава прокажённого».

тая приговор суда несправедливым, а информацию о процессе недостаточной, Гинзбург решил составить сборник всех доступных ему материалов о процессе, с тем чтобы познакомить с ним представителей советской общественности и органов власти и, таким образом, добиться пересмотра дела.

Гинзбург начал работу над составлением сборника вскоре после суда, и к концу ноября 1966 года сборник был готов. Работая над ним, Гинзбург отнюдь не делал из этого тайны, и довольно большое число людей знало, что он делает и с какой именно целью. Сборник был напечатан на машинке в 5-ти экземплярах, один экземпляр Гинзбург сразу же передал в КГБ, а с остальными намеревался познакомить ряд депутатов Верховного Совета СССР*. Он сообщил об этом КГБ, чтобы не придавать распространению сборника конспиративный характер.

В декабре 1966 года Гинзбург был вызван в Управление КГБ по Москве и Московской области. Ему было предложено отказаться от своего сборника, прекратить всякое его распространение, принести в КГБ все экземпляры и сообщить, кто помогал ему при составлении. Гинзбург отказался выполнить эти требования, и ему заявили, что в таком случае он скоро будет арестован и осужден по ст. 190[1] УК РСФСР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй).

Процесс Синявского и Даниэля оказал также глубокое воздействие на другого осужденного по делу четырех — Юрия Галанскова.

Юрий Тимофеевич ГАЛАНСКОВ родился 19 июня 1939 года в Москве, в рабочей семье. Его отец, Тимофей Галансков, работал на заводе токарем, а мать, Екатерина Галанскова, — уборщицей. Галансков рос в трудных условиях, и с ранней юности ему пришлось самому зарабатывать на жизнь. Он работал электриком в различных театрах и одновременно учился в школе. Впоследствии он работал на административной работе в Станкостроительном техникуме, затем рабочим в Литературном музее. Испытывая

* Известно, что он успел познакомить с ним И. Эренбурга. Видел ли сборник кто-либо еще из депутатов или других государственных деятелей, неизвестно. Уже после ареста Гинзбурга, сборник, один экземпляр которого неизвестным путем попал за границу, был издан во Франции под названием «Белая книга».

интерес к вопросам истории и социологии, он два года проучился на историческом факультете Московского университета, но был исключен оттуда. Позднее, в 1965 году, он поступил на вечернее отделение Историко-архивного института, где учился до ареста.

Галансков писал стихи и в 1959-60 годах неоднократно выступал с их чтением на площади Маяковского, которая была в то время местом встречи молодых поэтов. Ни одно из его стихотворений не было опубликовано в Советском Союзе, но впоследствии многие из них несколько раз публиковались за рубежом. Однако он не чувствовал настоящего призвания к поэзии, по его словам, его всегда интересовала не художественная, а социальная сторона искусства. С каждым годом социальные проблемы занимали его все больше.

Как ему казалось, существует несоответствие между справедливым строем, декларированным основоположниками социализма, и тем, какой фактически существует в нашей стране. Он считал, что революции 1917 года, как всякой революции, присущи издержки, временные отклонения, но что долг каждого честного человека стремиться к постепенному возрождению истинных целей революции. То, что справедливыми идеями революции воспользовались потом для прикрытия террора и суровой эксплуатации, не дискредитировало, по его мнению, самих идей. Он считал, однако, что стремиться к их возрождению следует не насильственным, а мирным путем: путем самого широкого распространения своих взглядов. Причем, нужно протестовать не только против несправедливости в своей собственной стране, но и во всем мире. По его мнению, социалистическая и пацифистская пропаганда могла бы постепенно изменить облик всего мира, покончить с войнами, голодом и социальным неравенством. А если государством монополизированы все средства пропаганды, то следует действовать своими силами. С этой целью он выпустил в 1961 году машинописный сборник «Феникс». С тех пор его начали периодически принудительно помещать в психиатрические больницы. Хотя, как можно думать, первоначально он был совершенно здоров, постепенно это стало расшатывать его психику. Тем не менее он считал нужным продолжать свое дело. В 1965 году он устроил одиночную демонстрацию у посольства США в Москве, протестуя против американской

интервенции в Доминиканской республике. Тогда же он задумал издание пацифистского журнала или сборника под тем же названием «Феникс» и начал собирать для него материалы.

Однако суд над Синявским и Даниэлем изменил его планы. Потрясенный несправедливостью и суровостью приговора, Галансков решил придать своему сборнику несколько иной характер. Поскольку Синявского и Даниэля обвиняли в распространении их нецензурованных произведений, он решил сделать сборник, в который вошли бы произведения — литературные, религиозные и политические, — которые отказались издать официальные издательства или не разрешила цензура. Возможно, он думал о периодическом издании подобных сборников. Он составлял его в одиночку из материалов, имеющих хождение среди московской интеллигенции, причем действовал совершенно открыто и поставил под сборником «Феникс-66» свою подпись. Он включил в него также свое письмо М. Шолохову, в котором в очень резких выражениях осудил его за его позицию в деле Синявского и Даниэля. Сборник был окончательно готов в конце декабря 1966 года.

Поскольку ни Гинзбург, ни Галансков не делали секрета из своей работы, а Гинзбург даже отнес один из экземпляров своего сборника в КГБ, КГБ мог быть хорошо осведомлен о их деятельности*. Лица, заинтересованные в пресечении дальнейшего сбора материалов о политических процессах и распространения нецензурованной литературы видели, возможно, единственный выход в аресте Гинзбурга и Галанскова и суде над ними. Это как они могли надеяться, не дало бы Галанскову и Гинсбургу возможности распространить свои материалы, а также напугало бы других. Однако в памяти еще была свежа болезненная реакция советского и мирового общественного мнения на суд над людьми, осужденными за свои произведения. Поэтому заинтересованные в процессе лица решили создать видимость какого-то заговора и, таким образом, судить за одно, имея в виду совсем другое. Опять, как и процессом 1966 года,

* О том, что КГБ был осведомлен о подготовке «Феникса» говорит, в частности, такой факт: в ноябре 1966 г. двумя оперативными работниками, зашедшими к машинистке Лашковой, печатавшей «Феникс» было похищено несколько отпечатанных ею листов, пока она выходила в коридор на звонок. Оперативники зашли якобы для того, чтобы расспросить ее о недавно погибшем церковном писателе Марке Доброхотове.

советской интеллигенции хотели сказать: смотрите, вот что вас ожидает! — и в то же время разводить руками перед мировым общественным мнением: мы судим не писателей, а заговорщиков!

Для того чтобы придать такой характер процессу, во-первых, нужно было как-то соединить вместе раздельную работу Гинзбурга и Галанскова, доказав, что они составляли »Сборник материалов о процессе Синявского и Даниэля« и «Феникс-66» совместно. При этом могли сослаться на то, что они знакомы друг с другом около семи лет, последнее время работали в одном музее и учились в одном институте. Кроме того, как тому, так и другому часть материалов печатала одна и та же машинистка. Однако, даже если принять эти «доказательства» всерьез, совместного участия в составлении обоих сборников было еще мало для «антисоветского заговора».

Недостающим звеном здесь явился Алексей Добровольский. Во время суда и после него неоднократно высказывалось мнение, что якобы уже несколько лет Добровольский был провокатором КГБ, сначала специально подсаженным в психиатрическую больницу, где находился в заключении Буковский, а затем, за несколько месяцев до их ареста, устроенный на работу в Литературный музей, где работали Гинзбург и Галансков*. Он должен был сойтись с ними ближе, а затем на следствии и суде рассказать о их якобы антисоветской и заговорщической деятельности и о мнимых связях с зарубежными организациями. Однако нет веских оснований отстаивать эту точку зрения, скорее всего дело обстояло сложнее.

Алексей Александрович ДОБРОВОЛЬСКИЙ родился 13 октября 1938 года в Москве. Его отец умер, когда Добровольскому было два года, и он был воспитан матерью, Натальей Добровольской, по образованию авиационным инженером. Он был воспитан в преклонении перед существующими общественными устоями, перед властью, главным же

* Владимир Буковский находился в 1965 году в тюремной психиатрической больнице по обвинению в антисоветской деятельности: ему ставилось в вину изготовление фотокопии книги Милована Джиласа «Новый класс». Там он познакомился с Добровольским и дал о нем на волю хороший отзыв. В январе 1967 года Буковский явился одним из организаторов демонстрации с требованием освобождения незадолго перед тем арестованных Галанскова, Добровольского, Лашковой и Радзиевского, за что в том же году был осужден на три года лагерей общего режима.

образом перед личностью Сталина. Антисталинское выступление Хрущева на XX съезде КПСС и последовавшая затем кампания десталинизации глубоко потрясли его и вызвали первый конфликт с обществом: за просталинские высказывания он был исключен из комсомола. Будучи от природы психически неуравновешенным человеком, со столь часто присущей шизофреникам жаждой играть более значительную роль, чем позволяли его возможности, Добровольский тем более озлоблялся и тем более метался из одной крайности в другую, чем безжалостнее относилось к нему общество, в котором он жил. От крайне просталинских настроений он быстро перешел к крайне антисоветским, и в 1957 году был арестован за распространение листовок антисоветского содержания и осужден на 6 лет*. В лагере, по отзывам других заключенных, он держал себя независимо, не сотрудничал с лагерной администрацией, часто подвергался разного рода дисциплинарным взысканиям, но тем не менее был освобожден по истечении половины срока. Уже в лагере у него наблюдались признаки глубокого психического расстройства, которое в дальнейшем прогрессировало. Этому способствовали обстоятельства жизни Добровольского: еще дважды его арестовывали органы КГБ и вели следствие по обвинению в антисоветской агитации, один раз следствие было прекращено, второй — по решению суда он был заключен в тюремную психиатрическую больницу в Ленинграде. Он неоднократно подвергался медицинскому обследованию и принудительному лечению с обычным диагнозом «психопатия», последний раз в 1966 году. Он не имел возможности продолжать свое образование и занимался всякой случайной работой, которая мало его удовлетворяла; только в 1966 году он смог поступить на вечернее отделение Московского института культуры. Еще в юности его интересовали религиозные вопросы, и под влиянием житейских потрясений его рели-

* Здесь и далее составитель говорит об антисоветских настроениях Добровольского не на основании формулировок вынесенных ему в разное время приговоров, а на основании его собственных высказываний, сообщенных его друзьями после его выступлений на суде в январе 1968 года. Сам Добровольский на суде отрицал, что в настоящее время он придерживается антисоветских взглядов. Замечу также, что ввиду полной юридической неопределенности слова «антисоветский» составитель считает антисоветским такое деяние или высказывание, которое сам его автор считает антисоветским.

гиозность стала принимать все более фанатичный характер, во всяком случае внешне. Наряду с этим, по отзывам людей, его знавших, в его характере все резче начинали проступать мелкая расчетливость, жадность, скупость и чисто физиологическая хитрость.

Процесс Синявского и Даниэля оказал глубокое влияние и на него. Он увидел в нем лишнее доказательство правоты своих антисоветских настроений. Он познакомился в то время с Галансковым и пытался принять было участие в некоторых протестах общественности, но их легальный и демократический характер был ему глубоко чужд, он стремился к крайним действиям заговорщического характера. По-видимому, он предлагал нечто подобное Галанскову, и отказ Галанскова его глубоко задел и вызвал мстительное и раздражительное чувство. Заслуживает внимания вопрос, имел ли Добровольский связь с какой-либо антисоветской зарубежной организацией, в частности с НТС*. На это есть два косвенных указания: во-первых, у него при обыске был изъят ряд материалов, которые могли быть получены от НТС (изданая НТС литература, листовки, шапирограф и деньги); во-вторых, он заявлял своей знакомой, Вере

* НТС — Народно-трудовой союз (российских солидаристов) — организация политических эмигрантов из СССР, со штаб-квартирой во Франкфурте-на-Майне, ФРГ. Союз был организован в тридцатых годах в Белграде преимущественно вторым поколением эмиграции и назывался тогда Национально-трудовым союзом (молодого поколения). В отличие от большинства эмигрантских организаций, НТС стремился к активному проникновению в общественную жизнь СССР, занимая при этом антисоветские и антибольшевистские позиции. Как можно думать, НТС, во всяком случае в лице многих своих членов, во время войны сотрудничал с немцами, а после войны с американцами. После войны НТС пополнился новыми членами из числа так называемых перемещенных лиц, но сохранил свою антисоветскую ориентацию. В принятои им программе предусматривается свержение советского строя насильственным путем и установление строя, основанного на солидаристской философии. НТС по-прежнему стремиться активно повлиять на общественную жизнь в СССР путем издания и распространения разного рода книг, журналов и брошюр, а также путем установления личных контактов с советскими гражданами как за рубежом, так и в СССР. С этой целью используются поездки в СССР в качестве туристов сочувствующих НТС граждан других государств. НТС зачастую рассылает свои материалы лицам, с которыми у нее нет никакого контакта, заимствуя их адреса из разного рода справочных изданий, так что факт получения или хранения литературы НТС еще ни в коем случае не является доказательством связи с ним. Так же и многие эмиссары НТС могут знакомиться с теми или иными советскими гражданами, вовсе не заявляя о своей принадлежности к НТС, а просто подчеркивая свой интерес к советской общественной жизни или литературе.

Лашковой, что он может принять ее в НТС*. Некоторые из его друзей заявляли впоследствии, что они неоднократно видели у Добровольского доллары и слышали от него о намерении печатать в Москве листовки якобы от лица НТС, однако проверить правдивость этих заявлений сейчас не представляется возможным. Таким образом, хотя нет оснований с полной уверенностью утверждать, что Добровольский имел связь с НТС, все же такая связь не представляется невероятной, тем более, что она не противоречила взглядам Добровольского. В таком случае не представляется невероятным, что КГБ был осведомлен, более или менее полно, об этих связях с Галансковым и Гинзбургом. Осенью 1966 года Добровольский устроился переплетчиком в Литературный музей, где уже работали Галансков и Гинзбург. С Гинзбургом никаких отношений у него не было, ни разу он с ним не разговаривал и никогда не бывал у него дома. Напротив, с Галансковым он продолжал поддерживать отношения и дал согласие на помещение в «Фениксе» своей статьи «Взаимоотношения знания и веры» и распространяемого им анонимного произведения «Описание событий в Почаевской лавре», исходящего из религиозных кругов. Хотя, по его словам на суде, он относился с безразличием, будут ли помещены эти вещи в «Фениксе» или нет, все же теперь он мог быть сочтен косвенным участником деятельности Галанскова**.

Часть материалов для «Феникса» и «Сборника о процессе Синявского и Даниэля» печатала машинистка Вера Лашкова. Она оказалась четвертой, привлеченной к суду вместе с Галансковым, Гинзбургом и Добровольским. Часть материалов для «Феникса» печатали и другие машинистки,

---

* Сам Добровольский на суде объяснял это тем, что все материалы ему якобы дал на хранение Галансков, а с Лашковой он просто пошутил. Существует также версия, объясняющая наличие у Добровольского материалов НТС его предварительным сговором с КГБ (см. здесь стр. 22).

** Как выяснилось на следствии, между Добровольским и Галансковым могли быть также отношения денежного характера. Как показал Галансков, он получил от Добровольского 560 долларов, сначала для покупки пишущей машинки, а затем для их обмена на советские рубли. Добровольский это отрицал и в свою очередь утверждал, что обнаруженные у него 2000 советских рублей он получил от Галанскова. Хотя в настоящее время нет возможности проверить правдивость показаний того и другого, больше доверия, как кажется составителю, заслуживают показания Галанскова, учитывая лживость ряда показаний Добровольского и взятую им линию защиты.

одни из них были привлечены как свидетели, другие вообще не привлекались. Скорее всего, Лашкова была привлечена к делу потому, что печатала как для Гинзбурга, так и для Галанскова и тем самым могла служить связующим звеном между ними, а также потому, что она уже ранее была известна КГБ из-за своего знакомства с некоторыми молодыми поэтами. Впоследствии ей было предъявлено также обвинение, что она распространяла антисоветскую литературу, но то, что она дала двум лицам посмотреть изданные НТС книги, выяснилось, по-видимому, только в процессе следствия.

Вера Иосифовна ЛАШКОВА родилась 18 июня 1944 года в Москве. Ее отец, Иосиф Белогоров, по профессии железнодорожный служащий, и мать, Анна Лашкова, повар, разошлись, когда девочка была совсем маленькой. Сначала она жила вдвоем с матерью, а с 16-ти лет одна: мать уехала к мужу в Смоленск. Никто Лашковой не помогал, ей приходилось жить, расчитывая только на свои силы. После окончания школы она работала курьером, лаборанткой, уборщицей и машинисткой в разных учреждениях. В 1965 году поступила в Московский институт культуры на заочный режиссерский факультет.

Суд над Синявским и Даниэлем и вызванные им протесты общественности оказали на нее большое влияние. В конце 1965 года она познакомилась с Добровольским, а летом 1966 года с Галансковым, который позднее познакомил ее с Гинзбургом. Она увидела людей, которые, как ей казалось, руководствуются не корыстными мотивами и желанием как-то лучше устроиться в жизни, а в первую очередь идейными соображениями, если даже это и грозит им неприятностями. Видимо, поэтому, а также из интереса к самим материалам, она взялась перепечатывать ряд материалов по просьбе Добровольского, а затем для Галанскова и Гинзбурга. В свою очередь и Галансков, и Гинзбург хотели помочь Лашковой: Галансков дал ей свою машинку, благодаря чему она смогла зарабатывать деньги как машинистка-надомница, а Гинзбург, пока она печатала для него, все время приносил ей деньги и продукты. Таким образом, можно сказать, что Гинзбург оплачивал ее труд как машинистки, хотя у них не было специальной договоренности о какой-то определенной сумме. Все эти материалы, как по мнению Галанскова и Гинзбурга, так и по

мнению Лашковой, не носили антисоветского характера и не могли служить основанием для их совместного привлечения по одному делу. Оба предупреждали ее, чтобы она не делала секрета из своей работы и если какие-либо официальные органы заинтересуются, для кого она печатает, чтобы она говорила правду.

Итак, к январю 1967 года «Сборник материалов о процессе Синявского и Даниэля» был готов, и Гинзбург, передал один экземпляр КГБ, начал знакомить с остальными депутатов Верховного Совета СССР. Был также готов сборник «Феникс», и Галансков собирался познакомить с ним литературную общественность Москвы. Лица, заинтересованные в пресечении их деятельности, были поставлены перед выбором: либо допустить дальнейшее распространение этих сборников, либо сразу положить этому конец.

II

ДО СУДА

17 января 1967 года Вера Лашкова была остановлена у себя в институте лицами, предъявившими удостоверения сотрудников МООП. Они сообщили, что у нее на квартире произошел грабеж и необходимо поехать туда с ними. Однако они отвезли ее в приемную Управления КГБ по Москве и Московской области, где вскоре предъявили ей ордер на обыск и уже тогда поехали к ней домой для обыска. 18 января она была первый раз допрошена и перевезена в Лефортовскую тюрьму, но только 21 января КГБ удалось получить санкцию прокурора на ее арест.

В тот же день, 17 января, были проведены обыски у Галанскова (док. II-1), Гинзбурга (док. II-2)* и Добровольского. Галансков и Добровольский были задержаны 19 января, а Гинзбург 23-го. Санкции на арест всех троих были также получены только после задержания, когда все уже находились в Лефортовской тюрьме. Несколько ранее был задержан Радзиевский, с помощью которого Добровольский пытался размножить ряд рукописных материалов, но через несколько дней отпущен, после того как дал нужные КГБ показания. Всей операцией руководил, как можно полагать, генерал А. А. Скворцов, а следствие по делу вел майор В. И. Елисеев.

Дать сколько-нибудь подробное изложение обстоятельств предварительного следствия представляется сейчас невозможным. Известно, что вначале следствие было сосредоточено вокруг вопроса о листовках 4 декабря 1966 года и сборниках, составленных Гинзбургом и Галансковым, а также переплеталось со следствием по делу о демонстрации 22 января 1968 года, но примерно с февраля-марта наме-

* В скобках даются сноски на документы настоящего раздела. В него выделены все доступные составителю документы, относящиеся к следствию и реакция общественного мнения на следствие и предстоящий суд. Все документы даются в хронологическом порядке.

тилось определенное сотрудничество КГБ с Добровольским, впервые появилась версия о связях подследственных с НТС и все больший упор стал делаться на это. У Добровольского был произведен второй обыск, при котором был обнаружен ряд материалов НТС. То, что ничего подобного не было обнаружено при первом обыске, дало некоторым основание предполагать, что все эти вещи были специально подброшены КГБ с согласия Добровольского, но нельзя утверждать это со всей ответственностью.

Была проведена судебно-медицинская экспертиза Галанскова и Добровольского, состоявших на учете в психоневрологических диспансерах, которая признала обоих вменяемыми. Надо заметить, что выводы экспертизы, особенно в отношении Добровольского, не производят достаточно убедительного впечатления.

Однако именно показания Добровольского становились главной опорой обвинения. Добровольский проявил большую готовность к сотрудничеству со следствием, порой носящую несколько преувеличенный характер. Так, он писал заявления с просьбой разрешить ему выступить по радио и телевидению, чтобы рассказать все о преступной деятельности своей и других подследственных и предостеречь тем самым молодежь от неверных поступков, сообщал о существовании тайников, где якобы находятся необнаруженные экземпляры «Белой книги» и «Феникса», в результате чего, например, сотрудниками КГБ был перерыт сквер возле дома Гинзбурга, давал показания о существующем якобы широком «антисоветском фронте», начиная от академиков и кончая молодыми поэтами, писал из психиатрического института, где находился на экспертизе, записки Галанскову, с тем чтобы побудить его дать нужные КГБ показания, и т. д. Галансков начал давать такие показания, возможно, из желания облегчить судьбу Добровольского, взяв на себя его вину, однако, познакомившись с показаниями Добровольского, отказался от своих показаний. Все же следователю, шантажируя Галанскова длительностью следствия и суровостью наказания, удалось принудить его вновь признать свои фальшивые показания, и он окончательно отказался от них только перед самым судом. Кроме того, летом, в процессе следствия над группой валютчиков, выяснилось, что Галансков продал одному из них доллары через Ентина и Борисову, и к обвинению Галанскова прибавился новый

пункт. Тогда же у Галанскова был сделан второй обыск и составлена опись имущества (док. II-10 и II-11). Также Лашкова подтвердила, что она видела доллары у Галанскова и истолковала в нужном следствию духе несколько эпизодов с участием Галанскова, например, как она писала под его диктовку шифрованное письмо. Один Гинзбург отказывался давать нужные КГБ показания, кроме того, у КГБ не было никаких улик против него, хотя он и намечался как центральная фигура процесса. В сентябре у него был сделан еще один обыск, не давший никаких результатов (док. II-12).

В ходе следствия было опрошено около 50-ти свидетелей. У многих свидетелей были сделаны обыски, изъяты пишущие машинки и машинописные и печатные материалы.

21 сентября следствие было закончено, и к 12 октября обвиняемые ознакомились со всеми материалами дела (в общей сложности дело насчитывало 19 томов). Всем было предъявлено обвинение по ст. 70 ч. I УК РСФСР, а Галанскову также по ст. 88 ч. I УК РСФСР. Все обвиняемые взяли защитников: Галансков — Д. И. Каминскую, Гинзбург — Б. А. Золотухина, Добровольский — В. Я. Швейского, Лашкова — С. Л. Арию. Дело было передано в Московский городской суд и назначено к слушанию на 11 декабря. К тому времени срок нахождения заключенных под стражей превышал максимально разрешенный законом на полтора с лишним месяца. Однако и 11 декабря суд не начался. Можно полагать, что это было сделано по конъюнктурным соображениям: следствие не было уверено в силе своих аргументов и в качестве последнего козыря ждало приезда из-за границы какого-либо эмиссара НТС, о чем заранее могло быть известно органам КГБ. Наконец, суд был назначен на 8 января 1968 года. Быть может, чтобы оправдать столь длительный срок предварительного заключения, было издано специальное постановление Президиума Верховного Совета РСФСР — но это только предложение.

Поскольку в глазах общественного мнения это дело было связано с процессом Синявского и Даниэля, оно с самого начала получило довольно широкую огласку. Первой общественной реакцией на аресты была демонстрация 22 января 1967 года на Пушкинской площади в Москве с требованием освобождения Галанскова, Добровольского, Лашковой и Радзиевского. В демонстрации приняло участие около 40-ка

человек, 5 были задержаны и 4 предстали перед судом и были осуждены на сроки от 1 до 3-х лет*.

Когда только стало известно, что составлен сборник по делу Синявского и Даниэля, некоторые иностранные корреспонденты в Москве захотели встретиться с его составителем. Слухи об арестах и демонстрация усилили этот интерес. 24 января должна была состояться встреча Александра Гинзбурга и Ольги Тимофеевой, жены арестованного Галанскова, с корреспондентами. Однако накануне вечером Гинзбург был задержан, и Ольга Тимофеева встретилась с корреспондентами одна и сообщила об аресте Галанскова и Гинзбурга и о причинах этого. Таким образом, советская и мировая общественность была информирована о начале дела.

С самого начала было ясно, что советская общественность не останется безучастной к этому делу. О демонстрации 22 января было сказано выше. 11 февраля академик А. Д. Сахаров обратился в ЦК КПСС с просьбой о прекращении дела Гинзбурга и Галанскова, однако никакого ответа не получил**. 16 марта в «Фигаро литтерер» (Париж) появилось интервью с писателем Ю. Казаковым, котоый дал крайне отрицательную характеристику Гинзбургу. Правда, впоследствии Казаков заявил, что он спутал Гинзбурга с другим

---

* В. Хаустов и В. Буковский — на 3 года, Е. Кушев и В. Делоне — на 1 год условно каждый, все по ст. 190[3] УК РСФСР. И. Габай несколько месяцев провел в Лефортовской тюрьме, и следствие по его делу было прекращено. См. об этом Дело о демонстрации 22. 1. 1967, под редакцией П. Литвинова, Лондон, 1968.

** Вот что пишет об этом А. Д. Сахаров в своей брошюре «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», датированной июнем 1968 года: «Разве не позор арест и 12-месячное заключение без суда и осуждение на 5 и 7 лет Гинзбурга, Галанскова и других за деятельность, реальное содержание которой была защита гражданских свобод и персональное (отчасти в качестве примера) Даниэля и Синявского. Автор этих строк 11 февраля 1967 года обратился в ЦК КПСС с просьбой о прекращении дела Гинзбурга и Галанскова. Однако он не получил никакого ответа на свое обращение, никаких разъяснений по существу дела. Лишь много позднее ему стало известно, что была предпринята (по-видимому, по инициативе бывшего председателя КГБ Семичастного) попытка оклеветать его и ряд других лиц при помощи инспирированных ложных показаний одного из обвиняемых по делу Галанскова-Гинзбурга (впоследствии показания именно этого обвиняемого — Добровольского — были использованы обвинением на процессе Гинзбурга-Галанскова для доказательства связи этих обвиняемых с зарубежной антисоветской организацией, что вызывает невольные сомнения)».

человеком (док. II-9). В конце февраля мать Гинзбурга направила руководителям партии и государства письмо, где писала о незаконности ареста ее сына и тяжелых условиях предварительного заключения. Ответа по существу на поставленные вопросы она не получила. В ноябре она обратилась с новым письмом, в котором указывала на ряд нарушений закона во время следствия. Никакого ответа по существу также не последовало (док. II-3, II-4, II-5, II-6, II-7, II-8, II-13, II-14 и II-15).

С приближением даты суда возникло опасение, что суд устроят фактически закрытым, как это было, например, с судом над Синявским и Даниэлем или с судом над демонстрантами. Тревогу вызывали также уже имевшие место нарушения законности (длительность сроков содержания под стражей, нарушение установленных сроков передачи дела в суд и рассмотрения в суде). Поэтому 30 ноября группа 116-ти граждан обратилась с письмом к Генеральному прокурору СССР и Председателю Московского городского суда с просьбой обеспечить гласность судопроизводства и допустить на суд друзей подсудимых (док. II-16). Ввиду того, что на письмо не последовало ответа, а суд ожидался 11 декабря, за несколько дней до этого группа 42-х граждан, в основном из числа подписавших предыдущее письмо, вновь обратилась в те же инстанции с просьбой устранить нарушения законности и обеспечить гласность суда. Наконец, в начале января 1968 года, группа 31 граждан обратилась в Московский городской суд, указывая на незаконность, по их мнению, ареста Гинзбурга и требуя гласности суда над ними (док. II-17 и II-18).

Никакого ответа не последовало, но быть может, именно эти протесты, а также информация зарубежного радио о предстоящем суде побудили лиц, заинтересованных в процессе, не проводить суд незаметно, как это было, например, с судом над демонстрантами, а привлечь к нему внимание общественности, сделав упор на якобы существовавшую связь между подсудимыми и НТС. 3 января в «Известиях» появилась маленькая заметка об аресте эмиссара НТС Брокса Соколова, 9-го, на второй день суда, — большая статья об НТС и Броксе Соколове, 10-го он появился на процессе в качестве свидетеля, а 16-го «Известия», в рас-

чете на уже подготовленного читателя, прямо писали о связях подсудимых с НТС*.

В этих условиях начался и проходил суд.

* Поскольку дело Брокса Соколова имеет лишь косвенное отношение к делу Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой и интересно лишь с точки зрения пропагандистских методов КГБ, все материалы о нем выделены в специальное приложение (см. стр. 541-550).

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

Протокол обыска

Гор. Москва 17 января 1967 г.

Следователь следственного отдела Управления КГБ при СМ СССР по гор. Москве и Московской области капитан Седов и сотрудники того же управления капитан Кустов, ст. лейтенанты Васюкин, Балакирев и Карамас, с участием понятых Тищенко Александра Семеновича, прож. г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 43, корп. Б, кв. 60, Лозенко Виктора Васильевича, прож. г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 39, Сурнева Виктора Ивановича, прож. ул. Профсоюзная, д. 43, корп. Б, кв. 39, Чамарья Сергея Петровича, прож. ул. Кедрова, д. 3, корп. 6, кв. 24*, в присутствии Галанскова Юрия Тимофеевича, его жены Тимофеевой Ольги Валентиновны и его матери Галансковой Екатерины Алексеевны с соблюдением требований ст. 169-171 и 176-177 УПК РСФСР, на основании постановления следственного отдела УКГБ при СМ СССР по г. Москве и Московской области от 17 января 1967 г. по поручению ст. следователя майора т. Елисеева произвели обыск в квартире Галанскова Ю. Т., по адресу: г. Москва, 3-й Голутвинский пер., дом 7/9, кв. 4.

Вышеперечисленным лицам разъяснено их право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявления по поводу тех или иных его действий. Понятым, кроме того, разъяснена на основании ст. 135 УПК РСФСР их обязанность удостоверять факт, содержание и результаты обыска.

Обыск начат в 13.40 часов, окончен в 18.30 час.

Перед началом обыска Галанскову Ю. Т. было предложено добровольно выдать указанные в постановлении на

* Можно полагать, что понятые также были сотрудниками КГБ, поскольку они приняли активное участие в обыске, вдобавок проживают в домах КГБ.

обыск рукописные, машинописные и другие документы антисоветского содержания. Галансков Юрий Тимофеевич заявил, что никаких документов у него нет.

Затем был произведен обыск в квартире Галанскова Ю. Т. и в дровяном сарае семьи Галансковых.

При обыске обнаружено и изъято:

1. Книга под названием «Ваша устойчивая конституция», на русском языке, отпечатанная в ФРГ в мае 1963 года, на 153 листах, в темносиней обложке*.

2. Машинописный текст в двух экземплярах, начинающийся словами «Открытое письмо» и заканчивающийся словами «Письмо подписали» — каждый экз. на 10 листах.

3. Машинописный текст на 10 листах под названием «Взаимоотношения знания и веры. Апологетический опыт Алексея Добровольского».

4. Машинописный текст на 6 листах, начинающийся словами «Г. Померанц. Дискуссионное выступление в Институте философии». На последней странице стоит дата: «3 декабря 1965 г.».

5. Машинописный текст на 9 листах белой бумаги, начинающийся словами «Открытое письмо в Президиум ЦК КПСС». На последней странице стоит подпись «А. Левитин (Краснов). 28 июля 1965 г.».

6. Сброшюрованные листы машинописного текста, в желтом переплете, всего 46 листов, текст начинается словами: «Культура, истина, Россия. Русское слово». На последнем листе на машинке отпечатано: «Редактор Хохлов»**.

7. Машинописный текст на 9 листах белой бумаги, текст начинается словами «В комиссию Верховного Совета СССР» и заканчивается словами «Сбор подписей под петицией продолжается».

8. Машинописный текст на 71 листе белой бумаги, начинающийся словами «Преамбула. Статья I» и заканчивается словами «Является тягчайшим преступлением»***.

9. Машинописный текст (сборник) под названием «Феникс» на 379 листах. На первой странице отпечатано: «Под редакцией Ю. Галанскова, Москва, 1966 г.». На последней

---

* Книга о конституции США.

** Машинописный журнал «Русское слово», издававшийся В. Хохловым.

*** Пункты 7 и 8 — проект новой Конституции СССР, составленный группой советских граждан, и их обращение в Верховный Совет СССР.

странице отпечатано содержание сборника «Феникс» с указанием нумерации листов с №1 до № 376.

10. Визитная карточка Японского посольства, на которой записан адрес: «Грузинский пер., дом 3, кв. 236»*.

11. Листок белой думаги, на котором имеется запись карандашом, начинающаяся словами «Короткие волны» и заканчивающаяся словами «Св. Европа — 40».

12. 4 листа белой бумаги с круглой печатью Московского вечернего станкостроительного техникума.

13. Чистые бланки Московского вечернего станкостроительного техникума на 11 листах, из них три бланка с печатью того же техникума.

14. Справки Московского вечернего станкостроительного техникума с круглой печатью этого же техникума, одна из справок заполнена на имя Галанскова Юрия Тимофеевича от 1. 12. 1965 г.**.

15. Два бланка философского факультета МГУ с угловыми штампами***.

16. Малокалиберные патроны в 4-х пачках, всего 154 штук****.

17. Рукописные тексты на 18 листах.

18. Три листа чистой белой бумаги, взятых из пачки бумаги для пишущих машинок фабрики «Коммунар», арт. 76, размер листа 203 х 208 мм.

19. Один лист черного и один лист красного цвета копировальной бумаги.

20. Чистые листы белой бумаги различных сортов — 56 листов.

21. Машинописный текст на листах белой бумаги — всего 411 листов.

22. Фотокопии машинописного текста на фотобумаге разм. 17 х 12 см.

23. Записная книжка в темносинем дерматиновом переплете.

---

* Визитная карточка сотрудника японского посольства Минору Тамба.

** Пункты 12-14. Галансков работал в этом техникуме секретарем до поступления в Литературный музей.

***Галансков поступал учиться на этот факультет Московского университета.

**** Патроны отца Ю. Галанскова, охотника.

24. Записная книжка в коленкоровом переплете темно-зеленого цвета с листами нотной бумаги.

25. Фотокопии машинописного текста на 112 листах фотобумаги размером 12 х 18 см.

Предметы и тексты, перечисленные в настоящем протоколе с пункта № 17 по пункт №25 включительно, опечатаны сургучной печатью № 8.

26. Металлическая коробка прямоугольной формы, размером 30 х 22 х 10 см без крышки.

27. Поллитровая бутылка с застывшим красителем черного цвета.

28. Кусок застывшего вещества белого цвета, завернутый в хлорвиниловую пленку.

29. Кусок краски темнокрасного цвета.

30. Пипетка (стеклянная), измазанная красителем.

31. Валик, изготовленный из большого гвоздя и двух резиновых трубок, со следами красителя, длиной 26 см.

32. Кусок резиновой трубки черного цвета, длиной 12 см.

33. Изогнутая полая медная трубка.

34. Кусок вещества черного цвета.

35. Металлическая пластинка длиной 17 см.

36. Пятнадцать металлических пластин из тяжелого белого металла разной формы, с нанесенным на них по ребру типографским шрифтом*.

37. Металлическая коробка серого цвета, с металлической пробочкой, с жидкостью (обнаружена в письменном столе).

Предметы, перечисленные с № 26 по № 36 включительно, обнаружены в деревянном сундуке, который стоит в сарае во дворе.

Изъятые предметы, перечисленные с № 26 по № 36, упакованы в сверток и опечатаны сургучной печатью следователя № 3. Во время обыска сделано три снимка изъятых предметов.

Заявления или замечания по поводу обыска от лиц, участвующих в обыске и присутствующих при нем: Галансков Ю. Т. заявил, что характер изъятых у него текстов не соответствует содержанию постановления на обыск.

* Пункты 26-36. Вещи отца Ю. Галанскова, который ранее работал в типографии и принес их домой для хозяйственных нужд. Так, металлические пластины он использовал как грузила для рыбной ловли.

Протокол оглашен следователем, записан правильно.

Подпись лица, у которого производился обыск

Галансков, Тимофеева, Галанскова

Подпись лиц, участвувавших в обыске:

Понятые Тищенко, Лозенко, Сурнев, Чамарья

Следователь Седов, Кустов, Васюкин, Балакирев, Карамас

Копию протокола обыска получил

Галансков*

№ 2

Протокол обыска

Гор. Москва 17 января 1967 г.

Ст. следователь следственного отдела УКГБ при СМ СССР по г. Москве и Московской области капитан Смелов и сотрудники того же управления ст. л-т Забалуев, л-т Барышев, Гуганов, Семашкин и эксперт Хоринов с участием понятых: Кирятиной Анны Федоровны и Денисова Кузьмы Сергеевича, проживающих по адресу: г. Москва, ул. Б. Полянка, д. 11/14, кв. 25, и в присутствии Гинзбург Людмилы Ильиничны, с соблюдением требований ст. ст. 169-171, 176 и 177 УПК РСФСР произвел обыск в квартире № 25 дома № 11/14 по ул. Большая Полянка у Гинзбурга Александра Ильича с целью отыскания и изъятия антисоветских рукописей и литературы, а также других предметов, имеющих значение для дела.

Вышеперечисленным лицам разъяснено их право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявления по поводу тех или иных его действий. Понятым, кроме того, разъяснена на основании ст. 135 УПК РСФСР их обязанность удостоверять факт, содержание и результаты обыска.

Обыск начат в 13 час. 30 мин., окончен в 20 час. 15 мин.

Перед началом обыска следователем было предъявлено постановление об этом от 17 января 1967 года, после чего Гинзбург Л. И. (мать Гинзбурга А. И.) было предложено выдать указанные в постановлении рукописи и литературу, на что Гинзбург Л. И. заявила, что она о таких документах

* Протокол на 6-ти страницах, каждая из которых подписана.

ничего не знает. В 14.00 в квартиру возвратился Гинзбург Александр Ильич, который также был ознакомлен с постановлением на обыск, после чего заявил, что рукописей и литературы антисоветского характера у него нет.

При обыске обнаружено и изъято для доставления в УКГБ по г. Москве и МО:

1. Стандартный лист белой бумаги с записями: «Москва М-461, Херсон. д. 4, кв. 38, авт. 101 до Херсонская 1, АВ 9-31-30 (34), 481, Ковенадский, АД 1-14-54».

2. Стихотворный текст на листе белой нелинованной бумаги, адресован А. Агину, начинается со слов: «О, душа, не улетай из тела...» — заканчивается: «Прямо в звезды поднимает нас».

3. Тот же, что и в п. 2, стихотворный текст под названием «Плебейский романс».

4. Машинописный стихотворный текст на 6 листах, сброшюрованный. Сверху на первом листе от руки красными чернилами написано: «Оставшись летом в Москве, подражаю китайским авторам (поэма в 30 четверостишиях)». Машинописный текст заканчивается словами: «Старый хранитель с седой головой спит, прикорнувши на книгах».

5. «Антология советской патологии» — стихотворный машинописный сборник «Ленинград СхС 1962», на тридцати листах. На последней странице: «Объединенное издательство «Капа» и «Бэта».

6. Машинописный текст на листе белой нелинованной бумаги, начинающийся словами: «В политбюро ЦК КПСС, в Президиум Верховного Совета СССР, Сессии Верховного Совета РСФСР, Сессии Верховного Совета СССР. Уважаемые товарищи! Мы, группа советских граждан, считаем своим долгом...» — и заканчиваются: «...может стать препятствием к осуществлению свобод, гарантированных Конституцией СССР»*.

7. Машинописный сборник «Феникс» под редакцией Ю. Галанскова, Москва, 1966 год, на 379 (трехстах семидесяти девяти) листах в картонном переплете. Содержание сборника: «Можете начинать» (редакционная статья); А. Синявский «Что такое социалистический реализм?»; В. Вельский «Откровение Виктора Вельского»; Ю. Галансков «Открытое письмо»; «Стенографическая запись обсуждения

* Протест группы советских граждан против включения в Уголовный кодекс РСФСР ст. ст. 190^1 и 190^3.

дела Пастернака на собрании писателей Москвы»; А. Синявский «В защиту пирамиды»; «Протест творческой интеллигенции»; «Обсуждение 3-го тома «Истории КПСС» в ИМЛ при ЦК КПСС с участием старых большевиков»; Е. С. Варга «Российский путь перехода к социализму»; письмо Н. Бухарина; Карагужин «Два рассказа»; О. Мандельштам «Два письма»; Э. Генри «Открытое письмо писателю Эренбургу»; «Вопросы, заданные писателю Э. Генри на лекции о неофашизме в МГУ»; Г. Померанц «Дискуссионное выступление в Институте философии»; Ю. Галансков «Организационные проблемы движения за полное и всеобщее разоружение и мир во всем мире»; Померанц «Квадрильон»; «Взаимоотношение знания и веры, апологетический опыт А. Добровольского»; «Описание событий в Почаевской лавре в наши дни»; «стихи молодых»; некролог.

8. 29 (двадцать девять) листов белой нелинованной бумаги с машинописными текстами. На 1-м: «Цитаты восстановить не удалось...» На 2-м текст начинается со слов: «За все время у меня был только Володька Маргулис...» и заканчивается: «И так далее в обычном духе». На 4-м: «Писатель Аркадий Васильев...» и заканчивается: «Вот что показало такое сравнение». На 5-й: «В Одессе блатные...» и заканчивается: «Один советский писатель». На 6-й: «См. цитату-сноску к стр.». На 7-й: «Меня сбили с ног...» и заканчивается: «Света, вы понимаете?» На 9-й: «Цитаты восстановить не удалось». На 10-й: «Приказано нам было» и заканчивается: «То же самое еще раз». На 11-й: «Иду; а сам в мечтах...» и заканчивается: «Советскую республику порушит». На 12-й: «Цитаты восстановить не удалось». На 13-й: «См. сноску-цитату на стр.» На 14-й то же самое. На 15-й: «Цитаты из рукописи «Точка отечества невосстановимы». На 16-й: «См. цитату-сноску к стр.» На 17-й: «Известно же человеческий зародыш...» и заканчивается: «Париж, 1961». На 18-й: «Что вы смеетесь» и заканчивается: «Которыми оперировал суд...» На 19-й: «Это и не классицизм...» и заканчивается: «Смысл нашей жизни...» На 20-й: «Ленин слишком похож...» и заканчивается: «Чтобы стать богом бессмертия...» На 21-й: «Он свесился через перила...» и заканчивается: «Больного воображения...» На 22-й: «Пьянство — наш коренной...» и заканчивается: «Вашингтон, 1965». На 24-й: «Сыщик Виталий Кочетов...» и заканчивается: «Нашей изумленной публикой...» На

25-й: «Давайте совместными усилиями...» и заканчивается: «Кровоточащей гиперболой...» На 26-й: «Чтобы навсегда исчезали...» и заканчивается: «Всеми нечистотами мира». На 27-й: «Если призовут меня...» и заканчивается: «Но я невиновен...» На 28-й: «Ныне же я возлагаю...» и заканчивается: «Абсурда и фантазии...» На 29-й: «Кабы нам годик...» и заканчивается: «Борьбы и достижений»*.

9. Записная книжка в сером картонном переплете, на первой странице запись: «Б 8-77-34, Гинзбург Алик», на последней: «Екатерина Ник. Д 1-17-72».

10. Машинописный текст на листах белой нелинованной бумаги: «Анна Ахматова. Листы из дневника» на 8 (восьми) листах. Текст начинается со слов: «И смерть Лозинского...» Заканчивается: «Фонтанный двор, 1937».

11. Литературный альманах № 1, июль 1961 года, Москва; машинописные тексты на 49 (сорока девяти) листах.

12. Литературный альманах № 2, июнь 1962 г., Москва, машинописные тексты на 60 (шестидесяти) листах.

13. Машинописный сборник «Русское слово, новое издание, № 2-3 (91-92), август-сентябрь 1966, клуб Рылеева, Москва» на 46 (сорока шести) листах, на последнем из них указано: «редактор Хохлов».

14. Роман В. Набокова «Приглашение на казнь», издание парижское на русском языке, 218 стр.

15. Машинописный текст на листе белой бумаги «Песня фракционера Молотова», начинается со слов: «Антипартийный был я человек...» и заканчивается: «...айда опохмелимся».

16. Машинописный текст на листе белой бумаги «Свадебная лесбийская», начинается со слов: «Пусть на вахте...» и заканчивается: «...Белову люблю».

17. Машинописный текст на листе белой бумаги, начинающийся со слов: «Смотрю на небо...» и заканчивается: «...воистину воскрес».

18. Машинописный текст на листе белой бумаги «Песня свободы», начинается со слов: «Птицы не летали...» и заканчивается: «Моих холодных губ».

19. Машинописный текст на 4 (четырех) листах под названием «Человеческий манифест», начинается со слов:

* Список цитат из книг Синявского и Даниэля, цитировавшихся на суде.

«Все чаще и чаще...» и заканчивающийся: «... На мраморе тела крест»*.

20. Машинописный текст на 8 (восьми) листах. На первом текст: «Александр Гинзбург. Трагикомедия. Горячие пирожки». Текст заканчивается: «Выкрики разносчицы под закрывающийся занавес. 22-23. 5. 64»**.

21. Машинописный текст на 6 листах: «Г. Сапгир. Псалмы Давида. 1-й псалом, 55-й и 101-й».

22. Лист бумаги с записью: «В 7-40-67, Юрий Алексеевич».

23. Четыре листа бумаги в клетку с рукописными текстами. На первом текст начинается со слов: «А Тито оказался...» и заканчивается: «Любовь свою крутишь». На втором соответственно: «Советская пасхальная» и «Рукавичкой вы мне по губам». На третьем: «Песня свободы» и «Под плащом яркожелтой березы». На четвертом: «То дождь, то снег» и «Обострение классовой борьбы».

24. Блокнот в коричневом картонном переплете, 47 листов, бумага в клетку, с рукописными записями. На первой странице текст начинается со слов: «Душа моя парила», на последней странице карандашная запись: «Лазаретный, 4, кв. 19, Гольштейн Г.».

25. 102 (сто два) листа черной копировальной бумаги с машинописными текстами. Копировка находилась в картонной коробке вместе со стандартными листами белой нелинованной бумаги. Копировальная бумага уложена в конверт и опечатана сургучной печатью (гербовой).

26. 30 (тридцать) листов белой нелинованной бумаги стандартного размера, находившиеся в той же коробке, что и копировка. Опечатаны в конверте вместе с копировальной бумагой (п. 25).

27. Машинописный текст: «Виктор Мамонов. Обыкновенные праздники. Издательство Алхимия, Ленинград-Москва, 1962», на 27 листах.

28. Отснятые фотопленки типа ФЭД и обработанные 25 (двадцать пять) штук, 7 фотопленок ФЭД необработанных и одна кассета с пленкой «Киев-Вега». Все указанные фотопленки уложены в три конверта и опечатаны сургучной печатью (гербовой).

29. Магнитофонные пленки на кассетах, всего 27 (двадцать

* Поэма Ю. Галанскова «Человеческий манифест» (1961).
** Комедия Виктора Калугина «Горячие пирожки», по-видимому с дарственной надписью А. Гинзбургу.

семь) штук, из них в кассетах на 250 м — 19 (девятнадцать), в кассетах на 180 м — 6 (шесть) и в кассетах на 100 м — 2 (две). Все пленки упакованы в мешок и опечатаны тербовой сургучной печатью*.

В 15 ч. 20 м. в квартиру Гинзбурга А. И. пришли его друзья: Литвинов Павел Михайлович, 1940 г. рожд., прож. Москва, Фрунзенская наб., дом 50, кв. 106, и Некрасова Татьяна Михайловна, 1938 года рождения, прож. Москва, Подсосенский пер., д. 18, кв. 6, которые были задержаны в квартире до окончания обыска. У Некрасовой было проверено содержимое имевшегося при ней портфеля, изъято ничего не было.

По окончании обыска в 20 ч. 30 м. к Гинзбургу А. И. пришла Жолковская Ирина Сергеевна, 1937 г. рождения, прож. Москва, 4-я Тверская-Ямская, дом 10, кв. 2.

Помимо занимаемой Гинзбургом в настоящее время комнаты, обыск был произведен также в двух принадлежащих ему комнатах, где идет ремонт, в сарае, а также в коридоре квартиры, где находятся вещи Гинзбурга.

Со стороны Гинзбург Л. И. поступило заявление, что указанные в п. 9 и п. 22 записная книжка и запись телефона на листе бумаги принадлежат ей.

Каких-либо других заявлений и замечаний не поступило.

Протокол следователем прочитан. Записано все правильно.

Понятые: Денисов, Кирягина

Присутствовавшие: А. Гинзбург, Л. Гинзбург.

Следователь: Смелов

Сотрудники: Забалуев, Барышев, Гуганов, Семашкин, Хоринов

Копию протокола получил.

А. Гинзбург**

---

* Пункты 15-18, 23 и 29 — записанный на бумагу и на магнитную ленту современный лагерный и городской фольклор, который собирал А. Гинзбург.

** Протокол на 12-ти страницах, каждая из которых подписана.

№ 3

Первому секретарю ЦК КПСС тов. Брежневу Л. И.
Председателю Совета Министров СССР тов. Косыгину А. Н.
Председателю Президиума Верховного Совета СССР тов. Подгорному Н. В.

Генеральному прокурору СССР тов. Руденко
Председателю Комитета Государственной Безопастности при Совете Министров СССР тов. Семичастному
Первому секретарю Московского городского комитета КПСС тов. Егорычеву

В редакцию газеты «Известия»
В редакцию газеты «Правда»
В редакцию «Литературной газеты»

23 января 1967 года органы КГБ арестовали моего сына Гинзбурга Александра Ильича. Мне до сих пор не сообщили, в чем состоит предъявленное ему обвинение. Но в постановлении об аресте сказано, что против него возбуждено дело по ст. 70 УК РСФСР.

В конце 1966 года сына вызывали в КГБ для беседы по поводу его заявления и собранных им материалов судебного процесса над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем.

Во время «беседы» от него требовали, чтобы он сказал, кто помогал ему собрать эти материалы, кому и с какой целью он их показывал. Угрожали, что за этот поступок его будут судить, если только он не »исправит» его (уговаривали: «Пожалейте вашу мать»). И вот угрозы КГБ реализованы — мой сын арестован.

Таким образом, очевидно, что Александр Гинзбург обвиняется по ст. 70 УК (об ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду) за то, что он составил сборник материалов открытого судебного процесса, представив этот сборник в Верховный Суд СССР* и в КГБ в надежде на пересмотр дела, которое он считал несправедливым. В этих действиях нет ничего преступного, он поступил так, как должен поступать каждый честный и принципиальный человек, обладающий гражданской совестью. Он откровенно заявил о своем несогласии с осуждением двух писателей,

* Л. И. Гинзбург ошибается. А. Гинзбург не передавал свой сборник в Верховный Суд СССР, он передал его некоторым депутатам Верховного Совета СССР и в КГБ.

сделал свои заявления доказательными, подкрепив их документами. Несогласие с тем или иным решением судебных органов не свидетельствует об антисоветских настроениях; любое заявление о личном несогласии не является противозаконным; сами же собранные моим сыном сведения об открытом судебном процессе не могут быть антисоветскими.

Невозможно поверить, что несогласие с тем или иным действием судебных органов, открыто выраженное, считается у нас преступлением. Я убеждена, что обвинение моего сына противозаконно, что это чья-то ошибка. Но еще более противозаконно его заключение в тюрьму во время следствия. Арест до суда является крайне жестокой мерой, он должен применяться в виде исключения к опасным для людей преступникам: бандитам, убийцам, насильникам или к тем, кто пытается скрыться от правосудия. Александр Гинзбург — не бандит, не убийца, он не пытался скрыться, а наоборот, собрав материалы процесса, отправил свое имя и адрес. До самого дня ареста он работал, учился; когда его вызывали в КГБ для «беседы» — явился в нужное время. Арест его не оправдан ни малейшей необходимостью, он противозаконен и античеловечен. Это наказание, примененное до суда, до того, как доказана его вина перед законом, это жестокая мера психического и физического воздействия на человека. Содержание обвиняемого в тюрьме (не обоснованное какими-либо исключительными обстоятельствами) не помогает, а мешает настоящему правосудию, как и любые другие меры физического воздействия.

Я считаю нужным поставить также вопрос о содержании подследственных в тюрьме. Ведь это еще не осужденные — а их заранее подвергают не только изоляции; но и ряду ограничений. Передачи очень ограничены: раз в два месяца можно передать не более 5-ти кг продуктов. Каков бы ни был тюремный паек для людей, находящихся под следствием, нет никаких оснований лишать их тех продуктов, которые им могут передать родные или которые они сами хотели бы купить на переданные им деньги (в следственном изоляторе разрешено покупать продукты только на 10 рублей в месяц). Ограничено не только количество продуктов, но и их состав: не принимают, например, масло; сахару можно передать не более 0,5 мг — это на два-то месяца. Такой режим в следственном изоляторе достаточно тяжел для здорового человека, а если подследственный нездоров,

то самый режим тогда служит способом физического воздействия на обвиняемого.

В течение всего срока следствия арестованные лишены не только свиданий с родными, но даже и переписки. Пусть бы письма просматривались следователем; ведь полная изоляция от родных — тоже очень жестокая мера морального воздействия, которая может даже разрушить психику человека. И все это по отношению к людям, которые, может быть, ни в чем не виноваты и будут освобождены до суда или по постановлению суда!

Режим содержания подследственных в следственном изоляторе КГБ* не может быть признан гуманным, не соответствует духу нашего правосудия и поэтому должен быть отменен.

Я прошу немедленно освободить моего сына Александра Гинзбурга из тюрьмы. Прошу также сообщить мне, кто дал санкцию на его арест и какими мотивами при этом руководствовались. Прошу также сообщить мне, в чем состоит суть обвинения, предъявленного моему сыну, и разъяснить, какие именно его действия органы КГБ считают преступными.

Л. И. Гинзбург

Москва Ж-180,
Большая Полянка, д. 11/14, кв. 25
25 февраля 1967 года

№ 4

ПРИЕМНАЯ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Гинзбург Л. И.

Ваше заявление 3 марта 1967 направлено на рассмотрение в прокуратуру СССР (г. Москва) с просьбой уведомить Вас о принятом решении.

Приемная. В. Семеров

4. 3. 1967

* Следственный изолятор КГБ — Лефортовская тюрьма.

№ 5

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
Москва-центр, Пушкинская, 15-а

Гинзбург Л. И

Ваше заявление, поступившее в Прокуратуру СССР, направлено 3. 3. 1967 г. за № 13/3-2403-60 в прокуратуру гор. Москвы с предложением сообщить Вам о результатах.

Прокурор отдела по надзору за следствием
в органах госбезопастности
советник юстиции

4. 3. 1967 (подпись неразборчива)

№ 6

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

—

ПРОКУРАТУРА г. МОСКВЫ
№ 07-10
6. 3. 1967 г.
Новокузнецкая ул., 27

Гр. Гинзбург Л. И.
Москва Ж-180, Б. Полянка,
д. 11/14, кв. 25

Сообщаю, что Ваше заявление Прокуратурой гор. Москвы рассмотрено, оснований для изменения меры пресечения — содержание под стражей — ГИНЗБУРГУ А. И. в настоящее время нет. Одновременно разъясняю, что он был арестован с санкции прокурора.

Зам. прокурора гор. Москвы
старший советник юстиции

Павлов

№ 7

Тов. Гинзбург!

Копию Вашего письма, экземпляры которого направили во многие организации, получили. Конкретно затронутый в письме вопрос может быть решен по-существу этими организациями.

Отдел писем «Правды»

Кочмаров

№ 38616/0
13 марта 1967

№ 8

Гр-ке Гинзбург Л. И.
Москва Ж-180, Б. Полянка,
д. 11/14, кв. 25

Ваше заявление, поступившее из ЦК КПСС, рассмотрено. Сообщаю, что в отношении Вашего сына Гинзбурга А. И. возбуждено дело обоснованно и ведется следствие.

Прокурор отдела по надзору за следствием
в органах госбезопасности
старший советник юстиции

Похлёбин

№ 9

Беседа Ги ле Клек с Казаковым

— У вас существует подпольная литература, почему?

— По большой части, это еще не принятые в печать стихи, — отвечает Казаков. — Они нелегальны, но по большей части они в конце концов оказываются опубликованными. Например, Евтушенко написал «Наследники Сталина»; никто не решался их напечатать, но передавали их из-под полы. Евтушенко был обеспокоен теми искажениями, которые воспоследовали в результате. Он написал Хрущеву, послал ему подлинный текст стихов, и Хрущев опубликовал их в «Правде». Но существуют, кроме того, очень молодые люди — не старше двадцати, считающие, что Паустовский, Ахматова ничего не стоят (Казаков употребляет более резкое выражение), что публикация произведения есть знак

его посредственности, произведение гениальное не может и не должно появиться в печати. Так считает Гинзбург, главный редактор обозрения «Синтаксис». Он так же отвратителен душою, как отвратителен внешне (от омерзения Казаков начинает заикаться). Это продолжается вот уже десять лет. Я встречаю их в Ленинграде, в клубе писателей, где они пьянствуют за счет женщин, млеющих от восторга перед тем, чего они не написали. Труд писателя нелегок и серьезен. Если у вас есть, что сказать, отказ опубликовать не должен вас смущать. В конце концов новому всегда открывается путь. «Подпольные» крайне немногочисленны. Они так же далеки от литературы, как далеки от живописи мазилки с улицы Тертр.

— Даниэль и Синявский действовали подпольно, но ведь они настоящие писатели, не так ли?

— У меня нет о них никаких новых подробностей. Мне неприятно говорить о них. Я не присутствовал на процессе. Я подписал письмо, в котором просил вернуть им свободу и место в обществе, поскольку они признают свои ошибки. Я вместе со своими товарищами брал на себя поручительство за их дальнейшее поведение. Но нужно помнить, что они писали книги разного рода — одни для русского народа, другие, предназначенные быть переправленными за границу. Это самое гнусное, что может делать писатель. Пастернак, Ахматова, когда у них были трудности «наверху», замолкали, но не вступали в противоречие со своими убеждениями. Даниэль и Синявский — чемоданы с двойным дном. Так или иначе, с них было бы довольно общественного осуждения, своего рода трибунала, где бы мы им сказали всю правду-матку.

(«Фигаро литерер», 16 марта 1967, перевод с французского)

№ 10

Протокол обыска (выемки)

Гор. Москва 21 июня 1967

Обыск начат в 1 час 40 мин.
" окончен в 10 час. 50 мин.

Оперуполномоченный Следственного управления УООП Мосгорисполкома по Ленинградскому р-ну Сумеров на осно-

вании постановления следственного отдела УООП Мосгорисполкома по Ленинградскому р-ну от 5 июля 1967 г. о производстве обыска (выемки) у гр-на Галанскова Юрия Тимофеевича, проживающего по 3-му Голутвинскому пер., дом 7/9, кв. 4 в присутствии приглашенных в качестве понятых 1. Коротков Михаил Константинович, Москва В-485, село Коньково, д. 65; 2. Важенов Вячеслав Михайлович, Варсонофьевский пер., 4, кв. 20*; предъявил требование о выдаче валютных ценностей.

При обыске было изъято:

№№ п/п

1. Записная книжка малого формата в коричневом переплете с записями адресов и телефонов.
2. Восемь листов, вырванных из записной книжки, 8 x 12 см, с записями «Беседа с Ги ле Клек» и др.
3. Два листа бумаги с машинописным текстом «Беседа с Ги ле Клек» и речь «Солоухина»**.
4. Лист белой бумаги 9 x 12 см с записью: «Королев Юрий Павлович, Москва И-328, Бескудниковский бульвар, д. 5, корпус 1, кв. 53».

Перечисленные предметы в количестве 4-х наименований изъяты в Ленинградский РОМ.

Жалобы и заявления при обыске: не поступало.

Подписи: Обыскиваемого

Антонова, сестра***

Понятых

1. Коротков
2. Важенов

Должностное лицо, производившее обыск

Сумеров

Копию протокола обыска получил

Антонова

---

* Проживает в ведомственном доме КГБ.

** Имеется в виду интервью с Солоухиным в том же номере «Фигаро Литерер».

*** Так как отец Ю. Т. Галанскова, Т. С. Галансков, неграмотный, за него подписывалась сестра.

№ 11

Протокол
(описи имущества, на которое наложен арест)

Гор. Москва, 21 июля 1967 г.

Следователь Следственного управления УООП Мосгорисполкома по Ленинградскому р-ну оперуполномоченный Сумеров на основании постановления от 5 июля 1967 г. по уголовному делу № 29394* в целях обеспечения гражданского иска или возможной конфискации с соблюдением требований ст. 175 и 176 УПК РСФСР, в присутствии понятых:

1. Коротков Михаил Константинович, Москва В-489, село Коньково;
2. Важенов Вячеслав Михайлович, Варсонофьевский пер., 4, кв. 20;

произвел опись имущества, принадлежащего Галанскову Юрию Тимофеевичу и находящегося в квартире № 4 дома № 7/9 по пер. 3-му Голутвинскому.

№№ п/п	Наименование вещей	Количество	Отметка об особых качествах предметов и оценки
1.	Телевизор «Рекорд» № А-1575262 Б	1	150 руб.

Заявления лиц, присутствовавших при описи имущества: гр. Галансков Т. С. заявил, что телевизор «Рекорд» принадлежит ему.

Владелец имущества
Антонова, сестра
Представитель Ленинградского УООП
Сумеров
Понятые
Коротков, Важенов
Следователь

Копию описи и все вышеуказанное имущество принял и обязуюсь хранить в целости.

Об ответственности за растрату, отчуждение или сокрытие описанного имущества по ст. 185 УК РСФСР предупрежден.
Антонова

---

* Дело группы московских и ленинградских валютчиков.

№ 12

Протокол обыска

Гор. Москва 5 сентября 1967

Ст. следователь следотдела Управления КГБ при СМ СССР по гор. Москве и Московской области майор Елисеев с участием понятых: Наумова Евгения Алексеевича, прож. Библиотечная ул., дом 23, кв. 28, Климович Станислава Феликсовича, прож. Ленинский пр-кт, дом 99, корп. 122, кв. 89, в присутствии Гинзбург Людмилы Ильничны с соблюдением требований ст.ст. 169-171 и 176-177 УПК РСФСР, на основании постановления УКГБ при СМ СССР по городе Москве и Московской области 4 сентября 1967 г., произвел обыск в квартире 25 дома 11/14 по ул. Б. Полянка.

Вышеперечисленным лицам разъяснено их право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявления по поводу тех или иных его действий. Понятым, кроме того, разъяснена на основании ст. 135 УПК РСФСР их обязанность удостоверять факт, содержание и результат обыска.

Обыск начат в 13 часов, окончен в 17 час.

Перед началом обыска Гинзбург Л. И. было предложено добровольно выдать указанные в постановлении на обыск предметы. Гинзбург Л. И. достала из серванта военный билет № 0730158 на имя Гинзбурга Александра Ильича и передала его следователю, заявив, что других личных документов сына она не имеет.

Затем был произведен обыск в местах общего пользования квартиры № 25, в сарае, принадлежащем Гинзбург, и двух комнатах, занимаемых Гинзбург Л. И.

При обыске обнаружено и изъято: ничего не обнаружено и не изъято. Для доставления в УКГБ взят военный билет на имя Гинзбурга Александра Ильича, переданный Гинзбург Л. И. до обыска.

Во время обыска в квартиру Гинзбург Л. И. зашли Марченко Анатолий Тихонович, 1938 года рождения, прожив. г. Александров, ул. Новинская, дом 25, и Богораз-Брухман Лариса Иосифовна, прожив. Ленинский пр-кт, дом 85, кв. 3. Они находились в квартире до окончания обыска.

В обыске принимали участие сотрудники УКГБ Рязанцев, Стеблев, Куликов.

Замечаний и заявлений от участников обыска не поступало.

Протокол прочтен следователем. Записано правильно.

Понятые:

Наумов, Климович

Хозяйка квартиры:

Гинзбург

Обыск произвели:

Елисеев, Рязанцев, Стеблев, Куликов

№ 13

Председателю Совета Министров СССР тов. Косыгину А. Н.
Председателю Президиума Верховного Совета СССР тов. Подгорному
Генеральному прокурору СССР тов. Руденко

Мой сын Александр Ильич Гинзбург в 1966 году составил сборник материалов по делу Синявского и Даниэля и передал его в правительственные инстанции, считая, что это дело должно быть пересмотрено. Как мне стало известно, этот сборник содержит опубликованные материалы и письма в официальные инстанции, с максимальной полнотой отражающие самые разнообразные позиции по этому вопросу.

23 января 1967 г. мой сын был арестован органами КГБ. Ему предъявлено обвинение по 70 статье УК РСФСР — той же статье, по которой осуждены Синявский и Даниэль.

Уже больше десяти месяцев он находится под арестом, хотя по закону содержание в тюрьме до суда допускается не свыше девяти месяцев.

С момента передачи дела из прокуратуры в суд до самого судебного процесса должно пройти не более двадцати восьми дней. Дело Гинзбурга передано из прокуратуры 26 октября, с тех пор прошел месяц, а дело не только не слушалось, но, как мне сообщают, еще не поступало в суд. Таким образом, содержание моего сына в тюрьме без суда недопустимо затягивается.

Эти серьезнейшие нарушения законов — и другие нарушения, о которых я писала в моем первом письме еще в феврале 1967 г., — очень меня беспокоят. Я боюсь, что и в дальнейшем, в ходе судебного разбирательства, тоже

могут быть нарушены законы, и это повлияет на судьбу моего сына.

На первое письмо, отправленное в девять инстанций, я не получила ни одного ответа. Прошу рассмотреть это мое письмо и ответить на него по существу.

Москва Ж-180 Л. И. Гинзбург
Большая Полянка, д. 11/14, кв. 25
25 ноября 1967 года

№ 14

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
Москва-центр, Пушкинская, 15-а

Гинзбург Л. И.

Ваше заявление от 26. 11. 67 по делу Гинзбурга А. И. направлено 30. 11. 1967 г. за № 13/3-1425-63 в Московский городской суд, куда дело передано для рассмотрения по существу, куда Вам и следует обращаться*.

Прокурор отдела по надзору за следствием
в органах госбезопасности
советник юстиции
2. 12. 67 (подпись неразборчива)

№ 15

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
Москва-центр, Пушкинская, 15-а

Гинзбург Л. И.

Ваше заявление от 26. 11. 67, поступившее в Прокуратуру СССР из Президиума Верховного Совета СССР, направлено 15. 12. 1967 г. за № 13/1425-63 прокурору гр. Москвы с предложением сообщить Вам о результатах**.

Прокурор отдела по надзору за следствием
в органах госбезопасности
советник юстиции
16. 12. 67 (подпись неразборчива)

* 11 декабря 1967 г., когда, как сообщили защите, должно было начаться слушание дела, Л. И. Гинзбург обратилась в Московский городской суд, но получила устный ответ из канцелярии, что дело в суд даже не поступало. То же самое подтвердил и заместитель председателя Мосгорсуда Л. Миронов. После этого Л. И. Гинзбург получила новый ответ из Прокуратуры СССР (см. док. II-15).
** Никакого ответа от прокурора г. Москвы не поступило, видимо, потому, что 8 января 1968 года начался суд.

№ 16

Генеральному прокурору СССР
Председателю Верховного Суда РСФСР
Председателю Московского городского суда
Главному редактору газеты «Известия»
Копии: Адвокату Арии С. Л.
Адвокату Каминской Д. И.
Адвокату Золотухину Б. А.*

Нам известно, что в ближайшее время состоится суд над гражданами Гинзбургом, Галансковым, Добровольским и Лашковой, арестованными в январе 1967 года.

Мы хотим присутствовать на этом процессе, так как информация в печати о предыдущих интересовавших нас процессах либо была неудовлетворительной (дело Синявского и Даниэля), либо вовсе отсутствовала.

На такие процессы в зал пропускали по особым спискам и пропускам. Остальных желающих, в том числе друзей, а иногда и родственников подсудимых не пускали, ссылаясь на отсутствие мест в зале. Таким образом, формально открытый процесс превращался в закрытый, и гласность судопроизводства, гарантированная Конституцией, фактически нарушалась.

Мы настаиваем на своем праве присутствовать на предстоящем процессе и просим обеспечить свободный доступ в зал и достаточное для этого помещение.

Г. Авруцкий
А. Александрова
Л. М. Алексеева
Ю. Апресян
Н. Архиев
К. Бабицкий
Т. Баева
И. Белогородская
М. Берзина
Л. Богораз
И. Буймистр
М. Бурас
В. Бутко
Е. Вайсберг
В. Виноградов
Т. Виноградова
Ю. Вишневская
А. Вольпин
А. Всесвятская
Г. Габай
Ю. Гастев
С. Генкин
Ю. Герчук
Е. Гилерова
Е. Гинзбург
Г. Гладкова
И. Голомшток
Р. Гольдин
Н. Горбаневская
М. Грабарь
П. Григоренко
С. Гурвич
А. Даниэль
З. Дзебоева
Г. Дипцева
Р. Добрушин
М. Домшлак
Н. Евграфов
А. Епифанов
Б. В. Ефимов
Л. Зиман
М. Злобина
Л. Зубакова
А. Иванов
З. Каганов

* Добровольский еще не взял к этому времени адвоката, В. Я. Швейского.

И. Каминапова
А. Каплан
М. Каплан
Л. Касаткин
Л. Кац
Ю. Ким
В. Корнилов
И. Корхова
А. Костерин
Г. Кравцова
И. Кристи
В. Лебедев
Ю. Левин
А. Левитин
Н. Лисовская
П. Литвинов
Т. Литвинова
С. Мар-Акулин
А. Т. Марченко
Т. Маслова
Мельников
И. Мельчук
В. Меникер
В. А. Михайлов
Е. Михина
А. Монастырский
В. Немухин
А. Никольская
В. Никольский
С. Писарев
С. Потапова
М. Пузиков
А. Пэк
О. Рабин
Л. Рубинштейн
И. Рудаков
А. Русанов
В. Савенкова
Н. Садомская
Т. Свирепова
Свиридова
В. А. Сергеев
Е. Соловьева
Б. Сухотин
Л. Танюк
Ю. Телесин
В. Тельников
В. Тимачев
А. Топешкина
М. Тульчинский
М. Улановская
Н. Устинова
М. Харитонов
А. Храбровицкий
Т. Хромова
С. Чирков
А. Шайкевич
В. Шевчук
Б. Шлифштейн
Б. Шрагин
А. Штельмах
А. Шустер
В. Щеглов
В. Эйдельман
Г. Эйдельман
Ю. Юхновец
Е. Якир
И. Якир
П. Якир
С. Л. Якир
А. Якобсон

№ 17

Генеральному прокурору СССР
Председателю Верховного Суда РСФСР
Председателю Московского городского суда
Главному редактору газеты «Известия»
Копии: Адвокату Ария С. Л.
Адвокату Каминской Д. И.
Адвокату Золотухину Б. А.

З а я в л е н и е

Многие из нас обращались к вам с письмом, в котором подписавшиеся настаивали на своем праве присутствовать на предстоящем судебном процессе по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой. При этом предполагалось, что процесс будет объявлен открытым.

Уже после того, как это письмо было вам направлено, стали появляться слухи о том, что процесс будет закрытым.

До начала процесса осталось всего несколько дней, и уже некогда проверять обоснованность этих слухов. Если они неверны — тем лучше. Но гражданский долг — требовать соблюдения законов о гласности судопроизводства (статья 111 Конституции СССР и статья 18 УПК РСФСР) — побуждает нас теперь обратиться с этим заявлением.

Насколько нам известно, подсудимые обвиняются по статье 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда), а Ю. Галансков, кроме того, по статье 88 УК РСФСР (нарушение правил о валютных операциях). Ни одна из этих статей Уголовного кодекса не говорит о таких вопросах, которые связаны с государственными тайнами или определенными бытовыми мотивами, дающими законные основания к закрытию судебных заседаний. Систематическое рассмотрение дел по этим статьям при закрытых дверях имело место в прошлом, но эта система представляла собой проявление беззакония. К счастью, в последнее время эти дела стали рассматриваться при открытых дверях — и любые слухи о возможности возврата к этому мрачному явлению прошлого вызывают естественное беспокойство граждан. Принципиальное значение гласности судопроизводства состоит в том, что гласность лежит в основе всех остальных судебных гарантий, а потому мы не можем относиться терпимо даже к отдельным нарушениям принципа гласности. Если в предстоящем процессе могут возникнуть исключительные обстоятельства, оправдывающие закрытое рассмотрение отдельных вопросов, уважение к принципу гласности требует, чтобы все остальные вопросы рассматривались в открытых заседаниях и чтобы весь процесс был организован так, чтобы публика имела возможность присутствовать на нем.

Кроме того, нам известно, что в ведении дела Галанскова, Гинзбурга и др. имеются некоторые вызывающие тревогу обстоятельства. Обвиняемые арестованы в январе, следствие растянулось на максимально возможный срок содержания под стражей (девять месяцев). А после того, как 26 октября дело было передано в Мосгорсуд, были нарушены установленные законом сроки начала разбирательства (статьи 221 и 239 УПК РСФСР), обвиняемые же при этом не были освобождены из-под стражи, хотя нет видимых оснований опасаться с их стороны попыток скрыться от правосудия.

Ввиду беспокойства, естественно возникающего в связи с

этими обстоятельствами, мы особенно настаиваем на точном соблюдении законов о гласности в ходе предстоящего процесса, требуем, чтобы этот процесс происходил публично, в соответсвии с законом, и просим обеспечить свободный доступ публике на все открытые заседания.

Л. Алексеева
Т. Баева
Л. Богораз
А. Болтрукевич
А. Вольпин
А. Всесвятская
Г. Габай
И. Габай
Ю. Гастев
С. Генкин
Е. Гилерова
Г. Гладкова
Н. Горбаневская
Р. Добрушин
А. Даниэль
Т. Козавчинская
М. Каплан
Л. Кац
Ю. Ким
С. Кадзасов
А. Кохов
В. Лебедев
Н. Лисовская
П. Литвинов
А. Марченко
В. Пономарев
М. Постников
И. Рапп
В. Сквирский
В. Савенкова
Ю. Сапронов
Е. Соловьева
В. Тельников
В. Тимачев
А. Топешкина
Н. Устинова
М. Харитонов
А. Штельмах
В. Эйдельман
Г. Эйдельман
И. Якир
П. Якир

8 декабря 1967,
Москва

№ 18

В Московский городской суд
Копии: А. Н. Косыгину
Л. И. Брежневу
Н. В. Подгорному
Адвокату Б. А. Золотухину

Согласно распространяющимся по Москве слухам, в ближайшие дни Московский городской суд начнет слушать дело А. Гинзбурга.

Многие обстоятельства, связанные с делом А. Гинзбурга, арестованного около года назад, не могут не вызвать тревоги общественности: небывалая длительность годичного предварительного заключения перед судом, отсутствие в нашей печати каких бы то ни было известий о причинах ареста Гинзбурга и столь длительного расследования.

Те из нас, кто знает А. Гинзбурга лично, не сомневаются в его честности и порядочности. Его основные интересы лежали в области культуры, политической деятельностью как таковой он не занимался, и составление им сборника доку-

ментов (включавшего статьи из нашей печати и другие официальные документы) о глубоко взволновавшем нашу общественность деле осуждения писателей Синявского и Даниэля не может быть достаточным поводом для ареста и суда. Это не может способствовать оздоровлению атмосферы общества, которое еще недавно было свидетелем массовой реабилитации тех, кто был осужден по ложным обвинениям.

Сложившиеся ненормальные обстоятельства вынуждают нас просить Московский городской суд отнестись с особой внимательностью к делу А. Гинзбурга, обеспечить абсолютную гласность разбирательства, беспристрастность подбора свидетелей и широкое освещение суда в печати.

В. Аксенов, член СП СССР
Б. Ахмадулина, член СП СССР
А. Бабаев, член СП СССР, кандидат филологических наук
Б. Биргер, художник, член СХ СССР
К. Богатырев, член СП СССР
В. Вейсберг, художник, член СХ СССР
И. М. Гельфанд, член-кореспондент АН СССР
Ю. Глазов, кандидат филологических наук
Е. Голышева, член СП СССР
Е. Грин, редактор
А. Добрович, врач
М. Занд, сотрудник Института народов Азии АН СССР
В. Иванов, зав. сектором Института славяноведения АН СССР
М. Иванов, член СХ СССР
Ф. А. Искандер, член СП СССР
Л. Келдыш, профессор, доктор физ.-мат. наук
Э. Ляхович, переводчик
П. Новиков, действительный член АН СССР
Н. Оттен, член СП СССР
Л. Пинский, член СП СССР
А. М. Пятигорский, кандидат филологических наук
И. Ревзин, доктор филологических наук
Розенфельд, профессор, доктор биологических наук
К. Рудницкий, член СП СССР
Д М. Сегал, сотрудник Института славяноведения АН СССР

Е. Семека, кандидат исторических наук
Н. Столярова, член Литфонда
Т. Цивьян, кандидат филологических наук
И. Р. Шафаревич, член-корреспондент АН СССР
Ю. Эдлис, член СП СССР
А. Яглом, профессор, доктор физ.-мат. наук.

(Январь 1968,
Москва)

III

СУД

ЗАСЕДАНИЕ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО СУДА

в составе председательствующего Миронова Л. К.,
народных заседателей Дудникова С. Г. и Чижовой Г. В.,
при секретаре Фомичевой А. И., с участием прокурора
Терехова Г. А. и защитников Золотухина Б. А.,
Каминской Д. И., Арии С. Л. и Швейского В. Я.
8-12 января 1968 года

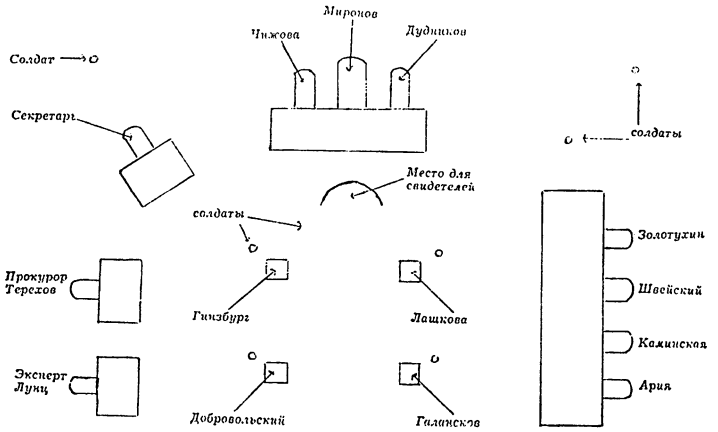
Дать полную стенографическую запись судебного заседания, к сожалению, не представляется возможным. Во время заседаний не делалось официальной магнитной записи, а также не велось официальной стенограммы. Единственным официальным документом является протокол судебного заседания, который вел секретарь суда и в котором дается лишь общий порядок и изложение всех выступлений. По обычной процедуре, такой протокол затем просматривается всеми участниками судебного заседания, которые вносят свои замечания и поправки. В данном случае суд отказался принять все замечания адвокатов на ошибки протокола. Но и в таком несовершенном виде протокол не был нигде опубликован, также с ним нельзя познакомиться и в канцелярии суда.

Настоящая запись основана: а) на стенографических записях, сделанных во время процесса некоторыми из присутствующих в зале лиц; б) на рассказах некоторых из присутствующих в зале, сразу же по окончании судебного заседания записанных на магнитофон; в) на тщательном опросе большинства свидетелей вскоре после дачи ими показаний на суде или на их собственноручной записи своих показаний. Все эти данные были сопоставлены друг с другом, тщательно проверены и уточнены. Везде, где дается прямая речь участников процесса, она основывается на стенографической записи (в ряде случаев параллельно сделанной несколькими лицами), там, где стенографическую запись сделать не удалось или же стенограммы были изъя-

ты при выходе из зала, выступления и реплики даются в изложении, приговор дается по тексту официально заверенной копии. Почти везде опущены некоторые процессуальные моменты, что специально оговаривается в подстрочных примечаниях.

8 января

Судебное заседание было назначено на 10 часов утра. В 9.30 в пустой зал ввели и посадили на четыре отдельно стоящих стула Гинзбурга, затем Лашкову, Галанскова и последним Добровольского. Около каждого стал солдат. Поворачивать голову и разговаривать друг с другом было запрещено. Минут через пятнадцать в зал начали пускать публику. Потом вошли адвокаты и каждый подошел к своему подзащитному: Каминская — к Галанскову, Золотухин — к Гинзбургу, Швейский — к Добровольскому, Ария — к Лашковой. Около десяти вошли вместе прокурор Терехов и судебно-медицинский эксперт Лунц, следом за ними секретарь. Секретарь, прокурор и эксперт заняли места справа от судейского места, защитники слева. Ровно в 10 распорядитель провозгласил: «Встать, суд идет!» Все встали. Первым вошел народный заседатель Дудников, за ним председательствующий в судебном заседании судья Миронов, за ним народный заседатель Чижова.

Зал на 150—200 человек

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА (далее везде СУДЬЯ). Прошу садиться. Заседание судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда объявляю открытым. Слушается уголовное дело № 266 по обвинению Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой по статье 70 часть I Уголовного Кодекса РСФСР, а Галанскова также по статье 88 часть I УК РСФСР.

СЕКРЕТАРЬ докладывает о явке в суд прокурора, подсудимых, защитников и эксперта.

СУДЬЯ. Галансков, встаньте. (Галансков встает). Галансков Юрий Тимофеевич, 19 июня 1939 года рождения. Правильно я назвал Вашу фамилию, имя и отчество?

ГАЛАНСКОВ. Да, правильно.

СУДЬЯ. Русский, гражданин СССР, уроженец г. Москвы, беспартийный, со средним образованием, женат, ранее не судим, до ареста работал рабочим Государственного литературного музея, проживал в г. Москве, 3-й Голутвинский переулок, дом 7/9, кв. 4. Все верно?

ГАЛАНСКОВ. Да.

СУДЬЯ. Получили ли вы обвинительное заключение, не вспомните ли, когда?

ГАЛАНСКОВ. Да, получил. 29 октября.

СУДЬЯ. Можете садиться. (Гинзбургу.) Гинзбург, встаньте. (Гинзбург встает.) Гинзбург Александр Ильич, 21 ноября 1936 года рождения. Правильно ли я назвал вашу фамилию, имя и отчество?

ГИНЗБУРГ. Правильно.

СУДЬЯ. Еврей, гражданин СССР, уроженец г. Москвы, беспартийный, со средним образованием, холостой, ранее не судимый*, до ареста работал разнорабочим Государственного литературного музея, проживал в г. Москве, Большая Полянка, дом 11/14, кв. 25. Все верно?

ГИНЗБУРГ. Верно.

СУДЬЯ. Получили ли вы обвинительное заключение, не вспомните ли, когда?

ГИНЗБУРГ. Получил. 29 октября.

СУДЬЯ. Можете садиться. (Добровольскому.) Добровольский, встаньте. (Добровольский встает.) Добровольский Алексей Александрович, 13 октября 1939 года рождения. Правильно ли я назвал вашу фамилию, имя и отчество?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, правильно.

СУДЬЯ. Руский, гражданин СССР, уроженец г. Москвы, беспартийный, со средним образованием, женат, имеет ребенка, ранее не судимый*, до ареста работал переплетчиком Государственного литературного музея, проживал в городе Москве, Каланчевская ул., дом 4, кв. 16. Все верно?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

СУДЬЯ. Получили ли вы обвинительное заключение. не вспомните ли, когда?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, получил. 29 октября.

СУДЬЯ. Садитесь. (Лашковой.) Лашкова, встаньте. (Лашкова встает.) Лашкова Вера Иосифовна, 18 июня 1944 года рождения. Правильно ли я назвал вашу фамилию, имя и отчество?

ЛАШКОВА. Да, правильно.

СУДЬЯ. Русская, гражданка СССР, беспартийная, ранее не судимая, со средним образованием, не замужняя, до ареста работала лаборанткой подготовительного факультета МГУ, проживала в Москве, Кропоткинская ул., дом 13, кв. 9. Все верно?

ЛАШКОВА. Да.

СУДЬЯ. Получили ли вы обвинительное заключение, не вспомните ли, когда?

ЛАШКОВА. 29 октября.

СУДЬЯ разрешает Лашковой садиться и объявляет состав суда; сообщает, кто является государственным обвинителем, защитниками, экспертом, секретарем. Далее разъясняет подсудимым и другим участникам судебного разбирательства их право заявить отвод составу суда или кому-либо из судей, прокурору, секретарю или эксперту**, а также право подсудимых приносить жалобы на действия прокурора и суда. Затем сообщает, что подсудимые и их защитники имеют права заявлять ходатайства, если они у них имеются.

ГИНЗБУРГ ходатайствует о допущении в зал заседаний

* Поскольку по советскому законодательству по истечении установленного срока судимость снимается, Гинзбург и Добровольский за давностью отбытия наказания считаются несудимыми. Фактически же прежние судимости всегда учитываются судом вне зависимости от срока давности.

** По статье 59 УПК РСФСР отвод может быть дан в том случае, если имеются «обстоятельства, дающие основание считать, что судья (прокурор, эксперт и т. д. — прим. составителя) лично, прямо или косвенно, заинтересован в этом деле».

его невесты Ирины Жолковской, «единственного близкого мне человека, который может присутствовать сейчас в зале суда»*.

ЗОЛОТУХИН поддерживает ходатайство своего подзащитного.

КАМИНСКАЯ ходатайствует о допущении в зал заседания родственников Галанскова: его мать, отца, жену и сестру.

СУДЬЯ (коменданту). Пустите их и посадите**.

ГАЛАНСКОВ. У меня есть ходатайство. Я хотел бы подробнее узнать, кто такие народные заседатели, где работают, участвовали ли ранее в судебных заседаниях. Я прошу их рассказать о себе.

СУДЬЯ (посовещавшись с заседателями). Народные заседатели — рабочие и служащие г. Москвы, ранее в судебных заседаниях участвовали.

ГАЛАНСКОВ. Этого мало, я прошу рассказать подробнее.

СУДЬЯ. Галансков, я же вам сказал, что это рабочие и служащие г. Москвы. Этого достаточно. Можете садиться. (Галансков садится.) Суд приступает к чтению обвинительного заключения. (Зачитывает обвинительное заключение.)

Обвинительное заключение
по делу Гинзбурга А. И., Галанскова Ю. Т., Добровольского А. А. и Лашковой В. И.

10 и 16 января 1967 года в приемную КГБ гражданами Головановым и Цветковым были сданы материалы: «Письмо Брежневу»*** и «Открытое письмо Шолохову» которое содержало измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Проведенным предварительным расследованием было установлено, что письмо, подписанное Ю. Галансковым, написано им и размножено на пишущей

---

* Гинзбург имеет в виду, что его мать пока не может быть допущена, поскольку она вызвана в качестве свидетеля.

** Были допущены примерно к началу чтения обвинительного заключения. Мать Добровольского находилась в зале с самого начала.

*** Имеется в виду Письмо в ЦК КПСС 25-ти представителей советской интеллигенции, направленное против реабилитации сталинизма, и «Открытое письмо» Галанскова Шолохову по поводу суда над Синявским и Даниэлем, которые были помещены в «Фениксе».

машинке при помощи Лашковой в декабре 1966 года. Кроме того, в своем заявлении в КГБ граждане Голованов и Цветков писали, что получили эти материалы для размножения на множительном аппарате, но, ознакомившись с их содержанием, решили сдать эти материалы в приемную КГБ.

В октябре 1966 года некоторые западные радиостанции и газеты сообщили о появлении на Западе сборника, содержавшего материалы процесса Синявского и Даниэля. Сообщалось, что составителем сборника является Александр Гинзбург. Журнал «Грани» № 62 поместил часть материалов этого сборника, который в сообщениях западных радиостанций был назван как «Белая книга». «Белая книга» появившись на Западе, вызвала шум. Ей посвящена передача радио «Свобода» от 10 декабря 1966 года. Вначале «Белая книга» нелегально распространялась в СССР, потом один экземпляр ее попал на Запад. В сборник были включены два антисоветских документа, порочащих советский государственный и общественный строй, а именно: листовка, подписанная «Сопротивление», и «Письмо старому другу».

Следствием, проведенным в 1961 и 1964 годах, было установлено, что *А. Гинзбург* имел антисоветские взгляды, хранил у себя на квартире литературу враждебного нашей стране и строю содержания. В материалах предварительного следствия, проведенного в 1964 году, имеются показания Гинзбурга, которые подтверждают это*.

В 1960 году А. Гинзбург составил журнал под названием «Синтаксис», который содержал в себе литературные материалы, в которых с неправильных позиций оценивались некоторые события внутренней и внешней жизни нашей страны.

А. Гинзбург в то время неоднократно встречался с иностранцами, поддерживал с ними дружеские отношения. На Американской выставке в парке «Сокольники» он познакомился с двумя американскими гражданами — Секлочем и Мидом, от одного из которых получил впоследствии книгу Джиласа «Новый класс» и другую литературу враждебного советскому строю содержания.

А. Гинзбург осудил свое поведение, и тогда следствие сочло возможным прекратить дело и, таким образом, дало возможность исправиться. Но Гинзбург продолжал вести свою антисоветскую деятельность. В 1966 году им был со-

* Здесь следует невосстановленная цитата.

ставлен сборник тенденциозно подобранных материалов о процессе Синявского и Даниэля. При посредстве машинистки Лашковой Гинзбург размножил сборник в количестве не меньше 10 экземпляров, один из которых через Галанскова был передан за границу и опубликован в журнале «Грани» № 62, издающемся зарубежной эмигрантской организацией НТС. Как показал на следствии Добровольский, Гинзбург с 1962 года имел связь с заграницей и впоследствии передал ее Галанскову.

В 1966 году Гинзбург принял участие в составлении сборника «Феникс», в который были включены антисоветские материалы: «Откровение Виктора Вельского», «Открытое письмо Шолохову», статья «Российский путь перехода к социализму», статья Синявского «Что такое социалистический реализм» и «Описание событий в Почаевской лавре в наши дни».

В июне 1966 года Гинзбург получил от приехавшего в Москву шведа вырезки из иностранных газет антисоветского содержания и распространил их путем передачи Губанову.

Кроме того, у себя на квартире Гинзбург хранил магнитофонные ленты с записью двух песен антисоветского содержания.

Проведенной лексико-стилистической экспертизой было установлено, что автором «Письма старому другу» и листовки, подписанной «Сопротивление», можно предположительно назвать Гинзбурга.

Гинзбург также написал и включил в сборник материалов о процессе Синявского и Даниэля письмо Косыгину, которое не было послано.

Ю. Галансков имел антисоветские взгляды, проводил антисоветскую агитацию и пропаганду. В апреле 1966 года написал «Открытое письмо Шолохову», которое по своему содержанию является антисоветским, содержит в себе измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. При посредстве Лашковой это письмо было размножено в 15-ти экземплярах, было включено в сборник «Феникс» и впоследствии попало заграницу.

В декабре 1966 года Галансков при участии Гинзбурга подобрал материалы и составил сборник под названием «Феникс, под редакцией Ю. Галанскова», в который были включены антисоветские материалы: «Откровение Виктора

Вельского», статья «Российский путь перехода к социализму», статья Синявского «Что такое социалистический реализм», «Открытое письмо Шолохову» и «Описание событий в Почаевской лавре в наши дни». Он получил от Лашковой и включил в сборник клеветнический документ «Описание событий в Почаевской лавре в наши дни», при посредстве Устиновой и Камышановой розмножил антисоветский материал «Откровение Виктора Вельского» и включил оба эти антисоветские материалы в сборник. Получил от Гинзбурга фотопленку с антисоветской статьей «Российский путь перехода к социализму», приписываемой академику Варге, при помощи Лашковой размножил ее и включил в «Феникс».

В январе 1967 года Галансков передал «Феникс» заграницу через иностранку по имени Надя, которая являлась сотрудницей журнала «Грани». О встрече с этой иностранкой Галансков договорился в июне 1966 года при встрече с иностранцем по имени Филипп. В ноябре 1966 года у станции метро «Кропоткинская» Галансков встретился с иностранцем по имени Генрих, получил от него деньги в советских рублях и иностранной валюте, книги антисоветского содержания, шапирограф и копирку для тайнописи. Тогда же через Генриха была передана Галансковым «Белая книга» для опубликования ее на Западе.

В декабре 1966 года Галансков в нарушение правил о валютных операциях продал при посредстве Ентина и Борисовой 200 долларов из расчета 3 рубля за доллар, а за остальные 200 долларов была получена вместо денег пачка горчичников.

Полученные от Генриха деньги в советских рублях (более 2000), антисоветская литература, шапирограф, копировальная бумага для тайнописи были переданы Галансковым для хранения Добровольскому, причем на советские деньги предполагалось купить кооперативную квартиру для конспиративных встреч.

Осенью 1966 года Галансков при помощи Лашковой написал одно зашифрованное письмо, в котором встречались цифры 101, 102, 103 и т. д., а также А-66. Письмо было изготовлено в одном экземпляре. Галансков в то же время попросил Добровольского написать письмо, применяя копирку для тайнописи, и сам составил текст этого письма. Обратный адрес был поставлен вымышленный.

Проведенной лексико-стилистической экспертизой установлено, что автором «Открытого письма Шолохову» является Галансков, а предположительно он может быть назван автором «Откровения Виктора Вельского».

А. Добровольский имел антисоветские взгляды, проводил антисоветскую агитацию и пропаганду, хранил и распространял литературу антисоветского содержания. Вступив в преступную связь с Галансковым и Лашковой, принял участие в размножении клеветнического документа «Описание событий в Почаевской лавре в наши дни», впоследствии вошедшего в сборник «Феникс».

Получил от Галанскова и хранил у себя на квартире антисоветскую литературу, изданную НТС, шапирограф, копировальную бумагу для тайнописи.

Распространял эту литературу, передав ее Кац и Лашковой для прочтения.

В. Лашкова, подпав под влияние Галанскова и Гинзбурга, с лета 1966 года проводила антисоветскую агитацию и пропаганду; вступила в преступную связь с Галансковым и Добровольским. Размножила для Галанскова его «Открытое письмо Шолохову» в 15-ти экземплярах, а статью «Российский путь перехода к социализму» — в 5-ти экземплярах.

В сентябре-ноябре 1966 года, получив от Галанскова и Гинзбурга материалы для сборника по делу Синявского и Даниэля, размножила их в 5-ти экземплярах, один из которых впоследствии попал на Запад и был опубликован в «Гранях» № 62.

Летом 1966 года Лашкова размножила для Добровольского клеветнический документ «Описание событий в Почаевской лавре в наши дни» в 12-ти экземплярах, впоследствии этот материал был включен в «Феникс».

Получив от Добровольского для чтения антисоветскую литературу — брошюру «Солидаризм — идея будущего» и журнал «Наши дни» № 35 — распространила ее, передав для прочтения брошюру Кушеву, а журнал Левитину.

Будучи привлечен к уголовной ответственности, *А. Гинзбург,* в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал и на предварительном следствии показал:

что действительно является составителем сборника материалов по делу Синявского и Даниэля, но антисоветским ни сам сборник, ни отдельные материалы, вошедшие в него, не считает; что материалы, вошедшие в сборник, напеча-

таны им самим с помощью Веры Лашковой в количестве около 10-ти экземпляров. Гизнбург показал также, что вырезки из иностранных газет Губанову он передавал. Что касается двух песен антисоветского содержания, то Гинзбург показал, что эти песни он записал на магнитофон не для распространения, а для коллекции.

Изготовление Гинзбургом сборника материалов по делу Синявского и Даниэля подтверждается показаниями Гинзбурга и Лашковой о том, что они были знакомы, и о том, что Лашкова печатала эти материалы. Это подтверждается также копировальной бумагой, изъятой при обыске у Гинзбурга и использовавшейся, как установлено, при напечатании материалов этого сборника. Это подтверждается и приобщенным к делу экземпляром «Белой книги», изданной во Франции, на титульном листе которого стоит: «Составитель Александр Гинзбург»; показаниями самого Гинзбурга о том, что несколько экземпляров книги он показывал некоторым лицам; показаниями свидетельницы Столяровой о том, что в ноябре 1966 года Гинзбург показывал «Белую книгу» Эренбургу.

В части обвинения, касающейся соучастия Гинзбурга в создании журнала «Феникс», его вина подтверждается:

редакционной статьей журнала «Феникс», которая написана, как следует из текста, не одним, а несколькими лицами (в ней используется местоимение «мы») и авторство которой, на основании проведенной лексико-стилистической экспертизы, давшей предположительные выводы, приписывается Галанскову и Гинзбургу;

показаниями Гинзбурга о том, что он еще в рукописи читал «Открытое письмо Шолохову» Галанскова;

показаниями Добровольского о том, что Гинзбург передал Галанскову фотопленку со статьей «Российский путь перехода к социализму», приписываемой академику Варге и помещенной впоследствии в журнале «Феникс»;

изъятым при обыске на квартире у Гинзбурга экземпляром журнала «Феникс».

Факт передачи «Феникса» заграницу подтверждается показаниями Добровольского о том, что он слышал от Галанскова о передаче этого журнала на Запад через иностранку по имени Надя.

Факт совместной работы Гинзбурга и Галанскова над «Фениксом» и «Белой книгой» подтверждается также и

тем, что, по их показаниям, у них с 1959 года установились дружеские отношения. Добровольский показал то же самое.

Факт хранения у Гинзбурга двух песен антисоветского содержания подтверждается изъятыми у него при обыске магнитофонными лентами.

Факт передачи Губанову вырезок из иностранных газет антисоветского содержания подтверждается показаниями самого Губанова на предварительном следствии.

Следствием доказано, что еще в 1960 году Гинзбург имел антисоветские убеждения. Несмотря на профилактические меры воспитательного характера, неоднократно применявшиеся органами по отношению к нему, он все-таки продолжал заниматься антисоветской деятельностью.

Таким образом, в связи с вышесказанным, Александр Гинзбург обвиняется в нарушении закона, предусмотренным статьей 70 УК РСФСР.

Будучи привлечен к уголовной ответственности, *Ю. Галансков* в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал и заявил, что его действия криминальными не являются.

Из показаний самого Галанскова, данных им в период предварительного следствия, установлено нижеследующее:

От одного из посетивших его иностранцев Галансков получил шапирограф, антисоветскую литературу, копировальную бумагу для тайнописи, антисоветские листовки издательства «Посев». В июне 1966 года от приехавшего в Москву иностранца по имени Филипп узнал о предполагаемом приезде к нему эмиссара из НТС. В ноябре этот эмиссар, иностранец по имени Генрих, прибыл в Москву и при встрече с Галансковым передал ему микрофотопленку с произведениями Синявского и Даниля, а также деньги в количестве 560 (?) долларов и 300 рублей;

Галансков составил журнал «Феникс» и включил туда пять криминальных материалов, при участии Лашковой Галансков размножил «Феникс» в количестве 5-ти экземпляров, один из которых передал для переправки на Запад приезжавшей в Москву иностранке по имени Надя; той же Наде Галансков дал согласие собирать информацию об интересующих ее вещах и получил от нее копирку для тайнописи и два адреса, по которым он должен был писать за границу; выполняя просьбу Нади, Галансков написал в декабре 1966 года два письма, одно из них было посвящено

отношению Галанскова к НТС, другое — взаимоотношениям между смогистами;

Галансков при посредстве Ентина и Борисовой продал 400 долларов.

Хотя Галансков от этих показаний в ходе предварительного следствия отказался, следствие считает его отказ неосновательным и считает, что показания Галанскова, данные им в этот период, соответствуют действительности.

Это подтверждается также показаниями Добровольского, данными в течение предварительного следствия, которые у следствия никаких сомнений не вызывают.

Преступная деятельность Галанскова подтверждается следующими показаниями Добровольского о том, что:

Галансков рассказывал ему, Добровольскому, об НТС, собирал и передавал туда различные материалы, что Галансков взял у Лашковой один экземпляр статьи «Описание событий в Почаевской лавре в наши дни» для передачи его на Запад, что Галансков поддержал намерение Гинзбурга передать «Белую книгу» за границу и через приезжавшего в Москву иностранца по имени Генрих осуществил эту передачу, что Галансков с помощью Гинзбурга составил журнал «Феникс» и передал один из экземпляров этого журнала для переправки на Запад иностранке по имени Надя, являющейся сотрудницей журнала «Грани», что Галансков передал Радзиевскому для размножения типографским способом один экземпляр «Открытого письма Шолохову», автором которого является он сам, что Галансков в 1966 году получил антисоветскую литературу, изданную НТС, в которой с клеветнических позиций истолкованы некоторые факты советской действительности, что Галансков получал также деньги в советской и иностранной валюте, что он, Добровольский, видел у Галанскова пятидесятидолларовые бумажки, что Галансков давал ему, Добровольскому, доллары для продажи, что Галансков в течение 1966 года передал ему около 2000 рублей для постройки кооперативной квартиры для конспиративных целей на его, Добровольского, имя.

Виновность Галанскова в предъявленном ему обвинении подтверждается также и тем, что известно, что в конце ноября 1966 года Добровольский по просьбе Галанскова передал Радзиевскому для размножения типографским способом «Открытое письмо Шолохову», стенограмму об-

суждения макета 3-го тома Истории КПСС при участии старых большевиков и другие материалы.

Кроме того, виновность Галанскова подтверждается и показаниями следующих свидетелей:

показаниями Лашковой о том, что она примерно в октябре-ноябре 1966 года печатала для Галанскова, одно — о взаимоотношениях между цифрами, зашифрованное, и второе — в котором говорилось о каком-то несогласии автора письма с кем-то, причем оба письма никому не были адресованы; что она, Лашкова, присутсвовала при встрече Галанскова и Добровольского у станции метро «Библиотека им. Ленина» и видела, как Галансков передавал какую-то литературу Добровольскому; о том, что Галансков купил для нее машинку и примерно в то же время показывал ей доллары;

показаниями Хаустова о том, что Галансков имел антисоветские взгляды, что Галансков показывал ему стенограмму процесса над Синявским и Даниэлем, их фотографии, а также листовки; о том, что летом 1966 года он, Хаустов, узнал от Галанскова, что он собирает материалы для нового сборника; о том, что весной 1966 года он читал на квартире у Галанскова «Открытое письмо Шолохову»;

показаниями Епифанова о том, что в июне 1966 года он организовал встречу Галанскова с иностранцем по имени Филипп;

показаниями Батшева о том, что Галансков приносил Лашковой материалы для «Белой книги»; о том, что Галансков заставлял Лашкову много печатать для него, Галанскова;

показаниями Голубь о том, что Галансков в 1962-63 годах являлся антисоветски настроенным и высказывался в ее присутствии о якобы недостаточной свободе в нашей стране; о том, что у Галанскова существовало желание создать какой-нибудь множительный аппарат для размножения литературы;

показаниями Ентина о том, что он совместно с Борисовой продал для Галанскова 400 долларов, сначала 200 долларов за 600 рублей, а потом при попытке продать следующие 200 долларов был обманут и вместо денег получил пачку горчичников;

показаниями Борисовой о том, что она совместно с Ентиным продала 400 долларов;

показаниями Данилова о том, что через него Борисова продавала доллары.

Виновность Галанскова подтверждается также вещественными доказательствами, приобщенными к делу.

Таким образом, в связи с вышесказанным, Ю. Галансков обвиняется в нарушении закона, предусмотренном статьями 70 и 88 ч. I УК РСФСР.

Будучи привлечен к уголовной ответственности, *А. Добровольский* в предъявленном ему обвинении виноватым себя полностью признал и показал, что летом 1966 года размножил при помощи Лашковой статью «Описание событий в Почаевской лавре в наши дни» в количестве 12-ти экземпляров; что он, Добровольский, получил от Галанскова для распространения брошюры НТСовского издания и распространил их, передав Лашковой и Кац; что получил от Галанскова газету «Посев» в виде восьми листовок, шапирограф, копирку для тайнописи, а также более 2000 денег в советских рублях; что по просьбе Галанскова передал Радзиевскому для размножения типографским способом «Открытое письмо Шолохову» и другие материалы; что хранил у себя дома полученную от Галанскова антисоветскую литературу, а также газету «Посев», шапирограф и деньги в количестве более 2000 рублей.

Таким образом, в связи с вышесказанным, Алексей Добровольский обвиняется в нарушении закона, предусмотренном статье 70 УК РСФСР.

Будучи привлечена к уголовной ответственности, *В. Лашкова* в предъявленном ей обвинении виновной себя признала и показала, что осенью 1966 года получила от Гинзбурга материалы по делу Синявского и Даниэля и размножила их в 5-ти экземплярах; в декабре 1966 года по просьбе Галанскова размножила в 12-ти экземплярах «Открытое письмо Шолохову» и в 5-ти экземплярах статью «Российский путь перехода к социализму»; что летом 1966 года для Добровольского размножила в 12-ти экземплярах клеветнической документ «Описание событий в Почаевской лавре в наши дни», содержащий измышления, порочащие советский общественный и государственный строй; что получила от Добровольского для прочтения антисоветскую литературу — брошюру «Солидаризм — идея будущего» и журнал «Наши дни» № 35 — и распространила ее путем передачи Кушеву и Левитину.

Таким образом, в связи с вышесказанным, Вера Лашкова обвиняется в нарушении закона, предустмотренном статьей 70 УК РСФСР.

На основании вышеизложенного:

АЛЕКСАНДР ГИНЗБУРГ обвиняется в том, что установил связь с НТС, что передавал на Запад материалы для опубликования; распространял в СССР клеветническую антисоветскую литературу; составил в 1966 году при участии Галанскова сборник материалов о процессе Синявского и Даниэля; составил провокационное письмо на имя Косыгина, которое не было им отправлено по адресу; помогал Галанскову в создании журнала «Феникс», который впоследствии был передан в НТС; в июне 1966 года получил от шведа и передал Губанову вырезки из иностранных газет на норвежском, датском, итальянском и французском языках антисоветского содержания; хранил в целях распространения две песни антисоветского содержания, записанные на магнитофон.

ЮРИЙ ГАЛАНСКОВ обвиняется в том, что он в целях ослабления и подрыва советской власти установил связь с антисоветской эмигрантской организацией НТС, которой передавал различные материалы, получал от НТС и распространял в СССР антисоветскую литературу и листовки, а также получал средства тайнописи и размножения (шапирограф), деньги в долларах и советских рублях; подбирал вместе с Гинзбургом материал для «Белой книги», организовал ее размножение и передал ее на Запад через иностранца по имени Генрих; составил при содействии Гинзбурга сборник под названием «Феникс», размножил его в 5-ти экземплярах, один из которых передал в НТС через иностранку по имени Надя; составил и отпечатал антисоветское клеветническое «Открытое письмо Шолохову» и передал один из экземпляров этого письма Добровольскому для размножения; передал Добровольскому для размножения другие антисоветские статьи; в течение 1966 года получил из-за границы для распространения антисоветскую литературу, изданную НТС, а именно: брошюру «Солидаризм — идея будущего», журнал «Наши дни» № 35, книги «Сила идей» и «Ценою подвига», газету «Посев» в виде восьми листовок антисоветского содержания, тогда же получил 560 долларов и более 2000 советских рублей, шапирограф и средства тайнописи; кроме этого, Галансков обвиняется в нарушении правил о валютных операциях.

АЛЕКСЕЙ ДОБРОВОЛЬСКИЙ обвиняется в том, что он вступил в преступную связь с Галансковым и Лашковой, проводил антисоветскую агитацию и пропаганду, хранил у себя дома переданные ему Галансковым деньги, антисоветскую литературу, изданную НТС, шапирограф, копирку для тайнописи; размножил летом 1966 года с помощью Лашковой антисоветский клеветнический документ «Описание событий в Почаевской лавре в наши дни»; получал от Галанскова для распространения НТСовскую литературу, а именно: брошюру «Солидаризм — идея будущего», книги «Сила идей» и «Ценою подвига», журнал «Наши дни» № 35, распространил эту литературу, дав для прочтения Лашковой брошюру «Солидаризм — идея будущего» и журнал «Наши дни» № 35, а Кац с той же целью — брошюру «Солидаризм — идея будущего»; получил от Галанскова в целях размножения газету «Посев» в виде восьми листовок антисоветского содержания; получил от Галанскова и передал Радзиевскому для размножения типографским способом «Открытое письмо Шолохову» и «Российский путь перехода к социализму».

ВЕРА ЛАШКОВА обвиняется в том, что, подпав под влияние Галанскова и Гинзбурга, с лета 1966 года проводила антисоветскую агитацию и пропаганду; размножала материалы для тенденциозного антисоветского сборника материалов по процессу Синявского и Даниэля, так называемой «Белой книги», в том числе антисоветскую листовку, подписанную «Сопротивление» и антисоветское письмо «Письмо старому другу»; размножала для Галанскова антисоветские материалы, вошедшие в сборник «Феникс»; размножила для Добровольского в 12-ти экземплярах клеветническую статью «Описание событий в Почаевской лавре в наши дни» и один из этих экземпляров передала Галанскову; получила в ноябре 1966 года от Добровольского для прочтения брошюру «Солидаризм — идея будущего» и журнал «Наши дни» № 35; передала с целью распространения для прочтения Кушеву — брошюру «Солидаризм — идея будущего» и Левитину — журнал «Наши дни» № 35.

Объявляется 15-минутный перерыв. Затем заседание возобновляется.

СУДЬЯ. Галансков, встаньте. Понятен ли вам смысл обвинения?

ГАЛАНСКОВ. Нет, непонятен.

СУДЬЯ. Как непонятен?! Вы понимаете, в чем вы обвиняетесь?

ГАЛАНСКОВ. Я не понимаю смысла обвинения.

СУДЬЯ. Что вы не понимаете! Вы понимаете, что вы обвиняетесь в антисоветской деятельности?

ГАЛАНСКОВ. Это я понимаю, но смысла этого обвинения я не понимаю.

СУДЬЯ. Хорошо, раз это вы понимаете, признаете ли вы себя виновным?

ГАЛАНСКОВ. Нет.

СУДЬЯ. Садитесь. Гинзбург, встаньте. Понятен ли вам смысл обвинения?

ГИНЗБУРГ. Понятен.

СУДЬЯ. Признаете ли вы себя виновным?

ГИНЗБУРГ. Нет.

СУДЬЯ. Можете садиться. Добровольский, встаньте. Понятен ли вам смысл обвинения?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, понятен.

СУДЬЯ. Признаете ли вы себя виновным?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Полностью признаю.

СУДЬЯ. Можете садиться. Лашкова, встаньте. Понятен ли вам смысл обвинения?

ЛАШКОВА. Да.

СУДЬЯ. Признаете ли вы себя виновной?

ЛАШКОВА. Да.

СУДЬЯ предлагает порядок судебного следствия: допросы подсудимых, свидетелей и эксперта. Спрашивает, есть ли какие-либо возражения.

Ни у кого возражений нет. Суд выносит определение о порядке исследования доказательств*. Затем объявляется полуторачасовой перерыв, после которого начинается допрос подсудимых.

Допрос Алексея Добровольского

СУДЬЯ. Добровольский, встаньте, подойдите сюда и расскажите все, что вы знаете по данному делу.

* Этот порядок соблюден не был, так как часть свидетелей пришла не во-время, а часть вообще не явилась.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я хотел бы начать свои показания с того, чтобы дать объяснения, как я, человек, воспитанный советской семьей и советской школой, мог совершить преступление, направленное против советской власти. За год заключения я неоднократно ставил этот вопрос перед собой. В 1956 году я закончил 10 классов. В тот период я, как и вся советская молодежь, находился под впечатлением XX съезда, развенчавшего культ личности Сталина, разкрепостившего умы. Кончив школу, я поступил на работу в типографию «Московской правды». Поступать в высшее учебное заведение я не пытался... Я был воспитан в преклонении перед личностью Сталина...

СУДЬЯ. Ближе к фактам, Добровольский!

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБВИНИТЕЛЬ (далее везде ПРОКУРОР). Скажите, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с остальными обвиняемыми?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. С Лашковой я познакомился в среде молодежи, интересовавшейся вопросами литературного творчества. Однажды ко мне попала статья «Описание событий в Почаевской лавре в наши дни», в которой описывались случаи произвола милиции. Я поверил тому, что рассказывалось в этой статье, и счел своим долгом ознакомить общественность с этим документом. Я попросил Лашкову перепечатать для меня этот документ. Она перепечатала, но один экземпляр она мне не вернула и сказала, что передала его Галанскову, который может ознакомить с ним и зарубежную общественность. Таким образом, я стал встречаться с Галансковым. Потом он устроил меня на работу в Литературный музей, и там я познакомился с Гинзбургом. С ним у меня были отношения «здравствуй — до свиданья», с ним я почти не разговаривал, на политические темы ни разу не беседовал. А с Галансковым мы много разговаривали на политические темы и сошлись на том, что в СССР отсутствует свобода слова, свобода печати и прочее — то есть все, что записано в Конституции. Необходима борьба за демократию, но так как подобная борьба преследуется КГБ, то она должна быть нелегальной.

ПРОКУРОР. Кто вас устроил в Литературный музей на работу?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Галансков.

ПРОКУРОР. Что вам известно о связи Галанскова с заграницей?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Когда Галансков передал мне шапирограф, я, естественно, спросил, откуда он его взял. Он ответил мне, что имеет с 1962 года связь с заграницей и что он получил ее от Гинзбурга. Сказал, что встречался с приезжающими в Москву иностранцами и получает от них литературу, средства тайнописи, шапирографы и деньги, в долларах и советскими знаками, что он сам собирает и передает туда ходящие по рукам рукописи и документы тенденциозного содержания.

ПРОКУРОР. Литература, которую Галансков доставал за границей, это литература, изданная НТС?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Таким образом, можно утверждать, что Галансков имеет связь с НТС?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет, это только мое предположение. Он говорил не о связи с НТС, а о связи с заграницей.

ПРОКУРОР. А Гинзбург о существовании связи с заграницей вам говорил?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

ПРОКУРОР. А Галансков ссылался на Гинзбурга, говор о том, как он установил связь с заграницей?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Какие именно иностранцы, приезжавшие в Москву, являлись к вам?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Ко мне никто не являлся, они при езжали к Галанскову и Гинзбургу.

ПРОКУРОР. От чьего имени эти иностранцы приезжали в Москву?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я не знаю, на политические темы я с ними не беседовал.

ПРОКУРОР. Упоминали ли они в разговоре журнал «Грани»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, Надя говорила, что она является сотрудницей этого журнала.

ПРОКУРОР. «Грани» — журнал, издающийся НТС?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Расскажите о приездах иностранцев к Гинзбургу и Галанскову. Где они встречались и что передавали?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. От Галанскова мне было известно, что Гинзбург собирает материалы для «Белой книги» и что Галансков ему помогает. Ее печатала Лашкова. Целью создания этой книги, по словам Галанскова, было ознакомле-

ние нашей и зарубежной общественности с материалами по процессу Синявского и Даниэля. Планировалось передать эту книгу на Запад, что и было сделано через иностранца по имени Генрих. Галансков передал ему «Белую книгу» и получил от него фотопленку и деньги в долларах и советских рублях.

ПРОКУРОР. Откуда вы узнали о Генрихе?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Меня познакомил с ним Галансков.

ПРОКУРОР. Что вам говорил Генрих?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Ничего не говорил.

ПРОКУРОР. Скажите, где состоялась эта встреча?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. У метро «Кропоткинская».

ПРОКУРОР. Кто вам сказал, чтобы вы приехали туда?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я находился у Веры Лашковой. Туда позвонил Галансков и попросил меня приехать к метро «Кропоткинская». Это было приблизительно к конце октября — начале ноября 1966 года. Зачем я должен приехать к метро, Галансков мне не сообщал. Когда я пришел к метро «Кропоткинская», появился Галансков с этим иностранцем. Потом они вели какую-то беседу между собой, я ее не слышал. Вечером того же дня на квартире у Поташевой Галансков сказал мне, что «Белая книга» была передана на Запад именно в этот день. Что Генрих является эмиссаром НТС, я узнал только в процессе следствия. Когда Галансков заканчивал работу над журналом «Феникс», он ждал приезда курьера из-за границы. Потом приехала Надя, сотрудница журнала «Грани». Об этом — о том, что она является эмиссаром НТС — я узнал только в процессе следствия. Она приехала в Москву на рождество 1967 года. Меня Галансков разыскал по ее просьбе, так как она верующая. Я возил ее в Троице-Сергиевскую лавру. Галансков сказал мне потом, что Наде он передал экземпляр «Феникса».

ПРОКУРОР. Галансков говорил вам, что «Грани» — журнал, издающийся НТС?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

ПРОКУРОР. Что такое «Посев»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Это издательство НТС.

ПРОКУРОР. Вы знали это до следствия?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Тогда вы могли бы обратить внимание на то, что на журнале «Грани» стоит: издательство «Посев».

ДОБРОВОЛЬСКИЙ молчит.

ПРОКУРОР. Получали ли вы, Галансков и Гинзбург что-нибудь из-за рубежа?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. От Генриха Галансков получил доллары; НТСовская литература получена им, вероятно, раньше, от иностранца, — мне неизвестного. Галансков дал мне из этой литературы следующие книги: «Сила идей», «Ценою подвига», брошюру «Солидаризм — идея будущего», журнал «Наши дни».

ПРОКУРОР. Это всё книги издательства «Посев»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Когда и при каких обстоятельствах Галансков передал вам эти книги?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. В присутствии Лашковой, в октябре 1966 года.

ПРОКУРОР. Почему он вам передал эту литературу, вы просили его об этом?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Вы хотели ознакомиться с НТСовской литературой?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Не только, до этого Галансков передавал мне книги религиозного содержания.

ПРОКУРОР. Галансков говорил вам, что он получает подобную литературу из-за границы с 1962 года?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет, он говорил, что имеет связь с заграницей с 1962 года.

ПРОКУРОР. А листовки в пакете вам Галансков передавал?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, он передал мне шапирограф и 8 листовок, которые надо было размножить. Я вначале согласился, но, прочитав эти листовки внимательно, передумал.

ПРОКУРОР. Вы сказали об этом Галанскову?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Что вам ответил на это Галансков?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Сказал, чтобы я хранил шапирограф и эти листовки у себя дома.

ПРОКУРОР. Эти листовки были антисоветские?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. А другие случаи передачи вам Галансковым брошюр «Посева» были?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

ПРОКУРОР. Когда Галансков просил вас приехать к метро «Кропоткинская», он сказал, зачем?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет, не сказал.

ПРОКУРОР. А он не просил вас следить?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, именно эти функции я и выполнял. Пока они беседовали, я наблюдал, нет ли за ними слежки.

ПРОКУРОР. Как говорят, стоял на стрёме?*

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Был случай, когда у метро «Библиотека им. Ленина» вам были переданы книги?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да. К метро пришли Галансков и Лашкова, и в присутствии Лашковой Галансков передал мне книги, всего 5-6 штук, издательства НТС. Это было в октябре 1966 года.

ПРОКУРОР. На следствии вы говорили, что это было в ноябре-декабре.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я не помню точно, когда это было.

ПРОКУРОР. А какие именно книги передал вам тогда Галансков?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. «Сила идей», «Ценою подвига», брошюру «Солидаризм — идея будущего»...

ПРОКУРОР. Какие идеи содержатся в брошюре «Солидаризм»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Идея солидаризма.

ПРОКУРОР. О чем эта брошюра?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. О программе НТС.

ПРОКУРОР. Программа НТС является антисоветской?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. А вы передали эту брошюру в органы госбезопасности?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет, я заинтересовался. Некоторые книги я оставил у себя, часть дал Лашковой и Кац. Когда они мне вернули то, что я им дал, я часть книг отдал Галанскову, часть оставил у себя.

ПРОКУРОР. Лашкова присутствовала при передаче вам Галансковым книг у метро?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Какие книги вы давали Кац?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я не помню точно. Кажется, «Солидаризм — идея будущего» и «Наши дни».

---

* «Стоять на стрёме» — жаргонное воровское выражение.

ПРОКУРОР. А какие книги вы давали Лашковой?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. «Солидаризм — идея будущего». Я затрудняюсь сказать, какие именно книги кому я передавал.

ПРОКУРОР. Значит, вся литература, полученная вами от Галанскова, была литературой, изданной НТС?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Расскажите о том, как вы принимали Лашкову в НТС.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я ее не принимал в НТС, был только разговор о приеме. Я не мог ее принимать в НТС, так как я не являюсь членом НТС и не обладаю достаточными полномочиями.

ПРОКУРОР. Расскажите об этом разговоре.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Галансков попросил меня растолковать Лашковой некоторые непонятные ей места из брошюры «Солидаризм». В конце этой брошюры имеется нечто вроде устава, где написано, что прием в НТС может осуществляться в присутствии двух-трех членов НТС. Я сказал, что можно обойтись и без двух-трех членов, что я могу принять ее сам. Но я сказал это, не имея для этого достаточных оснований.

ПРОКУРОР. Значит, вы сказали Лашковой, что можете сами принять ее в НТС?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, я так сказал. Я сказал это для того, чтобы поддержать свой авторитет и авторитет Галанскова.

ПРОКУРОР. Авторитет Галанскова как представителя НТС?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. А вы объяснили Лашковой, что НТС — антисоветская организация, вы объяснили ей сущность идей НТС, что он призывает к террору, занимается шпионажем, призывает к созданию боевых дружин?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я этого сам не знал, в этой брошюре этого нет.

ПРОКУРОР. Но вы же сами читали другую литературу, в которой говорится об этом.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, я читал, но Лашковой я читать ее не давал.

ПРОКУРОР. Но вы же сами читали?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Значит, вы все это знали?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. А почему же вы поддерживали НТС?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ (некоторое время молчит). Я вообще-то не поддерживал... Я хочу сказать о том, что если я сам читал их литературу и давал читать другим, это еще не значит, что я разделял их программу.

ПРОКУРОР. Но в какой-то степени вы все-таки разделяли их позиции?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, в какой-то степени разделял.

Судья объявляет перерыв на 10 минут. Затем допрос возобновляется.

ПРОКУРОР. Что вам известно о передаче Гинзбургом и Галансковым НТС «Письма старому другу» и листовки, подписанной «Сопротивление»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я могу говорить только о передаче «Белой книги» целиком. Мне известно, что эти документы были включены в «Белую книгу».

ПРОКУРОР. Нас интересуют только эти два документа.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я их отдельно не видел, я видел их только в «Белой книге».

ПРОКУРОР. Расскажите, как они были переданы за границу для опубликования.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ молчит.

ПРОКУРОР. Расскажите, как их включили в «Белую книгу», как печатали, как передавали. Всю историю.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Мне было известно, что Лашкова по просьбе Гинзбурга печатает для него «Белую книгу». Галансков торопил Лашкову с напечатанием, поскольку ожидали приезда курьера из-за границы, которому должны были передать «Белую книгу». Когда я у Лашковой просматривал ее, то я увидел в ней эти два документа.

ПРОКУРОР. Каким путем они намеревались передать «Белую книгу» за границу?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Через иностранца по имени Генрих.

ПРОКУРОР. Через представителя НТС?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Кто передавал книгу?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я уже говорил, что я точно не знаю. Мне известно только, со слов Галанскова, что книга была передана.

ПРОКУРОР. А кто составил «Белую книгу»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. В основном Гинзбург.

ПРОКУРОР. А кто сочинил «Письмо старому другу» и листовку «Сопротивление»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Не знаю.

ПРОКУРОР. А кто включил их в книгу?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Не знаю.

ПРОКУРОР. Значит, был составлен сборник?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. И ожидали приезда Генриха?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Чтобы передать через него книгу?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Они передавали ее тайно?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. А как вы думаете, почему?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я думаю, что если бы они хотели передать журнал «Огонек», они не стали бы это скрывать.

ПРОКУРОР. Значит это делалось тайно, так как в книге были антисоветские документы?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, там были антисоветские документы.

ПРОКУРОР. И они опасались ответственности?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. И таким образом раскрывалась их связь с НТС, да?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Расскажите о вашей беседе об НТС с Кац, как вы знакомили ее с литературой НТС.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я давал Кац две книги: «Сила идей» и журнал «Наши дни».

ПРОКУРОР. Кто вас посвящал в деятельность НТС, кто знакомил с задачами и методами этой организации?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Меня никто с ней не знакомил.

ПРОКУРОР. А откуда вы узнали об этой организации?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. От Галанскова.

ПРОКУРОР. Что же он вам сказал об НТС?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Что есть такая организация. Он вкратце изложил мне ее программу и просил поговорить об этом с Кац.

ПРОКУРОР. Значит вы говорили с Кац по поручению Галанскова?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Вы говорили о целях и задачах этой организации?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет. Я говорил только о том, что существует такая антисоветская организация, о целях и задачах я с ней не говорил. И Кац утверждает то же самое.

ПРОКУРОР. Нет, Кац утверждает другое; она говорит, что вы знакомили ее с целями, задачами НТС, с уставом.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Она так не говорит.

ПРОКУРОР. Нет, говорит. (Зачитывает показания Кац, что Добровольский знакомил ее с целями НТС и его уставом.)

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, это было. Я давал ей устав.

ПРОКУРОР. Вы делали это по заданию Галанскова?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. А с Лашковой вы говорили на эту тему?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет, не говорил.

ПРОКУРОР. Значит, вы дали Кац «Солидаризм — идея будущего» и «Силу идей»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, и «Силу идей» по-моему.

ПРОКУРОР. Что еще вам известно о связи Галанскова с заграницей?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ молчит.

ПРОКУРОР. Говорил ли вам Галансков о формах связи с НТС?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, связь с НТС поддерживалась как посредством приезда курьеров, так и посредством переписки тайнописью.

ПРОКУРОР. Какой именно тайнописью?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Через особую копирку.

ПРОКУРОР. Вам приходилось ее применять?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Расскажите об этом.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Писал не я, писала по моей просьбе Лашкова. Что писала, я не знаю, потому что что-то уже было написано на листе, когда мне его передал Галансков. Галансков попросил меня посредством этой копирки написать письмо в Осло. Дал адрес на отдельной бумажке. Надо было написать какой-нибудь текст. Я сказал, что напишу, но Галансков предупредил меня, что мой почерк известен в КГБ. Тогда я пошел к Лашковой и попросил ее написать на бумажке следующий текст: «Дорогой Ян, твою посылку получили. Пришли, пожалуйста, новые пластинки».

ПРОКУРОР. Это был открытый текст?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Написанный на бумаге?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. И был еще текст, написанный под специальную копирку?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я забыл теперь эту технику.

ПРОКУРОР. Каков был действительный смысл этого текста?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Смысл был мне неизвестен. Галансков сказал мне, что названия пластинок могут быть любые.

ПРОКУРОР. Но из того, что он сам не стал писать и велел вам это сделать, вы поняли, что текст содержит какой-то криминал?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Получал ли Галансков посылки из-за границы?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Когда, где, каким образом?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я не знаю, мне известно об этом с его слов.

ПРОКУРОР. Что было в этих посылках?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Литература, изданная НТС, и другая литература.

ПРОКУРОР. Что за разговор был у вас об автоматических камерах хранения?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. На вокзалах есть камеры автоматического хранения, один кладет в такую камеру что-нибудь, а другой, зная номер шифра, может придти и взять.

ПРОКУРОР. Кто вам говорил об этих камерах?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Галансков.

ПРОКУРОР. Зачем он вам говорил об этом?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Он говорил, что таким образом можно получать посылки.

ПРОКУРОР. Говорил ли он вам, что он сам таким образом получал что-либо?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

ПРОКУРОР. Показывал ли вам Галансков письма, полученные из-за границы?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да. Он показывал мне одно письмо, но с содержанием его меня не ознакомил. Он говорил мне, что это какая-то инструкция, какая именно, не говорил.

Она имела вид текста, в котором отдельные строчки были подчеркнуты разноцветной тушью.

ПРОКУРОР. Когда Галансков показывал вам это письмо?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я не помню.

ПРОКУРОР. От кого вы получили шапирограф, деньги?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. От Галанскова.

ПРОКУРОР. Когда?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Шапирограф — в октябре-ноябре 1966 года, деньги — в декабре 1966 года.

ПРОКУРОР. Сколько денег вы получили?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Две тысячи рублей.

ПРОКУРОР. Для чего?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Вопрос стоял о покупке кооперативной квартиры на мое имя. Как я понял, эта квартира была нужна для того, чтобы принимать там иностранцев. Хотя квартира должна была строиться на мое имя, фактическим хозяином ее должен был быть Галансков.

ПРОКУРОР. Почему же Галансков не хотел построить квартиру на свое имя?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Он не хотел привлекать внимание.

ПРОКУРОР. А где эти деньги сейчас?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Они изъяты у меня при обыске.

ПРОКУРОР. А показывал ли вам Галансков валюту?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, 50-долларовые бумажки.

ПРОКУРОР. Это доказывает, что связь с заграницей у него была?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Что Галансков делал с долларами?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Он хотел обменять их на советские деньги.

ПРОКУРОР. Значит, он нарушил правила валютных операций, а ему прокрутили динаму*: дали вместо денег горчичники. Теперь, я думаю, они бы ему пригодились.

ГАЛАНСКОВ что-то тихо говорит в адрес прокурора.

ПРОКУРОР. Сколько долларов Галансков обменял?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. До ареста я этого не знал.

ПРОКУРОР. Где же он достал эти доллары?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Сам Галансков сказал, что получил эту сумму от Генриха.

ПРОКУРОР. Значит, от Генриха, которому он продал «Белую книгу»! Сколько же он получил за нее?

---

* «Прокрутить динаму» — жаргонное выражение валютчиков.

ГАЛАНСКОВ. Я протестую. Это провокационный вопрос.

СУДЬЯ. Галансков, вы нарушаете ход судебного следствия!

ДОБРОВОЛЬСКИЙ (на вопрос прокурора). Я не знаю.

ПРОКУРОР. Значит, вам известно, от кого он получил доллары, но неизвестно, сколько.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Зачем Галансков передал вам шапирограф?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. С целью размножить листовки.

ПРОКУРОР. Каково содержание этих листовок?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Антисоветское.

ПРОКУРОР. О чем там шла речь? Как эти листовки назывались?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. В одной листовке шла речь о процессе Синявского и Даниэля, в другой вкратце была изложена программа НТС. Содержание остальных листовок я не помню.

ПРОКУРОР. Не было ли еще каких-нибудь попыток создать конспиративную квартиру? Были ли подобные попытки с вашей стороны?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Были. Я, по поручению Галанскова, беседовал с подругами Лашковой — Масловой и Устиновой, но подыскать квартиру мы не смогли.

ПРОКУРОР. Участвовал ли Гинзбург в передаче «Белой книги» Генриху?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ молчит.

ПРОКУРОР. Я спрашиваю, участвовал ли Гинзбург в передаче «Белой книги» Генриху?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Галансков сказал мне только, что она передана; кем именно, я не знаю. А с Гинзбургом я на эту тему вообще не говорил.

ПРОКУРОР. Скажите, какие операции вы делали с иностранной валютой?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Никаких. Галансков дал мне 50-долларовые бумажки, чтобы я их обменял. Я искал человека, который смог бы произвести обмен, но не нашел. Галансков сам нашел такого человека.

ПРОКУРОР. Давал ли вам Галансков советские деньги?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да. Через меня Галансков платил машинисткам — Устиновой и Камышановой, но это все были незначительные суммы.

ПРОКУРОР. А для покупки пишущей машинки он вам давал деньги?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, в сентябре 1966 года Галансков дал мне 100 рублей, чтобы я купил ему машинку. Я купил. На этой машинке печаталось «Гражданское обращение».

ПРОКУРОР. Значит Галансков дал вам деньги на машинку для того, чтобы печатать на ней антисоветские листовки?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Собственно, эти листовки не признаны криминальными органами следствия.

ПРОКУРОР. Где находилась эта машинка?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. У меня.

ПРОКУРОР. А Лашкова на ней печатала?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я не помню.

ПРОКУРОР. Говорил ли вам Галансков о деньгах, полученных от Генриха?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, через несколько дней после встречи с ним, но суммы он не называл.

ПРОКУРОР. Для какой цели передал Генрих Галанскову эти деньги?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Для помощи в той деятельности, которой занимался Галансков.

ПРОКУРОР. Представитель НТС передал Галанскову доллары и рубли, чтобы Галансков использовал эти средства для преступной деятельности, да?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ молчит.

ПРОКУРОР. В листовках был призыв наносить удары по органам советской власти?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Не помню.

ПРОКУРОР. Книгу «Ценою подвига» вы от кого получили?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. От Галанскова.

ПРОКУРОР. При каких обстоятельствах?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. На «Библиотеке им. Ленина», в присутствии Лашковой. Я ее прочел один, никому читать не давал.

ПРОКУРОР. Зачем Галансков давал вам эту книгу?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Для прочтения.

ПРОКУРОР. Он вас пытался воспитывать в духе тех принципов, которые там изложены?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР (цитирует), «Спасенье от коммунистического ига может придти только через войну...» и так далее. Вы

должны были сообщить об этом в органы. Вы были с ним солидарны?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Другие книги тоже были антисоветского содержания?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. И вы их получили от Галанскова?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Другие письма по поручению Галанскова вы писали?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, еще одно письмо.

ПРОКУРОР. Как оно было написано?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Это была рукопись на трех листах. Мне дал ее Галансков. Я поехал к Лашковой, и она в моем присутствии отпечатала это письмо с рукописи. Я отдал Галанскову потом и письмо, и рукопись. Письмо было напечатано в одном экземпляре, на тонкой бумаге. Содержания я сейчас не помню. Кажется, Галансков был с кем-то несогласен.

ПРОКУРОР. Оно было напечатано обычным способом?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Значит, первое письмо было напечатано необычным способом, а второе — обычным?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, у первого письма на листе не было видно текста, а второе было напечатано обычным способом.

ПРОКУРОР. Когда вы писали первое и когда второе?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я затрудняюсь ответить на этот вопрос. Примерно осенью 1966 года. Точнее я не помню.

ПРОКУРОР. Какие меры конспирации применялись при встречах с иностранцами и получении посылок?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. При встрече с Генрихом я следил некоторое время за тем, как Галансков и Генрих гуляли.

ПРОКУРОР. А еще?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ молчит.

ПРОКУРОР. Говорил ли вам Галансков, что в ваш адрес нельзя посылать посылки и книги?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, говорил. Я состоял на учете в КГБ.

ПРОКУРОР. Откуда вам это известно? Почему вы так думаете?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Мне так казалось.

ПРОКУРОР. В чей адрес приходили посылки?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я не знаю. Адреса были у Галанскова, он мне говорил это в ноябре 1966 года.

ПРОКУРОР. А что вы можете рассказать о разговорах с Ивановой о квартире?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я интересовался, нельзя ли у нее на квартире хранить литературу НТС. Она — подруга Лашковой.

ПРОКУРОР. Она согласилась на это?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

ПРОКУРОР. А почему вы у себя не хранили?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я хранил. Всё нашли у меня.

ПРОКУРОР. Почему же еще у Ивановой надо было хранить?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я больше не хотел хранить у себя.

ПРОКУРОР. Что печатала для вас Лашкова? Я вас спрашиваю только об антисоветских документах.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Она напечатала для меня в 12-ти экземплярах статью «События в Почаевской лавре в наши дни».

ПРОКУРОР. Когда это было?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. В сентябре 1966 года.

ПРОКУРОР. Зачем вы ей поручили печатать эту статью?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я поверил в правдивость изложенных в ней фактов и счел своим долгом ознакомить с этими фактами общественность.

ПРОКУРОР. А как вы сейчас расцениваете эту статью?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я ее никак расценивать не могу. Я не знаю, было ли это на самом деле или нет*.

ПРОКУРОР. Очевидно, самым правильным было бы ее не печатать?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, очевидно.

ПРОКУРОР. А почему вам хотелось, чтобы о фактах, изложенных в этой статье, узнал весь мир?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я считал это своим долгом. Я поверил в правдивость этой статьи.

ПРОКУРОР. Куда ее потом поместили?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. В «Феникс».

ПРОКУРОР. Кто составитель?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Галансков.

ПРОКУРОР. Куда был передан «Феникс»?

---

* В статье идет речь о преследованиях и изгнании из монастыря, которым подверглись со стороны милиции монахи Почаевской лавры в Западной Украине.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. За границу.

ПРОКУРОР. С кем?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. С Надей.

ПРОКУРОР. Как рекомендовалась Надя?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Как сотрудник «Граней».

ПРОКУРОР. А ведь это журнал НТС! Вы считаете эту статью антисоветской?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Если есть клевета, значит статья антисоветская.

ПРОКУРОР. Что еще вы просили напечатать Лашкову?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Больше ничего.

ПРОКУРОР. Что вам известно о распространении «Откровения Виктора Вельского», статьи «Российский путь перехода к социализму», письма Шолохову?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. «Откровение Виктора Вельского» Галансков включил в свой журнал «Феникс». Я читал эту повесть. Она состоит из двух частей, первая — жизнь героя, вторая посвящена философским и религиозным вопросам. Первая часть этого произведения является антисоветской.

ПРОКУРОР. А что вы можете сказать о двух других произведениях — «Открытом письме Шолохову» и «Российском пути перехода к социализму»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Содержание «Открытого письма Шолохову» — антисоветское. Я его передал Радзиевскому, который мог его отпечатать типографским способом. Галансков хотел послать это письмо деятелям науки и культуры СССР. А статью Варги...

ПРОКУРОР (перебивает). Эта статья только приписывается академику Варге, на самом деле это не его статья!

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я узнал об этом только в процессе следствия. Я, по просьбе Галанскова, отпечатал эту статью через Устинову. Потом, через меня, Галансков расплатился с ней. Сама Устинова только печатала эту статью, в содержание ее она не вникала.

ПРОКУРОР. Потому ее и нет на скамье подсудимых! Значит, эти три произведения были включены потом в «Феникс»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Сколько экземпляров каждой статьи было напечатано?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. 5 экземпляров «Откровения Виктора

Вельского» и 5 — «Российского пути». «Письмо Шолохову» напечатано не было.

ПРОКУРОР. Какое отношение имеет Гинзбург к статье «Российский путь»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. По словам Галанскова, эту статью ему дал Гинзбург, у которого эта статья была в виде фотопленки.

ПРОКУРОР. Когда это было?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Осенью. Обстоятельства мне неизвестны. Об этом мне известно от Галанскова.

ПРОКУРОР. Галансков предупреждал вас об осторожности, когда просил перепечатать эту статью?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. В каких выражениях?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я не помню.

ПРОКУРОР. Он предупреждал, что надо соблюдать конспирацию?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Таким образом, он понимал, что эта статья антисоветская и за ее распространение могут привлечь к ответственности?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Вы видели эту статью, изъятую у Галанскова. Это та же статья, которую печатала Устинова?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, та же самая.

ПРОКУРОР. А «Открытое письмо Шолохову», имеющееся в деле, то же самое?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Как были подписаны «Белая книга» и «Феникс», когда их посылали за границу, в НТС?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. «Белая книга» была подписана: «Составитель А. Гинзбург», «Феникс» — «Под редакцией Ю. Галанскова».

ПРОКУРОР. Значит, письмо к Шолохову вам передал Галансков?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. А кто писал его? Галансков вам этого не говорил?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

ПРОКУРОР. А куда оно попало?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. В «Феникс».

ПРОКУРОР. Таким образом, вся деятельность, о которой

вы рассказали суду, — ваша, Галанскова, Гинзбурга и Лашковой — носила антисоветский характер?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Статьи Галанскова и Гинзбурга, деньги, связи с НТС и т. д. — все это носило преступный антисоветский характер?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. И можно считать. что все это делалось с антисоветским умыслом?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ПРОКУРОР. Я кончил.

СУДЬЯ. Защита имеет вопросы к обвиняемому?

ЗАЩИТНИК ДОБРОВОЛЬСКОГО АДВОКАТ ШВЕЙСКИЙ (далее везде ШВЕЙСКИЙ). Каковы причины, приведшие вас к этому?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я с этого начал свои показания. Когда мне было 17 лет, меня исключили из комсомола за то, что я на собрании в райкоме выступил против разоблачения культа личности. После этого я стал пытаться своими силами разобраться в интересующих меня вопросах. Стал интересоваться политикой. Я стал заниматься критиканством. Это мне казалось утверждением себя как мыслящей личности. Но сам я был неспособен разобраться в этих сложных вопросах и запутывался в противоречиях. У меня не было ни отца, ни старшего брата, которые могли бы направить меня по правильному пути... А комсомольские работники, к которым я обращался, отмахивались от меня. Свобода слова не допускает свободы измышлений, порочащих наш советский государственный строй. За антисоветские высказывания я был осужден. Мне было тогда 19 лет. И я не признал себя виновным, считая, что меня несправедливо обидели. Во время отбывания заключения я также не сделал правильных выводов, потому что вокруг меня в лагере были одни бандеровцы и власовцы. Выйдя из заключения, я остался на прежних позициях. В это время известную пищу моему уму дали ошибки, совершенные Хрущевым, я их отождествлял с линией партии. Я делал упор именно и только на трудности и недостатки нашей жизни. В своей предвзятости я видел только теневые стороны и не хотел видеть светлого, главного в нашей жизни. И я даже психически заболел. Процесс над Синявским и Даниэлем я воспринял как нарушение демократи-

ческих норм, и стал считать, что после смерти Ленина мы свернули с ленинского пути. И я принял участие в распространении «Гражданского обращения» по поводу процесса. Я считал это своим гражданским долгом. В это время я познакомился с Галансковым. Остальное вам известно.

ШВЕЙСКИЙ. Спрашивал ли вас Галансков о вашем отношении к НТС?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

ШВЕЙСКИЙ (цитирует). «Галансков спрашивал меня о моем отношении к НТС. Я ответил ему, что из чтения брошюр НТС я сделал вывод, что НТС — собрание озлобленных людей, оторванных от родины». Вы говорили это на следствии?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, говорил.

ШВЕЙСКИЙ. Если вы уже тогда понимали это, то как вы могли передавать другим литературу НТС?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я относился к ней по принципу «запретный плод всегда сладок». Хочу отметить, что наиболее антисоветскую литературу, например «Ценою подвига», я никому не давал.

ШВЕЙСКИЙ. Вы занимались литературной деятельностью? Что вы написали сами?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. «Взаимоотношения знания и веры». Эта статья включена в «Феникс».

ШВЕЙСКИЙ. Есть ли в ней что-нибудь криминальное?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет, она мне не инкриминируется.

ШВЕЙСКИЙ. А есть ли у вас какие-нибудь другие статьи?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, на философско-религиозные темы.

ШВЕЙСКИЙ. А на политические темы вы писали?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ШВЕЙСКИЙ. Письмо монахов Почаевской лавры — единственный документ, помещенный в «Фениксе», который был получен от вас?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ШВЕЙСКИЙ. Этот документ попал в «Феникс» по вашему желанию?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я не высказывал ни заинтересованности, ни противодействия. Когда я узнал от Лашковой, что этот документ может быть опубликован за границей, то я потребовал его вернуть мне.

ШВЕЙСКИЙ. Знали ли вы, что этот документ будет

опубликован за границей, и отвечало ли это вашему желанию?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, отвечало.

ШВЕЙСКИЙ. Есть ли в изданных «Гранями» материалах работа «События в Почаевской лавре»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

ШВЕЙСКИЙ. Опубликованы ли в «Гранях» «Откровение Виктора Вельского» и «Российский путь перехода к социализму»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

ШВЕЙСКИЙ. Чем вы это объясняете?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Очевидно, содержанием.

ШВЕЙСКИЙ. Как к вам попала «Почаевская лавра»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. От моего покойного друга Марка Доброхотова.

ШВЕЙСКИЙ. Пытались ли вы проверить правильность фактов, изложенных в этой работе?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет, я поверил на слово.

ШВЕЙСКИЙ. Кому, Доброхотову?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет, монахам. Они же написали это.

ШВЕЙСКИЙ. Кому и какие книги вы передавали для чтения? Насколько мне известно, Лашковой вы передавали «Солидаризм» и «Наши дни», Кац — «Наши дни» и «Сила идей», Кушеву — брошюру «Солидаризм». Это соответствует действительности?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Мне кажется, что это недоразумение. С Кушевым мы были в далеких отношениях, я ему не передавал ничего.

ШВЕЙСКИЙ. Обратили ли вы внимание, что листовки «Посева» помечены августом 1966 года?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ШВЕЙСКИЙ. Что это означало?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Что в августе они должны быть размножены. Так мне объяснил Галансков.

ШВЕЙСКИЙ. Почему же они не были размножены?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я прочел их и отказался размножать.

ШВЕЙСКИЙ. А почему именно вы отказались?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Прокурор здесь зачитывал цитаты из этих листовок. Там содержатся призывы к подрыву советской власти.

ШВЕЙСКИЙ. Значит это был добровольный отказ от преступной деятельности?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ШВЕЙСКИЙ. А почему вы хранили у себя шапирограф?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Он был изъят у меня при обыске, и на нем не было ничего напечатано.

ШВЕЙСКИЙ. С одной стороны, вы не хотели печатать листовки, потому что они антисоветские, а с другой — вы признаете вашу деятельность антисоветской. Что же именно в вашей деятельности вы считаете антисоветской?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я давал читать антисоветскую литературу.

ШВЕЙСКИЙ. Когда вы первый раз попали в психиатрическую больницу, в 1954 году?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ШВЕЙСКИЙ. А к уголовной ответственности вас привлекли в 1958 году?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ШВЕЙСКИЙ. В связи с чем вы попали в психиатрическую больницу?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я хотел покинуть цивилизацию и уйти на лоно природы.

ШВЕЙСКИЙ. Куда вы хотели уйти — в садик, в скверик?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я не хотел жить в городе... Это трудно объяснить.

ШВЕЙСКИЙ. Как вы сейчас относитесь к тем действиям, за которые вас судят?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я сознаю, что своими действиями, которые казались мне раньше правильными, я играл на руку врагам советской власти, НТС.

ШВЕЙСКИЙ. Вам ясна антисоветская направленность НТС?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ЗАЩИТНИК ГАЛАНСКОВА АДВОКАТ КАМИНСКАЯ (далее везде КАМИНСКАЯ). Добровольский, вы сказали, что подтверждаете показания, данные вами на предварительном следствии. Я вас правильно поняла?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

КАМИНСКАЯ. Когда вы были задержаны?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. 19 января 1967 года.

КАМИНСКАЯ. Когда вас допросили в первый раз?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. В тот же день.

КАМИНСКАЯ. Вы давали тогда такие же показания, как и теперь?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет, тогда я пытался обмануть следствие.

КАМИНСКАЯ. Вы признавали, что передали Радзиевскому литературу для размножения?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Так как всё, что я говорил тогда, было ложью, то сейчас мне трудно вспомнить, какую именно ложь я тогда измышлял.

КАМИНСКАЯ. Вы знали, что Радзиевский передал для размножения эти документы?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

КАМИНСКАЯ. Вы, очевидно, знали, как они попали к Радзиевскому?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я передал ему их.

КАМИНСКАЯ. А на первом допросе вы отказывались от этого?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Не помню.

КАМИНСКАЯ. После этого когда вас допрашивали?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Почти каждый день, точно я не помню.

КАМИНСКАЯ. Я вам напомню. Вас допрашивали 20, 21... Не припомните ли вы, какие показания вы давали тогда о вашей личной передаче материалов Радзиевскому?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. По-моему... Я затрудняюсь ответить на этот вопрос, я не помню.

КАМИНСКАЯ. Не припомните ли вы допрос 21 января, на котором присутствовал не только следователь. Там был, кроме следователя, помощник прокурора.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я не помню. Неоднократно кроме следователя кто-нибудь присутствовал на моем допросе.

КАМИНСКАЯ. На этом допросе вы давали правдивые показания?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я дал правдивые показания 25 марта 1967 года, через пять дней после возвращения из института Сербского.

КАМИНСКАЯ. Правильно ли я понимаю, что до этого момента вы не давали правдивых показаний?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

КАМИНСКАЯ. А потом вы дали правдивые показания по всем вопросам?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

КАМИНСКАЯ. Вы признавали, что лично передали Радзиевскому материалы?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

КАМИНСКАЯ. Не давали ли вы показаний, что Галансков поручил вам это?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ молчит.

КАМИНСКАЯ. Когда была написана ваша статья «Взаимоотношения знания и веры»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. В 1966 году, во второй половине года.

КАМИНСКАЯ. До того, как вы познакомились с Галансковым?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я затрудняюсь ответить на этот вопрос.

КАМИНСКАЯ. С какой целью вы передали эту статью Галанскову?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. С целью помещения ее в «Феникс».

КАМИНСКАЯ. Знали ли вы, каким образом будет распространяться «Феникс»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

КАМИНСКАЯ. Вы преследовали личную выгоду, помещая в «Феникс» эту статью?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я хотел получить гонорар.

КАМИНСКАЯ. Кто был первый иностранец, с которым вы встречались?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Французский журналист по имени Габриэль.

КАМИНСКАЯ. Когда и где вы с ним встречались?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. 6 августа 1966 года, на квартире у Делоне.

Судья объявляет перерыв на 10 минут. Затем допрос возобновляется.

КАМИНСКАЯ. О чем вы с ним беседовали?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Вопросы касались литературы.

КАМИНСКАЯ. Может быть, какой-нибудь литературной группы?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, мы говорили о *смогистах*.

КАМИНСКАЯ. Вы лично обращались к этому иностранцу с какими-нибудь просьбами?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, обращался, но сейчас я не помню точно... Я передавал какую-то свою статью, хотел, чтобы ее напечатали.

КАМИНСКАЯ. С каким-нибудь другим иностранцем у вас об этой статье шла речь?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, с Генрихом. Он сказал мне, что моя статья опубликована в таком-то католическом еженедельнике.

КАМИНСКАЯ. Что еще он вам говорил?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Он поощрял меня морально и сказал, что гонорар будет мне перечислен.

СУДЬЯ. Ближе к делу, товарищ адвокат!

КАМИНСКАЯ. Я спрашиваю обвиняемого по материалам дела.

СУДЬЯ. Я просил бы вас допрашивать по фактам предъявленного обвинения.

КАМИНСКАЯ. Генрих сказал вам об этом при первой встрече с вами?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет, при второй.

КАМИНСКАЯ. Кто еще присутствовал при этой встрече с Генрихом?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Мы были вдвоем.

ЗАЩИТНИК ГИНЗБУРГА АДВОКАТ ЗОЛОТУХИН (далее везде ЗОЛОТУХИН). Беседовали ли вы с Генрихом об НТС?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

ЗОЛОТУХИН. А с Надей вы беседовали об НТС?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

ЗОЛОТУХИН. Откуда же вам стало известно об их принадлежности к НТС?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я убедился в этом после ареста. До ареста я только предполагал это.

ЗОЛОТУХИН. Над какой работой вы трудились перед арестом?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я трудился над работой о бессмертии души.

ЗОЛОТУХИН. Расскажите кратко об основной идее этой работы.

СУДЬЯ. Вопрос снят как не имеющий отношения к делу. Я только что просил адвоката Каминскую придерживаться обвинения.

ЗОЛОТУХИН. Меня интересует личность обвиняемого.

СУДЬЯ. Суд не занимается творчеством обвиняемых. Суд занимается уголовным делом.

ЗОЛОТУХИН. Каково было значение этой работы для вас?

СУДЬЯ. Вопрос снят.

ЗОЛОТУХИН. Как вы можете охарактеризовать ваши отношения с Галансковым?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Ссор между нами не было.

ЗОЛОТУХИН. Можете ли вы считать, что между вами было взаимное доверие?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ЗОЛОТУХИН. Как часто осенью 1966 года вы бывали у Галанскова дома?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Каждый день. Я приходил к нему обедать.

ЗОЛОТУХИН. А кроме этого вы бывали у него?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Бывал.

ЗОЛОТУХИН. Видели ли вы когда-нибудь, как он занимается работой над сборником «Феникс»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я не видел у него рукописей, а печатные работы видел.

ЗОЛОТУХИН. Интересовались ли вы, кто скрывается под псевдонимами сборника?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

ЗОЛОТУХИН. А что вы говорили по этому поводу на следствии?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Не помню.

ЗОЛОТУХИН. Не помните ли вы, что вы спрашивали у него об этом, а он не отвечал. В материалах следствия имеются такие ваши показания.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Может быть.

ЗОЛОТУХИН. Если между вами и Галансковым были отношения доверия, почему тогда Галансков не сообщил вам, кто скрывается под псевдонимами?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я не настаивал.

ЗОЛОТУХИН. Как часто вы бывали у Лашковой осенью 1966 года?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нередко.

ЗОЛОТУХИН. Заставали ли вы ее за работой?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ЗОЛОТУХИН. Что она печатала?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Она печатала «Белую книгу».

ЗОЛОТУХИН. Что вы можете сказать об интенсивности ее работы?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. К концу своей работы она усилила интенсивность, так как ожидался приезд курьера из-за границы.

ЗОЛОТУХИН. Известно ли вам, когда приехал курьер и успела ли Лашкова окончить работу?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Он приехал спустя некоторое время после окончания работы, примерно через две-три недели.

ЗОЛОТУХИН. Писали ли вы из института Сербского записку Галанскову?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Писал.

ЗОЛОТУХИН. Содержание этой записки?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Не помню.

ЗОЛОТУХИН (цитирует). «Юра, умоляю тебя, ради бога, ты же знаешь, что я не передавал Радзиевскому ничего. Почему ты не рассказываешь об этом? Меня же посадят». Добровольский, почему вы писали: «Пойми, что я не могу сейчас садиться. Мне нужно закончить мои исследования». Чем объясняется ваша просьба?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я не могу ответить на этот вопрос.

ЗОЛОТУХИН. Какой вариант розыска «Феникса» вы предлагали КГБ 15 февраля 1967 года?*

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я не помню. Я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

ЗАЩИТНИК ЛАШКОВОЙ АДВОКАТ АРИЯ (далее везде АРИЯ). Кто познакомил вас с Лашковой?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Батшев.

АРИЯ. С какой стороны в профессиональном плане вы знали Лашкову?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Как машинистку.

АРИЯ. Вы обращались к ней как к машинистке?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

АРИЯ. Очевидно, она в процессе печатания читала материалы?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

АРИЯ. Вы рассказывали Лашковой о возмущении, которое охватило вас, когда вы прочитали работу «События в Почаевской лавре»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

АРИЯ. Лашкова была возмущена тоже?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

АРИЯ. Значит, она верила, что все, о чем идет речь в этой работе, правда?

---

* В феврале Добровольский предлагал КГБ свою помощь в срочных розысках оставшегося неизъятым экземпляра «Феникса», так как иначе, по его словам, он «уйдет за границу». Позднее же он показал, что «Феникс» якобы был передан за границу уже в декабре 1966 г.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

АРИЯ. Вы сказали, что по просьбе Галанскова вы рассказывали Лашковой об НТС. И сказали ей, что можете принять ее в НТС?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Это неправильная формулировка. Я не предлагал ей вступать в НТС.

АРИЯ. А как понимать это?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Лашкова сама обратилась ко мне с просьбой рассказать ей о приеме в НТС.

АРИЯ. И что вы ответили? Что вы один можете принять ее?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Это было безответственное заявление.

АРИЯ. После этого вашего заявления Лашкова согласилась вступить в НТС?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет, она спросила меня об этом только в общем плане.

АРИЯ. Вы видели у Лашковой материалы для «Белой книги». Это была готовая книга или отдельные материалы?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Это были разрозненные материалы.

АРИЯ. Можете ли вы сказать, были ли там все те материалы, которые впоследствии вошли в «Белую книгу»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет, я этого не знаю.

АРИЯ. Вы показали, что к концу работы Лашкова усилила интенсивность, так как ожидали приезда курьера из-за границы. От кого вы узнали о предполагаемом приезде курьера?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. От Галанскова.

АРИЯ. А Лашкова вам ничего о нем не говорила?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет, Лашкова мне ничего не говорила.

АРИЯ. Вы обвиняетесь в том, что давали Лашковой для чтения литературу НТС?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

АРИЯ. Вы согласны с такой формулировкой обвинения?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

АРИЯ. Давала ли Лашкова кому-нибудь эту литературу?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я ее предупредил, чтобы она никому не давала.

АРИЯ. Когда она вам вернула эту литературу?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Примерно через месяц.

АРИЯ. Она вам сказала о том, что давала читать ее кому-нибудь?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

СУДЬЯ. Кто первым познакомился с Лашковой — вы или Гинзбург и Галансков?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я не помню.

СУДЬЯ. Вы познакомили Лашкову с Гинзбургом и Галансковым или она сама с ними познакомилась?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Сама.

СУДЬЯ. У вас есть семья?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

СУДЬЯ. Жена, ребенок?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

СУДЬЯ. Дочь, сын?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Сын.

СУДЬЯ. Жена знала о вашей деятельности?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

СУДЬЯ. Есть ли у обвиняемых вопросы к Добровольскому?

ГАЛАНСКОВ. Из ваших показаний следует, что вы никогда не просили передать «События в Почаевской лавре» на Запад?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет, не просил.

ГАЛАНСКОВ. От вас я получил один или два экземпляра этой статьи?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. От меня ты ничего не получал. Ты получил от Лашковой.

ГАЛАНСКОВ. Кому-нибудь кроме Лашковой вы давали печатать эту статью?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ГАЛАНСКОВ. С целью?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Распространить.

ГАЛАНСКОВ. У вас есть показания, что я бывал у Титова раз в месяц. Вы подтверждаете эти свои показания?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ГАЛАНСКОВ. На чем вы основываетесь, давая такие показания?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. На словах моих знакомых.

ГАЛАНСКОВ. Конкретно?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Буковского.

ГАЛАНСКОВ. Вы утверждаете, что видели у меня инструкцию на пленке, а потом вступаете с собой в противоречие, говоря об инструкции, напечатанной на бумаге, некоторые строки которой были подчеркнуты разноцветной тушью.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я видел инструкцию, напечатанную на бумаге.

ГАЛАНСКОВ. Где это было?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я не помню.

ГАЛАНСКОВ. Был ли при этом у меня с вами какой-нибудь разговор?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Не помню.

ГАЛАНСКОВ. Кто-нибудь был еще при этом?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

ГАЛАНСКОВ. Правильно ли я понял вас, что никто, кроме вас, не видел этого письма?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ГАЛАНСКОВ. Я прошу вас вспомнить ваши показания о микропленке...

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я давал показания о пленке с произведениями Синявского и Даниэля.

ГАЛАНСКОВ. Делоне показывает, что он видел у вас доллары. При каких обстоятельствах это было?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Это было в кафе.

ГАЛАНСКОВ. Почему эти доллары были у вас с собой?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я носил их с собой, надеясь найти человека, который сможет их продать.

ГАЛАНСКОВ. К кому-нибудь вы обращались с этой просьбой?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Ко всем.

ГАЛАНСКОВ. Конкретно?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. К Буковскому, к Титову.

ГАЛАНСКОВ. О какой сумме шла речь?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. О сумме речь вообще не шла.

ГАЛАНСКОВ. К кому вы еще обращались?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Не помню... К Хаустову.

ГАЛАНСКОВ. Каким образом мог вам помочь Хаустов?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я думал, что у него есть знакомые валютчики.

ГАЛАНСКОВ. А Буковский?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. То же самое.

ГАЛАНСКОВ. При этом вы говорили о своих долларах или о чужих?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я говорил вообще о долларах.

ГАЛАНСКОВ. В связи с тем, что прокурор задал вопрос о продаже «Белой книги», я хотел бы уточнить, как вы его поняли?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Иносказательно.

ГАЛАНСКОВ. Вы давали какие-нибудь показания о продаже «Белой книги»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет, об этом не может быть и речи.

ГАЛАНСКОВ. Вы сказали, что вы получили от меня книги один раз?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ГАЛАНСКОВ. У вас есть показания о портфеле и о деньгах.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. У меня есть показания только о портфеле. Денег не было.

ГАЛАНСКОВ. Не вспомните ли вы цвет этого портфеля?

СУДЬЯ. Вопрос снят как не имеющий отношения к делу.

ГАЛАНСКОВ. Вы взяли у меня книги с портфелем или без него?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. С портфелем.

ГАЛАНСКОВ. Какие книги были вами в тот раз получены?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. «Солидаризм», «Сила идей», «Ценою подвига»...

ГАЛАНСКОВ. То есть все те книги, которые вы перечисляли на следствии?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ГАЛАНСКОВ. Можно ли считать, что это было в конце ноября?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ГАЛАНСКОВ. Был ли снег в это время?

СУДЬЯ. Вопрос снят.

ГАЛАНСКОВ. В чем я был одет?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Не помню.

ГАЛАНСКОВ. Расскажите, как я познакомил вас с Генрихом.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Это было у метро «Кропоткинская».

ГАЛАНСКОВ. У вас есть показания о том, что вы видели у меня пачку долларов. При каких обстоятельствах это было?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Мы зашли и ты показал мне эту пачку.

ГАЛАНСКОВ. Кто-нибудь был еще при этом?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

ГАЛАНСКОВ. Говорили ли вы кому-нибудь об этом?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

ГАЛАНСКОВ. Сколько дней вы провели с Надей?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. В первый раз — минут 10-15, а во второй — целый день, я возил ее в Троице-Сергиеву Лавру.

ГАЛАНСКОВ. Расскажите о первом вашем свидании с ней.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Это было у метро «Лермонтовская», когда ты меня познакомил с ней.

ГАЛАНСКОВ. Куда потом пошла Надя?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я не знаю.

ГАЛАНСКОВ. Каким образом вы потом встретились?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Договорились о встрече заранее.

ГАЛАНСКОВ. Сколько времени вы с ней пробыли в лавре?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Целый день.

ГАЛАНСКОВ. Видели ли вы ее потом?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

ГАЛАНСКОВ. У вас есть показания, что вы видели ее перед отъездом.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, я видел ее еще и на следующий день.

ГАЛАНСКОВ. Заходили ли вы к кому-нибудь с ней?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

ГАЛАНСКОВ. Не заходили ли вы с ней к Ситникову?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

ГАЛАНСКОВ. К Титову?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Заходил.

ГАЛАНСКОВ. С целью?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Титов — религиозный художник.

ГАЛАНСКОВ. У вас есть показания о том, что, придя к Поташевой, я сказал вам, что «Белая книга» передана на Запад?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ГАЛАНСКОВ. Как это было?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. У нее была большая компания. Потом пришел ты и сказал мне это. Больше этого никто не слышал.

ГАЛАНСКОВ. Поблизости никто не находился, когда я вам говорил об этом?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

ГАЛАНСКОВ. Существуют ли другие лица, знающие об этих словах?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет.

ГАЛАНСКОВ. Можете ли вы точно определить место в комнате, где я сказал вам эти слова?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Это было в прихожей. Я позвонил. Дверь мне открыли ты и какая-то девушка.

ГАЛАНСКОВ. Что же было дальше?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Дальше ты мне сказал, что «Белая книга» передана.

ГАЛАНСКОВ. Девушка слышала это?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Возможно, слышала.

ГАЛАНСКОВ. Вы имели один экземпляр брошюры «Солидаризм — идея будущего»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ГАЛАНСКОВ. Где эта брошюра сейчас?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я не помню.

ГАЛАНСКОВ. Кому вы ее передавали?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Кац.

СУДЬЯ. Она была напечатана на машинке?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Одна была напечатана типографским способом, а другая на машинке.

СУДЬЯ. Куда она делась сейчас?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я не помню.

ГАЛАНСКОВ. У меня есть показания, что я через вас передал повесть...

СУДЬЯ (прерывает). Вопрос снят.

ГАЛАНСКОВ. В своих показаниях вы ссылаетесь не только на разговоры со мной, но и на разговоры с Гинзбургом?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я прошу уточнить.

ГАЛАНСКОВ. У вас есть показания о том, что к Есенину-Вольпину должен приехать иностранец. Вы показали, что это вам известно из беседы с Гинзбургом. Когда и где вы беседовали с Гинзбургом?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. В Литературном музее.

ГАЛАНСКОВ. Я знаком с Есениным-Вольпиным?

СУДЬЯ. Вопрос снят.

ГАЛАНСКОВ. Расскажите о моем разговоре с вами о камерах хранения.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я не помню.

ГАЛАНСКОВ. Вы говорили о фотопленке со статьей «Российский путь перехода к социализму». Вы лично видели эту пленку?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да.

ГАЛАНСКОВ. При каких обстоятельствах вы узнали, что эта пленка принадлежит Гинзбургу?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я уже сказал об этом.

ГАЛАНСКОВ. В какой связи вы упоминали об этой пленке вместе со ссорой, которая была у меня с Гинзбургом на квартире у Лашковой?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я слышал от Лашковой об этом.

СУДЬЯ. Кто был на квартире у Поташевой в день встречи с Генрихом, когда ему была передана «Белая книга»?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Поташева, Устинова, Лашкова, Тимофеева.

ГАЛАНСКОВ. В этот момент в связи с чем я интересовался Устиновой?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Не помню.

ГАЛАНСКОВ. Была ли Устинова у Поташевой?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Да, была.

СУДЬЯ. Есть еще вопросы? Садитесь, Добровольский, достаточно.

Затем суд переходит к допросу Веры Лашковой.

Допрос Веры Лашковой

СУДЬЯ. Лашкова, встаньте, подойдите сюда и расскажите все, что вы знаете по данному делу.

ЛАШКОВА. Прежде чем начать свои показания, я хочу сказать, что я признаю себя виновной по фактам, но деятельность свою антисоветской не считаю.

СУДЬЯ. Расскажите, как вы познакомились с остальными обвиняемыми.

ЛАШКОВА. Сначала я познакомилась с Добровольским, меня познакомил с ним Батшев в январе 1966 года. Это было случайное знакомство.

ПРОКУРОР. Это знакомство не было связано ни с какой деятельностью?

ЛАШКОВА. Нет, это было случайное знакомство. Потом я познакомилась с Галансковым, а в сентябре 1966 года он познакомил меня с Гинзбургом. С Галансковым я познакомилась через Каплана в связи с тем, что Галанскову нужна была машинистка. Мое знакомство с Гинзбургом состоялось в связи с дачей мне Гинзбургом печатной работы. С ним я познакомилась уже по возвращении из Сибири.

ПРОКУРОР. Зачем вы туда ездили?

ЛАШКОВА. Я ездила к Батшеву*.

ПРОКУРОР. Что у вас за дело было к Батшеву?

ЛАШКОВА. Я считала нужным к нему поехать.

ПРОКУРОР. А на какие деньги вы ездили, вы же в то время не работали.

ЛАШКОВА. До поездки к Батшеву я работала, а ездила к нему потому, что мы друзья и я считала нужным поддержать его.

СУДЬЯ. До того, как вы устроились на работу в МГУ, вы не работали?

ЛАШКОВА. Да.

СУДЬЯ. На чьем иждевении вы находились?

ЛАШКОВА. Ни на чьем.

СУДЬЯ. Расскажите, как вы печатали для Гинзбурга.

ЛАШКОВА. Получив от Гинзбурга материалы к книге и договорившись с ним об оплате, я приступила к работе. Выполняла я ее до середины ноября 1966 года. В частности, я печатала «Письмо старому другу». Это письмо, в отличие от других материалов, которые я печатала в 5-ти экземплярах, я печатала в 6-ти или 7-ми экземплярах. Что касается листовки «Сопротивление», то я ее не печатала. Я ее видела: она ходила по Москве, я ее видела и в книге, но сама ее не печатала.

ПРОКУРОР. Что вы печатали Добровольскому?

ЛАШКОВА. Стихи на религиозные темы, работу «События в Почаевской лавре в наши дни». Причем «События» я печатала сначала для Доброхотова, а потом уже для Добровольского. В июне 1966 года Добровольский попросил меня сделать печатную работу, привез меня к Марку Доброхотову, и тот спросил меня, не смогу ли я напечатать для него одну работу. Работа была небольшая, документ был уже напечатан, но затем подвергся какой-то корректуре, и требовалось его перепечатать. Написан он был очень правдиво, искренне. Был адресован в какие-то инстанции. Я напечатала 6 экземпляров этого документа. Я не считала этот документ антисоветским. Потом я напечатала еще 6 экземпляров для Добровольского. Всего 12 экземпляров. Мне было заплачено Доброхотовым 10 рублей. Сначала я не хотела брать у него эти деньги — это была слишком

* Молодой поэт Батшев, член СМОГа, в 1966 году был сослан на 5 лет в Сибирь как «лицо, ведущее паразитический образ жизни».

большая плата. Но он мне сказал, что эти деньги были отложены специально на перепечатку этой работы, и я взяла их.

ПРОКУРОР. Что вам известно об НТС?

АРИЯ. По закону, подсудимый сначала может рассказать все, имеющее отношение к делу, а потом уже ему должны задаваться вопросы. Прошу вас дать возможность Лашковой сначала рассказать все самой.

СУДЬЯ. Я не вижу нарушения в том, что товарищ прокурор задает вопросы.

ПРОКУРОР. Что вам известно об НТС?

ЛАШКОВА. Об НТС впервые я услышала... Я могу не считать первым упоминание в газетах о процессе Брука... Впервые я услышала об этом от Добровольского. Как возник разговор на эту тему, я не помню. Я слышала, что это белоэмигрантская организация, которая издает какие-то произведения.

ПРОКУРОР. Видели ли вы журнал «Грани»?

ЛАШКОВА. Нет, я видела только журнал «Наши дни» и брошюру «Солидаризм».

ПРОКУРОР. Кто вам передал их?

ЛАШКОВА. Добровольский, для прочтения.

ПРОКУРОР. Вы понимали, что это антисоветская литература?

ЛАШКОВА. Журнал «Наши дни» содержит в себе много сложного материала, который я читать не стала. Я прочла статью о событиях в Новочеркасске.

ПРОКУРОР. А брошюра «Солидаризм»?

ЛАШКОВА. В первой части этой брошюры излагалась какая-то философская система, довольно сложная, я там почти ничего не поняла. Вторая часть, в которой помещена программа НТС, — это антисоветский материал.

ПРОКУРОР. Почему же вы брали антисоветскую литературу?

ЛАШКОВА. Когда я брала, я этого не знала. Я узнала только когда прочла.

ПРОКУРОР. Добровольский говорил вам, чтобы вы не давали никому эти книги?

ЛАШКОВА. Да.

ПРОКУРОР. Где были изданы эти книги?

ЛАШКОВА. Не помню.

ПРОКУРОР. Добровольский передавал вам еще и листы бумаги с отпечатанным текстом?

ЛАШКОВА. Вроде нет.

ПРОКУРОР. У вас в показаниях написано, что вы получили еще и «Сфинксы»?

ЛАШКОВА. Это не имеет никакого отношения к «Граням».

ПРОКУРОР. Сколько раз получали литературу?

ЛАШКОВА. Один раз. Я получила брошюру «Солидаризм» и «Наши дни».

ПРОКУРОР. Кому еще Добровольский давал литературу?

ЛАШКОВА. Кац он давал литературу точно и, кажется, Кушеву.

ПРОКУРОР. Он давал им эти же книги?

ЛАШКОВА. Я не знаю, у нас с ним не было конкретного разговора на эту тему.

ПРОКУРОР. Чем вы объясняете то, что он это делал?

ЛАШКОВА. Не знаю.

ПРОКУРОР. Значит, вы пришли к выводу, что «Солидаризм» — антисоветская литература, да?

ЛАШКОВА. Да.

ПРОКУРОР. Кому вы передавали литературу, полученную от Добровольского?

ЛАШКОВА. «Наши дни» я показывала Краснову, а брошюру «Солидаризм» — Кушеву.

ПРОКУРОР. Зачем вы это делали?

ЛАШКОВА. Что касается Левитина (Краснова), меня заинтересовал там какой-то материал, не криминальный.

ПРОКУРОР. А брошюра? Зачем вы давали ее Кушеву?

ЛАШКОВА. Мне было интересно узнать, как он относится к этому вопросу.

ПРОКУРОР. Какие еще антисоветские издания и кому вы передавали?

ЛАШКОВА. Никаких.

ПРОКУРОР. Губанову вы ничего не передавали?

ЛАШКОВА. Нет.

ПРОКУРОР. Эпизод у метро «Библиотека им. Ленина» действительно имел место?

ЛАШКОВА. Да.

ПРОКУРОР. Расскажите, что там было, когда это было?

ЛАШКОВА. По-моему, это было в октябре 1966 года.

ПРОКУРОР. Почему вы там оказались?

ЛАШКОВА. Это происходило поздним вечером. Мы с Га-

лансковым должны были ехать в одно место и сначала подошли к метро. Потом подошел Добровольский, и Галансков передал ему 5 книг, каких точно, я не знаю.

ПРОКУРОР. Что это были за книги?

ЛАШКОВА. Я не видела. В метро я спросила Галанскова, что это за книги, он сказал мне, что потом объяснит.

ПРОКУРОР. Из того, что Галансков был очень осторожен при передаче книг Добровольскому, вы сделали вывод, что это книги, изданные НТС?

ЛАШКОВА. Да.

ПРОКУРОР. Значит, какие именно книги, вы не видели?

ЛАШКОВА. Не видела.

ПРОКУРОР. Левитину вы давали «Наши дни»?

ЛАШКОВА. Всего на несколько минут. Он их только перелистал.

ПРОКУРОР. А Кац вам что-нибудь передавала?

ЛАШКОВА. Она мне показывала брошюру «Солидаризм», но в отпечатанном на машинке виде. Я ее читать не стала.

ПРОКУРОР. Галансков вас просил отпечатать какое-нибудь шифрованное письмо? Когда это было, при каких обстоятельствах?

ЛАШКОВА. Это было осенью 1966 года. У него на квартире я напечатала на папиросной бумаге в одном экземпляре письмо. По-моему, оно было без обращения и без адреса. Оно целиком не было зашифровано, кроме отдельных предложений.

ПРОКУРОР. Как выглядели, примерно, эти зашифрованные предложения?

ЛАШКОВА. Там были какие-то цифры. По-моему, 101, 102, 103... Речь, видимо, шла о каких-то взаимоотношениях.

ПРОКУРОР. Вы не спросили у Галанскова, что все это значит?

ЛАШКОВА. Нет.

ПРОКУРОР. Он сам вас просил напечатать это письмо?

ЛАШКОВА. Да. Я при нем напечатала его.

ПРОКУРОР. А где подлинник этого письма?

ЛАШКОВА. Я не знаю. Наверное, уничтожен.

ПРОКУРОР. Значит, адреса не было?

ЛАШКОВА. Нет.

ПРОКУРОР. Галансков вам объяснял, зачем нужно это письмо?

ЛАШКОВА. Нет.

ПРОКУРОР. Почему вы его об этом не спросили?

ЛАШКОВА. Меня это не интересовало.

ПРОКУРОР. А Добровольский просил вас написать для него какое-нибудь письмо?

ЛАШКОВА. Да, один раз. Это было в начале осени. Я была дома, ко мне пришел Добровольский и спросил, не могу ли я написать для него несколько строк. Я сказала, что могу. Теперь я должна сказать, что в технике написания этого письма я могу что-то перепутать. Может быть, я не совсем правильно говорила на следствии, потому что я не помню, что куда подкладывалось. Письмо было написано так, что потом написанного текста я не увидела. Там была какая-то плотная копирка. Текст, написанный мной, был о пластинках, о Яне.

ПРОКУРОР. А видный текст писали вы тоже?

ЛАШКОВА. Да.

ПРОКУРОР. Какой?

ЛАШКОВА. Я не помню. Я могу сказать только, что и первый, и второй тексты были бытового характера.

ПРОКУРОР. Что было написано в первом тексте?

ЛАШКОВА. Дорогой Ян, здравствуй. Получили твою посылку. Пришли пластинки.

ПРОКУРОР. Это было уже поверх того текста, который был написан раньше?

ЛАШКОВА. Я не помню.

ПРОКУРОР. В общем, была тайнопись?

ЛАШКОВА. Да. Но техники я не помню.

ПРОКУРОР. Что сделал Добровольский с письмом?

ЛАШКОВА. Плотный листочек он положил в карман, а текст — в конверт. Я написала на конверте адрес, кажется Осло.

ПРОКУРОР. Какой был обратный адрес?

ЛАШКОВА. Не помню.

ПРОКУРОР. Вы говорили на следствии, что обратный адрес был вымышленный?

ЛАШКОВА. Да, так сказал мне Добровольский.

ПРОКУРОР. С какой целью Добровольский посылал это письмо?

ЛАШКОВА. Не знаю.

ПРОКУРОР. А вы не интересовались у него?

ЛАШКОВА. Нет.

ПРОКУРОР. Как же так, вы пишите такое-то письмо за границу и даже не поинтересуетесь, зачем оно нужно?

ЛАШКОВА. Тогда я этим не интересовалась.

ПРОКУРОР. Значит, вы не знаете, посылали ли они эти письма и кому они были адресованы?

ЛАШКОВА. Да.

ПРОКУРОР. Когда вы писали письмо для Галанскова?

ЛАШКОВА. Я не помню точно, это было осенью.

ПРОКУРОР. А Добровольскому?

ЛАШКОВА. В октябре 1966 года.

ПРОКУРОР. Где все это происходило?

ЛАШКОВА. У Галанскова на квартире и у меня дома.

ПРОКУРОР. Кто-нибудь еще при этом присутствовал?

ЛАШКОВА. Нет.

ПРОКУРОР. Расскажите суду о вашем разговоре с Добровольским о порядке приема в НТС.

ЛАШКОВА. Я заинтересовалась этим после того, как прочла книги НТС. Я спросила у него, что такое НТС, чем занимается, кто члены НТС. Он ответил. Потом я спросила, как производится прием в НТС. Он мне ответил. Вот и все.

ПРОКУРОР. Почему вы спрашивали это у Добровольского? Ведь сначала вы обратились к Галанскову?

ЛАШКОВА. Да.

ПРОКУРОР. Почему же этот разговор был у вас с Добровольским?

ЛАШКОВА. Это было у меня на квартире. Мы с Галансковым вышли на кухню, и там я сказала, что хотела бы поближе познакомиться с деятельностью НТС. А потом ко мне пришел Добровольский и рассказал мне все это.

ПРОКУРОР. Почему же вы с Галансковым пошли разговаривать на кухню?

ЛАШКОВА. НТС это же не КПСС. (Смех в зале.)

ПРОКУРОР. Вы когда-нибудь сталкивались с термином «боевые единицы»? Расскажите об этом.

ЛАШКОВА. Я слышала об этом от Батшева впервые. В связи с чем об этом зашел разговор, я не помню.

ПРОКУРОР. А в письмах, которые вы писали, вам не встречался этот термин?

ЛАШКОВА. Да, я уже говорила об этом. В письме Галанскова вроде упоминались «боевые единицы», но точно я не помню.

ПРОКУРОР. Скажите, почему вы передали Галанскову

один экземпляр статьи «События в Почаевской лавре»? Вы получили ее от Добровольского, он вам разрешил давать ее Галанскову?

ЛАШКОВА. Я не спрашивала. Я напечатала эту статью в 6-ти экземплярах, и один оставила для себя. Я была возмущена фактами, которые описывались там.

ПРОКУРОР. Зачем вы отдали ее Галанскову?

ЛАШКОВА. Я сейчас подойду к этому. Я рассказывала своим знакомым о содержании этого письма монахов. Однажды я пришла к Галанскову, не специально для этого, и он, после того как я ему рассказала об этом, попросил принести ему экземпляр. Потом, когда я уже отдала Галанскову эту статью, Добровольский спросил: где мой экземпляр. Я сказала, что дала его Галанскову. Тогда Добровольский стал ругаться и требовать его обратно. Я не знала, что Галансков может распространить этот документ. Я давала его ему только для прочтения.

ПРОКУРОР. Вы знали, что Галансков собирает материалы для сборника?

ЛАШКОВА. Нет, я этого не знала.

ПРОКУРОР. Но этот документ клеветнический?

ЛАШКОВА. Я не знаю.

ПРОКУРОР. Значит, вы поверили и решили распространить этот документ?

ЛАШКОВА. Нет, этого я не решала.

ПРОКУРОР. Видели ли вы иностранную валюту у кого-нибудь из подсудимых, доллары например?

ЛАШКОВА. Да, я видела у Галанскова не нашу денежную бумажку.

ПРОКУРОР. Вы спросили у него, что это за бумажки?

ЛАШКОВА. Не бумажки, а бумажка. Одна.

ПРОКУРОР. Бумажка?

ЛАШКОВА. Да. И он сказал, что это доллар, я спросила, много ли это, он сказал, что много.

ПРОКУРОР. Он сказал, откуда у него это?

ЛАШКОВА. Нет.

ПРОКУРОР. Он вам не сказал, но вы подтверждаете, что доллары у Галанскова были и он вам показывал одну купюру. Так?

ЛАШКОВА. Да, один раз я видела...

ПРОКУРОР. Что вам известно о ротаторе?

ЛАШКОВА. О каком?

ПРОКУРОР. Если их несколько, то обо всех!

ЛАШКОВА. Ничего не известно.

ПРОКУРОР. А разговоры о ротаторе с вами были?

ЛАШКОВА. Был такой разговор, но не со мной, а при мне. Но это был разговор не о ротаторе, а о какой-то множительной машине. Ко мне пришел Добровольский с двумя незнакомыми мне людьми. Он разговаривал с ними не в комнате у меня, а в маленькой каморке, которая примыкает к моей комнате.

ПРОКУРОР. Значит, Добровольский приглашал к вам двух человек и говорил с ними о станке?

ЛАШКОВА. Я не слышала их разговор, уже потом я узнала, о чем они говорили. Откуда я узнала, я не помню, то ли Добровольский мне сказал.

ПРОКУРОР. Говорил ли с вами Добровольский о ротаторе?

ЛАШКОВА. Он спрашивал, приходилось ли мне работать на ротаторе.

ПРОКУРОР. А Добровольский не называл по имени этих мужчин?

ЛАШКОВА. Нет.

ПРОКУРОР. А фамилию Тарасов вы не слышали?

ЛАШКОВА. Вроде слышала.

ПРОКУРОР. Торопили ли вас Гинзбург и Галансков при печатании «Белой книги» и «Феникса»?

ЛАШКОВА. То есть Гинзбург при печатании «Белой книги», а Галансков — «Феникса»? Гинзбург меня не торопил, он мне давал материал все время, но спешки не было никакой.

ПРОКУРОР. На следствии вы говорили иначе: «Белую книгу» я печатала очень напряженно, часов по 8-10 в сутки, Гинзбург торопил меня, причин я не знала. Особой спешки при печатании «Феникса» не было.».

ЛАШКОВА. Позвольте объяснить. «Белая книга» объемна, а «Феникс» меньше, и потом, я печатала не весь «Феникс». Потом, я печатала его уже тогда, когда работала в МГУ, и мне не трудно было тогда его печатать.

ПРОКУРОР. Вы понимаете, почему он вас торопил? Вы слышали о Генрихе?

ЛАШКОВА. Я могу сказать, что ни к какому определенному дню меня не подгоняли.

ПРОКУРОР. Вы печатали «Письмо старому другу» и листовку «Сопротивление»?

ЛАШКОВА. «Письмо старому другу» печатала, а листовку нет.

ПРОКУРОР. Кто автор этих двух произведений?

ЛАШКОВА. Не знаю.

ПРОКУРОР. От кого вы получили материалы для «Белой книги»?

ЛАШКОВА. Я всё получала только от Гинзбурга, Галансков никакого отношения к «Белой книге» не имел.

ПРОКУРОР. Был ли при вас какой-нибудь разговор о квартире?

ЛАШКОВА. Да, разговор между Устиновой и Добровольским. Инициатором этого разговора был Добровольский. Он сказал, что у него есть престарелая родственница, за которой надо ухаживать. Можно над этой родственницей оформить опекунство. Он сказал, что надо иметь квартиру, куда можно было бы свободно придти. Этот разговор так ничем и не кончился.

ПРОКУРОР. Был ли с вами какой-нибудь разговор об адресах для посылок?

ЛАШКОВА. Был, но с кем, с Добровольским или с Галансковым, я точно не помню. Речь шла о том, на чьи адреса можно присылать книги. Я предложила свой адрес.

ПРОКУРОР. Почему же им не воспользовались? Расконспирировать боялись?

ЛАШКОВА. Я не была законспирирована. Я не знаю, почему.

ПРОКУРОР. Какие антисоветские документы вы печатали?

ЛАШКОВА. Письмо Шолохову, которое я печатала, я восприняла как личный протест автора, я не могу сказать, антисоветское оно или нет.

ПРОКУРОР. Там была такая фраза: «У нас в СССР были лагеря сверхгитлеровского размаха»?

ЛАШКОВА. Я не помню. Надо посмотреть все целиком.

ПРОКУРОР (цитирует). «Море человеческой крови было пролито на советской земле». Если бы это было про оккупантов — это одно. Мы считаем это письмо антисоветским. Какие еще антисоветские статьи вы печатали?

ЛАШКОВА. Не знаю.

ПРОКУРОР. На следствии вы говорили по-другому. Вот ваши показания от 12 сентября 1967 года: «Когда я прочитала «Открытое письмо Шолохову», я спросила у Галансko-

ва, не боится ли он». Галансков вам сказал, что не боится?

ЛАШКОВА. Да.

ПРОКУРОР. И после этого разговора вы отпечатали 7 экземпляров этого письма?

ЛАШКОВА. Да. В этом письме содержатся только резкие нападки на Шолохова.

ПРОКУРОР. Листовка «Сопротивление» — антисоветская?

ЛАШКОВА. Я ее не печатала.

ПРОКУРОР. Но эта листовка, по вашим показаниям на следствии, носила антисоветский характер. Вы подтверждаете эту оценку?

ЛАШКОВА. Я не помню содержание этой листовки.

ПРОКУРОР (цитирует). «Политические держиморды... Мы призываем вас к сопротивлению». Как вы это оцениваете?

ЛАШКОВА. Я не знаю. (В зале смех.)

ПРОКУРОР. В своих показаниях на следствии вы дали твердую оценку.

ЛАШКОВА молчит, потом что-то отвечает, но очень тихо.

ПРОКУРОР. В брошюре «Солидаризм — идея будущего» содержатся идеи антисоветского характера?

ЛАШКОВА. Да.

ПРОКУРОР. Вы признаете себя виновной в антисоветской деятельности?

ЛАШКОВА. Да.

ПРОКУРОР. Как вы оцениваете эту свою деятельность?

ЛАШКОВА. Отрицательно.

ПРОКУРОР. Как вы будете жить дальше?

ЛАШКОВА. Иначе.

ПРОКУРОР. Вы собираетесь отказаться от этой деятельности?

ЛАШКОВА. Да, я собираюсь.

ПРОКУРОР. И вы будете жить как честный гражданин Советского Союза?

ЛАШКОВА (некоторое время молчит). Я уже сказала, что собираюсь отказаться от этой деятельности.

СУДЬЯ спрашивает, есть ли вопросы у защиты.

АРИЯ. Для чего Гинзбург собирал материалы по процессу Синявского и Даниэля?

ЛАШКОВА. Мы об этом с ним не говорили.

АРИЯ. Кому были адресованы эти материалы?

ЛАШКОВА. Председателю Совета Министров Косыгину,

в Президиум Верховного Совета. Гинзбург намеревался куда-то послать эти материалы.

АРИЯ. Был ли какой-нибудь разговор о передаче этих материалов за рубеж?

ЛАШКОВА. Нет.

АРИЯ. Он сказал вам, когда вы кончали работу, что хочет передать эти материалы не по этим адресам, а за рубеж?

ЛАШКОВА. Нет.

АРИЯ. Вы печатали не весь материал, впоследствии вошедший в «Белую книгу»?

ЛАШКОВА. Я видела в процессе следствия только документы, опубликованные в «Гранях». «Белую книгу» целиком я не видела. Я не знаю ее целиком.

АРИЯ. Вы печатали отдельные статьи?

ЛАШКОВА. Да, я печатала протесты интеллигенции, какие-то газетные статьи, стенограмму процесса. Я не знаю, какую часть книги в целом я печатала. Гинзбург приносил мне материал по частям.

АРИЯ. Упоминалось ли в разговорах между вами и Гинзбургом название «Белая книга» или речь шла о материалах по процессу Синявского и Даниэля?

ЛАШКОВА. Не помню, мне кажется, что не было названия «Белая книга».

АРИЯ. Вы интересовались, как Гинзбург будет компенсировать ваш труд?

ЛАШКОВА. Да, мы договорились, что Гинзбург будет обеспечивать меня: давать деньги, приносить продукты.

АРИЯ. Для Галанскова вы напечатали «Открытое письмо Шолохову» и «Российский путь перехода к социализму». В деле имеется ваше следующее заявление: «Галанскову от подневольной машинистки Лашковой. Прошу предоставить мне отпуск на неопределенный срок». Это заявление, повидимому, шуточное?

ЛАШКОВА. Да.

АРИЯ. Добровольский показывал, что вы не хотели печатать для Галанскова, но у вас была его машинка, на которой вы печатали вашу работу для МГУ.

ЛАШКОВА. Да, я работала для МГУ на его машинке. Он хотел забрать ее. И забрал в конце-концов.

АРИЯ. Когда вы брали материалы для перепечатки, вы сначала их читали или печатали сразу?

ЛАШКОВА. Я печатала машинально, не читая. Особенно «Российский путь», который я печатала с фотокопии.

АРИЯ. Вы пользуетесь линейкой при печатании?

ЛАШКОВА. Да, всегда. «Российский путь» я вообще не читала, а «Письмо» я не читала до напечатания.

АРИЯ. Относительно событий, описанных в работе «События в Почаевской лавре в наши дни», имеется ли у вас сейчас уверенность, что это ложь?

ЛАШКОВА. Я не знаю.

АРИЯ. Теперь по поводу литературы НТС. С какой целью вы получили эту литературу от Добровольского?

ЛАШКОВА. Для чтения.

АРИЯ. Вас обвиняют в том, что вы ее получили для распространения, вы с этим согласны?

ЛАШКОВА. Нет.

АРИЯ. Считаете ли вы, что формулировки «для чтения» и «для распространения» совместимы?

ЛАШКОВА. Нет, не считаю.

АРИЯ. «Солидаризм» — это антисоветская литература?

ЛАШКОВА. Да.

АРИЯ. Кому вы дали эту брошюру?

ЛАШКОВА. Кушеву.

АРИЯ. Стремились ли вы к тому, чтобы у Кушева возникли антисоветские настроения?

ЛАШКОВА. Нет.

АРИЯ. Тогда с какой целью вы ее ему дали?

ЛАШКОВА. Я дала ему просмотреть эту брошюру домой.

АРИЯ. А он вам ничего не говорил о том, что он видел ее раньше? Распространение этой брошюры инкриминируется и вам, и Добровольскому.

ЛАШКОВА. Нет, я не помню.

АРИЯ. Как вы объясните то, что вы дали Кушеву эту брошюру?

ЛАШКОВА. Мне было интересно узнать его мнение.

АРИЯ. Вы поняли философскую часть этой брошюры?

ЛАШКОВА. Плохо поняла.

АРИЯ. Когда вы сами прочли ее, она нашла у вас в душе отклик?

ЛАШКОВА. Нет.

АРИЯ. Этот материал находился у вас около месяца?

ЛАШКОВА. По-моему, меньше. Точно я не помню, но мне кажется, не больше 10 дней.

АРИЯ. В течение 10 дней вы имели возможность дать прочитать эту брошюру большому кругу людей?

ЛАШКОВА. Нет.

АРИЯ. Из какой вы семьи?

ЛАШКОВА. Из рабочей.

АРИЯ. Оказывая содействие, вы понимали, что напечатанные вами документы носят резкий характер. Понимали ли вы, что ваша помощь носит характер государственного преступления?

ЛАШКОВА. Нет.

АРИЯ. Сколько вы уже сидите?

ЛАШКОВА. Год.

АРИЯ. Вы сожалеете, что занимались подобной деятельностью?

ЛАШКОВА (долго думает). Нет, не сожалею.

АРИЯ. Может быть, вы не поняли мой вопрос?

ЛАШКОВА. Нет, поняла.

АРИЯ. Но вы сказали, что впредь вы больше не будете ей заниматься?

ЛАШКОВА. Да.

АРИЯ. Вы написали в следственных материалах, что сожалеете?

ЛАШКОВА. Не совсем так...

АРИЯ. Вы подтверждаете это свое заявление?

ЛАШКОВА. Да.

СУДЬЯ. Кто ваши родители?

ЛАШКОВА. Отец на пенсии, мать — повар.

СУДЬЯ. Где они живут?

ЛАШКОВА. В Смоленске.

СУДЬЯ. Как получилось, что вы живете отдельно от них?

ЛАШКОВА. Я бы не хотела отвечать на этот вопрос.

СУДЬЯ. Поступали ли вы в институт?

ЛАШКОВА. Да, я пробовала поступить в институт много раз, но не проходила по конкурсу. Потом я поступила в Институт культуры на режиссерский факультет. К моменту ареста я училась на втором курсе.

АРИЯ. Какого числа вас задержали?

ЛАШКОВА. 17 января 1967 года.

АРИЯ. Вот ваши показания от 18 января, на основании которых вас обвиняют, вы давали их, когда еще не были арестованы?

ЛАШКОВА. Да.

Судья объявляет перерыв до 9-го января, 10 часов утра. Судебное заседание 8-го января заканчивается около 8 часов 30 минут вечера.

9 января

Судебное заседание начинается в 10 часов утра с продолжения допроса Веры Лашковой*.

Продолжение допроса Веры Лашковой

НАРОДНЫЙ ЗАСЕДАТЕЛЬ ЧИЖОВА (далее везде ЧИЖОВА). Лашкова, я вчера так и не поняла, сожалеете ли вы о сделанном или нет. Сначала вы сказали одно, потом другое.

ЛАШКОВА. Я не сожалею о том, что я помогала остальным обвиняемым, но сожалею, что мои действия, возможно, принесли вред моему народу.

КАМИНСКАЯ. Говорил ли вам Добровольский о своем намерении выпустить свой журнал наподобие «Феникса»?

ЛАШКОВА. Нет, не говорил.

КАМИНСКАЯ. А на предварительном следствии вы давали по этому поводу следующие показания: «В разговоре со мной Добровольский упоминал о том, что зимой он собирается выпустить журнал и мне придется, вероятно, его печатать».

ЛАШКОВА. Этот разговор был чисто ориентировочный, ничего точно я сказать по этому поводу не могу: я не помню.

КАМИНСКАЯ. Добровольский собирался один выпускать этот журнал?

ЛАШКОВА. Не помню.

КАМИНСКАЯ. На следствии вы говорили, что он собирается выпускать его один.

ШВЕЙСКИЙ. Рассказывал ли вам Добровольский о целях, которые он преследовал, собираясь издавать этот журнал?

ЛАШКОВА. Нет, не рассказывал.

ПРОКУРОР. Расскажите подробно о вашем разговоре с вашей знакомой Ивой Ивановой о квартире. Разговаривали ли вы с ней и спрашивали ли у нее, можно ли ее квартиру использовать в каких бы то ни было целях?

* Здесь и далее опущены процессуальные моменты, связанные с началом заседаний: объявление о входе суда и д. д.

ЛАШКОВА. Да, у меня был такой разговор.

ПРОКУРОР. Печатали ли вы что-нибудь в резиновых перчатках?

ЛАШКОВА. Да, «Гражданское обращение».

ПРОКУРОР. Зачем вы надевали при этом резиновые перчатки?

ЛАШКОВА. Для романтики. (Хохот в зале.)

ПРОКУРОР. Расскажите подробно, как вы печатали в резиновых перчатках.

ЛАШКОВА. Вообще печатать в резиновых перчатках трудно, я только закладывала листы бумаги в машинку в перчатках. Потом я их снимала.

ПРОКУРОР. Скажите, пожалуйста, Лашкова, а где вы брали эти резиновые перчатки?

ЛАШКОВА (молчит некоторое время). Мне их дал Галансков.

ПРОКУРОР. Это те перчатки, которые фигурируют в деле? Которые были изъяты у Добровольского?

ЛАШКОВА. Нет, это не те перчатки. Я печатала в тонких перчатках. У Добровольского была изъята пара толстых перчаток.

СУДЬЯ. У обвиняемых есть вопросы?

ГАЛАНСКОВ. Вера, расскажите, пожалуйста, в каких мы с вами были отношениях и был ли у нас с вами разговор, при котором я вас спрашивал, как вы ко мне относитесь? Говорили ли вы тогда, что вы относитесь ко мне очень хорошо и даже меня любите?

ЛАШКОВА. Да.

ГАЛАНСКОВ. Могу ли я считать, что вы печатали для меня из чисто дружеских побуждений?

ЛАШКОВА. Да.

ГАЛАНСКОВ. Скажите, пожалуйста, часто ли я кормил вас, приносил вам всякую еду?

ЛАШКОВА. Да, часто.

ГАЛАНСКОВ. Когда вам понадобилось оклеить вашу комнату новыми обоями, я сделал это для вас?

ЛАШКОВА. Да.

ГАЛАНСКОВ. Скажите, пожалуйста, Вера, сколько всего экземпляров письма к Шолохову вы мне напечатали?

ЛАШКОВА. Не помню.

ГАЛАНСКОВ. Вы летом 1966 года напечатали для меня 4 экземпляра письма, придя ко мне домой. Это так?

ЛАШКОВА. Да.

ГАЛАНСКОВ. А потом вы мне напечатали еще 5 экземпляров письма?

ЛАШКОВА. Да.

ГАЛАНСКОВ. А сколько вообще вы мне печатали и сколько времени вам понадобилось для этого?

ЛАШКОВА. Не помню...

ГАЛАНСКОВ. Скажите, пожалуйста, Вера, предупреждал ли я вас о мерах предосторожности, когда я вам давал печатать письмо к Шолохову?

ЛАШКОВА. Нет.

ГАЛАНСКОВ. Скажите, пожалуйста, предупреждал ли я вас о какой-либо предосторожности, когда вы печатали «Российский путь перехода к социализму»?

ЛАШКОВА. Нет.

ГАЛАНСКОВ. Имел ли место разговор, при котором я вам говорил, что если вас когда-нибудь вызовут в КГБ, то вы не должны ни в коей мере, если это вам будет нужно, отрицать, что я вам давал материал, а вы его печатали?

ЛАШКОВА. Да, вы мне говорили это.

ГАЛАНСКОВ. Вера, вы не помните точно эпизод с перчатками? Я могу вам напомнить: бумагу в машинку в перчатках вкладывал я, вы перчатки не надевали, вы только печатали текст.

ЛАШКОВА молчит.

ГАЛАНСКОВ. Вера, почему вы назвали мою жену буржуйкой?

ЛАШКОВА молчит.

ГАЛАНСКОВ. Может быть, потому, что ее родители много зарабатывают?

ЛАШКОВА. Я точно не знаю, сколько они зарабатывают. Я знаю, что довольно много.

ГАЛАНСКОВ. Скажите, пожалуйста, вы присутствовали у метро «Библиотека им. Ленина» во время того события, о котором шла речь на суде?

ЛАШКОВА. Да, присутствовала.

ГАЛАНСКОВ. Скажите, передавал ли я какие-нибудь книги Добровольскому?

ЛАШКОВА. Да, передавал.

ГАЛАНСКОВ. На основании чего вы это утверждаете?

СУДЬЯ. Галансков, вы уже занялись выяснением личных отношений! Задавайте конкретные вопросы.

ГАЛАНСКОВ. У меня вопросов больше нет.

ГИНЗБУРГ. Скажите, пожалуйста, Вера, вы сами делали себе закладки для машинки или вам кто-нибудь помогал?

ЛАШКОВА. Я делала их сама.

Затем суд переходит к допросу Юрия Галанскова.

Допрос Юрия Галанскова

СУДЬЯ. Галансков, встаньте и подойдите сюда. Что вы можете сказать по данному делу?

ГАЛАНСКОВ. Я хочу сказать, что не понимаю смысла предъявленных мне обвинений. Я никогда в жизни не был антисоветски настроенным человеком и сейчас таковым не являюсь. Я всегда был пролетарским демократом и сторонником диктатуры пролетариата.

СУДЬЯ предлагает Галанскому держаться ближе к делу.

ГАЛАНСКОВ заявляет, что сначала он остановится на обвинениях, касающихся статьи 70 УК РСФСР, а показания по статье 88 УК дасть в конце допроса. Затем он отказывается от всех показаний, данных им в течение следствия, и говорит, что может объяснить мотивы, по которым он давал ложные показания на следствии.

СУДЬЯ. Но вы признаете, что вы участвовали в составлении «Феникса» и «Белой книги»?

ГАЛАНСКОВ. Я признаю и никогда не отрицал, что действительно являюсь составителем и редактором журнала «Феникс». Я хочу сказать о истории его создания. Первоначально этот журнал был задуман как пацифистский сборник. Потом, под влиянием дела Синявского и Даниэля, этот журнал постепенно менялся и вырастал и, наконец, превратился в тот журнал, который вы видите перед собой. Мне инкриминируются пять антисоветских якобы произведений, которые я включил в свой журнал. Среди них: «Откровение Виктора Вельского», «Российский путь перехода к социализму», статья Синявского «Что такое социалистический реализм», статья «События в Почаевской лавре в наши дни» и мое «Открытое письмо Шолохову». Я хотел бы начать с того, что никогда не считал и не считаю эти произведения антисоветскими. И я могу объяснить суду, почему.

Далее Галансков делает попытку доказать, что произве-

дения, инкриминируемые ему, антисоветскими не являются. Он пытается разобрать каждое из них отдельно.

СУДЬЯ неоднократно прерывает его, говоря, что здесь не литературный диспут и вопросы литературы суд не интересуют.

ПРОКУРОР. Когда вы познакомились с остальными обвиняемыми?

ГАЛАНСКОВ. С Гинзбургом я познакомился в 1960 году, меня познакомила с ним Горбаневская. Через некоторое время после нашего знакомства Гинзбург был арестован. После его ареста я продолжал ходить к его матери, и у нас с ней установились очень хорошие отношения. Когда Гинзбург вернулся из лагеря, мы с ним познакомились ближе. Общих политических взглядов у нас с ним никогда не было. Если я всегда был демократом, то Гинзбурга я всегда считал либералом. На политические темы мы с ним почти не разговаривали. Мы никогда не делали никаких общих дел, поэтому ни в коей мере не может идти речь о моем участии в работе над «Белой книгой» или об участии Гинзбурга в составлении «Феникса».

ПРОКУРОР. А чем же вы объясните, что «Феникс» был изъят у Гинзбурга?

ГАЛАНСКОВ. Просто я случайно забыл у него один экземпляр, когда заходил последний раз перед обыском.

ПРОКУРОР. С какой целью вы получили от Гинзбурга фотопленку со статьей «Российский путь перехода к социализму»?

ГАЛАНСКОВ. Я получил эту пленку не от Гинзбурга, а от Файнгольда.

ПРОКУРОР. Откуда вы знаете Лашкову?

ГАЛАНСКОВ. С Лашковой я познакомился через Каплана, так как мне нужна была машинистка. Каплан предложил мне двух машинисток, и я выбрал Лашкову.

ПРОКУРОР. Как вы познакомились с Добровольским?

ГАЛАНСКОВ. Меня познакомил с ним Буковский. Это было летом 1966 года.

ПРОКУРОР. И вы быстро втянули его в свои связи с НТС?

ГАЛАНСКОВ говорит, что никогда не имел никакой личной связи с представителями НТС и никакой литературы, никаких денег, вообще ничего от них не получал. Показания же Добровольского, что он, Галансков, получил

от Генриха деньги, целиком и полностью вымышленные. Так же он говорит, что никогда не передавал в НТС и вообще за границу «Феникс» или «Белую книгу». Галансков не отрицает, что он встречался с двумя иностранцами на протяжении 1966 года.

ПРОКУРОР. Расскажите подробнее.

ГАЛАНСКОВ. Моя встреча с иностранцем по имени Генрих происходила в действительности так. Однажды мы с Добровольским договорились встретиться у кинотеатра «Ударник». На тот случай, если я задержусь и не смогу вовремя туда придти, Добровольский дал мне два телефона, по которым я мог бы его разыскать. Я должен был позвонить или ему или Лашковой. Когда я пришел к «Ударнику», Добровольского там уже не было. Тогда я позвонил Вере и, узнав, что Леша у нее, поехал к ней. Когда я приехал туда, Добровольский сказал мне, что нужно подойти к метро «Кропоткинская», чтобы встретиться там с кем-то. Через некоторое время мы с ним вышли из дома Лашковой и пошли к метро «Кропоткинская». Через некоторое время появился какой-то мужчина, с которым Добровольский отошел к газетному киоску и о чем-то там с ним разговаривал. О чем именно они разговаривали, я не знаю. Через некоторое время Добровольский вместе с этим иностранцем, которого на следствии называли Генрих, отошли от метро и пошли по улице, продолжая свой разговор. Я шел в некотором отдалении от них и потому не слышал, о чем они разговаривали. Потом я оставил их на некоторое время наедине, сказав, что мне нужно забежать в один дом ненадолго и что я скоро догоню их. Потом я зашел к Лашковой домой, чтобы посмотреть, нет ли там моей знакомой Устиновой. После этого через некоторое время я опять нагнал их, и мы вместе пошли по направлению к дому Светы Поташевой, к которой мы договорились пойти в этот вечер. Когда мы дошли до ее дома, Добровольский попросил меня проводить Генриха до метро, сам же пошел к Поташевой. Я проводил Генриха до метро, по дороге мы с ним почти ни о чем не разговаривали. Он спросил меня, читал ли я какую-то религиозную статью. Я ответил, что читал. Больше никаких разговоров у меня с ним не было, на политические темы и тем более об НТС я с ним не говорил. Проводив Генриха до метро, я вернулся к Поташевой. Я позвонил, дверь мне открыл вовсе не Добровольский, а какая-

то девушка. Я прошел в комнату, там было очень много народу. Я сразу подошел к приемнику, сел возле него и начал ловить музыку. Потом ко мне подошла Иванова и пригласила меня танцевать. Я пошел танцевать с ней, при этом ни с кем, кроме моей партнерши, не разговаривал.

Далее Галансков показывает, что, по просьбе Добровольского, он передал иностранцу по имени Генрих экземпляр ленинградского журнала «Колокол». Это было у кинотеатра «Ударник» при второй встрече Галанскова с Генрихом. Имя Генрих — вымышленное, его придумал сам Галансков. Как доказательство этого он привел место из своей очной ставки с Добровольским, во время которой Добровольский задал ему вопрос: «Почему ты называешь этого иностранца Генрихом?» После этой очной ставки этот иностранец фигурирует в показаниях Добровольского уже как Генрих.

ПРОКУРОР. А Надя? С ней вы говорили об НТС?

ГАЛАНСКОВ. Что касается иностранки по имени Надя, я могу сказать, что никогда не знал о ее принадлежности к НТС. Я с ней ни разу не разговаривал ни на политические темы, ни об НТС. Я был у себя дома, вдруг в дверь постучали. Когда я открыл дверь, на пороге стояла девушка. Она сказала, что хочет поговорить со мной о чем-то и попросила выйти на улицу. Когда я вышел, она сказала мне, что приехала из-за границы, что ей был дан адрес Доброхотова, что она была у него, но его не было дома. Поэтому она решила обратиться ко мне и просит меня помочь ей отыскать одного человека. Адрес этого человека она воспроизвести точно не могла. Она только помнила, что это где-то на «Щелковской» и называла фамилию Черницын. Я спросил ее, может быть это не фамилия, а район Черницыно. Я знал, что у «Щелковской» есть такой район*. Она сказала, что нет, это фамилия. Так как я знал, что Доброхотов — друг Добровольского, то я решил, что приезд этой девушки имеет какое-то отношение к Добровольскому. Я проводил девушку, которая назвалась Надей, до троллейбуса и доехал вместе с ней до метро «Библиотека им. Ленина». Там я договорился встретиться с ней на следующий день у метро «Лермонтовская». На эту встречу с Надей я решил пригласить Добровольского. На следующий день я пришел

* Район за Измайловским парком, возле станции метро «Щелковская».

в назначенное время в метро, туда же пришел и Добровольский. После прихода Нади наше совместное пребывание там продолжалось примерно минут десять. Потом Добровольский ушел куда-то вместе с Надей. Из того, что Добровольский не был удивлен встречей с Надей и не задавал ни мне, ни ей никаких вопросов, и из того, что Надя никак ему не представлялась, я сделал вывод, что Добровольский знал о предполагаемом приезде Нади в Москву. И еще. Когда я показал Добровольскому адрес Черницына, подошла Надя, и он сказал: «Я знаю, это ко мне». Больше я Надю не видел. Никакого представления о том, является ли Надя членом НТС, как и о том, является ли членом НТС иностранец по имени Генрих, я не имею.

ПРОКУРОР задает вопросы о посылках и о формах связи Галанскова с НТС.

ГАЛАНСКОВ несколько раз на протяжении допроса подчеркивает, что до ареста ничего об НТС не знал и никаких посылок не получал из-за границы.

ПРОКУРОР несколько раз прерывает Галанскова, зачитывая показания, которые тот давал в течение предварительного следствия.

ГАЛАНСКОВ каждый раз говорит, что от этих показаний он отказался и ни на какие вопросы, имеющие отношение к ним, он отвечать не будет.

ПРОКУРОР. Расскажите о встрече с иностранцем по имени Филипп.

ГАЛАНСКОВ. Летом 1966 года ко мне на работу позвонил Епифанов и сказал, что через некоторое время он подъедет к Литературному музею, где я в то время работал. Епифанов приехал не один, он привез с собой иностранца, которого звали Филипп. Епифанов сказал мне, что Филипп — студент из Парижа, что он интересуется молодыми поэтами, в том числе смогистами. Так как Епифанов не знал почти никого из смогистов и несколько раз слышал от меня, что я хорошо знаком с некоторыми из них, то он, Епифанов, привез этого иностранца ко мне. Познакомив нас, Епифанов ушел.

ПРОКУРОР задает вопросы о шифрованном письме, которое печатала по просьбе Галанскова Лашкова.

ГАЛАНСКОВ отвечает, что это письмо было адресовано его знакомому Батшеву и никакого отношения к НТС не имело. Он сказал также, что во время учения в Историко-

архивном институте он всегда интересовался классификацией — предметом, посвященным изучению составления шифров, используемых при систематизации книг в библиотеках. Поэтому письмо к Батшеву он зашифровал таким образом. Числа, использованные в нем, обозначают фамилии отдельных смогистов.

ПРОКУРОР. Для чего вы так делали?

ГАЛАНСКОВ. Я всегда интересовался конспирацией.

ПРОКУРОР. В связи с чем?

ГАЛАНСКОВ. Я надеюсь в будущем стать председателем Комитета государственной безопасности, и тогда мне это, безусловно, пригодится. (Смех в зале.)

ПРОКУРОР спрашивает, почему, если, действительно, часть его показаний на предварительном следствии правда, а часть ложь, правдивая часть абсолютно не противоречит ложной?

ГАЛАНСКОВ отвечает, что он хороший психолог и что ему ничего не стоило, располагая некоторыми достоверными фактами, придумать всю остальную часть своих показаний. Он сделал это, желая помочь следствию свести концы с концами, чтобы, таким образом, поскорее кончилось следствие.

СУДЬЯ спрашивает, есть ли вопросы у защиты.

КАМИНСКАЯ. Считаете ли вы произведение «Откровение Виктора Вельского» антисоветским?

ГАЛАНСКОВ. Нет.

КАМИНСКАЯ. Считаете ли вы статью «Российский путь к социализму» антисоветской?

ГАЛАНСКОВ. Нет.

КАМИНСКАЯ. Считаете ли вы статью «Описание событий в Почаевской лавре в наши дни» антисоветской?

ГАЛАНСКОВ. Нет.

КАМИНСКАЯ. Почему именно вы не считаете эти произведения антисоветскими?

ГАЛАНСКОВ пытается объяснить.

СУДЬЯ прерывает его, говоря, что здесь суд, а не литературный диспут.

КАМИНСКАЯ. Когда именно и при каких обстоятельствах вами было написано «Открытое письмо Шолохову»?

ГАЛАНСКОВ. Замысел написания этого письма появился у меня в марте 1966 года, когда я находился в психиатрической больнице. В апреле того же года, выйдя из больницы, я написал это письмо.

КАМИНСКАЯ. Каково было ваше состояние в то время?

ГАЛАНСКОВ. В то время я находился в тяжелом психическом состоянии.

КАМИНСКАЯ. Было ли какое-нибудь из произведений, включение которых в «Феникс» вам инкриминируется, опубликовано в «Гранях» или в каком-либо другом издательстве НТС?

ГАЛАНСКОВ. Нет.

ШВЕЙСКИЙ. Чем вы можете объяснить, что вы столько раз на протяжении следствия меняли свои показания?

ГАЛАНСКОВ. Сначала я дал ложные показания с таким расчетом, чтобы взять всю вину Добровольского на себя. Делал я это потому, что у Добровольского это не первая судимость, потому что у него есть семья: жена и ребенок. И я поддался просьбам Добровольского, решив, что мне все равно отвечать за «Феникс». Потом, когда следователь стал предъявлять мне показания Добровольского обо мне, носящие абсолютно сумасшедший нереальный характер, я понял, что не могу больше придерживаться такой линии по отношению к нему. И я отказался от своих показаний. После этого следователь при одном из наших разговоров сказал мне, что если я буду изменять свои показания, то это может повредить не только мне лично, но и всем остальным обвиняемым. И если я буду продолжать делать то же самое, то всех нас отправлят в Сибирь на рудники. Я не мог представить себе Лашкову, которая весит сорок килограммов, на сибирских рудниках. Поэтому я решил придерживаться своих прежних показаний.

СУДЬЯ. У обвиняемых есть вопросы?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Слышал ли ты когда-нибудь от меня, что я разделяю позиции НТС, что я согласен с его программой?

ГАЛАНСКОВ. Нет.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Оценивал ли я когда-нибудь НТС положительно?

ГАЛАНСКОВ. Нет.

КАМИНСКАЯ говорит, что хотела бы сделать заявление.

СУДЬЯ. Пожалуйста.

КАМИНСКАЯ заявляет, что произведение «Откровение Виктора Вельского» является не статьей, а повестью, и что эта повесть состоит из двух частей. Первая из них является описанием индивидуальной судьбы, там описывается жизнь

молодого человека, подвергшегося тяжелым жизненным испытаниям. Вторая часть — философская, сама по себя является развенчиванием героя. Первая часть этой повести была признана антисоветской, а вторая часть, наиболее объемная, в деле почти нигде не фигурирует, не фигурирует она также в обвинительном заключении, несмотря на то, что именно эта часть содержит объявление причин возникновения тех антисоветских высказываний героя, которые послужили причиной признания первой части повести антисоветской.

Судья объявляет полуторачасовой перерыв. Затем допрос возобновляется.

СУДЬЯ предлагает Галанскову рассказать о незаконных валютных операциях.

ГАЛАНСКОВ говорит, что действительно им было взято у Добровольского сначала 260, потом 300 долларов. Эти деньги Добровольский дал ему для того, чтобы он приобрел для Добровольского в валютном магазине пишущую машинку. Так как в то время пишущих машинок в валютном магазине не было, Галансков деньги на некоторое время оставил у себя. Потом к нему из Ленинграда приехал Ентин. Увидев у Галанскова доллары, он предложил ему обменять их через какого-то знакомого парня, который живет в гостинице «Украина» и может произвести этот обмен официальным путем. Галансков посоветовался с Добровольским, которому принадлежали доллары, и, получив его согласие, вручил Ентину для обмена 200 долларов. Ентин обменял эти доллары на 600 рублей. Тогда Галансков решил оставить у себя столько долларов, сколько может понадобиться на покупку машинки (он думал, что машинка будет стоить примерно 160 долларов), а остальные отдать Ентину, чтобы он обменял и их. Но Ентина на этот раз обманули, вручив ему вместо денег пачку горчичников. После этого все оставшиеся у Галанскова деньги, и в долларах и в рублях, он отдал обратно Добровольскому.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ спрашивает Галанскова, почему он утверждает, что получил доллары от него, тогда как в действительности он сам давал ему, Добровольскому, доллары и рубли.

ГАЛАНСКОВ отвечает, что это неправда.

КАМИНСКАЯ задает Добровольскому ряд вопросов о

том, когда и при каких обстоятельствах он якобы получил деньги от Галанскова.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ отвечает, что точно он не помнит.

ЛАШКОВА. Я хочу задать вопрос Добровольскому.

СУДЬЯ. Пожалуйста.

ЛАШКОВА. Добровольский, не припомните ли вы разговора со мной, приблизительно осенью, когда вы сказали, что хотите купить подержанную автомашину, что деньги отдадите сразу, и спрашивали, нет ли у меня знакомого, который мог бы продать вам эту машину?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет, такого разговора не было.

ЛАШКОВА. Я утверждаю, что такой разговор был, и прошу суд учесть это.

Затем суд переходит к допросу Александра Гинзбурга.

Допрос Александра Гинзбурга

СУДЬЯ. Гинзбург, встаньте, подойдите сюда. Что вы можете сказать по данному делу?

ГИНЗБУРГ. Прежде всего я хочу заявить, что я не поэт, не писатель, не публицист, а обыкновенный человек. Кроме того, я никогда не был антисоветчиком. Мои показания 1960 года, о которых столько говорилось в обвинительном заключении, я давал восемь лет назад, после шести месяцев одиночного заключения, на пятый день голодовки. Они не соответствуют моим убеждениям, я от них давно отказался. Что же касается моих теперешних взглядов, то я бы хотел остановиться на этом подробнее. Ленин в одной из своих последних работ «Лучше меньше, да лучше»...

ПРОКУРОР (перебивает). В суде необязательно цитировать Ленина!

СУДЬЯ поддерживает заявление прокурора.

ЗОЛОТУХИН заявляет протест.

СУДЬЯ снимает протест.

ГИНЗБУРГ говорит о своем отношении к делу Синявского и Даниэля, об общественной реакции на этот процесс во всем мире, сравнив эту реакцию с протестами против преследования греческих демократов. (Смех в зале.)

СУДЬЯ запрещает Гинзбургу говорить о суде над Синявским и Даниэлем, так как им уже вынесен приговор и этот вопрос к делу не относится.

ГИНЗБУРГ. Я хотел составить объективный сборник материалов по этому делу, включить в него всё доступное мне и отправить руководителям нашего государства.

СУДЬЯ. Вы писали по этому поводу в Верховный Суд СССР?

ГИНЗБУРГ. Нет.

СУДЬЯ. Почему?

ГИНЗБУРГ. Я знал, что многие письма туда остались без ответа. Я решил избрать другой путь, более действенный — составить максимально объективный сборник и показать его компетентным лицам, чтобы они передали его руководителям нашего государства. Так, в ноябре 1966 года я показал его писателю Эренбургу и некоторым другим депутатам.

ПРОКУРОР. Назовите их имена.

ГИНЗБУРГ. Я отказываюсь.

ПРОКУРОР. Почему?

ГИНЗБУРГ. Достаточно того, что меня судят за этот сборник. Мне не хотелось бы видеть больше никого на этой скамье.

ПРОКУРОР. Где вы доставали материалы иностранных газет?

ГИНЗБУРГ. В библиотеках, покупал в киосках, просил у людей, которые выписывают эти газеты.

ПРОКУРОР. Назовите этих людей.

ГИНЗБУРГ. Отказываюсь по той же причине, что и депутатов.

ПРОКУРОР. Кто вам помогал делать этот сборник?

ГИНЗБУРГ. Никто. Этот сборник я делал только один.

ПРОКУРОР. Кто переводил иностранные газеты?

ГИНЗБУРГ. Я сам.

СУДЬЯ. Какие языки вы знаете?

ГИНЗБУРГ. Со словарем переведу с английского, с французского могу, но с трудом. Немецкий я учил в школе. (Смех в зале.)

ПРОКУРОР. Кто печатал этот сборник?

ГИНЗБУРГ. Частично я сам, частично Лашкова. Она печатала не все материалы, в частности не печатала листовку «Сопротивление».

ПРОКУРОР. Вы приносили ей сборник целиком или частями?

ГИНЗБУРГ. Частями.

ПРОКУРОР. На каких условиях она печатала вам?

ГИНЗБУРГ. Я платил ей деньги и иногда приносил продукты.

ПРОКУРОР. Когда она закончила печатать материал для сборника?

ГИНЗБУРГ. Примерно в ноябре 1966 года.

ПРОКУРОР. С какой целью вы включили в свой сборник антисоветские документы: листовку, подписанную «Сопротивление», и «Письмо старому другу»?

ГИНЗБУРГ. Во-первых, я не считаю их антисоветскими. Там нет ни клеветы, ни заведомо ложных измышлений, ни призывов к свержению власти. Во-вторых, я стремился сделать свой сборник максимально объективным и представить в нем все точки зрения на этот процесс. Так что, если бы даже я считал эти документы антисоветскими, я все равно для объективности картины должен был бы включить их в свой сборник, который, я повторяю, я не собирался распространять, а хотел передать в высшие государственные и партийные инстанции.

ПРОКУРОР. С какой целью вы написали письмо Косыгину, включенное в ваш сборник?

ГИНЗБУРГ. Я написал это письмо, чтобы выразить свое мнение по поводу этого дела и заявить, что я не считаю произведения этих писателей антисоветскими. Я думал и продолжаю так думать и сейчас, что если я не согласен с чем-либо, я должен выражать свое несогласие открыто.

ПРОКУРОР. Так почему же вы не отправили это письмо по адресу?

ГИНЗБУРГ. Я считаю это обвинение гнусным.

СУДЬЯ делает Гинзбургу замечание.

ГИНЗБУРГ. Я делал чистое дело чистыми руками. Я отправил это письмо по адресу. А если оно не дошло, не я в этом виноват. Из тюрьмы я написал своему адвокату шесть писем, а он их не получил. Из этого вовсе не следует, что я их не посылал.

ПРОКУРОР. Когда вы познакомились с Галансковым и какие отношения были между вами?

ГИНЗБУРГ. Кажется, в 1959 году, как с поэтом. С 1960 по 1962 год я был в заключении. Он часто ходил к нам в дом. Когда я вернулся, мы встречались, но не очень часто. Он заходил к нам домой, очень хорошо относился к моей ма-

тери. С 1966 года мы вместе работали в Литературном музее рабочими.

ПРОКУРОР. Помогал ли он вам делать «Белую книгу»?

ГИНЗБУРГ. Нет, я делал ее один и только один.

ПРОКУРОР. Помогали ли вы Галанскову в составлении сборника «Феникс»?

ГИНЗБУРГ. Нет, я вообще не видел этого сборника.

ПРОКУРОР. Почему один экземпляр «Феникса» был найден у вас?

ГИНЗБУРГ. Галансков сказал, что он забыл его у нас дома. Он положил его на полку возле двери, где его и нашли при обыске. Я уже показывал, что не видел и не читал этот сборник. Показания Галанскова по этому вопросу полностью совпадают с моими.

ПРОКУРОР. Передавали ли вы Галанскову фотопленку со статьей «Российский путь перехода к социализму»?

ГИНЗБУРГ. Нет, не передавал. Галансков подтвердил это. Ему дал ее один знакомый, он об этом уже говорил.

ПРОКУРОР. Когда вы познакомились с Лашковой?

ГИНЗБУРГ. Осенью 1966 года, в конце сентября — начале октября.

ПРОКУРОР. С какой целью?

ГИНЗБУРГ. Мне нужна была машинистка. Она согласилась печатать, я за это платил ей деньги и приносил продукты.

ПРОКУРОР. Когда вы познакомились с Добровольским?

ГИНЗБУРГ. В 1960 году, на экспертизе в институте Сербского. После этого много лет мы не виделись. Затем снова встретились, когда он поступил в ноябре 1966 года в Литературный музей работать переплетчиком. В этом же музее Галансков и я работали рабочими. Добровольский сам правильно охарактеризовал наши отношения: «Здравствуй — до свиданья». Мы с Галансковым, как правило, работали в других музеях — филиалах Литературного музея — и очень редко встречались с Добровольским. Ни о чем мы с ним никогда не разговаривали. Что же касается тех показаний, которые он дает относительно меня, то все они исключительно предположительны и недостоверны, всегда якобы со слов Галанскова, причем Галансков от всех этих слов, ему приписываемых, отказывается. Это относится и к показаниям о том, что я якобы передал свои связи с заграницей в 1962 году Галанскову. Прошу учесть, что до

1960 года никаких таких связей у меня обнаружено не было, об этом даже не было речи во время следствия 1960 года, которое велось по «Синтаксису», а с 1960 по 1962 год я находился в лагере, так что о каких моих связях говорит Добровольский, я не могу понять. Это относится и к показаниям, что я якобы дал согласие Галанскову на передачу моего сборника за границу, о чем Добровольский знает со слов Галанскова, но при этом подчеркивает, что сам ничего не видел и не знает точно. То же касается и показаний, что я якобы дал Галанскову фотопленку со статьей «Российский путь перехода к социализму». Характерны и такие его показания. При мне Добровольский ни разу не был в моем доме. Может быть, он когда-нибудь заходил к нам в мое отсутствие вместе с Галансковым, но я этого не помню. Тем не менее он показал, что у меня в доме есть тайник, который он, Добровольский, сам видел. Однако никакого тайника после двух обысков у меня найдено не было. И не удивительно, так как эти показания Добровольского — клевета и выдумка. И еще несколько слов о показаниях Добровольского. У меня есть все основания утверждать, что информация поступала не только от Добровольского к следователю, но и наоборот. Так, Добровольский в начале следствия утверждал, что никогда не видел сборник материалов по делу Синявского и Даниэля. Тем не менее в конце следствия он называет его тенденциозным, криминальным и т. д., почти в тех же самых выражениях, в каких о нем говорится в обвинительном заключении. Кроме того, ему, единственному из нас, разрешались дополнительные передачи, и об этом в деле имеются соответствующие документы.

СУДЬЯ. Вы говорили, что были осуждены в 1960 году. За что?

ГИНЗБУРГ. Я сдавал экзамены за приятеля, но следствие велось в основном по журналу «Синтаксис», который я тогда составил. Однако, за отсутствием состава преступления, следствие по статье 70 УК РСФСР было прекращено, а я был осужден по статье 196 ч. I УК на два года лишения свободы.

ЧИЖОВА. Где вы работали после окончания школы?

ГИНЗБУРГ. Я работал в разных местах — токарем, библиотекарем, актером, учился в МГУ на факультете журналистики. В последнее время я работал в Литератур-

ном музее рабочим и учился в Историко-архивном институте.

ПРОКУРОР. Расскажите о своих связях с зарубежной эмигрантской организацией НТС.

ГИНЗБУРГ. Никаких связей с НТС у меня не было, и ни с какими другими организациями тоже.

ПРОКУРОР. Но в своей статье «Ответ господину Хьюгесу», опубликованной в газете «Вечерняя Москва» в 1965 году, вы сами писали, что у вас было два знакомых гида с выставки американской графики.

ГИНЗБУРГ. Да, это было, но они ни к какой организации не имеют никакого отношения. Мы познакомились на выставке и говорили исключительно об искусстве.

ПРОКУРОР. В той же статье вы сами писали о том, что журнал «Синтаксис» был опубликован в «Гранях», а это издательство НТС.

ГИНЗБУРГ. Во-первых, я этого не писал, это добавили в мою статью работники редакции без моего ведома. Это было не единственным добавлением к письму в газету, которое меня заставили написать. Тогда я не придал этой детали с «Гранями» большого значения. Во-вторых, я даже не знаю, в каком году «Синтаксис» был опубликован в «Гранях». В 1960 году, когда меня арестовали, «Синтаксис» не был закончен, до 1962 года я находился в лагере, а когда вернулся, мне было не до этого. Так что я понятия не имею, как и когда «Синтаксис» попал за границу.

ПРОКУРОР. Но ведь не случайно, Гинзбург, ваши сборники используют за границей наши враги?

ГИНЗБУРГ. Наши враги используют всё. Есть, например, американское издание «Секретаря обкома» Кочетова с предисловием Керенского. Что же теперь — Кочетова сажать в тюрьму?

ПРОКУРОР. Как попала за рубеж ваша «Белая книга»?

ГИНЗБУРГ. Во-первых, я сам никогда этот сборник не называл «Белой книгой» и не знаю, откуда взялось это название. Во-вторых, я уже говорил, что понятия не имею, как попал на запад мой сборник. Я не ставил своей целью передавать его в какое-либо западное издательство, я хотел, чтобы он дошел до высоких инстанций в нашем государстве. Я хотел просить о пересмотре приговора Синявскому и Даниэлю, так как считал этот приговор несправедливым.

ПРОКУРОР. Как это попало в «Грани»?

ГИНЗБУРГ. Во время следствия мне дали возможность ознакомиться с несколькими номерами «Граней». Так в № 62 «Граней» есть несколько документов, которые вошли и в мой сборник, в том числе письмо Гинзбурга Косыгину, листовка «Сопротивление» и «Письмо старому другу». При этом нигде не указано, что это материалы из моего сборника, мое имя там упоминается только раз — «Письмо Косыгину А. Гинзбурга, редактора журнала «Синтаксис». И все. Хочу заметить, что если бы я сам передал это письмо в «Грани», я бы назвал себя как-нибудь иначе, не так уж я горжусь «Синтаксисом», чтобы через восемь лет возвращаться к этому. Эта публикация нескольких документов не доказывает, что я передал свой сборник в «Грани».

ПРОКУРОР. Но в № 63 «Граней» есть редакционное примечание: «Гинзбург проделал колоссальную работу, составив сборник материалов по делу Синявского и Даниэля».

ГИНЗБУРГ. В этом примечании ничего не сказано о том, что я передал в «Грани» свой сборник, и из этой редакционной статьи ничего не следует.

ЗОЛОТУХИН. За какой месяц № 63 «Граней»?

ПРОКУРОР. Но ведь это еженедельный журнал!

СУДЬЯ (смотрит обложку). Нет, он выходит 3 раза в год. Этот номер — март 1967 года.

ЗОЛОТУХИН. А французское издание сборника в издательстве «La table ronde» было в феврале 1967 года. (Показывает книгу.) Так что № 63 «Граней», помещая свою редакционную заметку, мог иметь в виду французское издание «Белой книги», которое приобщено к делу.

ГИНЗБУРГ. Во всяком случае я не передавал свой сборник ни в одно из этих издательств.

ПРОКУРОР. Расскажите суду о вашей встрече со шведом.

ГИНЗБУРГ. Никакой встречи со шведом у меня не было. В июне 1966 года мне позвонила одна моя знакомая — имени ее я не назову — и сказала, что в Москве есть студент швед, который хотел бы познакомиться с кем-нибудь из смогистов. После этого я позвонил Губанову и его жене Басиловой и спросил, хотят ли они встретиться со шведом, интересующимся смогистами. Они согласились. Потом я дал своей знакомой их адрес. И всё. Я со шведом и не собирался встречаться.

ПРОКУРОР. Откуда вы получили газетные вырезки антисоветского содержания, которые передали Губанову?

ГИНЗБУРГ. Я уже говорил, что включил в свой сборник отклики иностранной прессы на процесс Синявского и Даниэля. В процессе работы мне попались газеты на норвежском, датском и итальянском языках. Я не знаю этих языков, но увидел там написанное крупными латинскими буквами СМОГ. То же было и с газетой на французском языке. Мне эти газеты были не нужны. Я не знал содержания этих статей, но понял, что речь в них идет о СМОГе. и передал эти вырезки Губанову, одному из смогистов. Я не знаю и не мог знать содержания этих статей, так как не знаю ни норвежского, ни датского, ни итальянского языков. Французский я знаю плохо, читаю только со словарем, а эту статью читать не стал, так как это не относилось к процессу Синявского и Даниэля.

ПРОКУРОР. Откуда у вас появились две песни антисоветского содержания?

ГИНЗБУРГ. У меня была большая коллекция современных песен, написанных непрофессионалами. При обыске у меня было изъято много пленок, среди них были и две эти песни. На мой взгляд, в них нет ничего антисоветского — это веселые музыкальные шутки... Может быть, они свидетельствуют о невзыскательности вкуса, но никак не об антисоветской настроенности. Одна из них про кита и трех селедок, а вторая — пародия на «Анну Каренину» Толстого, написанную, как известно, в XIX веке. В песне, правда, в шутливом контексте упоминается работа Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции», но статья эта написана за 10 лет до установления советской власти и потому даже насмешка над ней не может считаться «антисоветским деянием». При мне прокурор (фамилия неразобрана), прослушивая эти песенки, весело смеялся.

СУДЬЯ. Есть вопросы у защиты?

ЗОЛОТУХИН. Скажите, Гинзбург, читали ли вы показания Шаффхаузера, эмиссара НТС, задержанного в январе 1967 года?

ГИНЗБУРГ. Да.

ЗОЛОТУХИН. Что у него было отобрано?

ГИНЗБУРГ. Вопросник с вопросами, чем занимаются различные советские писатели и деятели и каковы их взгляды.

ЗОЛОТУХИН. Кроме Галанскова и вас, кого касались эти вопросы?

ГИНЗБУРГ. Я не помню точно, там было несколько писателей, например Аксенов.

ЗОЛОТУХИН. Были ли вы знакоми с эмиссаром НТС Микулинской?

ГИНЗБУРГ. Я не мог быть с ней знаком, она была в СССР в марте 1967 года, когда я был уже арестован.

СУДЬЯ. Вопросы у подсудимых?

ГАЛАНСКОВ. Вы утверждаете, что я с Добровольским приходил к вам домой?

ГИНЗБУРГ. Нет, я говорю, что это могло быть в принципе, но при мне не было.

ГАЛАНСКОВ. Я ни разу с Добровольским не был в вашем доме.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я протестую! Гинзбург говорил обо мне...

СУДЬЯ (прерывает). Добровольский, ваше возражение снято. Гинзбург выражает свою личную точку зрения.

На этом допрос подсудимых заканчивается, по установленному порядку судебного следствия затем должен начаться допрос свидетелей.

КАМИНСКАЯ ходатайствует о вызове в суд свидетелем гражданина Григоренко, который может дать важные показания, касающиеся денег, обнаруженных при обыске на квартире Добровольского.

ПРОКУРОР требует отклонить это ходатайство из-за невменяемости Григоренко.

СУДЬЯ, на месте посовещавшись с заседателями, объявляет вопрос открытым, пока из психо-неврологического диспансера, в котром состоял на учете Григоренко, не поступит заключение о его психическом состоянии в данный момент, и предлагает секретарю послать туда запрос. Затем объявляет перерыв в судебном заседании до 10 января, 10 часов утра.

Заседание заканчивается в 7 часов 30 минут вечера.

Судебное заседание начинается в 10 часов утра с обсуждения вчерашнего ходатайства адвоката Каминской о вызове в суд свидетелем гражданина Григоренко.

СУДЬЯ сообщает, что справка о психическом состоянии Григоренко получена и зачитывает ее. В справке говорится, что в 1964 году Григоренко был признан судебно-психиатрической экспертизой невменяемым с диагнозом шизофрения, после чего в течение года находился на излечении в специальной психиатрической больнице в Ленинграде. После выхода из больницы состоит на учете в психоневрологическом диспансере с диагнозом шизофрения*.

После зачтения этой справки суд, посовещавшись на месте, отказывает Каминской в ходатайстве.

ПРОКУРОР ходатайствует о вызове в суд свидетелем Николаса Брокса Соколова, задержанного в Москве в декабре 1967 года. Прокурор мотивирует свое ходатайство тем, что среди показаний Брокса Соколова содержатся имеющие прямое отношение к данному делу.

СУДЬЯ спрашивает мнение защиты и подсудимых.

АДВОКАТЫ заявляют, что они хотели бы сначала, прежде чем Брокс Соколов будет вызван в суд свидетелем, ознакомиться с его показаниями и материалами следствия. Таково же мнение и их подзащитных.

ПРОКУРОР отвечает, что дело Брокса Соколова только начато, что следствию предстоит выяснение различных обстоятельств, касающихся этого дела, и что это государственной важности дело, и следовательно материалы следствия не подлежат оглашению.

СУДЬЯ на этом основании отказывает адвокатам в их ходатайстве.

АДВОКАТЫ ходатайствуют, чтобы им, в таком случае, были показаны материалы следствия, имеющие отношение *только* к настоящему делу, а не все материалы следствия.

* См. об этом здесь документ № IV-13 и № IV-14, стр. 295-299.

Суд, посовещавшись на месте, постановил отказать адвокатам в этом ходатайстве и удовлетворить ходатайство прокурора о вызове в суд свидетелем Николаса Брокса Соколова.

Затем начался допрос свидетелей*.

*Допрос свидетеля Масловой***

СУДЬЯ. Что вы можете рассказать по данному делу?

МАСЛОВА. Что вас интересует?

ПРОКУРОР. С кем из обвиняемых вы знакомы, когда и при каких обстоятельствах познакомились?

МАСЛОВА. С Лашковой я познакомилась года три тому назад. На протяжении всего этого времени у меня с ней были близкие отношения, одно время я даже жила у нее. На квартире у Лашковой, примерно месяцев за семь до ее ареста, я познакомилась с Добровольским, там же, но немного позже я познакомилась с Галансковым. С ним я познакомилась примерно в октябре. После этого я видела Галанскова всего раза три. Гинзбурга я почти не знала. Я видела его у Лашковой один раз, но точно не помню, когда и при каких обстоятельствах это было.

ПРОКУРОР. Расскажите, что за компания собиралась у Лашковой, какие разговоры там велись, какие были настроения?

МАСЛОВА говорит, что у Лашковой собиралась обычно большая компания, в которой велись разговоры на различные темы, в том числе о политике, об искусстве, о литературе.

ПРОКУРОР. Что конкретно говорили?

МАСЛОВА. Не помню.

ПРОКУРОР зачитывает показания Масловой на предварительном следствии, где она говорит, кто конкретно собирался у Лашковой, о чем у нее говорили.

---

* Далее почти везде опущены некоторые процессуальные моменты: установление председательствующим личности свидетеля, предупреждение об ответственности за отказ от дачи показаний (ст. 182 УК РСФСР, до 6 месяцев) и за дачу заведомо ложных показаний (ст. 181 УК РСФСР, до 7 лет), взятие у свидетеля подписки, что ему разъяснены его права и обязанности, выяснение у свидетеля отношений к обвиняемому (состоит ли в родстве и т. д.). Опущены также в ряде случаев некоторые процедурные вопросы председательствующего по ходу допроса, например: есть ли вопросы у защиты и т. д.

** Татьяна Маслова, 22 года, натурщица, вызвана обвинением.

МАСЛОВА говорит, что действительно разговорам был присущ некоторый критический оттенок, но в чем конкретно он выражался, она затрудняется сказать.

ПРОКУРОР спрашивает, слышала ли Маслова от Лашковой высказывания, которые могли показаться ей антисоветскими? Упоминался ли при ней НТС?

МАСЛОВА говорит, что хотя она виделась с Лашковой каждый день, она никогда не слышала от нее никаких антисоветских высказаний и тем более никогда не слышала от нее об НТС. Никаких разговоров на политические темы она с Лашковой не вела. От Галанскова, Гинзбурга и Добровольского она тоже никогда не слышала никаких антисоветских высказываний.

ПРОКУРОР. Скажите, пожалуйста, все ли разговоры велись в вашем присутствии, не было ли случаев, когда кто-нибудь из присутствующих у Лашковой выходил на кухню и вел там какие-нибудь беседы?

МАСЛОВА. Да, такие случаи были.

ПРОКУРОР. Предлагал ли вам Добровольский снять для вас комнату, для того чтобы превратить ее потом в конспиративную квартиру или в место хранения НТСовской литературы?

МАСЛОВА. Все было совсем наоборот. Мне негде было жить, я хотела снять для себя комнату и просила моих друзей помочь мне в этом, помочь мне найти комнату. С подобной просьбой я обращалась и к Добровольскому. Никаких других разговоров с Добровольским у меня о комнате не было.

ПРОКУРОР. Заставали ли вы когда-нибудь Лашкову за работой?

МАСЛОВА. Да, заставала. Насколько мне было известно, Лашкова в то время работала в МГУ и брала оттуда работу на дом.

ПРОКУРОР. Известно ли вам, что конкретно печатала Лашкова?

МАСЛОВА. Я никогда этим не интересовалась, а сама Лашкова мне ничего по этому поводу не рассказывала.

ПРОКУРОР. Видели ли вы у Лашковой дома какую-нибудь антисоветскую литературу?

МАСЛОВА. Нет, не видела.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ просит Маслову повторить ее показания относительно комнаты. Обращался ли он к ней сам

с предложением помочь снять комнату или она сама просила его об этом?

МАСЛОВА отвечает, что сама просила Добровольского найти ей комнату.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ спрашивает, просил ли он у нее об использовании этой комнаты в каких бы то ни было целях.

МАСЛОВА отвечает, что не просил.

ГАЛАНСКОВ. В связи с вашими показаниями, данными на предварительном следствии, не вспомните ли вы, бывал ли я у Лашковой, когда там собирались люди, что именно я при этом говорил и кому?

МАСЛОВА. Я не могу точно вспомнить, но я часто видела вас у Лашковой.

ГАЛАНСКОВ. Этого достаточно.

СУДЬЯ. Маслова, вы свободны, можете идти.

*Допрос свидетеля Камышановой**

СУДЬЯ. Расскажите, что вам известно по данному делу.

КАМЫШАНОВА. Я прошу суд задавать мне вопросы.

ПРОКУРОР. Кого вы знаете из обвиняемых?

КАМЫШАНОВА. Я знаю Галанскова, Лашкову и Добровольского.

ПРОКУРОР. Знаете ли вы Гинзбурга?

КАМЫШАНОВА. Гинзбурга я никогда не знала.

ПРОКУРОР. Когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с обвиняемыми? Когда вы познакомились с Лашковой?

КАМЫШАНОВА. Лашкову я знаю довольно давно — года два-три. Ко мне ее привела Наташа Устинова, она иногда бывала у меня, я бывала у нее дома. В последнее время виделись мы очень редко.

ПРОКУРОР. Когда вы познакомились с Добровольским?

КАМЫШАНОВА. В ноябре 1966 года на дне рождения Устиновой.

ПРОКУРОР. Когда вы познакомились с Галансковым?

КАМЫШАНОВА. В октябре 1966 года.

ПРОКУРОР. А Лашкову вы давно знаете?

КАМЫШАНОВА. Года два-три.

ПРОКУРОР. Что вы знаете о преступной деятельности обвиняемых?

---

* Ирина Камышанова, 24 года, машинистка, вызвана обвинением.

КАМЫШАНОВА. Я не замечала в их поступках ничего преступного.

ПРОКУРОР. Что вы печатали по просьбе обвиняемых, по чьей именно просьбе, получили ли за это какое-либо вознаграждение?

КАМЫШАНОВА. Я печатала «Дневник Виктора Вельского». Меня просил об этом Галансков через Добровольского. За эту работу мне заплатили что-то около двадцяти рублей.

ПРОКУРОР. Кто платил вам эти деньги?

КАМЫШАНОВА. По-моему, Галансков. Да, кажется, Галансков.

ПРОКУРОР. Кому вы отдавали работу?

КАМЫШАНОВА. Кажется, Добровольскому. В этот день они оба были у меня дома. Они оба спрашивали меня об этой работе в то время, как я ее печатала, так что у меня создалось впечатление, что эта работа нужна им обоим.

ПРОКУРОР. Вам известно, кто еще печатал эту работу?

КАМЫШАНОВА. Я слышала, что одну-две страницы напечатала Вера Лашкова, еще сколько-то Наташа Устинова.

ЛАШКОВА. Я прошу свидетеля ответить, точно ли ей известно, что я печатала хоть что-то из этой работы?

КАМЫШАНОВА. Нет, я не могу утверждать этого, я только слышала что-то об этом.

ПРОКУРОР. Что еще вы печатали для Галанскова?

КАМЫШАНОВА. Не помню.

ПРОКУРОР. В ваших показаниях на предварительном следствии сказано, что вы печатали «Квадрильон» Померанца. Это так?

КАМЫШАНОВА. Да, кажется, так и было.

ПРОКУРОР. Сколько вам заплатили за эту работу?

КАМЫШАНОВА. Там было очень мало страниц; по-моему, оплата входила в сумму тех же двадцати рублей.

ПРОКУРОР. Вам известно, что «Квадрильон» был помещен в журнале «Грани»?

КАМЫШАНОВА. Нет, неизвестно. Я вообще не слышала о таком журнале.

СУДЬЯ. Скажите, свидетель, а вы читали, что перепечатывали?

КАМЫШАНОВА. Очень приблизительно «Дневник». Читала «Евангелие Виктора Вельского».

ЧИЖОВА. Это вторая часть, религиозная?

КАМЫШАНОВА. Да.

СУДЬЯ. Какое впечатление осталось у вас?

КАМЫШАНОВА. Религиозная часть меня очень заинтересовала. «Дневник» же показался мне чем-то вроде бреда сумасшедшего.

СУДЬЯ. Читали ли вы такую фразу в первой части, кстати, у нас в деле это произведение названо «Откровением Виктора Вельского» (цитирует): «Я ненавижу эту власть...»*?

КАМЫШАНОВА. Может быть.

СУДЬЯ. И что же вы, советский человек, прочитали эту фразу, остались совершенно спокойной и не считаете ее антисоветской?

КАМЫШАНОВА. Во-первых, я уже говорила, какое впечатление на меня произвел «Дневник», а во-вторых, там дальше есть слова, опровергающие это.

СУДЬЯ. Мы не видели этого.

КАМЫШАНОВА. Нет, такие слова там были. Нужно просто прочесть.

СУДЬЯ. Хорошо, спасибо. У кого есть вопросы?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я хочу спросить свидетеля. Свидетель, мы ведь с вами часто встречались в компаниях?

КАМЫШАНОВА. Да, какое-то время довольно часто.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Мы ведь там разговаривали, правда?

КАМЫШАНОВА. Да, в компаниях обычно разговаривают.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Слышали ли вы от меня какие-нибудь антисоветские высказывания?

КАМЫШАНОВА. Да, слышала.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ и СУДЬЯ (одновременно). Какие именно?

КАМЫШАНОВА. Я слышала, как однажды Добровольский, будучи пьяным, сказал, что он ненавидит существующую власть, которая лишила его, выходца из дворянской семьи, тех благ, которыми пользовался, скажем, его дед и которыми он тоже мог бы пользоваться. Еще он говорил, что вот будет когда-нибудь другая власть, при которой он будет не последним человеком. (Смех в зале.)

СУДЬЯ. Как вы реагировали на это заявление Добровольского?

КАМЫШАНОВА. Вначале я не обратила внимание на это, так как Добровольский, как я уже говорила, был пьян,

* Конец цитаты неразобран.

но потом, обдумав все это, я предложила Добровольскому на этом закончить наши отношения.

ШВЕЙСКИЙ. Свидетель, ведь вы советский человек. Как вы могли не обратить внимания на эти слова? Одно дело, когда пьяный человек говорит непристойности, другое — когда он ведет антисоветские разговоры.

КАМЫШАНОВА. Я уже сказала, что подумав, я решила больше не иметь никаких дел с Добровольским.

ШВЕЙСКИЙ. Почему же на предварительном следствии вы не говорили ничего подобного?

КАМЫШАНОВА. Меня об этом не спрашивали.

ШВЕЙСКИЙ. Вас спрашивали по существу дела, и вы обязаны были это сказать.

КАМЫШАНОВА. Я отвечала на конкретные вопросы. Такого вопроса задано не было.

СУДЬЯ. У кого есть вопросы?

ГАЛАНСКОВ. Свидетель помнит наш разговор... Какова была моя реакция на это?

КАМЫШАНОВА. Да, я рассказала Юре Галанскову об этом разговоре с Добровольским. Он-то и посоветовал мне больше не иметь дела с Добровольским.

ГАЛАНСКОВ. Свидетель, не показалось ли вам несколько странным поведение Добровольского в то время?

КАМЫШАНОВА. Да, пожалуй, показалось...

СУДЬЯ. Свидетель не может отвечать на этот вопрос. Вопрос снимается.

ГАЛАНСКОВ. Я хотел только сказать... Ну хорошо. (Садится.)

СУДЬЯ. Свидетель, вы свободны.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я хочу сделать заявление.

СУДЬЯ. Пожалуйста.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я хотел бы дать суду объяснение. Дело в том, что свидетель является близкой подругой жены Галанскова, Ольги Тимофеевой, которая присутствует на процессе. Это оказало влияние на показания свидетеля.

ГАЛАНСКОВ. Я хочу заявить... Ольга Тимофеева действительно присутствует на процессе, но...

СУДЬЯ (перебивает). Галансков, ваше заявление снято. Вы свободны, свидетель.

КАМИНСКАЯ. Я хочу спросить свидетеля. Вы сейчас говорили суду правду, только правду?

КАМЫШАНОВА. Да.

КАМИНСКАЯ. Хорошо, спасибо.
СУДЬЯ (коменданту). Проводите свидетеля.
КАМЫШАНОВА. Я хотела бы остаться на процессе.
СУДЬЯ. В зале нет мест, мы не можем оставить вас.
КАМЫШАНОВА. Я могу постоять.
СУДЬЯ. Нет, идите.

*Допрос свидетеля Кушева**

СУДЬЯ. Что вы можете сообщить суду по существу дела?
КУШЕВ. Прошу задавать мне конкретные вопросы. Так просто мне трудно говорить.
СУДЬЯ. Скажите, кого из подсудимых вы знаете?
КУШЕВ. Я знаю Веру Лашкову, Галанскова и Добровольского.
СУДЬЯ. Как вы с ними познакомились, при каких обстоятельствах, когда это было?
КУШЕВ. С Верой Лашковой я познакомился через наших общих знакомых. Остальных я узнал через нее, познакомившись с ними у нее на квартире. По-моему, это было так, я точно сейчас не помню.
СУДЬЯ. Прошу прокурора.
ПРОКУРОР. Какие отношения возникли у вас с Лашковой и Галансковым в связи с журналом «Колокол»?
КУШЕВ. Я просил Веру Лашкову перепечатать мне три экземпляра этого журнала, что она и сделала. Подлинник остался у нее.
ПРОКУРОР. Во время следствия вы говорили, что имели по этому поводу беседу с Галансковым, так ли это?
КУШЕВ. Нет. Я отказался от своих показаний.
ПРОКУРОР. Но Галансков интересовался этим.
КУШЕВ. Кажется, на квартире Владимира Буковского он спрашивал меня о ленинградском деле, но нам с ним не удалось поговорить, так как там было слишком много народу.
ПРОКУРОР. Кем был выпущен «Колокол»?
КУШЕВ. Ленинградской организацией, арестованной в 1965 году.

---

* Евгений Кушев, 21 год, поэт, был в 1967 году осужден на 1 год условно по ст. 190[3] УК РСФСР за участие в демонстрации 22. 1. 1967 с требованием освобождения Галанскова, Добровольского, Лашковой и Радзиевского, вызван обвинением.

ПРОКУРОР. Мог ли Галансков взять у Лашковой экземпляр «Колокола»?

КУШЕВ. Не знаю, может мог, может нет. Наверное, мог.

ПРОКУРОР. Какую НТСовскую литературу вы получали от Лашковой и Добровольского?

КУШЕВ. Я читал несколько брошюр НТС.

ПРОКУРОР. Какие же именно брошюры?

КУШЕВ. По-моему, «Солидаризм — идея будущего», «Наши дни» и «Сила идей».

ПРОКУРОР. Вопросов больше не имею.

СУДЬЯ. Скажите, эти книги вы считаете антисоветскими?

КУШЕВ. Там черным по белому написано, что НТС одержим вдохновенной и непримиримой борьбой с коммунистическим режимом. Да, я считаю эти книги антикоммунистическими и, если хотите, антисоветскими.

СУДЬЯ. Эти книги они давали вам сами? Они агитировали вас, очевидно?

КУШЕВ. Нет, я сам просил их дать данные брошюры мне для прочтения.

СУДЬЯ. Как это было, расскажите.

КУШЕВ. Однажды с Добровольским мы разговорились о РОА* (армия Власова), и он сказал мне, что по этому вопросу у него есть интересная брошюра.

СУДЬЯ. И вы взяли у него эту брошюру?

КУШЕВ. Да, взял.

СУДЬЯ. Вы вернули ее Добровольскому?

КУШЕВ. Да, я ее вернул.

СУДЬЯ. А у Веры Лашковой какие книги вы брали?

КУШЕВ. Я затрудняюсь вспомнить точно, какие именно брошюры я брал у Лашковой и какие у Добровольского. У Лашковой, мне кажется, я брал «Сила идей» и «Наши дни».

ЛАШКОВА. «Силу идей» я сама не видела.

СУДЬЯ. Лашкова утверждает, что вы брали у нее брошюру «Солидаризм — идея будущего».

КУШЕВ. Может быть, это было и так.

СУДЬЯ. А у Добровольского вы тоже брали эту же брошюру?

КУШЕВ. Да, верно.

СУДЬЯ. Как же так — и у Добровольского и у Лашковой?

КУШЕВ. Значит я брал эту брошюру два раза.

---

* Русская освободительная армия.

СУДЬЯ. Прошу защиту.

ШВЕЙСКИЙ. Скажите, в этих брошюрах вы, конечно, читали слова, направленные против советского строя. Какой же строй должен, согласно идеям НТС, придти на смену?

КУШЕВ. Как какой?

ШВЕЙСКИЙ. Ну, вы же учились в школе. Какое у вас образование? Вы должны же понимать.

КУШЕВ. Их собственный новый строй — солидаризм.

ПРОКУРОР. Я считаю, что здесь не место дискутировать о программных установках НТС. Мы все хорошо знаем, что представляет собой НТС. Это антисоветская враждебная организация.

СУДЬЯ. Скажите, Кушев, вам не показалось странным, что у подсудимых хранилась такая литература? Они давали ее читать, распространяли... Чем объяснить и ваш нездоровый интерес к подобного рода литературе?

КУШЕВ. Из академического интереса, жажды знаний, если так можно выразиться. Я не интересовался, откуда она. Я не думал вообще об этом.

АРИЯ. Скажите, как вы можете охарактеризовать Веру Лашкову? Каков круг ее интересов?

КУШЕВ. Вера очень интересный человек. Ее увлекала литература, театр, поэзия, живопись. Политикой она вообще не интересовалась, даже международной.

АРИЯ. Значит, Вера не проявляла интереса к политическим вопросам и проблемам?

КУШЕВ. Нет, я никогда не слышал от нее каких бы то ни было политических рассуждений.

КАМИНСКАЯ. Скажите, какая подрывная деятельность Юрия Галанскова, моего подзащитного, вам известна?

КУШЕВ. Мне не известно ни о какой подрывной деятельности Юрия Галанскова. Я только знаю, что он был редактором журнала «Феникс-66», и я не могу судить, является ли он подрывным и антисоветским.

КАМИНСКАЯ. Просил ли вас Галансков о каких-нибудь вещах или нет? Давал-ли он когда-нибудь вам какую-нибудь литературу?

КУШЕВ. Нет, Галансков меня никогда ни о чем не просил и никогда ничего не давал.

СУДЬЯ. У подсудимых будут вопросы?

ЛАШКОВА. Я прошу Кушева припомнить, какую именно брошюру я ему давала.

КУШЕВ. Я говорил уже, что точно не помню.

СУДЬЯ. Свидетель, подойдите к столу, посмотрите — какие из этих брошюр вы брали у Лашковой?

КУШЕВ (просматривая брошюры). Я припоминаю. У Веры Лашковой я просил «Солидаризм — идея будущего» и «Наши дни». «Сила идей» я брал у Добровольского. Там есть статья о РОА «Трагедия третьей силы», она меня и заинтересовала.

СУДЬЯ. Значит, вас заинтересовала статья Поремского о власовской армии? А у Лашковой вы взяли другие брошюры?

КУШЕВ. Да, я взял их у Лашковой, когда просматривал ее библиотеку у нее дома.

СУДЬЯ. И вы вернули их? Вы никому не давали их? Ни с кем не обсуждали?

КУШЕВ. Нет, не давал и не обсуждал.

СУДЬЯ. В своих показаниях, данных на предварительном следствии, вы говорите, что, придя к Вере Лашковой, видели, как она печатала письмо Л. Чуковской Шолохову, которое должно было войти в «Белую книгу», и что эту книгу делает ее знакомый А. Гинзбург. Вы подтверждаете это?

КУШЕВ. Да, это известно всем.

СУДЬЯ. А вы лично не знали Александра Гинзбурга?

КУШЕВ. Нет, не знал, к сожалению. (Оживление в зале.)

СУДЬЯ. Что вам известно о нем?

КУШЕВ. Я знаю, что он издатель «Белой книги». (Оживление в зале.)

СУДЬЯ. Прошу обвиняемых. Еще будут какие-либо вопросы Кушеву?

ГИНЗБУРГ. Скажите, пожалуйста, во время допроса в КГБ вы заявили, что читали листовку, подписанную «Сопротивление»?

КУШЕВ. Да, читал.

ГИНЗБУРГ. Вы помните, о чем там говорится?

КУШЕВ. Да, помню. В листовке говорится о незаконном исключении из МГУ сорока студентов, участников митинга протеста, а точнее будет, митинга с требованием гласности суда над писателями Синявским и Даниэлем.

ГИНЗБУРГ. Факты, изложенные в этой листовке, правдивы?

КУШЕВ. Насколько мне известно, из МГУ было исключено сорок студентов. Следовательно, да.

ГИНЗБУРГ. А за какой срок до своего ареста вы читали эту листовку?

КУШЕВ. Года за полтора до своего ареста.

СУДЬЯ. В этой листовке написано: «Полицейские держиморды, угодливо расправляясь с инакомыслящими руками административно-бюрократического аппарата, совершили эту неприкрытую гнусность. Но повадки псов только подчеркивают склонности дрессировщиков...» Это что — тоже правдиво?

КУШЕВ. Это определение, а не факты.

СУДЬЯ. Нет, это тоже факты. Как вы относитесь к ним?

ГИНЗБУРГ. Я протестую. Вы не имеете права задавать Кушеву такой вопрос.

СУДЬЯ. Да, конечно, он некомпетентен разбирать, где антисоветская пропаганда, а где ее нет. Он также не обязан давать оценки подобной литературе. Пока мы судим не его.

ГИНЗБУРГ. Скажите, вы писали следователю об одной книге, которую вам инкриминируют?

КУШЕВ. Да, писал. Это «Белая книга» о событиях в Венгрии в октябре 1956 года.

СУДЬЯ. Суд это не интересует.

ГИНЗБУРГ. Нет, это должно интересовать суд. Это книга советского издания?

КУШЕВ. Да, она была издана в Москве, а в материалах следствия...

СУДЬЯ (перебивает). Нам это не нужно!

КУШЕВ. ... она была названа антисоветской книгой издательства НТС, издательства «Посев». Именно по этому поводу я и писал следователю КГБ*.

СУДЬЯ. Свидетель, вы можете идти. Вы больше ничего не хотите расказать суду о подсудимых?

КУШЕВ. Нет, больше не хочу. Я хочу остаться в зале суда.

СУДЬЯ. Здесь не хватает мест, душно, тесно. Вам здесь нечего делать. Идите домой.

---

* Речь идет о «Белой книге», изданной Информационным бюро Совета Министров Венгерской Народной Республики, о событиях 1956 года, и переизданной на русском языке в 1957 году в Москве.

КУШЕВ. Вы нарушаете статью 283 УПК РСФСР.

СУДЬЯ. Ничего, ничего. Проводите свидетеля!

*Допрос свидетеля Устиновой**

СУДЬЯ. Знакомы ли вы с кем-нибудь из подсудимых, сидящих в зале?

УСТИНОВА. Да, я знакома со всеми подсудимыми.

СУДЬЯ. Что вы можете рассказать об их деятельности?

УСТИНОВА. Прошу суд задавать мне конкретные вопросы.

ПРОКУРОР. Знали ли вы об участии подсудимых в антисоветской деятельности?

УСТИНОВА. Нет, не знала.

ПРОКУРОР. Не слышали ли вы от кого-либо из них высказываний, направленных против советской власти?

УСТИНОВА. Нет, не слышала.

ПРОКУРОР. Не получали ли вы от них какой-нибудь литературы антисоветского содержания?

УСТИНОВА. Нет, не получала.

ПРОКУРОР. Вы печатали материалы для сборника «Феникс»?

УСТИНОВА. Да, печатала. Начало статьи Вельского — названия я не помню.

ПРОКУРОР. Кто давал вам машинку и материал для перепечатывания?

УСТИНОВА. Добровольский.

ПРОКУРОР. Кажется, машинка была неисправна, и вы носили ее в ремонт. По чьей просьбе?

УСТИНОВА. Да, в машинке была сломана одна буква, и я носила ее в ремонт по просьбе Добровольского.

ПРОКУРОР. Он заплатил вам за ремонт?

УСТИНОВА. Да, заплатил.

ПРОКУРОР. Почему вы отнесли машинку в другое место, а не оставили у себя дома?

УСТИНОВА. Мне показалось, что лучше не оставлять ее у себя, тем более, что еще до ареста Вера, придя как-то раз ко мне домой и увидев у меня эту машинку, сказала, что ей давно пора быть где-нибудь на дне Москвы-реки. Тогда я не придала значения ее словам, смысл их дошел до меня гораздо позднее...

* Наталья Устинова, 25 лет, машинистка, вызвана обвинением.

ПРОКУРОР. Почему вы не стали делать работу дальше?

УСТИНОВА. Я уезжала в Ленинград и потому не могла ее докончить. В мое отсутствие у меня взяли сделанный материал.

ПРОКУРОР. Вы получили деньги за сделанную работу?

УСТИНОВА. Да, получила.

ПРОКУРОР. От кого?

УСТИНОВА. От Добровольского.

ПРОКУРОР. Когда вы собирались вместе, были такие случаи, когда Добровольский и Лашкова выходили из комнаты?

УСТИНОВА. Да, такие случаи были.

ПРОКУРОР. Они выходили, потому что не доверяли вам?

УСТИНОВА. Нет, отчего же? Когда люди собираются вместе и кто-нибудь выходит из комнаты, будь то Добровольский с Лашковой или кто-нибудь еще, это совсем не означает, что другим присутсвующим не доверяют.

ПРОКУРОР. Галансков давал вам что-нибудь печатать?

УСТИНОВА. Нет, не давал. К сожалению, мы были очень мало знакомы.

ПРОКУРОР. Видели ли вы, приходя к Лашковой, что она печатала?

УСТИНОВА. Да, видела.

ПРОКУРОР. А что именно она печатала, она вам говорила?

УСТИНОВА. Нет, не говорила. Я не спрашивала ее, так как знала, что она работает в МГУ и берет работу на дом.

СУДЬЯ. Хорошо, вы свободны.

*Допрос свидетеля Серебряковой**

СУДЬЯ. Свидетель, что вы знаете об этом деле?

СЕРЕБРЯКОВА. Об этом деле я знаю через Веру Лашкову, с которой жила до своего замужества в одной квартире. Когда ее арестовали, я была поражена, так как никогда не предполагала, что Вера может заниматься чем-то, что приведет ее на скамью подсудимых. Об ее аресте мне сообщила мать, позвонив мне в тот же день по телефону вечером. У Веры была машинка. Откуда она, я не знаю, так как считаю, что если она не считала нужным говорить об этом, значит это не мое дело.

* Нина Серебрякова, 22 года, студентка, вызвана обвинением.

ПРОКУРОР. Кого из Вериных знакомых вы знаете?

СЕРЕБРЯКОВА. Галанскова, Добровольского, он часто заходил.

ПРОКУРОР. На следствии вы называли больше фамилий.

СЕРЕБРЯКОВА. На следствии мне называли фамилии сами. Сейчас мне трудно собраться с мыслями. Заходил Кушев.

ПРОКУРОР. Гинзбург? Кац? Батшев?

СЕРЕБРЯКОВА (припоминает). Да, и он. Люду Кац, Батшева я тоже знаю.

ПРОКУРОР. Вы видели, что печатала Вера?

СЕРЕБРЯКОВА. Что именно печатала Вера я не видела, так как от природы не любопытна.

ПРОКУРОР. Что Вера давала вам читать?

СЕРЕБРЯКОВА. Она мне давала читать обсуждение макета 3-го тома «Истории КПСС», я видела некоторые материалы о процессе Синявского и Даниэля. Я знаю, что она работала в МГУ и ей часто приходилось делать срочную работу. Вроде все.

ПРОКУРОР задает вопросы, слышала ли она от Лашковой какие-либо антисоветские высказывания, упоминался ли при ней НТС, видела ли она литературу НТС?

СЕРЕБРЯКОВА отвечает, что никогда не слышала от Лашковой никаких антисоветских высказываний, также чего-либо об НТС, что она никогда не видела у Лашковой литературы, изданной за рубежом, тем более изданной НТС.

ПРОКУРОР. У меня все.

АРИЯ. У меня есть вопрос к свидетелю. Как вы можете охарактеризовать Веру как человека?

СЕРЕБРЯКОВА. Возможно, мое мнение будет несколько субъективным, потому что я знаю ее всю жизнь и не могу сказать о ней ничего, кроме хорошего. Я постоянно общалась с ней, за исключением непродолжительного периода, когда Вера жила с родителями в Смоленске. Вера исключительно честный, порядочный человек, незаурядная личность. У Веры была очень тяжелая жизнь. Постоянная нужда. Родители практически ничем ей не помогали.

АРИЯ. Когда Вера осталась одна?

СЕРЕБРЯКОВА. Когда ей исполнилось шестнадцать лет, Вера переехала жить в Москву, где оставалась комната ее матери. Первое время она жила со знакомой своей матери. Позже эта знакомая переехала туда, где она живет посто-

янно, это, кажется, Красный строитель. Я помню время, когда Вера жила на 42 рубля в месяц. Естественно, что одни крайности породили другие.

АРИЯ. Была ли Вера скромным человеком?

СЕРЕБРЯКОВА. Да, безусловно.

СУДЬЯ. Хорошо, свидетель, вы свободны.

*Допрос свидетеля Кац**

СУДЬЯ. Расскажите все, что вам известно по данному делу.

КАЦ. Пожалуйста, задавайте вопросы.

ПРОКУРОР спрашивает, кого из подсудимых она знает, слышала ли от кого-нибудь из них об НТС, получала ли от кого-либо литературу НТС?

КАЦ отвечает, что знает всех подсудимых, но об НТС слышала только от одного Добровольского, и он же давал ей несколько книг, изданных НТС.

ПРОКУРОР. А Галансков вам об НТС разве не говорил и книг не давал?

КАЦ. Нет, Галансков не говорил и не давал.

ПРОКУРОР. А Лашкова?

КАЦ. Может быть, и давала.

ПРОКУРОР. Какие именно?

КАЦ. Точно не помню.

СУДЬЯ. Подойдите к столу и посмотрите, какие книги вам давал Добровольский и какие Лашкова.

КАЦ (смотрит). Добровольский давал «Сила идей», а Лашкова, кажется, «Солидаризм — идея будущего», но точно я не уверена.

ПРОКУРОР. Вы принимали участие в печатании «Феникса» и «Белой книги»?

КАЦ. Нет.

ПРОКУРОР. А как Лашкова печатала, видели?

КАЦ. Я видела, как она печатала, но никогда не спрашивала, что она печатает. Я не любопытна.

ПРОКУРОР. В каких отношениях вы были с Лашковой?

КАЦ. Я считаю ее своей подругой.

ПРОКУРОР. И что вы говорили с ней по поводу прочитанных брошюр?

КАЦ. Ничего не говорили.

---

* Людмила Кац, 21 год, библиотекарь, вызвана обвинением.

НАРОДНЫЙ ЗАСЕДАТЕЛЬ ДУДНИКОВ (далее везде ДУДНИКОВ). Но, свидетельница, вот вы читали эти брошюры, вы же понимали, что они антисоветские, делились ли вы с кем-нибудь вашими впечатлениями о них?

КАЦ. Нет, не делилась.

ДУДНИКОВ. Как же так, вот я, если прочту что-нибудь, всегда делюсь со своими друзьями.

КАЦ. А я не делюсь.

СУДЬЯ. Но вот Добровольский давал вам литературу явно антисоветского содержания, как же вы, советский человек, могли с ним иметь после этого дело?

КАЦ. Я не знала, что он окажется таким подонком.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я прошу суд оградить меня от выпадов свидетеля.

КАЦ. Я хочу остаться в зале.

СУДЬЯ. Можете остаться*.

*Допрос свидетеля Виноградова***

СУДЬЯ. Расскажите все, что вам известно по этому делу.

ВИНОГРАДОВ. Я прошу задавать мне вопросы.

ПРОКУРОР. Когда вы познакомились с обвиняемыми?

ВИНОГРАДОВ. С Лашковой пять лет назад, с Добровольским три года назад, с Галансковым два года назад, Гинзбурга совсем не знаю.

ПРОКУРОР. Что вы можете рассказать о политических взглядах подсудимых?

ВИНОГРАДОВ. Лашкова о своих взглядах предпочитала умалчивать, Галансков — социалист и демократ, Добровольский — антисталинист.

СУДЬЯ. В своих показаниях от 16 октября 1967 года, данных на предварительном следствии, вы показывали, что когда вы сказали Галанскову, что являетесь анархистом, Галансков сказал вам, что является сторонником социалистического синдикализма югославского толка?

ВИНОГРАДОВ. Да, это верно.

СУДЬЯ. Говорили ли вам Добровольский и Галансков о том, что в Советском Союзе степень свободы не соответ-

* Через несколько минут, после допроса Виноградова, был объявлен перерыв, и Кац больше в зал не пустили, причем комендант суда полковник КГБ Циркуненко сказал ей: «Вот если бы вы дали другие показания, мы бы вас пустили».

** Владимир Виноградов, 22 года, радиотехник, вызван обвинением.

ствует общественному развитию, а Конституция якобы нарушается?

ВИНОГРАДОВ. Она и не якобы нарушается, а что касается остального, то это моя формулировка мнений высказанных мне обвиняемыми.

ПРОКУРОР. Давал ли вам Добровольский для пересъемки портрет Николая Второго?

ВИНОГРАДОВ. Да, давал. Но я не помню, получилось ли у меня что-нибудь. Возможно, получилось.

ПРОКУРОР. Вас не удивило, что у Добровольского на стене висел портрет Николая Второго?

ВИНОГРАДОВ. Это его дело. Мало ли у кого что висит на стене.

ПРОКУРОР. Принимали ли вы участие в расклеивании листовок 4 декабря 1966 года?

ВИНОГРАДОВ. Да, принимал.

ПРОКУРОР. С кем вы их расклеивали?

ВИНОГРАДОВ. С Добровольским и Устиновой.

ПРОКУРОР. Читали ли вы листовки?

ВИНОГРАДОВ. Конечно, я же должен знать, что я расклеиваю.

ПРОКУРОР. Где вы их расклеивали?

ВИНОГРАДОВ. В МИИТе, в Станкоинструментальном институте, в МРАСТе и на улицах.

СУДЬЯ. Вы показывали, что вы просили у Галанскова произведения Даниэля и Синявского, изданные за границей, а он дал вам для фотопечати статью академика Варги «Российский путь перехода к социализму»?

ВИНОГРАДОВ. Да, при этом он сказал, что это произведение не криминальное.

СУДЬЯ. Вы читали эту статью, принадлежащую якобы Варге?

ВИНОГРАДОВ. Только четыре страницы: негатив и отпечатки были неудачны.

СУДЬЯ. Вы, например, не прочитали такой выдержки:...? (Цитата неразобрана.)

ВИНОГРАДОВ. Выдержки не характеризуют произведения в целом, а эта тем более.

СУДЬЯ. Хорошо, вот еще одна: «Диктатура пролетариата, задуманная Марксом и Лениным, перерастает в диктатуру партийной бюрократии и верхушечной олигархии».

ВИНОГРАДОВ. До этой выдержки я, к сожалению, не дочитал.

ПРОКУРОР. Известно ли вам что-нибудь о преступной деятельности подсудимых?

ВИНОГРАДОВ. Пока не кончен суд, нельзя говорить о преступности их действий.

ПРОКУРОР. Я имею в виду преступную деятельность, в которой их обвиняют.

ВИНОГРАДОВ. Нет, неизвестно.

ПРОКУРОР. У меня нет вопросов.

СУДЬЯ. Прошу защиту.

АРИЯ. У вас были изъяты записи разговоров. Когда вы говорите «Верка», речь идет о Лашковой?

ВИНОГРАДОВ. Смотря о чем идет речь?

АРИЯ. Например, в той части разговора, где вы говорите, что Лашкова и Кушев относятся к своей деятельности как к детской игре?

ВИНОГРАДОВ. Да, несомненно о Лашковой.

ГАЛАНСКОВ. Вы не находите, что социалистический синдикализм — это форма общественного самоуправления?

СУДЬЯ. Не будем обсуждать этот вопрос.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Здесь меня пытались поставить в смешное положение. Должен разъяснить, что я коллекционирую иконы, на одной из которых и был Николай Второй*.

СУДЬЯ. Свидетель, вы свободны.

ВИНОГРАДОВ. Я требую, чтобы по статье 283 УПК РСФСР меня оставили в зале.

СУДЬЯ. Вот по статье 283 и выйдите.

ВИНОГРАДОВ. Я не удивлен, это не первое нарушение вами закона.

После допроса Виноградова суд объявляет перерыв на полтора часа. Затем допрос свидетелей возобновляется.

*Допрос свидетеля Епифанова***

СУДЬЯ. Где вы работаете?

ЕПИФАНОВ. С 1 ноября 1967 года не работаю и нахожусь на иждевении матери.

---

* Утверждение Добровольского о иконе с Николаем Вторым лишено смысла.

** Александр Епифанов, 23 года, студент, вызван обвинением.

СУДЬЯ. Какое последнее место работы?

ЕПИФАНОВ. Московский областной научно-исследовательский институт клинических исследований.

СУДЬЯ. Какую должность вы там занимали?

ЕПИФАНОВ. Я работал техником.

СУДЬЯ. Вы знакомы с подсудимыми?

ЕПИФАНОВ. Да, я знаком со всеми. С Гинзбургом и Галансковым — с весны 1966 года, с Добровольским и Лашковой — с лета 1966 года.

СУДЬЯ. Расскажите, что вы знаете по данному делу.

ЕПИФАНОВ. Я не знаю предъявленного обвинения и прошу задавать вопросы конкретнее.

ПРОКУРОР. Расскажите суду, что вы знаете о встречах подсудимых с иностранцами.

ЕПИФАНОВ. Я знаю только об одной встрече подсудимого Галанскова с иностранцем. Летом 1966 года, не помню точно, когда, ко мне домой позвонил иностранец, который назвал себя Филиппом. Он сказал, что он студент из Парижа и просил меня свести его с молодыми поэтами и со смогистами. Мы договорились встретиться на станции метро «Университет». Я почти не знал молодых поэтов, но несколько раз слышал от Галанскова, что он их хорошо знает. Я позвонил ему на работу и договорился, что приеду к нему. Потом я встретился с Филиппом и привез его к Литературному музею, где работал Галансков. Я вызвал Галанскова, познакомил его с Филиппом и объяснил, зачем я его привез. После этого я уехал и оставил их вместе.

ПРОКУРОР. Передавал ли что-нибудь Филипп Галанскову или Галансков Филиппу?

ЕПИФАНОВ. Нет, я не видел, чтобы они что-нибудь передавали друг другу.

ПРОКУРОР. Что вы знаете о встречах шведа с Галансковым?

ЕПИФАНОВ. Ничего не знаю.

ГАЛАНСКОВ. Я протестую против этого вопроса.

СУДЬЯ. Подсудимый Галансков, вы будете говорить, когда вам будет разрешено.

КАМИНСКАЯ. Товарищ председательствующий, я протестую против этого вопроса прокурора. О встречах Галанскова со шведом нет ни слова в обвинительном заключении. Этот вопрос выходит за рамки данного судебного разбирательства.

ЗОЛОТУХИН. Товарищ председательствующий, вы отклоняли много наших вопросов и не разу не отклонили вопросов прокурора, выходящих за рамки этого судебного разбирательства.

ПРОКУРОР. Товарищи адвокаты, к чему столько эмоций? Тем более, что свидетель сказал, что ничего не знает об этих встречах.

СУДЬЯ. Товарищ прокурор, задавайте вопросы дальше.

ПРОКУРОР. У меня все.

СУДЬЯ. Свидетель, вы сказали, что вы знакомы с подсудимыми. Показывали ли они вам какие-нибудь отпечатанные на машинке тексты?

ЕПИФАНОВ. Нет, ничего не показывали.

СУДЬЯ. Говорил ли вам что-нибудь Гинзбург о «Белой книге» или о «Фениксе»?

ЕПИФАНОВ. Нет, не говорил. О «Белой книге» я услышал только после ареста Гинзбурга.

СУДЬЯ. Вот здесь у меня лежат ваши показания на предварительном следствии: «Через несколько дней после встречи Галанскова с Филиппом я спросил Галанскова, зачем к нему приезжал Филипп, и он мне резко ответил, что это не мое дело». Что вы скажете по поводу этих показаний?

ЕПИФАНОВ. Мои последние показания по поводу встречи Филиппа и Галанскова я давал на очной ставке с Галансковым. Там я объяснил, что в предыдущих показаниях я не был точен, потому что плохо помнил, эти события. И поэтому показания на очной ставке прошу считать последними и окончательными.

СУДЬЯ. Прошу защиту.

КАМИНСКАЯ. Свидетель, когда у вас была очная ставка с Галансковым?

ЕПИФАНОВ. Я точно не помню, по-моему, 27-28-го июня 1967 года.

КАМИНСКАЯ. У меня записано 23-го.

ЕПИФАНОВ. Да, так и было.

КАМИНСКАЯ. Там вы показали: «Ко мне позвонил человек, который назвался Филиппом, и попросил свести его со смогистами». Вы это подтверждаете?

ЕПИФАНОВ. Да, подтверждаю.

КАМИНСКАЯ. Дальше вы показали: «Я плохо знал смогистов, а Галансков мне говорил, что хорошо их знает. Я

позвонил Галанскову и договорился о встрече». Вы это подтверждаете?

ЕПИФАНОВ. Да.

ЧИЖОВА. Свидетель, вы привели Филиппа к Галанскову с разрешения Галанскова?

ЕПИФАНОВ. Нет, по телефону я ничего не сказал Галанскову о Филиппе. Я просто просил его встретиться со мной.

КАМИНСКАЯ. Значит, Филиппа к Галанскову вы привели по своей инициативе?

ЕПИФАНОВ. Да.

СУДЬЯ. Вы говорили Филиппу, куда вы его ведете?

ЕПИФАНОВ. Да, сказал.

СУДЬЯ. И что сказал Филипп — знал ли он Галанскова?

ЕПИФАНОВ. Нет, Филипп сказал, что он не знает Галанскова, но слышал о нем по поводу демонстрации Галанскова перед зданием Американского посольства.

ЧИЖОВА. А что это была за демонстрация?

ЕПИФАНОВ. Галансков один пошел к зданию посольства и протестовал против агресии США в Доминиканской республике...

СУДЬЯ. Я снимаю этот вопрос — это не относится к делу. У кого еще есть вопросы?

ГАЛАНСКОВ. Расскажите о третейском суде, которым собирались вас судить.

СУДЬЯ. Снимаю этот вопрос.

КАМИНСКАЯ. Почему вы снимаете этот вопрос?

СУДЬЯ. Об этом нет ни слова в обвинительном заключении. А статья 283 УПК гласит: «Председательствующим устраняются вопросы, не имеющие отношения к делу». У кого еще есть вопросы?

ЧИЖОВА. Свидетель, вы сказали, что знаете подсудимых. Охарактеризуйте нам их.

ЕПИФАНОВ. Как охарактеризовать?

ЧИЖОВА. Ну, что вы знаете об их взглядах, об общественно-политических убеждениях?

ЕПИФАНОВ. Во-первых, я знаю подсудимых в разной степени. С Добровольским и Лашковой я встречался всего несколько раз, почти не говорил с ними и потому ничего не могу сказать о них. А когда меня знакомили с Гинзбургом и Галансковым, то им сказали, что я трепач. И Гинзбург

мне сказал, что со мной нельзя серьезно говорить. Поэтому я не могу ничего о них сказать.

ЧИЖОВА. Но ведь вы часто ходили к Гинзбургу. О чем вы говорили?

ЕПИФАНОВ. Гинзбург и Галансков — образованные люди, очень начитанные, с ними всегда было интересно беседовать о литературе, искусстве. Я брал книги у Гинзбурга. Мы как-то ходили в кино.

ГИНЗБУРГ. Свидетель, кто нас познакомил?

ЕПИФАНОВ. Мой дядя и его жена.

ГИНЗБУРГ. Ваш дядя намного старше вас?

ЕПИФАНОВ. Да, ему 43 года.

СУДЬЯ. Ни у кого больше вопросов нет? Тогда проводите свидетеля.

*Допрос свидетеля Поташевой**

СУДЬЯ. Расскажите, что вам известно по данному делу.

ПОТАШЕВА. Что именно вы хотите узнать?

СУДЬЯ. С кем из подсудимых вы знакомы?

ПОТАШЕВА. С Лашковой, Добровольским и Галансковым.

ПРОКУРОР. Как вы познакомились с ними?

ПОТАШЕВА. Я познакомилась с ними через жену Галанскова Ольгу Тимофееву, с которой училась в одном институте.

ПРОКУРОР спрашивает, была ли у нее в октябре вечеринка, на которой присутствовали Галансков, Добровльский и Лашкова.

ПОТАШЕВА отвечает, что была.

ПРОКУРОР задает вопросы об обстоятельствах вечеринки: кто был? что делали? когда пришли Добровольский, Галансков и Лашкова?

ПОТАШЕВА отвечает, что было много народу, преимущественно ее однокурсники по ВГИКу. Насколько она помнит, сначала пришла Лашкова, потом Добровольский и затем Галансков.

ПРОКУРОР. Слышали ли вы какие-либо их разговоры, не показалось ли вам что-либо подозрительным в их словах и поведении?

ПОТАШЕВА. Нет. Я ничего подозрительного не слышала, было много народу. Ничего подозрительного я также не заметила: вечеринка как вечеринка.

* Светлана Поташева, 22 года, студентка, вызвана обвинением.

ПРОКУРОР. А вы можете точно вспомнить, когда она была, назвать дату?

ПОТАШЕВА. Нет, не могу, помню только, что в октябре.

ПРОКУРОР. Скажите, не забыл ли у вас Добровольский какую-нибудь книгу?

ПОТАШЕВА. Да, утром приехали Лашкова и Тимофеева и стали искать какую-то книгу. Я ее нашла и вернула им.

ПРОКУРОР. Вы видели еще кого-нибудь из обвиняемых?

ПОТАШЕВА. Нет.

ПРОКУРОР. Добровольский, что это была за книга?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. «Белая книга».

ПРОКУРОР. Забытая у Поташевой Добровольским книга является антисоветским документом, изданным на Западе.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Нет, эта книга издана не на Западе.

ГИНЗБУРГ. Это «Белая книга» о событиях в 1956 году, изданная Венгерским правительством*.

СУДЬЯ. Суд это не интересует. Свидетель, вы свободны.

*Допрос свидетеля Хаустова***

СУДЬЯ. Что вы можете сказать по данному делу?

ХАУСТОВ отказывается ото всех показаний, которые он давал в течение предварительного следствия. Часть этих показаний была дана, по его словам, в то время, когда у него была повышенная температура, и он, читая протокол допроса, мог не заметить многие неточности, допущенные следователем в записи допроса.

ПРОКУРОР. Кого вы знаете из обвиняемых и когда с ними познакомились?

ХАУСТОВ. Я знаю всех четверых. С Галансковым я познакомился на площади Маяковского в 1961 году.

ПРОКУРОР. Что вы там делали?

---

* Речь идет о «Белой книге» о событиях октября-ноября 1956 года, изданной Информационным бюро Совета Министров Венгерской Народной Республики и переизданной в СССР Государственным издательством иностранной литературы. Несмотря на то, что это официальное издание, свободно продававшееся в СССР, «Белая книга» несколько раз в процессе следствия вводила в заблуждение следователей КГБ, как из-за своего названия (поскольку сборник Гинзбурга был издан за рубежом под названием «Белая книга»), так и из-за описываемых в ней событий осени 1956 года в Венгрии. См. также здесь Допрос Кушева.

** Виктор Хаустов, 30 лет, рабочий, был в 1967 году осужден на 3 года по ст. 190[3] УК РСФСР за участие в демонстрации 22. 1. 1967 с требованием освобождения Добровольского, Лашковой, Галанскова и Радзиевского, вызван обвинением.

ХАУСТОВ. Читали стихи.

ПРОКУРОР. Где, прямо на площади? Неужели не нашли другого места?

ХАУСТОВ. Гинзбурга я знаю мало, видел его всего три раза. Где я с ним познакомился, я не помню. С Добровольским я познакомился году в 1965-ом, а с Лашковой меня познакомил Добровольский.

ПРОКУРОР. Часто ли вы бывали дома у Галанскова?

ХАУСТОВ. Не очень часто.

ПРОКУРОР. Видели ли вы летом 1966 года на квартире у Галанскова какие-нибудь материалы о процессе Синявского и Даниэля?

ХАУСТОВ. Я видел вырезки из газет.

ГАЛАНСКОВ. Свидетель Хаустов, скажите, из каких газет были эти вырезки?

ХАУСТОВ. Это были вырезки из советских газет.

ПРОКУРОР. А письмо Шолохову вы видели?

ХАУСТОВ показывает, что весной или летом 1966 года на квартире у Галанскова он читал его письмо к Шолохову. Был ли это текст рукописный или машинописный, он точно сказать не может, хотя в своих показаниях на предварительном следствии и утверждал, что это был рукописный текст, написанный рукой Галанскова. Хаустов показывает далее, что ему было известно, что Галансков собирается составить какой-то сборник. Что этот сборник назван «Феникс», он, Хаустов, узнал от Гинзбурга, с которым случайно встретился на улице. Хаустов показывает, что он вел с Галансковым разговоры на политические темы, при которых Галансков антисоветских взглядов не высказывал, но и он, Хаустов, и Галансков имели одно и то же мнение по некоторым вопросам, в частности, что в Советском Союзе нет возможности полностью использовать права, гарантированные Конституцией: свободу слова, печати, собираний и т. д.

ГАЛАНСКОВ просит Хаустова еще раз рассказать о том, при каких обстоятельствах он видел у него на квартире письмо Шолохову. Галансков утверждает, что Хаустов видел у него на квартире рукопись письма Шолохову, и что когда Хаустов пришел к нему, он занимался переписыванием этой рукописи.

ХАУСТОВ показывает, что часть письма была прочитана ему Галансковым, а часть он читал сам. Кто является автором письма, он не знает.

СУДЬЯ спрашивает, нет ли еще вопросов, и разрешает увести Хаустова*.

*Допрос свидетеля Левитина***

СУДЬЯ. Где вы работаете?

ЛЕВИТИН. Счетоводом в храме Нечаянной Радости. (Хохот в зале.)

СУДЬЯ. Вы как гражданин СССР должны помочь суду, прошу вас говорить одну только правду. Что вы можете показать проливающее свет на это дело?

ЛЕВИТИН. Боюсь, что ровным счетом ничего. Кроме того, что я знаком со всеми подсудимыми. Если это может пролить свет на это дело, я могу рассказать.

СУДЬЯ. Начните со знакомства.

ЛЕВИТИН. Как вы видите по моей профессии, я принадлежу к церковным кругам. Добровольский является верующим человеком и немного вхож в церковные круги. Мы встречались с ним в доме нашего общего приятеля, ныне умершего Марка Доброхотова. Лашкова Вера является моей машинисткой, так как, помимо своего официального положения, я являюсь церковным писателем, статьи которого, как вы вероятно знаете, широко известны в церковных кругах. У Веры Лашковой я несколько раз видел Галанскова и один раз Гинзбурга. Вот и все, что я могу сообщить.

СУДЬЯ. Знали ли вы, что Гинзбург является создателем «Белой книги»?

ЛЕВИТИН. Да.

СУДЬЯ. Откуда?

ЛЕВИТИН. Из передач заграничного радио.

СУДЬЯ. Но в своих показаниях, данных на предварительном следствии, вы показали, что вы знаете это от него самого.

ЛЕВИТИН. Нет, я показывал не это. Я говорил о том, что Гинзбург мне говорил, что он идет от прокурора, который обвинил его в том, что он составил «Белую книгу». Это не совсем одно и то же.

СУДЬЯ. Что вы знаете о журнале «Феникс»?

---

* Так как Хаустов находится в заключении, он был введен в зал суда под стражей.

** Анатолий Эммануилович Левитин-Краснов, 52 года, церковный писатель, вызван обвинением.

ЛЕВИТИН. Я знал о том, что намечается выход какого-то антисталинского сборника или журнала. Там должна была фигурировать также и одна моя статья. Я против этого не возражал, не видя в этом ничего криминального. Однажды я встретил Добровольского в метро, и он меня информировал о том, что они намерены выпустить сборник или журнал типографским путем. Я отговаривал Алешу от этого приключения, помню свое выражение: «Вас посадят за это, даже если вы будете печатать таким образом собрание сочинений Ленина». Алеша тогда мне сказал: «Вы меня убедили — печатать не будем». Но вот, оказывается, не убедил.

СУДЬЯ. Что они вам говорили об НТС?

ЛЕВИТИН. Им не надо было говорить мне об НТС. Я знал, что такое НТС, когда они еще не родились.

СУДЬЯ. Нет, что они вам говорили о своих связях с НТС?

ЛЕВИТИН. Ровным счетом ничего.

СУДЬЯ. А разговаривали вы с ними вообще об НТС?

ЛЕВИТИН. Уж не помню. Мало ли о чем я мог с ними разговаривать. Может быть, и разговаривал, как и о всякой другой организации.

СУДЬЯ. Что вы знаете о их настроениях?

ЛЕВИТИН. Они, как и большая часть нашей интеллигенции...

СУДЬЯ. Разве вы имеете полномочия от большей части нашей интеллигенции? Прошу вас говорить только за себя.

ЛЕВИТИН. Ну хорошо. Как многие люди, с которыми мне приходилось встречаться, они были недовольны очень жесткой цензурой, недостаточной свободой религии — это я говорю уже со своей колокольни, словом, все они хотели большей свободы мнений. И больше ничего.

ПРОКУРОР. Что вы скажете о Галанскове?

ЛЕВИТИН. Человек больной и раздражительный.

ПРОКУРОР. Из материалов дела видно, что вы знали о туристке, приезжавшей к Добровольскому из-за границы. Не от НТС ли она приезжала?

ЛЕВИТИН. Ни в коем случае. Это была религиозная туристка, приезжавшая от заграничных церковных кругов.

СУДЬЯ. Есть вопросы у защиты?

КАМИНСКАЯ. Слышали ли вы, что Галансков принял участие в журнале «Феникс»?

ЛЕВИТИН. Я слышал, что он принимал какое-то участие. Но какое, я не знаю.

ШВЕЙСКИЙ. Знаете ли вы, что в журнале «Феникс» была статья о Почаеве?

ЛЕВИТИН. Мне об этом говорил следователь. Он прочел несколько строк, после чего я убедился, что статья не моя.

ШВЕЙСКИЙ. Писали ли вы о Почаеве?

ЛЕВИТИН. Да, у меня есть на эту тему три статьи.

ШВЕЙСКИЙ. Они были написаны еще до знакомства с подсудимыми?

ЛЕВИТИН. Да, тотчас, как только те события произошли.

СУДЬЯ. Вас не привлекали за эти статьи к ответственности?

ЛЕВИТИН. Нет, и не могли привлекать...

СУДЬЯ. Свидетели не выступают, а допрашиваются. Вы уже ответили на вопрос.

АРИЯ. Из материалов дела видно, что во время вашей встречи с представителями общественности заместитель редактора журнала «Наука и религия» Григорян говорил, что он также знал о событиях в Почаеве.

ЛЕВИТИН. Да, я могу дословно повторить его слова: «Вы много писали о Почаеве (это обо мне). Я же сделал для Почаева больше, чем вы. Как только я узнал о событиях в Почаеве, я сразу позвонил в ЦК».

АРИЯ. Правду ли сказал Григорян?

ЛЕВИТИН. Думаю, что правду. Он вполне порядочный человек и врать не будет.

АРИЯ. Вымышлены ли эти события или нет?

ЛЕВИТИН. Ну что вы?! Ни один антирелигиозник и ни один представитель власти никогда не отрицали этого.

ШВЕЙСКИЙ. Считаете ли вы, что реакция Добровольского на Почаевские события как религиозного человека могла быть особенно острой?

ЛЕВИТИН. Ну, конечно. Какокму же религиозному человеку понравится, что в монастыре происходят зверства.

ЗОЛОТУХИН. Как попал за границу «Феникс»?

ЛЕВИТИН. Не знаю.

ЗОЛОТУХИН. А как попадают туда ваши произведения?

ЛЕВИТИН. Понятия не имею.

СУДЬЯ. Давали ли вы когда-нибудь Добровольскому какие-нибудь книги?

ЛЕВИТИН. Не помню.

СУДЬЯ. А он вам давал когда-нибудь книги, изданные НТС?

ЛЕВИТИН. Никогда.

СУДЬЯ. Давала ли вам Лашкова книгу, изданную НТС?

ЛЕВИТИН. Один раз она мне показывала какую-то книгу заграничного издания. Какую не помню.

СУДЬЯ. Товарищ Левитин, подойдите сюда. Та ли это книга, которую показывала вам Лашкова?

ЛЕВИТИН. Не помню.

СУДЬЯ. Лашкова, эту ли книгу вы показывали Левитину?

ЛАШКОВА. Да, эту.

СУДЬЯ. Настаивала ли она, чтобы вы прочли эту книгу?

ЛЕВИТИН. Нет, она просто показала мне эту книгу как книжный курьез.

СУДЬЯ. Восхваляла ли она НТС?

ЛЕВИТИН. Ни в коем случае. Зная Веру, я не могу допустить и мысли, чтоб она сочувствовала НТС.

СУДЬЯ. Вы свободны.

*Допрос свидетеля Ентина**

СУДЬЯ. Что вы можете сказать по данному делу?

ЕНТИН заявляет, что он должен быть привлечен не по тому делу, по которому он сейчас идет, а по делу Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой. Он требует, чтобы его судил тот суд, который судит Галанскова и других, так как он, во-первых, имеет прямое отношение к делу этих людей, во-вторых, полностью разделяет их убеждения, а также является другом Галанскова. Он говорит, что никаких показаний давать не будет, пока ему не предъявят обвинения по этому делу, и что в другом случае он даст показания только после просьбы защиты или самих обвиняемых.

СУДЬЯ предупреждает Ентина, что за отказ от показаний он будет нести уголовную ответственность и что на него будет заведено новое уголовное дело.

ЕНТИН отвечает, что это ему безразлично, что он хочет только одного: чтобы его судили вместе с Галансковым и Гинзбургом.

ПРОКУРОР. Вы считаете, что это более почетно?

ЕНТИН. Это более логично.

ПРОКУРОР все же пытается задавать Ентину вопросы.

---

* Леонид Ентин, 29 лет, лицо без определенных занятий, в момент настоящего суда находился под следствием по ст. 88 ч. I УК РСФСР по обвинению в связях с московскими и ленинградскими спекулянтами валютой, вызван обвинением.

ЕНТИН отвечать на них отказывается, говоря, что он уже сделал заявление суду и что давать показания он будет только в том случае, если об этом его попросят защита или подсудимые.

ПРОКУРОР. Вы что, добиваетесь, чтобы на вас завели еще одно уголовное дело?

ЕНТИН. Да, я этого добиваюсь.

СУДЬЯ предлагает зачитать показания Ентина на предварительном следствии.

ЗОЛОТУХИН делает заявление, что по статье 286 УПК РСФСР показания свидетеля могут быть зачитаны только при условии неявки свидетеля в суд по причинам, исключающим возможность его явки, или при наличии существенных противоречий между показаниями на суде и показаниями, данными свидетелем на предварительном следствии. По его мнению, данный случай не имеет отношения ни к тому, ни к другому. Поэтому он считает невозможным зачтение здесь протоколов допросов Ентина на предварительном следствии.

СУДЬЯ отвечает, что в данном случае он усматривает именно наличие противоречий, и зачитывает показания Ентина:

Осенью 1966 года Ентин вместе с Борисовой приехали в Москву. Они остановились на квартире у Галанскова и жили там несколько дней. Однажды Галансков сказал Ентину, что у него есть доллары, и Ентин сам предложил ему обменять их, используя для этого знакомства Борисовой. Ентин знал, что у нее есть возможность обменять доллары. После этого произошел разговор между Ентиным, Галансковым и Борисовой, при котором было решено обменять доллары через знакомых валютчиков Борисовой на советские деньги. Борисова имела в Москве знакомого валютчика — Данилова. Телефона его у нее не было, но она нашла его в телефонной книге. Борисова позвонила Данилову и спросила, не может ли он купить сейчас у нее доллары. Данилов согласился. В первый раз Галансковым было дано Ентину 100 долларов. Ентин и Борисова отправились с ними к Данилову, который заплатил им за эти доллары 300 рублей, т. е. по самой низкой цене 1:3. После этого Ентин и Борисова предложили Галанскову обменять и все остальные доллары таким же образом. Галансков согласился. Когда Борисова позвонила Данилову, он сказал ей, что согласен

купить еще, и они договорились о встрече. На эту встречу Данилов пришел не один, а с каким-то высоким мужчиной по имени Саша, который, судя по вещам, которые он рассказывал, был крупным валютчиком. Он рассказывал о каких-то своих грандиозных валютных операциях и т. д. Данилов сказал, что сейчас у него нет денег и он сам не может купить доллары, и предложил Ентину и Борисовой пройти в один дом неподалеку, где живет человек, который в данное время может купить эти доллары. Ентин и Борисова пошли с ними в этот дом, поднялись на какой-то этаж и, так как человека, который мог купить доллары, не оказалось дома, некоторое время ждали на площадке. В это-то время и были рассказаны Сашей, которого привел с собой Данилов, разные истории из жизни валютчиков. Через некоторое время пришел человек, которого они ждали. Тут же на лестнице Ентин и Борисова дали Саше 100 долларов для обмена, с вычетом суммы, которая полагалась Данилову за женские сапоги, которые он обещал купить для Борисовой. Потом Ентин и Борисова спустились вниз и стали ждать во дворе. Через некоторое время вышел Саша и сказал Ентину, что его знакомый сейчас спуститься. Вскоре спустился этот знакомый, который собирался купить доллары, он был сильно пьян. Когда он подошел к Ентину, Саша куда-то исчез. Ентин почувствовал в этом какой-то подвох и стал требовать у пьяного мужчины деньги. Тот сунул Ентину какую-то пачку, обернутую в бумагу, и сказал, что это — деньги. Когда же Ентин, чувствуя, что его обманули, стал требовать от этого мужчины объяснений, тот сказал ему, чтобы он убирался, пока цел, и что денег он никаких не получит. Ентин развернул переданную ему пачку, и оказалось, что это пачка горчичников. Ентин и Борисова поехали к Галанскову и рассказали ему об этом эпизоде. Галансков был огорчен и сказал Ентину, что он хочет, чтобы Ентин компенсировал ему эти пропавшие доллары. Он потребовал, чтобы Ентин, наконец, занялся каким-нибудь полезным делом, устроился на работу, поступил в институт и т. д. Галансков решил попытаться как-нибудь вернуть деньги, которые были украдены у Ентина. Была написана записка. Кто писал эту записку — он ли, Галансков ли — Ентин не помнит, так как он находился под действием наркотика фенамина, который он употребляет в течение двух лет. Что было написано в этой записке,

Ентин тоже не помнит. Была назначена встреча Данилову, и Борисова передала ему эту записку. Записка была в спичечной коробке, куда же были вложены патроны. Галансков при этом присутствовал и, после того как Борисова передала Данилову записку, пошел куда-то с Даниловым. О чем они говорили, Ентин не знает. Он объясняет этот эпизод своей жизни тем, что Борисова — первая женщина, которую он любил в своей жизни. Ей всегда была свойственна авантюрность, Ентин старался во всем походить на нее и поэтому он решился на это. Он менял доллары не потому, что он вообще этим занимался, он вообще не знал, как это делается.

ПРОКУРОР после того, как были зачитаны эти показания, пытается задать Ентину вопрос относительно правдивости показаний.

ЕНТИН отвечать на вопрос отказывается и повторяет, что пока его не привлекут по этому делу как обвиняемого, а не как свидетеля, он давать показаний не будет.

ГАЛАНСКОВ просит суд, чтобы ему дали возможность самому опросить Ентина.

СУДЬЯ разрешает.

ГАЛАНСКОВ спрашивает, как вообще обстоят дела у Ентина в том деле, по которому он сидит, какие обвинения ему предъявляются?

ЕНТИН отвечает, что сейчас идет по делу вместе с шестнадцатью людьми, ему совершенно чуждыми, и это — еще одна причина, по которой он хотел бы идти по одному делу с Галансковым, а не с ними. Ему грозит наказание, вероятно, даже меньшее, чем то, которое он получил бы по делу Галанскова, но это его не останавливает.

ГАЛАНСКОВ спрашивает о записке.

ЕНТИН отвечает, что записка содержала какие-то угрозы в адрес валютчиков, но точного содержания ее он не помнит.

ПРОКУРОР. Там было написано, что в том случае, если они не вернут деньги, им придется иметь дело с НТС?

ЕНТИН. Нет, не помню.

ГАЛАНСКОВ задает вопросы Ентину, когда и сколько денег получил Ентин за доллары в первый раз, куда он принес Галанскову эти деньги, был ли Галансков дома, когда Ентин принес их, куда Ентин положил эти деньги, не застав Галанскова.

ЕНТИН подтверждает свои показания на предварительном следствии, за исключением незначительных расхождений в суммах долларов и советских рублей и во времени, когда Ентин принес деньги Галанскову. Он говорит, что точно такие вещи не помнит, тем более, что в то время находился под действием наркотика.

ГАЛАНСКОВ задает вопросы Ентину, помнит ли тот об эпизоде, когда они вместе с Борисовой отправились на Пушкинскую площадь для встречи с Даниловым, во время которой должен был быть выяснен вопрос об обмане Ентина, говорил ли он, Галансков, Ентину, что эти доллары принадлежат одному религиозному фанатику, показывал ли ему на площади какого-то человека с усами, который присутствовал при встрече на площади, говорил ли, что деньги принадлежат этому человеку.

ЕНТИН отвечает, что действительно какой-то человек с усами на площади был, но говорил ли Галансков, что доллары принадлежат ему, он не помнит.

ГАЛАНСКОВ спрашивает, говорил ли он Ентину неоднократно, чтобы тот готовился к вступительным экзаменам в институт, чтобы он приезжал в Москву поступать во ВГИК, куда он собирался давно поступать, что он настаивал на этом, потому что Ентин талантливый кинокритик. (Смех в зале.)

ЕНТИН отвечает, что все так и было.

СУДЬЯ спрашивает, нет ли еще вопросов, и разрешает увести Ентина*.

*Допрос свидетеля Борисовой***

СУДЬЯ предлагает рассказать все, что Борисова знает по данному делу.

БОРИСОВА показывает, что осенью 1966 года она вместе с Ентиным приехала в Москву и остановилась на квартире у Галанскова. В Ленинграде она слышала о Галанскове от очень многих людей много хорошего, и это заставило ее заинтересоваться Галансковым как человеком необыкновенно хорошим и добрым. Она получила этому доказательства, так как, когда она жила на квартире у Галанскова

* Так как Ентин, в ожидании суда, находился в заключении, он был введен в зал суда под стражей.

** Ирина Борисова, 27 лет, балерина, была вызвана обвинением.

вместе с Ентиным, Галансков проявлял о них большую заботу, кормил их и т. д. Показания Борисовой об обмене валюты совпадают с показаниями Ентина, при этом она говорит, что Галансков, судя по ее впечатлению, сам не испытывал нужды в обмене долларов, не имел представления о том, как их можно обменять, и вообще не знал, что с ними делать.

ПРОКУРОР спрашивает, предлагал ли Галансков ей и Ентину обменять эти доллары через Государственный банк?

БОРИСОВА отвечает, что, как ей кажется, простой советский гражданин не имеет права обменивать доллары и что Галансков ее об этом никогда не просил. Она говорит, что, так как она знала Галанскова как человека необыкновенно честного и порядочного, она была уверена, что деньги, которые Галансков получит за эти доллары, будут истрачены «на какое-нибудь чистое святое дело, а ни в коем случае не на себя».

СУДЬЯ спрашивает, нет ли еще вопросов, и разрешает увести Борисову*.

*Допрос свидетеля Радзиевского***

СУДЬЯ. Кого из подсудимых вы знаете?

РАДЗИЕВСКИЙ. Я знаю только Добровольского.

СУДЬЯ. Расскажите суду все, что вам известно об этом деле.

РАДЗИЕВСКИЙ. Я познакомился с Добровольским примерно за неделю до того, как он дал мне для размножения какие-то материалы. Материалы эти, когда я получил их от Добровольского, были в папке. Когда я брал у Добровольского эту папку, я был малость выпивши и потому не успел их передать в тот же день по назначению, а оставил у себя дома и передал только на следующий день. Эти материалы должны были быть размножены в учреждении «Гидроцветметпроект» двумя моими друзьями, которые работали там на какой-то множительной машине. Они занимались выполнением всякой левой работы, получая за это деньги. За перепечатку материалов, которые я должен был

* Так как Борисова, в ожидании суда по ст. 88 ч. I УК РСФСР, находилась в заключении, она была введена в зал суда под стражей.

** Павел Радзиевский, 20 лет, рабочий, в январе 1967 года был арестован КГБ и вскоре выпущен, вызван обвинением.

им передать, они должны были получить 25 рублей, а 5 рублей должен был получить я.

ПРОКУРОР задает вопросы об очной ставке Радзиевского с рабочим «Гидроцветметпроекта» Головановым, на которой выяснились обстоятельства того, как и на каких условиях Радзиевский передал ему эти материалы.

РАДЗИЕВСКИЙ подтверждает свои показания на очной ставке.

ПРОКУРОР. Скажите, Радзиевский, вы читали эти материалы?

РАДЗИЕВСКИЙ. Нет. Я только открывал эту папку и видел, что там находились какие-то машинописные тексты, я видел только первую страницу, там шла речь о Шолохове. Точно я не помню, но, по-моему, это было то ли письмо Шолохова, то ли письмо к Шолохову. Ничего конкретного о содержании этих материалов я сказать не могу. Когда я передал их двум своим приятелям из «Гидроцветметпроекта,», они, вместо того чтобы размножить их, отнесли эти материалы в КГБ. После этого я был арестован.

СУДЬЯ спрашивает, нет ли еще вопросов, и отпускает Радзиевского.

*Допрос свидетеля Цветкова**

СУДЬЯ предлагает рассказать все, что свидетелю известно по данному делу.

ЦВЕТКОВ показывает, что он работает в «Гидроцветметпроекте», знаком с Радзиевским. Когда Радзиевский давал ему для размножения материалы, то сказал, будто эти материалы — обсуждение макета 3-го тома Истории КПСС с участием старых большевиков. Радзиевский сказал ему, что эти материалы нужно размножить, потому что каждому старому большевику нужен свой экземпляр. Когда он получил эти материалы и начал с ними знакомиться, то ему показалось, что они содержат какие-то странные высказывания, которые можно расценивать как антисоветские. Он не помнит конкретно, какие материалы там были, он читал только отрывок из какого-то письма, в котором шла речь о Шолохове, точного названия этого письма он не помнит. Так как ему показалось, что в этом письме содержатся

* А. Цветков, рабочий, вызван обвинением.

антисоветские высказывания, то он отнес его в КГБ вместе с остальными материалами.

ГАЛАНСКОВ. Скажите, пожалуйста, то, что вы отнесли этот материал в Комитет госбезопасности, должно, вероятно, свидетельствовать о вашей гражданской бдительности?

СУДЬЯ. Этот вопрос снимается.

ГАЛАНСКОВ. Скажите, кого вы выбирали в 1967 году в депутаты районного совета?

СУДЬЯ. Вопрос снят.

ГАЛАНСКОВ. Скажите, а кого вы выбирали в депутаты Верховного Совета?

СУДЬЯ. Вопрос снят.

ГАЛАНСКОВ. Были ли вы хоть на одном отчетно-перевыборном собрании в этом или прошлом году?

СУДЬЯ. Вопрос снят. Свидетель, вы свободны.

*Допрос свидетеля Голованова**

СУДЬЯ предлагает рассказать свидетелю все, что ему известно по данному делу.

ГОЛОВАНОВ показывает то же, что и Цветков, т. е., что он работает в «Гидроцветметпроекте», что он получил от Радзиевского папку с материалами, когда он начал просматривать эти материалы, его поразило, что эти материалы не соответствуют тем убеждениям, которые он имеет, и поэтому он отнес их в КГБ.

ГАЛАНСКОВ. Почему вы считаете тот документ, в котором шла речь о Шолохове, антисоветским?

ГОЛОВАНОВ. Я читал этот документ очень давно, с тех пор прошло больше года, и поэтому я не могу точно ответить на этот вопрос. Я не могу сказать, какие именно места вызвали у меня искреннее возмущение. В частности, там употреблялось без должного уважения имя великого пролетарского писателя Горького и там в оскорбительном тоне говорилось о советском писателе Шолохове.

ГАЛАНСКОВ. Скажите, кого вы избирали в депутаты районного совета в 1967 году?

СУДЬЯ. Вопрос снят.

ГАЛАНСКОВ. Скажите, кого вы избирали в депутаты Верховного Совета?

СУДЬЯ. Вопрос снят. Свидетель, вы свободны.

---

* В. Голованов, рабочий, вызван обвинением.

*Допрос свидетеля Гинзбург**

СУДЬЯ предлагает задавать свидетелю вопросы.

ПРОКУРОР. Бывали ли у вас дома иностранцы?

ГИНЗБУРГ Л. И. Нет.

ПРОКУРОР. Скажите, вам звонили из Парижа и из Италии?

ГИНЗБУРГ Л. И. Да, звонили.

ПРОКУРОР. О чем с вами разговаривали, когда звонили из Парижа?

ГИНЗБУРГ Л. И. Это звонили из издательства, чтобы сказать, что вышла книга моего сына, широко обсуждена общественностью Франции и ею одобрена.

ПРОКУРОР. А о чем с вами разговаривали из Италии?

ГИНЗБУРГ Л. И. О приглашении группы советской интеллигенции в Италию. Среди приглашенных был и мой сын, его они тоже хотели пригласить.

ПРОКУРОР. Откуда им стал известен ваш телефон?

ГИНЗБУРГ Л. И. Уверена, что не от меня и не от сына.

ПРОКУРОР. А как же они могли узнать ваш телефон?

ГИНЗБУРГ Л. И. Я над этим вопросом не задумывалась.

ПРОКУРОР. Кто из подсудимых бывал у вас дома?

ГИНЗБУРГ Л. И. Галансков и несколько раз заходила Лашкова.

ПРОКУРОР. Давно ли вы знаете Галанскова?

ГИНЗБУРГ Л. И. С 1959 года, по-моему.

ПРОКУРОР. Что вы знаете об антисоветской деятельности вашего сына?

ГИНЗБУРГ Л. И. Я ничего не знаю об антисоветской деятельности моего сына и совершенно уверена, что таковой не было.

ПРОКУРОР. Когда у вас в доме бывал Галансков, приносил ли он что-нибудь вашему сыну?

ГИНЗБУРГ Л. И. Да, приносил учебники для института.

ПРОКУРОР. А брал ли он что-нибудь у вашего сына?

ГИНЗБУРГ Л. И. Вы знаете, я не помню. Галансков бывал у нас в доме всегда как свой человек, и я не знаю, может быть какие-нибудь книги он у нас и брал.

ПРОКУРОР. Знаете ли вы Лашкову?

ГИНЗБУРГ Л. И. Знаю, видела ее несколько раз.

---

* Людмила Ильинична Гинзбург, 60 лет, пенсионер, мать Александра Гинзбурга, вызвана обвинением.

ПРОКУРОР. Приносила ли вам что-нибудь Лашкова?

ГИНЗБУРГ Л. И. Нет.

ПРОКУРОР. Брала ли она что-нибудь у вас?

ГИНЗБУРГ Л. И. Нет.

ПРОКУРОР. У меня все.

СУДЬЯ. Есть ли у кого-нибудь еще вопросы?

ГАЛАНСКОВ. Есть у меня. Свидетельница, скажите пожалуйста, советовал ли я вашему сыну поступать в институт?

ГИНЗБУРГ Л. И. Советовал, Юрочка.

ГАЛАНСКОВ. Приходил ли я к вам, когда его не было дома и когда он не ночевал дома?

ГИНЗБУРГ Л. И. Приходил, Юрочка.

ГАЛАНСКОВ. Советовал ли я вашему сыну заниматься английским языком?

ГИНЗБУРГ Л. И. Да, советовал, Юрочка.

ГАЛАНСКОВ. Свидетельница, помогал ли я вам, покупал ли я вам продукты?

ГИНЗБУРГ Л. И. Да, покупал, Юрочка.

ГАЛАНСКОВ. Ходил ли я для вас в аптеку?

ГИНЗБУРГ Л. И. Да, ходил, Юрочка.

ГАЛАНСКОВ. Долго ли я бывал у вас? Час? Два? Три?

ГИНЗБУРГ Л. И. Долго, точно не помню, Юрочка.

ГАЛАНСКОВ. Бывал ли я у вас, когда ваш сын сидел в лагере?

ГИНЗБУРГ Л. И. Да, бывал, Юрочка.

СУДЬЯ. Свидетель, вы свободны. Можете остаться в зале, вон есть свободное место*.

ГИНЗБУРГ говорит, что хочет сделать заявление.

СУДЬЯ. Пожалуйста.

ГИНЗБУРГ заявляет, что он хочет объяснить, каким именно образом его телефон мог попасть в парижское издательство и в Рим. По его словам, через десять дней после его ареста агентством Франсс Пресс было опубликовано сообщение об этом, причем назван его адрес и номер телефона.

---

* Л. И. Гинзбург разрешили остаться в зале не как свидетелю, а как матери одного из подсудимых.

*Допрос свидетеля Басиловой**

СУДЬЯ. Род ваших занятий?

БАСИЛОВА делает удивленное лицо.

СУДЬЯ. Чем занимаетесь?

БАСИЛОВА. Я поэт.

СУДЬЯ. К какой организации принадлежите?

БАСИЛОВА. Я не принадлежу ни к какой организации. Я поэт.

СУДЬЯ. Как записать вас? Член ли вы Союза писателей или какого-нибудь еще союза?

БАСИЛОВА. Пишите, что хотите, а также, что я нахожусь на иждивении мужа и матери, если вам это удобно. Я хочу сделать заявление касающееся моих дальнейших показаний.

СУДЬЯ (не обращая внимания). Кого из присутствующих здесь подсудимых вы знаете?

БАСИЛОВА. Алика Гинзбурга.

СУДЬЯ. Ну, рассказывайте.

БАСИЛОВА. Может ли суд сформулировать точнее, о чем должна идти речь?

СУДЬЯ. Пожалуйста. Какие вопросы есть у государственного обвинителя?

ПРОКУРОР. Свидетельница, скажите, был ли у вас в доме швед, присланный Гинзбургом?

БАСИЛОВА. Присланный Гинзбургом — нет. (В зале смех.)

ПРОКУРОР. На основании показаний вашего мужа, у вас в доме в мае 1965 года был швед, присланный Гинзбургом, который привез вам литературу антисоветского содержания.

БАСИЛОВА. Я прошу дать мне возможность сделать заявление, касающееся показаний моего мужа, а таким образом и моих. (Смех в зале.)

СУДЬЯ. Ваши показания тоже свидетельствуют об этом инциденте.

БАСИЛОВА. Не может этого быть. Я не давала таких показаний.

СУДЬЯ. Это ваша подпись, свидетель?

БАСИЛОВА (смотрит протокол). Моя. Но сформулирован этот эпизод совсем иначе. (Смех в зале.)

---

* Елена Басилова, 23 года, поэтесса, жена поэта Губанова, вызвана обвинением.

СУДЬЯ. Узнаете ли вы свой почерк?

БАСИЛОВА. Нет. Видно, это почерк следователя.

СУДЬЯ. Неваляйте дурака, свидетель. Ваша подпись стоит под показаниями.

БАСИЛОВА. Да. Но почему вы не оглашаете всей формулировки этих показаний?

СУДЬЯ. Вот здесь написано: «Речь идет о том шведе, которого прислал Алик Гинзбург».

БАСИЛОВА. Да, но предложение не кончено, здесь помещаются скобки, в которых далее следует вот что: «Имеется в виду тот швед, о котором по телефону мне говорил Алик Гинзбург». В целом это выглядит так: «Речь идет о том шведе, которого прислал Алик Гинзбург (т. е. имеется в виду тот швед, о котором мне по телефону говорил Гинзбург)». Главный смысл этой фразы, то есть этого заявления, помещается в скобках. Суд почему-то акцентирует и даже, как я вижу, подчеркивает то, что находится перед скобкой, то есть не полную и даже не основную формулировку, а ту, что служит переходом от общих показаний к тем, о которых должна идти речь. (В зале все время смех.)

СУДЬЯ. Суд зачитывает ваши показания так, как считает нужным.

БАСИЛОВА. В таком случае необходимо опровержение, поскольку эта фраза компромиссна. И я как свидетель, явившийся...

СУДЬЯ (перебивает). Что вы можете сказать по данному делу?

БАСИЛОВА. Имею ли я право объяснить, как было дело, и дать объяснения по поводу этих показаний?! (В зале смех.)

СУДЬЯ. Свидетель, вы понимаете, что это несолидно?

БАСИЛОВА. Нет. Если мои показания несолидны, то несолидно суду привлекать к процессу такого несолидного свидетеля.

СУДЬЯ. Итак, у вас в доме был швед?

БАСИЛОВА. Да, но я не понимаю, какое это имеет отношение к обвиняемому.

СУДЬЯ. Обвиняемый прислал его вам.

БАСИЛОВА. Вот как было дело. Гинзбург позвонил мне и спросил, хочу ли я видеть шведа-смогиста. Возможно, что мне и моему мужу это может быть интересно. Я спросила его...

СУДЬЯ (перебивает). Свидетельница, говорите о том, о чем вас спрашивает суд.

БАСИЛОВА. Я могу повторить. Алик Гинзбург сказал мне по телефону, что приехал швед-смогист. Спросил, интересно ли это мне и моему мужу. Я спросила у него, кто этот швед, если он смогист? Поэт ли, художник ли, композитор, так как смогизм — течение сугубо творческое, имеющее отношение только к искусству. В ответ на это Алик Гинзбург сказал мне, что не знает, кто он по профессии, так как сам не видел его и с ним не говорил. То, что Алик не видел шведа, повторил и сам швед, явившийся ко мне. (Хохот в зале.)

СУДЬЯ. Хватит, свидетель.

ПРОКУРОР. В показаниях вашего мужа...

БАСИЛОВА (перебивает). Я хочу сделать заявление.

СУДЬЯ. Не разрешаю.

БАСИЛОВА. А я все-таки сделаю. Я хотела бы знать, какое право имеет Комитет государственной безопасности доводить до невменяемого состояния моего мужа, душевнобольного человека, преследованиями, выслеживанием и прочими методами и в таком состоянии его допрашивать?! Более того, использовать эти показания на суде!

СУДЬЯ (кричит). Это клевета на органы госбезопасности! Свидетель, вы будете отвечать за клевету!

БАСИЛОВА. Это не клевета. Состояние моего мужа определяет врач. Я как жена хочу знать, на каком основании мой муж подвергается допросу КГБ, и если суд не дает мне возможности сделать заявление, я буду действовать через прокуратуру. Я хочу, чтобы моего мужа оставили в покое. Он поэт, и последствия могут быть крайне опасны.

СУДЬЯ. Увести свидетельницу!

ЗОЛОТУХИН. У меня есть вопрос к свидетельнице. Что вы можете сказать о Гинзбурге?

БАСИЛОВА. Я Алика Гинзбурга очень люблю и ценю.

ЗОЛОТУХИН. Ваш муж состоит на учете в психоневрологическом диспансере?

БАСИЛОВА. Да.

ЗОЛОТУХИН. Как давно?

БАСИЛОВА. Пять-шесть лет.

ЗОЛОТУХИН. Диагноз есть? Какой?

БАСИЛОВА. Да. Шизофрения.

ГИНЗБУРГ. У меня вопрос. Скажите, свидетельница, в

ваших показаниях говорится о свидетельнице Гуревич-Сапгир? Когда она была, до прихода шведа или после?

БАСИЛОВА. Я вообще таких показаний не давала.

ГИНЗБУРГ. Швед знал русский язык или нет?

БАСИЛОВА. Швед знал только «здравствуй» и «до свиданья» по-русски и немного знал французский. Поэтому мы с ним объяснялись больше так называемой пантомимой. Это было крайне недолго.

СУДЬЯ. Увести свидетельницу. Проводите ее. (В зале все время шум.)

ЗОЛОТУХИН (после того как выводят Басилову) делает заявление, что он просит суд не считать полноценным доказательством показания свидетеля Губанова на предварительном следствии, хотя они фигурируют в обвинительном заключении, так как его жена, свидетельница Басилова, дает показания, что ее муж находится в крайне тяжелом психическом состоянии и находился в таком же состоянии во время следствия. Это же подтверждается медицинским освидетельствованием. Золотухин подчеркивает, что ходатайство Каминской о вызове в суд Григоренко как свидетеля было отклонено именно потому, что Григоренко, судя по справке, полученной из его психоневрологического диспансера, является больным человеком. Почему же показаниям Губанова, человека явно больного, неоднократно стационировавшегося в больницах с диагнозом шизофрения, придается настолько большое значение, что они даже включены в обвинительное заключение и являются основанием для одного из эпизодов обвинения Гинзбурга?

СУДЬЯ, опросив присутствующие стороны и посовещавшись на месте с народными заседателями, сообщает, что суд признал все это недостаточным основанием для исключения показаний Губанова из обвинительного заключени или из материалов дела.

*Допрос свидетеля Топешкиной**

СУДЬЯ. Расскажите все, что вы знаете о деле.

ТОПЕШКИНА. Мне ничего не известно о деле. Может быть, мне будут задавать вопросы?

ПРОКУРОР. Покупали ли вы пишущую машинку системы «Оливетти»?

---

* Аида Топешкина, 30 лет, литературный редактор, вызвана обвинением.

ТОПЕШКИНА. Да.

ПРОКУРОР. У кого?

ТОПЕШКИНА. У своей знакомой.

ПРОКУРОР. Как фамилия вашей знакомой?

ТОПЕШКИНА. Стивенс.

ПРОКУРОР. Давали ли вы кому-нибудь эту машинку?

ТОПЕШКИНА. Да, на время.

ПРОКУРОР. Кому и когда?

ТОПЕШКИНА. Осенью, год назад.

ПРОКУРОР. Осенью 1966 года?

ТОПЕШКИНА. Да.

ПРОКУРОР. Кому?

ТОПЕШКИНА. Тимофеевой.

ПРОКУРОР. Жене Галанскова?

ТОПЕШКИНА. Она тогда не была его женой.

ПРОКУРОР. Для кого вы давали машинку?

ТОПЕШКИНА. Я давала машинку для ее подруги Лашковой, которая устроилась на работу надомницей...

ПРОКУРОР (перебивает). Почему вы дали ей машинку?

ТОПЕШКИНА. Я уезжала на месяц в деревню, она мне была не нужна, а Лашкова, которая нашла работу надомницы...

ПРОКУРОР (перебивает). И какие материалы печатала Лашкова на вашей машинке?

ТОПЕШКИНА. Я не знаю. Она работала в университете, я не знаю, какого рода работа у нее была.

ПРОКУРОР. Вам возвратила машинку?

ТОПЕШКИНА. Нет.

ПРОКУРОР. Почему?

ТОПЕШКИНА. Мне сказали, что она изъята при обыске.

ПРОКУРОР. У кого?

ТОПЕШКИНА. Я не знаю.

ПРОКУРОР. Посмотрите, нет ли среди присутствующих Лашковой? Где она?

ТОПЕШКИНА. Наверное, эта. Других женщин здесь нет.

ПРОКУРОР. Ответьте на такой вопрос. У Галанскова обнаружена визитная карточка сотрудника японского посольства Минору Тамба. Он не знает, как она к нему попала.

ТОПЕШКИНА. Я могла потерять, оставить у него.

ПРОКУРОР. Откуда она у вас?

ТОПЕШКИНА. Я знакома с этим человеком.

ПРОКУРОР. Почему вы думаете, что это вы потеряли ее у Галанскова?

ТОПЕШКИНА. Я у него часто бывала, иногда ночевала, могла ее обронить.

ПРОКУРОР. Вы показывали на предварительном следствии, что познакомились с Тамба через англичанку?

ТОПЕШКИНА. Да.

ПРОКУРОР. Как ее звали?

ТОПЕШКИНА. Джилл.

ПРОКУРОР. Вы были у нее с Галансковым?

ТОПЕШКИНА. Да, один раз, там было очень много народу, человек сорок.

КАМИНСКАЯ. Вы позвали туда Галанскова? Зачем?

ТОПЕШКИНА. Я позвала его просто на вечеринку — выпить, повеселиться.

КАМИНСКАЯ. А еще он бывал там?

ТОПЕШКИНА. Нет.

КАМИНСКАЯ. Он просил вас повести его туда?

ТОПЕШКИНА. Нет. Он очень застенчивый человек. Он сказал, что не ходок в такие компании, языка он не знает, разговаривать стесняется, и ему там скучно.

ГАЛАНСКОВ. Имеет ли отношение данный человек ко мне или к делу?

ТОПЕШКИНА. Нет, он имеет отношение только ко мне.

ГАЛАНСКОВ. Тогда почему вы отвечаете на праздные вопросы?

СУДЬЯ. Это не праздные вопросы.

ГАЛАНСКОВ. Эти вопросы, не имеющие отношения к делу, затрагивают другую страну, представителем которой является данный человек... (В зале смех.)

СУДЬЯ (прерывая Галанскова). Какая литература была изъята у вас при обыске?

ТОПЕШКИНА. У меня не была изъята литература.

СУДЬЯ. Как не была?

ТОПЕШКИНА. Что вы подразумеваете под словом «литература»? У меня изъяты речи Синявского и Даниэля и письмо Солженицына.

СУДЬЯ. А «Письмо старому другу»?

ТОПЕШКИНА. Я этого не помню.

СУДЬЯ. Но вот же ваши показания, здесь написано — «Письмо старому другу». Вы читали их, подписывали?

ТОПЕШКИНА. Я не помню этого момента. Можно по-

смотреть протокол обыска, там указано, что у меня изъяли.

СУДЬЯ. Зачем протокол обыска? У нас есть протокол ваших показаний.

ТОПЕШКИНА. Я не помню, я могла спутать письмо Солженицына и «Письмо старому другу». Чтобы это уточнить, нужно посмотреть протокол обыска.

СУДЬЯ. Откуда у вас речи Синявского и Даниэля?

ТОПЕШКИНА. Я уже не помню: они имели такое широкое хождение. Я учусь в университете, там почти все их имели.

ЗОЛОТУХИН. Как давно они к вам попали?

ТОПЕШКИНА. Я не помню.

ЗОЛОТУХИН. Сразу после суда или спустя какое-то время?

ТОПЕШКИНА. Я не помню. Я не помню даже, когда был суд.

ЗОЛОТУХИН. В феврале 1965 года.

СУДЬЯ (Золотухину). Будьте точны. Судя по вашим вопросам, дата здесь важна.

ЗОЛОТУХИН. Суд состоялся в феврале 1966 года.

КАМИНСКАЯ. Вы друг Галанскова?

ТОПЕШКИНА. Да.

КАМИНСКАЯ. У вас есть дети?

ТОПЕШКИНА. Да, двое.

КАМИНСКАЯ. Помогал ли вам Галансков?

ТОПЕШКИНА. Да, он оставался с детьми, брал их вечером из детского сада.

КАМИНСКАЯ. Как Галансков был материально обеспечен?

ТОПЕШКИНА. Он был очень беден — гол как сокол.

КАМИНСКАЯ. А в последний год вы не замечали изменений в его материальном положении? Не стал ли он жить более широко, тратить деньги?

ТОПЕШКИНА. Нет. Когда я хотела занять у него деньги на пальто ребенку, он взял их у своей матери, а ей прислали эти деньги родственники на какие-то покупки.

КАМИНСКАЯ. Вы говорили об этом раньше?

ТОПЕШКИНА. Меня об этом никто не спрашивал.

КАМИНСКАЯ. Но в ваших показаниях говорится о том, что он вам помогал.

ТОПЕШКИНА. Я сейчас говорю о конкретном случае, когда я заняла у него 35 рублей на пальто ребенку. К сожа-

лению, я только через шесть месяцев смогла вернуть эти деньги его матери.

КАМИНСКАЯ. Получал ли Галансков какую-нибудь литературу из-за границы?

ТОПЕШКИНА. Нет, не получал. Он никогда ничего не давал мне, а если бы он что-то получил, то я, наверное, знала бы это.

КАМИНСКАЯ. Вы близкие друзья?

ТОПЕШКИНА. Да.

КАМИНСКАЯ. Интересовался ли Галансков иностранцами? Приезжали ли к нему иностранцы?

ТОПЕШКИНА. Нет, не интересовался и не приезжали. Он никогда ни о чем таком не рассказывал.

КАМИНСКАЯ. Были ли у него деньги — доллары?

ТОПЕШКИНА. Нет, не было.

СУДЬЯ. Есть еще вопросы?

ГАЛАНСКОВ. Я прошу оказать мне любезность: когда вы вернетесь домой, поцеловать от меня вашу дочь.

СУДЬЯ. Вы можете быть свободны.

ТОПЕШКИНА. Я хочу сделать заявление по поводу своих показаний на предварительном следствии.

СУДЬЯ. Здесь мы задаем вопросы. Нас не интересуют ваши заявления. Можете идти. (Комендант суда полковник КГБ Циркуненко подталкивает Топешкину к выходу.)

ТОПЕШКИНА. Я хочу остаться. Я знаю, что я не только имею на это право, но и обязана остаться.

СУДЬЯ. Не мешайте судебному заседанию. Здесь нет мест, очень душно.

ТОПЕШКИНА. Я все-таки хочу остаться.

ЦИРКУНЕНКО. Хватит болтать! Уходите!

ТОПЕШКИНА. Не уйду!

ЦИРКУНЕНКО. Вам что, конвой вызвать?

ТОПЕШКИНА. Вызывайте! (Крики из зала: «Иди детей воспитывать! Где ей их воспитывать?! Честь и совесть потеряли!..» Циркуненко подталкивает Топешкину.)

ТОПЕШКИНА. Не смейте меня трогать!

ЦИРКУНЕНКО. Я вас не трогаю. Вам говорят, уходите. Вы обязаны подчиниться распоряжению судьи. Здесь много народу. (Крики из зала: «Нам душно. Здесь нет мест!»)

ТОПЕШКИНА. Уступите мне свое место и уходите, если вам душно, а я останусь. (Крики из зала: «Ишь какая!

Лучше бы за детьми смотрела! Где ей смотреть — не тем занята!» Топешкину выводят.)

*Допрос свидетеля Добровольской**

СУДЬЯ спрашивает, кто из подсудимых бывал у нее дома и кого из них она знает.

ДОБРОВОЛЬСКАЯ отвечает, что у нее дома бывали Лашкова и Галансков, что они бывали довольно редко и по отдельности.

ПРОКУРОР спрашивает, знает ли она что-нибудь о преступной деятельности своего мужа.

ДОБРОВОЛЬСКАЯ отвечает, что ей об этом ничего не известно, что она со своим мужем вообще виделась редко, потому что они работали в разные смены и, кроме этого, оба учились в институте. Ей только известно, что довольно часто Добровольского отвлекали от домашних дел и занятий какие-то телефонные звонки и визиты каких-то незнакомых ей людей.

ПРОКУРОР спрашивает о деньгах, обнаруженных на квартире у Добровольского при повторном обыске.

ДОБРОВОЛЬСКАЯ отвечает, что эти деньги она нашла после первого обыска под матрацем в своей кровати, куда, вероятно, их спрятал ее муж. Эти деньги предназначались, насколько ей известно со слов мужа, на постройку кооперативной квартиры. Добровольский говорил ей, что у него есть возможность одолжить у каких-то своих знакомых довольно крупную сумму денег и добавить к деньгам, которые уже у них имеются, и на эти деньги построить кооперативную квартиру.

ПРОКУРОР спрашивает, говорил ли с ней когда-нибудь Добровольский об НТС или о какой-нибудь другой организации.

ДОБРОВОЛЬСКАЯ отвечает, что разговоров на подобные темы у нее с мужем не было.

СУДЬЯ просит свидетельницу охарактеризовать мужа.

ДОБРОВОЛЬСКАЯ говорит, что Добровольский человек очень верующий, что он начал верить в бога после того, как его выпустили из лагеря, что Добровольский прекрасно относится к своему сыну.

СУДЬЯ. Есть вопросы у защиты?

---

* Галина Добровольская, 27 лет, продавец книжного магазина, жена Алексея Добровольского, вызвана обвинением.

КАМИНСКАЯ. Скажите, пожалуйста, Добровольская, писали ли вы заявление в КГБ с просьбой вернуть вам деньги, изъятые при обыске?

ДОБРОВОЛЬСКАЯ. Да, писала.

КАМИНСКАЯ. Вы писали одно заявление или несколько?

ДОБРОВОЛЬСКАЯ. Я писала два заявления.

КАМИНСКАЯ. Скажите, пожалуйста, что конкретно было написано в этих заявлениях?

ДОБРОВОЛЬСКАЯ. В этих заявлениях я писала о том, что деньги, изъятые у нас при обыске, принадлежат Леше, что он, вероятно, их у кого-то занял. Кроме того, объясняя, откуда у нас могли появиться такие деньги, я писала, что Леша недавно получил наследство.

ШВЕЙСКИЙ. Скажите, пожалуйста, мог ли Добровольский, получая 50 рублей в месяц, накопить такую сумму денег самостоятельно?

ДОБРОВОЛЬСКАЯ. Нет, не мог бы.

АРИЯ. Скажите, свидетельница, много ли икон у вас в доме?

ДОБРОВОЛЬСКАЯ. Две иконы.

СУДЬЯ. Как же так, ведь Добровольский коллекционирует иконы, а у вас дома их всего две?

ДОБРОВОЛЬСКАЯ. Две больших, а кроме этого есть еще какие-то маленькие иконы.

СУДЬЯ. Когда Добровольский начал коллекционировать иконы?

ДОБРОВОЛЬСКАЯ. Точно не знаю, не могу сказать.

СУДЬЯ спрашивает, замечала ли она у своего мужа какие-нибудь странности.

ДОБРОВОЛЬСКАЯ. Да, замечала. Он крестился, постился и молился.

СУДЬЯ. Есть ли вопросы у обвиняемых?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Галя, в каком виде ты обнаружила деньги под матрацем?

ДОБРОВОЛЬСКАЯ. Они лежали в конверте.

ПРОКУРОР. Это был иностранный конверт?

ДОБРОВОЛЬСКАЯ отвечает, что это был советский конверт. На нем были написаны какие-то цифры. Она объясняет это тем, что Добровольский, вероятно, занимался подсчетом денег, которые находились внутри, записывая их сумму на конверте.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ спрашивает, были ли деньги, которые лежали в конверте, завернуты в бумагу.

ДОБРОВОЛЬСКАЯ. Были.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ заявляет, что криминалистический анализ этой бумаги дал тот же результат, что и анализ той бумаги, в которую был завернут шапирограф, а также той, на которой была напечатана обнаруженная у него газета «Посев».

ПРОКУРОР. Скажите, свидетельница, значит та бумага, в которую были завернуты деньги, была НТСовская?

ДОБРОВОЛЬСКАЯ (растерянно). Нет, не НТСовская...

ПРОКУРОР. У меня все.

ДОБРОВОЛЬСКАЯ. Могу ли я остаться?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Я прошу, чтобы моей жене разрешили остаться.

СУДЬЯ. Можете остаться в зале*.

*Допрос свидетеля Тимофеевой***

СУДЬЯ предлагает рассказать все, что свидетельнице известно по данному делу.

ТИМОФЕЕВА говорит, что с Галансковым познакомилась примерно месяца за три до его ареста. О том, что ее дочь собирается выходить за него замуж, узнала только в двадцатых числах декабря, за неделю до регистрации брака. 30 декбря была приглашена на свадьбу своей дочери в дом Галансковых, где впервые говорила с Галансковым, так как до этого видела его всего раза два-три; он произвел на нее впечатление человека очень стеснительного, никаких разговоров у них не было. Больше ей по делу ничего не известно. (Давая показания, все время смотрит на Галанскова.)

ГАЛАНСКОВ. Свидетельница, давая показания, обращайтесь к суду.

КАМИНСКАЯ. Скажите, пожалуйста, где жила ваша дочь, после того как вышла замуж за Галанскова?

ТИМОФЕЕВА. У Галанскова.

КАМИНСКАЯ. Ведь вы были на этой квартире. Вы мо-

---

* Г. Добровольской разрешили остаться в зале не как свидетелю, а как жене одного из обвиняемых.

** Ольга Тимофеева, 45 лет, кандидат биологических наук, мать Ольги Тимофеевой — жены Юрия Галанскова, вызвана обвинением.

жете охарактеризовать жилищные условия, в которых проживала ваша дочь с мужем?

ТИМОФЕЕВА. Условия там были очень плохие, они произвели на меня жуткое впечатление.

КАМИНСКАЯ. Был ли у вас какой-нибудь разговор с вашей дочерью о том, что вы хотите как-то помочь им изменить эти условия?

ТИМОФЕЕВА. Да, действительно, у нас был такой разговор, мы с мужем собирались дать им деньги на посторйку кооперативной квартиры, но только после того, как они примерно год проживут хорошо.

ГАЛАНСКОВ. А если бы мы прожили этот год плохо, тогда вы дали бы нам эти деньги?

ТИМОФЕЕВА. Тогда бы, конечно, нет.

СУДЬЯ спрашивает, есть ли еще вопросы, и отпускает свидетеля.

*Допрос свидетеля Брокса Соколова**

СУДЬЯ. Вы понимаете по-русски?

БРОКС. Понимаю.

СУДЬЯ. Назовите вашу фамилию.

БРОКС. Брокс Соколов Николай Борисович.

СУДЬЯ. Национальность?

БРОКС. Венесуэлец.

СУДЬЯ. Ваше местожительство?

БРОКС. Последнее время — во Франции.

СУДЬЯ. Вы вызваны в суд для допроса в качестве свидетеля. Вы меня понимаете?

БРОКС. Да.

СУДЬЯ. Какой ваш родной язык?

БРОКС. Испанский.

СУДЬЯ. Переводчик есть?

СЕКРЕТАРЬ. Есть.

ПЕРЕВОДЧИК. Кирсанов Юрий Васильевич.

СУДЬЯ. Ваше образование?

ПЕРЕВОДЧИК. Высшее.

СУДЬЯ. Вы привлечены к участию в процессе в качестве переводчика. За дачу заведомо ложного перевода вы несете уголовную ответственность. Вам понятно это?

ПЕРЕВОДЧИК. Да.

---

* Николай Брокс Соколов, 21 год, студент, гражданин Венесуэлы, вызван обвинением.

СУДЬЯ (Броксу). Вы обязаны рассказать все, что интересует суд. По законам нашей страны, вы несете уголовную ответственность, если будете говорить суду неправду. (Переводчику.) Все, что я сказал, переведите ему по-испански. Он должен сказать о том, что он понял, что его предупредили.

ПЕРЕВОДЧИК начинает переводить.

БРОКС обрывает его, говоря, что он все понял, и далее обходится без переводчика.

ПРОКУРОР. Скажите, свидетель, когда и в качестве кого вы прибыли в Советский Союз?

БРОКС. Я прилетел сюда самолетом 23 декабря, около 8-ми часов вечера, в качестве туриста.

ПРОКУРОР. Скажите, какое поручение вы получили от НТС при вылете из Парижа в Москву?

БРОКС. Я получил 5 писем, 5 конвертов и 2 пакета.

ПРОКУРОР. Кто вам дал?

БРОКС. Член этой организации по имени Женя.

ПРОКУРОР. Эти вещи вы должны были кому-нибудь передать в Советском Союзе?

БРОКС. Да, я хочу дополнить, что 5 конвертов мне нужно было опустить в почтовый ящик, а 2 пакета мне нужно было передать.

ПРОКУРОР. Кто вам назвал фамилию лица, которому вы должны были передать пакеты?

БРОКС. Назвал другой член этой организации, который в то время был в Париже, по имени Виктор.

ПРОКУРОР. Вы имеете в виду организацию НТС?

БРОКС. Да.

ПРОКУРОР. При каких обстоятельствах вам стало известно, что Женя, от которого вы получили 2 пакета и конверты, приехал из ФРГ?

БРОКС. Когда я был 11 декабря в Париже и когда говорили Женя с Виктором, я услышал, что Женя прибыл из ФРГ и на следующую ночь он должен выехать. На следующий день утром я снова встретил Виктора, он мне сказал, что пошел провожать Женю на вокзал.

ПРОКУРОР. Это Женя говорил в вашем присутствии?

БРОКС. Да.

ПРОКУРОР. Вы слышали?

БРОКС. Слышал.

ПРОКУРОР. Из какого города приезжал Женя?

БРОКС. Не знаю.

ПРОКУРОР. Из какой части Германии?

БРОКС. Из Западной Германии.

ПРОКУРОР. Скажите, вам были даны деньги?

БРОКС. Я увидел деньги, когда меня задержали.

ПРОКУРОР. Вам был дан специальный пояс?

БРОКС. Да.

ПРОКУРОР. В нем вы носили пакеты и конверты?

БРОКС. Да. 21 декабря, когда я приехал в Париж, меня познакомили с Женей. Виктор меня встретил на вокзале. Был еще какой-то другой член, который привез специальный пояс, и там были два пакета. Когда я был в гостинице, появился Женя. На нем был надет пояс и были вложены 2 пакета и 5 писем.

ПРОКУРОР. Все это было у вас в поясе, внутри?

БРОКС. Да. Когда 21 декабря я прибыл, Женя сказал, что он имеет специально этот пояс, чтобы надеть его под одежду, чтобы не было видно пакетов.

ПРОКУРОР. Вам было известно содержимое пакетов?

БРОКС. Нет. Меня просто попросили как о дружеской услуге передать их. Только в Москве при вскрытии их я узнал, что в них находились 3000 рублей, шапирограф и средства тайнописи.

СУДЬЯ. Подойдите сюда и посмотрите, это эти пакеты?

БРОКС (смотрит). Да.

ПРОКУРОР. Где вас задержали в Москве?

БРОКС. В парке «Сокольники».

ПРОКУРОР. Расскажите, что вам известно о Михаиле Славинском, доклад которого вы слушали в Гренобле.

БРОКС. Когда я был в Гренобле, то получил письмо от одного лица, с которым я не был знаком. Меня приглашали на доклад, это было в начале июня 1967 года. Человек, который писал мне письмо, объяснил, что адрес ему дал Славинский. Мне было очень непонятно, откуда Славинский может знать, поскольку он со мной не знаком. Там меня познакомили со Славинским. Доклад был на тему «Подпольная литература в Советском Союзе». После доклада были показаны произведения, о которых шла речь в докладе. На следующий день я снова встретился с ним в одном кафе. В ноябре я встретился с одной девушкой. После того как я с ней поговорил, она мне сказала, кто этот господин Славинский. Эту женщину я раньше видел в студенческом

общежитии Гренобля. В ноябре она уже появилась в университете и сказала, что хочет побеседовать со мной. Мы были в одном кафе, разговаривали. Она сказала, что она послана или представляет НТС. В этот момент я понял и другие вещи, которые я не мог понимать до этого времени. Я понял, что есть какая-то связь между ранее происходящим и сейчас. Тогда я задал ей вопрос: «Кто господин Славинский?» А она мне ответила, что это важная фигура этой организации НТС в Париже.

ПРОКУРОР. Скажите фамилию и имя этой девушки.

БРОКС. Тамара Волкова.

ПРОКУРОР. А что вам известно от Славинского и других представителей НТС о Гинзбурге, Галанскове и Добровольском?

БРОКС. Как я понял во время доклада Славинского, он в своем докладе называл фамилии Гинзбурга, Галанскова и Добровольского.

ПРОКУРОР. А о «Белой книге» что-нибудь упоминал Славинский в докладе?

БРОКС. Он говорил, что они в НТС получили эту книгу.

ПРОКУРОР. О каких еще журналах упоминал в докладе Славинский и какие демонстрировались на выставке?

БРОКС. Во время доклада он упоминал «Феникс-61», «Феникс-66», «Сфинксы», «Колокол», «Синтаксис» и еще другие, которые сейчас не помню. Из тех, которые он показывал, помню точно «Феникс».

ПРОКУРОР. Какие журналы вы получили от представителей НТС и что в них было опубликовано?

БРОКС. Когда я встретился с Тамарой Волковой в ноябре 1967 года, она мне оставила маленькую брошюрку, по-моему, это была программа и устав НТС, и журнал «Грани». Там была опубликована, по-моему, «Белая книга».

ПРОКУРОР. Скажите, сколько конвертов вы получили от представителей НТС и что в них было вложено?

БРОКС. Я получил 5 конвертов. В каждый конверт было вложено 5 фотографий — Гинзбурга, Галанскова, Добровольского, Синявского и Даниэля — и листовка издания «Посев».

ГИНЗБУРГ просит суд огласить листовку.

СУДЬЯ отказывается, говоря, что она будет приобщена к делу и подсудимые в самое ближайшее время смогут с ней ознакомиться.

Защита и подсудимые просят суд разрешения ознакомиться со всеми вещественными доказательствами. Суд удовлетворяет ходатайство, и все знакомятся с фотографиями и листовками.

ПРОКУРОР. На этих конвертах были написаны адреса?

БРОКС. Да, были написаны адреса, отправители и получатели.

ПРОКУРОР. Адреса лиц, проживающих за границей, или здесь, в Советском Союзе?

БРОКС. Здесь, в Москве.

ПРОКУРОР (показывает ему фотографии). Это те фотографии?

БРОКС. Это те. Я познакомился с ними, прочел, что сзади написано; написано одно и то же на четырех разных языках.

ПРОКУРОР. Значит, вы должны были опустить конверты в почтовые ящики?

БРОКС. Сначала они мне сказали, что нужно опустить их в разные почтовые ящики. Я отказался, сказал, что опущу только в один почтовый ящик.

ПРОКУРОР. И они согласились, чтобы вы опустили их в один почтовый ящик в Москве?

БРОКС. Да, в Москве.

СУДЬЯ. Защита, вопросы?

КАМИНСКАЯ. Не имеем.

ПРОКУРОР. Я прошу предъявить шапирограф и копирку Добровольскому. Посмотрите и скажите, похожи ли этот шапирограф и копирка на те, что вам передавал Галансков?

ДОБРОВОЬСКИЙ. Да. Точно такие же шапирограф и копирка были изъяты у меня.

ПРОКУРОР. Еще бы, ведь у НТС все шапирографы одинаковые. У кого вы получили?

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. У Галанскова.

ПРОКУРОР. Лашкова, посмотрите копировальную бумагу для тайнописи, изъятую у Брокса, и скажите, на такой ли бумаге вы писали письмо за границу?

ЛАШКОВА. Да, такая же копирка.

КАМИНСКАЯ. У меня к Лашковой вопрос. Кто принес вам копирку?

СУДЬЯ. Этот вопрос задавался.

КАМИНСКАЯ. Только что товарищ государственный обвинитель задавал аналогичный вопрос Добровольскому,

спросив его сейчас, кто передавал ему этот шапирограф. На это Добровольский сейчас же ответил. Аналогичный вопрос я задаю Лашковой.

СУДЬЯ. Ну, пожалуйста.

ЛАШКОВА. Копирку принес мне Добровольский.

КАМИНСКАЯ. У меня больше вопросов нет.

СУДЬЯ. Свидетель свободен.

ГАЛАНСКОВ. У меня есть вопрос к свидетелю. Вы не можете, свидетель, сообщить адреса, по которым должны были быть разосланы конверты.

БРОКС. Я знаю, что эти адреса были написаны на конвертах...

СУДЬЯ. Достаточно.

ГАЛАНСКОВ. Вы не можете, свидетель, сказать, сколько именно денег вы привезли?

СУДЬЯ. Вы же знаете, что было привезено 3000.

ГАЛАНСКОВ. В каждом ли пакете было по 3000 или во всех пакетах вместе?

СУДЬЯ. Этот вопрос не имеет отношения к делу.

БРОКС. Я хотел бы сделать заявление.

СУДЬЯ. Пожалуйста.

БРОКС. Я постараюсь не отнимать у вас много времени. Я считал Гинзбурга, Галанскова и Добровольского писателями. В газетах во Франции о них писали как о писателях. Поэтому я думал, что Гинзбург, Галансков и Добровольский — это молодые писатели и заключены в тюрьму, что с ними обошлись несправедливо. Это все, что я узнал из прессы. Такое было у меня мнение, что они выступают как писатели. Только в ноябре я узнал, что Тамара Волкова принадлежит к НТС. За это время что-то писали в газетах насчет этого суда. Она меня спросила, не хотел бы я оказать какую-нибудь помощь. Она знала, что я собираюсь поехать в Москву в декабре. В начале декабря я встретил Тамару Волкову в Париже. Я приехал, она меня встретила на вокзале. Около нее был другой еще человек, с которым она меня познакомила. Я спросил: «Какую помощь я смог бы оказать этим молодым писателям?» Они сказали мне, что нужно будет отправить 5 писем и, может быть, какой-нибудь пакетик. За день перед отъездом я узнал, что мне нужно было делать. В это время я был в таком состоянии, что никак не мог отказаться от этих пакетов. Это мне было неприятно. Человек, с которым мне было нужно встретиться

здесь, в Москве, — это тоже, как мне сказали, один человек, который, может быть, смог бы оказать помощь этим молодым писателям, которые находились здесь арестованными. Но сейчас я вижу, что меня обманули, и обманули два раза. Один раз, когда мне сказали, что это писатели. По этому суду я вижу, что их судят не за писательскую работу, а за связь с НТС. С другой стороны, мне говорили, что в этих пакетах находятся только инструкции и материалы, которые могли бы оказать помощь. Когда меня задержали, то оказалось, что там находилось не то, что они мне сказали. Там были деньги, шапирограф, копирка, всякие вещи — совсем не то, что мне сказали. Я хотел бы сказать, что опечален, что я невольно нарушил законы этой страны. Мотив, который руководил мною, когда я хотел посетить страну, — я хотел познакомиться с землей, где родились мои родители. Это все.

ГИНЗБУРГ задает суду вопрос, будут ли приобщены к делу фотографии, обнаруженные в конвертах, а также листовка издательства «Посев»?

СУДЬЯ отвечает, что пока все подсудимые не ознакомятся с этими документами, они будут в их распоряжении. Спрашивает, есть ли еще вопросы к свидетелю, и приказывает увести его*.

*Допрос свидетеля Симоновой***

СУДЬЯ предлагает свидетельнице заявить, что она хочет.

СИМОНОВА просит задавать ей вопросы.

КАМИНСКАЯ задает вопросы, касающиеся лишь психического состояния Галанскова.

СИМОНОВА отвечает, что во время их совместной жизни она наблюдала некоторые странности в поведении Галанскова: он часто бывал раздражителен, однажды принес домой какой-то камень, мог без всякой на то причины разбить лампу или еще что-либо.

ЭКСПЕРТ ЛУНЦ (далее везде ЛУНЦ) спрашивает, есть ли какие-нибудь свидетели, которые бы вместе с ней наблюдали подобные странности.

СИМОНОВА отвечает, что свидетелей не было, она была одна. (Хохот в зале, крики: «Подослали!»)

---

* Так как Брокс Соколов в ожидании суда находился в заключении, он был введен в зал суда под стражей.

** Галина Симонова, 27 лет, служащая, первая жена Ю. Галанскова, вызвана по ходатайству защиты Галанскова.

ЛУНЦ. А что вы делали при этом?
СИМОНОВА. Я плакала. (Хохот в зале.)
СУДЬЯ. Не хотите ли вы еще что-нибудь рассказать суду?
СИМОНОВА. Нет.
СУДЬЯ. Вы свободны. Можете идти.

*Допрос свидетеля Пинского**

СУДЬЯ предлагает свидетелю рассказать все, что ему известно по данному делу.

ПИНСКИЙ говорит, что он может только охарактеризовать Гинзбурга. Он познакомился с ним в 1962 году, их сблизил общий интерес к литературе. Он считает Гинзбурга человеком очень интересным, начитанным и хорошо разбирающимся в литературе. Он знает его также как человека исключительно порядочного, честного и благородного. По его мнению, Гинзбург не мог сделать ничего непорядочного и нечестного.

СУДЬЯ спрашивает, будут ли какие-либо вопросы к свидетелю, и предлагает ему занять место в зале**.

Затем судья, посовещавшись с заседателями, зачитывает порядок завтрашнего судебного заседания: допрос оставшихся свидетелей, допрос эксперта, обвинительная речь прокурора и речи защитников. Спрашивает адвокатов, подготовили ли они вопросы эксперту, и предлагает представить их к завтрешнему дню в письменном виде. Затем объявляет перерыв до 11 января, 10 часов утра. Судебное заседание 10 января заканчивается в 9 часов 30 минут вечера.

---

* Леонид Ефимович Пинский, 60 лет, литературовед, член Союза писателей СССР, вызван по ходатайству защиты Гинзбурга.
** На следующий день Л. Е. Пинский не был допущен в зал заседаний.

11 января

Судебное заседание начинается в 10 часов утра с продолжения допроса свидетелей.

*Допрос свидетеля Столяровой**

СУДЬЯ. Что вы можете сообщить суду по данному делу?

СТОЛЯРОВА. Пожалуйста, задавайте вопросы.

СУДЬЯ. Когда вы познакомились с Гинзбургом?

СТОЛЯРОВА. Вскоре после освобождения Гинзбурга из первого заключения. Он пришел к Эренбургу, у которого я работала секретарем, чтобы поблагодарить его как депутата за участие в его прописке в Москве.

ПРОКУРОР. Приходил ли Гинзбург к Эренбургу после этого?

СТОЛЯРОВА. Да, он пришел к Эренбургу в ноябре 1966 года, чтобы посоветоваться с ним о книге документов по делу Синявского и Даниэля, над которой он работал. Он принес ему рукопись или отдельные документы, которые он хотел ему показать.

ПРОКУРОР. В разговоре с тов. Елисеевым** вы сказали, что он принес рукопись.

СТОЛЯРОВА. Да, но тогда же я указала, что не присутствовала при их разговоре, что Гинзбург приходил с папкой и что я могла предполагать, что в ней была рукопись.

ЗОЛОТУХИН. Как отнесся к этой работе Эренбург?

СТОЛЯРОВА. Он сказал мне потом, что кое-что ему в ней не понравилось.

ЗОЛОТУХИН. Знаете ли вы, что именно ему не понравилось?

СТОЛЯРОВА. Ему не понравилось, что Гинзбург привел в ней отклики буржуазной правой прессы, вместо того чтобы привести знаменитое письмо Арагона и высказывания левой интеллигенции, что, по мнению Эренбурга, было бы более убедительным для нашей общественности. На этот упрек, по словам Эренбурга, Гинзбург ответил, что он рад бы использовать эти высказания, но что левые газеты, в

---

* Наталья Ивановна Столярова, 55 лет, переводчик, вызвана обвинением.

** Имеются в виду показания Столяровой на предварительном следствии, Елисеев — следователь КГБ.

которых они были напечатаны, не поступили у нас в продажу.

СУДЬЯ. Вы помните ваш разговор с Елисеевым? Вот протокол, внизу вами написано, что никаких исправлений и дополнений не требуется.

СТОЛЯРОВА. Да, конечно, помню.

СУДЬЯ. Вы тогда сказали, что вам не известно, почему Эренбург отрицательно отнесся к рукописи Гинзбурга.

СТОЛЯРОВА. Совершенно верно. Однако, вернувшись после этого разговора на работу, я немедленно спросила Эренбурга, что именно ему не понравилось в работе Гинзбурга, и получила ответ.

ЗОЛОТУХИН. Говорил ли вам Гинзбург, куда именно он собирается передать работу по окончании ее?

СТОЛЯРОВА. Да, он говорил, что хочет послать ее в Верховный Суд, кажется в Верховный Совет и в другие наши высокие инстанции. Он надеялся, что сможет таким путем облегчить судьбу Синявского и Даниэля.

ЗОЛОТУХИН. В каких вы отношениях были с Гинзбургом?

СТОЛЯРОВА. Мы были друзьями.

ЗОЛОТУХИН. Какого вы о нем мнения?

СТОЛЯРОВА. Я считаю его высокопорядочным человеком, мужественным, талантливым и, самое главное, патриотом — настоящим, а не мнимым.

СУДЬЯ. Вы свободны.

СТОЛЯРОВА. Разрешите мне остаться в зале.

СУДЬЯ. Нельзя, у нас нет свободных мест.

СТОЛЯРОВА. В задних рядах есть свободные места.

СУДЬЯ. Сейчас подойдут еще люди, мест нет.

ГИНЗБУРГ. Я присоединяюсь к просьбе Столяровой.

СУДЬЯ (кричит). Гинзбург! (Столяровой.) Вам сказано, мест нет, вы свободны. Товарищ комендант, проводите товарища Столярову.

На этом допрос свидетелей заканчивается. Судья предлагает прокурору, защитникам и подсудимым представить в письменном виде имеющиеся у них вопросы к судебно-медицинскому эксперту. Каминская и Швейский зачитывают вопросы, касающиеся психической вменяемости их подзащитных, часть вопросов судом отклоняется. Затем слово предоставляется эксперту вменяемости их подзащитных, часть вопросов судом отклоняется. Затем слово предоставляется эксперту Лунцу.

*Заключение эксперта Лунца**

По мнению эксперта Лунца, все подсудимые являются психически вменяемыми. Он довольно долго останавливается на психической вменяемости Галанскова и Добровольского, указывая, что хотя оба несколько раз ранее находились на принудительном лечении и состояли на учете в психоневрологических диспансерах, последняя экспертиза, проведенная в Институте судебной психиатрии им. проф. Сербского, показала полную психическую вменяемость Галанскова, а также вменяемость Добровольского, хотя и было отмечено, что он является психопатической личностью.

Защита полемизирует с Лунцем, ссылаясь на прежние заключения медицинских экспертиз Галанскова и Добровольского, а также на определение шизофрении, данное самим Лунцем в его учебнике судебной психиатрии. Лунц отвечает, что прошлые экспертизы были неверны, кроме того, состояние подсудимых с тех пор могло измениться. Что же касается его определения шизофрении, то теперь оно устарело. После этого он спрашивает, нужен ли он еще суду, и просит разрешения удалиться. Судья, опросив стороны, разрешает ему удалиться.

СУДЬЯ спрашивает, будут ли у государственного обвинителя, подсудимых и их защитников какие-либо дополнения и ходатайства.

ПРОКУРОР заявляет, что у него ходатайств нет.

ЗАЩИТНИКИ ходатайствуют о праве в защитительных речах ссылаться на ряд материалов дела и цитировать некоторые из них. (Перечисляют листы дела.)

СУДЬЯ удовлетворяет ходотайство.

КАМИНСКАЯ просит разрешения задать вопрос Лашковой.

СУДЬЯ. Пожалуйста.

КАМИНСКАЯ. Вера, не вспомните ли вы все-таки дату вечеринки у Светланы Поташевой?

ЛАШКОВА. Я не могу точно вспомнить дату... (Думает.) Я помню, что был разговор между Галансковым и Ольгой, что завтра день рождения ее матери.

---

* Даниил Романович Лунц, профессор Института судебной психиатрии имени Сербского. Поскольку выступление эксперта Лунца, а также его допрос защитой не были записаны, они, во избежание ошибок, даются здесь в самом кратком изложении.

КАМИНСКАЯ. Юра, вы не помните, когда день рождения вашей тещи?

ГАЛАНСКОВ. Как же, помню: 23 октября.

ЛАШКОВА. Можно мне сделать заявление?

СУДЬЯ. Пожалуйста.

ЛАШКОВА. Я настаиваю на том, что разговор о покупке Добровольским автомобиля был, и прошу занести это в протокол.

СУДЬЯ. Хорошо. Есть еще ходатайства? Судебное следствие объявляю законченным. Слово предоставляется государственному обвинителю.

*Речь государственного обвинителя**

Первую половину своей речи прокурор посвящает, главным образом, описанию НТС: его истории, целям и методам, биографиям его руководителей, иногда дословно повторяя фразу из статьи «Дно» («Известия», 9. 1. 1968, см. здесь стр. 542). Он утверждает, что НТС находится на содержании американского правительства и является филиалом ЦРУ, которому НТС после войны был передан британской разведкой. По его словам, в деле имеется выданная КГБ справка о том, что НТС — один из филиалов ЦРУ. Далее он говорит о существовании связи между всеми подсудимыми и НТС, повторяя аргументы обвинительного заключения, а также ссылаясь на показания Микулинской и Шаффхаузера, отсутствующие в деле. При этом он называет Гинзбурга «руководителем закрытой секции НТС в Москве». Говорит о составлении Гинзбургом и Галансковым клеветнических тенденциозных сборников, включении в них антисоветских документов, о получении и распространении подсудимыми антисоветской литературы. Он много ссылается на показания Добровольского, при этом подчеркивает, что утверждения Галанскова, что на предварительном следствии он давал неверные показания, желая взять на себя вину Добровольского, — ложны. В действительности, по словам прокурора, Добровольский по предварительному сговору должен был взять на себя вину Галанскова, за что Галан-

* Г. А. Терехов, 45 лет, старший помощник Генерального прокурора СССР. Поскольку речь прокурора была изъята у лиц, ее записавших, при выходе из зала, она, во избежание ошибок, дается здесь в самом кратком изложении. Речь продолжалась около полутора часов.

сков обещал уплатить ему 600 рублей. Далее он останавливается на личности подсудимых, говоря, что они все и раньше занимались антиобщественной деятельностью и не желали стать на путь исправления, хотя имели много возможностей для этого. Говорит об антисоветских взглядах Галанскова и Гинзбурга. Под конец он останавливается на продаже Галансковым долларов через Ентина и Борисову.

Прокурор считает вину подсудимых доказанной и требует следующего наказания:

для Галанскова, через которого осуществлялась непосредственная связь с НТС, который занимался антисоветской агитацией и пропагандой и который не признал себя виновным и не раскаялся в своих преступлениях, — 7 лет лагерей строгого режима по ст. 70 ч. 1 и 3 года лагерей по ст. 88 ч. 1 УК РСФСР, по совокупности 7 лет строгого режима;

для Гинзбурга, который имел связь с НТС и занимался антисоветской агитацией и пропагандой и который не признал себя виновным и не раскаялся в своих преступлениях, — 5 лет лагерей строгого режима по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР;

для Добровольского, который был втянут в связи с НТС Галансковым, активной роли не играл, признал себя виновным и раскаялся в своих преступлениях, — 2 года лагерей строгого режима по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР;

для Лашковой, которая попала под влияние Галанскова и Гинзбурга, активной роли не играла, признала себя виновной и раскаялась в своих преступлениях, — 1 год лагерей строгого режима по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР. (В зале бурные аплодисменты, крики: «Мало!»)

Объявляется полуторочасовой перерыв. Затем заседание возобновляется.

СУДЬЯ. Слово по защите подсудимого Добровольского предоставляется защитнику Швейскому.

*Речь адвоката Швейского**

Добровольский вину свою признал полностью, поэтому я остановлюсь лишь на фактах, которые могут помочь правильно оценить его действия.

Добровольский говорит, что его становление как мысля-

* Владимир Яковлевич Швейский, 45 лет, член Московского коллегии защитников.

щей личности происходило в период переоценки ценностей, вызванных разоблачением культа Сталина. Будучи в то время совсем еще молодым человеком, при том политически незрелым, он весьма своеобразно оценил происходящие события и, исходя из этой оценки, пытался дать ответы на волнующие его вопросы. В результате — скамья подсудимых. В 1958 году Добровольского привлекают к уголовной ответственности за антисоветские высказывания. По возвращении из лагерей, где его окружали такие же, как он сам, его внимание в еще большей степени стало акцентироваться на теневых сторонах нашей жизни, на вопросах, которые, по его мнению, решались в этой жизни несправедливо.

Таковы объяснения самого Добровольского.

В этой связи я хочу подчеркнуть, что никакие ошибки, заблуждения, мнения не могут служить основанием для привлечения к уголовной ответственности. Статья 125 Конституции СССР дает на сей счет совершенно недвусмысленные указания. В ней прямо сказано, что гражданам Советского Союза гарантируются законом: свобода слова и печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций.

Другое дело действия Добровольского, связанные с хранением и распространением НТСовской литературы. Антисоветский характер этой организации и выпускаемой ей «продукции» вполне очевиден. Достаточно хотя бы прочесть изъятую у Добровольского книжку Трушновича «Ценою подвига». В ней содержится прямой призыв к крестовому походу против СССР, к уничтожению утвердившегося в нем строя и восстановлению России. Совершенно ясно, что распространение такой литературы противоречит нашему пониманию свободы слова, так как этим наносится прямой ущерб нашему государству.

Стремление советского народа к расширению демократии и к повышению роли гражданина в политической и общественной жизни страны является естественным и закономерным стремлением. Это сейчас одна из самых неотложных задач. Это, можно сказать, — задача № 1. Не решив ее, мы не сможем решать и остальные наши задачи. Именно об этом говорил в своей недавней речи по случаю пятидесятилетия Советского государства т. Л. И. Брежнев, когда подчеркивал, что «совершенствование общественных отношений, развитие социалистической демократии и государ-

ственности, идейно-воспитательная работа — все это дело первостепенной важности».

Создание условий для всестороннего развития личности приобретает сейчас особое значение. Совершенно очевидно, что советский народ не допустит никакого возврата к нарушениям социалистической законности и полон решимости бороться за дальнейшее развитие демократии. Но хранение и распространение Добровольским НТСовской литературы не имеет ничего общего с этой борьбой. Сейчас это понимает и сам Добровольский. Поэтому он назвал свои действия преступными по отношению к Родине и народу. Однако, при вынесении приговора я прошу вас подумать о тех событиях прошлого, которые оказали большое влияние на формирование убеждений и поступки подсудимого Добровольского.

Есть и еще два обстоятельства, оказавших большое влияние на поведение моего подзащитного.

Еще во время учебы в школе были замечены серьезные отклонения в его психическом развитии. В связи с этим в 17-летнем возрасте он был помещен в психиатрическую больницу, где было установлено, что он является патологической личностью.

На протяжении последних лет Добровольского неоднократно помещают в психиатрическую больницу, где устанавливают диагноз — шизофрения. В 1964 году он в связи с новым арестом обследуется в Институте психиатрии им. проф. Сербского и признается психически невменяемым. По этому заключению суд направляет его на принудительное лечение. Возвращается он с этого лечения только в середине 1965 года, а уже в первой четверти следующего (1966) года его снова направляют в психобольницу. Там он пробыл два месяца и был выписан с диагнозом «шизофрения психоподобной формы». Последняя экспертиза, проведенная в начале 1967 года, в ходе предварительного следствия, хотя и признала Добровольского вменяемым, но также отмечает, что он является психопатической личностью.

Естественно, что такая личность не в состоянии была правильно воспринимать и оценивать происходящие вокруг нее сложные события общественной и государственной жизни, а также свое место в этих событиях. У Добровольского эта психопатичность проявилась прежде всего в

характерных для него настроениях пессимизма и безысходности. Поэтому односторонняя предвзятость в оценке ряда событий и фактов явилась естественным следствием особенностей этой психопатической личности.

Большую роль в случившемся с Добровольским сыграли его религиозные убеждения. Я не стал бы затрагивать этот вопрос, если бы он не имел непосредственного отношения к случившемуся. Когда к Добровольскому попало написанное монахами «Описание событий в Почаевской лавре в наши дни», где рассказано о грубейших нарушениях законности, допущенных некоторыми работниками местных органов власти, то это вызвало у Добровольского сильное возмущение. К этому времени Добровольским была написана статья «Соотношение знания и веры», а сам он собирался поступить в монахи. Получив письмо монахов, Добровольский полностью поверил в его достоверность и побежал к Вере Лашковой, чтобы размножить его, а затем распространить и привлечь к нему внимание общественности.

В обвинительном заключении это письмо монахов, адресованное в руководящие органы государства, расценивается как антисоветский клеветнический документ. Я решительно возражаю против подобной оценки.

Во-первых, мы не располагаем каким-либо документом, который свидетельствовал бы о том, что изложенные в письме факты были кем-то проверены и не подтвердились. Во-вторых, в письме монахов выражается протест против конкретных нарушений советских законов и в нем нет ничего, что было бы направлено против советской власти как политической основы нашего государства. В-третьих, признание этого документа антисоветским только потому, что в нем содержится критика в адрес допустивших беззаконие должностных лиц, означало бы запрещение критики под угрозой привлечения к уголовной ответственности за антисоветскую пропаганду.

Как я уже сказал, Добровольский отнес Вере Лашковой это письмо. От нее один экземпляр потом попал к Галанскову. Это и привело к знакомству Добровольского с Галансковым. Узнав, что последний работает над созданием журнала «Феникс», в котором можно поместить и письмо монахов, и свою статью, Добровольский начинает активно помогать Галанскову. Так возникло сотрудничество этих двух, закончившееся арестом их обоих.

Добровольский здесь на суде заявил, что арест явился для него выходом из той раздвоенности жизни, которой он тяготился. В письме, посланном Добровольским из заключения своим родным, вспоминается греческий поэт, рассказывающий о существовании теней умерших, отвергнутых и раем, и адом. Кляня судьбу, бродят они по берегам Харона*. Ни малейший луч надежды не проникает туда. В таком состоянии — писал Добровольский — нахожусь и я.

Сейчас Добровольский с надеждой смотрит на суд. Позвольте и мне с надеждой закончить свою речь в защиту подсудимого Добровольского.

СУДЬЯ. Слово по защите подсудимой Лашковой предоставляется защитнику Арии.

*Речь Адвоката Арии***

Прокурор в своей речи выдвинул против Лашковой несколько новых обвинений, которые раньше ей не предъявлялись: неопределенные ссылки на какую-то антиобщественную деятельность до 1966 года, ссылки на какие-то связи с НТС, передача антисоветской литературы Людмиле Кац.

Никаких данных для таких обвинений в материалах дела нет. В обвинительном заключении такие обвинения не фигурируют.

Прокурор в своей речи вышел за пределы обвинения, которое было предъявлено Лашковой. Это нарушение закона. Поэтому защита не будет останавливаться на этих обвинениях и будет давать объяснения только в пределах обвинительного заключения.

Закон считает антисоветскую агитацию и пропаганду одним из особо опасных государственных преступлений. Я считаю, что Лашкова не является особо опасным государственным преступником и не может быть осуждена по ст. 70 УК РСФСР.

Не установлено ни антисоветского умысла, ни антисовет-

* Здесь Добровольский — а вслед за ним его защитник — допускают неточность. Харон, в древнегреческой мифологии, — не название загробной реки, а имя перевозчика, переправлявшего души умерших через реку преисподней.

** Семен Львович Ария, 50 лет, член Московской коллегии защитников.

ских действий. Да и по всему своему облику Лашкова не может быть признана опасным преступником.

Этот вывод защиты основан на тщательном анализе и закона, и материалов дела. Для того, чтобы этот анализ был действительно правильным, надо прежде всего четко определить юридические рамки понятия преступной антисоветской агитации и пропаганды. Если не определить такой строго правовой критерий, то, вопреки требованиям законности, необходимой обществу, любое предосудительное высказывание, любое выражение инакомыслия, любая критика государственных институтов, авторитетных работников и отдельных мероприятий может стать поводом для уголовных репрессий. Нельзя не отметить то важное обстоятельство, что правовое понятие антисоветской агитации и пропаганды в нашем законе и судебной практике исторически менялось, и всегда только в сторону сужения, а не расширения.

Ст. 58^{10} Уголовного Кодекса 1926 г. не предусматривала контрреволюционной цели как обязательного условия для уголовной ответственности по этой статье. Другими словами, по ст. 58^{10} УК РСФСР 1926 г. привлекались к уголовной ответственности не только те, кто хотел причинить вред общественному или государственному строю, но и те, кто, не имея контрреволюционной цели, сознательно допускали возможность такого вреда. Это было очень широкое понятие преступления, и оно было подтверждено в 1928 г. постановлением пленума Верховного Суда СССР «О прямом и косвенном умысле при контрреволюционном преступлении». И хотя через 10 лет, т. е. в 1938 г., Верховный Суд отменил это постановление, в судебной практике продолжалось привлечение по ст. 58^{10} УК при наличии не только прямого, но и косвенного умысла.

В 1960 г. новый Уголовный Кодекс в самом тексте ст. 70 ввел требование прямого антисоветского умысла как обязательное условие для ответственности по этой статье. Так обстоит дело с умыслом.

Еще более очевидно сужение круга действий, которые влекут ответственность за антисоветскую агитацию и пропаганду.

Я приведу только один пример. В комментарии Уголовного Кодекса 1926 г. есть указание Президиума Верховного Суда РСФСР (1934 г.) о том, что призыв нерадивых колхоз-

ников к невыходу на колхозные работы должен считаться контрреволюционной агитацией. В наши дни такое указание показалось бы диким и нелепым.

В одном научном пособии, изданном два года назад (нет нужды его цитировать), можно прочесть, что авторы считают невозможным привлекать к ответственности как за антисоветские преступления за такие действия, как а) оскорбительные выпады против руководящих деятелей, б) пересказ политических анекдотов, в) пересказ враждебных радиопередач и т. д.

Так на протяжении 50 лет советской власти резко сузилось и по умыслу, и по характеру действий понятие преступной антисоветской агитации и пропаганды.

И это естественно, так как с ростом и укреплением силы и могущества советского государства посягательства в виде устного или письменного печатного слова становятся для него менее опасными.

Текст закона — это единственный правильнъй критерий, по которому можно определить, что именно является преступлением. Никакое вольное, а тем более расширительное, распространительное толкование закона недопустимо.

Ст. 70 УК РСФСР четко устанавливает обязательные признаки состава преступления: а) прямой антисоветский умысел, т. е. цель подрыва или ослабления советской власти; б) заведомая ложность, т. е. явно клеветнический характер распространяемой информации; в) направление клеветы против советского общественного или государственного строя (именно против строя, а не против отдельных учреждений, лиц и мероприятий). Совершенно очевидно, что под понятие строя может подходить лишь то, что прямо предусмотрено главами 1 и 2 Конституции СССР, т. е. 1) принадлежность государственной власти советам; 2) социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на средства производства; 3) труд как дело чести и обязанность каждого способного к труду гражданина; 4) руководящая роль коммунистической партии; 5) союзный характер государства и суверенитет союзных республик; 6) единое гражданство.

Вот как основной закон — Конституция СССР определяет понятие общественного и государственного строя. Произвольным и не основанным на законе расширительным толкованием следует признать всякую попытку включить

в понятие строя что-либо другое, не упомянутое в Конституции, и этим расширить применение ст. 70 УК.

Исходя из точных и четких формулировок самого понятия преступления, и надо оценивать действия, которые вменяются в виду Лашковой.

Прежде всего нельзя не обратить внимание на следующее обстоятельство. Если всем остальным подсудимым приходится защищаться от обвинения в том, что они действовали, «будучи антисоветски настроенными», то Лашкову в антисоветской настроенности не обвиняют. Следовательно, ее обвинение можно сформулировать так: не будучи антисоветски настроенной, Лашкова печатала криминальные материалы и в двух случаях передала криминальные брошюры.

Отсюда даже без анализа отдельных пунктов обвинения прямо следует, что у Лашковой не было антисоветских целей, что она не имела прямого антисоветского умысла, который является обязательным признаком ст. 70 УК. И это не случайный пробел в формулировке обвинений Лашковой. Никаких данных об антисоветской настроенности Лашковой в материалах дела нет. Лашкова печатала материалы не с целью подрива или ослабления советской власти. У нее была другая причина, иная цель.

Из материалов дела известно, что Лашкова в силу неблагоприятно сложившихся семейных обстоятельств с 16-ти лет жила одна, без чьей-либо помощи. И сейчас Вера выглядит почти ребенком. Понятно, как трудно было ей выстоять в жизненной борьбе, когда она была слабым 16-летним подростком. С ранних лет она должна была зарабатывать себе на жизнь. Получить плату за свой нелегкий труд машинистки — вот какая цель была у Лашковой.

Гинзбург обратился к Лашковой как к машинистке, а не как к единомышленнику. Она печатала его сборник за плату. Доброхотов уплатил ей за перепечатку материалов для Добровольского. Вера пользовалась пишущей машинкой Галанскова. Купить себе машинку она не могла, а машинка — ее хлеб. Поэтому она печатала статьи для Галанскова. Итак, установлено, что цель Лашковой — заработок. Если даже признать, что Лашкова сознавала, что перепечаткой литературных работ Гинзбурга, Галанскова, Добровольского она допускает причинение вреда обществу, то и при этом речь может идти о косвенном умысле, и по-

этому ее действия не могут быть квалифицированы по ст. 70 УК.

Защита считает, что этот довод, относящийся ко всем фактам перепечатки, исключает обвинение Лашковой по ст. 70 УК.

Но необходимо рассмотреть и другие доводы, по каждой из вменяемых ей работ в отдельности.

По просьбе Гинзбурга Лашкова печатала материалы по делу Синявского и Даниэля, получившие впоследствии известность под названием «Белая книга» в общем обвинением не признана антисоветской. Неосновательно называя сборник по делу Синявского и Даниэля тенденциозным, обвинитель лишь два документа в нем считает носящими преступный характер: листовку «Сопротивление» и «Письмо старому другу».

Защите Лашковой нет необходимости входить в обсуждение характера листовки, так как Лашкова утверждает, что не печатала ее. Гинзбург говорит, что напечатал эту листовку он сам. Никаких других доказательств по этому поводу в деле нет, и, следовательно, печатание листовки «Сопротивление» должно быть исключено из обвинения Лашковой. «Письмо старому другу», возможно, имеет признаки криминальности. Однако, для того чтобы правильно оценить действия Лашковой, перепечатавшей для Гинзбурга среди других материалов и «Письмо старому другу», необходимо учесть следующие обстоятельства.

Значение этого пункта обвинения определяется главным образом тем, что впоследствии сборник «Белая книга» попал за границу и был опубликован в нескольких странах. Однако этот факт никакого отношения к Лашковой не имеет, так как она не знала, да и не могла знать, что «Белая книга» попадет за границу, и в таком знании ее не обвиняют. Более того, Лашкова утверждает, что со слов Гинзбурга ей было известно, что сборник «Белая книга» готовится только с целью передачи его высшим органам власти и некоторым депутатам Верховного Совета СССР. Это утверждение Лашковой подтвердил Гинзбург, заявив, что такова была цель составления им сборника, что об этой цели он говорил Лашковой и что это намерение и было реализовано им впоследствии. В деле нет доказательств, опровергающих объяснения Лашковой о том, для кого, для какой цели она по просьбе Гинзбурга печатала материалы

сборника. Более того, свидетель Столярова подтвердила, что один из экземпляров сборника был передан депутату Верховного Совета СССР И. Эренбургу. Установлено, что второй экземпляр сборника был передан Гинзбургом в Комитет госбезопасности.

Все это дает защите право утверждать, что субъективно Лашкова печатала сборник, в том числе «Письмо старому другу», не с антисоветскими целями, а для вручения этих материалов органам государственной власти и узкому кругу ответственных должностных лиц нашего государства. Собирание и перепечатка любых материалов для указанной выше цели не содержит в себе никакого состава преступления. Поэтому перепечатка «Белой книги» вообще должна быть исключена из обвинения Лашковой.

Лашкова так же обвиняется в перепечатке для сборника «Феникс», составленного Галансковым, двух статей: «Открытое письмо Шолохову» и «Российский путь перехода к социализму».

Защита не отрицает, что «Открытое письмо Шолохову» — документ криминальный. К тому же в этом письме есть грубые, почти хулиганские выражения. Надо считать, что Лашкова, перепечатывая такой документ ради заработка, должна была понимать и допускать, что она содействует причинению вреда престижу нашего государства. В этом единственном из всего пункта обвинения, относящегося к перепечатке материалов, случае защита признает состав преступления в действиях Лашковой. Но явное и полностью установленное отсутствие у Лашковой прямого умысла на подрыв или ослабление советского строя дает защите основания утверждать, что к этому действию Лашковой должна быть применена не ст. 70 УК, предусматривающая прямой антисоветский умысел, а только ст. 190 УК, такого прямого умысла не требующая.

Совсем иначе должен быть решен вопрос о перепечатке статьи «Российский путь перехода к социализму», приписываемой академику Варге. Это большая статья, очень трудная для чтения. Можно, вихватывая отдельные фразы и абзацы из этой статьи, как это делает прокурор, доказать крамольность всей работы в целом. Можно из этой статьи подобрать отдельные цитаты, которые, при изолированном их чтении, произведуть прямо противоположное впечатление. Для того же, чтобы понять действительный смысл этой

работы, нужно внимательно следить за основными мыслями автора и выявлять его основную идею. Лашкова печатала эту статью, не читая ее предварительно. Мы знаем это из ее объяснений и из показаний Галанскова. В процессе же работы на пишущей машинке машинистка не сосредоточивает свое внимание на смысле и построении отдельных фраз и может не понимать смысла всей работы. Известно, что машинистка может правильно перепечатать научную работу, содержание которой ей совершенно непонятно. Занятая технической работой по перепечатке, как могла понимать смысл отдельных положений статьи машинистка Лашкова? Она могла понять, что автор пишет о взглядах В. И. Ленина на цели русской революции. Отстукивая механически текст на машинке, Лашкова могла заметить, что автор придает большое значение работе Ленина «Заметки о нашей революции». Она могла уловить, что, по мнению автора, Сталин извратил ленинские идеи и применил недопустимые методы руководства. Могли ей броситься в глаза, при беглом просмотре текста в ходе работы, фразы, которые у нее вызывали впечатления о симпатиях автора к светлым образам руководителей партии: «Наряду с пролетарским стилем руководства, который отличался простой, скромностью, самоотверженностью, лучшими представителями которого были Ленин, Свердлов, Дзержинский, Киров, — в партии постепенно стал проявляться и иной стиль руководства». Могла Лашкова прочесть и строчки, создающие ясное представление о том, что автор исключает возврат к капитализму: «Русский буржуазный мир был внутри не кончен, он стал постепенно проступать в мире социалистическом... Возврат к этому миру уже, конечно, невозможен, но он... проявляет себя и создает глубокие внутренние препятствия усиленному развитию нового общества». Таким образом, печатая статью на машинке, но не изучая и не анализируя ее, Лашкова могла считать, что автор статьи за советскую власть, за социалистическую экономику, за партию Ленина. В то же время, если Лашкова и заметила резкую критику автора статьи, направленную против отрицательных, по его мнению, сторон нашей жизни, против тяжелого наследия Сталина в жизни партии и страны, то она, несомненно, могла воспринять эту критику как антисталинскую, что совсем не равнозначно антисоветской, преступной. Для такого понимания статьи в тексте были из-

вестные основания. Не случайно, что эта статья если и попала за границу вместе с другими материалами сборника «Феникс», то оказалась неприемлемой для целей антисоветской пропаганды господ из НТС и не была напечатана в «Гранях». Вот почему защита считает, что Лашкова субъективно не сознавала криминальности этой статьи и, перепечатывая ее, не имела не только прямого, но и косвенного преступного умысла. Защита просит исключить из обвинения Лашковой этот пункт.

Лашковой вменяется в вину размножение на пишущей машинке по просьбе Добровольского документа, названного «Письмо монахов Почаевской лавры», и передача одного экземпляра этого письма Галанскову для включения в сборник «Феникс». Это обвинение защита считает необоснованным.

Как мы знаем, в письме описаны произвол и насилие, допущенные над монахами Почаевской лавры конкретными должностными лицами. Если признать этот документ измышлением и клеветой, то это клевета не на советскую власть, не на наш общественный и государственный строй, а на отдельных районных деятелей. Их фамилии названы в письме. Но Лашкова не считала это письмо клеветой и измышлениями. Она поверила этой информации, возмущалась описанными в письме безобразиями. Это подтвердил в суде Добровольский. Состав преступления — клеветы — всегда предполагает заведомую ложность информации. Лашкова верила в правдивость письма, и для нее этот документ не был заведомо ложным. Да и не одна Лашкова считала этот документ правдивым. Поверил и Левитин, который писал и распространял свои статьи, в которых содержался протест против событий в Почаевском монастыре. Заместитель главного редактора партийного журнала Григорян тоже поверил, и настолько поверил, что принимал меры к прекращению нарушения законности. Нам известно, что он по этому поводу звонил в ЦК КПСС, писал докладную записку. И, наконец, самое основное: можем ли мы сегодня утверждать, что сведения, изложенные в письме, ложны?

Документ рассказывает о злоупотреблениях должностных лиц: самоуправствие, превышении власти, насилии. Проверяла ли прокуратура эти факты? Об этом справки в деле нет. Следовательно, нет оснований считать почаевское

письмо ложным. Но, повторяю, даже если считать его ложным, в нем все равно нет посягательства на наш строй. Очевидно, что этот документ должен быть исключен из обвинения.

Лашкова обвиняется также в том, что она получила от Добровольского для распространения два печатных материала НТС: брошюру «Солидаризм — идея будущего» и журнал «Наши дни». Добровольский же показал, что он передал Лашковой брошюру и журнал для чтения. Далее обвинение утверждает, что Лашкова с целью распространения передала брошюру Кушеву, а журнал Левитину. Ранее я уже показал, что нет никаких оснований утверждать присутствие у Лашковой цели ослабления или подрыва советской власти. Посмотрим, как же происходило это так называемое распространение.

Кушев показал, что он сам увидел у нее брошюру и попросил почитать. Левитин говорит, что он брошюру только просмотрел за десять минут и отложил. Ни в первом, ни во втором случае Лашкова не проявила никакой инициативы, напротив — налицо безразличие, пассивность, что не свойственно пропагандисту. То есть совершенно ясно, что ни по характеру действий, ни по умыслу нет состава преступления по ст. 70 УК. Факт же хранения криминальной литературы — изданий НТС — даёт состав преступления по ст. 190[1] УК.

Конечно, нельзя сказать, что Лашковой руководил только голый интерес к заработку. Она сложнее и умнее. Здесь и любопытству ко всему новому, даже опасному и враждебному. Желание самой всё узнать, самой оценить. И это не удивительно. Посмотрим, в каких условиях формировалось мировоззрение поколения, к которому принадлежит Лашкова*.

Далее Ария говорит, что на формирование мировоззрения этого поколения глубокое влияние оказало разоблачение культа личности Сталина, крушение доселе неколеблемого авторитета. Ссылается на политическое завещание Тольятти.

Оказалось, что «не все спокойно в детском королевстве» — сам процесс десталинизации проходил болезненно для нашего общества. Возник своего рода «идеологический вакуум» — и недостатки в воспитательной работе помешали сразу заполнить его. Действия Лашковой — это результат

* Далее заключительная часть речи С. Л. Арии дается в изложении, так как точной записи не сохранилось.

объективных социальных явлений, это не вина ее, а беда.

Ария подчеркивает, что Лашкова — не опасный преступник, ее действия подпадают под ст. 190[1] УК РСФСР. При определении степени наказания следует учесть ее правдивость на суде, отсутствие умысла (при этом Ария ссылается на стенограмму разговора Виноградова с Хохловым, что действия «Веры и Кушева — ребячество»), тяжелую жизнь. Он заключает, что перепечатка «Открытого письма Шолохову» и тот факт, что она дала просмотреть две книжки НТС, должны быть квалифицированы по ст. 190[1] УК РСФСР, без лишения свободы, а по остальным пунктам обвинения Лашкова должна быть оправдана.

СУДЬЯ. Слово по защите подсудимого Галанскова предоставляется защитнику Каминской.

КАМИНСКАЯ ходатайствует о перенесении заседания на следующий день, поскольку защита ее подзащитного очень сложна, большой объем дела, она просит дать ей возможность подготовиться к защите. Кроме того, уже девятый час, все устали.

СУДЬЯ просит все же защищать.

АРИЯ, ЗОЛОТУХИН и ШВЕЙСКИЙ поддерживают ходатайство Каминской.

СУДЬЯ (Золотухину). Может быть, тогда вы?

ЗОЛОТУХИН отказывается.

СУДЬЯ. Ну хорошо, судебное заседание переносится на завтра, 12 января, на 8 часов 30 минут утра.

Судебное заседание 11 января закончилось в 8 часов 30 минут вечера.

Судебное заседание начинается в 8 часов 30 минут утра с продолжения судебных прений.

СУДЬЯ. Слово по защите подсудимого Галанскова предоставляется защитнику Каминской.

*Речь адвоката Каминской**

Галанскову предъявлено обвинение по двум статьям: 70 УК РСФСР и 88 ч. 1 УК РСФСР. Сначала я хотела бы остановиться на тех пунктах обвинения, которые связаны со статьей 70.

Вы знаете, что обвинение по ст. 70 может быть разделено на два основных эпизода:

1) участие Галанскова в составлении сборника материалов по делу Синявского и Даниэля и составление Галансковым журнала «Феникс»;

2) факты, дающие обвинению возможность утверждать, что Галансков находился в связи с антисоветской эмигрантской организацией НТС.

Сначала я хотела бы проанализировать обстоятельства и факты, относящиеся к первому эпизоду обвинения.

Обвинение утверждает, что Галансков совместно с Гинзбургом тенденциозно подбирал материалы по процессу Синявского и Даниэля, организовал размножение этого сборника и передачу его за границу. Прежде всего считаю своим долгом отметить, что у обвинения нет никаких доказательств, что Галансков принимал участие в составлении сборника материалов по делу Синявского и Даниэля. На предварительном и судебном следствии Гинзбург утверждал, что этот сборник составил только он один. Начиная со своего первого допроса, состоявшегося 19 января, Галансков утверждал то же самое, ни разу не изменил этих своих показаний. Ни один из допрошенных свидетелей не опроверг этого. Обвиняемые Лашкова и Добровольский также все время говорили о том, что сборник Гинзбург составил единолично, без какой бы то ни было помощи. Поэтому я прошу суд исключить этот пункт из обвинения, предъявленного Галанскову.

---

* Дина Исаковна Каминская, 40 лет, член Московской коллегии защитников.

В обвинительном заключении говорится, что Галансков составил «Феникс» при участии Гинзбурга и размножил его в количестве четырех экземпляров при помощи Лашковой. По мнению обвинения, этот сборник содержит пять криминальных статей. Другими словами, обвинение считает, что сам факт создания Галансковым этого сборника не является криминальным, а сущность обвинения сводится к тому, что среди ряда других материалов содержится пять криминальных статей:

— «Открытое письмо Шолохову», автором которого является сам Галансков,

— статья «Российский путь перехода к социализму», приписываемая академику Варге,

— статья Синявского «Что такое социалистический реализм»,

— статья «Описание событий в Почаевской лавре в наши дни» и

— повесть неизвестного автора «Откровение Виктора Вельского».

Помогал ли Гинзбург Галанскову или нет — этот вопрос будет разбирать защита Гинзбурга. Задача адвоката Галанскова в этом случае сводится к конкретному анализу инкриминируемых произведений.

О статье «События в Почаевской лавре в наши дни» уже достаточно много говорилось на этом процессе как адвокатами Лашковой и Добровольского, так и свидетелями. В результате установлено, что факты, о которых идет речь в статье, действительно имели место. Следовательно, статья ни в коей мере не является клеветой на советскую действительность, а является лишь описанием действительно происходивших событий.

Что касается статьи Синявского «Что такое социалистический реализм», то вступивший в законную силу приговор Верховного Суда РСФСР по делу Синявского и Даниэля лишает меня права анализировать эту статью и спорить с признанием ее криминальной.

В число произведений, помещенных в журнале «Феникс», которые инкриминируются Галанскову, входит «Откровение Виктора Вельского». Мне хотелось бы остановиться на анализе этого произведения более подробно. В обвинительном заключении «Откровение Виктора Вельского» называют статьей. Это серьезная ошибка, из которой вытекает и

ошибка о оценке произведения. Это художественное произведение, где, как и в любом художественном произведении, действуют вымышленные персонажи, поставленные в вымышленные ситуации. При анализе любого художественного произведения всегда важно понять, выражают ли слова героя основную идею и пафос произведения или нет. Отдельные высказывания героя этой повести могут быть поняты как антисоветские, но наряду с ними имеются и другие слова, прямо противоположные первым.

Повесть состоит из двух частей. В первой части повести возникает определенное отношение к герою, прямо связанное с его поступком — ложным доносом на своих товарищей из ложного чувства страха. Вторая часть повести, которая, в основном, является философски иносказательной, построена совершенно иначе. Вот что говорит во второй части о себе прежнем сам Вельский: «Смешно и стыдно читать мне все написанное, какая буря в стакане воды, как слаб и жалок этот человек...» И далее: «Было одно озлобленное отрицание, но не было идеала, ради которого стоило бы жить... Я не могу перечитывать эти страницы, мне осталось только покончить с собой, но я и этого не могу сделать — я трус».

Из этих приведенных мною цитат видно, что вторая часть повести — это развенчание Вельского.

Кроме того, мне хотелось бы обратить особое внимание суда на другую идею полного развенчания эмиграции. Кстати говоря, именно поэтому эта повесть не могла быть и не была напечатана ни в каком из эмигрантских журналов. Когда Вельский, осуществил свою мечту, вырывается в «свободный мир» на Запад, он видит там продажность и понимает призрачность той свободы, к которой он так стремился. «Я попадаю в механизм большой политической игры маленьким винтиком. Я должен стать платным предателем». И вот жизненный итог Вельского: «Я кончился, кончился, кончился. Это не портрет и не тип — просто у меня так сложилась жизнь...»

«Откровение Виктора Вельского» — это произведение сложное и необычное. Можно спорить о его художественных достоинствах, но у нас здесь не литературный диспут. Смысл же и содержание этого произведения таковы: был озлобленный мелкий человек, совершивший предательство, но даже этот человек не смог жить в эмиграции. Он пред-

почел безумие продажному благополучию западной эмиграции. И не случайно это произведение не нашло на Западе ни редактора, ни издателя. Я прошу суд исключить его из числа криминальных.

Об «Открытом письме Шолохову», автором которого является сам Галансков, уже много говорилось на этом процессе. Безусловно, возможно восприятие этого письма как резкого, грубого и неправильного. Но не надо забывать, что идея написать это письмо родилась у Галанскова в психиатрической больнице. Это было уже установлено на судебном следствии. Этим и объясняется чрезвычайная эмоциональность этого письма. По своему характеру это письмо является ответом на выступление Шолохова на XXIII съезде КПСС. Это выступление, по словам Галанскова, и по содержанию, и по форме побудило его к намерию ответить Шолохову. Я хотела бы напомнить, что письмо Галанскова по этому поводу не является единственным ответом на выступление Шолохова. В материалах дела есть и другое письмо, адресованное Шолохову и содержащее, правда более сдержанную и тактичную, но по сути дела такую же критику этого выступления*. В задачи настоящего процесса не входит решение вопроса, прав или не прав был Шолохов в своем выступлении. Нам известно, что Галансков считал это выступление негуманным и несправедливым и по форме оскорбительным. Не надо забывать и о том, что это письмо обращено к одному человеку и является критикой одного человека, а вовсе не критикой всего советского строя в целом. Если бы это «Открытое письмо» ограничивалось самой резкой критикой в адрес Шолохова и не содержало бы нескольких общих формулировок, которые здесь уже цитировались и криминальность которых я не могу отрицать, я бы ставила перед судом вопрос об исключении и этого документа из обвинения. Но когда Галансков писал это письмо, он не ставил своей целью свержение или подрыв советской власти.

Следовательно, из всех материалов, которые были помещены в «Фениксе», я признаю криминальными два: статью Синявского «Что такое социалистический реализм» — ввиду вступившего в силу приговора Верховного Суда РСФСР — и «Открытое письмо Шолохову», по соображениям, приве-

* Имеется в виду письмо Л. К. Чуковской, включенное Гинзбургом в его сборник.

денным выше*. Однако для обвинения Галанскова по ст. 70 УК РСФСР совершенно недостаточно того, что сами эти произведения признаны антисоветскими. Необходимо, чтобы при этом был доказан антисоветский умысел. Что же говорит сам Галансков в своем редакционном вступлении к журналу «Феникс» о цели, которую он преследовал, включая статью Синявского в свой сборник? «Я помещаю ее благодаря ее литературно-критическим достоинствам». Отсутствие прямого умысла и цели на ослабление или свержение советской власти исключает возможность квалифицировать эти действия Галанскова по ст. 70 УК РСФСР, а использованием им в сборнике статьи, содержащей некоторые клеветнические формулировки, дает основания для признания его виновным по статье 190^1 УК РСФСР.

В течение следствия было установлено, что существовало всего четыре экземпляра «Феникса». Кроме Добровольского, получившего от Галанскова несброшюрованный экземпляр, этот журнал не был никем прочитан. Нет ни одного свидетельского показания о том, что кто бы то ни было читал его. Для граждан СССР круг людей, ознакомившихся с этим журналом, ограничивается его редактором и его соавтором Добровольским. Никаких попыток распространить «Феникс» или дать его кому-либо для прочтения у Галанскова не было. Он сам говорит по этому поводу на суде: «Я хотел создать пацифистский сборник и ознакомить с ним только авторов, чьи произведения вошли туда». Я считаю, что вина Галанскова как редактора и составителя журнала «Феникс» должна квалифицироваться по статье 190^1.

Галансков обвиняется также в том, что он передал Добровольскому свое «Открытое письмо Шолохову» якобы для размножения его типографским способом. Я хотела бы обратить внимание суда на то, что все показания Галанскова на протяжении следствия по этому вопросу абсолютно одинаковы. Он с самого начала до конца следствия признавал, что действительно является автором «Открытого письма» и редактором-составителем журнала «Феникс», в то время как факт передачи Добровольскому «Открытого письма» для размножения он всегда отрицал. Галансков утверждает, что эти показания Добровольского — оговор. Давайте попробуем разобраться в этих показаниях Добровольского.

* Часть записи речи, в которой Д. И. Каминская разбирает «Российский путь перехода к социализму», утрачена.

Как бы охотно Добровольский ни сообщал следствию и суду о своих и особенно чужих преступлениях, не надо забывать о том, что его показания, как и любые другие, подлежат проверке, тем более, что его показания — это показания подсудимого, жизненно заинтересованного в исходе этого дела. И поэтому, несмотря на неограниченное доверие, которое испытывало следствие к показаниям Добровольского, их необходимо было проверять особенно тщательно. Лично у меня нет доверия к показаниям Добровольского. Они неоднократно менялись на протяжении всего следствия. Этот человек лгал близким людям в самых сокровенных и интимных письмах, перехваченных в институте Сербского и находящихся теперь в деле, лгал, оставаясь, как он сам писал, «наедине с верой и Богом», лгал на допросах и очных ставках. В деле имеются первые показания Добровольского, данные им в день задержания, 19 января 1967 года, и первые показания задержанного в тот же день Галанскова. Галансков сказал: «Я составил «Феникс» и готов нести за это полную ответственность». А что говорил Добровольский? «Я ничего не передавал Радзиевскому, пусть он сам отвечает за себя». Потом, припертый к стенке на очной ставке с Радзиевским, он меняет свои показания. Он говорит: «Открытое письмо Шолохову» передал Радзиевскому не я, а его автор Галансков». И Добровольский с живописными подробностями рассказывает о якобы имевшей место встрече Радзиевского и Галанскова у памятника Лермонтову.

И в первых, и в дальнейших своих показаниях Добровольский лгал. Им руководило только одно желание — уйти от ответственности, переложить свою вину на другого. Может быть, в обвинении Галанскова этот эпизод и не центральный, но он очень важен для характеристики личности Добровольского.

Далее. В своих письмах следователю Добровольский писал, что не имеет ни к чему никакого отношения, и предлагал представить доказательства. Вот что он пишет 13 марта 1967 года следователю майору Елисееву: «Я пытался убедить вас в своей неповинности, предлагал проверить отпечатки пальцев на экземпляре «Открытого письма», переданного Радзиевскому, — вы отказались. Вы держите меня здесь только на основании показаний Радзиевского. Письмо передал ему Галансков. Радзиевский показывает на меня,

зная, что я шизофреник, и думая, что меня не тронут». Между тем, Радзиевский не возводил на него ложных обвинений — он говорил только правду, что впоследствии подтвердилось и что в конце-концов сам Добровольский был вынужден признать.

В письме к родным, перехваченным во время судебно-психиатрической экспертизы, он пишет о своем отчаянии, ужасе и смятении и о том, что его держат напрасно, что он ничего не совершал. Как выяснилось, Радзиевский ни о каком Галанскове ничего не знал. Нет ни одного свидетеля, который подтвердил бы показания Добровольского о том, что не он сам, а Галансков передал для размножения Радзиевскому «Открытое письмо Шолохову». Зачем же Добровольский дал этот документ Радзиевскому для размножения? Я не исключаю возможности, что он хотел потом продать его. Ведь известен же случай, когда Добровольский продал своему знакомому (Галанскову) за пять рублей рассказ Солженицына. Возможен и другой вариант. Как известно из показаний свидетелей, Добровольский хотел самостоятельно создать антисталинский сборник. Не исключено, что этот документ предназначался им для этого сборника.

Итак, показания Добровольского, жизненно заинтересованного в исходе дела, не нашли себе никакого подтверждения ни на следствии, ни в судебном разбирательстве. И поэтому эпизод передачи Радзиевскому «Открытого письма» для размножения должен быть исключен из обвинения Галанскова. То же касается и обвинений Галанскову в передаче Радзиевскому для размножения статьи «Российский путь перехода к социализму». Об этом эпизоде не упоминал в своей речи даже государственный обвинитель.

Теперь я перейду к основному пункту обвинения, предъявленного Галанскову, — связи с антисоветской эмигрантской организацией НТС. Действительно, в этой части обвинения положение Галанскова и его защиты чрезвычайно сложное. Это осложняется еще и тем, что на предварительном следствии Галансков давал по этому поводу противоречивые показания. Однако, несмотря на это, я считаю, что обвинение не располагает достаточным количеством фактов, которые могли бы быть положены в основу обвинения Галанскова в преступной связи с антисоветской эмигрантской организацией НТС.

Чем же располагает обвинение?

Во-первых, имеется наличие объективных доказательств: шапирограф, копирка для тайнописи, деньги, литература, изданная НТС. Эти доказательства были обнаружены во время предварительного расследования. У обвинения есть и другие доказательства — показания Добровольского, данные им на предварительном следствии и в суде, и показания Галанскова в определенной части предварительного следствия.

Других доказательств у обвинения нет.

Начну с разбора объективных доказательств — самой важной части обвинения. Суду известно, что все эти доказательства — шапирограф, деньги, копирка для тайнописи, антисоветская литература, изданная НТС, — были обнаружены у Добровольского. Суду известно также, что показания Добровольского о его собственных или Галанскова отношениях с НТС появились после того, как у Добровольского обнаружили эти доказательства. Следовательно, эти доказательства сами по себе Галанскова не обличают — наоборот, они могли бы явиться уликами против Добровольского. На предварительном следствии Добровольский давал показания, которые явились единственным доказательством виновности Галанскова. Я утверждаю, что если бы Галансков на предварительном следствии не подтвердил частично эти показания Добровольского, то у суда не было бы никаких доказательств для обвинения его в связи с НТС.

Теперь о показаниях Галанскова

Когда оценивают показания человека, оговаривающего другого, понять причины оговора бывает довольно легко. Понять причины самооговора всегда очень трудно. А в юридической практике нам приходится довольно часто сталкиваться с этим явлением. Мне нет надобности убеждать суд в том, что полностью доверять таким показаниям очень опасно. Эта опасность неоднократно отмечалась в инструкциях высших инстанций, где говорилось, что признание обвиняемого не является достаточным доказательством его вины. Постоянность подобных указаний наших руководящих органов говорит о том, что эта проблема достаточно актуальна.

Какие есть основания у меня для того, чтобы утверждать, что показания, которые Галансков сначала дал на следствии и от которых отказался в конце предварительного следствия

в период подписания 201-й статьи УПК, являются, как он утверждает теперь, неправдой?

Как объясняет свое поведение сам Галансков?

Во-первых, желанием помочь Добровольскому. В институте Сербского, находясь на судебно-психиатрической экспертизе, Галансков получил записку от Добровольского, которая находится в деле: «Юра, ради Бога, умоляю тебя, возьми вину на себя. Мне сейчас нельзя садиться, ты же знаешь это». Таких записок к Галанскову, как известно, было несколько. И Галансков берет на себя вину Добровольского.

Во-вторых, Галансков уже говорил здесь о том, в каком подавленном состоянии он был, находясь столь длительное время в тюремных условиях. «Я поддался просьбам Добровольского и, решив, что мне все равно отвечать за «Феникс», взял все на себя», — сказал Галансков.

Я прекрасно понимаю, что для одних это звучит убедительно, а для других — нет. Но я прошу суд не забывать о том, что Галансков тяжело больной человек. У него язва желудка, сопровождающаяся сильными болями, — об этом в деле имеется заключение врачебной комиссии. Болезнь снижала его сопротивляемость, убивала волю. И безусловно, в сочетании с тяжелыми условиями тюрьмы это не могло не сыграть своей роли. Психиатрическая экспертиза установила, что Галансков вменяем. Но известно, и в деле об этом имеются справки, что у него в течение многих лет наблюдались серьезные отклонения от нормы, что в больницах им. Соловьева и им. Кащенко ему поставили диагноз «шизофрения», что даже в институте Сербского врачам пришлось оставить его на второй срок для психиатрической экспертизы, так как они долгое время затруднялись в диагностировании психического состояния Галанскова. Итак, давая эти показания, Галансков, возможно, хотел приблизить день суда, когда придет конец его физическим мучениям. Но если суду все это не покажется убедительным и он считает, что эти показания Галанскова, которые я квалифицирую как самооговор, — правда, я позволю себе остановиться на доказательствах вины Галанскова, приводимых обвинением.

Говоря о виновности Галанскова, следствие основывается на показаниях Добровольского. Эти показания очень обширны. Галанскова обвиняют в том, что он, встретившись

с иностранцем Генрихом, который, по мнению следствия, является эмиссаром НТС, передал ему составленную Гинзбургом «Белую книгу», получил литературу, шапирограф, деньги, средства тайнописи. Я уже говорила о том, что Галансков признал это в одном из своих показаний. Вы знаете, что Генрих не найден и потому никаких доказательств его причастности к НТС нет. Известно, что сам Галансков не отрицает факта этой встречи. Он подтверждает, что действительно у метро «Кропоткинская» состоялась встреча с неким иностранцем Генрихом. Разница в показаниях Галанскова и Добровольского состоит в том, что Добровольский показывает, что Генрих приехал к Галанскову, что никаких разговоров с иностранцем он не слышал, а Галансков утверждает обратное. Добровольский предполагает, что в эту встречу и была передана иностранцу «Белая книга». Он именно предполагает, потому что о том, было ли действительно что-либо передано в этот день иностранцу или нет, он мог знать только со слов Галанскова, так как он утверждает, что сам лично ничего не видел. Вот как он говорит об этом в своих показаниях: «Я еще раз подтверждаю, что самого момента передачи я не видел, что я только предполагаю это, так как Галансков мне говорил об этом». Это Добровольский утверждал на очной ставке с Галансковым. На той же очной ставке он говорит дальше: «Кто передал «Белую книгу», я не знаю. Со слов Галанскова я понял, что она или уже передана или будет передана в ближайшее время». Затем он продолжает: «Я не мог говорить, что «Белая книга» была передана у метро «Кропоткинская»; там была встреча с иностранцем, но там не было передано никаких материалов». Как видите, показания крайне неопределенные и противоречивые. Сам Галансков отрицает, что он когда-либо кому-либо передавал сборник материалов по делу Синявского и Даниэля, который составил Гинзбург. Другими доказательствами того, что Галансков передал «Белую книгу» за рубеж, обвинение не располагает.

Добровольский отрицает, что иностранец Генрих приехал к нему, но есть в обстоятельствах этой встречи такие моменты, которые позволяют мне утверждать, что этот иностранец приехал не к Галанскову, а именно к Добровольскому. Проверьте по любым показаниям Добровольского: он неизменно отмечает, что эта встреча происходила в

октябре 1966 года. При этом он говорит, что она была в день вечеринки у Поташевой. На судебном следствии была установлена точная дата этой вечеринки — 22 октября. Значит, показания Добровольского нашли себе подтверждение. Но ведь по показаниям Лашковой и Гинзбурга следствием было точно установлено, что Лашкова кончила печатать этот сборник не раньше 10 ноября 1966 года. Следовательно, в момент приезда в Москву иностранца Генриха этот сборник даже не был еще готов. Таким образом, Галансков никак не мог передать в октябре 1966 года иностранцу Генриху материалы по делу Синявского и Даниэля, собранные Гинзбургом. Есть в обстоятельствах этой встречи еще одна интересная деталь. Рассказывая о своей беседе с Генрихом во время поездки в какую-то церковь, Добровольский говорит: «Генрих сказал мне, что какая-то моя статья напечатана в каком-то журнале. Я не помню точно, через кого я передал за границу эту статью. Генрих сказал мне также, что в свой следующий приезд он привезет мне гонорар». И когда Генрих спросил Добровольского, в каких деньгах он хотел бы получить гонорар, Добровольский ответил: «В рублях». Я призываю суд обратить внимание на этот чрезвычайно важный момент. Мне представляется странным, что Добровольский не помнит, о какой именно статье идет речь, если это была его единственная статья, которую Добровольский передал за границу. Странно и то, что Добровольский не помнит, через какого иностранца он передал эту статью, если Добровольский говорит, что Генрих был единственным иностранцем, с которым он сталкивался. Странно, что случайно приехавший Генрих предлагает деньги именно Добровольскому и говорит с ним о его статье. Не слишком ли много случайных совпадений?

Добровольский утверждает, что была и другая встреча — с иностранкой по имени Надя, которую следствие также считает эмиссаром НТС. Галансков признает факт встречи с иностранкой Надей. Добровольский утверждает также, что «Феникс» был передан Галансковым именно во время этой встречи. Галансков это отрицает. Добровольский говорит о том, что Надя приехала именно к Галанскову, Галансков же утверждает, что она приехала к Добровольскому.

Я понимаю, что у суда существует неограниченное доверие к показаниям Добровольского. Но я хочу напомнить, что нельзя решать судьбу человека, основываясь лишь на

особой симпатии к Добровольскому, который, повторяю, жизненно заинтересован в исходе этого дела. Следовательно, выбирая между показаниями этих двух людей, вы должны беспристрастно выбирать один из них, постаравшись найти этому серьезные подтверждения. Свидетельских показаний по поводу этой встречи и передаче «Феникса» иностранке Наде нет. Поэтому я обращаюсь к показаниям Добровольского.

В феврале 1967 года Добровольский написал записку следователю майору КГБ Елисееву. В ней он писал: «Размышляя над нашей беседой, готов представить следствию возможность изыскать оставшиеся экземпляры «Феникса». Это нужно сделать как можно скорее, потому что он может уйти за границу. Решение этого вопроса не должно откладываться». В марте того же года Добровольский опять пишет записку Елисееву: «В начале января Галансков закончил «Феникс» и говорил мне о том, что приедут из-за границы, чтобы забрать «Феникс». Следовательно, Добровольский утверждал, что к моменту ареста Галанскова «Феникс» не был отправлен за границу. Добровольский утверждал также, что если бы его отпустили, он мог бы не только отыскать «Феникс», но и предотвратить его передачу в «Грани». И странно, что никакой реакции следователя на это не последовало и по этому поводу Добровольскому не было задано ни одного вопроса. Однако вскоре после этого появились показания Добровольского о том, что со слов Галанскова он знает, что «Феникс» был передан за границу. Но одних показаний совершенно недостаточно, если они к тому же полны противоречий и не подтверждаются ни одним свидетелем. Я утверждаю, что эти показания как противоречивые и не нашедшие себе никакого подтверждения в материалах дела не могут быть положены в основу обвинения Галанскова в том, что он передал сборник «Феникс» в НТСовское издательство «Грани».

Добровольский утверждает, что все, найденное при обыске у него на квартире (шапирограф, деньги и т. д.), было передано ему Галансковым. Здесь можно было бы повторить, что Добровольский жизненно заинтересован в решении этого вопроса, тем более, что все это было найдено именно у него. Обвинение подтверждает правильность показаний Добровольского в этом плане допросом Шаффхаузера, арестованного в Ленинграде в конце 1967 года как эмиссара

НТС. Меня этот допрос не только не убеждает, но напротив: он свидетельствует о полной необоснованности обвинения, выдвинутого против Галанскова. Эмиссар НТС Шаффхаузер прибыл в СССР уже после того, как, по словам Добровольского, Галансков передал этому последнему шапирограф, деньги и т. д. и после ареста Галанскова и Добровольского. Как известно, при аресте Шаффхаузера был обнаружен опросник, целью которого было выяснить данные относительно некоторых советских граждан, в том числе писателей Аксенова и других, а также и относительно Галанскова. Показания Шаффхаузера делают нелогичными и несуразными обвинения против Галанскова, так как всем очевидно, что сначала выясняют убеждения человека и лишь потом передают ему шапирограф и деньги, а не наоборот. Я утверждаю, что данные обвинения против Галанскова кажутся мне крайне противоречивыми и нелогичными.

Теперь я перейду к той части обвинения против Галанскова, которая связана с деньгами, якобы полученными Галансковым от НТС. Деньги, как и все остальное, обнаружены у Добровольского. Жена Добровольского во время следствия писала много заявлений с просьбой вернуть ей эти деньги. Добровольский утверждает, что эти деньги дал ему Галансков для строительства кооперативной квартиры на имя Добровольского, реальным хозяином которой явился бы Галансков и которую можно было бы использовать в конспиративных целях. Мне эта версия Добровольского кажется совершенно неубедительной. В свое время Добровольский был осужден по ст. 58^{10} УК, после возвращения он находился под постоянным наблюдением, в том числе медицинским, так как у него была диагностирована шизофрения. Логично ли, что эта кооперативная квартира должна была покупаться на имя человека, к которому так приковано внимание властей? Более неудачную кандидатуру для этого найти просто невозможно. Кроме того, всякому знающему порядок вступления в жилищный кооператив ясно, как трудно потом было бы перевести квартиру на имя Галанскова, который должен был бы к этому стремиться, являясь, если верить Добровольскому, реальным хозяином квартиры и владельцем денег. Как же это совместить? Добровольский тут говорил нам о том, что его жена не была посвящена в его дела. Но, видно, про покупку

квартиры он ей говорил, так как в одном из своих заявлений она пишет, что эти деньги они накопили на кооперативную квартиру. Если поверить Добровольскому, что эту квартиру он хотел построить для Галанскова, то как же он собирался потом ей объяснить, что это не их квартира, что все их надежды и планы — один обман. Добровольский объяснял здесь, что он прямо не говорил жене, что эти деньги принадлежат Галанскову, а намекал, что ему помогут построить квартиру, а за это ему придется полежать в психиатрической больнице. Теперь, на суде, жена повторила свои показания о том, что эти деньги — не трудовые, что ей кажется, что их Добровольскому кто-то одолжил. Ей неизвестно, на каких условиях Добровольский взял эти деньги. Это противоречит его показаниям. Косвенным подтверждением показаний Галанскова о том, что эти деньги в действительности принадлежат не ему, а Добровольскому, и часть их получена в результате обмена долларов, являются показания Ентина. Ентин сказал, что Галансков, давая ему для обмена доллары, говорил, что эти доллары из религиозных кругов. Все свидетели на предварительном следствии и на суде говорили о Галанскове как о человеке очень бедном. «Я настолько беден, что не могу купить своей жене пару чулок», — сказал он сам. Его мать работает уборщицей, отец — токарем. А о Добровольском Лашкова говорила здесь как о человеке, который имел возможность купить автомашину и просил ее помочь ему в этом, говоря, что деньги он может отдать все целиком сразу. Я утверждаю, что деньги эти принадлежали Добровольскому. Я не знаю, получил ли он их от НТС или это наследство, о котором в заявлении писала его жена. Может быть, это трудовые сбережения, а может быть, помощь религиозных друзей Добровольского. Я не могу категорически настаивать ни на одном из этих вариантов.

Но у обвинения нет никаких доказательств, кроме голословных утверждений Добровольского, что деньги эти принадлежат Галанскову и получены им от НТС. Сам Галансков категорически это отрицает, и показания Добровольского либо никем и ничем не подтверждены, либо не доказательны.

Итак, подводя итоги, можно сказать, что все обвинения, предъявленные Галанскову по статье 70 УК РСФСР, не доказаны. Из всего, что предъявлено Галанскову, мне пред-

ставляются криминальными лишь два документа, включенные Галансковым в «Феникс»: «Открытое письмо Шолохову» Галанскова и статья Синявского «Что такое социалистический реализм». В свете отсутствия у Галанскова антисоветского умысла я прошу суд квалифицировать эти действия Галанскова по статье 190[1] УК РСФСР.

В заключение перейду к обвинению Галанскова, связанному со статьей 88 ч. 1 УК РСФСР.

Прежде всего прошу принять суд во внимание, что нигде и никем не доказано, что эти доллары принадлежали Галанскову. Известно лишь то, что он передал их Ентину для обмена. Независимо от этого, уголовная ответственность наступает даже в том случае, если человек выступил в роли посредника и действовал бескорыстно. Корысти же в этом обмене действительно не было, и свидетели Ентин и Борисова подтвердили это. Этот эпизод в жизни Галанскова был единичным и случайным и не характерен ни для его личных качеств, ни для его занятий.

Кроме того, Галансков утверждает, что со слов Ентина он считал, что этот обмен будет произведен официально — лицом, которое имеет на это право. Эти показания суд должен оценить, как и всякое другое доказательство, и в соответствии с этой оценкой решить вопрос об ответственности Галанскова по ст. 88 УК.

И, наконец, последнее — надо думать и о людях. Я не могу понять, почему в этом зале раздался смех, когда говорилось о том, что Галансков совершал добрые и бескорыстные поступки. Я не понимаю, почему вы смеялись над тем, что он добрый, что он ходил к пожилой женщине, мыл ей пол, приносил лекарство, помогал своей знакомой воспитывать ее детей. Галансков — замечательный, добрый человек, он хотел бороться со всем, что ему казалось несправедливым. Он один устроил демонстрацию у американского посольства, протестуя против агрессии в Доминиканской республике. Он не мог быть пассивным.

Галанскову свойственно чувство личной ответственности и высокая гражданственность. Он не искал для себя ни богатства, ни карьеры, ни славы — он хотел только, чтобы восторжествовала справедливость.

Я прошу суд помнить о том, что эти молодые люди — наши дети, не только по возрасту, но и потому, что воспитывались в нашей среде. Они не были равнодушны к тому,

что окружало их, поэтому и мы не можем быть равнодушными по отношению к ним. Мы в большой мере несем ответственность за их ошибки и заблуждения и не вправе так просто отмахнуться от их судьбы.

СУДЬЯ. Слово по защите подсудимого Гинзбурга предоставляется защитнику Золотухину.

*Речь адвоката Золотухина**

Я хочу начать с того, что вчера во время речи государственного обвинителя произошло одно недоразумение. Поговорив с прокурором после его речи, я выяснил, что это было действительно недоразумение. Однако я хочу сделать по этому поводу заявление.

Прокурор в своей речи оборонил случайно, что Гинзбург является руководителем закрытой секции НТС в Москве.

СУДЬЯ. Суд это так и понял, как оговорку.

ЗОЛОТУХИН. Тогда я могу перейти к спокойному, беспристрастному анализу доказательств.

Часть формулировки обвинительного заключения, относящаяся к Александру Гинзбургу, содержала семь конкретных пунктов обвинения:

1) в целях распространения Гинзбург составил тенденциозный сборник материалов по делу Синявского и Даниэля;

2) Гинзбург принимал участие в составлении листовки, подписанной «Сопротивление», и «Письма старому другу»;

3) Гинзбург составил провокационное письмо на имя Косыгина, которое не отправил по адресу;

4) через Галанскова он направил нелегально в НТС сборник материалов по делу Синявского и Даниэля;

5) оказал содействие Галанскову в составлении сборника «Феникс», передав ему фотопленку со статьей «Российский путь перехода к социализму», приписываемой академику Варге;

6) передал Губанову вырезки из газет антисоветского содержания на норвежском, датском, итальянском и французском языках;

7) хранил магнитофонную пленку, содержавшую, кроме всего прочего, две песни антисоветского характера.

---

* Борис Андреевич Золотухин, 38 лет, член Московской коллегии защитников.

Если я правильно понял прокурора, после его речи отпали некоторые пункты обвинения. Если я в чем-то ошибся, прошу прокурора поправить меня.

Итак, отпало следующее:

1) что Гинзбург лично написал или принимал участие в составлении листовки, подписанной «Сопротивление», и «Письма старому другу» — об этом в речи прокурора не упоминалось;

2) что он не отправлял своего письма Косыгину — в речи прокурора об этом не было сказано ни слова;

3) что Гинзбург содействовал Галанскову в составлении «Феникса» путем передачи ему фотопленки, содержащей антисоветскую статью «Российский путь перехода к социализму», так как на судебном следствии Галансков показал, что эту фотопленку он получил не от Гинзбурга, а от Файнголда; очевидно, приняв во внимание эти показания Галанскова, прокурор не упоминал в своей обвинительной речи об участии Гинзбурга в составлении сборника «Феникс»;

4) и наконец, в речи прокурора не было сказано ни слова о песнях антисоветского содержания, обнаруженных у Гинзбурга и фигурирующих в обвинительном заключении.

Итак, подводя итоги, можно сказать, что от четырех из семи пунктов, предъявленных Гинзбургу, обвинение отказалось, и таким образом осталось три пункта, на которых я подробней остановлюсь позднее.

Судя по тому, что товарищ прокурор меня не поправил, видно, что я правильно понял его речь. (Прокурор молчит.)

Я хотел бы сказать еще об одном обстоятельстве, которое создает сложную моральную атмосферу на этом процессе. В своей речи государственный обвинитель неоднократно говорил, что Гинзбург придерживается антисоветских убеждений. Как известно, сами по себе убеждения не наказуемы. Кроме того, я считаю, что нет никаких доказательств, что Гинзбург придерживался антисоветских взглядов не только в период инкриминируемых ему деяний, но и раньше. Обвинение ссылается на показания Гинзбурга восьмилетней давности, данные им в 1960 году, когда велось следствие по поводу составления Гинзбургом журнала «Синтаксис». Тогда он, будучи молодым человеком, находясь в очень тягостной обстановке, высказал на допросе некоторые взгляды, от которых он впоследствии отказался и которые задолго до настоящего дела считал ошибочними и неправильными.

Прокурор не захотел выслушать объяснений Гинзбурга по этому поводу, в которых Гинзбург говорил о том, что эти показания даны им после восьмимесячного заключения в одиночной камере, на пятый день голодовки, когда он находился в тяжелом физическом и моральном состоянии. Показания восьмилетней давности, данные в тяжелых условиях, не являются юридическим доказательством. Никаких доказательств, что Гинзбург придерживался антисоветских взглядов в момент создания сборника по делу Синявского и Даниэля, во время следствия не было получено. Ни во время предварительного следствия, ни во время судебных заседаний ни один из многочисленных свидетелей не дал показаний, которые бы подтверждали это обвинение.

Каковы же были мотивы, побудившие Гинзбурга к составлению сборника материалов по делу Синявского и Даниэля?

Дело Синявского и Даниэля было первым открытым процессом, во время которого двум литераторам вменялось в вину содержание их произведений. И раньше были известны случаи, когда писатели подвергались критике и назывались антисоветскими в связи с содержанием их произведений. Так было с «Днями Турбиных» Булгакова и с «Красным деревом» Пильняка. На нашей памяти история с романом Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Но никогда никто из этих литераторов не привлекался к уголовной ответственности.

Процесс Синявского и Даниэля был необычным процессом и поэтому он вызвал большой интерес советской и мировой общественности. Вы помните, сколько внимания уделяла ему наша пресса, посвящая этому делу большие статьи. Вполне понятно, что при этих обстоятельствах Гинзбург попытался прочитать произведения, послужившие материалом для этого процесса. Его интересовало, за какие именно произведения писателя можно привлечь к уголовной ответственности. Прочитав эти произведения, он не нашел, что они носят криминальный характер. И тогда он написал письмо Косыгину, в котором высказал свою точку зрения по этому поводу. Оно написано до вынесения приговора Синявскому и Даниэлю, которого Гинзбург ждал. В феврале приговор состоялся. Даже когда речь идет о рядовом уголовном деле, то и тогда возможно разное восприятие приговора каждым отдельным человеком. Когда же речь идет

о приговоре, затрагивающем серьезные проблемы, я думаю, что он может вызвать еще более разноречивые мнения. Гинзбург был в числе тех, кто считал приговор ошибочным.

Здесь, на процессе, безотносительно к Гинзбургу, много говорилось об антисоветской эмигрантской организации НТС. Над всем теперешним процессом возникла черная тень НТС. Именно поэтому я считаю своим долгом сказать о том, что несогласие с решением суда по делу Синявского и Даниэля высказали и те лица, безупречность идеологии которых не вызывает ни у кого никакого сомнения. Я хочу напомнить о письме 62-х писателей в защиту Синявского и Даниэля, среди которых были Чуковский, Эренбург, Каверин и другие. В этом письме есть указание его авторов на то, что они не считают деятельность Синявского и Даниэля антисоветской. Я это говорю для того, чтобы подчеркнуть, что реакция Гинзбурга была не единичной.

Прогрессивная общественность Запада также отнеслась небезразлично к этому процессу. Какова же реакция тех, кого мы по праву считаем искренними друзьями нашей страны? В сборнике материалов по делу Синявского и Даниэля имеется письмо Арагона, в котором дается отрицательная оценка этого процесса (следует цитата из письма Арагона). В этом же сборнике имеется заявление генерального секретаря английской компартии Джона Голлана, в котором он высказывает несогласие с этим процессом.

Гинзбург считал приговор неверным. Здесь я хочу поставить один общий вопрос. Как должен поступить гражданин, который так считает? Он может отнестись к этому с полным безразличием или это может вызвать у него общественную реакцию. Гражданин может безразлично смотреть, как под конвоем водят невинного человека, и может вступиться за этого человека. Я не знаю, какое поведение покажется суду предпочтительнее. Но я думаю, что поведение неравнодушного более гражданственно. Это общая постановка вопроса, которая применима и к малому, и к большому процессу, особенно в тех случаях, когда человек уверен в справедливости своих личных оценок. Надеюсь, даже обвинение в этом не сомневается.

Гинзбург сделал все, чтобы помочь Синявскому и Даниэлю. Здесь в суде было справедливо сказано Гинзбургу, что в таком случае следует обращаться в Верховный Суд СССР. Гинзбург этого не сделал. Почему? Потому, что мно-

гие обращения туда остались без ответа. Гинзбург полагал, что если он соберет весь материал по делу Синявского и Даниэля и представит его в распоряжение высших инстанций, то это будет единственный и самый действенный способ помочь Синявскому и Даниэлю. Гинзбург приступил к работе, и к началу ноября 1966 года она была закончена.

Теперь я считаю нужным поставить вопрос о том, является ли этот сборник криминальным и антисоветским. Я нахожу ответ на этот вопрос в формулировке обвинения, которое считает этот сборник не антисоветским, а тенденциозным. Обвинение видит тенденциозность в том, что Гинзбург представил этот процесс в неверном свете. Давайте рассмотрим этот сборник и решим, в какой степени это обвинение может быть применимо к нему.

Сборник содержит 150 документов, которые делятся на три основных раздела. Первый — отклики советской и западной прессы на начало дела. Второй — запись самого процесса. Третий — отклики прессы и многочисленные письма общественности по поводу приговора по этому делу.

Я категорически и с полной ответственностью утверждаю, что в сборнике с максимальной тщательностью представлена вся советская пресса, включая московские и периферийные газеты, которые Гинзбургу удалось достать, — пресса, выражающая точку зрения, прямо противоположную точке зрения Гинзбурга и других противников процесса и приговора. Таким образом, обе точки зрения представлены в сборнике с одинаковой полнотой. Разве это можно назвать тенденциозностью? Я бы назвал это объективностью. Я утверждаю, что все без исключения материалы, доступные Гинзбургу, были включены в сборник, и прошу суд снять с Александра Гинзбурга обвинения в том, что составленный им сборник по делу Синявского и Даниэля тенденциозен.

Гинзбурга также обвиняют в том, что среди 150-ти документов в сборнике имеются два антисоветских документа: листовка, подписанная «Сопротивление», и «Письмо старому другу», которые якобы придают сборнику антисоветский характер. На этом основании Гинзбурга обвиняют в антисоветской агитации и пропаганде. Сам Гинзбург на суде объяснил, что он не считает эти документы криминальными. Это его собственная точка зрения, которая может показаться государственному обвинению неубедительной. Более

того, на суде Гинзбург сказал: «Если бы я даже считал их криминальными, я должен был бы все равно включить в сборник и эти два документа, так как это должно было бы показать и такую реакцию отдельных представителей интеллигенции, которую я, стремясь прежде всего к объективности, обязан был бы отразить».

И действительно, в сборнике представлены самые различные точки зрения. Тут и материалы о необходимости дальнейшей демократизации в стране, о расширении свободы творчества, об укреплении международного престижа нашей страны. И наряду с этими материалами Гинзбург включил в сборник листовку «Сопротивление» и «Письмо старому другу». Но для доказательства виновности Гинзбурга по статье 70 УК РСФСР требуется доказать, что он включил эти криминальные с точки зрения обвинения материалы с антисоветской целью — с целью подрыва или ослабления советской власти. Но даже самое обвинение называет сборник тенденциозным, а не антисоветским — его целью являлось требование отмены приговора, а не подрыв власти. И относительно самих материалов, криминальных с точки зрения обвинения, нужно доказать, что они ставят своей целью подрыв или ослабление советской власти. Включение документов с отдельными элементами криминала не может служить доказательством виновности по статье 70 УК РСФСР.

Возникает вопрос: может быть, это нарушение, предусмотренное статьей 190[1]? Это зависит от того, как Гинзбург хотел распространить свой сборник. Гинзбург намерен был распространить свой сборник внутри СССР, а не передавать за рубеж, на чем настаивает обвинение. Гинзбург обвиняется в том, что якобы в октябре 1966 года он дал согласие Галанскову на то, чтобы тот через эмиссара НТС Генриха передал сборник журналу «Грани». Вопрос о передаче сборника был исчерпан адвокатом Каминской, защитником Галанскова, но так как это имеет прямое отношение к обвинению Александра Гинзбурга, я также позволю себе остановиться на этом вопросе.

Итак, имеется только одна версия передачи сборника, а именно, версия, основанная на показаниях Добровольского, которому якобы со слов Галанскова известно, что «Белая книга» была передана через Генриха — кем конкретно, он, Добровольский, не может сказать. Добровольский утверж-

дает, что Галансков сказал ему об этом в доме свидетельницы Поташевой во время происходившей там вечеринки. Добровольский также утверждает, что Лашкова, печатавшая этот сборник, работала очень интенсивно — якобы в ожидании курьера из-за рубежа. После окончания работы материалы лежали без движения две-три недели. На этом Добровольский настаивал на предварительном следствии и повторил это в суде.

Лашкова показывает, что она закончила работу по печатанию сборника в ноябре, но не ранее 19 ноября 1966 года. Как я уже говорил, момент передачи сборника в показаниях Добровольского увязан с вечеринкой у Поташевой. Из показаний обвиняемых Лашковой и Галанскова, присутствовавших на этой вечеринке, и из показаний свидетельницы Поташевой было точно установлено, что вечеринка происходила 22 октября. Следовательно, это было не менее чем за две недели до окончания работы Лашковой по напечатанию сборника. Таким образом, есть все доказательства того, что в октябре 1966 года, когда в Москву приезжал иностранец Генрих, сборник никоим образом не мог быть ему передан, так как он не был готов. Никакими другими сведениями о том, как сборник попал за границу, обвинение не располагает, и нет никаких оснований обвинять Александра Гинзбурга в том, что он к этому каким-либо образом причастен.

Почему же Добровольский дал такие показания? Я думаю, что причины для этого у него были. Не надо забывать о том, что положение Добровольского в момент ареста было просто трагическим. Именно у него, и только у него, были обнаружены все вещественные доказательства, послужившие основанием для обвинения подсудимых в связях с эмигрантской антисоветской организацией НТС, — шапирограф, деньги, литература НТС. Не надо забывать и о том, что Добровольский и раньше привлекался к ответственности за антисоветскую деятельность. В момент ареста человек боится не только тех доказательств своей вины, которые уже известны. Он боится и тех внешних обстоятельств, которые могут оказаться уликой против него. Добровольский знал за собой встречи с четырьмя иностранцами, распространение литературы, изданной НТС, разговоры с Лашковой и Кац об НТС. Вот о чем думал Добровольский. Он искал спасения и искал его любой ценой. Доказательство

этому — записка, написанная Добровольским в институте Сербского во время психиатрической экспертизы и адресованная Галанскову, в которой он умоляет Галанскова взять его, Добровольского, вину на себя. Он не останавливается и перед дачей ложных показаний. Нравственные правила этого человека позволяли ему просить другого заключенного взять всю вину на себя. Если он оговорил даже Галанскова, с которым был близко знаком, то что ему Гинзбург, с которым у него, по его же собственным показаниям на суде, были отношения «здравствуй — до свиданья»? А следствие — и это Добровольский наверняка знал — интересуется Гинзбургом и его сборником.

Итак, товарищи судьи, я думаю, что показания Добровольского, данные им в ту пору и повторенные на суде, содержат лишь его собственные предположения, не только никем и ничем не подтвержденные, но и противоречащие материалам судебного разбирательства.

Посмотрим, что же показывает Гинзбург. Он говорит: «Я собирался передать и передал этот сборник только представителям власти». Один экземпляр сборника, действительно, был передан Гинзбургом в КГБ. Он лежит у вас на столе. Следствие установило, что один экземпляр сборника Гинзбург показывал Эренбургу. Свидетельница Столярова подтвердила, что ей точно известно, что Гинзбург знакомил с этим сборником Эренбурга, который, как всем известно, является депутатом Верховного Совета. Гинзбург отказывается назвать остальных депутатов, но этот сборник стал сейчас криминальным, и Гинзбург не может назвать этих лиц, не получив предварительно их согласия на это. А такой возможности, как всем понятно, Гинзбург сейчас лишен.

Итак, мы видим, что версия Гинзбурга, хотя бы частично, подтвердилась. Кроме того, Гинзбург на следствии говорил, что ему известно, что в частном порядке сборник был передан председателю Верховного Суда. Однако следствие не сделало ни одной попытки проверить это утверждение.

Я считаю, что Гинзбург лично не причастен к появлению его сборника на Западе. Всем нам известно об опубликовании на Западе рукописи Галины Серебряковой, мемуаров Евгении Гинзбург и т. д. Свидетель Левитин, выступавший на суде, на вопрос о том, каким образом его статьи попали на Запад, ответил, что он не имеет об этом никакого пред-

ставления. Значит, человек может и не знать, каким именно образом попало на Запад его произведение.

В заключение я хотел бы сказать о передаче Гинзбургом Губанову газетных вырезок, которые обвинение считает антисоветскими. Как уже говорилось, эти материалы были на норвежском, датском, итальянском языках, которые Гинзбург не знает, и на французском языке, который он знает очень плохо. Как показал Гинзбург, эти вырезки попали к нему случайно, когда он собирал материалы из иностранных газет, посвященных делу Синявского и Даниэля. Его внимание привлекло несколько газетных статей, явно не имевших отношения к делу Синявского и Даниэля, но в которых крупными латинскими буквами, в чем суд имел возможность лично удостовериться, было написано — СМОГ. Не зная, не имея возможности узнать конкретно содержания этих статей, однако поняв, что в них идет речь о СМОГе, Гинзбург передал их одному из смогистов, Губанову. Для доказательства распространения клеветнических измышлений необходимо доказать наличие умысла. Доказательством отсутствия умысла может служить то, что Гинзбург не знал и не мог знать содержания этих статей. Следовательно, его нельзя обвинить в распространении антисоветских материалов.

Свидетели Столярова и Пинский говорили здесь о честности и порядочности Гинзбурга, о его безусловной интеллигентности, талантливости, мужестве.

В этом суде мне выпадает почетная привилегия не останавливаться на характеристике моральных качеств Гинзбурга, так как независимо от того, хорош он или плох, я могу с уверенностью утверждать, что он невиновен.

Подводя итоги, я хотел бы сказать, что, по моему мнению, обвинение не представило достаточных доказательств для обвинения Гинзбурга в антисоветской деятельности.

Я прошу для Александра Гинзбурга оправдательного приговора.

СУДЬЯ. Имеет ли государственный обвинитель какие-либо замечания к речам адвокатов?

ПРОКУРОР. Не имею.

СУДЬЯ. Последнее слово предоставляется подсудимому Добровольскому.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. В связи с тем, что здесь против меня

был выдвинут ряд новых обвинений, я прошу суд дать мне десять-пятнадцать минут, чтобы я мог посоветоваться с адвокатом и опровергнуть эти обвинения в последнем слове.

СУДЬЯ. Добровольский, против вас никаких новых обвинений выдвинуто не было. Что здесь говорили Галансков, Гинзбург и их адвокаты — не обвинения, для вас все остается как в обвинительном заключении.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ. Все-таки я прошу дать мне возможность подготовиться.

СУДЬЯ (посовещавшись с заседателями). Хорошо, объявляется перерыв на пять минут.

Перерыв пять минут. Затем Добровольский выходит к трибуне.

Последнее слово Добровольского

Меня пытались здесь обвинить в связях с НТС и в незаконных операциях валютой. Я не имею к этому отношения. Я вообще ничего не знал раньше. В частности, я. не знал, что такое НТС. Что это за организация, я понял только на следствии и из речи прокурора, который на многое открыл мне глаза. Я пытался на следствии и на суде быть предельно честным. Я говорил правду. Если бы я знал эту правду раньше, я бы сказал ее еще раньше.

СУДЬЯ. Последнее слово предоставляется подсудимой Лашковой.

Последнее слово Лашковой

Я сижу уже год и имела много времени для того, чтобы подумать. Я никогда не имела антисоветских взглядов и убеждений и никогда не имела целью ослабить советскую власть.

Свою вину я вижу в том, что недостаточно серьезно думала о тех или иных вещах, подумав о которых в свое время достаточно серьезно, я могла бы не очутиться здесь, на скамье подсудимых.

В своей обвинительной речи прокурор просил о назначении мне наказания, связанного с лишением свободы сроком на один год. Поэтому я не могу просить суд о смягчении

наказания*. Но, независимо от того, каким оно будет, я хочу сказать, что это мое первое последнее слово в качестве подсудимой будет последним.

СУДЬЯ. Последнее слово предоставляется подсудимому Галанскову.

ГАЛАНСКОВ. Я очень плохо чувствую себя. Я прошу объявить перерыв.

СУДЬЯ. Галансков, суд не может без конца объявлять перерывы. Вам предоставлено последнее слово — говорите!

Последнее слово Галанскова

Я хочу начать свое последнее слово с заявления о том, что в части обвинения, касающейся статьи 88 ч. 1 УК РСФСР, я себя виновным не признаю.

Существует магнитофонная запись моего разговора со следователем. Во время этого разговора я поправил следователя, сказавшего, что я продал доллары. Я сказал ему тогда и утверждаю сейчас, что я хотел не продать, а обменять доллары официальным путем. Между прочим, и в показаниях Ентина и Борисовой говорится, что я лично не испытывал никакой потребности в обмене долларов, — Ентин сам предложил мне сделать это. Так как я не истратил денег, полученных в результате обмена, даже пятнадцати копеек себе на пирожок, а отдал их все Добровольскому, я не признаю себя виновным по статье 88.

В части обвинения по статье 70 УК РСФСР, касающейся связи с антисоветской эмигрантской организацией НТС, я также не признаю себя виновным. Ни из моих показаний, ни из показаний Добровольского, положенных в основу этого обвинения, никак не следует, что я в этом виновен. Так я считал и так я буду считать.

Обвинение предоставило здесь много ценных и ранее никому не известных данных об НТС. Я понимаю, что для органов КГБ эта информация предоставляет большой интерес. Мне тоже было интересно услышать все это. Но, по моему мнению, первая часть выступления прокурора, посвященная рассмотрению этого вопроса, не имеет существен-

* Срок заключения исчисляется с момента ареста, т. е. для Лашковой с 17. 1. 1967.

ного отношения к делу и, я надеюсь, не способна значительно повлиять на решение суда.

Мне предъявлено обвинение, которое является угрожающим по своему социально-политическому комплексу. Но меня пугать трудно.

Действительно, мое имя известно на Западе давно. Меня знают как поэта, а также в связи с моей демонстрацией у американского посольства по поводу агресии США в Доминиканской республике. Но, во-первых, я не тщеславен и никогда к этой известности не стремился, а во-вторых, этот факт сам по себе не свидетельствует о каких бы то ни было связях с какой бы то ни было зарубежной антисоветской организацией.

Меня трудно запугать, потому что правовые нормы в нашей стране интенсивно принимают свой правомерный характер. Марксистский потенциал партии все более восстанавливается. Октябрьская революция, пережившая, подобно всякой другой революции, период диктатуры, оказалась достаточно сильной для того, чтобы не быть побежденной этим периодом и сохранить свою революционную пролетарскую сущность.

Что касается чисто правовых моментов дела, то жизнь и следствие научили меня правильно распределять свои силы. Я не вижу сейчас причин доказывать свою невиновность в плане предъявленного мне обвинения, так как большая часть его абсолютно не обоснованна и не соответствует действительности. Я призываю суд к сдержанности в своих решениях, касающихся Добровольского, меня и Лашковой. Что касается Гинзбурга, то его невиновность настолько ясна, что решение суда по этому поводу не может вызывать сомнений.

В заключение я хотел бы сказать о социальной проблематике журнала «Феникс». Первоначально «Феникс» был задуман мной как пацифистский журнал, и в том, что впоследствии мои намерения изменились, решающую роль сыграл процесс Синявского и Даниэля.

В материалах, которые я просил приобщить к делу, представлена моя точка зрения относительно хода этого процесса. Я просил их передать в ЦК КПСС и в Идеологическую комиссию. Я думаю, что вышеназванные организации заинтересуются этими материалами и что это окажет

определенное влияние на дальнейшую судьбу Синявского и Даниэля.

Я считаю, что пересмотр этого дела сыграет большую роль в доказательстве того, что моральный потенциал социализма огромен.

Судьей объявляется пятнадцатиминутный перерыв. Затем заседание возобновляется.

СУДЬЯ. Последнее слово предоставляется подсудимому Гинзбургу.

Последнее слово Гинзбурга

Я хочу начать свое последнее слово с выражения признательности за то, что с меня снято обвинение в личной нечестности — обвинение в том, что я, написав Косыгину письмо, котором выражалась моя точка зрения на процесс Синявского и Даниэля, не отправил это письмо по адресу. Это овинение было оскорбительным.

Затем, на суде много говорилось об НТС. Я думаю, что мнение государственного обвинителя по поводу этой антисоветской эмигрантской организации никем не оспаривается. Я только хочу поблагодарить государственного обвинителя за то, что он все же отделил нас от тех, кто во время войны убивал, резал, истреблял евреев, за то, что эти обвинения не были направлены прямо по нашему адресу. Теперь я перейду к делу.

На этом процессе 9 января я уже пытался рассказать о своих взглядах и о мотивах, побудивших меня к созданию сборника материалов по делу Синявского и Даниэля. Сейчас я не буду повторять всего этого. Я хочу только еще раз коротко рассказать об общественной реакции на суд над Синявским и Даниэлем, об обстановке, в какой я составлял свой сборник, положенный ныне в основу обвинения против меня.

Когда 9 января я попробовал говорить об этом и сравнил общественную реакцию во всем мире на процесс над Синявским и Даниэлем с реакцией на преследования греческих демократов, в зале раздался смех, больше похожий на рычание. Тем не менее, я снова буду говорить об этом. Прокурор здесь долго убеждал нас в том, что НТС не выступает против агрессии во Вьетнаме. Какое это имеет отно-

шение к сборнику материалов по делу Синявского и Даниэля? Я могу сослаться на первые 90 страниц лежащего перед вами сборника. Там есть, например, протест, подписанный в числе других Норманом, который лежит сейчас со штыковыми ранениями, полученными у Пентагона во время демонстрации против американской агресии во Вьетнаме. В этом же сборнике есть протесты, подписанные многими другими прогрессивными деятелями мира. Государственный обвинитель, быть может, и прав, когда говорит об отношении НТС к войне во Вьетнаме. Но это ни в какой степени не связано со сборником, в котором я собрал все доступные мне материалы по делу Синявского и Даниэля для того, чтобы объективно представить картину этого суда, реакцию мировой общественности и просить о пересмотре этого дела.

Меня обвиняют в том, что я включил в свой сборник материалы, которые суд считает антисоветскими. Я говорю о листовке, подписанной «Сопротивление», и о «Письме старому другу». Защитники не ставили своей целью опровергнуть эти доводы обвинения. Я вынужден говорить об этом, потому что если суд признает эти документы криминальными, то в дальнейшем они не могут быть никем защищены, как это получилось со статьей Синявского «Что такое социалистический реализм». Именно поэтому я как составитель этого сборника считаю своей обязанностью говорить об этих двух документах.

Сначала о листовке «Сопротивление». О чем в ней идет речь, суду известно. Факты, изложенные в ней, соответствуют действительности, что подтвердили свидетели, например Кушев. Не было ни одного свидетельского показания о том, что эти факты — выдумка или клевета. В ходе судебного разбирательства неоднократно цитировалась эта листовка, в частности слова: «Свирепость псов только подчеркивает наклонности дрессировщиков». В этой листовке речь идет не о советской власти в целом. В ней говорится лишь о тех сотрудниках органов КГБ, которые разогнали митинг гласности, а затем исключили из университета сорок студентов, принимавших участие в этом митинге.

СУДЬЯ прерывает Гинзбурга, требуя, чтобы он не критиковал действия представителей органов госбезопасности.

ГИНЗБУРГ. Эти действия мне кажутся незаконными. Если суд находит их правомерными, за это несет ответ-

ственность суд. Я уже давал по этому поводу объявления и говорил, что с моей точки зрения митинг в защиту Синявского и Даниэля был совершенно законен и исключать из университета его участников никто не имел права. При этом все действия сотрудников КГБ совершались в грубой и недопустимой форме, и они темным пятном ложатся на репутацию этой почтенной организации.

СУДЬЯ вновь делает замечание Гинзбургу.

ГИНЗБУРГ. Таким образом я считаю, что эта листовка, может быть, резка по форме, но не направлена против советской власти, а лишь против действий отдельных работников КГБ. Кроме того, в этой листовке не содержится никакой клеветы, нет искажения фактов, в ней лишь ставится упрек представителям власти за одно конкретное действие. Я прошу суд исключить этот документ из числа антисоветских.

Теперь о «Письме старому другу». Я уже говорил, что не знаю, кто его автор. Но думаю, что это человек, переживший ужасы сталинских концлагерей. Он пишет: «И ты, и я — мы знаем сталинское время». И об этом времени автор говорит в резкой форме. Но это недостаточное основание для объявления этого докуента антисоветским. В речи председателя КГБ Андропова, посвященной 50-летию КГБ, говорится: «Мы не должны забывать то время, когда к руководству нашими органами пробрались политические авантюристы». К тому же призывает автор «Письма старому другу». Здесь приводилась и другая цитата из этого письма: «Горький выдвинул людоедский лозунг: если враг не сдается, его уничтожают». Во-первых, это относится к тому времени, о котором я только что говорил. Во-вторых, критика одного, даже крупного писателя не является критикой всей власти. Человек, переживший ужасы того страшного времени, не может не волноваться, когда ему вдруг кажется, что в теперешней жизни он видит рецедивы прошлого, и тогда выражение этого беспокойства в резкой форме вполне правомерно. Я утверждаю, что в «Письме старому другу» не содержится клеветы на советский строй и призыва к его свержению и прошу суд не квалифицировать это произведение как антисоветское.

По поводу пункта обвинения, связанного с передачей мною Губанову нескольких газетных вырезок антисоветского со-

держания, моим адвокатом была приведена полная и основательная аргументация, и я не буду ее повторять.

По поводу того, что сборник материалов по делу Синявского и Даниэля, составленный мной, был с моего ведома передан Галансковым в НТС, тоже достаточно убедительно и аргументированно доказано, что эта версия не только не подтвердилась, но и противоречит фактам, выявленным в ходе судебного следствия.

Итак, меня обвиняют в том, что я составил тенденциозный сборник по делу Синявского и Даниэля. Я не признаю себя виновным. Я поступил так потому, что убежден в своей правоте. Мой адвокат просил для меня оправдательного приговора. Я знаю, что вы меня осудите, потому что ни один человек, обвинившийся по статье 70, еще не был оправдан. Я спокойно отправлюсь в лагерь отбывать свой срок. Вы можете посадить меня в тюрьму, отправить в лагерь, но я уверен, что никто из честных людей меня не осудит. Я прошу суд об одном: дать мне срок не меньший, чем Галанскову. (В зале смех, крики: «Больше, больше!»)

СУДЬЯ. Суд удаляется на совещание.

Суд совещается в течение четырех с лишним часов. Около 4-х часов 30 минут распорядитель провозглашает: «Встать, суд идет!» Все встают, входит суд, в том же порядке, что и в первый день, и председательствующий зачитывает приговор.

Приговор
именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

12 января 1968 г. г. Москва

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда в составе председательствующего заместителя Председателя Московского городского суда Миронова Л. К., народных заседателей т.т. Дудникова С. Г. и Чижовой Г. В., при секретаре Фомичевой А. И., с участием прокурора старшего помощника Генерального прокурора СССР т. Терехова Г. А. и защитников т.т. Золотухина Б. А., Камин-

ской Д. И., Арии С. Л. и Швейского В. Я., рассмотрев в открытом судебном заседании дело по обвинению:

Гинзбурга Александра Ильича, 21 ноября 1936 года рождения, еврея, гражданина СССР, уроженца г. Москвы, беспартийного, со средним общим образованием, холостого, ранее не судимого, до ареста работавшего разнорабочим Государственного литературного музея, проживавшего в Москве, ул. Б. Полянка, д. 11/14, кв. 25.

Галанскова Юрия Тимофеевича, 19 июня 1939 года рождения, русского, гражданина СССР, уроженца г. Москвы, беспартийного, со средним общим образованием, женатого, ранее не судимого, до ареста работавшего разнорабочим Государственного литературного музея, проживавшего в Москве, 3-й Голутвинский переулок, д. 7/9, кв. 4.

Добровольского Алексея Александровича, 13 октября 1938 года рождения, русского, гражданина СССР, уроженца г. Москвы, беспартийного, со средним общим образованием, женатого, имеющего ребенка 1963 года рождения, ранее не судимого, до ареста работавшего переплетчиком Государственного литературного музея, проживавшего в Москве, Каланчевская ул., д. 4, кв. 16.

Лашковой Веры Иосифовны, 18 июня 1944 года рождения, русской, гражданки СССР, беспартийной, ранее не судимой, со средним общим образованием, незамужней, до ареста работавшей лаборанткой подготовительного факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, проживавшей в Москве, Кропоткинская ул., д. 13, кв. 9.

Подсудимые Гинзбург, Добровольский и Лашкова обвиняются в преступлении, предусмотренном ст. 70 ч. 1 УК РСФСР, а Галансков — ст. ст. 70 ч. 1 и 88 ч. 1 УК РСФСР.

Изучив материалы судебного следствия, выслушав доводы прокурора, защитников и последние слова подсудимых, судебная коллегия

установила:

В 1965 году подсудимые Гинзбург и Галансков установили преступную связь с зарубежной антисоветской организацией, именующей себя «Народно-трудовой союз» (НТС) и находящейся на содержании Центрального разведовательного управления США.

Так называемый Народно-трудовой союз в своей программе открыто заявляет, что его цель — свержение существующего в СССР строя и реставрация буржуазных порядков путем «...идейной и вооруженной борьбы с коммунистической властью».

Гинзбург и Галансков передавали НТС различные антисоветские клеветнические материалы с целью их опубликования за границей, а Галансков, кроме того, получал от НТС антисоветские материалы, которые распространял в Советском Союзе.

Летом 1966 года Галансков и Гинзбург привлекли к антисоветской деятельности Лашкову и Добровольского. Лашкова и Добровольский приняли активное участие в размножении и распространении антисоветских материалов, в том числе и полученных от НТС. Добровольский, кроме того, хранил полученные Галансковым от НТС средства тайнописи и размножения печатного текста.

Антисоветские материалы, переданные Галансковым и Гинзбургом за границу, были широко использованы антисоветской и антикоммунистической буржуазной пропагандой против СССР, в том числе и в изданиях НТС.

Каждый из подсудимых виновен в совершении следующих преступлений:

1. Подсудимый *Гинзбург* длительное время проводил антисоветскую агитацию, установил преступную связь с зарубежной антисоветской организацией, именующейся Народно-трудовой союз, передавал для опубликования материалы клеветнического антисоветского содержания, которые широко использовались НТС в печатной и устной пропаганде против Советского Союза, а также распространил в Советском Союзе материалы антисоветского клеветнического содержания, изданные за границей.

В июне 1966 года Гинзбург при встрече с иностранцем получил от последнего вырезки из зарубежных газет с отрывком из статьи, начинающейся словами «закончилась арестами и исключением», и статьями «Призыв молодых советских интеллигентов к свободному миру» и «Воззвание к свободному миру» (в двух последних статьях прямо оговорено, что они переданы для опубликования журналом НТС «Грани»), в которых содержалась клевета на советскую действительность, и распространил эти статьи путем передачи гр-ну Губанову.

В феврале-октябре 1966 года подсудимый Гинзбург, при участии подсудимого Галанскова, составил сборник, в который включил так называемое «Письмо старому другу» и листовку с подписью «Сопротивление», являющимися по своему содержанию клеветническими измышлениями, порочащими советский государственный и общественный строй. Эти материалы содержат прямой призыв к сопротивлению власти и клеветнические утверждения об отсутствии свободы личности и творчества в Советском Союзе. Так, в листовке с подписью «Сопротивление» говорится: «Очевидно, власти не считают нужным реально обеспечивать провозглашенные Конституцией свободы, а наоборот склонны поддерживать акты надругательства над демократией и поощрять проявления прямого и косвенного насилия над личностью» (т. 9, л.д. 88).

При содействии Галанскова и Лашковой Гинзбург в ноябре 1966 года напечатал на пишущих машинках собранный материал, в том числе «Письмо старому другу» и листовку с подписью »Сопротивление» антисоветского содержания, в количестве около 10 экземпляров, один из которых через Галанскова передал НТС для опубликования. Указанные материалы были опубликованы за границей в журнале НТС «Грани» № 62 и других изданиях.

Во второй половине 1966 года Гинзбург принял участие в составлении Галансковым сборника, в который были включены материалы клеветнического антисоветского содержания: «Открытое письмо», «Российский путь перехода к социализму и его результаты», «Откровение Виктора Вельского», «Социалистический реализм».

В январе 1967 года Галансков передал этот сборник для опубликования представителю НТС. В журнале НТС «Грани» № 63 было опубликовано сообщение о получении сборника и дана его краткая аннотация.

В так называемом «Открытом письме» возводится клевета на социалистическое общество и советскую демократию, лживо утверждается, что «... революционно-гуманистические взгляды партии перестали быть гуманистическими, народ был низведен до скотского состояния, а мифический советский человек не удался в той же мере, в какой не удалась и сама советская власть» (т. II, л.д. 131).

В материале «Российский путь перехода к социализму и его результаты» искажается историческая перспектива раз-

вития нашей страны, возводится клевета на советскую действительность и экономические мероприятия советского государства.

«Откровение Виктора Вельского» проникнуто духом человеконенавистничества и чудовищной озлобленности к советскому народному государству. В нем возводится гнусная клевета на советский народ и на демократические основы социалистического общества. Так, в «Откровении» сказано: «Я проклинаю советскую власть, осквернившую Россию... Она построена на обмане и самообмане, она в существе своем враждебна лучшим человеческим порывам» (т. 10, л.д. 53).

2. Подсудимый *Галанскоs* проводил антисоветскую агитацию, установил и в течение длительного времени поддерживал преступную связь с зарубежной антисоветской организацией НТС, неоднократно встречался с ее представителями и передавал НТС материалы антисоветского содержания, которые использовались в печатной и устной пропаганде против Советского Союза, получал от НТС и распространял материалы антисоветского содержания, получал от НТС деньги в иностранной валюте и советскими знаками, средства тайнописи и размножения печатного текста для проведения антисоветской агитации.

Подсудимый Галансков в течение 1966 года получил для распространения от приезжавших к нему представителей НТС антисоветскую литературу, изданную НТС: брошюру «Солидаризм — идея будущего», в которой изложены программа и устав НТС, пропагандируются формы и методы борьбы с существующим в нашей стране социалистическим строем, в том числе вооруженной борьбы, журнал «Наши дни» № 35, где помещены статьи, извращающие некоторые мероприятия и внутреннюю политику КПСС и советского правительства, газету «Посев» за август 1966 года, в которой опорачивается советское правительство и содержатся призывы к борьбе с советской властью, книги «Сила идей» и «Ценою подвига», содержавшие призывы к свержению советской власти и совершению террористических актов, а также практические советы по созданию нелегальных организаций НТС на территории Советского Союза.

В тот же период Галансков получил от тех же представителей НТС шапирограф, средства тайнописи, деньги в сумме 560 долларов и более двух тысяч рублей советских

денег, которые предназначались для антисоветской деятельности. Галансков передал Добровольскому шапирограф, а также полученную от НТС литературу для распространения и размножения.

В феврале-октябре 1966 года Галансков принял участие совместно с Гинзбургом в составлении сборника, в который были включены так называемые «Письмо старому другу» и листовка с подписью «Сопротивление», содержащие клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

В ноябре 1966 года Галансков лично и при участии Лашковой размножил названный сборник на пишущих машинках и в том же месяце при встрече с приехавшим в Москву представителем НТС, именовавшим себя «Генрих», передал ему один экземпляр сборника для опубликования за границей.

Переданный за рубеж сборник был опубликован в журнале НТС «Грани» № 62 за 1966 год и в других зарубежных изданиях.

Во второй половине 1966 года Галансков при участии Гинзбурга составил сборник, в который вошли материалы антисоветского клеветнического содержания: «Открытое письмо», «Российский путь перехода к социализму и его результаты», «Окровение Виктора Вельского», «Социалистический реализм». Указанные материалы отличаются по своему содержанию, антисоветской направленностью и клеветой, порочащей советский государственный и общественный строй. Галансков при участии Лашковой размножил этот сборник в пяти экземплярах.

В январе 1967 года Галансков при встрече с приехавшей к нему представителем НТС, именовавшей себя «Надя», договорился о передаче сборника для опубликования за границей, а при следующей специально обусловленной встрече передал ей сборник.

В журнале «Грани» № 63 было опубликовано сообщение о получении сборника, а также дана его краткая аннотация.

В октябре-ноябре 1966 года Галансков изготовил «Открытое письмо» антисоветского содержания, с помощью Лашковой напечатал его в 15-ти экземплярах, а в январе 1967 года передал один экземпляр Добровольскому и договорился с ним о размножении письма для распространения.

В декабре 1966 — январе 1967 года Галансков передал Добровольскому два материала антисоветского содержания — «Российский путь перехода к социализму и его результаты» и «Откровение Виктора Вельского» — для размножения и последующего распространения.

В декабре 1966 года подсудимый Галансков, в нарушения правил о валютных операциях, продал через своих знакомых Ентина и Борисову 400 долларов из расчета 3 рубля за 1 доллар.

3. Подсудимый *Добровольский,* вступив в преступную связь с Галансковым и Лашковой, проводил антисоветскую агитацию, размножал, хранил и распространял антисоветские материалы, а также хранил средства тайнописи и размножения текстов, полученные Галансковым от НТС.

В ноябре-декабре 1966 года Добровольский получил от Галанскова для распространения присланную НТС антисоветскую литературу: брошюру «Солидаризм — идея будущего», журнал «Наши дни» № 35, книги «Сила идей» и «Ценою подвига». В декабре 1966 года Добровольский распространял эту литературу, передал: Лашковой — журнал «Наши дни» и брошюру «Солидаризм — идея будущего», Кац — журнал «Наши дни» и книгу «Сила идей», Кушеву — брошюру «Солидаризм — идея будущего».

В конце 1966 года Добровольский получил и хранил на своей квартире для использования при антисоветской агитации присланные НТС антисоветскую газету «Посев» за август 1966 года в виде восьми листовок, шапирограф и более двух тысяч рублей советских денег.

В декабре 1966 года Добровольский с помощью Устиновой и Камышановой размножил в пяти экземплярах для распространения материал под названием «Откровение Виктора Вельского» антисоветского содержания.

В январе 1967 года, договорившись с Галансковым о размножении для распространения так называемого «Открытого письма» антисоветского клеветнического содержания, получил это письмо и передал Радзиевскому для размножения в количестве 30 экземпляров.

В январе 1967 года Добровольский размножил с помощью Устиновой в пяти экземплярах для распространения полученный от Галанскова материал антисоветского содержания под названием «Российский путь перехода к социализму и его результаты».

4. Подсудимая *Лашкова* с лета 1966 года проводила антисоветскую агитацию, размножала и распространяла антисоветскую литературу.

В октябре-ноябре 1966 года Лашкова получила от Гинзбурга и Галанскова материалы клеветнического антисоветского содержания — «Письмо старому другу» и листовку с подписью «Сопротивление» — и размножила эти материалы для распространения в пяти экземплярах на пишущей машинке.

Во второй половине 1966 года Лашкова размножила на машинке для распространения так называемое «Открытое письмо» в 15-ти экземплярах и материал под названием «Российский путь перехода к социализму и его результаты» в 10-ти экземплярах, которые по своему содержанию носят клеветнический антисоветский характер.

В ноябре-декабре 1966 года Лашкова получила от подсудимого Добровольского антисоветскую клеветническую литературу, изданную НТС: брошюру «Солидаризм — идея будущего» и журнал «Наши дни» № 35, которые с целью распространения передала: брошюру — Кушеву, а журнал А. Левитину.

Допрашиванные в качестве подсудимых Добровольский и Лашкова виновными себя признали полностью.

Подсудимые Гинзбург и Галансков виновными себя в предъявленном обвинении не признали.

Судебная коллегия считает, что предъявленное обвинение нашло подтверждение в судебном следствии, а все подсудимые виновны в совершенных преступлениях.

Подсудимые Добровольский и Лашкова, признавая себя виновными, дали подробные показания на предварительном следствии и в судебном заседании по фактам совершенных ими, а также подсудимыми Гинзбургом и Галансковым преступлений.

Вина подсудимых Добровольского и Лашковой в совершенном преступлении, кроме их личного признания, подтверждается показаниями свидетелей Кац, Устиновой, Радзиевского, Левитина, Цветкова и Голованова о размножении и распространении Добровольским и Лашковой антисоветской литературы и других клеветнических антисоветских материалов.

Из протокола обыска (т. 14, л.д. 35-37) видно, что у Добровольского изъяты газета «Посев», антисоветская литера-

тура, шапирограф и деньги в сумме свыше двух тысяч рублей, полученные Галансковым от НТС.

Обвинение, предъявленное Гинзбургу, доказано показаниями самого подсудимого Гинзбурга, в которых он признал составление сборника с включением в него «Письма старому другу» и листовки «Сопротивление», показаниями подсудимой Лашковой о том, что по просьбе Гинзбурга она печатала на машинке материалы этого сборника в пяти экземплярах, показаниями подсудимого Добровольского о том,что Гинзбург составил упомянутый сборник, а Галансков передал его представителю НТС для опубликования за рубежом с ведома Гинзбурга.

Получение и опубликование НТС материала Гинзбурга подтверждается приобщенным к делу в качестве вещественного доказательства журналом «Грани» (т. 17, л.д. 87).

Участие Гинзбурга в составлении сборника, в который включено «Открытое письмо» и другие антисоветские материалы, подтверждено показаниями Добровольского, фактом изъятия в квартире Гинзбурга одного экземпляра этого сборника, а также показаниями Гинзбурга о том, что, находясь у Галанскова, он читал «Открытое письмо» в рукописи.

Наличие связи между Гинзбургом и НТС подтверждается:

показаниями Добровольского о том, что именно Гинзбург связал Галанскова с НТС и что Гинзбург и Галансков знали о приезде эмиссара НТС Шаффхаузера в Советский Союз;

показаниями свидетеля Брокса-Соколова о том, что в разговоре с ним деятель НТС Славинский называл Гинзбурга в числе участников подпольной деятельности в Советском Союзе;

тем фактом, что составленный Гинзбургом сборник был передан им НТС и опубликован в журнале «Грани».

Получение Гинзбургом от иностранца и распространение им вырезок из зарубежных газет со статьями антисоветского клеветнического содержания подтверждается объяснениями самого Гинзбурга в судебном заседании и показаниями свидетеля Басиловой. Гинзбург признал передачу указанных вырезок Губанову. Басилова подтвердила, что вырезки были привезены из-за границы иностранцами. Свидетель Басилова показала также, что Гинзбург договорился с Губановым о встрече с иностранцем.

Обвинение, предъявленное Галанскову, доказано пока-

заниями самого Галанскова на предварительном следствии о том, что он имел связь с НТС, неоднократно встречался с приезжавшими к нему представителями НТС, составил сборник, в который включил «Открытое письмо» и другие антисоветские материалы, и передал представителю НТС для опубликования за рубежом, а также сборник, содержащий антисоветские материалы: «Письмо старому другу» и листовку, подписанную «Сопротивление».

Наряду с этим Галансков признавал, что неоднократно получал от НТС антисоветскую литературу, шапирографы, средства тайнописи, американские и советские деньги, а также распространял полученную от НТС антисоветскую литературу в Советском Союзе.

Наличие связи между Галансковым и НТС подтверждается:

показаниями Добровольского о том, что Галансков неоднократно встречался с представителями НТС, передавал ему антисоветскую литературу, полученную от НТС для распространения, шапирограф, средства тайнописи и более двух тысяч рублей советских денег, а также поручил ему с помощью Лашковой составить на копирке для тайнописи письмо, которое было направлено НТС, и подыскать кооперативную квартиру для получения корреспонденции и посылок от НТС;

показаниями Лашковой о том, что она печатала по поручению Галанскова зашифрованное письмо и писала по просьбе Добровольского письмо на копирке для тайнописи, которые были направлены НТС;

фактом обнаружения в квартире Добровольского антисоветской литературы, шапирографа и денег, полученных от Галанскова.

В судебном заседании подсудимый Галансков отказался от своих показаний полностью, отрицая участие в антисоветской деятельности и пояснил, что оговорил себя, так как хотел облегчить судьбу Добровольского.

Судебная коллегия считает, что правдивы показания Галанскова на предварительном следствии, так как эти показания соответствуют показаниям Добровольского, Лашковой и фактическим обстоятельствам дела.

Кроме того, Галансков в судебном заседании не привел сколько-нибудь убедительных мотивов изменения своих показаний.

Из приобщенного к делу журнала «Грани» № 63 (т. 17, л.д. 88) видно, что сборник, составленный Галансковым с участием Гинзбурга, получен зарубежной антисоветской организацией НТС.

Показаниями подсудимой Лашковой, свидетелей Кац, Хаустова, Виноградова подтверждается распространение подсудимым Галансковым антисоветской клеветнической литературы.

Содержание названных в описательной части приговора материалов, литературы, полученной Галансковым от представителей НТС, вырезок из газет, полученных Гинзбургом от иностранца, свидетельствуют об их клеветническом антисоветском характере.

Показаниями свидетелей Ентина, Борисовой подтверждается обвинение подсудимого Галанскова в нарушении правил о валютных операциях. Подсудимый Галансков не отрицал факт продажи долларов частным лицам.

Оценивая показания подсудимых, содержание созданных ими материалов и литературы, которую они распространяли, совокупность собранных на предварительном и судебном следствии доказательств, судебная коллегия приходит к выводу о том, что, проводя свою преступную деятельность, подсудимые Гинзбург, Галансков, Добровольский, Лашкова преследовали цель ослабления советской власти. Следовательно, их действия правильно квалифицированы по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР.

Правильно также квалифицированы действия подсудимого Галанскова по ст. 88 ч. 1 УК РСФСР, так как он, продавая доллары частным лицам, нарушил правила о валютных операциях.

При определении меры наказания судебная коллегия учитывала особую опасность совершенного преступления, а также степень участия каждого подсудимого в совершенном преступлении, данные о личности каждого подсудимого, чистосердечное признание и раскаяние в совершенном преступлении Добровольского и Лашковой.

Судебная коллегия не может не обратить внимания на поведение подсудимого Гинзбурга в недалеком прошлом. С 1960 года органы Комитета государственной безопасности неоднократно пресекали антисоветскую деятельность Гинзбурга, который обещал порвать с неблаговидным прошлым,

осудил публично свою деятельность, однако продолжал проводить антисоветскую агитацию.

Судебная коллегия учитывает также, что именно подсудимый Галансков установил наиболее тесный контакт с НТС и получал деньги для проведения антисоветской агитации.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 301-303 и 312 УПК РСФСР судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда

приговорила:

Галанскова Юрия Тимофеевича признать виновным по ст.ст. 70 ч. 1 и 88 ч. 1 УК РСФСР и избрать наказание: по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР — семь лет лишения свободы без ссылки, по ст. 88 ч. 1 УК РСФСР — три года лишения свободы без конфискации имущества и без ссылки. По совокупности совершенных преступлений, в силу ст. 10 УК РСФСР, окончательную меру наказания Галанскову Ю. Т. избрать в виде *семи лет* лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима без ссылки и без конфискации имущества.

Срок отбытия наказания исчислять Галанскову Ю. Т. с 19 января 1967 года.

Гинзбурга Александра Ильича признать виновным по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР и лишить его свободы сроком на *пять лет* в исправительно-трудовой колонии строгого режима без ссылки.

Срок отбытия наказания Гинзбургу А. И. исчислять с 23 января 1967 года.

Добровольского Алексея Александровича признать виновным по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР и лишить его свободы сроком на *два года* в исправительно-трудовой колонии строгого режима без ссылки.

Срок отбытия наказания Добровольскому исчислять с 19 января 1967 года.

Лашкову Веру Иосифовну признать виновной по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР и лишить ее свободы сроком на *один год* в исправительно-трудовой колонии строгого режима без ссылки.

Срок отбытия наказания Лашковой В. И. исчислять с 17 января 1967 года.

Мерой пресечения подсудимым Галанскову, Гинзбургу, Добровольскому, Лашковой оставить содержание под стражей.

Вещественные доказательства: пишущие машинки «Москва», «Олимпия», «Оливетти» — конфисковать; антисоветские материалы, книги, журналы, вырезки из газет, газету «Посев», листовки, копирку, шапирограф — хранить при деле.

Деньги, изъятые у Добровольского, обратить в доход государства как нажитые преступным путем.

Приговор может быть обжалован и опротестован в Верховный Суд РСФСР в течение семи суток со дня оглашения приговора, а для осужденных Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой в тот же срок, но со дня вручения копии приговора*. (Бурные, продолжательные аплодисменты зала.)

Подсудимых выводят из зала. На этом, 12 января в 5 часов вечера судебное заседание заканчивается.

Суд происходил в здании Московского городского суда на Каланчевской улице. По сообщениям некоторых подсудимых, их родственников, а также ряда свидетелей, атмосфера в зале суда была все время крайне распущенная — публика шумела, кричала, топала ногами. Адвокаты дважды заявляли протест, но судья каждый раз отклонял его, говоря: «Публика выражает свое мнение». Публика, как можно полагать, состояла частью из сотрудников КГБ, частью из партийных активистов, присланных райкомами. Из родственников были допущены: мать, отец, жена и сестра Галанскова, невеста Гинзбурга, мать Добровольского. После дачи свидетельских показаний в зале были оставлены мать Гинзбурга и жена Добровольского. Сестру Галанскова, начиная с третьего дня, в зал не пускали. Сотрудники КГБ препятствовали всем родственникам, за исклю-

* Приговор был обжалован, и 16 апреля 1968 года состоялся кассационный суд (см. здесь стр. 505-539). Надо заметить, что, по существующей судебной практике, копии приговора почти никогда не вручаются осужденным по ст. 70 УК РСФСР, а только даются им для прочтения, хотя это нигде не оговорено ни в законе, ни в распубликованных инструкциях. Так, например, Лашковой было разрешено знакомиться с приговором только на время подготовки к кассационному суду. Однако в последнее время в ряде случаев эта практика нарушается и осужденные получают копии приговоров на руки.

чением жены Добровольского, делать какие-либо записи; часть записей была изъята полковником КГБ Циркуненко, игравшем роль «коменданта суда» (настоящий комендант суда был устранен от участия в этом процессе). Родственникам запрещалось разговаривать со свидетелями, за исключением матери Добровольского, которая долго беседовала с его женой перед дачей той показаний. Всех свидетелей, после дачи показаний, удаляли из зала.

По мере того, как суд привлекал к себе все большее внимание советской и мировой общественности, становилось все более заметным стремление перенести основной акцент с составления инкриминируемых сборников на якобы существовавшую связь подсудимых с НТС, а также затушевать связь настоящего процесса с процессом Синявского и Даниэля. Это видно, хотя бы, из сравнения обвинительного заключения, чтением которого начался процесс, с приговором, чтением которого он закончился. Характерно, что в приговоре даже не упомянуты Синявский, Даниэль или Шолохов. С этой точки зрения интересно, что действия подсудимых тем не менее не были квалифицированы, кроме ст. 70 УК РСФСР, еще и по ст. 72 (Организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации).

После оглашения приговора раздались бурные аплодисменты, некоторые кричали: «Мало! Мало!» Тотчас же подсудимые были окружены солдатами и выведены из зала. Родственники не сумели сказать им ни слова, только жена Галанскова успела крикнуть: «Юрка!»

В первый день суда, 8 января, с 9 часов утра у здания суда начали собираться родственники и знакомые подсудимых, лица, интересующиеся процессом, а также иностранные корреспонденты. Кроме того, было довольно большое количество членов оперативного отряда Московского городского комитета комсомола и сотрудников КГБ в штатском. Всего около суда собралось человек 100-150. Главный вход в здание был закрыт, дежурил наряд милиции и члены оперотряда с красной повязкой на рукаве, которые пропускали только имеющих служебные удостоверения. Всех остальных отсылали ко входу во дворе, в левом крыле здания. Там для публики на первом этаже был открыт коридор, ведущий в канцелярию суда. Проход

из коридора в правое крыло здания, где должен был происходить суд, также был закрыт и дежурил наряд милиции и лица в штатском с повязками. Вход на лестницу на 2-й этаж, где находилась канцелярия, также был перекрыт членами оперотряда с красными повязками.

Вскоре выяснилось, что в зал суда никого не пускают. В зал пускали примерно с 9 часов через другой вход только по специальным пропускам, которые выдавались через КГБ и райкомы КПСС. До 11 часов в зал не могли также попасть родственники подсудимых, пока подсудимые специально не ходатайствовали об этом. Несколько находящихся возле здания суда граждан составили письмо на имя Председателя Мосгорсуда Осетрова и председательствующего на процессе Миронова с просьбой пустить их в зал заседаний, под письмом подписалось примерно 30 человек, главным образом из числа тех, кто подписывал предыдущие обращения с просьбой о гласности суда (письма 116-ти и 44-х), и письмо было передано в канцелярию суда. Никакого ответа на него не последовало. Поскольку письмо было написано в одном экземпляре, который тут же был передан в канцелярию, у составителя настоящего сборника нет его текста.

Большая часть собравшихся не расходилась до конца заседания первого дня и ждала в коридоре. Сотрудники КГБ и члены оперотряда стояли, главным образом, вдоль стен, почти не вступали в разговоры с остальной публикой, но внимательно прислушивались ко всему и тотчас же подходили, если видели, что в какой-то группе ожидающих начался разговор. Иногда между друзьями подсудимых и членами оперотряда возникали споры о целях и методах проведения подобных процессов. Разговорам советских граждан с иностранными корреспондентами, число которых колебалось примерно от 10 до 20, не было никаких попыток помешать, но к ним прислушивались особенно внимательно. Несколько инцидентов произошло только в связи с фотографированием: один из членов оперотряда или сотрудников КГБ, стоя на лестнице под охраной других членов оперотряда, многократно фотографировал всех находящихся в коридоре. Когда же его попытался сфотографировать один из иностранных корреспондентов, того сразу окружили сотрудники КГБ в штатском и потребовали, чтобы он не делал этого. Когда некоторые советские граждане протестовали против того, что их фотографируют без их разреше-

ния, им отвечали, что это дружинник и он имеет на это право, на просьбу же показать удостоверение дружинника, им ответили, что это просто частное лицо. То же продолжалось и все остальные дни процесса, причем иногда фотографов было двое и они фотографировали не только с лестницы, но и прямо в коридоре, в упор, но под защитой нескольких членов оперотряда.

В обеденный перерыв из зала заседаний вышли в коридор некоторые родственники подсудимых и разговаривали со своими друзьями, никаких попыток помешать этому не было. Однако в следующие дни положение изменилось. Например, беременную сестру Юрия Галанскова, которой стало плохо в зале суда и которая вышла на некоторое время, больше в зал суда не пустили.

9 января около 10 часов утра в коридоре суда вновь собралось 30-40 друзей подсудимых, приблизительно столько же членов оперотряда и сотрудников КГБ в штатском, а также группа иностранных корреспондентов. По-прежнему в зал суда никого не пускали, за исключением специально приглашенных, и была вновь сделана попытка обратиться к председателю суда с просьбой допустить в зал друзей подсудимых. Под этой просьбой было около суда собрано 12 подписей, после чего вмешательством сотрудников КГБ сбор подписей был прекращен и письмо отобрано. Однако неизвестным путем оно попало на Запад и было опубликовано в журнале «Проблемы коммунизма» (Июль-август 1968, т. XVII), обратный перевод откуда на русский язык приводится ниже.

№ 1

Председателю Московского городского суда

Копия: т. Миронову, председателю суда

Мы, нижеподписавшиеся, в числе многих других направили вам предыдущее письмо, с тем чтобы вы подтвердили наше право, право друзей обвиняемых — Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой, — присутствовать на суде.

Несмотря на заявление, что суд будет открытым, ни один из подписавших это письмо не был допущен в зал суда. Многочисленные охранники, перекрывшие все подходы к

залу суда, где слушается дело, пропускали только тех, кто имеет специальный пропуск. Теперь известно, где, когда и на каком основании эти пропуска выдавались.

Судебное заседание 8 января 1968 г. проходило при полупустом зале, в то время как мы стояли весь день на морозе, тщетно ожидая, что вы, быть может, ответите на нашу просьбу.

Исходя из вышесказанного, мы категорически протестуем против нарушения законности, когда формально открытый процесс в действительности превращен в закрытый, и вновь требуем, чтобы все подписавшие письмо были допущены в зал суда.

Н. Горбаневская
П. Литвинов
С. Генкин
Ю. Юхновец
П. Якир
В. Тельников
Ю. Левин
А. Штельмах
К. Бабицкий
В. Никольский
П. Григоренко
В. Тимачев

Около суда было задержано трое человек, но после проверки документов отпущено. Была сделана также попытка дезинформировать общественное мнение о происходящем на суде. И в первый, и во второй день процесса из зала суда выходила женщина, которая, обращаясь главным образом к иностранным корреспондентам, сообщала заведомо неверные сведения, что, например, она работник библиотеки и, случайно услышав об этом процессе, свободно прошла на него утром, когда в зале еще были места и всех свободно пускали, что все подсудимые признали себя виновными и т. д.

10 января было днем опроса большинства свидетелей. Поскольку сразу же после дачи показаний свидетели удалялись из зала, они по выходе могли сообщать собравшейся публике свои впечатления. По их рассказам, полностью совпадающим с рассказами присутствующих на суде родственников, процесс проходит с серьезными нарушениями закона и атмосфера в зале царит крайне неделовая и распущенная. Это укрепило сложившееся у многих еще к началу процесса мнение, что суд носит пристрастный и неправосудный характер. Между тем все предшествующие обращения к советским судебным, административным и печатным органам оказались бесполезными. Сознавая это,

Л. И. Богораз, жена Юлия Даниэля, и П. М. Литвинов, присутствовавшие около суда с первого дня, решили обратиться к мировому, и в первую очередь к советскому общественному мнению, сделав это через западную печать. Утром 11 января их обращение было передано возле суда иностранным корреспондентам.

№ 2

К МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Судебный процесс над Галансковым, Гинзбургом, Добровольским и Лашковой, проходящий сейчас в Московском городском суде, совершается с нарушением важнейших советских правовых норм. Судья и прокурор при участии определенного сорта публики превратили судебные заседания в дикое, немыслимое в XX веке издевательство над тремя подсудимыми (Галансковым, Гинзбургом, Лашковой) и свидетелями.

Дело приняло характер известных «процессов над ведьмами» уже на второй день, когда Галансков и Гинзбург, несмотря на год предварительного заключения, несмотря на давление суда, отказались признать возведенные на них голословные обвинения Добровольского, доказывали свою невиновность. Свидетельские показания в пользу Галанскова и Гинзбурга еще более озлобили суд.

Судья и прокурор в течение всего процесса помогают Добровольскому возводить ложные обвинения на Галанскова и Гинзбурга. Адвокатам то и дело не разрешают задавать вопросы, свидетелям не дают давать показания, разоблачающие провокационную роль Добровольского в этом деле.

Судья Миронов ни разу не остановил прокурора — представителя обвинения. Лицам же, представляющим защиту, он позволяет говорить лишь то, что укладывается в заранее намеченную следствием КГБ программу. Когда кто-либо из участников процесса пытается нарушить отрепетированный спектакль, судья кричит: «Ваш вопрос снят!.. Это не имеет отношения к делу!.. Я не разрешаю вам говорить!..» Эти окрики обращены к подсудимым (кроме Добровольского), к их адвокатам, к свидетелям.

Свидетели выходят из зала после допроса — вернее, их

выталкивают — в подавленном состоянии, чуть ли не в истерике.

Свидетельнице Е. Басиловой не дали сделать заявление суду — она хотела рассказать о том, как КГБ преследовал ее психически больного мужа, показания которого, данные на следствии в состоянии невменяемости, играют важную роль в обвинительном заключении. Басилову вытолкали из зала суда под окрики судьи и вой публики, заглушавшие ее слова.

П. Григоренко подал заявление о том, что он просит допустить его в качестве свидетеля, так как он может объяснить суду происхождение денег, найденных у Добровольского (по словам Добровольского, их дал ему Галансков). Заявление Григоренко отклонили под тем предлогом, что он якобы психически болен (это неправда).

Свидетельнице А. Топешкиной не дали сделать заявление суду — она хотела сообщить суду факты, обнаруживающие лживость показаний Добровольского. Топешкину, беременную женщину, пинками выгнали из зала под улюлюканье публики.

Свидетельницу Л. Кац «комендант суда» полковник КГБ Циркуненко не пустил в зал после перерыва, заявив ей: «Дали бы вы иные показания, вам разрешили бы остаться».

Никому из свидетелей не разрешают остаться в зале после дачи показаний, хотя советское законодательство даже обязывает их к этому. Ссылки свидетелей на статью 283 УПК РСФСР пропускались мимо ушей, а свидетелю В. Виноградову судья прямо заявил: «Вот по 283 статье и уходите из зала».

Зал наполнен специально отобранной публикой, сотрудниками КГБ, дружинниками, создающими видимость открытого, гласного судопроизводства. Эта публика шумит, гогочет, оскорбляет подсудимых, оскорбляет свидетелей.

Судья Миронов не пытается прекратить нарушения порядка. Ни один бесчинствующий нарушитель не удален из зала.

В этой накаленной атмосфере не может быть и речи о какой-либо объективности суда, ни о какой справедливости и законности. Обвинительный приговор предрешен с самого начала.

Мы обращаемся к мировой общественности и в первую

очередь — к советской. Мы обращаемся ко всем, в ком жива совесть и достаточно смелости.

Требуйте публичного осуждения этого позорного процесса и наказания виновных.

Требуйте освобождения подсудимых из-под стражи.

Требуйте повторного разбирательства с соблюдением всех правовых норм и в присутствии международных наблюдателей.

Граждане нашей страны! Этот процесс — пятно на чести нашего государства и на совести каждого из нас. Вы сами избрали этот суд и этих судей — требуйте лишения их полномочий, которыми они злоупотребили. Сегодня в опасности не только судьба трех подсудимых — процесс над ними ничуть не лучше знаменитых процессов тридцатых годов, обернувшихся для нас всех таким позором и такой кровью, что мы от этого до сих пор не можем очнуться.

Мы передаем это обращение в западную прогрессивную печать и просим как можно скорее опубликовать его и передать по радио — мы не обращаемся с этой просьбой в советские газеты, так как это безнадежно.

Лариса Богораз-Даниэль,
Москва В-261, Ленинский просп., 85, кв.3

Павел Литвинов,
Москва К-1, ул. Алексея Толстого, 8, кв. 78

11 января 1968 г.

В тот же день обращение было передано на русском и английском языках радиостанцией Би-Би-Си из Лондона и встретило широкий отклик как у советских граждан, так и у прогрессивной общественности Запада.

12 января, когда ожидался приговор, возле суда с утра начала собираться толпа, которая к середине дня возросла примерно до 200 человек. По инициативе А. С. Есенина-Вольпина, была сделана еще одна попытка обратиться к председателю суда с просьбой пустить друзей подсудимых на слушание приговора. Под письмом было собрано около 50-ти подписей, и оно было передано в суд, однако никакого ответа на него не последовало. Поскольку письмо было написано в одном экземпляре, который был передан в канцелярию суда, у составителя настоящего сборника нет его текста.

Когда стало известно, что суд приступил к чтению приговора, все ожидавшие собрались перед главным входом. После оглашения приговора сначала стала выходить публика, присутствовавшая в зале. На вопросы, какие сроки получили подсудимые, многие отвечали: «Мало! Мало!» — и с озлобленными лицами пробегали через толпу к машинам. Некоторые были в форме КГБ. Затем появились родственники и вслед за ними защитники подсудимых, которым были преподнесены букеты красных гвоздик. Часам к шести толпа разошлась.

IV

ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

В настоящий раздел включены все известные и доступные составителю письма и обращения советских граждан в связи с настоящим процессом — как обращенные советскому и мировому общественному мнению, так и направленные в официальные советские государственные и партийные инстанции. В своем большинстве они ставят под вопрос соблюдение законности на суде и требуют гласного пересмотра дела. Как известно составителю, ни на одно из приведенных здесь писем, направленных в официальные инстанции, не было получено ответа.

К сожалению, составитель не получил в свое распоряжение копии ни одного письма, направленного в официальные органы, в котором одобрялись бы методы проведения суда, вынесенные приговоры или содержались требования более сурового наказания. Однако некоторые письма, адресованные ему лично, а также направленные в Союз писателей СССР и советские газеты и опубликованные там, говорят о том, что советское общественное мнение не было так однодушно в оценке суда, как это может показаться при изучении материалов этого раздела.

Письма, направленные советскими гражданами в советские газеты в ответ на публикацию ими статей о суде, составитель счел целесообразным включить в раздел «Освещение дела в печати».

№ 1

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ТОВАРИЩУ ПО ПРОФЕССИИ

Коллега, тороплюсь написать Вам это письмо, ОТКРЫТОЕ письмо товарищу по работе, потому что может случиться непоправное: мы с вами промолчим и на этот раз, но у нас не будет возможности сослаться на неведение и детскость, потому что я уже знаю, слышал в радиопередаче Би-Би-Си письмо-обращение Ларисы Даниэль и Павла Литвинова о беззаконии, которое вершится на нашей с Вами Родине, о беззаконии процесса над нашими коллегами-публицистами. Это был вопль отчаяния и веры. Отчаяния потому, что они отдали свое письмо зарубежным газетам, ибо изверились в честности наших; веры потому, что они знают, что кто-то услышит и откликнется, и я благодарен им за то, что они ВСЕ ЖЕ верят мне и Вам. Итак, наши сограждане осуждены, потому что несчастный мальчик Добровольский оговорил себя и их, как это случалось с нашими родными в годы сталинских репрессий.

Теперь, когда Вы и я знаем эти простые факты, нам остается решить один и только один вопрос: верим ли мы им?

Я не верю, что осужденные сотрудничали с НТС; их публицистика не подлежит уголовному суду.

У Вас могут быть естественные сомнения, так вот давайте и разрешим их, — потребуем пересмотра дела с трансляцией по радио и телевидению для достижения максимально большей гласности. Это разрешит и мое сомнение: мне необходимо знать (знать, чтобы жить), ведает ли моя Родина об осознанности этого беззакония или опять по неведению судит своих детей, как в недалеком прошлом?

И если это так, если Родина знает и молчит, то я хочу просить мою Родину приобщить меня к делу невинно осужденных.

Мне этот поступок кажется естественным, и потому я испытываю неловкость, ставя первым свою подпись.

Я посылаю это письмо в газету «Советская культура» и лично знакомым.

Е. Шифферс, режиссер

15 января 1968,
Москва

№ 2

В Верховный Суд СССР
Копии: В Политбюро ЦК КПСС
В Президиум Верховного Совета СССР

Заявление

За последние два года произошло несколько политических процессов в Москве и Ленинграде, которые начались широко известным делом Синявского и Даниэля и пока закончились судом над Гинзбургом, Галансковым, Добровольским и Лашковой. Все эти судебные разбирательства происходят в ненормальной атмосфере таинственности и путанной неправдивой газетной шумихи, которой одной достаточно для внимательного наблюдателя, чтобы ему стало ясно, что в ходе следствия предварительного и затем в ходе судебного разбирательства допускается грубое нарушение как советского законодательства, так и конституционных норм, не говоря уже о невозможной нравственной атмосфере этих процессов.

Мы потеряли отца во времена сталинских массовых репрессий. Он был посмертно реабилитирован. Мы не можем мириться с мыслью, что тот ужас, который пережила наша страна и наш народ в те страшные времена беззакония и зверств, может повториться хоть в малой степени. Наше отечество, которому мы посвятили свои жизни, перенесло неисчислимые страдания в войнах, революциях и во взаимном истреблении соотечественников. И одним из самых страшных страданий было беззаконие, подрывавшее духовные и физические силы нашего общества. Мы не можем мириться с новыми беззакониями, иначе наша жизнь и работа теряют смысл и превращаются в простое биологическое существование.

Мы требуем пересмотра судебных дел Синявского и Даниэля, Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой, дела Буковского и дела Огурцова и др. Пересмотра открытого и гласного, который бы пролил свет на приемы ведения следствия, на существо этих дел. Мы требуем света, гласности, ясности. Право требовать этого дано нам самим существом Конституции, нашими представлениями о гражданских правах и нашим человеческим достоинством, на-

шим желанием видеть свое Отечество прекрасным и чистым — и в великом, и в малом.

Б. Б. Вахтин
Ю. Б. Вахтин

(Январь 1968)
Борис Борисович Вахтин,
Ленинград Д-194, ул. Петра Лаврова, 40, кв. 15, тел. Ж 3 34 89

Юрий Борисович Вахтин,
Ленинград Д-41, Мойка, 1/7, кв. 4, тел. А 1 71 16.

№ 3

В редакцию газеты «Правда»
В редакцию газеты «Известия»
В редакцию газеты «Морнинг стар»
В редакцию газеты «Юманите»
В редакцию газеты «Унита»

Мы, ленинградцы, поддерживаем обращение Павла Литвинова и Ларисы Богораз-Даниэль к советской и мировой общественности и присоединяемся к требованию нового открытого судебного разбирательства по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой, основанного на законе.

Одновременно обращаем внимание советской и мировой общественности на следующий факт: в Ленинграде около года содержится в тюрьме без суда группа ленинградских интеллигентов. Учитывая уроки московского процесса, есть основания предполагать, что намечающийся суд над ними также пройдет без должного соблюдения социалистической законности*.

Е. Шашенков, инженер
В. Фридман, инженер
Ю. Гендлер, юрисконсульт
Г. Айзен, инженер

* Речь идет о членах Всероссийского социально-христианского союза освобождения народа, суд над которыми состоялся с 14 марта по 5 апреля 1968 г. в Ленгорсуде. 17 человек за участие в Союзе были осуждены на сроки от 1 года 2-х месяцев до 7 лет по ст. 70 и 72 УК РСФСР. Ранее, в ноябре 1967 г., четыре руководителя Союза — Огурцов, Садо, Вагин и Аверочкин — были осуждены на сроки от 15 до 8 лет по ст. 64, 70 и 72 УК. Задачей Союза было переустройство советской государственной и общественной системы на христианских началах. По существу, его деятельность сводилась к вербовке новых членов и распространению религиозной и политической литературы.

М. Задорина, художник
И. Крутков, рабочий-химик
Л. Квачевский, инженер-химик
В. Дреер, студент
В. Кушев, биолог
Т. Сойда, биолог

(Январь 1968,
Ленинград)

№ 4

Председателю Московского городского суда
Председателю Верховного Суда РСФСР
Председателю Верховного Суда СССР
Прокурору РСФСР
Генеральному прокурору СССР

Копии: Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному
Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину
Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу
Председателю Президиума Московской городской коллегии адвокатов
Адвокату Ария С. Л.
Адвокату Золотухину Б. А.
Адвокату Каминской Д. И.
Адвокату Швейскому В. Я.

Мы, свидетели, выступавшие на судебном процессе по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой (Московский городской суд, 8-12 января 1968 г.) выражаем протест против допущенного по отношению к нам нарушения процессуальных норм.

Статья 283 УПК РСФСР гласит: «... Допрошенные свидетели остаются в зале заседаний *и не могут удаляться* до окончания судебного следствия без разрешения суда. Председательствующий *может разрешить* допрошенным свидетелям удалиться из зала ранее окончания судебного следствия *не иначе, как по заслушании мнений обвинителя, подсудимого, защитника,* а также потерпевшего, гражданского лица, гражданского ответчика и их представителей».

Каждый из нас заявлял о своем желании остаться в зале суда после дачи показаний, ссылаясь на приведенную статью УПК РСФСР, на то, что это не только наше право, но, прежде всего, обязанность. Однако председательствую-

щий на процессе заместитель председателя Мосгорсуда Миронов удалил всех свидетелей, сопровождая свое требование покинуть зал грубыми окриками. Еще более грубо и оскорбительно вел себя «комендант суда» — полковник КГБ Циркуненко. Требование покинуть зал либо вовсе не аргументировалось, либо объяснялось отсутствием мест и духотой, хотя свободных мест было достаточно.

Мы считаем, что подобное нарушение установленного процессуального порядка ставит под сомнение беспристрастность суда.

Мы просим кассационные и надзорные инстанции при кассационним разбирательстве, а также в случае пересмотра дела учесть содержание нашего заявления как свидетельство об одном из грубых нарушений законности и гласности, совершавшихся на этом процессе.

Е. Басилова
В. Виноградов
А. Епифанов
И. Камышанова
Л. Кац
Е. Кушев
А. Левитин
С. Поташева
Н. Серебрякова
Г. Симонова
Н. Столярова
А. Топешкина
Н. Устинова

(Январь 1968,
Москва)

№ 5

Генеральному прокурору СССР

Как Вам, очевидно, известно, в начале января сего года в Московском городском суде был проведен процесс по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой, обвиненных по ст. 70 УК РСФСР.

Как Вам, очевидно, неизвестно, весь этот процесс проходил в обстановке непрерывного нарушения социалистической законности, что, в частности, выразилось в следующем:

1. Продолжительность заключения обвиняемых под следствием значительно превысила максимальный срок, предусмотренный для этого существующим законодательством.

Это нарушение, очевидно, не было обусловлено никакими особыми сложностями, связанными с выяснением обстоя-

тельств данного дела и не могло иметь другой цели, кроме недопустимого психологического воздействия на обвиняемых перед процессом.

2. Процесс, официально объявленный открытым, в действительности таковым не был. Допуск на суд производился по пропускам, и даже ближайшие родственники обвиняемых были допущены в зал заседания лишь после издевательской проволочки уже после начала процесса.

Это нарушение гласности судопроизводства, очевидно, не может быть оправдано никакими смехотворными ссылками на недостаток помещения и не могло иметь иной цели, кроме именно избежания самой гласности, при которой были бы невозможны последующие нарушения законности и процессуального порядка, которые имели место на самом суде и, очевидно, были запланированы заранее.

3. Весьма неполный, по-видимому, перечень этих нарушений во время самого процесса таков: свидетели защиты без обоснования отводились судом и не выслушивались; даваемые свидетельства в пользу обвиняемых грубо обрывались судьей и не заносились в протокол; свидетели после дачи показаний выдворялись из зала суда, хотя по существующим процессуальным нормам они даже *обязаны* присутствовать на суде до окончания заседания. «Зрители» на суде, состоявшие в основном из переодетых агентов КГБ, позволяли себе издевательские выходки по отношению к обвиняемым и свидетелям, выступавшим в их пользу, и судья ни разу не призвал их к порядку. Состав суда не проявил ни малейшего намерения объективно разобраться в материалах дела и, очевидно, преследовал лишь цель осуждения обвиняемых любыми средствами. Ввиду этого явно лживые показания подсудимого Добровольского, противоречившие всем остальным свидетельствам и, как можно было полагать, сделанные им в результате предшествующей обработки годичным следствием, принимались в качестве безусловного доказательства вины остальных обвиняемых. В то же время доводы защиты, безусловно доказывавшей необоснованность ряда пунктов обвинения, попросту игнорировались судом.

Опыт ряда предшествовавших процессов показывает, и организаторы этого процесса *в таком* виде не могли этого не знать, что результатом всех этих нарушений является дискредитация советского судопроизводства в глазах обще-

ственного мнения как внутри, так и за пределами СССР, что наносит неподдающийся оценке ущерб престижу нашего государства вообще.

В соответствии с изложенным ходатайствую перед Вами о нижеследующем:

1. Провести полное и детальное расследование всех нарушений и злоупотреблений, имевших место на указанном процессе, с целью выявления их полного объема и выявления их персональных виновников.

2. Провести открытый судебный процесс над виновниками этих злоупотреблений с предъявлением им статьи 69 УК РСФСР, поскольку налицо имеется полный состав преступления, предусмотренный этой статьей, а именно действие, направленное на подрыв государственного органа (Советского суда как органа социалистической законности) с целью ослабления советского государства (путем нанесения ущерба его моральному престижу), совершенное путем использования государственного учреждения (Московского городского суда).

3. Приговор по делу Галанскова и других аннулировать, как вынесенный в условиях преступных нарушений социалистической законности, абсолютно непригодных для объективного рассмотрения дела, и процесс провести снова с соблюдением всех существующих процессуальных норм, включая гласность судопроизводства. Либо ограничиться аннулированием приговора.

4. Усилить прокурорский надзор за деятельностью судов в целях недопущения ими в дальнейшем позорящих наше государство противозаконных действий.

Г. С. Подъяпольский

Москва Г-351, Ярцевская ул., 18, кв. 27
(Январь 1968)

№ 6

Членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК КПСС

Международный Год Прав Человека начался в СССР беспрецедентным нарушением прав человека. Именно в это время наша родина пригвождена к позорному столбу в глазах всего человечества и международного коммунистического движения. Это сделано официальными представителями властей, благодаря варварскому процессу, организованному органами КГБ.

В течение процесса над Гинзбургом, Галансковым, Добровольским и Лашковой (происходившего с 8 по 12 января этого года) я, подобно многим другим жителям Москвы, каждый день проводил по многу часов перед зданием суда и чувствовал — с необычной горечью — несправедливость и позор, которые этот суд принес нашей стране.

И все же, несмотря на это, я не собирался писать вам. Мне казалось, что Политбюро, для которого интересы партии, страны и международного коммунистического движения должны быть превыше всего, само обнаружит, что произошло, и отреагирует соответственно на мировое общественное мнение. Однако лживые статьи о процессе, опубликованные в «Известиях» (№ 15712) и «Комсомольской правде» (№ 13089), заставили меня взяться за перо.

Кому предназначены эти горы грязной лжи? Конечно, не мировому общественному мнению. Мировое общественное мнение не поверит этой лжи, поскольку оно знает, что процесс, формально открытый, на деле проводился в полной изоляции от непосвященных. Ф. Овчаренко, написавший в «Комсомольской правде», лжет, когда заявляет, что зал был полон и что на судебном заседании присутствовали рабочие и служащие московских предприятий и учреждений. Наоборот, суд проходил при полупустом зале и в присутствии как раз тех людей, которые никак не имели права там находиться — сотрудников КГБ и лиц, тщательно подобранных КГБ. Даже свидетели, которые по закону должны оставаться в зале суда после допроса, были удалены, несмотря на их жалобы и протесты.

КГБ и милиция сразу же заняли зал суда. Они буквально наводнили здание Московского городского суда и подходы к нему своими агентами. Это было подтверждено не только нами, советскими гражданами, но также всеми иностранными корреспондентами, которые постепенно собрались возле здания суда. Никто из них, разумеется, не был допущен в зал суда.

Неужели они на самом деле верят, что такая полная изоляция суда в интересах полного освещения правды? Нет, они знают, так же как и мы, что правда не боится света, не боится свидетелей и наблюдателей. Только грязные дела делаются не на людях, в темноте, за закрытыми дверьми.

Если мы рассмотрим этот случай с объективной точки зрения, мы увидим, что обстоятельства дела ни в коем

случае не вызывают доверия к тому, что происходило на суде. Предварительное следствие, в течение которого обвиняемые были полностью изолированы от остального мира, длилось почти год; это превышает максимально допустимый период следствия, который разрешается только в наиболее серьезных случаях. Более того, и члены суда и представитель обвинения были подобраны следственными органами; даже выбор защитников был разрешен обвиняемым только согласно списку, представленному КГБ*. Но и этого мало. Оказалось необходимым подобрать специальную аудиторию! После всего этого как может кто-либо верить в объективность суда?

В действительности суд не получил ни намека на доказательство того, что обвиняемые были связаны с НТС. Заявление Овчаренко, что на квартирах обвиняемых были найдены вещественные доказательства, вымышлено. Все обвинение основывается на необоснованных и полностью клеветнических «показаниях» Добровольского.

Этот «типичный процесс» является провокацией, аналогичной тем, которые устраивались во времена Ягоды, Ежова и Берии. Единственная разница состоит в том, что в те времена власти говорили о «врагах народа», не определяя, в чем конкретно состоит их преступление, тогда как в наши дни они полагаются на явные фабрикации для вынесения несправедливых приговоров.

На самом деле эти люди были арестованы за то, что они создали честные литературные произведения, которые даже специально подобранный суд не смог признать антисоветскими. По этой причине власти сфабриковали «связи с НТС». О необоснованности обвинения можно судить по следующим фактам: во-первых, обвинитель совершенно абсурдно отвел тех свидетелей защиты, которые могли быть опасны для обвинения, и суд согласился с этим необоснованым отводом; во-вторых, в качестве свидетеля обвинения был привлечен Брокс-Соколов, который не имел к делу никакого отношения, ни прямого, ни косвенного. История с пресловутым поясом должна была подтвердить наличие вещественных доказательств.

Эта глупая авантюра принесла нашей стране серьезный

* Имеется в виду, что, согласно сложившейся судебной практике, не все члены коллегии защитников имеют доступ к делам, следствие по которым велось следователями КГБ.

вред. Как военный специалист, я хотел бы указать, что, не говоря уже о морально-этических, политических и юридических аспектах этого дела, трудно даже оценить, с одной стороны, сколько сторонников потеряла наша страна, и с другой, какое число потенциальных сторонников приобрели наши враги в ходе этого процесса. Даже злейшие наши враги не могли бы принести нам больше вреда.

Такой же вред приносят и упомянутые выше статьи. Только немногие люди, ничего не знающие о процессе, кроме того, что они прочли в этих статьях, могут поверить такой откровенной лжи. Что касается этой новой акции КГБ, то она может вызвать только дальнейшее негодование мирового общественного мнения.

Товарищи члены и кандидаты в члены Политбюро!

Еще не поздно исправить ущерб, нанесенный бюрократами, которые считались только со своими карьеристскими соображениями, а не с интересами родины.

Приглядитесь к этому делу, и вы убедитесь, что обвинения необоснованы. До сих пор мировое общественное мнение не сомневалось в этом. И оно не изменится, столкнувшись с еще более откровенной ложью.

При таких обстоятельствах руководство партии и правительства не имеет права занимать позицию беспристрастного наблюдателя. По моему мнению, оно обязано показать всему миру, что оно не участвовало в этой провокации и что оно намерено проявить инициативу и принять меры к отмене незаконных приговоров, положить конец подобным грязным делам и сурово наказать тех, кто организовал, подготовил и провел эту провокацию, позорную и вредную для нашей страны.

П. Григоренко

(Январь 1968)

Петр Григорьевич Григоренко,
Москва Г-21, Комсомольский пр., 14/1, кв. 96, тел. 246 27 37*

* Один экземпляр этого письма был направлен П. Г. Григоренко в январе 1968 года в ЦК КПСС, а второй изъят у него сотрудниками КГБ при обыске в ноябре, поэтому в распоряжении составителя не было ни одного экземпляра письма на русском языке и здесь приводится обратный перевод с английского, взятый из журнала «Проблемы коммунизма» (Июль-август 1968, том XVII). П. Г. Григоренко подтвердил, что опубликованное письмо действительно написано им и направлено в Политбюро ЦК КПСС. [Русский подлинник был опубликован 7-го июня 1968 года в газете «Новое Русское Слово» (Нью-Йорк)].

№ 7

Центральный Комитет КПСС, т. Суслову

Я не могу судить о степени виновности лиц, так или иначе подвергшихся или подвергающихся репрессиям, ибо не располагаю достаточной информацией. Но в чем я твердо убежден и знаю — огромный вред причиняют нашей партии и делу коммунизма в нашей стране, и не только в нашей, подобного рода «судебные» процессы, какой состоялся в Московском городском суде с 8 по 12 января сего года.

Мы отпраздновали славный юбилей, гордимся своими достижениями в экономической, научной практике и сами же, когда ООН 1968-й год объявила Годом Защиты Прав Человека, даем врагам коммунизма сильнейшие козыри против нас. Абсурд!

Мы были голыми, голодными, полунищими, но мы побеждали, потому что на первый план ставили освобождение человека от бесправия, надругательства, беззакония и т. д. И мы можем все потерять, имея ракеты и водородные бомбы, если забудем, *откуда есть пошла Великая Октябрьская социалистическая революция**.

Со времен Радищева суд над писателями в глазах передовых мыслящих людей всегда был мерзостью. Что думали наши доморощенные деятели, затыкая рот Солженицыну, придуриваясь над поэтом Вознесенским, «наказывая» каторгой Синявского и Даниэля, впутывая КГБ в спектакли с «внутренними врагами»?

Нельзя подрывать доверие масс к партии, нельзя спекулировать честью государства, даже если какому-то деятелю и хочется в течение шести месяцев покончить с «самиздатом». Уничтожить *самиздат* можно лишь одним путем: развертыванием демократических прав, а не свертыванием их, соблюдением Конституции, а не нарушением ее, введением в практику Декларации Прав Человека, если от имени нашего государства под нею расписался Вышинский, а не замалчиванием ее.

Кстати, кажется статья 20 этой Декларации гласит: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. И каждый человек имеет право на свободу убежде-

* Перефразированная цитата из Начальной русской летописи: «Се повесть временных лет, откуду есть пошла руская земля . . .»

ний и на свободное их выражение. Это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получить и распространять информацию любыми средствами независимо от государственных границ»*.

Статью 125 нашей Конституции вы отлично знаете — цитировать не стоит**. Я только хотел бы напомнить мысль В. И. Ленина о том, что «нам нужна полная и правдивая информация. А правда не должна зависеть от того, кому она должна служить» (Соч., изд. 5-е, том 54, стр. 446).

Я считаю, что преследование молодежи (инакомыслящих) в стране, где свыше 50% населения моложе тридцати лет, — крайне опасная линия, авантюризм.

НЕ шаркуны, НЕ поддакивающая публика (о господи, сколько ее развелось!), НЕ маменькины сынки будут определять судьбу нашего будущего, а именно *бунтари* как самый энергичный, мужественный и принципиальный материал молодого поколения. Глупо в них видеть противников Советской власти, архиглупо гноить их в тюрьмах и издеваться над ними. Для партии такая линия равнозначна самоудушению. ГОРЕ НАМ, если мы не сумеем договориться с этой молодежью. Она создаст, неизбежно создаст новую партию. Загляните немного в историю — и вы убедитесь в этом. Нельзя идеи убить ни пулями, ни тюрьмами, ни ссылками. Кто не понимает этого, тот не политик, тот не марксист.

Вы, конечно, помните «Памятную записку Пальмиро Тольятти». Я имею ввиду это место: «Создается общее впечатление медлительности и противодействия в деле возвращения к ленинским нормам, которые обеспечивали как внутри партии, так и вне ее большую свободу высказываний и дискуссий, по вопросам культуры, искусства, а также и политики. Нам трудно объяснить себе эту медлительность и это противодействие, в особенности учитывая современные условия, когда больше не существует капиталистического окружения, а экономическое строительство достигло грандиозных успехов. Мы всегда исходили из мысли, что социализм — это такой строй, где существует самая широкая свобода для рабочих, которые участвуют

* В действительности это ст. 18 и 19 Всеобщей Декларации Прав Человека.
** Статья, гарантирующая свободу слова, собраний, демонстраций.

на деле, организованным путем в руководстве всей общественной жизнью» («Правда», 10 сентября 1964 г.).

Кому выгодна политика медлительности и противодействия? Только явным или скрытым сталинистам — политическим банкротам. Помните: ЛЕНИНИЗМ — ДА! СТАЛИНИЗМ — НЕТ! XX съезд партии сделал свое дело. Джинн на свободе, его не загнать обратно! Никакими силами и никому!

Мы накануне 50-летия Советской Армии, мы накануне Консультативной встречи братских коммунистических партий — не осложняйте себе работу, не омрачайте атмосферу в стране. Наоборот, тов. Подгорный мог бы амнистировать Синявского, Даниэля, Буковского, заставить пересмотреть дело А. Гинзбурга и других. (Московский городской суд в последнем деле допустил грубейшие нарушения процессуальной законности. Прокурора Терехова, судью Миронова, коменданта суда Циркуненко следует должным образом наказать — в основном за болванизм и злоупотребление властью. Нельзя добиться законности, нарушая законы. Мы никому не позволим проституировать наш советский суд, наши законы и наши права. Гнать таких «судей» в три шеи надо, ибо они причиняют советской власти больше вреда, чем разные НТС, Би-Би-Си, «Свободы» и пр. и пр., вместе взятые).

Пусть «Новый мир» снова напечатает произведения Солженицына. Пусть Г. Серебрякова издаст в СССР свой «Смерч», а Е. Гинзбург «Крутой маршрут» — все равно их знают и читают, что греха таить.

Я живу в провинции, где на один электрифицированный дом — десять неэлектрифицированных, куда зимой-то и автобусы не могут добраться, где почта опаздывает на целые недели, и если информация докатилась самым широким образом до нас, можете представить, что вы наделали, какие семена посеяли по стране. Имейте мужество исправить допущенные ошибки, пока не впутались в это дело рабочие и крестьяне.

Я не хотел бы, чтобы это письмо обошли молчанием, ибо дело партии не может быть частным делом, личным делом и тем более второстепенным делом.

Я считаю долгом коммуниста предупредить Центральный Комитет своей партии и настаиваю, чтобы с содержанием этого письма были ознакомлены все члени ЦК КПСС.

Письмо адресовано тов. Суслову именно с этой целью.
С коммунистическим приветом!

И. А. Яхимович

22 января 1968

Иван Антонович Яхимович,
председатель колхоза «Яуна Гварде»,
Латвийская ССР, Краславский район

№ 8

В Верховный Суд РСФСР

Копии: в газеты «Известия»
и «Комсомольская правда»
адвокатам Б. А. Золотухину
и Д. И. Каминской

Заявление

Я ознакомился с речью тов. Б. А. Золотухина — защитника А. Гинзбурга на январском процессе 1968 года, также со статьями в газетах «Известия» и «Комсомольская правда», которые посвящены этому процессу. Сопоставляя эти документы, я пришел к выводу, что данные органы печати дезинформировали советскую общественность, крайне односторонне и тенденциозно освещая процесс, сообщая ложные сведения, которые порочат честь по крайней мере некоторых обвиняемых (прежде всего я имею в виду А. Гинзбурга, поскольку я не имел возможности познакомиться с документами, касающимися других обвиняемых).

Кроме того, я познакомился с обращением к мировой общественности Л. Богораз и П. Литвинова. Из него я узнал, что процесс над подсудимыми Ю. Галансковым, А. Гинзбургом, Добровольским и Лашковой шел с нарушением ряда законов УПК (РСФСР) и суд не столько старался выяснить истинное положение дел и дать ему оценку с точки зрения советского законодательства, сколько стремился во что бы то ни стало осудить некоторых из названных лиц.

Все это, вместе взятое, вызывает во мне тревогу как в гражданине своей страны. Мы должны быть гарантированы от возможности повторения кровавых событий времен культа личности. Непременным условием этому является гласность работы наших судов — имеющая значение и как

общественный контроль над их деятельностью, и как средство воспитания духа законности и гражданственности в советских людях, а также строжайшее соблюдение советских законов.

Поэтому я требую отмены приговора суда по делу Ю. Галанскова, А. Гинзбурга, А. Добровольского и В. Лашковой и пересмотр этого дела в обстановке гласности и соблюдения советских законов.

Б. В. Сазонов, философ

23 января 1968,
Москва

№ 9

ЦК КПСС, товарищу Брежневу Л. И.
Верховный Суд СССР, товарищу Горкину
Генеральному прокурору СССР товарищу Руденко
Президенту Академии медицинских наук СССР
товарищу Блохину

Заявление

В ходе процесса по делу Гинзбурга, Галанскова и др. в Мосгорсуде мой муж Григоренко Петр Григорьевич по просьбе адвоката Каминской должен был быть свидетелем. Председатель суда Миронов отклонил просьбу, мотивируя справкой психдиспансера № 1 Ленинского района о психической невменяемости Григоренко.

Эта справка — фальшивая, так как решением ВТЭК'а* в декабре 1965 г. муж был признан психически здоровым, с учета снят и на консультацию с тех пор не вызывался. На суд была представлена справка о том, что он здоров.

Григоренко П. Г. в полном здравии работает мастером СУ № 20** и как пропагандист ведет партшколу. В кружке у него 20 человек, из них 13 коммунистов и 7 беспартийных.

И так получается — в одном месте муж политруководитель, а в другом он же — психически ненормальный. Что это — ошибка?

Нет, это беззаконие, которое длится уже пятый год.

1 февраля 1964 года Григоренко в звании генерал-майора,

* Врачебно-трудовая экспертиза.
** Строительное управление Московского строительного треста.

кандидат наук, был арестован с предъявлением ему обвинения в антисоветской деятельности, но вместо расследования его направили в институт им. Сербского, где было дано заключение о его психической невменяемости. На основании этого заключения его направили на принудительное лечение в тюремную больницу в Ленинграде.

На мой вопрос, когда же мой муж сошел с ума, так как я этого никогда не замечала, следователи подполковник Кузнецов и (капитан) Кантов объяснили, что его политические взгляды и их распространение делают его социально опасным. Тоже следователи — законники! — разъяснили, что по закону муж будет оформлен в запас как больной с сохранением звания и пенсии.

По партийной линии я узнала, что есть инструкция, говорящая о том, что психически больные временно сдают партбилеты, а по выздоровлении — партбилеты им возвращаются.

Что же произошло дальше?

Приказом Хрущева от 29 августа 1964 года мужа разжаловали в солдаты и из партии исключили как психически невменяемого.

Все находящиеся в больнице больные получали пенсию по болезни, кроме моего мужа. Убийцы, насильники — по отношению к ним закон соблюдался: сидевший с ним подполковник Шевченко, зарезавший дочь, подполковник Бурковский, застреливший 3-х человек, были оформлены в запас с оставлением за ними звания и пенсии.

29 апреля 1965 года муж был выписан из больницы с инвалидностью второй группы. В течение десяти месяцев инвалид второй группы, инвалид войны не получал пенсии и работы. Вынужден был работать грузчиком.

В декабре 1965 г. решением ВТЭК при психдиспансере № 1 Ленинского района муж признан психически здоровым и снят с учета. Но за этим не последовало ни возвращения партбилета, ни воинского звания, ни заслуженной пенсии за 34 года честной военной службы. Раненый не однажды — ему не выдают справку до сих пор, что он инвалид войны.

Все изложенное — грубый произвол. Фальшивая справка на суде — завершение этого произвола. Я это расцениваю, как преддверие новых репрессий против моего мужа.

Мне страшно, тем более что я в годы культа личности

потеряла первого мужа, сестру, зятя и сама была репрессирована.

Я как коммунистка, как гражданка Советского Союза, требую оградить моего мужа и мою семью от беззакония, от систематического травмирования меня и детей, требую восстановления моего мужа во всех правах члена партии и гражданина, восстановить его воинское звание.

З. Григоренко

25 января 1968

Зинаида Михайловна Григоренко,
член КПСС, пенсионерка,
Москва Г-21, Комсомольский пр., 14/1, кв. 96, тел. 246 27 37

№ 10

К ДЕЯТЕЛЯМ НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Мы, подписавшие это письмо, обращаемся к вам со словами глубокой тревоги за судьбу и честь страны.

В течение нескольких лет в нашей общественной жизни намечаются зловещие симптомы реставрации сталинизма. Наиболее ярко проявляется это в повторении самых страшных деяний той эпохи — в организации жестоких процессов над людьми, которые посмели отстаивать свое достоинство и внутреннюю свободу, дерзнули думать и протестовать.

Конечно, репрессии не достигли размаха тех лет, но у нас достаточно оснований опасаться, что среди государственных и партийных чиновников немало людей, которые хотели бы повернуть наше общественное развитие вспять. У нас нет никаких гарантий, что с нашего молчаливого попустительства исподволь не наступит снова 37 год.

Мы еще очень не скоро сможем увидеть Андрея Синявского и Юлия Даниэля — людей, осужденных на долгие годы мучений только за то, что они посмели излагать вещи, которые считали истиной.

На три года оторваны от жизни совсем молодые люди — Виктор Хаустов и Владимир Буковский. Все их «преступление» заключалось в том, что они публично выразили свое несогласие с драконскими законами и карательными мерами, пригвоздившими нашу страну в очередной раз к позорному столбу. Судебная расправа над ними — образец циничного беззакония и превратного толкования фактов.

Последний процесс над Галансковым, Гинзбургом, Добровольским и Лашковой вышел за всякие рамки в попрании человеческих прав. Организации этого процесса мог бы позавидовать и А. Вышинский: он хоть выбивал какие-то признания, свидетельские показания. Прокурору Терехову и судье Миронову не понадобились и пустые формальности сбора доказательств.

Юрий ГАЛАНСКОВ, физически очень больной человек, осужден на семь лет лагерей строгого режима. Единственное, менее чем косвенное доказательство его вины — показания подлого и малодушного Добровольского.

Александр ГИНЗБУРГ приговорен к пяти годам лагерей строгого режима *вопреки* всем показаниям свидетелей и вещественным доказательствам.

Искалечена жизнь и Алексея ДОБРОВОЛЬСКОГО, сыгравшего зловещую костомаровскую роль* на этом процессе. Если у него есть хоть капля совести, тридцать серебренников (всего двухлетний срок наказания) — слишком малая компенсация за презрение и отверженность, которые ожидают этого клеветника. Клеймо негодяя, погубившего своих товарищей, оболгавшего их из низменных интересов, — за это нравственное уродство Добровольского в большой мере несут ответственность наши карательные органы.

Вся вина Веры ЛАШКОВОЙ в том, что она напечатала несколько материалов и дала почитать своим товарищам книги, которые с точки зрения суда являются криминальными. За это она расплатилась годом тюрьмы. Но этого мало. В нашей стране она, по всей вероятности, будет расплачиваться очень долго и дорого: отметкой в паспорте, невозможностью жить, учиться и работать в Москве**. Такова судьба подавляющего большинства политзаключенных, отбывших свой срок. (В такие невыносимые условия попал, например, Леонид РЕНДЕЛЬ, вернувшийся в августе 1967 г. после десяти лет мордовских лагерей. Ему не только

---

* По-видимому, имеется в виду роль, сыгранная историком Н. И. Костомаровым (1817-85) во время следствия и суда по делу Кирилло-Методиевского братства (1849), членом которого он был.

** По негласной инструкции, осужденным по ст. 70 УК РСФСР, освобожденным из заключения, запрещено проживание в так называемых «режимных» городах (как Москва, Ленинград, Киев и т. д.). Однако, поскольку Вера Лашкова отбыла весь срок заключения не выезжая из Москвы, в июле 1968 г. Городским отделом милиции ей была дана московская прописка сроком на 6 месяцев, по истечении которых разрешение может быть продлено или отменено.

не разрешено жить в Москве, но запрещено даже изредка навещать больную мать. Рендель поставлен под надзор местных властей: он обязан каждую неделю отмечаться в милиции, он не имеет права выходить из дома после девяти часов вечера, ему даже запрещено посещать столовую поселка, в котором он проживает, и, наконец, в любое время дня и ночи к нему могут ворваться, обыскать его, проверить книги, бумаги, имущество...)

Атмосфера вокруг недавнего процесса — еще одно звено в цепи беззаконий. Официальные органы нагло дезинформировали западную коммунистическую прессу: в день начала суда было заявлено, что сроки его еще не установлены. Заместитель председателя Мосгорсуда Миронов, назначенный судьей по этому делу, незадолго до процесса отвечал, что такое дело в Мосгорсуд вообще не поступало.

Люди, стремившиеся попасть в суд, подвергались откровенному шантажу и издевательскому унижению человеческого достоинства. Фотографирование, неусыпная слежка, проверка документов, подслушивание разговоров — это далеко не полный перечень того, что происходило в дни судебной расправы. Едва ли не самое страшное то, что среди филеров были совсем молодые люди — юноши и девушки. Вместо пытливого чтения, попыток задуматься над сложными вопросами современности им предложили подслушивание и донос. И это наушничанье, с точки зрения КГБ, вероятно, и есть тот самый нравственный идеал молодежи, который они противопоставляют «безнравственности» Гинзбурга, посмевшего вступиться за невинно осужденных людей.

Вы, наверное, хорошо знакомы с письмом Л. Богораз и П. Литвинова. С полной ответственностью мы заявляем: каждая строка в письме — не только правда, это лишь малая часть правды о неслыханных безобразиях и издевательствах над подсудимыми. Организация процесса, поведение судьи, в обязанности которого входит полная беспристрастность, по существу лишили подсудимых права на самозащиту, а зоологическое улюлюканье так называемой «общественности» создало вокруг них атмосферу моральной нетерпимости. На суде сидели люди, которые листали журналы или дремали и просыпались только для того, чтобы потребовать прибавления срока.

Власти в очередной раз организовали «гласность» с расче-

том на самые низменные черты специально подобранных людей: хамское безразличие к чужой судьбе, бездумье, не нуждающееся ни в информации, ни в анализе фактов.

Пока в зале суда дремали или издевались над подсудимыми кликуши и черносотенцы, в фойе, а потом на морозе толпились люди, составляющие подлинное общественное мнение: друзья и близкие подсудимых и люди, не знакомые с подсудимыми, но желающие знать истину, — писатели, художники, студенты, учителя.

Для людей неосведомленных центральные органы печати подготовили фальшивки, содержащие или прямую ложь, или тенденциозно выхваченные факты. Люди, претендующие на роль идеологических наставников, пренебрегли очень важным: «... Необходимо брать не отдельные факты, а всю *совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов без *единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости... предподносится субъективная стряпня для оправдания, может быть, грязного дела. Это ведь бывает... чаще, чем кажется». Это слова В. И. Ленина (т. 30, стр. 351).

Бесчеловечная расправа над интеллигентами — это логическое завершение атмосферы общественной жизни нескольких последних лет. Наивным надеждам на полное оздоровление общественной жизни, вселенным в нас решениями XX и XXII съездов, не удалось сбыться. Медленно, но неуклонно идет процесс реставрации сталинизма. Главный расчет при этом делается на нашу общественную инертность, короткую память, горькую нашу привычку к несвободе.

Вот некоторые вехи возрождения сталинизма в последние годы:

1. С самых высоких трибун во вполне положительном контексте называлось имя И. В. Сталина. Газеты сообщали об аплодисментах, раздававшихся при упоминании этого имени. Но они, конечно, молчали о том, что аплодировали люди с лакейской жаждой сильной личности, люди, желающие оправдания за свое поведение в не столь отдаленную эпоху.

Как же долго нужно было извращать человеческую при-

роду, если можно аплодировать убийце сотен тысяч людей, организатору пыток и мучительств!

2. Это можно было бы кое-как объяснить желанием объективно осветить историю. Хотя и объективное отношение к палачу — тоже факт нравственной паталогии, но это еще можно было бы понять.

Однако объективности почему-то не хватало на то, чтобы рассказать правду о ряде соратников В. И. Ленина, организаторов советского государства. Ведь можно же, оставаясь в рамках партийной дискуссии, честно сказать о них — о том, что они не устраивали террористических актов, не занимались шпионажем и не подсыпали битых стекол в продукты. Но до сих пор официальные историки говорят, например, о больших заслугах в годы гражданской войны И. В. Сталина, который в то время был рядовым членом Реввоенсовета, а деятельность организатора Красной армии, председателя Реввоенсовета Л. Д. Троцкого не только замалчивается, но и объясняется вредительской.

3. В результате термин «культ личности» стал чуть ли не запретным в нашей печати. Не пропускаются в печать или рассыпаются уже набранные художественные и научные работы, в которых подвергается критике Сталин и преступления сталинского периода (воспоминания Б. Ванникова, книга Л. Славина о маршале Егорове, фронтовые дневники К. Симонова, мемуары Е. Гинзбург и многое-многое другое). Дело дошло до того, что член ЦК КПСС директор Института марксизма-ленинизма Федосеев рекомендовал употреблять термин «культ личности» только применительно к латиноамериканским диктаторам или к Мао Цзе-дуну.

4. Ни одно из демократических начинаний не доведено до конца. До сих пор литературный или художественный вкус временщика — закон для писателя, художника, режиссера, читателя, артиста. В фильмотеках гниют фильмы, которые сделали бы высокую честь нашему искусству, в тесных мастерских или на чердаках залеживаются прекрасные произведения живописи. В литературе находится место для низкопробных произведений Кочетова и Смирнова, прославляющих в частности Сталина. И только немногие счастливчики смогли прочитать «Раковый корпус» Солженицына.

Попытка бороться с так называемым «самиздатом» —

внецензурной литературой — обречена на провал. Если бы в русской литературе не было «самиздата», мы потеряли бы роман Радищева, «Горе от ума» Грибоедова и многие стихи Пушкина. И в наше время бережное отношение группы читателей к неизданному слову донесет до лучших времен подлинное творчество наших современников. Временщики не в силах что бы то ни было сделать: ждановы уходят в небытие, а творчество Ахматовой завоевывает поколение за поколением.

Чувствуя это, карательные органы идут на прямые подлоги, как это и произошло в случае абсурдного приобщения создателя книги о деле Синявского и Даниэля Александра Гинзбурга и составителя литературно-публицистического сборника «Феникс-66» Юрия Галанскова к эмигрантской организации НТС.

В общественных науках продолжает навязываться губительный и необратимый диктат конъюнктуры. Отступление от истины — смерть для ученого, а наши историки новейшего времени, философы, политэкономы вынуждены делать это каждодневно. Если же случайно частица правды прорвется в печать, авторы подвергаются гонениям. Примеры этого хорошо известны.

5. Только недавно реабилитирован крымско-татарский народ. Но советские люди почти не знают об этом. Не знают они и о том, что народ, перед которым совершено громадное великодержавное преступление, до сих пор лишен права вернуться на свою родину. А тех, кто пытается это сделать, отправляют назад или подвергают репрессиям.

6. Многие советские люди регулярно испытывают на себе унизительную слежку.

Всё это — только некоторые примеры нашей общественной жизни.

Мы еще раз напоминаем: молчаливое потворство сталинистам и бюрократам, обманывающим народ и руководство, глушащим любой сигнал, любую жалобу, любой протест, логически приводит к самому страшному: беззаконной расправе над людьми.

В этих условиях мы обращаемся к вам, людям творческого труда, людям, которым наш народ бесконечно верит: поднимите свой голос против надвигающейся опасности новых сталиных и новых ежовых. На вашей совести — судьба будущих Вавиловых и Мандельштамов.

Вы — наследники великих гуманистических традиций русской интеллигенции.

Перед вами пример мужественного поведения современной прогрессивной западной интеллигенции.

Мы понимаем вы поставлены в такие условия, что выполнение гражданского долга — каждый раз акт мужества. Но ведь и выбора тоже нет: или мужество — или трусливое соучастие в грязных делах; или риск — или присоединение к васильевым и кедриным*; или поступиться каким-то благам — или встать в ряд с желтыми борзописцами из «Известий» и «Комсомольской Правды», посчитавшими для себя нравственно возможным публичный оговор людей, над которыми учинили расправу.

Мы хотим немногого: чтобы наша общественность имела *моральное право* требовать освобождения греческих политзаключенных.

Для этого нужно тоже немного: добиться того, чтобы из многолетнего заключения были возвращены наши несправедливо осужденные сограждане.

Помните: в тяжелых условиях лагерей строгого режима томятся люди, посмевшие думать. Каждый раз, когда вы молчите, возникает ступенька к новому судебному процессу. Исподволь, с вашего молчаливого согласия может наступить новый ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОД.

Илья Габай, педагог, редактор

Москва А-55, Новолесная ул., 18, корп. 2, кв. 83.

Юлий Ким, учитель

Москва, Рязанский пр., 73, кв. 90

Петр Якир, историк

Москва Ж-280, Автозаводская ул., 5, кв. 75

(Январь 1968)**

---

* А. Васильев и З. Кедрина — члены Союза писателей СССР, общественные обвинители на процессе Синявского и Даниэля.

** Существует два варианта настоящего обращения, здесь приводится текст второго, окончательного, варианта.

№ 11

Генеральному прокурору СССР Руденко
*В Верховный Суд РСФСР**

В декабре 1967 года в различные судебные и прокурорские инстанции были направлены письма с просьбой предоставить желающим возможность присутствовать на предстоящем процессе по делу Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой. Подписавшие эти письма считали своим гражданским долгом настаивать на действительной гласности этого процесса, так как до этого наша общественность неоднократно сталкивалась с грубыми нарушениями законности в ряде судебных дел, ход которых фактически скрывался от общественного мнения или фальсифицировался перед ним. Так обстояло дело, например, на процессе Синявского и Даниэля, на процессе Хаустова, на процессе Буковского. Все эти процессы, будучи объявлены открытыми, таковыми фактически не являлись. В зал суда допускались только лица по пропускам, неизвестно кем и по какому принципу выданным. В итоге в зале суда оказывалась специально подобранная «публика», в то время как друзья и даже некоторые близкие родственники подсудимых не имели возможности присутствовать.

Только нарушение гласности позволило КГБ через суд сводить счеты с неугодными людьми. Ведь обвиняемые, которые действовали в рамках нашей Конституции и наших законов, а в ряде случаев выступали в защиту Конституции, требовали соблюдения законности, оказались осужденными на большие сроки без достоверных доказательств их вины. Во всяком случае таких доказательств наша общественность не знает. Только при отсутствии гласности могли появиться в нашей печати материалы, искажавшие ход процессов и грубо обманывавшие читателя относительно их действительного содержания. (Например, в единственной опубликованной информации о процессе Буковского в газете «Вечерняя Москва» сообщалось, будто Буковский признал себя виновным, хотя это совершенно не соответствует действительности.)

Никакого ответа на письма не последовало. Никто из

* Настоящий документ получил известность под названием «Письмо «Письмо 79-ти», а также «Письмо 52-х», по числу первоначально подписавшихся.

подписавших письма доступа на только что закончившийся процесс не получил. А между тем суд над Гинзбургом, Галансковым, Добровольским и Лашковой ознаменовался еще более грубыми и бессмысленными нарушениями закона, оказался повторением предшествующих процессов в еще более мрачном варианте.

Все входы в здание Московского городского суда охранялись многочисленными сотрудниками КГБ, дружинниками и милицией, которые не пропускали в здание никого без специальных удостоверений, содержание которых они упорно отказывались объяснить. «Комендантом суда» в дни процесса оказался полковник КГБ Циркуненко. Характерно, что даже родственники подсудимых были допущены в зал суда не все и не сразу, хотя многие из них имели на руках судебные повестки. Родственники подсудимых, свидетели и другие граждане подвергались грубому обращению, угрозам и оскорблениям, их фотографировали с явной целью запугать, подслушивали разговоры. С той же целью шантажа за родственниками и близкими друзьями подсудимых в дни процесса была установлена непрерывная слежка.

Было сделано все, чтобы никакая объективная информация из зала суда не просочилась. Например, жене Галанскова и невесте Гинзбурга грозили отомстить в дальнейшем, выместить на подсудимых, если они будут записывать ход процесса. Неизвестные лица, выходившие из здания суда, пытались давать совершенно ложную информацию иностранным корреспондентам, которые также не были допущены на заседания.

Многие из нас были свидетелями этих фактов и готовы их подтвердить.

Уже то обстоятельство, что организация, которая проводила следствие, постоянно вмешивалась с целью оградить суд от гласности, оказывается издевательством над правосудием, недопустимым в цивилизованном обществе. Ни один уважающий себя и свое звание судья не имел права вести разбирательство в таких условиях. А тот факт, что ход процесса всемерно скрывался от общественности, является достаточным основанием для вынесения вотума недоверия суду и его приговору.

Поэтому мы не можем поверить ни в справедливость обвинений, предъявленных Гинзбургу, Галанскову и Лашковой,

ни в истинность и искренность показаний Добровольского, на основании которых они обвинены в связи с НТС. Эти показания заставляют вспомнить наиболее мрачные черты процессов 30-х годов, когда обвиняемые подвергались давлению во время следствия, оговаривали себя и других, в результате чего миллионы людей оказались расстрелянными, замученными, на десятки лет заключенными в лагеря. Нельзя не отметить в этой связи, что в данном случае обвиняемые находились под следствием в изоляторе КГБ в течение года, что намного превосходит все сроки, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР.

Общеизвестно, что Гинзбург является составителем сборника, в который входили все материалы судебного процесса по делу Синявского и Даниэля, что Галансков был редактором машинописного альманаха «Феникс», в котором помещены, в частности, протоколы обсуждения макета 3-го тома «Истории партии» старыми большевиками и собрания Союза писателей, на котором был исключен из Союза Б. Пастернак, что, наконец, Лашкова перепечатывала эти материалы. Они действовали открыто. Они поставили свои подписи под своими сочинениями. Они стремились сделать достояние гласности то, что сознательно скрывалось. Советские законы не преследуют такого рода деятельность.

Не являются ли эти действия осужденных истинной причиной их ареста, а предъявленное им обвинение в связи с подрывными организациями (НТС) типичным способом расправы, усвоенным со сталинских времен?

Эти вопросы закономерно возникают под влиянием тех намеренных нарушений гласности, которые были допущены на данном процессе. Разве не возмутительно, что людей, которые выступали гласно и за гласность, судили и осудили фактически тайно? Законно проведенный и организованный суд не только бы не боялся света гласности, но был бы всячески в нем заинтересован.

Мы требуем пересмотра дела Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой при новом составе суда, при соблюдении всех норм судопроизводства, при полном обеспечении гласности.

Мы требуем также привлечения к ответственности официальных лиц, виновных в грубом нарушении законности при данном процессе.

Ю. Апресян, кандидат филологических наук
Афанасьева, член Союза журналистов СССР
Л. Алексеева, редактор
К. Бабицкий, лингвист
С. Белокриницкая, лингвист
К. Богатырев, член Союза писателей СССР
Л. Белова, кандидат филологических наук, член Союза кинематографистов СССР
Н. Введенская, кандидат физико-математических наук
Н. Вильямс, преподаватель Московского института тонкой химической технологии
Е. Виноградова, кандидат искусствоведения
А. Великанов, физик
Т. Великанова, математик
Е. Волконская, лингвист
С. Гиндикин, кандидат физико-математических наук
Ю. Гастев, преподаватель МГУ
М. Грабарь, доцент Московского авиационно-технологического института
Ю. Глазов, кандидат филологических наук
С. Гоффе, искусствовед
П. Гайденко, кандидат философских наук
Ю. Герчук, критик, член Союза художников СССР
И. Голомшток, искусствовед, член Союза художников СССР
Р. Добрушин, доктор физико-математических наук
В. Дыбо, кандидат филологических наук
Ю. Давыдов, кандидат филологических наук
М. Домшлак, искусствовед
В. Иванов, кандидат филологических наук
Е. Копелева, корректор Издательского отдела Радиокомитета
Г. Корпелевич, аспирантка МГУ
Касаткин, кандидат филологических наук
Л. Капанидзе, кандидат филологических наук
Л. Крысин, кандидат филологических наук
О. Киселев, актер
Р. Минлос, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник МГУ
И. Мельчук, кандидат филологических наук
В. Меникер, экономист

А. Огурцов, кандидат философских наук
В. Поляк, кандидат физико-математических наук
С. Пожарицкая, кандидат филологических наук
А. Пятигорский, кандидат филологических наук
Н. Подольская, кандидат филологических наук
Л. Пажитнов, кандидат философских наук
Седов, кандидат исторических наук
Н. Садомская, кандидат исторических наук
В. Сквирский, географ
Е. Семека, кандидат исторических наук
Л. Танюк, режиссер
Ю. Телесин, математик
М. Улановская, библиограф
М. Фейгина, историк
И. Фалеева, социолог
Б. Шрагин, кандидат философских наук
А. Якобсон, переводчик

27 января 1968

Ответы просим направлять по адресу:
Москва Г-117, Погодина ул., 2/3, кв. 91,
Б. И. Шрагину

№ 11а

Генеральному прокурору СССР Руденко
В Верховный Суд СССР

30 января 1968 года Вам было направлено заявление 53-х граждан, датированное 28 января*, по поводу суда над Галансковым, Гинзбургом, Добровольским и Лашковой. В конце этого заявления говорилось:

«Мы требуем пересмотра дела Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой при новом составе суда, при соблюдении всех норм судопроизводства, при полном обеспечении гласности.

Мы требуем также привлечения к ответственности официальных лиц, виновных в грубом нарушении законности при данном процессе».

Настоящим сообщаем список еще 28 граждан, подписавших указанное заявление:

* В действительности заявление было подписано 52-мя гражданами и датировано 27 января.

И. Белогородская, инженер
Г. Булатов, актер
Ю. Блюменталь, музыкант
А. Блюменталь, студентка Московского городского института культуры
Н. Горбаневская, инженер-переводчик
П. Григоренко, мастер СУ-20 треста Мосстрой, бывший генерал-майор, кандидат военных наук, доцент
А. Григоренко, старший техник
Губанов, электромонтер
А. Даниэль, ученик 10 класса
Н. Емелькина, служащая
Д. Житомирский, доктор искусствоведения
А. Костерин, писатель, член Союза писателей СССР
А. Каплан, кандидат физико-математических наук
М. Казарцев, рабочий
Г. Кравцова, инженер-канализатор
О. Леонтьева, кандидат искусствоведения
В. Никольский, старший инженер
А. Павлова, инженер-конструктор
С. Писарев, научный работник
М. Пузиков, инженер
И. Рудаков
В. Тетерин, служащий
М. Шапошников
Ю. Юхновец, рабочий
А. Храбровицкий, литературовед
А. Цветопольская, старший инженер
Уткина, старший инженер

4 февраля 1968,
Москва

№ 12

Генеральному прокурору СССР тов. Руденко

Ознакомившись с обращением к мировому общественному мнению и к гражданам Советского Союза, подписанным П. Литвиновым и Л. Даниэль, я вынужден обратиться к Вам с просьбой вынести протест против решения Московского городского суда по делу Галанскова, Гинзбурга, До-

бровольского и Лашковой от 8-12. 1. 1968 г. и потребовать разбирательства этого дела в составе компетентных и честных юристов, а лиц, виновных в нарушении советского законодательства в проведении процесса 8-12. 1. 68 г., привлечь к уголовной ответственности.

Я прошу Вас, чтобы при новом разбирательстве дела зал суда был доступен любому гражданину, желающему присутствовать при рассмотрении дела, а также подробного освещения хода процесса в советской печати.

Я также прошу Вас принять меры против любых попыток преследования авторов писем, выразивших свой протест против суда от 8-12. 1. 68 г., проводимых органами КГБ.

Текст обращения, подписанного П. Литвиновым и Л. Даниэль, Вы можете получить в редакциях газет «Правда» и «Известия» или в КГБ, которые получили его от агенства Рейтер, или запросить авторов обращения.

С уважанием

В. Потапенко

(Январь 1968)

В. А. Потапенко,
Рига-центр, п/я № 298, [или]
ул. Революцияс, 41, кв. 10, тел. 7 17 87

№ 13

В Верховный Суд РСФСР
Копия: адвокату Каминской Д. И.

К вам обращается Григоренко Петр Григорьевич.

Московский городской суд совершенно необоснованно отклонил ходатайство адвоката Каминской о вызове меня в суд в качестве свидетеля, поэтому я вынужден просить, чтобы вы при рассмотрении кассационной жалобы Галанскова учли нижеследующие мои показания.

Мы с Добровольским продолжительное время дружили семьями, поэтому мне и моей жене — Григоренко Зинаиде Михайловне — нередко становились известными некоторые из семейных дел Добровольских. В частности мы знали, что по выходе Алексея Добровольского из специальной психиатрической больницы (лето 1965 г.), он и его жена, Г. Добровольская, начали собирать деньги на кооперативную квартиру и часто мечтали, как они заживут отдельно —

одной своей семьей. Знала об этих намерениях и мать Алексея — Добровольская Наталья Васильевна. Знала и не одобряла их. При этом она пыталась и нас привлечь на свою сторону. Но мы старались не высказывать своего мнения, хотя полностью понимали молодых и сочувствовали их намерениям.

С осени 1966 г. Алексей Добровольский поступил в вечерний институт и в связи с этим начал часто бывать у меня, консультируясь по различным вопросам. В один из декабрьских вечеров он пришел проконсультироваться по заданному ему реферату на труд Ленина «Соединенные штаты Европы». Я заметил, что он был чем-то расстроен и спросил его об этом. Он сказал, что очень скандалит по поводу их намерения подавать документы на приобретение кооперативной квартиры его мать. При этом он попросил переговорить с нею мою жену. Последняя пообещала сделать это и спросила: «А как у вас с деньгами?» Алексей ответил, что деньги они с Галей собрали. И если не хватит, то совсем немного. Но это не страшно, т.к. он надеется, что ему, при необходимости, помогут священники.

После ареста А. Добровольского его жена неоднократно сокрушалась по поводу того, что мечта о квартире теперь не скоро осуществится, т.к. они не успели даже документы подать, а собранные деньги могут постепенно разойтись.

На следующий день после второго обыска Галя Добровольская позвонила мне и с тревогой сообщала, что у НЕЕ при обыске взяли деньги. Просила посоветовать, что делать. Я немедленно поехал к ней и первым делом справился, сколько было денег. Она ответила:

— 2300 рублей.

— А почему вы не держали их в сберкассе?

— У Алеши была страсть объединять мелкие купюры во все более крупные и самому их складывать, перекладывать, считать и пересчитывать. Да к тому же мы рассчитывали вскоре сделать первый взнос.

Тогда я задал решающий, с моей точки зрения, вопрос:

— Ты уверена, что это деньги, собранные вами с Алешей, а не какие-нибудь другие?

— Уверена, — ответила она, — это наши трудовые деньги.

— В это время в комнату вошла мать А. Добровольского. Я сказал ей:

— Наталья Васильевна, Галя говорит, что изъятые у нее вчера деньги принадлежат им с Алешей, что они их собрали

из своих заработков. Как вы думаете, могли они собрать такую сумму?

— А почему же не могли? Ведь кормлю их я. Они на питание не дают ни копейки. (Такие упреки мы с женой и раньше слышали от Натальи Васильевны неоднократно.) Кроме того, — добавила она, — он получил наследство от тети.

— Ну, если так, — сказал я Гале, — пиши жалобу на имя начальника следственного отдела КГБ и Прокурора города Москвы.

На это Наталья Васильевна заметила:

— По-моему, писать не надо. Ведь еще не известно, что по поводу этих денег покажет Алеша.

В ответ на это я еще раз спросил обоих, уверены ли они, что изъятые деньги принадлежат им и нажиты честным трудом. Обе подтвердили это.

— Значит надо писать, — сказал я. — Не может же Алеша показать то, что не соответствует истине.

На это мать заметила:

— О, еще и как может. Вы, Петр Григорьевич, мне всё не верили, а я вам говорила и говорю сейчас, что он человек психически ненормальный.

— В таком случае, — сказал я, — вы, люди нормальные, должны тем более показывать только правду и настаивать на ней.

По просьбе Гали, мною был написан проект жалобы, и когда я передавал его, то, желая еще раз убедиться в правдивости её заявления о деньгах, попросил письменно составить расчет на них, указав, когда, откуда и какие суммы получены. Она составила такой расчет, и он до сих пор хранится у меня.

Ответа на жалобы Г. Добровольской не было больше месяца, и я посоветовал Гале написать повторное заявление в те же инстанции. В это время уже пошли слухи, что Добровольский показывает, будто эти деньги он получил от Галанскова. Видимо, учитывая эти слухи, мать Добровольского, услышав мое предложение, резко запротестовала, мотивируя свой протест тем, что жалоба может «помешать Алеше». (В том, что деньги принадлежат Гале и Алексею, она не сомневалась и теперь.) Но Галя считала слухи о показаниях Алеши смехотворными и вторично жалобу послала.

Накануне суда, когда Добровольским уже от адвоката стало известно, что Алексей говорит об этих деньгах как о полученных от Галанскова, мать А. Добровольского потребовала от Гали, чтобы она на суде отказалась от своих прежних заявлений и показывала так, «как показывает Алеша». При этом она в семейном кругу и теперь не высказывала сомнения, что деньги собраны молодыми Добровольскими, а не получены от кого бы то ни было. Это меня настолько возмутило, что я ушел и больше в этом доме не появлялся. Не видел и Галю и был приятно удивлен, когда узнал, что она сумела выдержать воистину страшный нажим матери Алексея и на суде отстаивала свои прежние показания. Продолжительное время общаясь с семьей Добровольских, я составил твердое мнение о всех членах семьи и не сомневаюсь, что именно ГАЛЯ ГОВОРИТ ПРАВДУ.

П. Григоренко

31 января 1968,
Москва

№ 14

В Верховный Суд РСФСР
Копия: Адвокату Каминской Д. И.*

На суде по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой адвокат Каминская обратилась к суду с ходатайством о вызове в качестве свидетеля П. Г. Григоренко, чтобы заслушать его показания по одному из важных вопросов: о происхождении денег, найденных при обыске у подсудимого Добровольского. Суд в вызове свидетеля отказал, заявив, что у суда имеется справка из психдиспансера № 1 Ленинского района о психической невменяемости П. Г. Григоренко.

Непонятно, как могла появиться такая справка. В декабре 1965 г. П. Г. Григоренко решением ВТЭК того же психдиспансера был признан здоровым и с тех пор у психиатра не был (копию справки прилагаем).

Наше недоумение усиливает то, что суд отказался вы-

* Настоящий документ получил известность под названием «Письмо 13-ти», а также «Письмо друзей П. Г. Григоренко».

звать в качестве свидетеля и жену П. Г. Григоренко — З. М. Григоренко — уже без всяких оснований*.

Мы знаем П. Г. Григоренко как здорового, совершенно нормального человека с ясным разумом.

В связи с этим мы просим Верховный Суд РСФСР отменить решение суда по данному делу и расследовать, кто выдал ложную справку о психической невменяемости П. Г. Григоренко.

А. Костерин
А. Храбровицкий
М. Пузиков
Н. Архиев
В. Савенкова
М. Лучкова
И. Габай
С. Писарев
В. Лучков
П. Якир
А. Григоренко
Ю. Гримм
Ю. Тесля

31 января 1968,
Москва

Уведомление о вручении у Храбровицкого**.

№ 15

Председателю Совета Министров СССР
А. Н. Косыгину

Копия: В Верховный Суд РСФСР

Многоуважаемый Алексей Николаевич!

Мы обращаемся к Вам по поводу суда над Юрием Галансковым, Александром Гинзбургом, Алексеем Добровольским и Верой Лашковой, закончившегося 12 января в Москве.

Все, что известно об этом процессе, свидетельствует о его тенденциозности, предвзятости и о грубых нарушениях правовых и процессуальных норм, имевших место во время судебного разбирательства. Создается такое впечатление, что вынесенный по этому делу жестокий приговор (Ю. Галансков — 7 лет, А. Гинзбургу — 5 лет) является необоснованным и произвольным.

Статьи об этом процессе, опубликованные в «Известиях»

* В действительности ни Д. И. Каминская, ни кто другой не ходатайствовали о вызове в суд З. М. Григоренко.
** Почтовое уведомление, подтверждающее, что письмо вручено адресату.

и «Комсомольской правде», не проливают света на существо дела, а напротив, поражают своей голословностью и бездоказательностью. Все это дискредитирует судебные органы и, вполне естественно, волнует советскую общественность, приводя на память нарушения законности периода культа личности со всеми их вопиющими и трагическими последствиями.

Необходимо восстановить справедливость и законность, необходим объективный, ответственный, гуманный пересмотр этого дела в *открытом* суде в присутствии широкой общественности с публикацией его материалов в прессе и с соблюдением всех правовых норм, предусмотренных законодательством нашей страны и Советской конституцией.

Убедительно просим Вас принять меры, обеспечивающие такой пересмотр.

А. Раппопорт, филолог
И. Фильштинский, кандидат исторических наук

31 января 1968

А. С. Раппопорт,
И. М. Фильштинский,
Москва, Б. Козловский пер., 7, кв. 16

№ 16

Генеральному прокурору СССР

Копия: Литвинову П. М.*

Мы слышали по радио обращение Литвинова и прочли статьи в газетах о суде над Галансковым, Гинзбургом, Добровольским и Лашковой.

Из газет нам непонятно, как действительно было дело, каковы факты о ходе и обстановке суда, в чем конкретно обвиняют каждого и насколько обоснованы утверждения о связях всех обвиняемых с НТС и причем тут Брокс?

Письмо Литвинова говорит о нарушении важнейших правовых норм. И если правда то, что в нем есть, то это действительно нарушение законности.

И наконец, нам доподлинно известно, что на суд не только

* Настоящий документ получил известность под названием «Письмо 4-х».

не были допущены все желающие, но был затруднен доступ даже родственникам и свидетелям.

Итак, ми хотим, чтобы гласность была полная, чтобы факты были конкретные и объективные и в количестве достаточным, чтобы процесс не вызывал у нас недоумения.

В связи с изложенными противоречиями считаем необходимым публикацию материалов суда, в частности стенограммы выступлений прокурора, обвиняемых, защитников и свидетелей.

М. А. Розанов Б. С. Виневич
К. Я. Виневич А. М. Розанова

(Февраль 1968,
Москва)

№ 17

Генеральному прокурору СССР т. Руденко
В Верховный Суд РСФСР

Копии: Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному
Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину
Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу
Адвокатам Арии, Золотухину, Каминской, Швейскому*

Мы ознакомились с письмом Ларисы Богораз и Павла Литвинова относительно судебного процесса над Юрием Галансковым, Александром Гинзбургом, Алексеем Добровольским и Верой Лашковой. Мы полностью присоединяемся к авторам письма и считаем своим долгом заявить следующее.

Из того, что мы знаем об этом процессе, нам стало ясно, что он проводился с грубым нарушением правовых норм.

Процесс, объявленный открытым, фактически проходил при закрытых дверях. В зал пускали по особым пропускам публику, специально подобранную с тем, чтобы создать моральную изоляцию подсудимых. Шум и крики этой публики, оскорбления в адрес подсудимых и свидетелей, изде-

* Настоящий документ получил известность под названием «Письмо 224-х», а также «Письмо 170-ти», по числу первоначально подписавшихся.

вательства над родственниками — все это должно было создать впечатление «общественного негодования». В то же время ни один из друзей подсудимых, ни один представитель общественности, заинтересованный в беспристрастном судебном разбирательстве, не был допущен на процесс. Те, кто изо дня в день собирались у здания суда в надежде что-то узнать о ходе процесса, подвергались грубому обращению и провокации со стороны дружинников, милиции и неизвестных лиц в штатском. Всех присутствующих многократно фотографировали, а их разговоры постоянно подслушивались. Свидетелей, сразу после дачи ими показаний, грубо выставляли из зала, хотя по закону они обязаны остаться там до конца судебного следствия.

Многочисленные факты указывают также на то, что сам процесс носил откровенно тенденциозный характер. Суд с самого начала стал на сторону обвинения. Вопросы адвокатов нередко снимались как якобы не имеющие отношения к делу, от адвокатов и подсудимых требовали строго придерживаться рамок обвинительного заключения, не разрешая использовать материалы всего дела, — прокурору же был предоставлен полный простор. Поскольку никто из свидетелей не поддержал основные пункты обвинения, допрос свидетелей превратился в пустую формальность: 25 свидетелей были допрошены в течение одного дня, свидетелей обрывали на половине фразы, им не давали делать заявления суду. Совершенно неожиданно свидетелем по этому делу был привлечен Николас Брокс Соколов, показания которого не имеют никакого отношения к делу. По-видимому, делался расчет на то, что само его присутствие на процессе дезориентирует общественность.

Тенденциозный суд завершился столь же тенденциозным приговором. Суд полностью удовлетворил требования прокурора, несмотря на то, что Галансков, Гинзбург и их адвокаты убедительно опровергли все основные доводы обвинения. В части, относящейся к Галанскову и Гинзбургу, приговор либо вовсе бездоказателен, либо построен на показаниях Добровольского, не подтвержденных ни обвиняемыми, ни свидетелями. Наоборот, все показания обвинительного характера и вещественные доказательства (НТСовская литература, деньги и шапирограф, найденные у него) свидетельствуют только против самого Добровольского, которому вынесен гораздо более мягкий приговор. Возникает

впечатление, что Добровольский сыграл в этом процессе темную роль и в качестве вознаграждения получил меньший срок.

Ход и результаты процесса вызывают у нас большую тревогу. За последние годы уже несколько раз происходили явные нарушения законности и гласности на политических процессах (дело Синявского и Даниэля, дело Хаустова, дело Буковского и др.), от процесса к процессу все более грубые и очевидные. На последнем же процессе эти нарушения приняли характер полного произвола. Пока этот произвол не остановлен и не осужден, никто не может чувствовать себя в безопасности.

Мы настаиваем на пересмотре дела Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой с соблюдением подлинной гласности и всех правовых норм, в присутствии представителей общественности из числа подписавших это письмо. Мы настаиваем также на том, чтобы лица, виновные в организации этого процесса и в дискредитации советского законодательства, понесли заслуженное наказание.

(Приложение: обращение Л. Богораз и П. Литвинова «К мировой общественности».)

СБОР ПОДПИСЕЙ ПОД НАШИМ ПИСЬМОМ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Авраменко, математик
Г. Д. Авруцкий, инженер
Н. И. Азарова, кандидат филологических наук
Ю. Айхенвальд, поэт-переводчик
И. М. Аксельрод, преподаватель
А. Александрова, студентка Педагогического института
С. Д. Альбанов, архитектор (Магадан)
Т. В. Багровникова, техник
Т. Баева, студентка Историко-архивного института
М. Я. Берзина, младший научный сотрудник
А. А. Бряндинская, математик
П. Л. Васильевский, математик
Л. Ф. Васильев, юрист
Ю. Вишневская, продавец книжного магазина
О. Волкова, научный сотрудник
З. Волоцкая, младший научный сотрудник
А. С. Вольпин, кандидат физико-математических наук

Г. Габай, учительница
И. Габай, редактор
Ю. Гендлер, юрист (Ленинград)
С. Генкин, математик
В. Герлин, учительница
В. А. Гершович, математик
Е. Гилерова, учительница
Г. Гладкова, редактор
Ю. Глазов, кандидат исторических наук
М. Глазова, кандидат филологических наук
В. Голомидов, студент Института культуры
Р. Я. Гольдин, инженер
Н. Е. Горбаневская, инженер-переводчик
А. В. Гриб, кандидат химических наук
В. В. Грикевич, инженер
В. Н. Гришин, математик
М. Е. Деза, кандидат физико-математических наук
Дзебоева, биолог
В. Демнин, математик
Н. Дорохова, секретар-машинистка
Г. Г. Дурман, научный сотрудник
Б. В. Ефимов, служащий
Л. М. Ефимова, преподаватель
Е. Жигунов, редактор
Завельский, экономист
Ю. Закс, инженер-химик
Л. Зиман, педагог
К. Х. Зимина, архитектор
Б. Зубок, студент Медицинского института
А. Иванов, историк
В. В. Иванов, инженер, кандидат технических наук
В. С. Имшенник, старший научный сотрудник
А. Канаев, геолог
М. Каплан
Л. Кац, библиотекарь
Г. Кашина, геолог
Л. Квачевский, инженер-химик (Ленинград)
А. И. Кибальчич, архитектор
А. Ким, врач
Ю. Ким, учитель
Д. А. Киртниц, доктор физико-математических наук
Ю. И. Киселева, художник

Э. Колесников, инженер
Г. Копылов, кандидат физико-математических наук (Дубна)
В. Р. Кормер, инженер
А. Корхов, служащий
И. Корхова, экономист
С. Корытная, критик
Г. Крапивянский, заместитель директора Художественного училища
В. А. Красин, экономист
А. Г. Красина, техник
И. Кристи, математик
Т. Кузнецова, служащая аэропорта
В. Лебедев, редактор
Е. Лебедева, журналистка
А. Э. Левитин (Краснов), религиозный писатель
Ю. К. Лекомцев, кандидат филологических наук
Т. Логинова, студентка Педагогического института
В. Лучков, физиолог
М. Лучкова, инженер
И. Г. Макаревич, студент Института кинематографии
И. Р. Максимова, редактор
А. Марчук, художник
М. Меерсон, студент Московского университета
Ю. Метлин, геофизик (Ленинград)
В. Милошевич, инженер-гидролог
З. Миркина, переводчик
В. А. Михайлов, инженер
А. Мучник, математик
Г. Натапов, математик
В. Никифоров, инженер
Т. Николаева, кандидат филологических наук
Т. Никольская, студентка Ленинградского университета
Новикова, преподаватель техникума
Б. Огибенин, кандидат филологических наук
В. А. Павлинчук, младший научный сотрудник
Л. Г. Павловская, инженер
А. Пломпер, пенсионер
А. Поволоцкая, редактор
Г. Подъяпольский, геолог
М. Поздняк, инженер

Г. Померанц, работник библиотеки
В. Пономарев, физик (Харьков)
А. Попов, геолог
О. Потапова, студентка Педагогического института
Н. Прядкина, студентка Текстильного института
И. Рапп, доктор физико-математических наук (Харьков)
Ю. Рапп (Харьков)
А. Раппопорт, педагог
Б. М. Ратновский, инженер
Б. А. Резников, физик
В. Романов, библиограф
И. Г. Романова, учительница
В. Рубин, кандидат исторических наук
М. Рубина, кандидат биологических наук
В. Санникова, рабочая завода им. Лихачева
А. Самбор, радиожурналист
В. Л. Свечинский, архитектор (Магадан)
Д. М. Сегал, лингвист
В. А. Сергеев, инженер
М. Сергиенко, студентка
В. А. Сипачев, химик
М. Слоним, студентка Московского университета
Т. И. Смирнов, музыкальный руководитель детского сада
Е. В. Смородинова, инженер
Б. Б. Сохранский, инженер
Е. Стариков, инженер (Калининград)
А. Старостин, физик
Е. Л. Степанов, библиотекарь
Г. Суперфин, студент Тартуского университета
Е. Суриц, переводчик
Б. Сушко, лаборант
Т. Сушко, химик
В. И. Татарский, доктор физико-математических наук
Ю. Телесин, математик
В. Тельников, педагог
В. Тимачев, геолог
А. Топешкина, редактор
В. Тупицын, математик
В. Турчин, доктор физико-математических наук

К. Ф. Турчин, младший научный сотрудник
И. Б. Успенский, кандидат биологических наук
И. Фадеева, геолог
Л. Федоров, инженер
Н. Фельдман, старший научный сотрудник архива (Свердловск)
Л. М. Финкельштейн, преподаватель истории музыки
Г. Фрейдин, переводчик
В. Фридман, инженер (Ленинград)
Б. Хазанов, математик
М. Харитонов, редактор
А. Храбровицкий, литературовед
В. Цыплаков, студент Энергетического института
Чиликина, преподаватель
В. Шахсуваров, инженер
Шевцова, кандидат экономических наук
Н. Ширяева, библиограф
Б. И. Шлифштейн, инженер-экономист
И. Х. Шмайн, математик
А. А. Штельмах, инженер
С. Штутина, инженер
А. Шустер, физик
Е. Щедрин, физик
В. Щеглов, математик
Г. Щедровицкий, кандидат философских наук
В. Эйдельман, физик
Г. Эйдельман, математик
К. О. Эрастов, переводчик
Т. Д. Эрастова, мать шестерых детей
А. Юликов, студент
И. Якир, студентка Историко-архивного института
П. Якир, историк
Р. Якир, инженер
А. Якобсон, переводчик

5 февраля 1968

Ответ на письмо просим направлять в любой из следующих адресов:

А. С. Вольпин,
Москва А-445, Фестивальная ул., 17, кв. 1

И. Я. Габай,
Москва А-55 ,Новолесная ул., 18, корп. 2, кв. 83

Н. Е. Горбаневская,
Москва А-252, Новопесчаная ул., 13/3, кв. 34

В. А. Красин,
Москва А-445, Беломорская ул., 24, кв. 25

Б. М. Ратновский,
Москва Д-182, Покровское-Стрешнево, Центральная ул., 39

Сбор подписей под письмом продолжался до кассационного суда (16 апреля 1968), и накануне суда адресатам письма было отправлено дополнение:

5 февраля с. г. Вам было направлено следующее письмо: (приводится текст письма). Далее следовал список 170 человек, подписавших это письмо. За последнее время к ним присоединились еще 54 человека:

М. В. Багровникова, учительница
А. А. Беззубиков, монтажник
А. В. Блюменталь, студентка Института культуры
Ю. А. Блюменталь, музыкант
Т. Венцлова, литератор, преподаватель Вильнюсского университета
Е. Глезин, инженер-строитель
И. З. Гольденберг, филолог (Новосибирск)
А. Грибанов, филолог
И. В. Гримблит, инженер
В. Денисов, врач
Е. Душечкина, филолог (Тарту)
Евгенов, биолог
Исаева, техник
Я. И. Казаков, инструктор по железобетону
И. А. Ковалевская, биолог
А. Коган, музыкальный редактор
И. Р. Коненко, кандидат химических наук
П. Кортан, инженер
Н. М. Краевская, инженер
М. Л. Левин, доктор физико-математических наук
Е. Г. Максимова, геолог
Ю. В. Мальцев, переводчик
В. Мамонова, переводчик
Б. Р. Марамзин, писатель (Ленинград)

И. Марковская, врач
В. Марковский, кандидат технических наук
Н. Н. Мейман, доктор физико-математических наук
А. Миркина, пенсионерка
Е. В. Миркина, переводчик
Г. Модель, филолог
Монина, искусствовед
В. Мыльников, преподаватель
Э. Ницберг, филолог
Т. И. Олегина, учительница
В. Пашковский, врач
Е. Петров, научный сотрудник
В. Рокитянский, физик
Д. Сильвестров, инженер
Л. Е. Сотникова, инженер
Е. Строева, редактор
Н. Строева, музыкант
Е. В. Сыроечковский, зоолог
А. Тимофеевский, киносценарист
Ю. Титов, архитектор
М. Торчилина, пенсионерка
Н. Трауберг, кандидат филологических наук
Л. Улицкая, генетик
Р. П. Федоренко, кандидат физико-математических наук
И. В. Фоменко, аспирант
Л. Я. Халиф, поэт
З. Я. Шапиро, кандидат физико-математических наук
В. Шварцман, преподаватель
Л. М. Шульгина, студентка
Д. Эпштейн, переводчик (Вильнюс)

Обращение Л. Богораз и П. Литвинова, а также пять адресов, в которые мы просили направлять ответы, приложены к основному тексту, отосланному 5 февраля.

(Апрель 1968,

Москва)

№ 18

Председателю Совета Министров А. Н. Косыгину
Копия: П. Литвинову

Я слышала заявление П. Литвинова и Л. Богораз с протестом против грубого нарушения законности и справедливости на процессе Галанскова, Гинзбурга и других. Искренность, принципиальность и большая смелость поведения П. Литвинова и Л. Богораз вызывают доверие к фактам, ими сообщенным.

Обратного результата достигают статьи Овчаренко «В лакеях» и Александрова и Константинова «Затянутые одним поясом», неразборчивость в аргументах и грубый тон которых как раз настораживают. Как можно обращаться к общественному мнению и чувству справедливости советских граждан и при этом предлагать вместо информации подобные словесные помои! Ведь тут свалены в одну кучу сведения о деятельности и целях НТС, которые выдаются за убеждения самих обвиняемых (старый, очень скомпрометировавший себя прием), и пространная информация о содержимом пояса НТСовского агента Брокса, имеющая к делу Галанскова, Гинзбурга и др. самое отдаленное отношение. В то же время дается минимум фактов, на основании которых можно было бы судить о доказательности улик против каждого обвиняемого, что он был платным агентом НТС.

Сообщая сведения о личности подсудимых, авторы больше оперируют оскорбительными намеками, чем фактами. «В 1960 г. за мошенничество и подделку документов привлечен к уголовной ответственности. Два года находился в заключении. В 1964 г. против него снова было возбуждено уголовное дело за подобные же неблаговидные поступки», — пишет о Гинзбурге Овчаренко. Я специально наводила справки, в чем заключалось мошенничество и подделка документов, за которые был осужден Гинзбург в 1960 г. Он хотел выручить товарища и пошел сдать за него экзамен, наклеив на его экзаменационную книжку свою фотографию. И подошли к Гинзбургу со всей строгостью закона за этот весьма распространенный среди студентов поступок, потому что уже тогда Гинзбург обратил на себя внимание КГБ составлением сборника «Синтаксис», т. е. поступком совершенно иного характера.

И к чему эта спекуляция Н. Броксом-Соколовым, которого будут судить в совершенно другом процессе с людьми, к которым он был послан? Конечно, его приезд накануне процесса с фотографиями обвиняемых выглядит очень эффектно, но материалом к обвинению Галанскова и др. он послужить не мог. Брокс ничего не знает о подсудимых. Он поверил весьма неточной информации НТСовцев, что это писатели. Убедившись, что имена Гинзбурга и Галанскова как публицистов у нас не известны, он твердит очередную внушенную ему версию: «Здесь судят уголовников за связи с НТС». Но неужели слова слишком уж легковерного венесуэльца могут заглушить голос внука Максима Литвинова?

Я слышала о П. Литвинове самые благожелательные отзывы.А в августе 1967 г. по московскому радио была передача о том, как правильно воспитывал коммунист М. М. Литвинов своих детей и внуков и какие хорошие люди из них получились. В ней рассказывалось о научном сотруднике Института тонкой химической технологии Павле Литвинове (хотелось бы, чтобы моя ссылка не повредила работникам радио, подготовившим эту передачу).

Только публикация стенограммы процесса позволит общественности разобраться, достаточно ли у суда доказательств, что сборники Гинзбурга и Галанскова попали в издательство «Грани» по их воле, получил ли кто-нибудь из авторов, и кто именно, гонорар и главное, поскольку даже положительный ответ на первые два вопроса не доказывает, что подсудимые являются платными агентами НТС, существуют ли какие-либо другие доказательства о сотрудничестве каждого подсудимого с этой организацией.

В статье обвинения даются огульно против всех подсудимых, а разница в приговоре не мотивирована. Чистосердечное раскаяние Добровольского и какие-то «другие обстоятельства», которые послужили поводом к снисходительности суда к нему одному, настораживают. Опыт прошлых лет показал, что не всегда признание своей вины и показания, подтверждающие вину товарищей, свидетельствуют о чистосердечном раскаянии.

Галансков и Гинзбург не признали себя виновными в связях с НТС — и суд обрушил на них всю тяжесть приговора: Галанскову — 7 лет (максимум по данной статье), а Гинзбургу — 5 лет.

Я совершенно согласна с П. Литвиновым и Л. Богораз, что

политические процессы, которые в последнее время участились, должны проводиться на принципах полной гласности. Ведь суду и прессе должно быть присуще стремление в первую очередь убедить тех, кто сомневается. Иначе подобные политические процессы будут достигать как раз обратного эффекта. Материалы процессов должны публиковаться на страницах какого-либо специального издания, доступного каждому советскому гражданину.

И. Межова

6 февраля 1968

И. А. Межова,
Москва, Телеграфный пер., 7, кв. 13

№ 19

Председателю Верховного Суда РСФСР

З а я в л е н и е

Я, Анатолий Левитин, за последние месяцы участвовал в качестве свидетеля в двух политических процессах*. Сейчас я считаю своим долгом высказать свои соображения в отношении дела Гинзбурга Александра и Галанскова Юрия, осужденных в январе 1968 года Московским городским судом, которые ныне обратились к Вам с кассационной жалобой.

Сознание ответственности перед Богом и своей совестью не позволяет мне, единственному верующему христианину, участвовавшему в деле, малодушно промолчать, когда решается судьба двух молодых людей, а моя гражданская честь старого учителя, проведшего большую часть своей жизни среди молодежи, заставляет меня высказать решительно и прямо перед судом в отношении побуждений Гинзбурга и Галанскова.

После окончания суда над Гинзбургом и Галансковым в «Известиях» и в «Комсомольской правде» были напечатаны статьи, в которых молодых людей обливали грязью, называли лакеями и платными агентами НТС. Все эти статьи написаны журналистами, у которых отсутствует элемен-

* В сентябре 1967 г. был свидетелем на процессе Буковского, Делоне и Кушева в Московском городском суде.

тарное чувство уважения к читателям. В самом деле, кто поверит, что два человека, которые с двадцати лет скитались по тюрьмам и сумасшедшим домам (будучи, как сейчас установлено, совершенно нормальными), которые добровольно обрекли себя на жизнь затравленных зверей, лишились карьеры, возможности вести спокойную нормальную жизнь и иметь семью, — действовали из низменных побуждений. Как бы мы ни относились к ним, несомненно одно: перед нами идейные люди. И прежде всего, мы должны относиться к ним как к идейным людям.

Каковы же их идеи и из каких побуждений они действовали? Быть может, они хотели восстановления помещичье-буржуазного строя? Быть может, они хотели стать фабрикантами и заводчиками?

Я очень мало их знаю, но даже этого поверхностного знакомства достаточно, чтобы отвергнуть такие предположения. Трудно себе представить людей, более чуждых собственнических чувств, более непрактичных, чем эти два человека. Это люди, в которых очень развито товарищеское чувство, и любой из них поделится с товарищем последним куском хлеба. Помогал же Галансков матери Гинзбурга, будучи сам нищим.

Авторы газетных статей упрекали Гинзбурга и Галанскова в том, что они часто меняли профессии. Но что им оставалось делать, если их отовсюду выгоняли и мешали нормально работать.

Чего же все-таки хотели Галансков и Гинзбург? Можно ответить одним словом: они хотели свободы. Они хотели свободы художественной литературы от жестокого цензурного пресса. Им не нравилось такое положение, когда великий писатель земли русской Солженицын не может напечатать своих произведений, когда другой великий писатель земли русской Пастернак умер затравленный, ошельмованный, и многие его произведения до сих пор не увидели света. Они хотели освобождения публицистического пера от цензурного гнета, так как только свободное обсуждение всех жгучих проблем современности может предотвратить ошибки, подобные тем, которые были во времена культа личности. Они хотели свободы философских и религиозных убеждений и не могли примириться с тем, что марксистская философия навязывается насильно, а всякий человек, открыто выражающий религиозное или идеалистическое

мировоззрение, лишается возможности работать по своей специальности. Мне не нужно далеко идти для того, чтобы привести подобный пример. Мне достаточно сделать для этого несколько шагов и взять в руки зеркало. Оно мне покажет лицо пожилого человека в очках, лицо типичного учителя, проработавшего в этой специальности более двадцати лет, который вот уже восемь лет вынужден вести жизнь человека без определенных занятий, так как его изгнали из школы за религиозные убеждения.

Одиноки ли Галансков и Гинзбург в своих убеждениях и требованиях? Нет, не одиноки.

*

1956 год — год XX съезда Коммунистической партии, был поворотным пунктом в истории СССР. В настоящее время еще трудно оценить все значение событий этого года. Рухнул фетиш, висевший над страной в течение тридцати лет; начался мучительный процесс пересмотра таких понятий, в которых выросло целое поколение людей. Люди отвергали официальные авторитеты и захотели жить самостоятельно, самостоятельно мыслить и самостоятельно строить свое мировоззрение. Критическая мысль отпраздновала свое великое торжество — и русский народ (другие народы интересуют меня в меньшей степени) сделал стремительный рывок вперед. Молодежь стала другой — и управлять старыми методами стало немыслимо. Люди моего поколения хорошо помнят, как в 1936 году, когда принималась действующая ныне Конституция, много говорилось о том, что всякая конституция лишь фиксирует объективно сложившееся положение в стране.

Ныне настала пора зафиксировать изменения, происшедшие в сознании людей за последние двенадцать лет. Русская мысль за это время выросла и окрепла, изменилось сознание людей — мы все чувствуем себя взрослыми, — и нас лишь раздражает, когда нас опекают, как младенцев, и кормят манной кашей.

В. И. Ленин всегда указывал, что самое страшное в политике — это непоследовательность и косность. Попытки консерваторов вернуть нас к 30-м и 40-м годам лишь мешают продвижению русского народа вперед, компроментируют нас в глазах всего мира (в первую очередь, в глазах зарубежных коммунистов) и мешают борьбе с реакцией. Поясню

свою мысль примером. Лет десять назад митрополит Николай предложил мне написать в Журнале Московской Патриархии статью, направленную против иеговистов. Я вынужден был категорически отказаться от этого предложения, ибо я не могу дискутировать с людьми, сидящими в тюрьмах. Так и сейчас я не могу дискутировать в своих статьях с людьми, которых считаю отъявленными реакционерами, только потому, что всякое выступление против них будет политическим доносом.

Дело доходит до того, что всякий честный литератор, открыто выражающий свои убеждения, если его не сажают в тюрьму, рискует прослыть агентом КГБ. Становится неудобным выражать свою солидарность с правительством даже в тех вопросах, в которых оно совершенно право, ибо Вас начинают сразу же подозревать в неискренности.

Все это следствие того ненормального положения, которое сложилось ввиду нежелания считаться с объективными фактами. Возникает вопрос, почему мало доверяют народу и обществу? Неужели действительно думают, что кто-то собирается восстанавливать капитализм и свергать советскую власть? Но если этого нет, то диктаторские методы становятся излишними, и всякие ограничения свободы совести, научной и философской мысли, художественного творчества и публицистики становятся излишними.

*

Я не знаю точно, в чем именно обвиняют Гинзбурга и Галанскова и насколько доказана их связь с НТС, так как свидетелей выпроваживали после дачи показаний из зала суда, а по газетным отчетам решительно ни о чем нельзя судить, так тенденциозно и пристрастно они составлены. Но я уверен, что побуждения Галанскова и Гинзбурга были самыми чистыми, и если они в чем-то преступили закон, то только по юношеской горячности. Это дает возможность заменить им заключение условным наказанием и освободить из-под стражи.

*

Когда я закончил свои показания, я услышал из уст Председателя два слова: «Вы свободны!» Скажите эти два слова Гинзбургу и Галанскову — и Вы несказанно поднимите авторитет СССР во всем мире. Вы выбьете главный

козырь из рук антисоветской пропаганды. Вы дадите радость миллионам русских людей.

Пусть же прозвучат эти два слова и да будут они началом новой гуманистической эры на Руси.

Ан. Левитин (Краснов)

9 февраля 1968

Анатолий Эммануилович Левитин (Краснов),
Москва Ж-377, 3-я Новокузьминская, 23

№ 20

Председателю Президиума Верховного Совета СССР т. Подгорному Н. В.
*Генеральному прокурору СССР т. Руденко Р.А.**

Суд над Гинзбургом, Галансковым, Добровольским и Лашковой, ход судебного разбирательства и вынесенный приговор выдвинули вопрос о соблюдении законности. Всем хорошо известно прозвучавшее на весь мир обращение Л. Богораз и П. Литвинова, в котором содержатся свидетельства нарушения законности в этом деле, так и остается пока без всякого официального ответа. Сообщения и статьи, появившиеся после суда («Вечерняя Москва», «Известия», «Комсомольская правда»), скорее уходят от вопроса о законности, стремясь заглушить естественную тревогу общественного мнения. Запрет пресс-конференции матери осужденного Гинзбурга и жены осужденного Галанскова еще более усиливают эту тревогу. В то же время появляются достаточно авторитетные документы (как, например, заявление граждан, вызывавшихся в качестве свидетелей на данный процесс, — отправленное, кстати, и на Ваш адрес), свидетельствующие о нарушении советского судебного законодательства и принципа гласности суда.

Нарушена законность, и стало бить, люди посажены за решетку без достаточных на то юридических оснований. Такого рода прецедент лишает граждан нашего государства гарантий безопасности, возрождая методы, осужденные партией и всем нашим обществом.

Мы считаем, что все материалы данного дела должны

* Настоящий документ получил известность под названием «Письмо 8-ми».

стать достоянием гласного и всестороннего расследования в соответствии с существующим законодательством.

Юдина М. В., профессор Московской консерватории
Штейн Ю. Г., кинорежиссер
Кваша И. В., актер театра «Современник»
Збарский Ф. В., член Союза художников СССР
Абрамов А. А., кандидат физико-математических наук
Перская И. Ю., кандидат исторических наук
Абрамов С. А., студент МГУ
Поленов М. Н., студент МГУ

10 февраля 1968

Отправитель:
И. В. Кваша,
Москва, Немировича-Данченко ул., 5/7, кв. 89

№ 21

Генеральному секретарю ЦК КПСС
Л. И. Брежневу
Председателю Совета Министров СССР
А. Н. Косыгину
Председателю Президиума Верховного
Совета СССР Н. В. Подгорному
Председателю Верховного Суда СССР
А. Ф. Горкину
Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко

Копии: В редакцию газеты «Правда»
В редакцию газеты «Известия»
В редакцию газеты «Комсомольская правда»
В редакцию «Литературной газеты»
В редакцию газеты «Вечерняя Москва»
Адвокату Б. А. Золотухину*

Мы обращаемся к Вам, потрясенные несправедливостью суда над Александром Гинзбургом.

Из известных нам материалов суда ясно, что А. Гинзбурга судили за составленный им сборник документов по делу Даниэля и Синявского, но при этом в основу обвинительного

* Настоящий документ получил известность под названием «Письмо 121-го».

приговора была положена никем и ничем не доказанная связь его с НТС. Это впечатление усиливается появляющимися в наших газетах статьями, которые дезинформируют общественность, по меньшей мере, искажая факты, установленные на суде. Голословное обвинение в связи с некоей антисоветской организацией было предъявлено, видимо, для того, чтобы расправиться с составителем сборника документов по делу Синявского и Даниэля.

Это нельзя расценить иначе, как попытку воскресить методы, применявшиеся на процессах 1937 года.

Суть процесса затемняется такими не относящимися к делу фактами, как внезапное появление через год после начала следствия и за несколько дней до суда венесуэльского подданного, вооруженного «вещественными доказательствами».

Мы воспринимаем дело А. Гинзбурга как прямое продолжение суда над Синявским и Даниэлем.

Мы полностью присоединяемся к утверждению адвоката Б. А. Золотухина, что сборник, составленный А. Гинзбургом, не является ни криминальным, ни тенденциозным.

Все, что мы знаем об этом процессе, дает нам право просить о немедленном пересмотре дела А. Гинзбурга.

Адамян Н., член СП СССР
Андронов Н., член СХ СССР
Андронова-Леонтович Е., доктор физико-математических наук
Апресян Ю. Д., кандидат филологических наук
Афанасьева П. И., библиотекарь, народный заседатель
Арапов М., лингвист
Бабицкий К., лингвист
Белокриницкая С., лингвист
Беркинблит М., младший научный сотрудник ИППИ АН СССР
Бовшеверов В. М., заведующий лабораторией, кандидат физико-математических наук
Божович, кандидат искусствоведения
Бодиева, младший научный сотрудник ИХФ АН СССР
Бонгард М., заведующий лабораторией ИППИ АН СССР

Бретель Ю., кандидат исторических наук
Бунина И. К., старший научный сотрудник Института славяноведения АН СССР
Вайнберг Н. Г., математик
Гарлинская, член СК СССР
Гельфанд, И. М., член-корреспондент АН СССР
Голышев В. П., переводчик
Голышева Е. М., член СП СССР
Грабарь М. И., доцент, кафедра математики МАТИ
Гурвич, старший научный сотрудник ИФА АН СССР
Гурвич А. Е., доктор биологических наук, профессор ИЭМ им. Гамалея
Давыдовская, инженер-электрик
Дикий Л. А., старший научный сотрудник, кандидат физико-математических наук
Динабург, инженер, математик, ИХФ АН СССР
Домбровский Ю., член СП СССР
Дыбо, кандидат филологических наук
Елизаренкова Т., филолог
Ерофеева Н., архитектор
Жолковский А. К., младший научный сотрудник ЛМП I МГПИИЯ
Иванов В. В., заведующий сектором структурной типологии Института славяноведения АН СССР
Иванов М., член СХ СССР
Занченко О. В., математик
Зоркая Н., кандидат искусствоведения
Зубковский, младший научный сотрудник ИФА АН СССР
Зыкина И. С., химик
Каганов М. И., профессор, доктор физико-математических наук
Каганов З., младший научный сотрудник, математик
Каданцев В. Н., инженер
Казаков, инженер-электрик
Каллистратова М. А., кандидат физико-математических наук
Каменомостская, кандидат физико-математических наук
Каневский, инженер-механик
Касаткин Л., кандидат филологических наук

Кодер-Степанова Н., кандидат биологических наук, старший научный сотрудник ИППИ АН СССР
Келдыш Л., профессор, доктор физико-математических наук
Кобасова Е., инженер-электрик
Ковалев С. А., кандидат биологических наук, старший научный сотрудник МГУ
Кон А., младший научный сотрудник ИФА АН СССР
Копелев Л., член СП СССР
Корнилов В., член СП СССР
Кук К. М., переводчица
Крысин Л., лингвист
Лавут А. П., старший инженер МГУ
Левитанский Ю., член СП СССР
Леонтович М. А., действительный член АН СССР
Липкина И. С., инженер
Лорие М., член СП СССР
Людмирская Г., преподаватель
Марчуков А. С., математик
Медведовская, математик
Мельчук И., кандидат филологических наук
Мешковский А. Г., доктор физико-математических наук
Миллер А. Ф., кандидат физико-математических наук
Михайлова С., инженер
Мокарик И., математик
Морозов С., архитектор
Мостовая, математик, младший научный сотрудник ИХФ АН СССР
Муравьев Д., редактор издательства «Искусство»
Мурина Е., искусствовед
Наумов Н., член СП СССР
Новиков С. П., член-корреспондент АН СССР
Островская Л., архитектор
Оттен Н. Д., член СП СССР
Петров М. П.. младший научный сотрудник
Пинский Л. Е., член СП СССР
Подольская Н., кандидат филологических наук
Покровская К. М., физик

Поляков В., член СХ СССР
Посвянский, математик
Праворотова М. А., инженер
Рабинович А. В., математик
Ревзин И., доктор филологических наук
Резник, инженер
Резников С., архитектор
Родионов В. М., доктор биологических наук, Институт биомед-химии АМН СССР
Романова Н. Н., математик
Рубанова И., кандидат искусствоведения
Рудой Ю. Г., физик
Рязанцева И., сценарист
Самойлов Д., член СП СССР
Санников В., кандидат филологических наук
Симонов А., литератор
Симолон А., младший научный сотрудник ИОХ АН СССР
Смолянинов В. В., младший научный сотрудник ИППИ АН СССР
Сморгунова Е. М., лингвист
Соколов Ю. Н., геофизик
Соловьева И., член СП СССР
Сухотин Б. В., кандидат филологических наук
Татарский В. И., доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник ИФА АН СССР
Тимофеевский А., сценарист
Тимошенко Л. Я., член СП СССР
Товстуха Т. И., младший научный сотрудник ИАТ АН СССР
Топоров В. Н., кандидат филологических наук
Тульчинский М. Р., кандидат исторических наук
Хинкис В., член СП СССР
Ходорович, младший научный сотрудник ИРЯ АН СССР
Цивьян Т., кандидат филологических наук
Чайлахян Л. М., кандидат биологических наук
Чуковская Л. К., член СП СССР
Чурганова Б., лингвист
Шик М. Л., кандидат биологических наук
Шитова В., член СП СССР

Шифрин И. Е., физик
Шмидт В. В., кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник ИМЕТ
Штейнберг А. А., физик
Шуб А. И., физик
Эпштейн С. М., старший лаборант ИРЯ АН СССР
Юсина К., математик
Яглом А., профессор, диктор физико-математических наук

(Февраль 1968,
Москва)

№ 22

Генеральному секретарю ЦК КПСС
Л. И. Брежневу
Председателю Совета Министров СССР
А. Н. Косыгину
Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному
Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко

Копии: адвокатам С. Л. Арии, Б. А. Золотухину, Д. И. Каминской, В. Я. Швейскому

редакциям газет «Известия», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Московский комсомолец»*

Подписавшие это письмо крайне обеспокоены обстановкой, созданной вокруг процесса Ю. Галанскова, А. Гинзбурга, А. Добровольского и В. Лашковой, ходом суда и его итогами.

Не секрет, что это судебное дело привлекло к себе внимание общественности. Между тем в ходе слушания дела отсутствовала всякая информация о нем. Процесс, официально объявленный открытым, фактически проходил за закрытыми дверьми. Вполне понятно, что это породило атмосферу настороженности, тревоги и недоверия.

* Настоящий документ получил известность под названием «Письмо 24-х», а также «Писательское письмо», так как большинство подписавших — члены Союза писателей СССР.

Появившиеся по окончании суда пространные статьи в «Известиях» и «Комсомольской правде» только усугубили это недоверие. Безапелляционный и в то же время странно нервозный тон газетных статей, своего рода психическая атака на доверчивого читателя — с одной стороны, туманность аргументации при очевидной нехватке точных фактов — с другой; тяжесть обвинений — и их расплывчатость; формальная гласность суда — и его фактическая негласность, — все это, вместе взятое, выглядело крайне неблаговидно.

Очень похоже, что достаточного количества уличающих фактов — конкретных, четко и неопровержимо доказанных — прессе неоткуда было и взять. Очень похоже, что суд, вынесший столь жесткий приговор двум из четырех подсудимых, проводился и в самом деле с серьезными нарушениями норм советского судопроизводства.

Все это вызывает у нас тревогу.

Все это вызывает понятную озабоченность искренних друзей нашей страны за рубежом и в то же время дает идейным противникам лишний повод представить наши общественные нравы и нашу демократию в неприглядном свете.

Несколько «открытых» уголовных процессов по политическим делам за сравнительно короткое время, проводившихся при сходных во многом условиях, наводит на мрачные ассоциации. Не стерлись и не сотрутся в памяти позорные процессы тридцатых годов, проводившиеся, как известно, тоже «открыто», освещавшиеся, как мы теперь знаем, тенденциозно и недобросовестно и находившие даже обоснование в теории «обострения классовой борьбы».

Неужели, отпраздновав пятидесятилетие советской власти, мы вынуждены быть свидетелями гальванизации лицемерных методов прошлого?

Мы настаиваем на новом безоговорочно гласном, строго объективном судебном разбирательстве, при полном соблюдении советского законодательства.

Мы настаиваем на этом требовании в интересах истины и законности, в интересах престижа социалистического государства, во имя справедливости и туманности.

Василий Аксенов, писатель, член СП СССР
Павел Антокольский, поэт, член СП СССР
Борис Балтер, писатель, член СП СССР

Борис Биргер, художник, член СХ СССР
Владимир Войнович, писатель, член СП СССР
Камил Икрамов, писатель, член СП СССР
Фазиль Искандер, писатель, член СП СССР
Вениамин Каверин, писатель, член СП СССР
Юрий Казаков, писатель, член СП СССР
Наум Коржавин, поэт, член СП СССР
Владимир Корнилов, поэт, член СП СССР
Сергей Ларин, критик, член СЖ СССР
Лев Левицкий, критик, член СП СССР
Новелла Матвеева, поэт, член СП СССР
Олег Михайлов, критик, член СП СССР*
Валентин Непомнящий, критик, член СЖ СССР
Константин Паустовский, писатель, член СП СССР
Юрий Пиляр, писатель, член СП СССР*
Григорий Поженян, поэт, член СП СССР
Михаил Рощин, писатель, член СП СССР
Бенедикт Сарнов, критик, член СП СССР
Феликс Светов, критик, член СП СССР
Федот Сучков, критик, член СП СССР
Мария Юдина, пианистка, профессор

(Февраль 1968,
Москва)

№ 23

Генеральному прокурору СССР Руденко
Верховному Суду РСФСР

Копии: Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному
Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину
Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу
Адвокатам Б. Золотухину, Д. Каминской
В редакцию газеты «Комсомольская правда»**

Отсутствие в наших газетах сколь-либо связной и полной информации о существе и ходе процесса А. Гинзбурга, Ю.

* О. Михайлов и Ю. Пиляр впоследствии заявили, что снимают свои подписи под письмом. Заявление Ю. Пиляра см. здесь на стр. 424.
** Настоящий документ получил известность под названием «Письмо 46-ти», а также «Письмо новосибирцев».

Галанскова, А. Добровольского и В. Лашковой, осужденных по ст. 70 УК РСФСР, насторожило нас и заставило искать информацию в других источниках — в иностранных коммунистических газетах.

То, что нам удалось узнать, вызвало у нас сомнение в том, что этот политический процесс проводился с соблюдением всех предусмотренных законом норм, например такой, как принцип гласности.

Это вызывает тревогу.

Чувство гражданской ответственности заставляет нас самым решительным образом заявить, что проведение фактически закрытых политических процессов мы считаем недопустимым. Нас тревожит то, что за практически закрытыми дверьми судебного зала могут совершаться незаконные дела, выноситься необоснованные приговоры — по недоказанным обвинениям.

Мы не можем допустить, чтобы судебный механизм нашего государства снова вышел из-под контроля широкой общественности и снова вверг нашу страну в атмосферу судебного произвола и беззакония. Поэтому мы настаиваем на отмене приговора Московского городского суда по делу Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой и требуем пересмотра этого дела в условиях полной гласности и скрупулезного соблюдения всех правовых норм, с обязательной публикацией материалов в печати.

Мы требуем также привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушении гласности и гарантированных законом норм судопроизводства.

Акилов Г. П., кандидат физико-математических наук
Андреев С. Л., инженер
Берг Р. Л., доктор биологических наук
Борисов Ю., доктор физико-математических наук
Алексеев И. С., кандидат философских наук
Борисова Л. Г., аспирантка
Вассерман И., аспирант
Вишневский Е. Б., младший научный сотрудник
Вячеславов Л., аспирант
Гладкий А. В., доктор физико-математических наук
Громыко М. М., доктор исторических наук
Гольденберг И. З., преподаватель
Дрейзин Ф. А., кандидат филологических наук

Захаров В. Е., кандидат физико-математических наук
Заславский Г., кандидат физико-математических наук
Ильичев К., стажер
Косицына Э. С., педагог
Кулаков, кандидат физико-математических наук
Клорин А. В., инженер
Лозовский Л. А., инженер
Лихачева Д. В., младший научный сотрудник
Меньшиков В. Ф., аспирант
Найдорф, педагог
Нахмансон Р., кандидат физико-математических наук
Плитко С. И., сотрудник Научно-исследовательского института систем
Перцовский В. С., педагог
Прилоус Б. И., старший лаборант
Рожнова С., аспирантка
Ревякина Н. В., кандидат исторических наук
Соколов, кандидат физико-математических наук
Семячкин Б. Е., младший научный сотрудник
Топешко Н. А., инженер
Титов Е.
Тришина Л. А., ассистент кафедры общего языкознания НГУ
Фет А. И., доктор физико-математических наук
Фридман А. М., кандидат физико-математических наук
Филоненко Н. Н., аспирант
Хриплович И. В., кандидат физико-математических наук
Хохлушкин И. Н., младший научный сотрудник
Цельник Ф. А., инженер
Черемисина М. И., кандидат филологических наук
Шабат А. В., кандидат физико-математических наук
Шалагин А. М., инженер
Штенгель Э., младший научный сотрудник
Яблонский Г. С., младший научный сотрудник
Конев В. А., кандидат философских наук

19 февраля 1968,
Новосибирск

№ 24

Генеральному секретарю ЦК КПСС
Л. И. Брежневу
Председателю Совета Министров СССР
А. Н. Косыгину

Копии: Президиуму Верховного Совета СССР
Генеральному прокурору СССР
Председателю Верховного Суда СССР
Редакциям газет «Правда» и «Известия»
Комитету партийного и государственного контроля
Патриарху всея Руси Алексию
Коллегии адвокатов г. Москвы и г. Ленинграда
ВЦСПС

ГРАЖДАНЕ!

Мне известно, а вам — тем более, что в последнее время на ваше имя поступило большое количество заявлений и протестов по поводу нарушений норм советской уголовно-процессуальной и уголовной законности при проведении политических процессов писателей А. СИНЯВСКОГО и Ю. ДАНИЭЛЯ, представителей российской интеллигенции Ю. ГАЛАНСКОВА, А. ГИНЗБУРГА и др. Часть протестов адресована редакциям газет «Правда»* и «Известия». Протесты подписаны в том числе (и в основном) людьми весьма порядочными и уважаемыми.

Если нарушения норм, установленных советскими законами, действительно имели место (а я не сомневаюсь, что имели, если только у нас в стране нет двойного законодательства: того, что содержится в официальных документах, и того, что сореджится в неофициальных), то протесты вполне обоснованы, и я считал бы СВОИМ ГРАЖДАНСКИМ ДОЛГОМ поставить свою подпись под каким либо из них и *честью* — рядом с подписью, скажем, *К. Паустовского*. Но я хочу говорить о другом.

Я считал бы нормальной реакцией на поступившие протесты соответствующих органов Прокуратуры, судебных инстанций и полномочной общественности расследовать, имели ли в действительности место факты нарушения законности, и, если имели, наказать виновных, провести за-

* Очевидно, автор имеет в виду «Комсомольскую правду».

ново процессы с соблюдением норм законности. Кроме того, следовало бы дать ответ заявителям, ну, хотя бы в прогрессивной печати нашей, о принятых мерах или о том, что они неверно информированы и что законность не была нарушена.

Вместо этого протесты и заявления почему-то направляются в... органы КГБ, по месту жительства подписавших протест. И расследуется не то, о чем изложено в протесте. Нет! Написание протеста с требованием соблюдать советскую законность рассматривается, как покушение на основы существующего строя, на государственную безопасность. На подписавших протест заводится досье (или увеличивается имеющееся). Их начинают тревожить «беседами» (допросами), сопровождающимися угрозами. Честный человек, выполняющий свой гражданский долг, начинает рассматриваться как гражданин нелояльный.

Как известно, после XX съезда КПСС много сделала для укрепления законности. Вы старше меня и лучше меня знаете, что когда законность начинает нарушаться работниками органов, осуществляющих карательную власть, — это становится не просто опасным, а смертельно опасным не только для рядовых граждан, но и для секретарей ЦК Коммунистической партии и даже для Председателя СМ (но предварительно они становятся бывшими). Этому учит опыт истории всех стран победившего социализма, в том числе и нашей страны. Я считаю своим долгом напомнить Вам об этом.

Я хочу думать, что мое письмо Вами не будет рассматриваться как покушение на советский общественный строй. Я хочу надеяться, также, что с Вашей стороны будут предприняты все посильные Вам меры к восстановлению веры Ваших сограждан в то, что советская Фемида непорочна.

Кроме того, я хотел бы сказать Вам, что амнистия политическим заключенным всегда, в том числе и в свете истории, рассматривалась как прогрессивное явление, приносила много радости многим людям и очень редко — совсем немного неприятностей немногим.

Орион Квачевский

Ленинград, П-49, Мытнинская набережная, дом 3, кв. 21.

26 февраля 1968 года.

№ 25

В Секретариат ЦК КПСС

Копии: Президиуму Верховного Совета СССР
Генеральному прокурору СССР
Президиуму Верховного Суда СССР
Президиуму Верховного Суда РСФСР
Адвокатам: Б. Золотухину, Д. Каминской

За все, что совершается от имени Советского Государства, несет ответственность каждый гражданин и тем более каждый член КПСС. Сознавая эту ответственность, я считаю своим гражданским и партийным долгом, несмотря на то, что все мои прежние попытки таких обращений остались без ответа, вновь писать вам, потому что не могу не написать это письмо.

1. Судебный процесс по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой принес новый ущерб престижу нашего государства, стал для нас новым поражением в той идеологической борьбе, которая идет во всем мире и у нас в стране.

2. Этот процесс свидетельствует о том, что его устроителей ничему не научил политический опыт процессов Бродского, Синявского и Даниэля, Хаустова, Буковского и др. Снова нашлись следователи, прокуроры и судьи, которые дают нашим противникам желанные аргументы, а у наших друзей возбуждают колебания, разочарования и возмущение.

3. Таким образом, этот процесс вновь подтверждает исторический урок: всякий раз, когда идеологическую борьбу и политико-воспитательную работу начинают «подкреплять» — и значит, неизбежно подменять — административно-репрессивными средствами, всякий раз, когда ведомство госбезопасности, прокуратура и суды начинают вторгаться в культурную жизнь для преследования «идеологических диверсантов», это приносит неисчислимый вред и нашей культуре, и международному престижу, и в конечном счете собственно государственной безопасности:

а) в 1935-40 гг. по обвинению в идеологических преступлениях были арестованы сотни тысяч советских граждан, в том числе и множество ученых, литераторов, мастеров искусств, гибель или длительное заключение которых су-

щественно обеднили нашу культурную жизнь, ослабили нашу науку;

б) но в те же годы фашистская разведка действовала весьма эффективно, в чем нам пришлось убедиться, когда началась война; настоящим шпионам только благоприятствовала истерическая шпиономания, охота на мнимых «врагов народа», весь тот панически универсальный, но именно поэтому самоубийственно бесплодный произвол, который в народе называют ежовщиной, бериевщиной, а точнее всего сталинщиной;

в) подготовка таких процессов, как названные выше, преследование талантливых молодых литераторов и случайных прилитературных озорников, фрондирующих студентов, школьников, «смогистов», психически неуравновешенных людей и т. п. — и сами по себе становятся игрой в «идеологические поддавки», и вместе с тем ослабляют энергию, необходимую, чтобы своевременно предотвращать реальный вред, приносимый субъектами вроде Пеньковского, Рунге и т. п.

4. Понятия *справедливость и гуманность* у нас, к сожалению, все еще принято считать абстрактными, относительными. Понятие *ленинские принципы* так часто употребляется, что для многих и впрямь стало риторической абстракцией. Поэтому я взываю только к политическому здравому смыслу, к трезвому сознанию действительных интересов государства и партии.

Исходя прежде всего из этих интересов,

а) необходимо пересмотреть решения судов, которые принесли и продолжают приносить нам вред;

б) необходимо отстранить от работы прокуроров, следователей и судей, ответственных за эти процессы;

в) необходимо предать гласности обстоятельства, сделавшие эти процессы возможными, подробно осветив точки зрения как обвинения, так и защиты. Той части нашей общественности, которую несомненно дезориентировала предшествующая информация газет и пропагандистов, следует объяснить, почему репрессии, применяемые как средство идеологической борьбы и воспитания, оказываются только вредны;

г) необходимо отстранить ведомства охраны общественного порядка, госбезопасности, прокуратуру и суды от вмешательства в идеологическую борьбу и культурную жизнь.

Ведь есть многообразные партийные, общественные, научные и творческие организации, есть многочисленные кадры квалифицированных пропагандистов, ученых, литераторов, журналистов и др., которые на пятьдесят первом году существования нашего государства могут и должны вести идейную полемику и политико-воспитательную работу, не прибегая к «аргументам» тюрем и лагерей;

д) необходимо, наконец, понять, что все, кто настаивает на подобных судах и приговорах и вообще на репрессиях в подобных случаях, тем самым только дискредитируют государство, объявляют его идейно и нравственно несостоятельным, утверждая, что для его защиты нужен произвол.

Л. З. Копелев,
член КПСС, член СП СССР, критик,
литературовед, переводчик

27 февраля 1968
Москва А-319, 1-я Аэропортовская ул., 20, кв. 1, тел. 151 80 81

№ 26

В Верховный Суд СССР
В Политбюро ЦК КПСС
В Президиум Верховного Совета СССР

З а я в л е н и е

...И каждое государство таково, каковы характер и воля того, кто им правит. Поэтому только в таком государстве, где власть народа наибольшая, может обитать свобода; ведь приятнее, чем она, не может быть ничего, и она, если она не равна для всех, уже не свобода.

Марк Туллий Цицерон, «О государстве», кн. 1, XXXI, 48

В январе 1968 года весь мир узнал из зарубежных прессы и радиопередач обращение Ларисы Богораз-Даниэль и Павла Литвинова к мировой общественности. Сам факт обращения советских граждан, лишенных возможности воспользоваться для этой цели советскими радиовещанием, телевидением и печатью, говорит о нарушении конституционных норм в нашей стране.

Тот факт, что сообщение в советской печати о судебном

процессе над Галансковым, Гинзбургом, Добровольским и Лашковой было предельно кратким, запоздалым и туманным, благодаря атмосфере секретности, в которой проходил процесс, говорит, что с соблюдением норм судопроизводства тоже не всё в порядке.

Вместе взятые, эти факты заставили меня, человека, который каждый раз, когда слышал о политических процессах в СССР, в глубине души надеялся, что передачи Би-Би-Си — ложь или, по крайней мере, что этот процесс — последний, присоединить свой голос протеста к голосам Ларисы Богораз-Даниэль и Павла Литвинова.

Эти же факты вызывают у меня опасения, что официальные лица сталинской формации незаконно присвоили право лишать граждан СССР права выступать по радио, телевидению и в печати, что люди, во времена Сталина подвизавшиеся в репрессировании советских писателей и советских ученых — последователей Грегора Менделя и Норберта Винера, а совсем недавно измельчавшие и опустившиеся до охоты за модно одетыми людьми; эти широкобрючники, отрицатели джазовой музыки и западных танцев, — после поражения в этих областях решили начать все сначала и, возомнив себя непогрешимыми литературными критиками, обладающими монополией на истину, взялись за литераторов. Но достаточно вспомнить, что их борьба с генетикой привела к широкому внедрению этой науки в нашем сельском хозяйстве и медицине; борьба с кибернетикой — к самому широкому внедрению этой науки в нашем народном хозяйстве, экономике, науке и военном деле; кампания против западных мод, джаза, танцев — к тому, что они прочно вошли в наш быт; достаточно вспомнить историю с НПО, чтобы предсказать исход нынешней кампании против передовой интеллигенции.

Вся эта ненужная, вредная деятельность сталинской касты не раз вызывала растрату народных сил, наносила ущерб научному, культурному, политическому и военному престижу СССР.

Я уверен, что наши партия и правительство, проявив решимость, как и в прошлом, пресекут деятельность сталинских последышей, которые ведут борьбу с теми, кто указывает на недостатки, а не с самими недостатками, тем самым лишая нашу Родину ее лучших сыновей и дочерей, и на этот раз не допустят повторения трагедии 1937 года. Так

как, если меры не будут приняты, сталинцы распространят свою, позорящую наше государство и международное коммунистическое движение деятельность и на другие области. Я считаю позорным факт существования цензуры, которая лишает возможности советских граждан публиковать свои произведения у себя в стране, лишает их возможности получить информацию о некоторых событиях в СССР из советских радиопередач и прессы и тем самым создает широкое поле деятельности для зарубежных радиостанций.

Наша страна как первое в мире социалистическое государство, возникшее в результате Великой Октябрьской социалистической революции, поставившей своими целями свободу слова, свободу печати и демократию, должна быть ведущей в этих областях, ибо никакие достижения в любых других областях не смогут компенсировать отставание в области демократии, как не могут пересадки сердца, осуществленные в ЮАР, компенсировать политику апартеида, проводимую в этой стране, которую нельзя назвать в силу этого государством.

Исходя из вышеизложенного, я требую:

1) пересмотра судебных дел Синявского и Даниэля, Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой, дела Буковского и дела Огурцова и других с самой широкой публикацией материалов дела в печати, а также трансляции процессов по радио и телевидению, для того чтобы внести полную ясность в эти дела и тем самым лишить зарубежные радиостанции почвы для измышлений;

2) свободы слова и печати, одинаковой для всех.

Л. Н. Тымчук, матрос

28 февраля 1968

Одесса, 5, Индустриальная ул., 44, кв. 4

№ 27

Председателю Московского городского суда т. Осетрову Н. А.

Копии: В редакции газет «Комсомольская правда» и «Морнинг стар»

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

8 января 1968 г., в первый день судебного разбирательства

по делу А. Гинзбурга и др., Вы любезно предоставили мне возможность встретиться с Вами и ответили на ряд вопросов, связанных с упомянутым процессом.

Одним из них явился вопрос о публикации материалов судебного разбирательства.

Вы резонно заметили, что «заполнять газеты, выходящие миллионными тиражами, материалами ординарного дела не представляется необходимым». И действительно, никаких официальных документов об этом процессе в печати не появилось. Однако «Известия», «Комсомольская правда» и различные зарубежные газеты заполнили свои страницы статьями, обзорами и даже передовицами (например, «Морнинг стар», орган компартии Великобритании). Атмосфера таинственности, окружающая процесс, противоречивость различных сообщений о нем — все это привлекло пристальное внимание широких кругов советской и мировой общественности. Отсутствие официальной информации открыло широкие возможности для фантазии некоторых корреспондентов.

Характерна в этом отношении статья заместителя главного редактора газеты «Комсомольская правда» Овчаренко («Комсомольская правда», 1968, 18 января). По своему жанру она скорее принадлежит к художественным произведениям: в ней творчески переработаны и переосмыслены почти все материалы предварительного и судебного следствия и, видимо, какие-то слухи. В филиппике, посвященной «новоявленным геростратам», Овчаренко, как и подобает автору художественного произведения, преломил факты в соответствии с собственным мироощущением и обрушил на подсудимых такие обвинения, что ему мог бы позавидовать сам прокурор. Он оказался «большим католиком, чем Папа». Я не буду подробнее останавливаться на этом произведении, оно разобрано в письме, которое направлено Вам в виде приложения*.

Видимо, родственникам обвиняемых придется привлечь Овчаренко к судебной ответственности в соответствии со ст. 7 Основ Гражданского законодательства СССР.

Любопытным является и сообщение мистера Питера Темпеста в «Морнинг стар», 1968, 13 января, где прямо указывается, что самый экзотический свидетель обвинения —

* Прилагались письма Л. Гинзбург и О. Тимофеевой в «Комсомольскую правду». См. здесь стр. 459-460, 467-474.

Брокс-Соколов заявил суду: «Мне говорил Славинский, что Гинзбург является членом закрытой секции НТС в Москве».

Нужно ли доказать, что таких слов на процессе произнесено не было? Свою речь в защиту А. Гинзбурга адвокат начал словами:

АДВОКАТ. Я хочу начать с того, что во время речи прокурора произошло одно недоразумение. Поговорив с прокурором после его речи, я выяснил, что это было действительно недоразумение. Однако я хочу сделать по этому поводу заявление. Прокурор в своей речи оборонил случайно, что Гинзбург является руководителем закрытой секции НТС в Москве.

СУДЬЯ. Суд это так и понял, как оговорку.

АДВОКАТ. Тогда я могу перейти к спокойному, беспристрастному анализу доказательств.

Мистер Темпест, конечно, не смог присутствовать на процессе, а известно, что информация, путешествуя по многозвенному механизму из корреспондентов, журналистов, телетайпов и типографских машин, может подвергнуться разным метаморфозам.

Но все-таки дело зашло слишком далеко! Когда речь советского прокурора приписывается антисоветчику Славинскому, а судебных заседателей, внимающих ему, путают с агентом НТС Броксом-Соколовым, Вам остается только признать свою ошибку и потребовать немедленной публикации официальных документов этого, ставшего неординарным процесса.

Далее мне хотелось бы отметить следующую сторону нашей беседы.

На мое заявление о том, что ближайших друзей подсудимых (а я отрекомендовался Вам как друг А. Гинзбурга) не допускают в зал суда, что туда могут попасть только специально подобранные люди — на все это Вы мне ответили: «Если в зал суда пускать всех подряд, то никакого зала не хватит». Поэтому и была введена система пропусков Я напомнил Вам, что за два месяца до начала процесса многие друзья обвиняемых направили Вам письмо с просьбой предоставить место в зале суда. Меня поразил Ваш ответ. Вы сказали: «А вот Гинзбург на суде заявил, что у него нет друзей». И тем самым исчерпали вопрос. Зная А. Гинзбурга в течение десяти лет, зная его как честного и порядочного человека, неспособного предать друзей или

отказаться от них, я постарался выяснить обстоятельства, при которых было сделано это заявление. И оказалось, что ни на суде, ни во время предварительного следствия таких слов Гинзбург не произносил. Видимо, это опять какая-то оговорка.

И, наконец, третье, что было затронуто в Вашей со мной беседе, — это несоответствие мер, применяемых по отношению к обвиняемым, и законов, действующих в нашей стране.

Я обратил Ваше внимание на ст. 97 УПК РСФСР, которая ограничивает максимальные сроки содержания обвиняемых под стражей девятью месяцами. В комментарии к этой статье имеется такое пояснение: «Установленный законом срок охватывает весь период содержания под стражей в качестве меры пресечения. Поэтому в срок содержания под стражей входит и время нахождения дела у прокурора и в суде. При обращении дела к доследованию прокурором, судом (в том числе кассационной инстанцией) исчисление сроков пребывания под стражей не прерывается и срок исчисляется с момента задержания или избрания меры пресечения».

Выслушав все это, Вы ответили мне: «Вы плохо читали УПК. Прочтите еще раз» — и стали заниматься своими срочными делами.

Мне хотелось сказать Вам, что я читал УПК, что я читал и комментарии к нему, и «Основы уголовного судопроизводства СССР», и Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 3. 9. 1965, то есть весь материал, который мог бы пролить свет на этот вопрос, и только тогда пришел к выводу, что обвиняемых содержат под стражей незаконно.

Но Вы привстали с кресел и дали понять, что аудиенция закончена.

Ваши слова я принял как совет компетентного человека, искушенного в юриспруденции, но лишь несколько недель спустя я понял, каким глубоким смыслом они наполнены. В самом деле, еще раз читая УПК, я смог отметить, что, кроме ст. 97, нарушались частично или полностью еще, по крайней мере, 14 статей УПК РСФСР! Вот они: ст.ст. 11, 25, 68, 70, 79, 221, 239, 276, 277, 283, 286, 292, 297 и 301. (В приложении к этому письму приводится краткий обзор указанных нарушений.) Действительно, многовато для одного процесса. Любопытная деталь: виновные в нарушении ст. 97

должны нести ответственность в соответствии со второй частью ст. 171 УК РСФСР, где предполагается более строгое наказание, чем по ст. 70 УК РСФСР — той статье, которая предъявлена подсудимым. И, наконец, нужно с сожалением отметить, что ст. 97 нарушается и теперь, когда Вы читаете это письмо.

Нужно ли Вам напоминать, что 1968 год провозглашен ГОДОМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА, и то надругательство над правами человека, которым Ваше учреждение ознаменовало начало этого года, вызывает тревогу у всех честных людей в нашей стране.

Мне кажется, что Вам необходимо тщательно разобраться во всех обстоятельствах дела, наложить административное взыскание на виновных и приложить все силы, чтобы организовать пересмотр дела А. Гинзбурга и др.

А. Штельмах

16 марта 1968

Ответ направлять по адресу:
Александр Александрович Штельмах,
Москва Ж-28, Астаховский пер., 1/2, кв. 123, тел. 297 49 32

Приложение

Краткий обзор нарушений УПК РСФСР, имевших место во время судебного разбирательства по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой 8-12. 1. 1968

Ст. 70. «...Все доказательства могут быть представлены... любыми гражданами...»

Свидетелю Григоренко, предложившему дать показания по одному из основных пунктов обвинения, прокурор дал отвод. Он заявил, что Григоренко «в настоящее время невменяем».

(Гражданин П. Григоренко был помещен в психиатрическую лечебницу за критические высказывания в адрес Н. Хрущева. В настоящее время признан психически нормальным, снят с учета в психдиспансере и по месту работы ведет кружок политграмоты.)

Ст. 79. «...Проведение экспертизы необходимо: ...3) для определения психического и физического состояния свидетелей.., когда возникает сомнение в их способности пра-

вильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания».

Экспертиза по определению психического состояния гр. П. Григоренко приведена не была.

Ст. 70. «...Все собранные по делу доказательства подлежат тщательной, всесторонней и объективной проверке со сторон... прокурора и суда».

Все показания, подтверждающие пункты обвинения, предъявленные Галанскову и Гинзбургу, были даны подсудимым Добровольским, заинтересованным лицом. Однако эти показания явились основой обвинительного приговора. Показания свидетелей, противоречащие показаниям Добровольского и подтверждающие невиновность Галанскова и Гинзбурга по ряду пунктов обвинения, в рассмотрение приняты не были. В частности, в приговоре указывается, что А. Гинзбург передал Галанскову пленку со статьей «Российский путь перехода к социализму», в то время как Галансков показал, что получил ее от Файнгольда.

Ст. 68 п. 2. «При... разбирательстве уголовного дела в суде подлежит доказыванию: виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления».

Мотивы инкриминируемых подсудимым поступков не рассматривались, и наоборот — попытки обвиняемых выявить мотивы своих поступков судом пресекались.

Ст. 97. «Содержание под стражей при расследовании дела не может продолжаться более двух месяцев. Этот срок может быть продлен... до трех месяцев, а Прокурором РСФСР... до шести месяцев со дня заключения под стражу. Дальнейшее продление срока содержания под стражей может быть произведено только в исключительных случаях Генеральным прокурором СССР дополнительно на срок не более трех месяцев».

«Таким образом, общий срок содержания под стражей в качестве меры пресечения при расследовании дела установлен в девять месяцев». (Научно-практический комментарий к УПК РСФСР).

Как известно, подсудимых арестовали в январе 1967 г., в то время как суд над ними состоялся в январе 1968 г., т. е. срок содержания под стражей был превышен на три месяца. Более того, в комментарии к ст. 97 (Научно-практический комментарий к УПК РСФСР) указывается: «...Установлен-

ный законом срок охватывает весь период содержания под стражей в качестве меры пресечения. Поэтому в срок содержания под стражей входит и время нахождения дела у прокурора и в суде. При обращении дела к доследованию прокурором, судом (в том числе кассационной инстанцией) исчисление срока пребывания под стражей не прерывается и срок исчисляется с момента задержания...» Таким образом, в соответствии со ст. 97 УПК подсудимые должны быть освобождены из-под стражи по крайней мере до решения суда кассационной инстанции. Содержание этих лиц под стражей в настоящее время так же является нарушением закона. Ссылки на Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 3. 9. 1965, где указывается якобы, что ограничение сроков содержания под стражей не касается времени нахождения дела в кассационной инстанции, не обоснованы, так как данное Постановление касается только тех дел, которые были направлены *судами* на новое расследование. «В эти сроки (т. е. в сроки содержания под стражей, указанные в ст. 97 УПК — А.Ш.) не включается время нахождения дела в суде, если в результате рассмотрения судом первой или кассационной инстанции дело возвращено судом на новое расследование». (В связи с запросом о применении ст. 34 Основ уголовного судопроизводства СССР... в части порядка исчисления сроков содержания под стражей в качестве меры пресечения лиц, в отношении которых дела направлены судами на новое расследование, «Ведомости Верховного Совета СССР», 1965, № 37, стр. 533). В данном случае суд не направлял дело на новое рассмотрение.

Ст. 11. «Прокурор обязан немедленно освободить всякого... содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного законом».

Предельный срок содержания обвиняемых под стражей истек в октябре. Обвиняемые до настоящего времени находятся под стражей.

Ст. 221. «... Вопрос о предании суду должен быть разрешен судьей или судом в распорядительном заседании не позднее четырнадцати суток с момента поступления дела в суд».

Ст. 239. «Дело должно быть начато рассмотрением в судебном заседании не позднее четырнадцати суток с момента

вынесения постановления судьи либо определения распорядительного заседания о предании обвиняемого суду».

Дело Галанскова, Гинзбурга и др. было передано в суд в октябре 1967 г. и находилось там в течение трех месяцев до судебного разбирательства, которое состоялось в январе 1968 г., в то время как ст.ст. 221 и 239 определяют суммарный срок нахождения дела в суде одним месяцем.

Ст. 276. «... Суд ... должен обсудить каждое заявленное ходатайство (о вызове новых свидетелей — А.Ш.), удовлетворить его, если обстоятельства, подлежащие выяснению, имеют значение для дела, или вынести мотивированное определение об отказе в удовлетворении заявленного ходатайства».

Суд отклонил ходатайство о вызове гр. В. Н. Блюмкина, отца жены Галанскова, несмотря на ходатайство последнего. Никакого мотивированного постановления суд по этому поводу не выносил.

Ст. 277. «При неявке кого-либо из участников судебного разбирательства, а равно свидетеля ... суд выслушивает мнение подсудимого, его защитника ... о возможности разбирательства дела и выносит определение о продолжении разбирательства или об его отложении».

Некоторые свидетели не явились на судебное разбирательство в результате того, что им не были направлены повестки. Процедура, определяемая ст. 277, проведена не была.

Ст. 283. «... Допрошенные свидетели остаются в зале заседания и не могут удаляться до окончания судебного следствия без разрешения суда. Председательствующий может разрешить удалиться из зала судебного заседания ранее окончания судебного следствия не иначе как по заслушании мнений обвинителя, подсудимого, защитника ...»

Около двадцати допрошенных свидетелей были удалены из зала судебного заседания, несмотря на их протести. Свидетелю В. Виноградову, попытавшемуся отстаивать свое право на пребывание в зале суда после дачи показаний в соответствии со ст. 283, заявил: «Вот по статье 283 и уходите отсюда». Заслушание мнений подсудимых и их защитников проведено не было.

Ст. 25. «Прокурор обязан во всех стадиях уголовного судопроизводства своевременно принимать предусмотрен-

ные законом меры к устранению всяких нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили».

Никаких мер по устранению нарушений законов, имевших место во время судебного разбирательства, принято не было.

Ст. 286. «Оглашение на суде показаний, данных свидетелем при производстве дознания или предварительного следствия, может иметь место в следующих случаях: 1) при наличии существенных противоречий между этими показаниями и показаниями свидетеля на суде; 2) при отсутствии в судебном заседании свидетеля по причинам, исключающим возможность его явки в суд».

Во время судебного разбирательства были оглашены показания свидетеля Ентина, который присутствовал на суде, не противоречил данным на предварительном следствии показаниям, но отказывался давать какие-либо показания без разрешения подсудимых. Также прокурор ссылался на показания свидетелей Батшева, Шаффхаузера и Микулинской, которые отсутствовали на суде. Шаффхаузер и Микулинская находятся в заключении, что в значительной мере исключает «причины, исключающие возможность их явки в суд». Протест адвокатов по этому поводу принят во внимание судом не был.

Ст. 292. «Документы, приобщенные к делу или представленные в судебном заседании, если в них изложены или удостоверены обстоятельства, имеющие значение для дела, подлежат оглашению. Документы могут быть оглашены в любой момент судебного следствия... по ходатайству... подсудимого, защитника...»

Листовки, найденные у Брокса-Соколова и приобщенные к делу, оглашены не были, несмотря на ходатайство подсудимого А. Гинзбурга. Справка об НТС, выданная КГБ, была так же приобщена к делу без оглашения ее текста в суде.

Ст. 297. «Суд не может ограничить продолжительность последнего слова подсудимого определенным временем, но председательствующий может останавливать подсудимого в тех случаях, когда он касается обстоятельств, явно не имеющих отношения к делу».

Во время произнесения последнего слова обвиняемых неоднократно прерывали, несмотря на то, что их выступления

были посвящены анализу мотивов, определивших те или иные их поступки.

Ст. 301. «...Приговор суда должен быть мотивирован».

Защита явно показала необоснованность целого ряда пунктов обвинения. Во время прений прокурор даже не пытался опровергать эти доказательства. Однако в приговор было включено все, что когда-либо говорил прокурор, и даже то, о чем он умолчал во время своего последнего выступления. Выступления адвокатов при составлении приговора учтены не были.

Ст. 2. «Задачи уголовного судопроизводства.

Задачи советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невинный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития».

Приведенные выше примеры грубого нарушения процессуальных норм говорят о том, что во время судебного разбирательства по делу Галанскова, Гинзбурга и др. задачи судебного производства, определенные ст. 2 УПК, осуществлены не были.

Составил А. А. Штельмах

№ 28

Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу
Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину
Председателю Президиума Верховного Совета СССР
*Н. В. Подгорному**

Уважаемые товарищи!

Обращаемся к вам по вопросу, глубоко волнующему различные круги советской общественности.

На протяжении нескольких последних лет в Советском

* Настоящий документ получил известность под названием «Письмо 139-ти», а также «Украинское письмо».

Союзе проводятся политические процессы над молодыми людьми из среды творческой и научной интеллигенции. Мы обеспокоены этими процессами по ряду причин.

Прежде всего, нас не может не тревожить то, что при проведении многих из этих процессов нарушались законы нашей страны. Например, все процессы в Киеве, Львове и Ивано-Франковске 1965-66 годов, на которых осуждено более 20 человек, проводились в закрытом порядке — вопреки тому, что прямо и недвусмысленно гарантировано Конституцией СССР, Конституциями союзных республик и их уголовными кодексами. Более того, закрытый характер процессов способствовал нарушению законности в самом ходе судебных разбирательств.

Мы считаем, что нарушение принципа гласности судопроизводства идет в разрез с решениями XX и XXII съездов партии о восстановлении социалистической законности, в разрез с интересами советского общества, является надругательством над высшим законом нашей страны — Конституцией Союза Советских Социалистических Республик — и ничем не может быть оправдано.

Принцип гласности включает в себя не только открытое судебное разбирательство, но и широкое и правдивое освещение его хода в печати. Известно требование В. И. Ленина о том, что широкие массы должны всё знать, все видеть и иметь возможность обо всем судить, что особенно в отношении карательных органов «масса должна иметь право знать и проверять каждый, даже наименьший шаг их деятельности» (В. И. Ленин, т. 27, стр. 186). Между тем наша печать совершенно не реагировала на политические процессы, проводимые на Украине. Что же касается политических процессов, проводившихся в Москве, то краткие сообщения о них, появившиеся в печати, способны скорее вызвать недоумение и оскорбить своим неуважением к здравому смыслу советского читателя, нежели дать ему действительную информацию о слушавшихся делах и ходе судебного разбирательства.

Эта, по сути, бесконтрольность и непубличность сделала возможным нарушение конституционных гарантий и процессуальных норм. Стало почти правилом, что на подобных политических процессах суд отказывается выслушивать свидетелей защиты и ограничивается только свидетелями обвинения. Факты, приведенные в получившем широкую

известность открытом письме П. Литвинова и Л. Богораз, красноречиво свидетельствуют о том, что суд над Галансковым, Гинзбургом, Добровольским и Лашковой проводился с грубыми нарушениями процессуальных норм.

Обращает на себя внимание то зловещее обстоятельство, что во многих случаях подсудимым инкриминируются высказываемые и отстаиваемые ими взгляды, отнюдь не имеющие антисоветского характера, а лишь содержащие критику отдельных явлений нашей общественной жизни или критику явных отступлений от социалистического идеала, явных нарушений официально провозглашенных норм. Например, журналист Вячеслав Черновол был судим Львовским областным судом 15 ноября 1967 г. только за то, что собрал и представил в официальные органы материалы, раскрывающие противозаконный и юридически безграмотный характер политических процессов, проведенных на Украине в 1965-66 годах. И несмотря на то, что обвинение не смогло выдвинуть против В. Черновола ничего вразумительного и не смогло даже выставить против него ни одного свидетельского показания (из двух привлеченных обвинением свидетелей один не явился в суд по неизвестным причинам, а другой отказался в пользу Черновола от своих прежних показаний), несмотря на то, что защита убедительно и ярко вскрыла всю смехотворность выдвинутого против В. Черновола обвинения — суд все-таки удовлетворил все требования обвинения и приговорил молодого журналиста к трем годам лишения свободы.

Все эти и многие другие факты говорят о том, что проводимые в последние годы политические процессы становятся формой подавления инакомыслящих, формой подавления гражданской активности и социальной критики, совершенно необходимой для здоровья всякого общества. Они свидетельствуют об усилившейся реставрации сталинизма, от которой столь энергично и мужественно предостерегают И. Габай, Ю. Ким и П. Якир в своем обращении к деятелям науки, культуры и искусства СССР. На Украине, где нарушения демократии дополняются и обостряются извращениями в национальном вопросе, симптомы сталинизма проявляются все более явно и трубо.

Мы считали своим долгом выразить глубокую тревогу по поводу происходящего. Мы призываем вас использовать свой авторитет и свои полномочия в том направлении, чтобы

органы суда и прокуратуры строго соблюдали советские законы и чтобы возникающие в нашей общественно-политической жизни трудности и разногласия разрешались в идейной сфере, а не отдавались компетенции органов прокуратуры и госбезопасности.

С. Параджанов, кинорежиссер, лауреат международных кинофестивалей
А. М. Королев, кандидат физико-математических наук
Ю. В. Цехмистренко, кандидат физико-математических наук
И. С. Марчук, художник
В. Г. Бондарчук, кандидат физико-математических наук
И. Г. Заславская, кандидат физико-математических наук
А. Ф. Лубченко, профессор, доктор физико-математических наук, лауреат Ленинской премии
И. П. Дзюб, кандидат физико-математических наук
И. А. Светличный, литератор
В. А. Вышенский, математик
И. М. Дзюба, член СП Украины
З. С. Грибников, кандидат физико-математических наук
И. П. Жадько, кандидат физико-математических наук
Н. Н. Григорьев, физик
Б. Д. Шанина, физик
М. И. Белецкий, математик
В. Бондарь, кандидат физико-математических наук
В. А. Тягай, кандидат физико-математических наук
Ю. Кулюпин, кандидат физико-математических наук
В. Зуев, физик
О. Г. Сарбей, кандидат физико-математических наук
П. М. Томчук, кандидат физико-математических наук
Д. Абакаров, мастер спорта СССР
В. И. Шека, кандидат физико-математических наук
Г. П. Кочур, член СП Украины

В. О. Шевчук, член СП Украины
Л. Костенко, член СП Украины
Е. А. Попович, литератор
М. Коцюбинская, литератор
Б. Харчук, член СП Украины
З. Франко, литератор
[А.] Горская, член СХ Украины
Б. Антоненко-Давидович, член СП Украины
Б. Гопник, член СЖ СССР
А. В. Скороход, профессор, доктор физико-математических наук, член-корреспондент АН УССР
В. Б. Богданович, старший инженер
В. Н. Ораевский, кандидат физико-математических наук
В. Покровский, физик
П. Диброва, старший инженер
А. А. Белецкий, доктор филологических наук
Т. Н. Чернышева, кандидат филологических наук
Ж. Скляренко, физик
Т. Калустян, артистка, лауреат Украинского конкурса вокалистов
Ю. Д. Соколов, профессор, доктор физико-математических наук, член-корреспондент АН УССР
Ю. М. Березанский, профессор, доктор физико-математических наук, член-корреспондент АН УССР
Е. А. Сверстюк, литератор
Ю. Н. Коваленко, кандидат технических наук
А. М. Таран, журналист
А. А. Братко, кандидат философских наук
Г. Т. Криворучко, рабочий
Т. А. Коломиец, член СП Украины
А. Ф. Сергиенко, студент
Б. Е. Тюфанов, инженер
Г. В. Болотова, продавец
В. В. Линчевский, студент
В. А. Фоменко, студент
М. Р. Селивачив, студент
Л. Г. Орел, педагог
И. А. Черненко, редактор

А. Т. Болехивський, врач
М. И. Палий, студентка
Я. В. Конопада, врач
В. В. Здоровило, инженер
Н. П. Безпалько, бухгалтер
Л. И. Ященко, член Союза композиторов Украины
Т. Р. Гирнык, филолог
И. И. Русин, инженер
А. В. Забой, художник
В. О. Безпалько, рабочий
Б. Ф. Матушевский, инженер
М. Ю. Брайчевский, кандидат исторических наук
В. П. Савчук, рабочий
Д. Порхун, пенсионер
А. Н. Доценко, старший инженер
Б. Д. Широцкий, юрист
В. Г. Орел, инженер
Р. О. Мельниченко, филолог
Л. Г. Просяткивська, педагог
Л. И. Литовченко, студентка
Э. Ашпис, преподаватель консерватории
А. Г. Ситенко, профессор, доктор физико-математических наук, член-корреспондент АН УССР
И. Я. Бойчак, кандидат филологических наук, член СП Украины
В. Коломиец, член СП Украины
Л. Семыкина, член СХ Украины
Г. Ф. Дворко, доктор химических наук
А. Л. Путь, кандидат биологических наук
Г. А. Бачинский, кандидат биологических наук
П. Ф. Гожик, кандидат геолого-минералогических наук
Г. Ф. Матвиенко, биолог
И. Б. Люрин, биолог
А. Шевченко, журналист
Л. Коваленко, кандидат филологических наук, член СП Украины
И. Драч, член СП Украины
Н. Винграновский, член СП Украины
Ю. Сердюк, член СП Украины
Г. Севрук, художник

А. Осинская, артистка
Л. П. Кармазина, инженер
К. Б. Толпыго, профессор, доктор физико-математических наук, член-корреспондент АН УССР
А. Семенов, инженер
В. Зарецкий, член СХ Украины
Семенова, биолог
И. Литовченко, член СХ Украины
Плаксий, художник
В. Некрасов, писатель, член СП Украины, лауреат Государственной премии
Комашков, слесарь
Назаренко, электрик
Ердан, рабочий
Берлинская, рабочая
Недошковский, арматурщик
Могиль, гидроизолировщик
Дырив, электрик
Булай, электрик
Манакеев, рабочий
Виноград, рабочий
Касимчук, литейщик
Громадюк, бетонщик
Сугоняко, плотник
Рябоконь, ассенизатор
Стефанчук, гидроизолировщик
Петров, гидроизолировщик
Горбач, электрик
Цебенко, шофер
Чижевский, бет-монтажник
Годун, каменщик
Кирев, электросварщик
Иваненко, гравер
Серош, слесарь
В. Стус, литератор
Р. Довгань, журналист
Р. Корогодский, искусствовед
А. Захарчук, художник
В. Луцак, скульптор
В. Довгань, скульптор
В. Богословский, врач

Я. Ступак, литератор
Я. Кендзьор, рабочий
В. Яременко, литератор

(Апрель 1968,
Киев)

№ 29

Его Святейшеству Патриарху Вселенскому Афинагору,
Стамбул, Турция

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ

Ваше Святейшество, обращаюсь к Вам и с идентичными письмами к некоторым другим мне известным выдающимся представителям всемирного Христианства, — обращаюсь без какой-либо корпоративной представительности, но в полной личной ответственности. Я почувствовал свой личный долг христианина и священника в том, чтобы передать Вам мои впечатления от свидетельства, с которым выступил в рукописи «МОИ ПОКАЗАНИЯ» (Александров, 1967) Анатолий Тихонович Марченко, недавно вышедший из концентрационного лагеря на станции Потьма в Мордовской Автономной Социалистической Советской Республике*. Речь идет не о проклятом прошлом, а о том, что происходит сегодня.

1. Сегодня политические заключенные в тюрьме и лагере подвергаются бесчеловечному обращению. Кошмарны условия перевозки заключенных. Затем во все продолжение присужденного срока — голод, хроническое недоедание, временами форменная пытка голодом. 2400 калорий на человека в день, для провинившихся — 1300 калорий. Принудительные работы, невыносимо тяжелые при столь недостаточном питании. Опасные для здоровья бытовые условия. Совершенно неудовлетворительное медицинское обслуживание для заболевших. Автор вышел из лагеря инвалидом — оглох вследствие того, что был оставлен без лечения при гнойном менингите. Он свидетельствует — с готовностью доказать это на гласном суде — об избиениях за-

* В июле 1968 года Марченко был вновь арестован и осужден на 1 год лагерей строгого режима. Хотя формально он был судим по ст. 198 УК РСФСР (нарушение паспортного режима), можно думать, что это месть КГБ за книгу

ключенных, об убийствах пойманных беглецов, о многообразных издевательствах, доводящих людей до сумасшествия, самокалечения, самоубийства. Произвол администрации и абсолютная безнадежность протестов. Сегодня остается и в полной силе действует традиция сталинских лагерей — подавление человеческого достоинства заключенных и тяжелые репрессии для каждого, кто этому сопротивляется: лишение свиданий, посылок, книг, карцер и внутрилагерная тюрьма со сниженной нормой питания. Все это вместе называется «строгим режимом» — на деле же является системой ускоренной смерти.

2. Вместе с политическими заключенными сегодня в этой системе страдают и так называемые «религиозники». Автор свидетельствует: «Так одним словом называют тех заключенных, которые сидят за веру в Бога. Верят в Бога не только они, среди заключенных есть и другие верующие; а религиозники именно за религию арестованы и осуждены. Кого только нет среди них! И мусулмане с Кавказа, из Средней Азии, и православные, и баптисты, и свидетели Иеговы, и евангелисты, и субботники, и много разных других... Фанатизм религиозников проявляется только в том, что они отстаивают свои собственные религиозные убеждения и правила. Это очень смирные и спокойные люди, большей частью старики лет 60 и старше, но есть и молодые. К заключению своему они относятся не так, как другие заключенные: их утешает то, что они страдают за своего Бога и за свою веру, и они терпеливо переносят страдания и мучения».

3. Автор близко познакомился в лагере с писателем Юлием Даниэлем. Вместе с писателем Андреем Синявским они были в 1966 году осуждены соответственно на 5 и 7 лет «строгого режима» за художественные произведения, в которых проявили критическое отношение к современной действительности. Известно, что позднее за составление сборника документов о процессе этих писателей осужден на пять лет «строгого режима» Александр Гинзбург. Вместе с ним за составление рукописного литературного сборника «Феникс» осужден на 7 лет того же убийственного «строгого режима» больной Юрий Галансков*. К сожалению, из сви-

* По поводу осуждения Галанскова и Гинзбурга С. Желудков обратился со специальным письмом в ЦК КПСС. Копии этого письма были изъяты у него милицией при задержании, и составитель настоящего сборника не смог достать ни одной из них.

детельства Марченко нельзя определить — каково относительное множество других подобного рода страдальцев. Формально такие люди считаются уголовными преступниками, но они не сделали и не замышляли никакого насилия. Они только попытались было осуществить некоторые из прав человека, провозглашенных еще в 1948 году Организацией Объединенных Наций; а это такие права человека, которые являются вместе с тем и религиозной обязанностью человека. Христианин обязан пред Богом быть вполне человеком — свободным человеком, свободно размышлять, не лгать, не притворяться перед собой и другими... Преследование человека за эту свободу личных убеждений и мирных правдивых высказываний есть покушение Кесаря на то, что принадлежит Богу. По сути дела такое преследование есть преступление против человечности — против свободной, священной человечности, которая дарована нам от Бога во Христе, Господе нашем. За этот христианский принцип страдают сегодня в «строгом режиме» упомянутые и безвестные представители русской интеллигенции.

Таковы в кратчайшем изложении свидетельства, в правдивости которых при желании можно довольно легко убедиться. Представляю их на усмотрение Вашей христианской совести. Я полагаю, что в нашем практическом отношении к этим фактам сегодня на деле проверяется искренность и духовная сила нашего Христианства.

С уважением

свящ. Сергий Желудков

В день святителя Николая и Победы,
9 мая 1968 года

Мой адрес:
СССР,
Псков 14, Псковская ул., 6

Идентичные письма посылаются:

Генеральному секретарю Всемирного Совета Церквей доктору Юджину К. Блейк, Женева, Швейцария

Его Преосвященству Кардиналу Беа, Рим, Италия

Его Преосвященству Кардиналу Стефану Вышиньскому, Варшава, Польша

Его Милости Архиепископу Кентерберийскому Михаилу Рамзей, Лондон, Англия

Его Милости Епископу Вуличскому Джону Робинзон, Лондон, Англия

Председателю Христианской Мирной Конференции профессору Иосифу Громадка, Прага, Чехословакия

Профессору Колумбийского университета и Православной академии имени св. князя Владимира протоиерею о. Александру Шмеман, Нью-Йорк, США

Протоиерею о. Владимиру Родзянко, Британская Радиовещательная Корпорация, Лондон, Англия

№ 30

Главному редактору газеты «Морнинг стар»

Уважаемый товарищ главный редактор,

в январе этого года Ваша газета уделила довольно много места сообщениям о состоявшемся в Москве суде над Галансковым, Гинзбургом, Добровольским и Лашковой. Учитывая проявленный Вашей газетой интерес, я посылаю Вам это письмо с просьбой опубликовать его. Если почему-либо это будет трудно или неудобно Вам сделать, я прошу Вас передать письмо в те органы печати, которые согласятся его опубликовать.

В конце апреля этого года я получила разрешение на свидание со своим мужем, Юрием Галансковым, который находится в заключении в одном из исправительно-трудовых лагерей строгого режима в Мордовии. В дальнейшем я надеюсь подробно описать условия, в которых находится мой муж, и состояние его здоровья, пока же хочу лишь выполнить следующую его просьбу.

По его словам, за все время следствия следователем КГБ не раз предлагали ему сообщить или сфабриковать какие-либо сведения, порочащие Гинзбурга и говорящие о его мнимой связи с НТС, в этом случае они обещали ему то же снисхождение, какое было оказано на суде Добровольскому. Мой муж просил меня сделать это как можно более широко известным.

Иначе говоря, от него хотели, чтобы он сыграл по отношению к Гинзбургу такую же провокационную роль, какую

сыграл Добровольский по отношению к нему самому. Мой муж отказался это сделать — и получил максимальный срок.

Что же касается Добровольского, то мой муж считает, что он не агент КГБ и не злодей, а больной и сломленный человек, заслуживающий жалости, а не осуждения. Так он и старается в лагере вести себя по отношению к Добровольскому.

С уважением

О. Тимофеева

Май 1968,
Москва

V

ОСВЕЩЕНИЕ ДЕЛА В ПЕЧАТИ

В настоящий раздел включены все известные составителю настоящего сборника статьи и отзывы о процессе и в связи с ним, появившиеся в центральной советской прессе, а также все известные и доступные составителю отклики читателей на эти публикации.

Что касается публикаций в официальной прессе, то составитель хотел бы обратить внимание на следующую подмеченную им последовательность:

1) публикации января 1968 года посвящены, главным образом, самому процессу;

2) публикации конца февраля — марта — протестам советской и зарубежной общественности против суда и его освещения в официальной советской печати;

3) публикации апреля-мая — часть общей газетной кампании, начатой после XIX Московской партконференции и апрельского Пленума ЦК КПСС;

4) публикации июня-августа содержат отдельные упоминания о процессе, они, видимо, будут появляться и в дальнейшем.

Все публикации расположены в хронологическом порядке. Материалы, не посвященные специально процессу или откликам на него, а только содержащие короткие упоминания, даются в отрывках.

№ 1

В МОСКОВСКОМ ГОРОДСКОМ СУДЕ

С 8 по 12 января с. г. в Московском городском суде слушалось дело Гинзбурга А. И., Галанскова Ю. Т., Добровольского А. А. и Лашковой В. И., привлеченных к ответственности по ст. 70 УК РСФСР.

Суд на основании показаний свидетелей и подсудимых, а также вещественных доказательств установил виновность названных лиц в преступной связи с зарубежной антисоветской организацией.

Суд приговорил: Галанскова Ю. Т. — к 7 годам лишения свободы, Гинзбурга А. И. — к 5 годам лишения свободы, Добровольского А. А. — к 2 годам лишения свободы, Лашкову В. И. — к 1 году лишения свободы.

«Вечерняя Москва», 13. 1. 1968.

№ 2

ЗАТЯНУТЫЕ ОДНИМ ПОЯСОМ

Мы уже о нем писали (см. «Известия» № 7 за 1968 г.). Брокс Соколов прибыл в Советский Союз обычным туристом, но его багаж, вернее снаряжение, к туризму никакого отношения не имел. Брокс оказался гостем с двойным дном. Его талию охватывал пояс с начинкой — шапирографом, средствами тайнописи, пакетами с антисоветской литературой, деньгами — «дарами» злобной закордонной антисоветской организации «Народно-трудовой союз». Теперь он осознает, что этот пояс тугим жгутом обвился вокруг его совести.

Послушаем, что говорит об этом сейчас сам Брокс. Что произошло и как произошло. Забежим несколько вперед. Пакеты, которые Брокс должен был передать «определенному лицу» в парке Сокольники в Москве, содержали фотографии людей, с которыми он знаком не был, и вероятно, не предполагал, что знакомство состоится так скоро и в столь нежелательной обстановке.

Как известно, с 8 по 12 января с. г. в Московском городском суде слушалось дело Гинзбурга А. И., Галанскова Ю. Т., Добровольского А. А. и Лашковой В. И., привлеченных к ответственности по ст. 70 УК РСФСР. Галансков, Гинзбург, Добровольский, Лашкова — на скамье подсудимых, а Брокс выступает свидетелем на этом процессе.

На днях Броксу исполнился 21 год. Пору мужания он встретил по уши в грязи. Похоже, правда, что забрался в нее он по наивности, большой доверчивости перед людьми, которые сделали ложь, клевету и подкуп своей профессией.

Итак, заграничный гость, позволивший сделать себя ору-

дием организации, живущей на подачки Центрального разведывательного управления США, дает показание перед судом, так и не успев выполнить задания.

Свидетель Николас Брокс Соколов — гражданин Венесуэлы. Говорит по-испански, хотя понимает и достаточно хорошо изъясняется по-русски. Однако чтобы исключить возможность появления языкового барьера, суд предлагает ему услуги квалифицированного переводчика. Свидетель предупрежден, что он должен говорить только правду и за ложные показания будет нести уголовную ответственность.

Жизненный путь Брокса не так уж богат событиями. Он родился в Западной Германии в семье выходцев из России. Родители вскоре перебрались в Венесуэлу и приняли ее гражданство. По мнению отца, Брокс-младший был достаточно подготовлен, чтобы пуститься в самостоятельное плавание по бурному океану, имя которому жизнь. Сына направляют учиться во Францию, в университет в Гренобле. Последние события, однако, показали, что Николас Брокс еще недостаточно оперился для самостоятельного полета.

Молодого студента интенсивно окружили «вниманием» на французской земле. Создавалось впечатление, что некий Женя только затем и приезжал из Западной Германии, чтобы познакомиться с «симпатичным русским». Это приятно щекотало самолюбие Брокса. Ведь он все относил на счет своего личного обаяния. Невдомек ему было тогда, что русское происхождение, знание русского языка и, наконец, его желание побывать в Советском Союзе было тем «медом», на который слетались агенты эмигрантского шпионского и диверсантского отребья из НТС.

«Друзья» вокруг Брокса хлопотали долго, не раскрывая до поры до времени ни принадлежности своей к НТС, ни своих истинных намерений в отношении его самого. Ему подсовывают «литературу» с злобными нападками на советскую действительность, нашептывают в уши небылицы о Советском Союзе. Где-то в июне 1967 года его затаскивают на «лекцию», где, что, кто — не объясняют. Шепчут: «Будет интересно». В Гренобле рушит стены наигранным возмущением и отработанными долгой практикой стенаниями по поводу «несчастной доли народа русского» некто Михаил Славинский. Брокса знакомят с ним, но фамилию его он узнает гораздо позднее, только в ноябре месяце. Видно, у

Славинского есть все основания оставаться «неизвестным». Его насыщенные клеветой и злобой заклинания пышно именуются лекцией. Здесь из уст Славинского Брокс узнает, что есть в Советском Союзе «радетели за свободу». Их имена: Галансков, Гинзбург, Добровольский.

Кто же они, эти люди? Все они закончили среднюю школу, но перспектива служения советскому обществу, народу их не устраивала. О своих биографиях они предпочитают помалкивать. Ничего привлекательного в них нет. Кроме чувства настороженности, их прошлый жизненный путь, до момента окончательного падения, ничего вызвать не может. Вот Гинзбург. Где только он не подвизался! Находясь в Кимрах, пробовал пристроиться на театральных подмостках в качестве осветителя. Но и эта работа требует усилий. Она оказалась не по плечу Гинзбургу. Пробует силы в коммунальном хозяйстве. И здесь «талант» его не раскрылся. Устраивается рабочим в музей, а фактически остается нахлебником матери — пенсионерки. То сам бросает работу, то его увольняют за прогулы. Наконец, нашел себя в мошенничестве. Попался и был судим за это в 1960 году. В 1964 году его вновь привлекают к уголовной ответственности, но не лишают свободы, дав возможность стать на путь честного труженика. Но не таков Гинзбург. Разложившись морально и политически, он скатывается в болото, связывается с иностранной антисоветской организацией — НТС.

Другой подсудимый — Галансков. Этот, как и Гинзбург, всю жизнь стремился устроиться на шее общества и в то же время не упускал возможности чернить его. Много раз обращалось внимание Галанскова на его антиобщественное поведение. Но он не унимался.

Ну, а Добровольский? Совсем недалеко ушел он от своих дружков. Дважды привлекался к уголовной ответственности. Но ничто не помогало исправлению. Хочется думать, что его раскаяние и признание вины на последнем процессе откроет ему глаза и поможет, наконец, стать на честный путь.

Совершенно конкретные задания поручались и машинистке Лашковой. Она размножала документы антисоветского содержания, распространяла литературу, полученную от НТС.

Вот эти-то люди и откликнулись на призыв эмигрантского отребья и начали сотрудничать с НТС.

Брокс вспоминает, что в университетских коридорах Гренобля и на лекции Славинского мелькала фигура некоей Тамары Волковой, которая позднее будет ему представлена и начнет самую активную его обработку, познакомит с другими членами НТС. Волкова приглашает Брокса из Гренобля в Париж. Здесь на сцену выступают еще двое скороспелых «друзей», которых студент знает только по именам — Виктор и Женя. Тем не менее он берется выполнить их «пустяковое», но «благородное» поручение. А речь идет ни больше ни меньше, как о поездке в Советский Союз. Щедрые «друзья» дают Броксу потайной пояс с материалами, которые надлежит разбросать в почтовые ящики или передать в Москве «определенному лицу», встретившись с ним в обусловленном месте. Словом, совершенно «невинная» просьба, а для друзей чего не сделаешь!

Затягивая Брокса поясом грехопадения, наемники ЦРУ отдавали себе отчет в том, что толкают человека на путь, который может отнять у него честное имя и избранную им карьеру. Но до этики ли руководителям шпионской организации, когда у них самих дела идут из рук вон плохо. Кичливые посулы американским хозяевам, в течение многих лет раздававшиеся из гнезда «Народно-трудового союза», остались не больше, чем мыльными пузырями. В «активе» эмигрантского логова преступников и предателей пусто. Лавочка проходимцев явно оказалась нерентабельной в системе шпионско-диверсионной и пропагандистской деятельности ЦРУ.

Вечером 23 декабря 1967 года в Московском аэропорту из самолета вышел молодой иностранный турист. Это был Брокс. Как железный обруч, сжимал его проклятый пояс. Несколько дней он таскал его на себе, не снимая и не освобождаясь от содержимого. Сейчас все это на столе перед судом в качестве вещественных доказательств. Письма с заготовленными обратными адресами. Они предназначались определенным лицам в Советском Союзе, и «отправитель» их, оказывается, проживает не во Франции или в Западной Германии, а якобы тоже... в Советском Союзе. Пять конвертов с фотографиями. На фотографиях и на скамье подсудимых знакомые Броксу понаслышке Гинзбург, Галансков, Добровольский. Деньги. Много советских

денег. Шапирограф и средства для тайнописи. Брокс в отчаянии. Он заявляет, что до ареста ничего не знал о содержимом пакетов. Да, признает Брокс, все то, что лежит на судейском столе, изъято из его пояса при аресте, когда он намеревался передать содержимое адресату. Кое-что из этого «имущества» сидящим на скамье подсудимых уже знакомо. НТС и тут остался верен стандарту. «Вот такой вот точно шапирограф был передан ранее мне Галансковым», — говорит подсудимый Добровольский.

Суд исчерпал вопросы к свидетелю, но Брокс просит слово для заявления. «Я постараюсь не отнимать у вас много времени, — говорит Николас Брокс. — Я напоминаю, что во время «лекции» Славинского я считал, что Гинзбург, Добровольский, Галансков — писатели. В газетах во Франции о них сообщали как о писателях. Поэтому я считал, что они молодые писатели и заключены в тюрьму, что с ними поступили несправедливо. Только в ноябре я узнал, кто такая Тамара Волкова. В это время что-то писали насчет суда. Она спросила, чем я могу помочь. Я вначале не понял, о чем идет речь. Она знала, что я собираюсь в Москву в декабре месяце. В начале декабря я встретил Волкову в Париже... Я приехал в Париж и встретил ее на вокзале. Около нее был еще один человек. Я спросил, какую помощь я смогу оказать. Мне ответили: «Отправить пять писем и, может быть, небольшой пакетик». За день перед отъездом я узнал, что мне надо будет сделать. В это время я был в таком состоянии, что никак не мог отказаться от пакета. Это было мне неприятно. Человек, с которым мне нужно было встретиться в Москве, это тоже, как мне сказали, один человек, который мог бы оказать помощь тем, которые находятся здесь арестованными. Но сейчас я вижу, что меня обманули, и обманули два раза. Один раз, когда мне сказали, что это писатели и поэтому их судят. Я же вижу не писателей. Здесь судят уголовников за связи с НТС. С другой стороны, мне говорили, что в этих пакетах находятся только материалы, которые могли бы оказать им помощь. Когда меня задержали, то оказалось, что там находилось не то, что они мне сказали. Там были деньги, шапирограф, копирки, всякие вещи — совсем не то, что мне сказали. Я хотел бы сказать, что я опечален, что невольно нарушил законы этой страны».

Даже у «курьера» НТС Брокса открылись глаза на тех,

кто предстал перед органами советского правосудия, как платная агентура НТС. Преступная деятельность Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой изобличена на суде не только неопровержимыми документами, экспертизами, но и показаниями близко знавших их свидетелей.

Присутствовавшие на суде москвичи с одобрением встретили приговор суда. За антисоветскую пропаганду и агитацию, нарушение правил о валютных операциях Московский городской суд приговорил Ю. Галанскова к семи годам лишения свободы. Его сообщники приговорены: А. Гинзбург — к пяти годам, А. Добровольский — к двум годам лишения свободы и В. Лашкова — к 1 году лишения свободы. В приговоре указано, что при определении меры наказания суд учитывал личность обвиняемых, степень искренности и раскаяния, другие обстоятельства.

Т. Александров,
В. Константинов.

»Известия», 16. 1. 1968.

№ 3

В ЛАКЕЯХ

Всполошились охочие до сенсаций «специалисты по русскому вопросу», антисоветчики из белоэмигрантских листков, комментаторы «Немецкой волны», «Голоса Америки» и прочая и прочая. В ход пущен полный набор подрывных воплей о свободе, которой мы с вами читатель, оказывается, лишены. Уже строчат на Западе патетически-слезливые петиции и даже создают комитеты спасения, оказания материальной и моральной помощи...

По твердому убеждению «доброхотов», в Москве учинена грубая судебная расправа над группой молодых талантливых писателей, авторов широко известных и любимых народом произведений, бескорыстных борцов за... А вот за что, тут версии возникают самые разнообразные. Чувствуется, многоопытным комментаторам затруднительно сформулировать программу «молодых дарований». Юрий Галансков, Александр Гинзбург и Алексей Добровольский, торжественно произведенные буржуазной прессой в писатели и величаемые ею не иначе, как «видные поэты и публицисты», у себя на родине таковыми пока что не зна-

чатся. Советским читателям эти имена абсолютно ничего не говорят. Поскольку ни за кем из них ни одной опубликованной строки на сегодняшний день не числится.

А шум поднялся из-за того, что все трое вместе с лаборанткой подготовительного факультета МГУ Верой Лашковой оказались недавно на скамье подсудимых. И речь тут придется вести о делах, весьма далеких от литературы.

Кто же они, представшие перед судом?

Характерна фигура А. Гинзбурга. Студент-заочник первого курса архивного института, он в свои 30 с лишним лет так и не приобрел определенной профессии. Был библиотекарем, токарем, осветителем в театре, рабочим музея, а большей частью находился на иждивении матери. Нигде подолгу не задерживался. То сам бросал работу, то его увольняли за прогул. В тресте «Мосочистводоканал» рабочие потребовали убрать его из коллектива за антиобщественное поведение и нарушение трудовой дисциплины. У себя на квартире он скрывал уголовного преступника. В 1960 году за мошенничество и подделку документов был привлечен к ответственности. Два года находился в заключении. В 1964 году против него снова было возбуждено уголовное дело за подобные же неблаговидные проступки.

Под стать Гинзбургу и остальные. А. Добровольский привлекался к ответственности за расклейку в общественных уборных листовок хулиганского содержания. Ю. Галансков также неоднократно имел дело с милицией как нарушитель общественного порядка.

Словом, по части нарушения законов у каждого из них уже накопился некоторый опыт, чего никак нельзя сказать об опыте творческом.

Таково их вчерашнее лицо. А ныне на основании статьи 70-й УК РСФСР А. Гинзбург, Ю. Галансков, А. Добровольский и В. Лашкова держат ответ за уголовные преступления, совершенные против советского народа.

Вчерашние тунеядцы сегодня обвиняются в преступной связи с белоэмигрантской организацией НТС, ставящей своей задачей свержение существующего в СССР строя и реставрацию буржуазных порядков, в получении от нее и распространении в стране антисоветской литературы, в передаче на Запад материалов, в которых содержится клевета на наш народ, нашу Родину, а также в махинациях, связанных с получением из-за рубежа валюты.

В зале суда тесно. Здесь присутствуют родственники обвиняемых, рабочие служащие столицы, представители предприятий и организаций, к которым в разное время имели отношение подсудимые, журналисты...

Суд внимательно изучает факты, показания свидетелей, вещественные доказательства, заключения экспертиз. Вопрос. Ответ. Оглашение документов. Шаг за шагом прослеживается история падения новоявленных герострат.

— Мы хотели, — заявил на суде Ю. Галансков, работавший до ареста вместе с Гинзбургом в музее подсобником, — чтобы наши имена стали известны во всем мире.

Сориентировались они вполне «профессионально» — на мир доллара и провокаций. Галансков с Гинзбургом ясно представляли себе, чего ждут от них в этом мире и что надо делать, чтобы услышать слова одобрения не только из заштатных газетенок, издаваемых НТС, но и со стороны солидных еженедельников в красочных обложках.

Гинзбург, Галансков и вовлеченный в их компанию переплетчик Добровольский от абстрактных деклараций переходят к активной деятельности. Они становятся платными агентами НТС, так называемого народно-трудового союза, белоэмигрантской организации, состоявшей на службе у Гитлера, а ныне находящейся на содержании у Центрального разведывательного управления США. Они собирают клеветнические материалы, порочащие советский государственный и общественный строй, накапливают их у себя, размножают, а затем тайно переправляют за рубеж с целью использования в буржуазной печати.

Но они работали не только «на вынос». Через специальных курьеров, которые приезжают в нашу страну под видом туристов, им направляли из-за рубежа НТСовскую литературу — брошюры, книги, листовки, где каждая строка пропитана ненавистью и желчью, где почти на каждой странице — призыв к террору.

Из допроса подсудимых выясняются немаловажные детали. Вот дает показания А. Добровольский.

Прокурор. Что вам известно о связях Галанскова и Гинзбурга с заграницей?

Добровольский. В связи с передачей мне Галансковым НТСовской литературы и шапирографа, я поинтересовался, откуда он все это получил. Галансков ответил,

что он имеет связь с заграницей с 1962 года и получил эту связь от Гинзбурга.

Прокурор. С какой организацией поддерживалась связь за границей?

Добровольский. Галансков мне говорил, что он имеет связь с НТС.

При обыске у Гинзбурга, Галанскова и Добровольского были изъяты десятки полученных из-за рубежа антисоветских изданий. Среди них — программа и устав НТС, белогвардейская газета «Посев», выпущенная в виде восьми листовок, махрово антисоветские журналы «Наши дни», «Грани», сочинения главарей и идеологов НТС. В материалах, которые получал от хозяев Галансков и передавал Добровольскому и Гинзбургу, содержались рекомендации и наставления о формах и методах борьбы с советским строем, в том числе вооруженной борьбы, призывы к совершению террористических актов, к созданию ячеек НТС на территории Советского Союза. Страницы этих злопыхательских опусов густо начинены такого рода заявлениями: «Уничтожение коммунистической диктатуры в России послужит началом оздоровления и обновления всего мира». Они буквально пестрят антисоветской терминологией: «коммунистическое иго», «освобождение от коммунизма» и т. д. А ведь Гинзбург и компания, повторяю, не только упоенно внимали этим изданиям, но и всячески стремились их пропагандировать. Как показал на суде свидетель Е. Кушев, они будто невзначай подсовывали НТСовскую продукцию незадачливым молодым людям, своим бывшим соученикам и знакомым.

В числе их была и Вера Лашкова, оказавшаяся теперь на скамье подсудимых. В свое время ее увлекла мнимая оригинальность новых знакомых. Неустойчивая по натуре, никогда по-настоящему не задумывавшаяся о своих политических взглядах, Лашкова поддалась настроениям этой троицы, сделалась соучастницей ее преступных действий. Во множестве экземпляров она перепечатывает полные очернительной злобы материалы, в поисках которых с утра до вечера рыщут ее приятели. Она читает и предлагает другим подсунутую ей НТСовскую литературу. Порою у Лашковой появляются сомнения и тревога, но после заверений работодателей о том, что тут нет ничего предосуди-

тельного, и более чем щедрой оплаты постранично она быстро успокаивается. Конечно, в двадцать два года можно уже самостоятельно квалифицировать характер своей деятельности. Но эта нехитрая мысль пришла ей в голову слишком поздно.

— Я непозволительно мало думала над теми фактами, которые требовали от меня строгой оценки. Сделай я это своевременно, все могло бы сложиться иначе, — сокрушается В. Лашкова на суде.

Не умаляя серьезности вины В. Лашковой, надо тем не менее признать, что ее участие в преступной игре, затеянной пособниками НТС, было до известной степени случайным. Другое дело Гинзбург, Галансков и Добровольский. Они-то знали, на что шли. Вот почему все время соблюдали строжайшую конспирацию. В этом им помогали друзья из НТС. Они договорились с ними об условном шифре, снабдили своих подопечных специальными приспособлениями для тайнописи.

При обыске у Гинзбурга, Галанскова и Добровольского были обнаружены принадлежности шпионской экипировки — копирки для тайнописи, шапирографы, инструкции, антисоветская литература, листовки. Все это при удобном случае пускали в ход. Представляют в этом смысле интерес показания подсудимой Лашковой.

Прокурор. Галансков вас просил отпечатать какое-нибудь зашифрованное письмо?

Лашкова. Да, я печатала для него письмо.

Прокурор. Расскажите суду, когда и при каких обстоятельствах.

Лашкова. У Галанскова, в одной копии, на папиросной бумаге. Письмо было без обращения, без адреса, во всяком случае. Письмо было несколько туманного содержания, потому что там встречались цифры. То-есть шифр какой-то. Оно не было целиком зашифровано, но были зашифрованы определенные положения, слова.

Прокурор. Как примерно выглядел текст?

Лашкова. Там шла речь о каких-то 101, 102, 103 и т.д. О взаимоотношениях между ними.

Прокурор. 101 не хочет подъехать к 103-му?

Лашкова. Я говорила о взаимоотношениях между цифрами.

Прокурор. На квартире 104-го нельзя делать что-то...
Лашкова. Это то самое письмо.

На суде был установлен факт получения из-за границы добровольными лакеями НТС крупных сумм денег в американских долларах и советских рублях. Это была плата за предательство. Ю. Галансков с помощью посредников продавал валютчикам доллары за рубли. Не обошлось здесь без казусов. Получив однажды от Галанскова пятидесятидолларовые бумажки, деятели «черного рынка» ухитрились всучить ему за них... пачку горчичников. Но чего не бывает между своими.

В остальном же, как казалось, дела шли с успехом, явно приобретая размах. Один за другим из-за рубежа под видом туристов прибывают эмиссары НТС. Англичанин Брук, француз Филипп, гражданин ФРГ Шаффгаузер, дочь полковника царской армии Микулинская — все они торопятся разыскать Гинзбурга, Галанскова и Добровольского. Им передают пухлые посылки с антисоветской литературой и очередные инструкции, чтобы получить взамен интересующую их информацию. К ним шлют из Парижа, из Стокгольма, из Гейдельберга гонцов. Их имена на первом плане в вопросниках, составленных для курьеров НТС. Их, усердных собирателей фальшивок, выдают за нарождающихся титанов пера. Да как же тут не рассупониться!

Гинзбург, не разгибая спины, корпит над составлением целого сборника с клеветническими материалами. Среди них попалось ему в руки «Письмо старому другу» — образчик распространяемой нашими врагами примитивной антисоветской стряпки. В нем под видом рассуждений о событиях недавнего прошлого протаскиваются идеи, глубоко враждебные социализму, содержатся трубые клеветнические измышления, порочащие советский народ и нашу стану.

Вскоре из Франции прибывает посланец НТС, представившийся Генрихом. С согласия и одобрения Гинзбурга Галансков тайно передает ему собранную клевету. Журнал НТС «Грани» незамедлительно помещает полученный материал на своих страницах и ликующе сообщает читателям о крепнущих связях с «русским подпольем». Жадно набрасываются на подвернувшийся клубок клеветы и лихо начинают разматывать его из номера в номер реакционные газеты и журналы. В издательстве НТС «Посев» в ФРГ сборник, составленный Гинзбургом, выпускают на русском

и немецком языках. С поспешностью, не оставляющей сомнений относительно мотивов, по которым это делается, его тут же издают во Франции и Италии. И всюду стоит: «Составитель А. Гинзбург».

А у компаньонов — новые заботы. Из фальшивок, оставшихся пока в резерве, они составляют новый сборник с претенциозным названием «Феникс». На титуле стоит: «Под редакцией Ю. Галанскова». Через оборотистого посланца НТС этот гроссбух переправляют в Париж. И снова распирает от восторга «Посев» и «Грани». Они передают полученные материалы редакциям буржуазных газет и журналов, радиостанциям, и те широко используют их в своей идеологической диверсии против Советского Союза.

Тут же следуют обещания знакомить широкую публику с «новинками» сразу же по мере их поступления. Но по независящим от господ издателей и комментаторов причинам в уже сверстанные планы срочно пришлось вносить поправки. Вместо анонсированных приветов последовало сообщение об аресте предприимчивых искателей славы.

Впрочем, уныние было недолгим. Как никак и такой оборот — тоже сенсация. Появилась реальная возможность еще раз поднять шумиху в защиту «писателей», ставших жертвами произвола». И карусель клеветы, фантастических измышлений завертелась в обратную сторону с новой силой.

К сожалению, массированная дезинформация нередко делает свое дело. Если на эту приманку попались даже такие знаменитости, как лауреат Нобелевской премии Франсуа Мориак, известный актер Жан-Луи Барро и Франсуаза Саган, то что же тогда говорить о простаках, не слишком искушенных в подобного рода делах. Именно такая неискушенность и рискованная безответственность сыграли прескверную шутку с молодым венесуэльцем Николасом Брокс Соколовым, прибывшим из Гренобля в Советский Союз в декабре прошлого года.

Этот совсем еще юный белобрысый парень, неплохо говоривший по-русски, перед туристской поездкой в нашу страну прослушал доклад некоего Михаила Славинского, целиком посвященный «проблемам» развития в СССР подпольной и нелегально вывозимой литературы. Николас, недавно приехавший во Францию из Венесуэлы, не мог знать, что перед ним опытный и хитрый политикан, основная специальность которого — клевета и диверсии против Со-

ветской страны и ее народа. В свое время Славинский возглавлял во Франции антисоветскую молодежную организацию «Молодая Россия», работал в НТСовском центре во Франкфурте-на-Майне (ФРГ), действовал во главе оперативной группы по организации провокаций против советских граждан на Всемирной выставке в Брюсселе, занимался подготовкой враждебных акций накануне Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Вене... В настоящее время он член руководства НТС. Весьма примечательно, что этот специалист по провокациям и диверсиям, сменив квалификацию, занимается теперь так называемой подпольной литературой. Славинский вдохновенно и долго вещал о Гинзбурге, Галанскове и Добровольском, ныне попавших в беду.

После такой обработки и удалось уговорить Николаса оказать маленькую услугу страждущим «литераторам». Брокс Соколов охотно взялся выполнить поручение и надел на себя потайной пояс со спрятанными в нем пакетами, которые надлежало передать в Москве «определенному лицу». О том, чем закончилась его злополучная миссия в Советский Союз и как незадачливый венесуэлец с горечью убедился, что стал пешкой в затеянной кем-то политической авантюре, читатели уже знают из сообщений нашей печати.

Я был в зале суда, когда Брокс Соколов в качестве свидетеля давал показания по делу Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой. Волнуясь, переходя с русского на испанский, он сказал:

— Я напоминаю, что во время «лекции» Славинского я считал, что Гинзбург, Добровольский, Галансков — писатели. В газетах во Франции о них сообщали, как о писателях. Поэтому я считал, что они молодые писатели и заключены в тюрьму, что с ними поступили несправедливо... Человек с которым мне нужно было встретиться в Москве — это тоже, как мне сказали, один человек, который мог бы оказать помощь тем, которые находятся здесь арестованными. Но сейчас я вижу, что меня обманули и обманули два раза. Один раз, когда мне сказали, что это писатели и поэтому их судят. Я же вижу не писателей. Здесь судят уголовников за связи с НТС. С другой стороны, мне говорили, что в этих пакетах находятся только материалы, которые могли бы оказать им помощь. Когда меня задержали, то оказалось, что там находилось не то, что мне сказали...»

Да, в пакетах оказалось совсем не то, что думал Николас. На суде было продемонстрировано их содержимое. Деньги, предназначенные отнюдь не для благотворительных целей. Шапирограф и пачка копирки для тайнописи, точно такие же, как и те, что были в свое время вручены другими эмиссарами Галанскову. Листовки с антисоветскими призывами наподобие тех, что распространяли Гинзбург и его приятели. Знакомый набор! А в пяти конвертах, которые Брокс Соколов должен был опустить в почтовый ящик, находились увеличенные фотографии подсудимых с краткой текстовкой на обороте, заканчивающейся грозным требованием немедленного их освобождения.

Думается, признания Брокса Соколова, его заявление и обнаруженные у него вещественные доказательства тоже будут способствовать некоторому отрезвлению тех, кто поддался на Западе ажиотажу, взвинченному средствами пропаганды. Пора бы уже и опомниться и трезво взглянуть на результаты процесса, которые поучительны в большей степени, чем это может показаться с первого взгляда. Поучительны прежде всего тем, что убедительно и четко отвечают на все поставленные в связи с этим судебным делом вопросы.

Мастера искажения истины, а заодно с ними те, кто не дал себе труда задуматься над случившимся, силятся представить Гинзбурга, Галанскова и Добровольского этакими кроткими созданиями, которые в худшем случае просто не ведали, что творят. И тут же следуют пространные рассуждения о необходимости скидки на молодость, о неизбежных заблуждениях юности. Полноте, господа! Речь ведь идет не о детских шалостях. И не о баловстве пером только что выпорхнувших из-под родительской опеки юнцов. Люди, представшие перед судом, уже далеко не отроки. Одному за тридцать, двум другим — около того. Галансков успел уже дважды жениться. У Добровольского сын давно играет в футбол. Любителям списывать на молодость любые грехи и мерзости пора бы понять, что их позиция, порочная в принципе, в данном случае вообще не состоятельна. Невинные агнцы с расчетливостью бывалых купцов вели счет причитающимся «наградным» и с хитроумием рецидивистов соблюдают глухую конспирацию. Странная выходит диалектика.

Добровольский и Лашкова признали свою вину и пове-

дали обо всем суду, что кстати говоря, и было учтено при определении им меры наказания. Гинзбург же и Галансков, даже вконец припертые к стенке показаниями свидетелей и вещественными уликами, всячески продолжали извиваться, юлить, выкидывать неожиданные коленца. Так, оба вдруг заявили, что сделанное ими в содружестве с враждебной нашему народу организацией НТС они не считают антисоветской деятельностью.

Помилуйте, о чем речь? Как же назвать тогда оплевывание исподтишка своей страны, торговлю достоинством советского человека, как же назвать тогда предательство и подлость?

И еще там, в зале судебного заседания, подумалось вот о чем. О наглой, безпардонной спекуляции на интересе, естественном уважении к литературе, на доверии к личности писателя, издавна сложившемся в нашей стране. Ведь неспроста же протискивавшиеся в знаменитости Гинзбург и Галансков страсть как хотели прослыть литераторами. В этом был далеко идущий расчет. Кто-кто, а они-то уж знали: каким бы ни оказался суровым приговор, скажем, фарцовщикам, валютчикам или шпионам, кроме одобрения, иных эмоций ни от кого не жди. А вот амплуа литератора, преследуемого за убеждения — это уже совсем другое. Тут, ежели предварительно хорошо пошуметь («Караул! Ущемляют свободу творчества!»), то, глядишь, не только обыватель встрепенется, но и посолиднее человек проглотит приманку, сочувствие выразит...

Их именовали «литераторами». Когда же выяснилось, что это амплуа подсудимым явно не подошло, их переквалифицировали в «московские интеллигенты». Очень «интеллектуальная» перетасовка, очень сообразительные шулера!

Преступная деятельность Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой полностью изобличена. Их вина неопровержимо доказана показаниями большого числа свидетелей, многочисленными документами, вещественными уликами, авторитетными заключениями экспертов. Учитывая личность обвиняемых, степень их искренности и раскаяния, а также ряд других принципиально важных обстоятельств, Московский городской суд приговорил Ю. Галанскова к семи годам лишения свободы, его соучастников по преступным действиям А. Гинзбурга — к пяти. А. Добровольского — к двум и В. Лашкову — к одному году лише-

ния свободы. Присутствовавшие в зале москвичи встретили приговор суда аплодисментами, возгласами одобрения.

Когда-то А. М. Горький с презрением бросил по поводу происков врагов нашего государства и их суетливых прихлебателей: «Какая скудость мысли..., какая нищета духа! И — какое лицемерие!» Почти сорок лет прошло с тех пор, а наши недруги, скрытые и явные, по-прежнему предстают на крутых поворотах жизни в своих неизменных духовных лохмотьях. Все та же удручающая хилость идей. Только вот лицемерия, пожалуй, больше. И у самих клеветников, и у тех, кто неуклюже пытается их выгораживать и защищать.

Ф. Овчаренко

«Комсомольская правда», 18. 1. 1968.

№ 4

У ЛЖИ КОРОТКИЕ НОГИ

Шум, поднятый в западной печати по поводу осужденных за распространение антисоветской литературы уголовников, служителей иностранной антисоветской организации А. И. Гинзбурга, А. А. Добровольского и Ю. Т. Галанскова, нас, болгар, нисколько не удивляет. Мы хорошо знаем, что у организаторов антисоветской пропаганды нет ничего общего ни с совестью, ни с истиной. Еще до победы народной власти в Болгарии 9 сентября 1944 года, в годы фашистского засилья, реакционная болгарская пресса, желтые газетки и радио ежедневно выливали потоки безобразной клеветы на Страну Советов. Жизнь показала, что их потуги были напрасны. Они не смогли умалить сокровенного и святого чувства любви и уважения болгарского народа и его интеллигенции к советским людям, к их благородным делам. Никакие черные и страшные картины, которые рисовала западная пресса, описывая жизнь Советского Союза, никакие клеветнические кампании не могли раньше — тем более не могут теперь — поколебать чувства огромного уважения человечества к духовной красоте людей страны Великого Октября, чувства уважения к подлинной свободе слова и духа, которые характерны для Советской страны, ее народа.

Казалось бы, пора и уняться западным клеветникам, но они все продолжают злобствовать. Очевидно, они хотят

отработать те сотни и тысячи, которые им платят организаторы антисоветской пропаганды. Вот вам их «свобода слова и мнений!» Оплакивая «радетелей за свободу» Гинзбурга, Галанскова и Добровольского, они почему-то скорбно умалчивают о тех, на чьи деньги ориентируются провокационные радиопередачи на болгарском и других языках, проводятся кампании по «культурным вопросам», во время которых произведения литературы и искусства используются в клеветнических целях. Кстати, нет ничего удивительного, что предателей родины и уголовных преступников объявили писателями, «молодыми людьми, которых преследует советская литература», почти мучениками — это полностью соответствует духу и практике западной пропаганды. Сколько провалов знает эта пропаганда, которая существует на средства шпионских организаций и своими методами мало чем от них отличается!

У нас в Болгарии есть такая поговорка: у лжи короткие ноги, далеко она не уйдет. Это как нельзя лучше относится к «культурной кампании», которую раздувает западная пресса.

Уже несколько десятилетий я занимаюсь советской литературой и могу сказать, что знаю всех писателей, чьи произведения появляются в советской печати. Но вот о Гинзбурге, Галанскове и Добровольском я не только не читал, даже не слышал, потому что таких писателей не было и не существует в природе. Если даже кто-нибудь из них и проводил опыты со всетерпящей бумагой, чтобы мерзко очернить собственную родину писаниями, милыми ее врагам, то делал это в глубокой конспирации, по их наущению, да еще за их деньги, как завербованный чуждыми его стране и продажными людьми. Ясно, что все это не имеет ни малейшего отношения к писательскому труду.

Возможно, конечно, что некоторые неосведомленные люди на Западе будут введены в заблуждение шумихой, поднятой вокруг недоучившихся любителей иностранной валюты, и поверят в то, что они писатели. Но в Болгарии и в других странах, где хотя бы немного знают советскую литературу, подлинную ценность и красоту произведений советских писателей, этот трюк не пройдет.

Ангел Тодоров, писатель, лауреат Димитровской премии. София.

(«Советская культура», 6. 2. 1968.)

№ 5

КАК СТАТЬ ЗНАМЕНИТЫМ

Гомер и вещий Баян обходились без письменных принадлежностей. Шекспир, Рабле, Байрон и Пушкин писали гусиным пером. Этим же несовершенным инструментом пришлось пользоваться в молодости и Льву Толстому.

Нынешние сочинители соревнуются с ними с помощью паркеровских авторучек, но, к сожалению, далеко не всегда успешно. Попытки выправить положение с помощью пишущих машинок и даже транзисторных диктофонов обнадеживающих результатов пока не дали. Однако отчаиваться рано.

Американская фирма Си Ай Эй рекомендует писать литературные произведения через выпускаемую ею специальную копировальную бумагу для тайнописи, гарантируя желающим заняться писательской деятельностью быстрый успех и всемирную известность.

Си Ай Эй — сугубо филантропическая фирма. Если верить ее рекламе, она не ищет для себя никакой материальной выгоды. Поэтому свою чудодейственную копировальную бумагу фирма не продает, а рассылает бесплатно через многочисленные филиалы во всех странах «свободного мира». Один из таких филиалов, именуемый «НТС», находится в Западной Германии, во Франкфурте-на-Майне.

Учитывая присущую всем начинающим «литераторам» скромность, Си Ай Эй рассылает свою копировальную бумагу через специальных курьеров, снабженных потайными набрюшными поясами. Таким же способом доставляются будущим «великим писателям», — заметьте, тоже совершенно бесплатно! — и многие другие абсолютно необходимые для свободной творческой деятельности, приспособления, например, миниатюрные шапирографы, с помощью которых в домашних условиях можно быстро изготовить любое количество листовок.

Кстати, фирма настоятельно рекомендует сочинение, размножение и тайное распространение листовок с призывами к свержению существующего государственного строя, как верный способ набить руку для написания капитальных литературных трудов.

Бескорыстие фирмы Си Ай Эй подтверждается тем, что

она не только бесплатно рассылает свою чудо-копирку, но и платит тем, кто пользуется ею, посылая деньги вместе с инструкциями к приспособлениям для «писательской» работы.

Щадя самолюбие своих клиентов, фирма может и не ставить в известность своих курьеров о содержимом потайных набрюшных поясов. Это может подтвердить один из них, эмигрантский отпрыск Николай Борисович Брокс-Соколов, по независящим от него причинам загостившийся в Москве.

Однако фирма Си Ай Эй не раздает свою продукцию всякому встречному и поперечному, да еще и приплачивая при этом. Такие действия недостойны уважающего себя филантропического учреждения. Наоборот, она предварительно выясняет соответствие клиентов тем требованиям, которым должен отвечать будущий «великий литератор».

Гинзбург, Галансков, Добровольский и Лашкова, например, безусловно отвечали этим требованиям. Ведь только такая «одаренная» личность, как Гинзбург, в течение четырнадцати лет после окончания средней школы могла жить на иждивении мамы-пенсионерки, так и не окончив первого курса заочного отделения института. Но зато он успел два года просидеть в тюрьме за подделку документов и чуть было снова не попал в нее за укрывательство разыскиваемого уголовным розыском преступника. Как же было не дать такому копировальную бумагу фирмы Си Ай Эй!

А Добровольский! Ему всего лишь тридцатый годик, а он уже дважды судился за уголовные преступления, и жил он много лет на иждивении родственников не один, а с женой и ребенком. Так же, как и Лашкова, он не мог найти себе работу, соответсвующую его «исключительному» интеллекту и «возвышенным» душевным запросам. Лашковой, бросившей среднюю школу, пришлось в течение семи лет по меньшей мере десять раз переменить место работы, перепробовать девять профессий, но ни одна из них ее не устроила. Не менее «гениален» и Галансков, сумевший к двадцати девяти годам добраться до первого курса института.

Их не устраивало общество, где нет безработицы и можно сколько угодно раз менять место службы, не боясь остаться на улице. Им не нравились бесплатное высшее образование и государственные стипендии всем студентам, даже троечникам. Они были недовольны тем, что старики-песионеры настолько обеспечены, что могут сколько угодно долго кор-

мить их жен и детей. Разве может в таких «ужасных» условиях развиваться «талантливая» личность?

Гинзбург, Галансков, Добровольский и Лашкова пришли к выводу — нет, не может. Фирма Си Ай Эй пришла к такому же выводу и срочно поручила заботу об этих суперменах добрым дядюшкам из НТС, которые снабдили их чудо-копиркой, миниатюрным шапирографом, иностранной валютой, антисоветской литературой и другими вещами, без которых, по мнению Си Ай Эй, свобода литературного творчества просто-таки немыслима.

Отныне обладатель подобного рода наклонностей, о которому человечеству до сих пор ничего не известно, смело может полагать себя непризнанным на Родине гением и верить в то, что при любезном содействии фирмы Си Ай Эй он и глазом не успеет моргнуть, как станет всемирно известным литератором. Нужно лишь скрупулезно следовать инструкциям фирмы и целиком полагаться на ее многолетний опыт ускоренного выращивания талантов.

Следует отметить, что Си Ай Эй пользуется услугами только «высококвалифицированных специалистов». В частности, квалификация ее служащих из НТС гарантируется их прежней долголетней работой в таких благотворительных фирмах, как министерство пропаганды гитлеровской Германии, гестапо и абвер. Многие из них приобрели необходимую практику в отделениях этих фирм на временно оккупированных советских территориях.

Понимая, что сам по себе процесс творчества через копирку для тайнописи не может удовлетворить юные дарования для всеобщего прочтения, фирма содержит в странах «свободного мира» толстые журналы, готовые печатать что угодно и когда это угодно фирме, например, «Грани», «Возрождение», «Новый журнал» и им подобные.

Полученные через тех же курьеров с потайными набрюшными поясами написанные тайнописью «хорошие» произведения, то есть содержащие в себе достаточно антисоветизма и антикоммунизма (а это обязательное условие), но не содержащие государственной тайны, печатаются в этих журналах, которые читают только агенты фирмы Си Ай Эй и узкий круг людей, не знающих, кто эти журналы издает.

«Плохие», то есть без клеветы на свою Родину, но содержащие государственную тайну, тоже не выбрасываются

(чтобы начинающие гении не обижались), а направляются в главную контору фирмы Си Ай Эй в Ленгли, что под Вашингтоном, для тщательного изучения. В целях поощрения талантов за такие плохие произведения платят гораздо больше, чем за хорошие. Как видите, филантропизм фирмы просто беспределен.

С «произведениями» Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой именно так и поступали, хотя они писали только «хорошие» произведения, то есть густо сдобренные клеветой на свою Родину и народ, и даже с прямыми призывами к свержению существующего строя.

Может быть, они начали бы писать и «плохие» (с гениями это бывает), но им помешали злые люди, сдерживающие свободу подобного рода «творчества», не дающие фирме Си Ай Эй и ее филиалам развернуть на территории СССР эффективную «демократическо-филантропическую деятельность». Если бы не это достойное всяческого сожаления обстоятельство, добрые дяди из НТС обязательно научили бы их писать «плохие» произведения — это их святая обязанность.

Однако было бы просто нечестно по отношению к фирме Си Ай Эй умолчать о том, что она всячески заботится о громкой славе своих клиентов. Ради их славы она идет на колоссальные расходы, используя западную прессу, радио и телевидение. К ее услугам «Голос Америки», «Немецкая волна», Би Би Си и вообще все средства пропаганды «западных демократий».

Ни один писатель текущего столетия не пользовался таким паблисити, какого удостаивает своих клиентов фирма Си Ай Эй, когда они попадаются с поличным. Попасться с поличным — это именно то, что должен сделать «истинно одаренный литератор», если он хочет чем-то отблагодарить фирму Си Ай Эй. Это дает фирме возможность поднять новую «филантропическую» кампанию мирового масштаба в защиту свободы «творчества» и прав личности людей, пользующихся ее чудодейственными копирками для тайнописи. Должно же человечество когда-нибудь понять, что, не защищая людей, пользующихся этими копирками, оно рискует остаться в один прекрасный день вообще без литераторов.

На Западе еще предостаточно людей, в том числе и среди интеллигенции, верящих всему плохому, что пишется и

говорится о коммунизме вообще и об условиях жизни в социалистическом обществе, в частности. Поэтому всегда находятся желающие, иногда не думая, поставить свою подпись под декларациями, которые им подсовывают агенты фирмы Си Ай Эй и ее филиалов. Это очень помогает фирме создавать громкую славу «литераторам», пишущим с помощью ее копировальной бумаги для тайнописи и других ультрасовременных средств «свободного волеизлияния».

Согласитесь, что подобных возможностей не имел ни один великий литератор прошлого. Поэтому можно только удивляться, как это ухитрились выбиться в люди Гомер, Рабле, Байрон, Пушкин, Роберт Бернс, Лев Толстой и другие, чьи произведения заполняют полки библиотек всего мира.

Но, повторяю, не нужно завидовать. Фирма Си Ай Эй открывает перед нами поистине неограниченные и равные возможности, достойные «великого общества всеобщего благоденствия».

(Конст. Иванов, *«Голос Родины», 14. 2. 1968.)*

«ЛИТЕРАТОРЫ»

В редакцию газеты «Голос Родины» поступило из Франции письмо соотечественника, подписавшегося «И. Горев», автор которого пишет: «Меня особенно интересует связь Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой с организацией НТС. Если они действительно были связаны с НТС, то каждый эмигрант, знающий, что это за организация, скажет: правильно их судили. Связь с НТС — это уже не критика порядков, а подпольная грязная работа. Но об этом нужно было бы сказать подробнее. А то мне, например, не все ясно об их связи с НТС. В здешних газетах об этом пишут мало...»

Другой соотечественник, приславший письмо из США (он просил не указывать его имени), считает, что «...во всей этой истории наиболее убедительной является связь этих молодых людей с франкфуртцами. (Штаб-квартира НТС находится в г. Франкфурте-на-Майне, в ФРГ. — Прим. ред.)... Не может уважающий себя писатель иметь дело с франкфуртцами. Только из того, что пишут у нас в Америке об этом деле, трудно что-нибудь толком понять о связи с НТС и кто такой Брокс и зачем он поехал в Москву...»

Аркадий С. из ФРГ пишет: «Я не берусь судить, что за писатели Гинзбург или Галансков. Таких имен в литературе я не встречал. Кого ни спрошу, никто не знает, что они написали. Пастернака знают, а их не знают. Говорят, что писали они в «Гранях». Неужели они действительно писали там?.. Это же совсем не место для начинающих литераторов. Ведь всем известно, что за люди там, от них добра не жди. Правду ли говорят, что они писали симпатическими чернилами?..»

Многие другие авторы писем, высказывая свое мнение о процессе, также, как правило, просят рассказать о связях осужденных с НТС. В связи с этим редакция публикует выдержки из сделанной присутствовавшем на процессе нашим корреспондентом К. Ивановым записи показаний свидетеля Брокса-Соколова Николая Борисовича и обвиняемых Добровольского Алексея Александровича и Лашковой Веры Иосифовны. (Будучи корреспондентскими, эти записи официальным документом служить не могут).

Выдержки из показаний Н. Б. БРОКСА-СОКОЛОВА

Председатель суда. Вы понимаете по-русски?

Брокс. Понимаю.

Председатель. Назовите вашу фамилию.

Брокс. Брокс-Соколов Николай Борисович.

Председатель. Национальность?

Брокс. Венесуэлец.

Председатель. Ваше местожительство?

Брокс. Последнее время — во Франции.

Председатель. Вы вызваны в суд для допроса в качестве свидетеля. Вы меня понимаете?

Брокс. Понимаю.

Председатель. Какой ваш родной язык?

Брокс. Испанский.

Председатель. Переводчик есть?

Секретарь суда. Есть.

Председатель. Фамилия переводчика?

Переводчик. Кирсанов Юрий Васильевич.

Председатель (Кирсанову). Ваше образование?

Кирсанов. Высшее.

Председатель. Вы привлечены к участию в процессе в качестве переводчика. За дачу заведомо ложного перевода вы несете уголовную ответственность. Вам понятно это?

Председатель (Броксу). Вы обязаны рассказать все, что интересует суд. По законам нашей страны вы несете уголовную ответственность в том случае, если будете говорить суду неправду.

Председатель (обращаясь к переводчику). Все, что я сказал, переведите ему по-испански. Переведите, что его предупредили об ответственности; он должен расписаться в том, что он понял, что его предупредили.

Прокурор. Скажите, свидетель, когда и в качестве кого вы прибыли в Советский Союз?

Брокс. Я прилетел сюда самолетом 23 декабря около 8 часов вечера, в качестве туриста.

Прокурор. Скажите, какое поручение вы получили от НТС при вылете из Парижа в Москву?

Брокс. Я получил 5 писем, 5 конвертов и 2 пакета.

Прокурор. Кто вам дал?

Брокс. Член этой организации по имени Женя.

Прокурор. Эти вещи вы должны были передать кому-нибудь в Советском Союзе?

Брокс. Да, я хочу дополнить, что 5 конвертов мне нужно было опустить в почтовый ящик, а два пакета мне нужно было передать.

Прокурор. Кто вам называл фамилию лица, которому вы должны были передать пакеты?

Брокс. Называл другой член этой организации, который тоже был в Париже в то время. Имя его — Виктор.

Прокурор. Вы имеете в виду организацию НТС?

Брокс. Да.

Прокурор. При каких обстоятельствах вам стало известно, что Женя, от которого вы получили 2 пакета и конверты с вложениями, приехал из ФРГ?

Брокс. Когда я был 11 декабря в Париже и когда говорили Женя с Виктором, я слушал. Я услышал, что Женя прибыл из ФРГ и на следующую ночь он должен был выехать. На следующий день утром я снова встретил Виктора, и он мне сказал, что он пошел провожать Женю на вокзал.

Прокурор. Это Женя говорил в вашем присутствии?

Брокс. Да.

Прокурор. Вы слышали?

Брокс. Слышал.

Прокурор. Из какого германского города приезжал Женя?

Брокс. Не знаю.

Брокс. Из какой части Германии?

Брокс. Из Западной Германии.

Прокурор. Скажите, вам были даны деньги?

Брокс. Я увидел деньги, когда меня задержали.

Прокурор. Вам был дан специальный пояс?

Брокс. Да.

Прокурор. В нем вы носили пакеты и конверты?

Брокс. Да. 21 декабря, когда я приехал в Париж, меня познакомили с Женей. Виктор меня встретил на вокзале, сказал, что приехал... Был еще какой-то другой член, который привез специально пояс, и там были два пакета. Когда я был в гостинице, появился Женя. На нем был надет пояс, и были вложены два пакета и пять писем.

(Суд, прокурор, защитники, подсудимые осматривают пояс и его вложение)

Прокурор. Все это было у вас в поясе, внутри?

Брокс. Да. Когда 21 декабря я прибыл, Женя сказал, что он имеет специально этот пояс, чтобы надеть его вниз одежды, чтобы не было видно пакетов.

Прокурор. Где вас задержали в Москве, в аэропорту? Где?

Брокс. В парке «Сокольники».

Прокурор. Расскажите, что вам известно о Славинском Михаиле, доклад которого вы слушали в Гренобле?

Брокс. Когда я был в Гренобле, получил письмо от одного лица, с которым я не был знаком. Меня приглашали на доклад. Это, должно быть, начало июня 1967 года. Человек, который писал мне письмо, объяснил, что ему адрес дал Славинский. Мне было очень непонятно, откуда Славинский может знать, поскольку с человеком совсем не знаком. Так меня познакомили со Славинским. Доклад был на тему «Подпольная литература в Советском Союзе». После доклада были показаны всякие произведения, о которых он говорил в докладе. На следующий день я снова встретился с ним в одном кафе. В ноябре я встретился с одной девушкой. После того, как я с ней поговорил, она мне сказала, что это господин Славинский. Эту женщину я раньше видел в студентческом общежитии Гренобля. Она приехала в Гренобль, как она сказала. В ноябре она уже появилась в университете и заявила, что она хочет говорить со мной. Мы были в одном кафе, разговаривали. Она рассказала, что она послана или представляет НТС. В этот момент я понял и другие вещи, которые я не мог понимать до этого

времени. Я понял, что есть какая-то связь между ранее происходящим и сейчас. Тогда я и задал этот вопрос: «Кто господин Славинский?». А она мне ответила, что это важная фигура этой организации НТС в Париже.

Прокурор. Скажите фамилию и имя этой девушки?

Брокс. Тамара Волкова.

Прокурор. А что вам известно от Славинского и других представителей НТС о Гинзбурге, Галанскове и Добровольском?

Брокс. Как я понял во время доклада Славинского, он в своем докладе называл фамилии Гинзбурга, Добровольского, Галанскова.

Прокурор. Да. А о «Белой книге» что-нибудь упоминал Славинский в докладе?

Брокс. Он говорил, что они в НТС получили эту книгу.

Прокурор. О каких еще журналах упоминал в докладе Славинский и какие журналы демонстрировал после доклада на выставке?

Брокс. Во время доклада он упоминал «Феникс-61-66», «Сфинкс», «Колокол», «Синтаксис» и еще другие, которые сейчас не помню. Из тех, которые он показывал, я помню точно, это «Феникс».

Прокурор. Какие журналы вы получили от представителей НТС и что в них было опубликовано?

Брокс. Когда я встретился с Тамарой Волковой в ноябре месяце 1967 года, она мне оставила один журнал «Грани» и одну маленькую брошюрку, по-моему, это была программа НТС. Там опубликована была и «Белая книга».

Прокурор. Скажите, сколько конвертов вы получили от представителей НТС и что в них было вложено?

Брокс. Я получил пять конвертов. В каждом конверте было вложено пять фотографий — Гинзбурга, Галанскова, Добровольского, Синявского и Даниэля. И один листок с названием «Посев».

Прокурор. На этих конвертах были написаны адреса?

Брокс. Да, были написаны адреса, отправители и получатели.

Прокурор. Адреса лиц, проживающих за границей или в Советском Союзе?

Брокс. Здесь, в Москве, в Советском Союзе.

Прокурор. Я вам предъявляю фотографии. Эти фотографии были в конвертах?

Брокс. Я познакомился с фотографиями, прочел, что сзади написано. Написано одно и то же на четырех разных языках. Это те фотографии.

Прокурор. Значит, вы должны были опустить конверты в почтовые ящики?

Брокс. Сначала они мне сказали, что нужно опустить их в разные почтовые ящики. Я отказался, сказал, что опущу только в один почтовый ящик.

Прокурор. И они согласились, чтобы вы опустили их в один почтовый ящик в Москве?

Брокс. Да, в Москве.

Председатель. Защита, вопросы?

Каминская. (представитель защиты) Не имеем.

Прокурор. Я попрошу представить шапирограф и копирку Добровольскому. Посмотрите и скажите, похож ли этот на тот шапирограф и копирку, которые вам передавал Галансков?

Добровольский. Да. Точно такая же копирка, точно такой же шапирограф, точно такая же бумага у меня.

Прокурор. У кого вы получили?

Добровольский. Я получил ее от Галанскова.

Прокурор. У меня есть вопрос к подсудимой Лашковой. Я просил бы ее посмотреть копировальную бумагу для тайнописи, изъятую у Брокса, и после этого ответить на мой вопрос о том, на такой же бумаге вы писали письмо за границу?

Председатель. Лашковой предъявляется копировальная бумага. Тут написано: «Копирка для тайнописи». Вы вопрос поняли, который вам задал прокурор?

Лашкова. Да, та копирка.

Каминская. У меня к Лашковой вопрос. Кто принес вам копирку?

Председатель. Этот вопрос задавался.

Каминская. Только что товарищ прокурор задавал аналогичный вопрос Добровольскому, спросив его сейчас, кто передал ему этот шапирограф. На это Добровольский сейчас же ответил. Аналогичный вопрос я задаю Лашковой.

Председатель. Ну, пожалуйста.

Лашкова. Копирку принес мне Добровольский, письмо я писала на этой копирке.

Каминская. У меня больше вопросов нет.

Прокурор. Свидетель свободен.

Галансков. У меня есть вопрос к свидетелю. Вы не можете, свидетель, сообщить адреса, по которым должны быть разосланы конверты?

Брокс. Я знаю, что эти адреса были написаны на конвертах.

Председатель. Достаточно.

Брокс. Я хотел бы сделать заявление.

Председатель. Пожалуйста.

Брокс. Я постараюсь не отнимать у вас много времени... Я считал Гинзбурга, Добровольского и Галанскова писателями. В газетах во Франции о них писали как о писателях. Поэтому я думал, что Гинзбург, Добровольский и Галансков — это молодые писатели и заключены в тюрьму, что с ними обошлись несправедливо. Это все, что я узнал из прессы. Такое было у меня мнение, что они выступают как писатели.

Только в ноябре я узнал, что Тамара Волкова принадлежит к НТС. За это время что-то писали в газетах насчет этого суда. Она меня спросила, не хотел бы я оказать какую-нибудь помощь. Я сначала не понял, как я мог оказать эту помощь. Она знала, что я собирался приехать в Москву в декабре. В начале декабря я встретил Тамару Волкову в Париже. Я приехал, она меня встретила на вокзале. Около нее был другой еще человек, с кем она меня познакомила. Я спросил: «Какую помощь я смог бы оказать этим молодым писателям?». Они сказали мне, что нужно будет отправить пять писем и, может быть, какой-нибудь пакетик. За день перед отъездом я узнал, что мне нужно было делать. В это время я был в таком состоянии, что никак не мог отказаться от этих пакетов. Это мне было неприятно. Человек, с которым мне нужно было встретиться здесь, в Москве, — это тоже, как мне сказали, один человек, который, может быть, смог бы оказать помощь этим молодым писателям, которые находились здесь арестованными.

Но сейчас я вижу, что меня обманули, и обманули два раза. Один раз, когда мне сказали, что это писатели. По этому суду я вижу, что их судят не за писательскую работу, а за связь с НТС. С другой стороны, мне говорили, что в этих пакетах находятся только инструкции и материал, которые могли бы оказать помощь. Когда меня задержали, то оказалось, что там находилось не то, что они мне ска-

зали. Там были деньги, шапирограф, копирка, всякие вещи — совсем не то, что мне сказали. Я хотел бы сказать, что я опечален, что я невольно нарушил законы этой страны. Мотив, который руководил мною, когда я хотел посетить страну, — я хотел познакомиться с землей, где родились мои родители. Это все.

Выдержки из показаний А. А. ДОБРОВОЬСКОГО

Прокурор. Что вам известно о связях Галанскова и Гинзбурга с заграницей?

Добровольский. В связи с передачей мне Галансковым нтсовской литературы и шапирографа я поинтересовался, откуда он все это получил. Галансков ответил, что он имеет связь с заграницей с 1962 года и получил эту связь от Гинзбурга. Галансков встречался с приезжающими в Москву иностранцами и получал от них литературу, в том числе и антисоветскую, средства для размножения документов, в частности, шапирограф, средства для тайного написания, а также деньги — как долларами, так и советскими рублями. Галансков собирает и передает за границу ходящие по рукам рукописи клеветнического и антисоветского содержания.

Прокурор. С какой организацией поддерживалась связь за границей?

Добровольский. Галансков мне говорил, что поддерживалась связь с НТС*.

Прокурор. Какие лица к вам являлись из-за границы?

Добровольский. Лично ко мне никто не являлся. Они являлись к Галанскову и Гинзбургу.

Прокурор. Расскажите подробно о приезжавших иностранцах к Галанскову и Гинзбургу. Где они встречались с ними и что они им передавали?

Добровольский. От Галанскова мне стало известно, что Гинзбург собирает материалы для так называемой «Белой книги» о процессе Синявского и Даниэля и в подборе материалов для этой книги помогает ему Галансков. Книгу эту печатала Лашкова. Цель, по словам Галанскова, была та, чтобы передать эту книгу на Запад, что и было сделано, когда в Москву приехал иностранец по имени Генрих, которому Галансков передал «Белую книгу», получив от Генри-

* В действительности сказал: «связь с заграницей».

ха фотопленку с произведениями Синявского и Даниэля и какую-то сумму долларов и советских денег.

Прокурор. Откуда вам известно, что к Галанскову приезжал иностранец Генрих?

Добровольский. Галансков мне сказал, что приехал Генрих, и познакомил меня с ним. Встреча эта состоялась у метро «Кропоткинская».

Прокурор. Как вы договорились об этой встрече?

Добровольский. Я находился на квартире Лашковой, когда позвонил туда Галансков. Это было примерно в конце октября — начале ноября 1966 года. И по телефону мне Галансков сказал, чтобы я пришел к метро «Кропоткинская», но по телефону не сообщил о цели вызова. Когда я пришел к метро, то увидел Галанскова с этим иностранцем. Потом они стали вести беседу, а я ушел. В тот же день на квартире у Лашковой* Галансков сказал, что «Белая книга» передана на Запад через Генриха.

Прокурор. Вы просили ознакомиться с нтсовской литературой?

Добровольский. Не только с нтсовской литературой. Галансков мне передавал несколько книг философских, которые не являются антисоветскими книгами. Галансков также мне передал шапирограф и газету «Посев» в виде 8 листовок, которые надо было размножить. Я в начале согласился, но прочтя внимательно содержание листовок, я передумал их размножать, о чем я сказал Галанскову. В ответ на это он сказал, чтобы я просто хранил шапирограф у себя дома. И в нераспечатанном виде он хранился у меня. Эти листовки были антисоветского содержания.

Прокурор. Кроме этого случая, Галансков передавал вам еще какие-либо брошюры издательства «Посев»?

Добровольский. Нет, это было только один раз. Он мне передал сразу 5 или 6 брошюр.

Прокурор. А был такой случай, когда вам были переданы нтсовские листовки у станции метро «Библиотека имени Ленина»?

Добровольский. Да, это было, когда на встречу со мной Галансков пришел вместе с Лашковой и в ее присутствии передал мне 5 или 6 книг издательства НТС, которые по договоренности с Галансковым были переданы Лашковой. Это было в октябре, а возможно, в ноябре-декабре 1966 года.

---

* В действительности: «У Поташевой».

Это были книги: «Силой идей», «Ценою подвига», «Солидаризм — идея будущего».

Прокурор. Что было изложено в книге «Солидаризм — идея будущего»?

Добровольский. Там была изложена теория солидаризма, которой придерживается НТС, то есть идеологическая платформа НТС — программа.

Прокурор. А Генриха уже ждали, чтобы передать ему эту книгу*.

Добровольский. Да.

Прокурор. Это делалось открыто или тайно?

Добровольский. Конспиративно, потому что в книге были антисоветские документы, и мы опасались ответственности за это.

Прокурор. И раскрывались ваши связи с НТС?**

Добровольский. Да...

Прокурор. Вам говорил Галансков о формах связи с НТС, какими способами он поддерживает эту связь?

Добровольский. Связь поддерживалась как посредством приездов курьеров, так и посредством тайнописи через особую копирку.

Прокурор. Вам приходилось применять копирку?

Добровольский. Да. Только писал не я, а Лашкова по моей просьбе.

Прокурор. От кого вы получили шапирограф, литературу и деньги?

Добровольский. Шапирограф я получил в октябре-ноябре 1966 года, а деньги — в декабре 1966 года от Галанскова. Деньги он мне передал в сумме 2 тысячи рублей. В то время стал вопрос о покупке кооперативной квартиры на мое имя. Эта квартира нужна была для того, чтобы можно было беспрепятственно принимать иностранцев. Хотя эта квартира была оформлена на мое имя, фактическим хозяином должен был быть Галансков. Видимо, он не хотел привлекать внимания, поэтому не оформлял эту квартиру на свое имя.

Прокурор. С какой целью Галансков вам передавал листовки? И о чем там шла речь?

Добровольский. Для размножения. В одной листовке шла речь о процессе над Синявским и Даниэлем, в другой была изложена программа НТС. Остальные я не помню.

---

* В действительности об этом спрашивает адвокат.

** В действительности: «И раскрывались методы тайной передачи?»

Прокурор. Листовки издательства «Посев», которые вы получили для распространения, были антисоветского содержания?

Добровольский. Да.

Прокурор. И там было написано, что НТС ставит своей задачей свержение Советской власти?

Добровольский. Да.

Прокурор. Почему листовки, которые вам передавал Галансков для размножения, вы не размножили?*

Добровольский. Потому что я их прочел и отказался от размножения, там содержались разные погромные призывы, которые не отвечали моему мировоззрению.

Выдержки из показаний В. И. ЛАШКОВОЙ

Прокурор. Скажите, подсудимая Лашкова, что вам известно об организации НТС, кто вас знакомил с литературой НТС?

Лашкова. Об НТС впервые я услишала... (Не договаривает). Я могу не считать упоминания там в газетах о процессе Брука. Впервые я услышала об этом от Добровольского. В связи с чем, я не знаю. Был ли мной задан вопрос, стал ли он сам мне объяснять. Либо, может быть, вообще возник разговор на близкую тему, я не могу вспомнить, затрудняюсь. Слышала я то, что НТС является белой эмигрантской организацией за границей, которая издает какие-то произведения.

Что касается нтсовских изданий, то я видела журнал «Наши дни» и брошюру «Солидаризм — идея будущего».

Прокурор. Кто передал эти книги?

Лашкова. Эти книги передал мне Добровольский. Передал он их мне для прочтения и сказал, чтобы я их никому не давала. После прочтения я их ему вернула.

Прокурор. Вы раньше говорили о том, что там пропагандируются формы и методы борьбы с Советской властью?**

Лашкова. Да**.

Прокурор. Это правильно?**

Лашкова. Да**.

Прокурор. Галансков вас просил отпечатать какое-нибудь зашифрованное письмо?

Лашкова. Да, я печатала для него письмо.

---

* В действительности об этом спрашивает адвокат.
** В действительности этого не было.

Прокурор. Расскажите суду: когда, при каких обстоятельствах он просил?

Лашкова. Это был приблизительно, время не могу точно вспомнить, ноябрь, может быть. У него на квартире я печатала в одном экземпляре.

Прокурор. У кого на квартире?

Лашкова. У Галанскова. В одном экземпляре на папиросной бумаге. Письмо было без обращения, без адреса, во всяком случае. Письмо было несколько туманного содержания, потому что там встречались цифры. То есть шифр какой-то. Оно не было целиком зашифрованным, но были зашифрованы определенные предположения, слова.

Прокурор. Как примерно выглядел текст?

Лашкова. Там шла речь о каких-то 101, 102, 103 и т. д. О взаимоотношениях между ними. В основном было об этом письмо.

Прокурор. Расскажите: а Добровольский просил вас написать какое-нибудь письмо?

Лашкова. Да, один раз я писала для Добровольского.

Прокурор. Тогда вы начинайте с того, что указывайте, когда был тот или иной эпизод, где и в присутствии кого.

Лашкова. Это было, видимо, тоже осенью, то есть в сентябре 1966 года. Я находилась дома одна, никого не было. Ко мне пришел Добровольский и сказал, не могу ли я написать для него пару строк, какое-то письмо. Я сказала, что могу. Теперь я должна сказать, что в технике написания этого письма я могу что-то перепутать. Может, я не совсем правильно говорила на следствии, потому что я не помню, что и куда подкладывалось. Но, короче говоря, письмо было написано так, что текста самого не увидела, когда я посмотрела. Я поняла, что, значит, была какая-то копирка не копирка — какой-то плотный белый лист, который не пропускал текст. А поверх этого письма был написан мною текст, совершенно произвольный, какого-то бытового характера, то есть там упоминалось о том, что получена какая-то посылка от Яна, и о том, что если можно, чтобы он прислал какие-нибудь современные пластинки. Пластинки я написала сама, какие-то, из головы.

Прокурор. Вы не помните, что было написано, что после того, как вы написали, оказалось, что на бумаге ничего не видно. Так?

Лашкова. Я могу только точно сказать, что и тот и другой

текст были совершенно бытового характера и не было никаких таинственных вещей. Все было совершенно нормально.

Прокурор. А текст, который вы написали сверху, вы помните. Так? Расскажите, что было написано.

Лашкова. Я же только что рассказывала.

Прокурор. Вы говорите: «Дорогой Ян...» А дальше?

Лашкова. «Здравствуй. Получили от тебя посылку». И что-то про пластинки. Я уже не помню точно.

Прокурор. В общем, была тайнопись.

Лашкова. Да была, но технику я не могу... (не договаривает).

Прокурор. А что потом Добровольский стал делать с этими листочками?

Лашкова. Этот белый плотный листочек он сложил в два раза, по-моему, положил его еще в бумажку и положил в карман. А текст я положила в конверт, надписала адрес своей рукой.

Прокурор. Какой адрес вы написали?

Лашкова. Я не помню уже. Но кажется, в Осло.

Прокурор. Скажите, приходилось ли вам видеть иностранную валюту у кого-нибудь из тех, кто сидит сейчас здесь в качестве подсудимых? (Пауза) Доллары, например.

Лашкова. Да, я видела у Галанскова один раз бумажку, не нашу, денежную. Номинальность я ее не знаю, не помню. Один раз видела у Галанскова.

Прокурор. Вы спросили, а что это за бумажки?

Лашкова. Не бумажки, а бумажка, одна.

Прокурор. Бумажка?

Лашкова. Да. Он сказал, что это деньги, доллары. Я спросила, много ли это. Он сказал, что много.

Прокурор. Откуда же у него доллары, он сказал?

Лашкова. Нет.

Прокурор. Он вам не сказал, но вы подтверждаете, что доллары у Галанскова были и он вам показывал одну купюру доллара. Так?

Лашкова. Да, я видела. Один раз это было.

*Председатель суда.** Вот вы сказали, что один из вменных вам криминальных документов, в частности листовку «Сопротивление», вы не печатали. Правильно ли вас можно понимать, что вы вообще печатали не весь материал, ко-

* В действительности, вопрос адвоката.

торый впоследствии вы увидели в качестве «Белой книги»?

Лашкова. Впоследствии, в процессе следствия, я видела журнал «Грани», в котором был напечатан материал, который я печатала для этой книги. Но я просто не знаю, что представляет из себя целиком задуманная Гинзбургом книга. Мне трудно сказать, печатала ли я всю книгу. Может быть, я печатала какую-то часть: десятую, сотую, может быть, вторую. Я не знаю. Мне приносил Гинзбург материал по частям.

(«Голос Родины», 14. 2. 1968.)

№ 6

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО БРОКСА СОКОЛОВА

В номерах 7 и 13 за 1968 год «Известия» писали о Николасе Броксе Соколове, засланном в Советский Союз небезызвестной НТС («Народно-трудовой союз») ранее содержавшейся гитлеровцами, а теперь американским ЦРУ) и задержанном органами государственной безопасности. Н. Брокс понял, в какую грязную историю вовлекли его враги советского народа. Он написал открытое письмо Славинскому и другим вожакам НТС и обратился с просьбой опубликовать это письмо в советской печати.

Париж.

Многоуважаемый г-н Славинский
и другие «друзья» из НТС!

Вас, наверное, удивит это открытое письмо, ведь вы привыкли действовать гораздо скрытнее и не афишировать свою деятельность. Но у меня нет возможности написать вам одним из средств тайнописи, которыми вы пользуетесь, и поэтому я решил обратиться к вам через прессу той страны, где по вашей злой воле я «немного задержался» в туристической поездке.

Я решил написать это письмо по-русски, так как я знаю этот язык с детства, а вы не нуждаетесь в переводчиках. Здесь имею возможность изучить его еще лучше, правда, находясь в изоляции, то есть, попросту говоря, в тюрьме.

То, что я нахожусь в тюрьме, вас не удивляет, г-н Славинский. Или вы думали, что с теми вещами, которые мне

дали ваши помощники, меня встретят здесь с распростертыми объятиями? Наверное, вы так не думали, г-н Славинский. Не думали так и другие господа из НТС, ваши люди, инструктировавшие меня перед поездкой в Россию, куда я хотел поехать только для того, чтобы увидеть родину моих родителей.

Вы объясняли мне о способах слежки за мной со стороны КГБ, о том, что и как я должен делать с вашим грузом и как с кем встретиться. Вы знали, что я иду на преступление, и вы знали, как толкнуть меня на него. Вы действовали осторожно, исподволь, и сделали так, что моя туристическая поездка в Россию, на которую я долго копил, отказывая себе во всем, затянулась на продолжительное время.

Г-н Славинский и господа из НТС, ваши писатели Гинзбург, Галансков и Добровольский, а они писатели только в вашем воображении, живы и здоровы. Я их даже видел, но... на скамье подсудимых. Я, правда, не мог с ними более подробно поговорить, но они, наверное, тоже хотели бы вас поблагодарить за ту «литературу», которую вы им присылали и за которую они сейчас отвечают перед судом своей страны.

На суде я увидел те же принадлежности для тайнописи, прокламации, которые были вами отправлены и со мной и которые я впервые увидел, когда меня задержали.

Вы очень умно поступили, г-н Славинский, не дав мне возможности перед поездкой увидеть все то, что вы отправили со мной в Россию. Вы понимали, что я отказался бы и от этого груза и от вашего поручения, если бы знал, что вы посылаете со мной. А для кого все это предназначалось, я не понял и по сей день, так как не видел писателей Гинзбурга, Галанскова и Добровольского, а видел подсудимых Гинзбурга, Галанскова и Добровольского, совершивших преступление против своей страны с вашей помощью. Плохую услугу вы им и мне оказали, господа из НТС.

Вы обманным путем заставили выполнять свое поручение, дважды обманув меня.

Вряд ли за это я должен быть благодарен вам, тем более что конец этой истории оказался не очень веселым. Г-н Славинский, в тиши своего парижского кабинета вы не думали, что мне надо учиться, что у меня должно быть будущее, что у меня есть пожилые уже родители. Вряд ли

вы думали и о том, что очень многое изменилось в России, хотя и знали об этом, толкая меня на преступление.

И вот сейчас вы, наверное, ищете новых легковерных молодых людей для выполнения ваших бредовых поручений. Поэтому я и пишу это открытое письмо к вам.

Знайте, г-н Славинский, я проклял тот день и час, когда дал затянуть себя в мутный омут, который называется НТС, и взялся за ваше поручение.

Я не испытываю радости и от того, что когда-то знал Н. Б. Дроздовского, благодаря которому я познакомился с вами. По всей вероятности, мои родители уже заслуженно отблагодарили господина Дроздовского за оказанную вам помощь. Ну, а если вы будете писать ему, то передайте и мой привет и пожелания.

Вот что я ему желаю... Но это вряд ли напечатают газеты, кстати, говоря, этого я желаю и вам.

С искренним неуважением и без благодарности

Николас Брокс Соколов *(«Известия», 26. 2. 1968.)*

№ 7

БЕЗ СНИСХОЖДЕНИЯ!

Читатели «Комсомольской правды» об отщепенцах, осужденных советским судом.

После появления в «Комсомольской правде» 18 января этого года статьи «В лакеях» редакция получила множество откликов. Читатели выражают гнев и возмущение преступными действиями Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой, запятнавших себя сотрудничеством с белоэмигрантским отребьем, поступками, несовместимыми с высоким званием гражданина СССР. В десятках писем — слова презрения к тем, кто продал свою совесть за долларовые подачки и дурно пахнущую популярность.

Воины Советской Армии П. Занюк и С. Винников, московский рабочий В. Бирюков, участник Великой Отечественной войны ленинградец Б. Ермолаев, десятиклассники 12-й школы Волгограда и школьники из Харькова, научные сотрудники т.т. Брекин, Багров и учительница т. Трунова из Подмосковья, С. Можаев из Луганска, В. Кудряшов из Чувашии, студентка МГУ Л. Хохлова, В. Купневич из Енакиева, Н. Кушин со ст. Злынка Брянской области, свердло-

вчанин А. Вышенский и многие-многие другие, одобряя решение суда, пишут о силе любви советских людей к Родине, о необходимости давать решительный отпор любым происка м, идеологическим диверсиям наших недругов и их прихлебателей.

В общем потоке откликов, безоговорочно поддерживающих выступление газеты и решение суда по делу добровольных прислужников НТС, оказалось несколько писем иного содержания. Из-за недостаточной осведомленности или в результате заблуждений, вызванных дезинформационными сообщениями буржуазной пропаганды, несколько читателей — среди них даже есть писатели — выражают сомнение в справедливости предъявленного преступникам обвинения, сетуют на суровость вынесенного приговора.

Если это действительно искреннее стремление разобраться в существе вопроса, то, думается, тем, кто сомневается, есть смысл повнимательнее ознакомиться с открытым письмом Брокса Соколова, опубликованным в газете «Известия» за 26 февраля. Человек, которого обманным путем втравили в грязную историю, пишет, обращаясь к деятелям так называемого «Народно-трудового союза» — шпионско-диверсионной организации, в годы войны сотрудничавшей с гитлеровцами, а теперь состоявшей на содержании ЦРУ: «Г-н Славинский и господа из НТС, ваши писатели Гинзбург, Галансков и Добровольский, а они писатели только в вашем воображении, живы и здоровы. Я их даже видел, но... на скамье подсудимых. Я, правда, не мог с ними более подробно поговорить, но они, наверное, тоже хотели бы вас поблагодарить за ту «литературу», которую вы им присылали и за которую они сейчас отвечают перед судом своей страны».

Вскрывая преступную связь представших перед судом с враждебной советскому народу организацией, Брокс Соколов делает небезынтересное заявление: «На суде я увидел те же принадлежности для тайнописи, прокламации, которые были вами отправлены и со мной и которые я впервые увидел, когда меня задержали. Вы очень умно поступили, г-н Славинский, не дав мне возможности перед поездкой увидеть все то, что вы отправляли со мной в Россию. Вы понимали, что я отказался бы и от этого груза и от вашего поручения, если бы знал, что вы посылаете со мной. А для кого все это предназначалось, я не понял и по сей

день, так как я не видел писателей Гинзбурга, Галанскова и Добровольского, а видел подсудимых Гинзбурга, Галанскова и Добровольского, совершивших преступления против своей страны с вашей помощью. Плохую услугу вы им оказали, господа из НТС».

То же самое считают и наши читатели, гневно клеймящие позором предателей и отщепенцев. Ниже мы публикуем часть откликов, полученных редакцией в ответ на статью «В лакеях».

Я не писала в газету никогда, но сейчас не могла удержаться, чтобы не выразить свое возмущение по поводу антисоветских дел группы Гинзбурга, Добровольского, Галанскова и Лашковой. Нет слов, которыми можно выразить презрение к этим типам. Не завидую их матерям, которые родили и воспитали таких предателей.

Гинзбурги и подобные им наложили клеймо позора не только на себя, но и на своих детей, жен, матерей, если они есть у них. И напрасно господа из ФРГ, США и других капиталистических стран тратят средства на шпионаж. Выброшенные деньги!

Колпино, Ленинград. — М. Калашникова, врач.

*

Постыдно сотрудничество с врагами своей родной земли. Такое предательство никогда никому не прощалось. И о каком снисхождении Галанскову и его сообщникам может идти речь? И какое они имеют право именовать себя литераторами? Литература — удел людей сильных, талантливых, кристально чистых.

Я никогда не слышал об этих «литераторах», хотя регулярно читаю журналы и внимательно слежу за выходящими книгами. Этак и любой графоман может объявить себя писателем. И если на Западе Гинзбурга, Галанскова все-таки величают литераторами, то это понятно. Ведь они собирали и поставляли нашим идейным врагам пасквили, направленные против советских людей. Но литература, к счастью, начинается не с клеветы. У нас иные, светлые и честные истоки.

Орел. — И. Алексеев, журналист.

*

Прочитав статью в «Комсомольской правде» за 18 января, я и мои товарищи по службе одобряем решение суда над этими горе-литераторами. Дойти до такой пошлости и гнусности может только самый слабый человек.

Да, они добились своего. Имена их стали известны, как имена изменников своей Родины.

В. Кзыгач,
рядовой Советской Армии.

*

Я участвовал в Великой Отечественной войне, был тяжело ранен. Как же мне не больно, когда эти мерзавцы клевещут на меня, как и на всех советских людей, на всю нашу Коммунистическую партию, членом которой я состою.

Советский суд справедливо наказал клеветников, надо их заклеймить позором как прислужников врагов нашего народа.

И. Корчагин.
Совхоз им. Калинина, Пензенская обл.

*

Сколько бы не возмущались господа на Западе, советский суд есть и будет суров к тем, кто посмеет клеветать на нашу Родину, народ, власть и порядки, которые нашими отцами завоеваны, нами сохранены от немецкого фашизма в годы Отечественной войны.

Ярославль. П. Висков.

*

Целую неделю хриплый и продажный «Голос Америки», захлебываясь кричал в эфире: «Советский суд невинно осудил четырех советских писателей!» «Требуйте отстранения судей от их выборных должностей!», «Требуйте немедленного освобождения четырех писателей!»

Почему же, использовав радиостанцию «Голос Америки», так упорно и злобно лают военные преступники из НТС? Да потому, что оплакивают собственную горькую участь и отрабатывают доллары, которые им платят за измену.

Именно о таких, как Гинзбург, Галансков, Добровольский и Лашкова, великий писатель земли русской Алексей Мак-

симович Горький писал: «Предателя сравнить не с кем и не с чем. Даже тифозную вошь, по-моему, и то такое сравнение обидело бы».

Советские люди знают, что вши опасны, как распространители заразы, а поэтому и обезвреживают их.

Именем советского народа суд вынес свой справедливый приговор, и надо, чтобы эти подонки, находясь в трудовой исправительной колонии, отбыли его до конца. Упорным, тяжелым физическим трудом искупили хотя бы частично свою большую вину перед Родиной.

Харьков. А. Расновский.

*

В «Комсомольской правде» за 18 января 1968 года была напечатана статья «В лакеях».

Советский суд разобрал дело Юрия Галанскова, Александра Гинзбурга, Алексея Добровольского и Веры Лашковой, обвиняемых в преступной деятельности, направленной против советского строя, а значит, и против всего советского народа.

Но возмещает ли та степень наказания, которая им определена, моральный ущерб, нанесенный нашей стране?

Судя по материалам статьи, преступная деятельность Ю. Галанскова, А. Гинзбурга, А. Добровольского и В. Лашковой является не наивным заблуждением юности, а вполне осознанным предательством, которое длилось не один год.

Сизарев, Павлий, Морозов, Закусило, Мингулов,
студенты Казанского химико-технологического
института им. С. М. Кирова.

*

Уважаемая редакция!

В номере «Комсомольской правды» за 18 января 1968 года прочел статью «В лакеях». Нет слов, чтобы выразить возмущение антисоветской деятельностью Ю. Галанскова, А. Гинзбурга и А. Добровольского. Факт, или, как говорится, состав преступления, налицо. Возникает вопрос: не слишком ли мягка мера наказания изменникам Родины?

С уважением

А. Федоров,
подручный сталевара.

Ленинград.

*

Дорогая редакция!

Я впервые пишу в «Комсомольскую правду». Меня очень взволновала статья «В лакеях». Прочитал я ее, и во мне кипит злость на таких людей, которые вскормлены советским строем и вместо благодарности плюют в душу нашему народу, изменяют Родине.

Псков. А. Петров, 28 лет.

*

Недавно в Курске литературная общественность почтила память талантливого писателя В. В. Овечкина, человека с трудной судьбой, с честным и бесстрашным сердцем коммуниста. Его книги — один из многих примеров в советской литературе бескорыстного служения нашей партии и народу.

В западной прессе почему-то не пишут о советских писателях, чье творчество является совестью и болевой сердцевиной родного народа и утверждает те идеалы, во имя которых над Смольным было поднято знамя Октября руками наших прадедов и дедов.

И странно слышать о неких «советских писателях», печатающихся в так называемых «потусторонних журналах» и не осчастлививших ни одним произведением наших читателей.

Нет, не о литературных дарованиях идет речь, а об элементарных понятиях чести и совести любого гражданина — патриота своей страны.

И ей-же-ей, не литературными соображениями руководствуются закордонные покровители Гинзбурга, Галансковa, Добровольского, раздувая вокруг них антисоветскую шумиху.

Чувство презрения вызывают эти люди без якоря, люди, которые не поняли, что самое страшное в жизни — потерять моральное право называть себя соотчичами великого народа, народа Пушкина и Ленина.

Егор Полянский,
Курск. писатель.

(«Комсомольская правда», 28. 2. 1968.)

№ 8

КРОКОДИЛОВЫ СЛЕЗЫ

. . . . . .

...Чем шире, глубже развивается советская демократия, тем ожесточеннее становятся нападки врага на нее. Буржуазная пропаганда старается при этом отвлечь внимание прежде всего от грубого подавления свободы в капиталистических странах. Недавно ей удалось мобилизовать за рубежом даже некоторых уважаемых и маститых, но слишком доверчивых писателей и ученых в защиту трех подлых отщепенцев, осужденных в нашей стране. Маститые писатели и ученые не заметили, что попались на антисоветскую удочку именно в тот момент, когда всемирно известный врач и общественный деятель доктор Спок и его коллеги были посажены в Америке на скамью подсудимых за выступления против варварской агрессии США во Вьетнаме. Правая печать, не проронившая слова сочувствия американским туманистам, проливает крокодиловы слезы по поводу злостных пакостников, осужденных советским судом за преступное содействие антисоветской зарубежной организации, которая в свое время работала на гитлеровское гестапо, а ныне прислуживает боннской разведке и ЦРУ.

Нужно быть простаком, чтобы принимать всерьез эти слезы. Это те же слезы, что были пролиты наемными плакальщиками, когда судили шпиона Пауэрса — пилота, самолет которого «случайно» оказался над Советским Союзом, и шпиона Гревилла Винна, «честного дельца», ставшего якобы жертвой советской подозрительности, и шпиона Брука. У буржуазных пропагандистов всегда было достаточно слез, чтобы оплакать «жертвы» советского правосудия, и достаточно чернил, чтобы клеветать при этом на социалистический строй: им за это хорошо платят.

Д. Краминов.

(«Правда», 3. 3. 1968.)

№ 9

ПОЧЕМУ ВЫ МОЛЧИТЕ О ЛЕРОЕ ДЖОНСЕ?

Работает радиостанция «ЛГ»

Вопрос «Голосу Америки»

...Может быть, ПЭН вообще индифферентная организация? Может быть, она, как говорится, тяжела на подъем? Может быть, она столь академична, что ей не до текущих дел? Еще раз послушайте, что говорит по этому поводу Джозеф Норт:

— Как далека позиция ПЭНа в деле Лероя от того бурного негодования и призывов к действию, которые характерны для руководства ПЭНа, когда оно высказывается по поводу мнимого ущемления прав писателей в других странах — особенно когда мишенью становится Советский Союз? Вот тогда в ход пускается тяжелая артиллерия. Крокодиловы слезы ниагарским водопадом низвергаются на газетные страницы. Когда же совершается стопроцентное американское зверство под боком у американского ПЭНа, эту организацию охватывает странная летаргия...

Ну что ж, нам кажется, что позиция ПЭНа по «делу Джонса» объясняет позицию «Голоса Америки».

Эта радиостанция может на протяжении недель всячески раздувать любой факт, если ее хозяевам покажется, что из него можно высосать очередную антисоветскую акцию. Так, например, случилось с фактом осуждения советским судом четырех уголовных преступников — Галанскова, Гинзбурга и прочих. Эти отщепенцы были представлены «Голосом Америки» как «талантливые литераторы», хотя советским людям не известна ни одна строка из их «художественных произведений».

Но вот когда речь идет о крупном американском поэте, осужденном практически за его творчество, тогда «Голос Америки» стыдливо умолкает.

Нам остается спросить «Голос Америки»: если это «объективная информация» и «свобода слова», то что же такое дезинформация и насилие над свободой?

Передачу вел

А. Куров.

(«Литературная газета», 6. 3. 1968.)

№ 10

ВОЛНЫ СОЧУВСТВИЯ
или АХ, КАК Я БЛАГОДАРЕН «ГОЛОСУ АМЕРИКИ»!
Работает радиостанция «ЛГ»

Сегодня у нашего микрофона главный редактор журнала «Крокодил»

Странно, что эти строки, адресованные «Голосу Америки» и Би-би-си, я пишу совершенно свободно. Обычно же, когда я составляю даже простое заявление в ЖЭК о ремонте умывальника, у меня за спиной вырастают два дюжих молодца из госбезопасности. Они часто дышат мне в затылок и подсказывают, где надо ставить знаки препинания. Да, это те самые агенты, которые не дают вам, господа, покоя и которые, судя по вашим передачам, подчинили себе всю духовную жизнь нашей страны без малейшего остатка.

А сегодня их нет. Возможно, потому, что сегодня я не на городской квартире, а в Малаховке, на даче, где по пояс снег, резкие колебания температур и сквозняки. Между тем тайные агенты ужасно бояться сквозняков и простуды, дабы невольным чихом не выдать себя во время тайного наблюдения. Короче говоря, я пишу эти строки совершенно свободно, без наблюдателей и свидетелей, если не считать спящего за стеной внука и пассажиров поездов, проносящихся мимо окна, у которого я сейчас сижу и работаю.

У каждого писателя свой творческий метод. Один пишет стоя, положив лист бумаги на конторку с наклонной доской, другой пользуется диктофоном. Третий может писать только обыкновенно ученической ручкой, обмакивая перо в чернильницу-непроливашку. Всяк со своими причудами.

Я пользуюсь и авторучкой, и пишущей машинкой. Во время работы пью чай и слушаю радио. На столе у меня обязательно стоит транзисторный приемник и вполголоса лепечет какую-нибудь песенку или рассказывает о разных диковинных событиях, происходящих на свете. Другому радио мешало бы, а мне помогает, заменяя в долгие ночные часы собеседника.

Вот вчера я засиделся допоздна, обдумывая новую вещь и делая кое-какие заметки. А мой собеседник бесстрастно сообщал, где какая стоит погода, кто куда поехал и зачем, как складываются в данный момент цены на золото, пшеницу и сырую нефть. Я дотронулся до ручки настройки.

перевел приемник на другую волну, и в голосе моего собеседника прозвучали какие-то новые нотки. Он стал мягким, я бы даже сказал, бархатным. Это новое звучание заинтересовало меня, и я чуть-чуть прибавил громкости. Теперь голос был отчетливым, уверенным, но таким же проникновенным и задушевным.

Вслушавшись, я понял причину происшедшей метаморфозы. Обычное вещание в эфир кончилось, началась задушевная беседа, доверительный разговор. Сейчас невидимый собеседник обращался непосредственно ко мне, советскому писателю, человеку с тонкой нервной организацией, нуждающемуся в постоянной моральной поддержке, ободрении и сочувствии.

Я понял, что мне явно выражали сочувствие, причем в самой нежной форме. По какому поводу?

Может быть, по поводу того, что вот сейчас, когда все мои соотечественники, будучи нормальными людьми, предаются заслуженному отдыху, я как писатель вынужден нести бессонную вахту за письменным столом? Может быть, это глубокое сочувствие вызвано состоявшемся на днях разговором с бессердечным издателем, потребовавшим оставить в представленном ему сборнике рассказов лишь восемь печатных листов и ни одной страницей больше? Или ветренностью редактора, регулярно забывающего включить цикл моих новых юморесок в очередной номер своего еженедельника?

Нет, оказывается, повод для сочувствия другой и куда более серьезный. Мне сочувствуют по поводу «судебного произвола», в результате которого теперь я в течение некоторого времени не буду видеть рядом с собой Гинзбурга, Галанскова и Добровольского. Не буду, как прежде, встречаться с ними в ЦДЛ за чашечкой кофе или на премьерах в театре «Современник». Не смогу вести с ними бесед о путях соцреализма и обсуждать новые книжки «Октября», «Нового мира» или «Невы». И это само по себе достаточно печально. Тем более, что мой далекий вашингтонский собеседник характеризует этих троих как молодых писателей, блиставших эрудицией и остроумием в кругу образованных друзей. Какая потеря!

Правда, до сих пор я не встречался в ЦДЛ с Гинзбургом, не раскланивался на премьерах с Галансковым и не обсуждал критического отдела «Москвы» с Добровольским. Боль-

ше того, когда я тщательным образом перелистал все 644 страницы справочника Союза писателей СССР со всеми дополнениями и добавлениями, то не обнаружил там их имен и фамилий. Я позвонил друзьям — редакторам толстых и тонких журналов и поинтересовался, читали ли они какие-нибудь произведения, написанные указанными тремя интеллектуалами вкупе или порознь. Ответ был отрицательный и единодушный: нет, не читали ни строчки!

Единственно, что в связи с этими фамилиями читали они и что читал я, — было опубликованное в газетах сообщение о суде над тремя антисоветчиками, связавшимися с зарубежным белогвардейским отребьем. А оказалось, вот оно что! Оказалось, что не было законного суда, прокурора, адвокатов, показаний свидетелей, вещественных доказательств, а был «произвол». И преступников не было, а были творцы, мыслители, мои, можно сказать, коллеги, которых вот так взяли и «вырвали из рядов». Теперь я должен тосковать дни и ночи, стенать и рыдать, биться головой об стену... И, доведенный внезапно свалившимся на меня горем до отчаяния, настраивать транзистор на волну «Голоса Америки» или Би-би-си и со слезами на щеках выслушивать проникновенные, сочувственные слова.

Действительно, как это прекрасно, как трогательно! Сидишь один, затерянный в снегах Подмосковья, одичавший без долгого общения с тебе подобными... И вдруг ощущаешь, как горячие волны сочувствия с далекого-далекого континента движутся навстречу твоему истосковавшемуся сердцу. Вот они прокатились по холодным подъездным путям станции Томилино, миновали Панки, обошли стороной Красково и уже плещутся у твоих ног, колышут обледенелые ветви склонившихся к твоим окнам березок. Туманится взор, дыхание стесняет грудь...

Спасибо вам, господа, за это сочувствие, за неустанную заботу о нелегком писательском труде, о нашей творческой свободе! Поверьте, леди и джентельмены, если бы не вы, то у нас давно бы перестали выпускать столь необходимые писателям авторучки, пишущие машинки и диктофоны. Давно позакрывали бы все библиотеки, а книгоиздательское дело передали бы в Министерство нефтяной промышленности. Еще раз спасибо, господа редакторы, переводчики, дикторы, техники и радиооператоры из «Голоса Америки»!

Как я уже сказал вначале, эти строки, посвященные исключительно вам, господа, я, натуральный советский писатель (членский билет СП СССР № 1497), пишу в обстановке абсолютной свободы. Может быть, благодаря тому, что мне удалось ускользнуть из-под контроля Кремля в Малаховку. Получаса езды на электричке — и совсем иной мир. Правда, проезд до Малаховки стоит 25 копеек. Но вы, вероятно, согласитесь со мной, господа, что ради творческой свободы потратишь и не такие деньги!

«Литературная газета»
13. 3. 1968

Передачу вел член Союза писателей СССР М. Семенов

№ 11

ОТВЕТ ЧИТАТЕЛЮ

В редакцию поступило письмо нашего читателя из Ленинграда тов. Г. Новикова. Мы публикуем это письмо полностью и ответ главного редактора «Литературной газеты».

В редакцию «Литературной газеты»

Уважаемый редактор тов. Чаковский!

Более десятка лет я с большим удовлетворением регулярно читаю «ЛГ».

Особый интерес вызывают полемические и дискуссионные стороны по важнейшим проблемам литературы. На последнем съезде писателей в выступлении Шолохова справедливо прозвучала тревога, что очень мало было представлено молодых писателей (13%), их голос не был полностью услышан.

Вот почему мне думается, что «ЛГ», замалчивая сейчас по поводу кампании, поднятой мировой прессой в отношении судебного процесса над группой молодых писателей, допускает ошибку, а главное, обходит интерес читателей знать истинное положение, хотя бы в пределах контрпропаганды.

Я ожидал, что «ЛГ» выступит с обстоятельными статьями на эту взволновавшую обстановку в литературном мире. Причем речь идет не только о грубых нарушениях принципов законности на судебном процессе, но и заостряется проблема об отношении к советской интеллигенции, ее творческим дерзаниям, свободе мнения, связывается это с последствием культа личности. Непонятно, по каким сообра-

жениям (хочется сказать — конъюнктурным) можно замалчивать такие вопросы, которые так широко известны сейчас советскому читателю из передач радио и мировой прессы?

Вот почему прошу по достоинству для «Литературной газеты» реагировать на последние события в писательском мире.

С приветом и уважением читатель

Ленинград. Г. Новиков.

*

Уважаемый товарищ Новиков!

Возможно, Вы и правы, упрекая «Литературную газету» за то, что она не выступила с «обстоятельными статьями» в связи с кампанией, поднятой буржуазной прессой и радио после суда над антисоветчиками. Скажу Вам прямо: редакция нашей *писательской* газеты просто не считала нужным *специально* отвечать буржуазной пропаганде, которая назойливо выдавала за советских *писателей* людей, *нигде и никогда* (если говорить о нашей стране) не опубликовавших *ни одной строчки*.

Но, видимо, пропаганда не проходит бесследно. Вот и Вы, тов. Новиков, называете эту группу антисоветских подпольщиков «группой молодых писателей». Почему? *Только потому*, что их так именуют «Голос Америки», Би-би-си или «Немецкая волна»?

Если бы западное радио было единственным источником информации о данном судебном процессе, я понял бы Ваше заблуждение, хотя органическое, основанное на многолетнем опыте, естественное для советского человека сомнение в чистоте намерений буржуазной пропаганды должно было бы, как мне кажется, насторожить Вас и в этом случае.

Но существуют и другие источники информации. Советские. О процессе писала газета «Известия» (16 января 1968 года). О нем подробно сообщала «Комсомольская правда» (18 января 1968 года). Может быть, эти сообщения Вас не удовлетворили? Может быть что-то в них показалось Вам неточным, недостаточно аргументированным, вызвало сомнения?

Допускаю. И если бы Вы прислали письмо в упомянутые газеты, письмо, в котором высказали свои *конкретные* недоумения и попросили исчерпывающих разъяснений, не

сомневаюсь, Вы бы их получили. Однако таких конкретных вопросов нет в публикуемом Вашем письме.

Тем не менее мы считаем нужным на него ответить. И не в пределах «контрпропаганды», как Вы говорите, а по существу затронутых вопросов. Так вот.

Информация в прессе и рассказы очевидцев — людей, присутствовавших на судебном разбирательстве, — это естественные, обычные источники информации граждан о том или ином процессе.

К очевидцам мы вернемся позже. Сейчас — о прессе.

Из ее сообщений мы узнали о четырех людях, которые связались с зарубежной контрреволюционной организацией — НТС, ставящей своей целью свержение в нашей стране социалистического строя, а в минувшей войне сотрудничавшей с гитлеровцами и запятнавшей себя кровью советских граждан.

Эти четверо получили от НТС антисоветские материалы для подпольного распространения в нашей стране, участвовали в махинациях с иностранной валютой, доставляемой из-за рубежа, и передавали на Запад клеветнические материалы.

Из опубликованной (в «Комсомольской правде») статьи мы знаем, что при обыске у Гинзбурга, Галанскова и Добровольского были изъяты десятки полученных из-за рубежа антисоветских изданий. Среди них — программа и устав НТС, белогвардейская газета «Посев», выпущенная в виде восьми листовок, махрово антисоветские журналы, «Наши дни», «Грани», сочинения главарей и идеологов НТС. В материалах, которые получал от этой организации Галансков и передавал Добровольскому и Гинзбургу, содержались рекомендации и наставления о формах и методах борьбы с советским строем, в том числе вооруженной борьбы, призывы к совершению террористических актов, к созданию ячеек НТС на территории Советского Союза. Эти материалы содержали утверждения вроде: «Уничтожение коммунистической диктатуры в России послужит началом оздоровления и обновления всего мира», терминология их включала выражения: «коммунистическое иго», «освобождение от коммунизма» и т. д.

Вот основное, что нам известно. Из диалога между прокурором и подсудимыми, который также был приведен в опубликованных материалах, известно, и то, что некоторые

из обвиняемых признали факты своей преступной связи с НТС. Другие были уличены объективными доказательствами.

Теперь мне хочется сказать следующее.

Как советский человек, я испытываю к тому роду деятельности, которым занимались подсудимые, отвращение. У меня нет никаких оснований не доверять суду или информации в советской прессе, и, следовательно, сомневаться в том, что эти люди осуждены в соответствии с законами Советского Союза.

Хочу также сказать, что как писатель и публицист, я вижу и иные формы общественной защиты от антисоветских пропагандистов. Я, если хотите, за более строгое, с нравственной точки зрения, наказание. Думаю, что если эти четверо были бы поставлены лицом к лицу с широкой аудиторией, состоящей из рабочих и представителей интеллигенции, — собранием, которое наверняка высказало бы им все, что оно о них думает, и если в результате этого антисоветчики были бы подвергнуты общественному остракизму, то наказание оказалось бы более строгим и действенным. Хочу добавить также, что людям, которым ненавистен советский строй, которых соблазняет судьба канувшего в западную Лету Тарсиса, стоило бы предоставить возможность разделить эту судьбу. И вместо того чтобы поить и кормить подобных людей за народный счет в тюрьме или в исправительно-трудовых колониях, переложить заботу об их пропитании на американских, английских или западногерманских налогоплательщиков. Таково, если говорить откровенно, мое мнение.

Однако вернемся к суду. Нам говорят из-за рубежа, что он был незаконным. Почему? Потому что был «закрытым». Что это значит? Может быть, в практике буржуазной юстиции в самом деле является правилом устраивать суды над людьми, угрожающими безопасности капиталистического строя, в нью-йоркском «Линкольнцентре» или на лондонской Трафальгарской площади? Может быть, американские суды рассылают приглашения советским корреспондентам с покорнейшей просьбой присутствовать на процессах, когда речь идет об очередном «красном шпионе»? Разве никогда в американских, английских и иных буржуазных судах не бывало случая, когда судебный служитель разводил ру-

ками перед закрытой дверью зала, где слушается дело, сокрушенно говоря:

— Простите, господа, но мест нет, зал переполнен...

И все же... о, великолепная пропагандистская казуистика! Если в московский суд не пригласили иностранных корреспондентов, то значит, суд был «закрытый», «тайный». Если бы их пригласили, то в ход пошли бы свидетельства «беспристрастных очевидцев» о том, что подсудимые были невинными агнцами и что вина их абсолютно не доказана.

Некоторые советские литераторы, которые на суде не были, в своем переданном «Голосом Америки» письме пытаются опорочить суд. Но почему я должен верить им, а не, скажем, профессору, доктору медицинских наук В. Меньшикову, профессору, заведующему кафедрой судебной медицины А. Громову, доцентам, кандидатам философских и исторических наук К. Тарасову и В. Тумасяну? Почему я обязан верить Литвинову и его прокламациям, а не письму названных научных работников? А в этом письме, адресованном Союзу писателей СССР, говорится, между прочим, следующее:

«Мы, группа преподавателей I-го Московского медицинского института, присутствовавшие на процессе, глубоко возмущены измышлениями, которые содержатся в заявлении группы литераторов, и выражаем решительный протест против подобных выступлений, направленных на дезинформацию общественного мнения и дискредитацию советских юридических органов. Мы не видели в зале суда тех лиц, которые подписали заявление, и недоумеваем, откуда они взяли свои сведения?

Все подсудимые и свидетели, а их было вызвано около 40, пользовались полной свободой слова. В зале суда сидели родственники и близкие подсудимых, и никто из них в течение всего процесса не выражал сомнения в объективности и доказательности материалов следствия.

Суд проходил в атмосфере спокойного, обстоятельного, серьезного разбора дела. Вина подсудимых была очевидна даже для людей неискушенных. Она была открыто и искренне признана Добровольским и Лашковой и подтверждена показаниями свидетелей, в частности, Брокс-Соколовым и другими. Больше того, мы удивлялись долготерпению советских государственных органов, которые неодно-

кратно предупреждали обвиняемых, но те выводов для себя не сделали».

Буржуазные радиостанции утверждают, что аудитория суда состояла из специально подобранных людей — переодетых в штатское «сотрудников КГБ», «милиционеров» и т. д.

К какой категории следует отнести авторов процитированного письма?

Хотите еще одно письмо? Пожалуйста. Оно тоже адресовано в Союз писателей и тоже в связи с «популяризацией» буржуазными радиостанциями деклараций некоторых советских писателей:

«Вместе со многими гражданами мы присутствовали в зале судебного заседания. Мы заявляем, что открытый судебный процесс над Гинзбургом, Галансковым, Добровольским и Лашковой прошел с соблюдением всех установленных процессуальных гарантий правосудия...

Вызывают глубокое возмущение, — пишут далее авторы письма, — поступки отдельных лиц, продолжающих сбывать за рубеж ложную информацию о судебном процессе... Лица, подписывающие «протесты», спекулирующие свободой убеждений, интеллигенты, которые втайне рассчитывают завоевать известность на Западе, должны понимать, что не будет им ни славы, ни популярности — останется бессовестное заигрывание с нашими идеологическими врагами».

Это письмо подписано рядом преподавателей Московского автомобильно-дорожного института — т.т. В. Т. Ефимовым, Г. Ф. Юдиным, Н. С. Кузнецовым, Н. М. Васильевым, В. А. Елизаровым, Е. В. Старостиным и И. И. Кравцовым.

В Союз писателей и Союз художников СССР обратилась и группа ученых из Всесоюзного научно-исследовательского института минерального сырья — доктора наук и старшие научные сотрудники т.т. Г. С. Момджи, Н. Д. Соболев, Я. Д. Готман, Л. М. Шамовский, А. Д. Ершов, В. М. Григорьев, В. И. Кузьмин. В их письме выражается протест против попытки опорочить советский суд, которая была «немедленно использована враждебным нам пропагандистским аппаратом ряда капиталистических стран для подкрепления мифа о наличии политической оппозиции в среде советской интеллигенции курсу КПСС и Советского правительства». Письмо аналогичного содержания прислала в Союз писа-

телей труппа рабочих (30 человек) I-го государственного подшипникового завода.

Нас убеждают из-за рубежа, что аудитория суда была относительно небольшой, следовательно, суд был «закрытым». Странный аргумент. Если зал вмещал сто человек, то значит аудитория была «подобранной». Если бы он вмещал пятьсот, то «аргумент» остался бы прежним: ведь «подобрать» можно и сотни... Не к суду ли на площадях призывают нас и в самом деле западные поборники защиты прав человека? Не хотят ли они сказать, что именно в таких условиях могут быть обеспечены кропотливое разбирательство и спокойная, далекая от истерического накала атмосфера?

Как знать... По крайней мере, я собственными ушами слышал американскую радиопередачу на русском языке, в которой следом за очередными обвинениями в «негласности» суда над четырьмя антисоветчиками было передано сообщение о том, что в Китае, на стадионе, вмещавшем 20 тысяч человек, происходил суд над противниками Мао Цзе-дуна, после чего основные обвиняемые были казнены...

Вспомним о другом примере — о нем недавно сообщала наша газета.

Против американского поэта и драматурга Лероя Джонса сфабриковали дело в «полном соответствии» с законами штата Нью-Джерси. Его обвинили в незаконном владении оружием. Наказание по делам такого рода в этом американском штате обычно не превышает шести месяцев заключения. Джонс же осужден на три года тюрьмы и оштрафован на тысячу долларов. А все дело в том, что Лерой Джонс — борец за гражданские права негритянского населения. Журнал с его стихами фигурировал в качестве «вещественного доказательства» на судебном столе. Перед вынесением приговора судья цитировал стихи Джонса. Сколько сейчас таких процессов в Соединенных Штатах, где именем закона судят борцов за гражданские права, борцов против грязной войны во Вьетнаме!

Московский суд не имел ничего общего с подобными судилищами. Так на каком же основании, по какому праву те, кто организует и поощряет в странах капитала судебные расправы, пытаются учить нас судопроизводству и демократии!

Теперь поговорим о «творческих дерзаниях» и «свободе

мнений». Нам, тов. Новиков, необходимо договориться о главном: считаете ли Вы, что свобода мнений в нашей стране должна включать свободу призыва к свержению социалистического строя, свободу связи с зарубежной контрреволюцией и свободу распространения ее пропагандистских материалов?

Если да, то я с Вами решительно расхожусь во взглядах. Если же Вы за свободу критики, предполагающую в качестве непременного условия сохранение и совершенствование социализма, то я — полностью с Вами. Если Вы считаете, что критика и самокритика должны у нас развиваться еще более активно (хотя, чтобы оценить уровень их развития, достаточно обратить взоры в относительно недавнее прошлое), то и в этом случае я с Вами согласен.

Буржуазная пропаганда пускает в ход и такую версию. Она утверждает, что обвиняемые были не антисоветчиками, а... радетелями за улучшение советской жизни.

В этой связи, давайте вспомним, тов. Новиков, известен ли хоть один случай в истории, когда человек предпринимал бы враждебные действия против своей родины под флагом ненависти к ней? Нет, он всегда кричит о любви к своему народу, пытаясь этим морально оправдать свою измену.

Теперь — о другом. На защиту осужденных выступил ряд зарубежных писателей, в том числе и несколько вполне уважаемых. Почему? Я думаю, это можно объяснить разными причинами. Во-первых, и они не имеют иммунитета против лжи, особенно когда эта ложь каждодневно воспроизводится всеми средствами пропаганды. Очевидно, эти писатели полагают, что защищают правое дело.

Есть среди западных литераторов и такие, которые исповедуют принцип «фифти-фифти» — «половина-наполовину». Они бояться быть заподозренными в безоговорочных симпатиях к коммунизму и полагают, что подписав вчера протест против войны во Вьетнаме или против расовых преследований в США, сегодня должны «уравновесить» это, присоединившись к какой-нибудь акции против нашей страны. Наконец, есть и другие. Не завоевав никакой известности своими литературными произведениями, такие писатели жаждут легкой популярности и готовы связать свое имя с любой сенсацией.

Ну, а как обстоит дело с теми советскими людьми, в том

числе и с немногочисленными профессиональными литераторами, чьи письма, адресованные советским организациям, с поразительной синхронностью, а иногда даже с опережением попадают в Америку, Англию и ФРГ? Между прочим, именно в связи с передачей одного такого письма буржуазными радиостанциями и прислал свой протест в Союз писателей ряд советских граждан. Может быть, Вас интересует мое мнение об авторах письма — советских литераторах? Что ж, и в этом случае мне не хотелось бы мазать всех «одним миром». Очевидно, есть среди них такие, кто уверен, что борется за восстановление истины, хотя поразительная готовность антисоветских радиостанций передавать их письма должна была бы заставить этих товарищей насторожиться. Думаю, что есть среди них и другие, те, кто, в отличие от мопассановской Пышки, не в состоянии противостоять соблазну пофлиртовать с врагами. В особенности, если этот флирт приносит их именам такую известность, для завоевания которой трудами литературными надо потратить долгие годы.

И — последнее.

Вот уже не первый год всевозможные лживые «голоса» посвящают свои передачи советским писателям. Эти передачи давно превратились в своего рода многосерийный радиокомикс. Советские писатели изображаются в нем как люди, денно и нощно мечтающие о капиталистическом рае. Если поверить буржуазному »радиоиллюзиону», наши литераторы будто только и думают о том, как бы продать свое социалистическое первородство если не за чечевичную похлебку, то уж, конечно, за английский поридж или за американский яблочный пай.

Хочу сказать, что это — отвратительная провокационная ложь. В течение долгих лет я знаю сотни писателей — московских, ленинградских, писателей русских, украинских, белорусских, узбекских и других, живущих и работающих в наших братских республиках. Как литератор и просто советский человек я знаю, что подавляющее большинство тех, кто занят сложным, многотрудным писательским делом, являются подлинными гражданами Советской страны, убежденными строителями социалистической культуры, коммунистического общества. И об этом мне тоже хочется во всеуслышание сказать в связи с упоминаемыми

Вами, тов. Новиков, «передачами радио» и сообщениями «мировой прессы».

В заключительных строках своего письма Вы призываете «Литературную газету» реагировать на «последние события в писательском мире». Если Вы, как следует из содержания письма, имеете в виду все тот же процесс и то, что происходит вокруг него, то я хотел бы еще раз уточнить. Это не событие в «писательском мире». Это эпизод в идеологической борьбе. В той самой борьбе, которая не прекращается ни на минуту. В которой для наших противников все средства хороши и цель оправдывает средства.

А. Чаковский.

(«Литературная газета», 27. 3. 1968.)

№ 12

С НАМИ*

. . . . . .

...Одно из самых модных слов в мире — гуманизм.

Термин этот долгое время выглядел у иных «человеколюбцев» в качестве кастрюли, в которую один засыпает пшено, другой лапшу, а третий картошку. Не перевелось такое кухарничанье и теперь. Скажем, радиостанция «Голос Америки» чуть не месяц жует жалостливые фразы по поводу осуждения в СССР четырех молодых людей, из-за очевидной глупости своей — поскольку никаких добрых перспектив им это не сулило, — продававших услуги свои одной из самых грязных антисоветских организаций. Что ж, их впрямь можно пожалеть — тощие серебряники приходится оплачивать пребыванием в местах определенно неприятных. Но тот же самый «Голос Америки» начисто забывает о жалости и гуманизме, когда речь идет о докторе Споке, о казненных расистами негритянских юношах, которые всего-то и хотели, чтобы народ их был хозяином на своей земле. Не слышно что-то ноток сострадания в «Голосе Америки» и применительно к неграм, которых расстреливают на улицах американских городов, и применительно к гибнущим детям и женщинам Вьетнама. Наоборот, тут дается довольно бодрая информация о бомбежках и об

* Статья посвящена 100-летию со дня рождения М. Горького.

успешных действиях американских частей. И получается в результате, что гуманизм этой радиостанции — довольно мерзостное лицемерие в сугубо утилитарных целях пропаганды, ничего общего с человеколюбием не имеющих.

Николай Грибачев.

(«Известия», 27. 3. 1968.)

№ 13

*Материалы XIX конференции Московской городской организации КПСС**

РЕЧЬ ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА

на XIX конференции Московской городской организации КПСС 29 марта 1968 года.

. . . . . .

...Наши идеологические противники понимают, что морально-политического единства советского общества им не расшатать. Но буржуазные идеологи надеются еще как-то повлиять на мировоззрение отдельных групп советских людей, притупить их классовое сознание.

Всякого рода антисоветские организации и службы, созданные империалистами, выискивают морально неустойчивых, слабых, политически незрелых людей. В их сети иногда попадаются люди, падкие на саморекламу, готовые не трудом на благо Родины, а любыми политически сомнительными средствами как можно громче заявить о себе, не брезгуя похвалами наших идейных противников. Советская общественность сурово осуждает позорные поступки этих двуличных людей (продолжительные аплодисменты). Отщепенцы не могут рассчитывать на безнаказанность. Об этом ярко свидетельствуют многочисленные письма трудящихся и резолюции собраний рабочих и служащих ряда предприятий и учреждений Москвы и других городов.

Наши враги в стане империализма с исключительной цепкостью хватаются за любые проявления незрелости и шатаний у отдельных представителей интеллигенции. Империалисты пытаются использовать эти явления в своих интересах в идеологической борьбе против мира социализма.

Но пусть знают все, что деятели советской культуры и

* Даются в порядке их опубликования советскими газетами.

искусства, как и вся интеллигенция нашей страны, всегда были, есть и будут вместе со своим народом, вместе с партией Ленина. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

(«Комсомольская правда», 30. 3. 1968.)

ВСЕМ СЕРДЦЕМ С ПАРТИЕЙ

С. В. Михалков, первый секретарь правления Московской писательской организации.

. . . . . .

Товарищи! Московская писательская организация беззаветно предана Коммунистической партии. Главную свою задачу она видит в служении народу. Но мы не можем и не должны затушевывать некоторые факты, которые за последние два года имели и еще имеют место в нашей писательской жизни.

Да, как говорится, «в семье не без урода». Я имею ввиду тех немногих литераторов, которые забыли, что гражданин социалистического общества должен отвечать перед обществом за политические и нравственные последствия своих поступков. Единая цель, общие нормы морали налагают на каждого из нас святую обязанность честно служить интересам народа. И сегодня в свете сложной международной обстановки политическое и нравственное поведение мастеров слова приобретает особое значение.

Что же можно сказать о тех, кто вольно или невольно играет на руку чуждой нам пропаганде?

Советский суд осудил двух политических клеветников и двурушников. Как ни странно, нашлись среди наших литераторов добровольные адвокаты, выступившие на защиту пособникам враждебного нам лагеря. 17 членов партии из 700 писателей — коммунистов Москвы пошли на поводу у тех, кто сфабриковал письменный протест в адрес вышестоящих советских и партийных инстанций. Не успело это послание дойти до столичных адресатов, как оно каким-то диковинным образом оказалось опубликованным в зарубежной печати.

Вот уж действительно, как говорят в народе, «лживые вести не лежат на месте». Спустя полтора года советский народный суд осудил трех уголовников, на этот раз вообще не имеющих никакого касательства к литературе и провокационно произведенных в ранг писателей разными зару-

бежными «голосами» и «подголосками». И тут же опять нашлись у нас доброходы, действующие теми же методами.

Справедливости ради следует отметить, что если не считать трех-четырех известных писательских имен, большинство подписавших эти письма ничем не прославили нашу литературу, ничем значительным не обогатили ее и не они определяют подлинное лицо писательской общественности. Но есть среди них члены партии, и мы вправе спросить у них: эта ваша политическая позиция или политическая незрелость? Кого вы защищаете? Во всяком случае поведение этих коммунистов не имеет ничего общего с понятием о классовом партийном сознании единомышленников, об ответственности перед партией, перед обществом. Тем более, что многие даже понятия не имели о существе дела, о людях, за которых они выступали ходатаями.

«Что побудило вас поставить свои подписи под столь сомнительными политическими документами?» — спрашивали их. «Писатели должны быть гуманистами», — отвечали они. Уместно напомнить этим литераторам, что такое гуманизм в понимании Максима Горького. Великий сын великого народа считал, что подлинный гуманизм — это воинствующий гуманизм непримиримой борьбы против лицемерия и фальши тех, кто заботится о спасении старого мира.

«То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть», — писал Некрасов. Да, без устали ненавидеть врагов — вот гуманизм во имя друзей, во имя своего народа. (Аплодисменты)

Товарищи! Я говорю здесь о так называемых коллективных письмах. Буржуазная пропаганда взяла на вооружение эти письма, поднимает на щит авторов этих документов за «прогрессивность» взглядов, за «смелость», афиширует их имена. Но не одни только письма беспокоят нас. Позиция некоторых литераторов, особенно коммунистов, выступающих на иных собраниях и литературных вечерах, тревожит нас не меньше.

За последнее время три коммуниста нашей организации за свои глубоко ошибочные публичные выступления получили строгие партийные взыскания. Двое из них были наказаны не нашим парткомом, а бюро Фрунзенского райкома партии и бюро городского комитета партии. Почему же мы сами не сумели вовремя строго призвать к порядку тех, кто

заслуживает нашего осуждения? Да потому, что настроения всепрощения, либерализм не преодолены до конца в нашей партийной организации, и в этом надо честно признаться.

Мы вынесли в свое время решение секретариата правления, резко осуждающее литераторов, подписавших вышеупомянутые письма. Мы беседовали с ними в парткоме и понадеялись тогда, что они поймут свои ошибки. Конечно, есть и такие, что «сперва набрешут, а потом затылок чешут». Но есть и такие, что до сих пор упорствуют и не сделали для себя надлежащих выводов. Вот почему мы считаем критику в наш адрес своевременной и совершенно справедливой. Наш партком, а вместе с ним секретариат правления должны быть впредь более принципиальными в оценке подобных явлений.

Нас не могут не тревожить и некоторые явления в смежных искусствах, в частности в театре. Не секрет, что иные режиссеры в своих пусть даже интересных постановках произвольно трактуют тексты классических произведений, вызывая этим нездоровый ажиотаж у определенной части публики, именно публики, а не народа. Причем этот ажиотаж вызывается не смелостью сценического решения спектакля, а политической окраской осовремененных реплик действующих лиц, обращенных непосредственно в публику, в зрительный зал и рассчитанных на политически незрелых обывателей. И если это делается ради дешевого эфекта, а не злонамеренно, то уж во всяком случае политически и граждански безответственно. Если сами классики не могут высказаться по этому поводу и объясниться с режиссерами, то наш долг — сделать это за них (Аплодисменты).

Не скрою, что есть еще в нашем литературном повседневном деле досадные, наболевшие вопросы и нерешенные проблемы творческого и организационного характера. И этим вопросам мы, естественно, уделаем большое внимание, но в решении мы уж как-нибудь обойдемся без услуг сомнительных адвокатов, стряпающих апелляции, обращенные к реакционным кругам Запада. Обойдемся! У нас есть куда обратиться. У нас есть Центральный Комитет Коммунистической партии! (Бурные аплодисменты).

(«Комсомольская правда», 30. 3. 1968.)

НАУКА СЛУЖИТ КОММУНИЗМУ

М. В. Келдыш
Президент Академии наук СССР

. . . . . .

...Сегодня в своем выступлении товарищ Л. И. Брежнев выразил большие надежды в адрес ученых и оказал нам, ученым, громадную поддержку. Ученые искренне поддерживают политику нашей партии в развитии нашей социалистической страны, в осуществлении ленинских принципов развития нашего общества, в международном коммунистическом движении, в борьбе партии за мир (Аплодисменты).

С тем большим сожалением приходится констатировать, что есть еще отдельные работники науки, которые, поддаваясь провокациям, допускают неправильные поступки в общественной жизни.

Отдельные группы лиц направили в различные инстанции письма, в которых, искажая суть дела, становились на защиту людей, проводивших враждебную нам деятельность. Нашлись люди, которые передали эти письма нашим врагам, и зарубежная пресса и радио пытались использовать их для антисоветской пропаганды. Я думаю, что подавляющее большинство из подписавших письма сделало это из-за недостаточной политической зрелости, не понимая ту напряженную политическую обстановку во всем мире, которую создают силы империализма, не понимая того, что силы империализма готовы использовать любые средства обмана и лжи, чтобы нанести ущерб нашей Родине.

Хотя все это — редкие исключения, общественность Академии наук обеспокоена и принимает меры для предотвращения подобных явлений. Я думаю, что нам надо приложить больше усилий для разъяснений истинного положения вещей всем этим товарищам. Но эти лица должны помнить, что не они определяют нашу науку. Развитие науки пойдет вперед во всех случаях. (Аплодисменты).

(«Правда», 1. 4. 1968.)

ЛЕНИНИЗМ — НАШЕ ЗНАМЯ

В. П. Трушин
первый секретар МГК ВЛКСМ

. . . . . .

...Буржуазная пропаганда не первый раз вытаскивает на свет всякую нечисть, отщепенцев и изменников Родины, лезет из кожи вон, чтобы поколебать единство нашего народа, подорвать веру молодежи в марксистско-ленинское учение, в идеалы партии.

Напрасные потуги!

Мы с твердой уверенностью говорим, что так же, как и все советские юноши и девушки, молодые москвичи идут за партией, учатся у нее, свято воплощают в жизнь ее идеалы. И любые пропагандистские атаки, любая спекуляция западных идеологов, пытающихся посеять у нашей молодежи скептицизм и сомнения, какими бы изощренными методами они ни проводились, как бы хитроумно они ни строились, обречены на полный провал. (Аплодисменты). Мы всегда шли, идем и будем идти за ленинской партией. Всегда считали, считаем и будем считать самым догорим и святым слова партии. Этим мы живем, этим вдохновляемся и этим больше всего гордимся. (Аплодисменты).

Прошедший недавно актив городской комсомольской организации единодушно осудил позорную позицию тех, кто, спекулируя такими понятиями, как свобода, демократия поднял провокационную возню вокруг отщепенцев.

История уже не раз давала отпор подобным деятелям, толкующим свободу как возможность противопостовлять свои мелкие страстишки интересам народа, глумиться над тем, что свято и дорого каждому советскому человеку.

Для нас, комсомольцев так же, как и для всех поколений советских людей, есть и будет одна свобода — свобода борьбы за коммунизм, за счастье и радость человеческого труда! И во имя утверждения этой свободы, мы не пожалеем ни сил, ни энергии, ни жизни своей. (Аплодисменты).

ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА ВЕРНЫ

Е. А. Пирогов
первый секретарь Ленинградского РК КПСС

. . . . . .

...Главным условием успешного решения научных задач на высоком техническом уровне является наличие хорошо подготовленных, идейно убежденных научных кадров. В наших научных коллективах работают замечательные инженеры, ученые, беззаветно преданные идеалам нашей партии. Однако среди творческой и научно-технической интеллигенции иногда появляются отдельные личности, которые забывают, кому они обязаны своим образованием, научным ростом, материальным положением. Некоторые из этих «не помнящих родства» становятся на путь клеветы на нашу партию, нашу страну, наш народ.

Действия этих людей оскорбляют нашу интеллигенцию, вызывают гнев и осуждение советских людей. Узнав об этих фактах, коммунисты и беспартийные, многие коллективы промышленных предприятий нашего района в своих письмах и резолюциях требуют принятия решительных мер к таким лицам.

А три дня назад партийный актив Московского отделения Союза художников с возмущением осудил тех членов Союза, кто своими проступками объективно помогает нашим врагам, и поставил вопрос об их дальнейшем пребывании в Союзе художников. Мы считаем это решение правильным. (Аплодисменты).

В этой связи наша задача — еще выше поднять боевитость партийных организаций, уровень их организаторской и политической работы, совершенствовать воспитательную работу, вести непримиримую борьбу с любыми проявлениями буржуазной идеологии. Мы никому не позволим сеять ядовитые семена сомнения в правоте нашего дела. Единство партии и народа нерушимо. (Аплодисменты).

(«Московская правда», 3. 4. 1968.)

№ 14

СПАСИБО, КОММУНИСТЫ!

. . . . . .

...Объясняя причины того, почему московская писательская организация не сумела своими силами вовремя призвать к порядку непрошенных адвокатов всяческих отщепенцев, С. Михалков сказал: «...Да потому, что настроения всепрощения, либерализма не преодолены до конца в нашей партийной организации, и в этом надо честно признаться».

Да, это так, к сожалению. Ничем иначе не объяснить, что идейно-путаные, обывательские речи некоторых литераторов не получали подчас необходимой отповеди в аудиториях московских писателей. А разве менее позорно, что несколько писателей — членов партии столицы поставили свои подписи под «петицией» в защиту уголовников — политических клеветников, осужденных советским судом?!

Не многим лучше вели себя и некоторые театральные критики, пытавшиеся взять под защиту идеологические срывы в постановке классики на советской сцене (мы имеем в виду интерпретацию «Трех сестер» Чехова у режиссера А. Эфроса и «Доходного места» Островского у режисера М. Захарова).

Так что же все эти горе-критики защищают? Неужели их тревожит тень тех писателей из лагеря декадентов, которые называли себя «сторонниками социальной и внутренней духовной свободы»? Не раз приходилось нам слышать от нынешних «добровольных адвокатов» высокие слова: «реализм, демократия, активность». Но они начисто забывают ленинское замечание из его письма к А. М. Горькому о том, что *именно эти слова* используются для обмана народа «всеми буржуазными ловкачами на свете».

Как и чем объяснить подобную «забывчивость»?

Видимо, не учитываются кое-кем сложность и острота современной международной обстановки, диктующей каждому советскому человеку повышенное чувство ответственности перед обществом за политические и нравственные последствия своих поступков.

«Сейчас, — говорит Л. И. Брежнев, — идет острая идеологическая борьба. Линия фронта в этой борьбе, ее, так сказать, водораздел, проходит между социализмом и капи-

тализмом, между двумя противостоящими друг другу общественными системами».

Позвольте, скажет нам иной наивный читатель, разве тот, кто сегодня колеблется и «по доброте своей» защищает синявских и гинзбургов, противостоит социалистической системе и находится по ту сторону баррикад? Разве они из числа тех буржуазных литераторов, о которых шла речь в 1919 году? Конечно, эпигоны не всегда бывают копией. Но мы не можем расценивать подобные «мирные петиции» иначе, как *политически*, тем более, что эти «петиции» предназначаются (как показывает практика) прежде всего для буржуазной прессы и радио. Разве это не то же самое, по сути дела, *сотрудничество* в изданиях врага, которое клеймил позором Ленин? Вот почему партия наша подчеркивает, что идеологическая борьба и в наше время есть борьба *классовая*.

Генеральный секретар ЦК КПСС далее сказал:

«Коротко говоря, идеологическая борьба в наше время — это острейший фронт классовой борьбы. В ней не может быть политического безразличия и пассивности, нейтрализма по отношению к целям, которые ставит перед собой враг. Наша партия всегда предупреждала, что в области идеологии не может быть мирного сосуществования, как не может быть классового мира между пролетариатом и буржуазией».

Пусть поймут нас правильно. Никто не собирается формально отождествлять идейно незрелых шатающихся интеллигентов с оголтелыми зарубежными недругами либо с озлобленными на революцию писателями типа Д. Мережковского или З. Гиппиус. Опасно, однако, не видеть объективной стороны дела, политического вреда, который наносят нам двуличные люди.

(«Литературная Россия», 5. 4. 1968.)

№ 15

СОВЕТСКИЕ ХУДОЖНИКИ ВСЕГДА С ПАРТИЕЙ

Пленум творческих союзов Узбекистана.

. . . . . .

...Участники пленума сурово осудили группку окололитературных элементов, отщепенцев, которые, предавая интересы нашей Родины и народа, в погоне за саморекла-

мой клевещут на социалистический строй и тем самым оказывают услуги империализму. В письме также осуждаются отдельные недальновидные ученые и деятели культуры, защищающие этих пособников враждебного нам лагеря.

(«Правда», 10. 4. 1968.)

№ 16

ВСЕГДА С ПАРТИЕЙ, ВСЕГДА С НАРОДОМ*

В. Абакумов

парторг МГК КПСС в Московском отделении Союза художников РСФСР

. . . . . .

...Высокая ответственность художника перед народом несовместима ни с какими проявлениями идейного и политического легкомыслия: слишком гордое это звание — советский художник, и нести это звание надо достойно!

Не случайно поэтому тревогу и огорчение среди художественной общественности столицы вызвало поведение некоторых московских художников и искусствоведов, которые поставили свои подписи в письмах, направленных в различные инстанции с требованием отмены решений советских судов в отношении отщепенцев, ставших на путь предательства и измены, связавших свою антисоветскою деятельность с зарубежными центрами буржуазной разведки. Письма эти стали достоянием злобной антисоветской пропаганды за рубежом.

Художественная общественность столицы, партийная организация Московского союза художников осудили политическую беспечность этих людей, которые не разобравшись в сути дела, поставили свои подписи на документах, содержание которых носит двусмысленный, а порою и просто враждебный нашему обществу характер.

В. И. Ленину принадлежат замечательные слова: «Каждый волен писать и говорить все, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов».

---

* Была перепечатана в «Московской правде».

Этим указанием великого вождя руководствовался партийный актив московских художников, который единодушно поддержал решение об исключении из членов КПСС Б. Биргера и привлечении к строгой партийной ответственности коммуниста Н. Андронова; актив предложил правлению МОСХа рассмотреть вопрос о возможности пребывания в Московском союзе художников лиц, оказавшихся в числе обывателей и объективно сыгравших на руку тем, кто ведет активную идеологическую борьбу против советского народа.

(«Московский художник», 19. 4. 1968.)

№ 17

В СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

На днях секретариат правления Московской писательской организации обсудил на своем заседании вопрос о литераторах, подписавших заявления в защиту антисоветчиков Гинзбурга, Галанскова и др. В заседании приняли участие секретари правления С. Михалков, М. Алексеев, Б. Галин, Л. Кассиль, Е. Книпович, С. Наровчатов, В. Розов, В. Росляков, В. Ильин, парторг МГК КПСС В. Тельпугов, заместитель секретаря парткома Ю. Корольков.

В ходе обсуждения выявилась неприглядная роль некоторых московских писателей, проявивших недопустимую политическую беспечность и беспринципность. Как было отмечено, подобного рода письма и заявления дают пищу нашим идейным врагам. Их публикация органами буржуазной пропаганды направлена к тому, чтобы дезинформировать общественное мнение зарубежом, выдавая политических проходимцев Гинзбурга и Галанскова за писателей.

Безответственные поступки некоторых литераторов вызвали у членов секретариата единодушное суровое осуждение. В своих выступлениях они отметили, что эти поступки вызывают законный протест и возмущение в писательской среде. Отмечалось также, что подобные действия осуждаются многими представителями московских предприятий и научных учреждений, о чем они ставят в известность Союз писателей СССР.

«Мне глубоко отвратительна подобная форма писем» — заявил на заседании секретариата В. Розов. Писатель призван быть совестью народа, подчеркнул Л. Кассиль, и его

голос должен «отвечать голосу большой советской правды». Недопустимо, когда письма, адресованные в различные советские инстанции, оказываются за границей и становятся идеологическим оружием противника.

Надо строго предупредить проявляющих безответственность литераторов, сказал С. Наровчатов, объяснить им, что общественное мнение — против них.

О необходимости не ослаблять идеологическую работу среди писателей, вести ее не только тогда, когда случается что-то чрезвычайное, а повседневно, говорил В. Росляков.

В своем заявлении на имя секретариата писатель Ю. Пиляр сообщил об обстоятельствах, при которых он подписал такое письмо.

«Я впервые смог ознакомиться с полным текстом письма только в секретариате Московского отделения, — пишет Ю. Пиляр. — До этого я просто не читал всего письма и поэтому не мог уловить истинного его смысла, в частности, — оценок советского суда, с которыми я категорически не согласен... Считаю свой поступок — подпись под письмом — поменьшей мере легкомысленным и стыжусь своего легковерия...

Меня возмущает, что какие-то бесчестные людишки, не спрашивая разрешения у писателя, перебросили этот адресованный советским руководителям документ за границу. Теперь, ознакомившись с полным текстом документа, я не могу не выразить своего осуждения и организаторам всей этой затеи с письмом, которые так злоупотребили доверием ряда писателей. Во всяком случае, я никогда и никому не давал права использовать мое имя для каких-либо сомнительных заявлений за пределами своей страны.

Ввиду вышеизложенного снимаю свою подпись под письмом».

В принятом постановлении секретариата указывается, в частности, что безответственные поступки некоторых литераторов «свидетельствуют о нарушении их авторами того пункта устава Союза писателей, который вменяет в обязанность его членам идейную борьбу против буржуазных и ревизионистских влияний».

Далее в постановлении говорится: «Не может называться советским писателем тот, кто не понимает всей полноты своей ответственности перед народом в период бескомпромиссного столкновения двух идеологий — социализма и капитализма».

(«Литературная газета», 24. 4. 1968.)

№ 18

ДРАМАТУРГ ВЫХОДИТ НА ТРИБУНУ

. . . . . .

...То, что происходит в спектакле «Круглый стол с острыми углами», взято с газетных страниц, из радиопередач последних известий. Острая злободневная публицистика становится вполне правомерным сценическим жанром, когда она служит высокой цели, горячо отстаивает общественные интересы, следует идее патриотической направленности нашего искусства.

Эта правомерность публицистики на сцене убедительно подтверждена пьесой С. Михалкова и А. Нечаева, поставленной Московским театром имени Ленинского комсомола.

Одно из первейших свойств публицистики заключено в ее оперативности. Перу публициста куда легче быть оперативным, по сравнению с тяжелой, сложной, не очень-то поворотливой театральной машиной. Однако на этот раз и она оказалась вполне мобильной.

Давно ли, скажем, был у нас справедливый суд над уголовным «квартетом» подонков, отщепенцев (выдаваемых буржуазной пропагандой за благородную совесть нашей интеллигенции), что пошли в услужение к антисоветчикам из НТС. А театр уже дает возможность зрителю взглянуть на то, что скрывается за ширмой этой вражеской организации, увидеть, как замышляют враги нашей Родины свои преступные акции.

Н. Абалкин.

(«Правда», 27. 4. 1968.)

№ 19

ВЫСОКИЙ ДОЛГ УЧЕНЫХ

. . . . . .

...В Московском Доме ученых состоялось собрание партийного актива Академии наук СССР, посвященное итогам апрельского Пленума ЦК КПСС.

Партийный актив Академии наук осудил тех, кто берет под защиту лиц, справедливо наказанных советским судом за антисоветскую деятельность. Собрание призвало всех ученых к проявлению высокой политической сознатель-

ности и принципиальности в идеологической борьбе между социализмом и капитализмом с тем, чтобы каждый был готов дать отпор всяким попыткам наших врагов разобщить передовые силы современности и подорвать социалистическое общество изнутри.

(«Правда», 27. 4. 1968.)

№ 20

ВЕСНА ИДЕТ

Николай Грибачев

. . . . . .

...Мой приятель рассказывает:

— С каждым днем снова и снова убеждаюсь, что радиостанция «Голос Америки» любит не столько ближнего своего, сколько дальнего чужого.

— Ты это всерьез?

— Ей-богу же! Вот, например, только что радиостанция эта сообщила: «В городах США после беспорядков, грабежей и поджогов восстановлено спокойствие». Кратко и ясно! И никаких там посторонних рассуждений о десятках и сотнях искалеченных и убитых, никаких лишних слов о тысячах загнанных в тюрьмы. Зато когда у нас судили четырех молодых пачкунов, связавшихся с антисоветчиками из НТС, то «Голос Америки» изо дня в день передавал жалостливые комментарии, главным содержанием которых была забота о демократии и свободе для советских литераторов. Вот и получается, что свои, американцы, для этой радиостанции дело третьестепенное: убитые полежат, искалеченные похромают, арестованные посидят. Ничего им не сделается! А вот о дальних и чужих такая печаль, такая увесистая слеза на жилетку...

(«Вечерняя Москва», 30. 4. 1968.)

№ 21

ОСУЖДЕНИЕ БЕСПЕЧНОСТИ, БЕСПРИНЦИПНОСТИ И КЛЕВЕТЫ

17 апреля с.г. секретариат правления московской писательской организации обсудил на своем заседании вопрос

о литераторах, подписавших заявления в защиту осужденных неких Гинзбурга, Галанскова и других.

В ходе обсуждения выяснилась неприглядная роль ряда писателей-москвичей, проявивших недопустимую политическую беспечность и беспринципность, отдавших свое имя на вооружение нашим идеологическим противникам. Антиобщественные действия этих писателей усугубляются тем, что их письма появились в различных буржуазных газетах и зарубежных радиопередачах на СССР.

Подобный поступок со стороны ряда членов московской писательской организации вызвал у членов секретариата единодушное суровое осуждение. В своих выступлениях они отметили, что такие действия не выражают мнения московской писательской общественности и, более того, вызывают законный протест и возмущение не только в нашей писательской среде, но и среди московских рабочих, представителей научной и технической интеллигенции, приславших свои письма-протесты в адрес Союза писателей СССР.

Секретариат отметил, что добровольные защитники отщепенцев дали пищу идеологической пропаганде злейших врагов Советского государства, так как, будучи переправленными нелегально за рубеж путем предательских действий прямых организаторов подобных писем и напечатанные там в различных буржуазных изданиях, они распространяются иностранными радиостанциями в специальном вещании на нашу страну с целью дискредитации советского образа жизни и желания спровоцировать неустойчивых и политически незрелых отдельных представителей советской интеллигенции, вызвать их на какую-либо антисоветскую акцию.

Авторы «заявлений» оказались находкой для буржуазной пропаганды, они использованы для дезинформации общественного мнения, так как выдали политических проходимцев Гинзбурга, Галанскова и Добровольского за советских писателей, исказили реальную обстановку жизни и творчества нашей интеллигенции.

Секретариат далее отметил, что в некоторых заявлениях содержится откровенная клевета на характер общественных процессов в нашей стране. Например, в заявлении Л. Копелева указывалось, что у нас «ленинские принципы так часто употребляются всуе, что для многих и впрямь стали

риторической абстракцией». И это произносится с таким апломбом, будто не партии и ее решениям мы обязаны успешной борьбой с последствиями культа личности, а тем клеветникам, которые позволяют себе поучать весь наш идеологический фронт и предъявляют постыдные обвинения и политические фальсификации, передержки вызвали законный гнев и протесты, которые содержатся в письмах трудящихся.

Секретариат с чувством глубокого сожаления счел необходимым отметить, что в московской писательской организации имеется небольшая группа членов Союза писателей, систематически принимающих участие в так называемых «коллективных» письмах и заявлениях, которые, как правило, становятся достоянием враждебных нам буржуазных печатных органов и листовок, издаваемых за рубежом.

То обстоятельство, что некоторые члены Союза писателей, не сделали для себя никакого вывода не только из факта публикации их имен в антисоветских зарубежных печатных органах, но даже не сочли нужным должным образом реагировать, на содержание комментариев, которыми сопровождаются указанные публикации, свидетельствует, что авторы писем не желают серьезно задуматься над тем, как далеко может их завести подобная политическая беспринципность и безответственность.

Секретариат особо подчеркнул, что организаторы сбора подписей в защиту Гинзбурга, Галанскова и других, осужденных советским судом, применили недостойные методы и приемы за получения подписей членов Союза писателей, о чем свидетельствует письмо Ю. Е. Пиляра, направленное им в секретариат московской писательской организации. Официально сняв свою подпись под коллективным «заявлением» и осуждая свой поступок, Ю. Пиляр пишет: «Теперь, ознакомившись с полным текстом документа, я не могу не выразить свое осуждение организаторам всей этой затеи с письмом, которые так злоупотребили доверием ряда писателей... Меня возмущает, что какие-то бесчестные людишки, не спрашивая разрешения у писателей, перебросили этот адресованный советским инстанциям документ за границу».

В связи со всем сказанным, а также исходя из того, что рассматриваемые письма и заявления свидетельствуют о нарушении их авторами пункта устава Союза писателей

СССР, который вменяет в обязанность его членов идейную борьбу против буржуазных и ревизионистских влияний, секретариат правления заявил, что он не может дальше мириться с подобной практикой безответственного поведения членов писательской организации, при котором игнорируются и решение секретариата, вынесенное им по аналогичному поводу раньше.

В решении секретариата говорится: «Не может называться советским писателем тот, кто не понимает всей полноты ответственности перед народом в период бескомпромиссного столкновения двух идеологий — социализма и капитализма».

Секретариат постановил запросить объяснения от членов Союза писателей, связавших себя с делом Гинзбурга, Галанскова и других путем подписи всяческих заявлений. К рассмотрению этого вопроса секретариат вернется в индивидуальном порядке.

Решение принято секретариатом единогласно. В его обсуждении приняли участие С. Михалков, М. Алексеев, В. Росляков, В. Тельпугов, Б. Галин, Е. Книпович, В. Розов, С. Наровчатов, В. Ильин, Ю. Корольков.

(«Литературная Россия», 1. 5. 1968.)

№ 22

СВЕТ И ТЕНЬ

заметки писателя.

. . . . . .

...Я назвал лишь малую толику книг наших ярких и талантливых писателей. Может быть, хоть кое-какие из этих произведений и этих имен нашли признание, к примеру, в передачах того «голоса», который называет себя «Голосом Америки»? Хотя подлинными голосами Америки все прогрессивные люди считают голоса таких людей, как Мартин Лютер Кинг, доктор Спок, американские парни даже под угрозой тюрьмы отказавшиеся воевать во Вьетнаме.

Нет, советская литература в ее истинном виде не интересует наших противников. Зато они бессовестно причисляют к «московским писателям» тех, которые не имеют отношения ни к одному из литературных жанров: ни к рассказам,

ни к повестям, ни к стихам — разве что имеют отношение к известным статьям уголовного кодекса.

Московский писатель... Это высокий литературный титул. Московская литература... Синонимами этого определения — *московская!* — мы имеем право считать лишь такие слова: талантливая, высокохудожественная, высокоидейная! Партийная!

Всегда — и в нашем веке, и в прошлом — столичной литературой считали только литературу ярких идейных и художественных достоинств. В 1833 году в «Северной пчеле» было опубликовано «Письмо из Москвы». Обращаясь к читателям Санкт-Петербурга, автор письма говорил: «Вот, кстати, об литературе: с чего это вздумали у вас называть «московскими» безобразные романы, лубочные издания и бессмысленные стихи?..»

Прошло более ста лет. Санкт-Петербург стал Ленинградом. Преобразилась Москва. Есть у нас истинно московская литература! Однако мы и сегодня не хотим называть «московскими» иные произведения, сочиненные, к сожалению, в Москве, но во вред нам изданные на русском языке за тысячи километров на запад от советской столицы.

Это относится и к некоторым печально известным эпистолярным произведениям, в которых грубо нарушены законы этого интимного жанра. Ведь ему, на мой взгляд, противопоказано *соавторство,* да еще такое странное, когда пишет один, а другие подписывают, подчас не читая...

Так именно и происходило. Несколько «инициаторов», желающих возместить свою творческую несостоятельность политическим скандалом, организовали письма в защиту уголовников, тут же объявленных за рубежом «советскими литераторами». Сборщики подписей пользовались в одном случае тяжкой болезнью и мягкосердечием того или иного видного писателя, в другом — неосведомленностью, в третьем — политическим недомыслием и расплывчатым пониманием «гуманизма вообще». Странно! Почему же тогда мы не слышали их встревоженных голосов в защиту того же доктора Спока и его друзей, в защиту Глезоса и Теодоракиса, в защиту Мартина Лютера Кинга и его соратников, которым ежеминутно грозила или грозит пуля из-за угла?!

Нет и не было ни одного сколько-нибудь значительного события в истории Советского государства, деятельными участниками которого не являлись бы наши писатели.

Факт, лежащий, казалось бы, на поверхности, а между тем он свидетельствует о кровной связи творческой интеллигенции с народом. Так было в дни войны и в дни мира. Каждый третий писатель-москвич отдал свою жизнь за Родину в годы сражений с фашизмом. На заводах и на полях, в шахтах и научных лабораториях советский литератор всегда рядом с героями своих произведений и со своими читателями. Тем оскорбительней для всей нашей писательской семьи поступки тех немногих, которые, не принимая никакого участия в общественной деятельности, проявляют такую завидную мобильность в деле антиобщественном.

Антикоммунизм мечется. Он то и дело меняет окраску, маневрирует. Свои идеологические диверсии он хочет вершить не в откровенном обличье диверсанта, а под личиной этакого искренне озабоченного нашими делами зарубежного доброжелателя стремящегося что-то у нас «улучшить», кому-то у нас «помочь» советами и критическими замечаниями. Отныне его заповедь: «если ты не можешь победить врага — обними его и... дай подножку!». Достойно презрения то, что некоторые литераторы поверили этой обманной личине и дали себя обнять, не проявив при этом естественного чувства брезгливости. Недаром их «сочинения» эпистолярного жанра с такой жадностью подхватили и прокричали в эфир разные враждебные нам «голоса» — те самые, которые, как я уже отмечал, ни разу не обмолвились добрым словом ни об одном истинно талантливом произведении нашей советской литературы. А если и обмолвились, то опять же ради далеко идущих неблаговидных целей.

Партийный актив московских литераторов и секретариат Московской писательской организации единодушно осудили авторов безответственных документов, вольно или невольно давших из своих рук пищу вражеской пропаганде. Этих авторов нельзя даже назвать «подавляющим меньшинством». Их попросту не видно в том могучем океане, что именуется нашей литературой. Как говорится «3-4 в поле зрения»...

Мне бы хотелось закончить заметки словами, которые были сказаны Генеральным секретарем Центрального Комитета нашей партии Л. И. Брежневым на XIX Московской партийной конференции: «...пусть знают все, что деятели

советской культуры и искусства, как и вся интеллигенция нашей страны, всегда были, есть и будут вместе со всем народом, вместе с партией Ленина».

Сергей Михалков

Первый секретарь Московской писательской организации, секретарь правления Союза писателей СССР.

(«Правда», 11. 5. 1968.)

№ 23

На пленуме правления МОСХ РСФСР

БОРОТЬСЯ ЗА ИДЕИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГУМАНИЗМА

Состоялся пленум правления Московского отделения Союза художников РСФСР.

Первым вопросом повестки дня было *обсуждение отчетного доклада* правления, с которым руководящий орган союза выступит на отчетно-выборной конференции МОСХ 5-6 июня.

... Вторым вопросом повестки дня было обсуждение *антиобщественных поступков,* совершенных некоторыми членами союза: *Н. Андроновым, Б. Биргером, В. Вейсбергом, Ю. Герчуком, И. Голомштоком, М. Ивановым, Е. Муриной и В. Поляковым.*

Д. Шмаринов доложил членам правления существо и все обстоятельства происшедшего. *Пленум правления резко осудил действия восьми художников и искусствоведов и вынес им общественное порицание.*

Пленум принял резолюцию, в которой выразил свое отношение к их поступку.

Правление поручило президиуму МОСХ рассмотреть персонально поступки каждого из вышеперечисленных членов союза и представить свои предложения о мерах взыскания.

ВЫСОКО НЕСТИ ПОЧЕТНОЕ ЗВАНИЕ СОВЕТСКОГО ХУДОЖНИКА

Резолюция пленума правления МОСХ РСФСР.

В год 50-летия Советской власти трехтысячный коллектив московских художников продемонстрировал огромную активность и сплоченность, вложив свой творческий труд в юбилейную выставку «Художники Москвы — 50-летию Октября».

Эта выставка, как и вся история Московского союза — передового отряда художников страны, доказала, что преданность коммунистическим идеям, чувство гражданского долга, патриотизма всегда были свойственны нашему большому коллективу.

В условиях борьбы двух идеологических систем, когда реакционные силы Запада активизируют происки против СССР и стран социализма, прибегая к идеологической диверсии, особенно острым должно стать чувство ответственности советского художника перед народом. В этих условиях нетерпимы политическая незрелость и беспечность отдельных членов союза.

Восемь художников и искусствоведов, являющихся членами МОСХ РСФСР, поставили свои подписи под коллективными письмами, оспаривающими правильность решения суда над антисоветской группой Галанскова-Гинзбурга.

Буржуазная пропаганда немедленно подхватила этот факт, взяв на вооружение эти письма, подняв на щит авторов этих документов. Их имена были использованы враждебным пропагандистским аппаратом против нашего общественного строя, для подкрепления мифа о наличии в нашей стране политической оппозиции в среде советской интеллигенции.

К глубокому сожалению, ни один художник и искусствовед из упоминавшихся в западных радиопередачах не поднял голоса протеста и гражданski не возмутился против использования своего имени враждебной пропагандой.

Каковы бы ни были мотивы, побудившие некоторых членов нашего союза подписаться под коллективными письмами, но они дали пищу буржуазной пропаганде. Причем, как выяснилось позднее, некоторые из подписавшихся даже понятия не имели о существе дела, о людях, за которых они выступили ходатаями.

Советский художник — гражданин социалистического общества и должен отвечать перед обществом за политические и нравственные последствия своих действий. Именно поэтому безответственный поступок, совершенный членами нашего союза, вызывает законный протест общественности. Художники столицы осуждают политическую беспечность и легкомыслие, проявленное Н. И. Андроновым, Б. Г. Биргером, В. Г. Вейсбергом, Ю. Я. Герчуком, И. Н. Голомштоком, М. В. Ивановым, Е. Б. Муриной и В. И. Поляковым, и выносят им строгое порицание за совершенный поступок, идущий вразрез с политическими, гражданскими и этическими нормами, которыми руководствуется в своей жизни коллектив московских художников.

Правление и партийное бюро МОСХ призывает всех членов союза высоко нести почетное звание советского художника, отдавая свой талант и знания для создания замечательных произведений, прославляющих величие идей коммунизма, для достойной встречи 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

(«Московский художник», 24. 5. 1968.)

№ 24

РЯДОМ С ЛЕНИНЫМ ВСЕГДА, ВЕЗДЕ И ВО ВСЕМ!

Сергей Наровчатов

(Автор пишет о неверных, по его мнению, взглядах некоторых советских писателей, преувеличивающих роль интеллигенции в нашем обществе, считающих, что с нашими социальными устоями можно сочетать «буржуазную демократию» и ошибочно понимающих принцип сосуществования с капиталистическим миром.)

...Такие ложные предпосылки и обусловили, на мой взгляд, ошибочную позицию некоторых наших товарищей в истории с подписями под пресловутыми документами. А история, прямо скажем, скверная. Она всячески раздувается и используется враждебной пропагандой; имена втянутых в нее на все лады склоняются органами НТС, «немецкой волной» и разными злобными «голосами». И тем, кто сослепу или полузрячим влез в эту историю, я бы охотно напомнил, слегка перефразировав известные слова

из бабелевской «Конармии»: «Товарищи, у вас трудная положения, надо выходить из трудной положении». А выход есть — это решительный пересмотр своей неверной позиции.

ПРОТИВ МЕЩАНСКОГО РАВНОДУШИЯ

Михаил Луконин

. . . . . .

...Есть у нас слабости, поэтому враги набрасываются на все, что можно использовать против нас. Вот уже и некий Гинзбург с компаниней попали в писатели. Я был в то время в Пакистане, меня спрашивали о них, а я слыхом не слыхал о таких писателях.

Да еще стала модной эпистолярная литература, эти пресловутые письма со многими подписями в защиту их. Я не видел этих писем и никогда не стремился попасть в передачи Би-би-си, но когда спрашиваешь подписавших наших товарищей, что это за поэты, отвечают — не знаем. «А зачем подписывал» — «Да подошли, неудобно отказаться».

Это, конечно, легкомыслие и безответственность.

★

В основу статей Сергея Наровчатого и Михаила Луконина положены их выступления на партийном собрании писателей столицы 21 мая с.г.

(«Литературная Россия», 24. 5. 1968.)

№ 25

ЛОГИКА ПАДЕНИЯ

Он уверенно, чуть небрежно вышел на сцену, объявил название своей песни: «Лекция о международном положении». В зале оживились: заявка необычная. Забренчала гитара, зачастил негромкий тенорок. Бодрая скороговорка сообщала о множестве больших и малых событий: «Смена власти в ФРГ, в Конго новый президент, завезли «Спидолы» в ГУМ... «И в конце каждого куплета — авторская реакция на происходящее в мире: «А я чешу, чешу ногу». Зрители переглядывались, нарастал шум — «лекция» явно не нравилась. Молодой человек продолжал:

А мандарин не завезли
А греки греков извели,
А я чешу, чешу ногу
И начесаться не могу...

Мой сосед обернулся, спросил у знакомого, как фамилия певца.

— Гриша Яблонский, из Института Катализа, — ответил тот. И помолчав, добавил: — Вроде бы умный парень, а такую чушь порет...

В тот вечер выступление молодого ученого многие расценили как неудачную шутку. Не верилось, что глумливая песенка отражала действительные взгляды автора. К тому же она была не самой худшей среди других, исполненных на конкурсе бардов в новосибирском Академгородке — со сцены звучали под гитару не только хорошие туристские и лирические песни, но также полублатные, а то и откровенно злопыхательские. Поэтому голос Яблонского остался почти незамеченным. Никто не предполагал, что вскоре его имя получит известность в «международном масштабе». Не потому, что младший научный сотрудник совершил выдающееся открытие. Славу, которую он приобрел, с полным основанием можно назвать печальной, геростратовой...

Стало известно, что газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала письмо, где выражались сомнения в справедливости решения, вынесенного московским городским судом по делу Гинзбурга, Добровольского, Галанскова и Лашковой. Впрочем, «сомнения» — не то слово. Звучало письмо прямо-таки ультимативно. «Мы настаиваем на отмене приговора и требуем пересмотра этого дела... Мы требуем также привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушении гласности и гарантированных норм судопроизводства». Вот так, не больше и не меньше: подсудимых реабилитировать, судей наказать!

Через четыре дня радиостанция «Голос Америки» повторила текст на русском языке. Диктор старательно перечислил всех подписавшихся, подчеркивая звания и должности. В конце был назван Григорий Яблонский.

Попробуем разобраться, почему он, Яблонский (член КПСС, правда, теперь уже бывший), давший в свое время слово вести решительную борьбу с любыми проявлениями буржуазной идеологии, смог стать хотя бы и невольным, но прямым пособником наших идеологических противников.

Сам он отвечает на этот вопрос не очень убедительно. Говорит, что о процессе в нашей печати сообщали мало, а ему хотелось знать подробности. Что в письме увидел лишь требование исчерпывающей информации. Что он не совсем согласен с последней ультимативной частью послания, но редактировать его не мог: текст писал не известный ему человек и было бы не этичным вносить поправки...

Беседовали мы с Яблонским долго, обстоятельно. Он соглашался: да, сделал серьезную ошибку. Но в то же время расценивал свой шаг просто как необдуманный, случайный. Так ли это?

Известно: человек не рождается с готовыми убеждениями. Складываются они постепенно, в результате сложного и длительного процесса. Было бы наивным полагать, что идейную закалку можно приобрести из книг — само это слово напоминает о яростном противоборстве разных стихий, о схватке воды и раскаленного металла, которая порождает несгибаемую твердость... И людям необходимо пройти через нелегкие испытания, чтобы стать подлинными борцами за великие идеи. А Григорию Яблонскому все в жизни давалось слишком легко. Окончил киевский вуз, поступил в аспирантуру, потом стал научным сотрудником института. Его окружили крупные специалисты, к его услугам было самое современное и дорогостоящее оборудование — только работать! Ему помогали в исследованиях, заботливо растили как ученого. И казалось бы, со всеми своими мыслями и сомнениями Григорий должен был прежде всего обращаться к товарищам по партии. Когда западные радиоголоса подняли неистовый шум вокруг заурядного в общем-то дела четырех антисоветчиков и Яблонский не мог понять причины такого ажиотажа, ему не трудно было найти умных и авторитетных людей, которые дали бы самые исчерпывающие разъяснения. К примеру, его могли познакомить с высказываниями одного из видных американских идеологов «психологической войны» Алерда фон Шака, который утверждал: «Если государство предпринимает какие-либо шаги против отщепенцев типа Синявского и Даниэля, необходимо широко афишировать эти меры как несправедливые, чтобы вызвать, с одной стороны, сочувствие к этим лицам, с другой — недовольство коммунистической системой». Могли на убедительных примерах доказать, что наши враги используют любой повод для разжигания анти-

коммунистической истерии... И тогда, конечно, ему совсем нетрудно было бы разглядеть за строчками провокационного письма подлинных авторов и вдохновителей.

Впрочем, у Яблонского были и собственные политические знания: как любой аспирант, он сдавал экзамены по марксистско-ленинской подготовке. Такие понятия, как «классовая борьба», «капиталистическое окружение», никак не могли пройти мимо его сознания. Но, видимо, мало усвоить тот или иной комплекс знаний, изучить первоисточники. Бывает, к сожалению, что порой идеи берутся лишь напрокат, словно сервиз или пылесос. А когда получена желанная оценка, когда нет нужды листать книги и конспектировать, все зазубренное быстро выветривается из головы... Это и понятно: чтобы знания стали убеждениями, они должны пройти через сердце.

Мировоззрение складывается не только под влиянием прочитанного. Многое зависит и от того, с кем рядом живет и трудится человек, к чьему голосу он прислушивается. В своем институте Яблонский мог бы найти немало подлинных друзей, но он предпочел искать их на стороне. Конечно, смешно советовать взрослому мужчине, с кем ему следует дружить. Можно лишь выразить сожаление по поводу того, что Григорий предпочитал проводить свободное время в узком кругу людей с путаными и ущербными взглядами. При встречах они вели разговоры не о том, чем живет страна, что действительно волнует сибирских ученых. Предметом обсуждения чаще всего становились слухи, пересуды сомнительного свойства.

Вот где мог Яблонский проявить качества бойца-коммуниста! Но случилось иначе. Он не только не стремился отстаивать партийные позиции — сам все больше попадал под чуждое влияние. Сначала с удовольствием слушал самодельные песенки двусмысленного содержания, а потом брался за сочинение куплетов про «чешу ногу». Сначала восторгался «критическим» творчеством заезжего барда, а затем организовал его концерт в Новосибирске. И незаметно для себя он созрел для серьезной политической ошибки...

Гегель называл скептицизм параличом души. Скепсис, привычка иронизировать над всем неизбежно приводит к растрате лучших человеческих качеств. Так случилось и с Яблонским. Некогда старательный и энергийный, он к

своим прямым обязательностям стал относиться легкомысленно.

— Создалось впечатление, что Яблонский перестал уважать дисциплину, упорный труд — говорит его научный руководитель член-корреспондент АН СССР М. Г. Слинько. — Безответственность стала проявляться у него во всем. Вышел, к примеру, с совершенно неподготовленным докладом перед широкой аудиторией, и это выступление мы вынуждены были прервать.

Экзамены держат не только перед преподавателями. Когда классовая борьба обернулась для Яблонского не книжной фразой, а реальной действительностью, он полностью провалился. Получил «двойку» потому что не понял простой истины: любой отход от партийных позиций неминуемо означает шаг в сторону вражеских. И третьего тут не дано.

Ю. Шпаков.
(наш корр.)

Новосибирск.

(«Советская Россия», 28. 5. 1968.)

№ 26

ВЕРНОСТЬ, ЕДИНСТВО, УБЕЖДЕННОСТЬ

*С собрания писателей-коммунистов Москвы**

★

В своем докладе *В. Кожевников* говорил о служении советской литературы партии и народу, о ее заслугах в деле формирования человека коммунистического общества.

Мы всегда убеждались в единстве наших писательских рядов, их преданности делу партии. Мы дорожим этим единством и горды им.

И поэтому прежде всего мы — писатели-коммунисты — ответственны за то, что в нашей среде появляются отдельные личности, порочащие звание советского писателя.

В многочисленных письмах и резолюциях, поступающих в ЦК КПСС, советские люди — рабочие, колхозники, инженерно-технические работники, служащие, работники науки — гневно осуждают тех, кто берет под защиту отщепенцев, справедливо осужденных советским судом за антисоветскую деятельность, таких, как Гинзбург, Галансков и им подобные. Особое возмущение вызывает то, что среди этих за-

* Состоялось 21. 5. 1968.

щитников нашлись, к сожалению, люди, носящие партийный или комсомольский билет в кармане.

★

Сейчас усилия империалистов сосредотачиваются на идеологическом фронте, сказал выступивший в прениях *Ю. Жуков*.

Ныне в Соединенных Штатах много говорят о 70-х годах. И демократическая, и республиканская партии разрабатывают программы действия на эти годы.

«Координационный комитет» республиканской партии опубликовал на днях документ об отношениях Соединенных Штатов с Советским Союзом. В нем сказано, что Соединенные Штаты должны сделать ставку на подрывную деятельность в Советском Союзе.

Вот что должны принять к сведению некоторые так называемые «либералы», которым следовало бы понять, на кого они работают.

Нельзя играть в прятки, говорит Ю. Жуков, и прикрывать взгляды, не имеющие ничего общего с Программой партии, разговорами о «гуманизме», о «демократии».

★

Слово берет *С. Наровчатов*.

— В наши дни, говоря о советском обществе, мы подразумеваем триединство рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Определяющее и первенствующее значение в этом союзе принадлежит рабочему классу. Без него, а тем более вопреки ему, не может быть принято ни одно решение, затрагивающее интересы государства, которое он создал. А некоторые наши товарищи, видимо, полагают, что могут игнорировать рабочий класс и через его голову внести свои поправки в характер руководимого им общества.

Глубоко неверное понимание принципа сосуществования с капиталистическим миром и обусловило, на мой взгляд, ошибочную позицию некоторых товарищей, имена которых на все лады склоняются органами НТС, «Немецкой волной» и разными злобными «голосами». И тем, кто сослепу или полузрячим влез в эту историю, я охотно бы напомнил, слегка перефразировав известные слова из бабелевской «Конармии»: «Товарищи, у вас трудная положения, надо выходить из трудной положении». И выход есть — это решительный пересмотр своей неверной позиции.

★

Решения апрельского Пленума Центрального Комитета имеют огромное значение для всех нас — и для членов партии, и для беспартийных писателей, говорит *Г. Мдивани.* Наша литература всегда была, есть и будет идейным оружием в борьбе за дело Ленина, за дело партии.

Есть члены партии, вернее, люди с партийным билетом, которые своим творчеством, своими действиями ставят себя вне партии. Эти люди идут на все, лишь бы их фамилии произносили в передачах «Голоса Америки», или Би-би-си, или на «Немецкой волне». Таких мало, таких единицы. Мы не можем считать их коммунистами.

☆

Решения апрельского Пленума Центрального Комитета призывают к усилению атакующей силы литературы, и в частности, поэзии, подчеркивает *М. Луконин.*

Высокий авторитет советской поэзии, всемирная популярность, завоеванная ею, вызывают зависть и удивление писателей других стран, она внимательно изучается даже врагами. И поэтому не должно быть в наших рядах места для беззаботности и прекраснодушия, которыми умело пользуются наши идеологические противники.

★

В прениях приняли участие также *В. Ильин, К. Поздняев, О. Резник, Г. Айдинов, В. Тельпугов, И. Вергасов, С. Михалков.* Они говорили о необходимости усилить руководящую роль коммунистов во всей работе московской писательской организации, полнее использовать все средства идеологической борьбы, противопоставив вражеской пропаганде партийный голос объективности и правды.

На собрании выступил заведующий отделом культуры МГО КПСС *Ю. Верченко.*

В работе собрания приняла участие секретарь МГК КПСС *А. Шапошникова.*

(«Литературная газета», 29. 5. 1968.)

№ 27

ВЕЧНОЕ БЕСПОКОЙСТВО ХУДОЖНИКА

Александр Дымшиц

. . . . . .

...Горько и тяжко читать появившиеся в недавнее время сообщения в прессе о том, что некоторые литераторы, поддавшись духу филистерской успокоенности, опустились до выражения сочувствия нескольким жалким отщепенцам — агентам зарубежных власовско-бандеровских организаций. Вот уж где поистине ложная гуманность, далекая от подлинного гуманизма, непримиримого ко всему, что враждебно интересам народа и прогресса. Хочется верить, что голос партии, зовущий всех нас к серьезной общественной самопроверке, отрезвит и тех, у кого ослабела память и притупились чувства.

(«Литературная Россия», 31. 5. 1968.)

№ 28

ПОДСАДНАЯ УТКА

История преступлений Б. Филиппова-Филистинского, в прошлом гестаповца, ныне издателя-клеветника в Соединенных Штатах

. . . . . .

...Да, и в своей стране при встречах с иностранцами мы гостеприимны и хлебосольны не только на официальных встречах, но и дома. Раз и другой готовы сбегать «за угол» (пока не закрыто) и говорить, говорить до синих окон...

Хорошо? Конечно! Много узнаешь, шире смотришь на мир. И о тебе узнают, о твоей стране. Узнают и открывают — какая она не такая, Россия, как клевещут на нее, на ее народ.

Но именно сюда, к добрым людским контактам, как раз и лезет антисоветское охвостье. И лезет не только с целью выведать государственные секреты, сделать гнусное предложение о перебежке или: «Пустое, передайте кое-какие письма одному знакомому». В последнее время все шире ведется поиск «недовольных бунтарей».

Нет, не инженеров, пробивающих идей новой организации

производства, не поборников очищения рек и возрождения лесов или упорядочения сельскохозяйственного производства. Не представляют интереса, с другой стороны, ни «фарцовщики», скупающие тряпки и доллары, ни хлыщи, сующие мазню вместо старых икон.

Спрос нынче другой — «на интеллигента, бунтующего против Советской власти». Позарез нужна писаная антисоветчина. В стихах, письмах, документах, мемуарах, повестях, романах... Расчет простой — заморские «спецы по русскому вопросу» поднадоели со своей примитивной стряпней, а тут «только что из России», «они рассказывают сами о себе», «распад изнутри» и т.д. и т.п.

Скупщики такой продукции не примитивные остолопы из бандеровских банд: тех натаскивают на «мокрые дела». Здесь выступают покупатели «с обращением». Независимо от национальной принадлежности они хорошо говорят по-русски, считают себя знатоками нашей литературы, искусства, истории... Они вежливы и обаятельны, эти дамы и господа и до поры стараются не быть назойливыми.

И на кряканье таких подсадных уток из темных зарослей выплывают терцы, аржаки, гинзбурги, галансковы... Выплывают и попадают на мушку ружья хорошо замаскированных охотников. Такую охоту из-за океана ведут многие. В том числе и американский издатель Борис Андреевич Филиппов.

Во время охоты за неимением крупной дичи сотрудники службы не гнушаются и мелочью. Они сулят фрондирующим нигилистам на первых порах ни больше ни меньше как «мировую славу» в ярких обложках и миллионные гонорары. Не стану повторять, как это делается. О том читатели хорошо осведомлены по процессу Гинзбурга и его подручных... Потом к «славе» добавляется требование перейти на краткую шпионскую прозу: «Извольте научиться обращению с шифровальным блокнотиком...»

...Зря деньги им не платят.

А. Иващенко.

(«Комсомольская правда», 9. 6. 1968.)

№ 29

ЗА КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ

С пленума правления союза художников РСФСР

Итогам апрельского Пленума ЦК КПСС и задачам художников в подготовке к юбилейным выставкам, посвященным 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, был посвящен проходивший на днях в Москве пленум правления Союза художников РСФСР. Художники Российской Федерации безраздельно солидарны с решениями апрельского Пленума ЦК КПСС и с творческим порывом будут проводить эти решения в жизнь, сказал, открывая важное совещание, секретарь Союза художников РСФСР В. Коновалов.

★

...Не так давно мне пришлось держать в руках книгу — самую черную книгу из всех, что приходилось видеть в жизни, говорил председатель правления Московского областного отделения Союза художников *Ю. Титов*. По иронии судьбы она называлась «Белой книгой». Да, именно так она называлась, чванливо и нагло. «Белая книга» по делу Синявского и Даниэля, составленная А. Гинзбургом. Издательство «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1967 год». Она начиналась черными словами о русском народе, как о слабом, ничтожном, бездарном, некультурном народе*. Я коммунист. Я человек, убежденный в социальной и политической силе того строя, против которого направлена эта классово враждебная книга.

(«Советская культура», 20. 6. 1968.)

№ 30

ИДЕЙНАЯ БОРЬБА, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПИСАТЕЛЯ**

. . . . . .

...Теперь «обнаружены» новые сверхталантливые «интеллектуалы»: Гинзбург, Галансков и иже с ними. Не беда, что никто из них никогда не напечатал в советской прессе ни одной строчки и к Союзу писателей не имеет ни малейшего отношения. Все равно подпольных пасквилянтов, попавшихся на удочку НТС и связавших с этой бандитской

* Книга открывается цитатой из В. Г. Белинского (1811-1848).
** Редакционная статья, посвященная А. И. Солженицыну.

организацией свою судьбу, немедленно вписали в бухгалтерский счет западной пропаганды, в ее реестрики: глядите, как много советских писателей активно борется с советской политикой...

Весь наш народ, вся творческая интеллигенция с презрением относится к ренегатам. Только отдельные литераторы, не разобравшись в духовном обличье названных отщепенцев, дали буржуазной пропаганде повод зачислить себя в ряды «адвокатов» Гинзбурга, Галанскова и им подобных, а перед общественным мнением родной страны предстали в качестве людей политически незрелых, безответственных.

К сожалению, под письмами, в которых берутся под защиту такие антисоветчики, как Гинзбург и Галансков, стоит несколько давно уважаемых писательских имен. А ведь это как раз то, что позарез нужно враждебной пропаганде. Она немедленно пускает в оборот наряду с измышлениями прожженных клеветников и проходимцев документы, подписанные такими «добряками».

Секретариат правления Союза писателей СССР и секретариат Московской писательской организации сурово осудили политическую безответственность литераторов, подписавших письма в защиту антисоветчиков. Пусть дело касается очень немногих — все равно писательская организация не может мириться с подобными поступками. Они, эти поступки, вкорне расходятся с нормами общественной жизни, принятыми в среде советских литераторов.

(«Литературная газета», 26. 6. 1968.)

№ 31

НА ЛИНИИ ОГНЯ

Полупустой автобус, покачиваясь, направился из поселка кабельщиков. На заднем сиденье громко разговаривали трое парней. Впрочем, больше всех говорил один, постарше. Явно гордясь своей «осведомленностью», он разглагольствовал о судебном процессе над Галансковым, Гинзбургом и другими. «Не дали слова сказать в свою защиту», — слышался его самоуверенный голос. Дружки сострадательно вертели головами и расспрашивали о новых подробностях.

Мужчина средних лет, сидевший впереди, прислушивался

к разговору. Наконец он не выдержал и резко повернулся к говорившему:

— Где все это вычитали?

Тот поморщился, недовольный неожиданным вмешательством.

— Об этом в газетах не писали, — бросил снисходительно.

— Очень подробно писали! — возразил мужчина. — Только совсем не так, как вы тут толкуете своим приятелям.

Не обращая внимания на неприязные взгляды рассказчика, он пересел к ребятам.

— Если вора наказывают за кражу, это считается вполне нормальным. Но вот на скамью подсудимых попали антисоветские подпольщики, грязные клеветники, а кое-кто кричит, что совершается беззаконие, попираются права человека и прочее. Где же тут логика? Предатели заслуживают большей кары, чем какой-нибудь жулик. Из этого и исходил наш суд, действуя в строгом согласии с законом. Почитайте «Комсомольскую правду» и сами получите ясное представление обо всем. А ваш знакомый слышал звон, да не знает, где он.

Парни заметно обескураженные, сошли на одной из остановок. Мужчина поехал дальше. Этим пассажиром был рабочий завода «Камкабель» М. А. Пономарев.

Случается, откуда-то выныривают и вертяться возле нас безответственные людишки, шептуны, демамоги. Они распространяют вздорные измышления, черня то, что нам дорого. Не каждый решается дать им отпор. Нужна крепкая идейная закалка, чтобы открыто выступить против того, с чем ты не согласен, что идет вразрез с твоими убеждениями, принципами.

А. Вяткин.

Пермь. (наш корр.)

(«Советская Россия», 3. 7. 1968.)

Публикации в официальной советской печати, посвященные суду, вызвали довольно оживленный отклик читателей, как знакомых с обстоятельствами дела, так и узнавших о нем только из газет.

«Комсомольская правда» напечатала часть полученных ею писем (см. здесь стр. 394-397), подобрав однако только те из них, в которых одобряются как приговоры, так и освещение процесса в советской печати. Можно

полагать, что оценка читателей была не столь единодушной, как это видно, например, из единственного читательского письма, опубликованного «Литературной газетой» (см. здесь стр. 403–404).

Далее здесь помещены все известные составителю письма, направленные в редакции советских газет в ответ на их публикации о процессе, и письма в Союз журналистов СССР. Ни одна из газет, в которые они были адресованы, не опубликовала ни одного из писем и их авторы не получили никакого ответа.

№ 32

Главному редактору газеты «Известия»

В № 12 Вашей газеты от 16. 1. 68 г. опубликована статья Т. Александрова и В. Константинова «Затянутые одним поясом». Статья эта не может не вызвать возмущения, как не может не вызвать протеста и фарс суда над А. Гинзбургом, Ю. Галансковым, А. Добровольским и В. Лашковой, о котором идет речь в статье.

Статья «Затянутые одним поясом» возмутительна во всех отношениях. Во-первых, она совершенно безнравственна, ибо ставит своей целью очернить публично людей, которые не могут выступить в свою защиту; авторы статьи прибегают к бесчестному и подлому приему, стремясь представить подсудимых в самом отталкивающем виде: «мошенники», «уголовники», «разложившиеся люди» и т. д. Кто дал право Т. Александрову и В. Константинову поступать подобным образом? «О своих биографиях они (подсудимые) предпочитают помалкивать», пишут авторы. Но судят — вернее, должны судить — не за биографии, а за преступные действия. Подобные приемы очернительства никак не подходят советской газете, это — приемы бульварной прессы, и не могут не возмущать.

Во-вторых, статья поражает абсолютной бездоказательностью своих утверждений. *Ни одного* довода, факта, показания, подтверждающего *хоть одно* заявление авторов, нет в статье. Оставим на совести Т. Александрова и В. Константинова голословные утверждения о «мошенничестве», «разложении моральном и политическом» (!) Гинзбурга, «стремлении устроиться на шее общества» и в то же время «чернить его» Галанскова и т. п. Но нет в статье ни одного доказательства якобы существовавшей связи подсудимых

с НТС. Причем здесь Брокс Соколов? Неужели доказательством «связей» обвиняемых с НТС может служить то, что «деятели» этой организации называли имена подсудимых Броксу и поручили переправить в СССР пакеты с их фотографиями? Если суд на основании подобных «улик» признал вину подсудимых, то о какой законности может идти речь? И как же относиться тогда к авторам статьи, прикрывающим беззаконие? Если же есть неопровержимые доказательства связи подсудимых с НТС, то почему Т. Александров и В. Константинов ни словом не упоминают о них?

В-третьих, в статье намеренно искажаются одни факты и замалчиваются другие. Да, «известно» о том, что с 8 по 12 января в Москве состоялся этот суд, как пишут авторы, но известно об этом стало не из сообщений советских газет. Т. Александров и В. Константинов не говорят о том, что Московский процесс не был публичным и открытым судом, как того требует советское законодательство, они не сообщают о том, что «присутствовавшие на суде москвичи» не были широкой публикой, что в зал суда допускались лишь «избранные» — те, кто имел специальный пропуск. Авторы статьи не пишут о том, что желавшие попасть в зал суда москвичи не получили возможности присутствовать на процессе, что иностранные корреспонденты не были допущены в зал из-за «отсутствия свободных мест» (!!), что представителю международной организации помощи политическим заключенным было отказано в доступе в зал суда. Т. Александров и В. Константинов ни словом не обмолвились ни об этих, ни о других вопиющих нарушениях законности и правосудия, допущенных на суде. В статье нет упоминаний о превышенном сверх всякой меры предварительном заключении, в котором находились до суда обвиняемые; здесь ничего не говорится о циничном попрании процессуальных норм — начиная с лишения слова неугодных свидетелей и удаления их из зала суда после дачи показаний и кончая конфискацией записей, делавшихся, например, невестой Гинзбурга на суде и т.д. и т.п.

Т. Александров и В. Константинов пишут об «одобрении», с которым был встречен приговор специально подобранной публикой; но они ничего не говорят о протестах советской и зарубежной общественности, молчат о выступлениях П. М. Литвинова и Л. Даниэль. Авторы статьи, поставив себе

неблагодарную цель очернить в глазах общественности подсудимых, представить их как »уголовников», ни словом не упоминают истинных обвинений — таких, как, составление А. Гинзбургом «Белой книги» о процессе Синявского и Даниэля, редактирование Ю. Галансковым журнала «Феникс-66» и т.п.

Все это нельзя не расценивать как сознательную попытку ввести в заблуждение общественное мнение относительно истинного характера состоявшегося в Москве процесса.

Какими бы мотивами ни руководствовались Т. Александров и В. Константинов в написании статьи и Ваша газета в ее опубликовании, факт появления подобного выступления ложится пятном на честь нашей страны, как факт проведения процессов, подобных недавно кончившемуся, ложится пятном на честь государства и на совесть всех его граждан. И как гражданин страны, превозгласившей на весь мир лозунги свободы и справедливости, *я протестую против факта опубликования статьи Т. Александрова и В. Константинова Вашей газетой.*

Как гражданин РСФСР, именем которой был вынесен позорный приговор, *я протестую против этого приговора и того судебного фарса, который был разыгран в Москве.*

Я требую немедленного, открытого и беспристрастного повторного судебного разбирательства дела в присутствии широкой общественности и иностранных корреспондентов.

Я требую публичного осуждения практики закрытых судебных расправ с инакомыслящими и наказания виновных в нарушении правосудия.

Я требую восстановления истины и справедливости.

21 января 1968 г. В. М. Воронин
г. Арзамас, ул. К. Маркса,
д. 20 кв. 3.

№ 33

Главному редактору газеты
«Комсомольская правда».
В партком газеты
«Комсомольская правда».
Копия: В правление Союза журналистов.

В газете «Комсомольская правда» от 18 января 1968 г. опубликована статья Ф. Овчаренко «В лакеях». Каждый из нас знаком с кем-либо из осужденных и знает обстоятельства дела, и на этом основании мы утверждаем, что статья содержит искажения фактов и дезинформирует читателя. В частности, Гинзбург и Галансков представлены в ложном свете — как тунеядцы. Эти утверждения легко опровергаются реальными трудовыми биографиями осужденных, их характеристиками и Трудовыми книжками.

Гораздо существенне и опаснее ложная информация о самом деле. Например, в статье говорится: «При обыске у Гинзбурга, Галанскова и Добровольского были обнаружены принадлежности шпионской экипировки — копирка для тайнописи, шапирографы, инструкции, антисоветская литература, листовки». Ни у Гинзбурга, ни у Галанскова, в отличие от Добровольского, ничего подобного обнаружено не было — это очевидно из протоколов обысков, копии которых есть как в деле, так и у родственников. Вина подсудимых, по словам Ф. Овчаренко, доказана «показаниями большого числа свидетелей, авторитетными заключениями экспертов». Во-первых, на процессе фигурировала только психиатрическая экспертиза, которая, как известно, устанавливает вменяемость, а не вину. Во-вторых, как бы ни трактовать показания свидетелей, ни один из них — даже Брокс Соколов — не подтвердил связи Гинзбурга и Галанскова с НТС.

Мы не будем продолжать перечисление всех искажений истины, допущенных в статье. Сказанного уже достаточно, чтобы поставить вопрос о профессиональной добросовестности автора статьи «В лакеях».

Мы считаем, что столь скандальный случай в журналистской практике должен стать предметом обсуждения в редакции или в Союзе журналистов. На это обсуждение, по нашему мнению, следует пригласить родственников и близких друзей осужденных, судью, прокурора, адвокатов, сви-

детелей, вызывавшихся судом и следствием, и протоколиста судебного заседания. Мы уверены, что если всем заинтересованным лицам дадут высказаться, истина будет восстановлена, статья «В лакеях» получит должную оценку, а газета опубликует опровержение.

Н. Горбаневская
О. Тимофеева
А. С. Вольпин
Л. И. Гинзбург
С. Чудаков
Е. Галанскова
В. Походаев
Е. А. Галанскова
Т. С. Галансков
А. Болтрукевич
А. Топешкина
А. Ф. Кирягина, понятая при обыске у Гинзбурга 17 января 1967 г.
Л. Кац
С. Генкин
В. А. Никольский
С. Штутина
А. Поволоцкая
Н. Светлова
Карелин
Щадрина
Штернфельд
А. Викторов
К. Галанскова
Н. Викторова
А. Штельмах
Е. Басилова
И. Камышанова
Г. Кагановский
Г. В. Галанскова

(Январь 1968,
Москва)

№ 34

В правление Союза журналистов СССР

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Обращаюсь к вашей организации потому, что она несет моральную ответственность за содержание советской прессы, а центральных газет — в первую очередь.

Я хочу рассмотреть вопрос о добросовестности информации, представленной печатью в связи с делом Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой, которое слушалось в Московском городском суде с 8 по 12 января 1968 г. Не зная непосредственно обстоятельств суда, я пытаюсь заключить о нём, как и все граждане, не присутствовавшие на процессе, исходя исключительно из газетных материалов.

Первый отклик печати на январский процесс — краткое сообщение в «Вечерней Москве» от 13 января 1968 г., где говорится, что «суд на основании показаний свидетелей и

подсудимых, а также вещественных доказательств, установил виновность названных лиц в преступной связи с зарубежной антисоветской организацией».

Все эти три момента — показания свидетелей, показания подсудимых и вещественные улики — я и разбиру, как они представлены в нашей прессе, а именно: в «Известиях» от 16 января 1968 г. в статье «Затянутые одним поясом» Т. Александрова и В. Константинова и в «Комсомольской правде» от 18 января, статья «В лакеях» Ф. Овчаренко. Посмотрим, действительно ли освещение этих трех моментов в газетных статьях логически приводят читателя к выводу о преступной связи подсудимых с зарубежной антисоветской организацией.

Прежде всего — что *конкретно* говорится в показаниях свидетелей?

Кроме глухо упомянутого в «Комсомольской правде» Е. Кушева, единственным *названным* свидетелем оказывается Николас Брокс-Соколов — гражданин Венесуэлы. Он на страницах печати вырастает в центральную фигуру процесса, в основной козырь обвинения. Брокс-Соколов — главный персонаж статьи в «Известиях», где ему отведено больше места, чем подсудимым. «Затянутые одним поясом» — это не только заглавие статьи, это идея всего её текста и подтекста; именно такую задачу ставят перед собой авторы: во что бы то ни стало уверить читателя, что Брокс-Соколов и четыре подсудимых принадлежат к одной шпионской организации, связаны единым «поясом грехопадения» («Известия»). Столь же видная роль отводится Броксу-Соколову «Комсомольской правдой» в её попытках аргументировать обвинение.

Что же мы узнаём фактически о Броксе Соколове? Мы узнаём, что завербованный белоэмигрантской организацией «Народно-Трудовой Союз» он прибыл в качестве туриста из Франции в СССР и был арестован как шпион. На нём обнаружен был пояс с шапирографом, средствами тайнописи, антисоветской литературой. Еще у Брокса были фотографии подсудимых.

«Сейчас всё это на столе перед судом в качестве вещественных доказательств» — читаем в «Известиях».

Спрашивается, как может шпионский реквизит, принадлежащий Броксу, приехавшему в нашу страну в декабре 1967 года, изобличить людей, которые, находясь под след-

ствием, пребывали в заключении с января 1967 г. по январь 1968 г. Почему четверо подсудимых стянуты с Броксом все тем же злосчастным поясом?

Попытаемся найти ответ на этот вопрос, разобравшись подробнее в том, что представляла собой миссия Брокса. Оказывается, завербовавшие Брокса агенты НТС внушили ему, что его роль состоит в оказании помощи четырем заключенным. «Брокс Соколов охотно взялся выполнить поручение и надел на себя потайной пояс со спрятанными в нем пакетами, которые надлежало передать в Москве «определенному лицу» — сообщает «Комсомольская правда». Узнаем в «Известиях», что встреча должна была состояться в Сокольниках. Итак, сам Брокс Соколов выступает в роли посредника, как следует из печати.

Позволительно спросить: в чем именно должна была заключаться зарубежная помощь советским заключенным? Или хотя бы какая связь между миссией Брокса и судьбой подсудимых? Ответа на этот вопрос газеты не дают.

Быть может, дело способен прояснить тот, кому предназначались пакеты Брокса? Кто он? Как его зовут? Что он должен был делать? Почему это важное звено, едва обозначенное, выпадает из цепи обвинения? Или Брокс не стал выдавать своего партнера? Как бы не так! Раньше говорили: болтун — находка для шпиона. Такой шпион, как Брокс Соколов — находка для КГБ.

Кстати, господин из Сокольников — не единственная персона, с которой намерена была снестись через Брокса снарядившая его организация. Среди вещественных улик, «лежавших на столе перед судом», «Известия» называют еще извлеченные из того же пояса письма с заготовленными обратными адресами. «Они предназначались определенным лицам в Советском Союзе...» Опять «определенные лица»! Не в интересах ли обвинения было бы и в самом деле эти лица определить! Или работники КГБ не сумели по данным адресам сыскать адресатов?

Но допустим, что все «определенные лица» действительно не определены; допустим, что эти лица и впрямь намерены были оказать какую-то неведомую помощь заключенным. Всё равно остается открытым вопрос: как и в чем могли изобличить подсудимых найденные у Брокса атрибуты подполья, а также деньги, письма и фотографии, кому бы они не предназначались? Почему всё это приводится в качестве

вещественных доказательств вины не самого Брокса, а тех, кого он «знал понаслышке» («Известия»).

Теперь перейдем к показаниям Брокса на процессе. Если это можно назвать показаниями...

В гренобльском университете, где он обучался, Брокс слушал лекции некоего Славинского, который, как разъясняет «Комсомольская правда» — «член руководства НТС». Из уст Славинского Брокс узнает, что есть в Советском Союзе «радетели за свободу», их имена Галансков, Гинзбург, Добровольский» («Известия»). Вот и всё «показание». Читатель, извольте следовать за логикой газет: если Брокс Соколов в Московском суде заявляет, что в Гренобле один профессор похвалил Гинзбурга и Галанскова, а Москва причисляет этого профессора к руководству НТС — то, следовательно, и хваленые должны рассматриваться, как «платные агенты НТС» («Комсомольская правда»).

Думается, что у Брокса нет никаких оснований выступать на январском суде в роли свидетеля, тем более — главного свидетеля обвинения, как это вырисовывается из газет. А между тем этот субъект берет на себя функции не только свидетеля, но и прокурора, даже судьи. Он заявляет на суде: «...мне сказали, что это писатели и поэтому их судят. Я же вижу не писателей. Здесь судят уголовников за связи с НТС». Не кто иной, как Брокс Соколов заранее предрекает судебное решение по делу советских граждан! Какие там факты, какие доказательства...

Между прочим, по закону свидетель не имеет права находится в зале суда до тех пор, пока он не дал своих показаний. Если для Брокса сделали исключение — то на каком основании? Если же он не присутствовал на суде до своих показаний — то откуда он мог знать о подсудимых, что они «уголовники» и вообще что бы то ни было? Всё «понаслышке»?

Возникает мысль о том, какова истинная роль Брокса Соколова в январском процессе.

Примечательно, что к шпиону Броксу авторы относятся с большим снисхождением — прямо-таки с трогательной жалостью. Порой слышатся даже нотки умиления, когда речь идет об этом «совсем ещё юном белобрысом парне, неплохо говорящем по-русски» («Комсомольская правда»). Признавая, что Брокс оказался «по уши в грязи», авторы «Известий» спешат добавить: «Похоже, правда, что забрался

в неё он по наивности, большой доверчивости перед людьми...» Сочувственно приводятся следующие слова Брокса из его выступления на суде: «Я хотел бы сказать, что я опечален, что невольно нарушил законы этой страны».

Совсем иной тон взят в отношении подсудимых. Их биографии окрашены сплошным черным цветом. Впрочем, оговорюсь: это относится не ко всем подсудимым в равной степени, некоторое исключение составляет Добровольский. Зато Галанскову и Гинзбургу нет пощады. Сообщается, например, в «Известиях», что Гинзбург «нашёл себя в мошенничестве». И в 1960 г. он, как разъясняет «Комсомольская правда», «за мошенничество и подделку документов был привлечён к ответственности». Два года находился в заключении. В 1964 г. против него снова было возбуждено уголовное дело за подобные неблаговидные поступки». Не худо бы при этом сообщить читателю, что в 1960 г. Гинзбург сдал школьный экзамен экстерном за своего приятеля и для этого переменил фотографию на соответствующей бумажке. Это — несомненно правонарушение, но содержит ли оно такую уж страшную нравственную дискредитацию Гинзбурга? И еще: кого и когда кроме Гинзбурга, приговаривали за подобное деяние к двухлетнему заключению? Думается, что истинный — скрытый мотив преследования в 1960 г. связан не с подделкой документов. Не так ли обстояло дело и вторично в 1964 г.?

«Комсомольская правда» не слишком заботится о последовательности своих суждений относительно личностей Гинзбурга и Галанскова, о соответствии этих суждений тут же приводимым фактам.

О подсудимых говорится, что они вели свои дела «с расчетливостью бывалых купцов». И одновременно мы узнаем, что «получив однажды от Галанскова пятидесятидолларовые бумажки, деятели «черного рынка» ухитрились всучить ему за них... пачку горчичников». Хорош купец!

Мы узнаем о подсудимых, что они с «хитроумием рецидивистов соблюдают глухую конспирацию». И тут же выясняется, что в инкриминируемом Галанскову сборнике «Феникс» на титуле стоит: «Под редакцией Ю. Галанскова». А в сборнике, составляющем преступление Гинзбурга в изданиях разных стран всюду стоит: «Составитель А. Гинзбург». Вот это конспираторы! Хочется повторить слова Овчаренко:

«Странная выходит диалектика». Интересно, на какого читателя рассчитаны такие пассажи?

Кстати, читателю не мешало бы знать, что сборник, составленный Гинзбургом — это «Белая книга», содержавшая материалы по делу Синявского и Даниэля. Там запись самого процесса, отклики на него советской и зарубежной прессы, публичные заявления разных лиц в связи с этим делом. Представлены мнения как в защиту, так и против Синявского и Даниэля. «Комсомольская правда», касаясь «сборника с клеветническими материалами» не считает нужным сообщить, что это за сборник. Повторяю: это — «Белая книга».

Теперь посмотрим, как выглядят на страницах печати показания самих подсудимых, и какие признания заключены в этих показаниях.

Обе статьи дословно цитируют показания Добровольского.

«Вот такой точно шапирограф был передан ранее мне Галансковым — говорит подсудимый Добровольский» — читаем в «Известиях».

А вот «Комсомольская правда»:

Прокурор: Что вам известно о связях Галанскова и Гинзбурга с заграницей?

Добровольский: В связи с передачей мне Галансковым НТС-овской литературы и шапирографа, я поинтересовался, откуда он все это получил. Галансков ответил, что он имеет связь с заграницей с 1962 года и получил эту связь от Гинзбурга.

Прокурор: С какой организацией поддерживалась связь за границей?

Добровольский: Галансков говорил мне, что имел связь с НТС».

Итак, показания Гинзбурга и Галанскова читателю неизвестны, а из показаний Добровольского следуют две вещи. Во-первых, что он выступает по отношению к другим подсудимым, Гинзбургу и Галанскову как свидетель обвинения, признаваясь не в собственных, а в чужих грехах. Во-вторых, обнаруживается, что предметы, послужившие на суде вещественными доказательствами вины всех подсудимых (шапирограф, НТС-овская литература), найдены были именно у Добровольского.

Невольно возникает подозрение: *не у одного ли Добровольского* были найдены эти предметы?

Начинаешь задумываться: есть ли основания для группового дела? Почему, скажем, Галансков и Гинзбург оказались на одной скамье подсудимых? Да, «Комсомольская правда» называет их *«компаньонами»* и утверждает, что *«они»* составляют новый сборник с претенциозным названием «Феникс». Но почему — *они?* Почему компаньоны? Никаких доказательств совместной литературной деятельности Галанскова и Гинзбурга не приводится, а если судить по открытым подписям, то составление «Белой книги» — это дело только Гинзбурга, а составление «Феникса» — работа исключительно Галанскова. Может быть, на этот счет имеются все-таки показания самих составителей? Автор статьи в «Комсомольской правде» Овчаренко единожды ссылается на показания Гинзбурга и Галанскова, описывая почему-то эти показания своими словами: «Оба вдруг заявили, что сделанное ими в содружестве с враждебной нашему народу организацией они не считают антисоветской деятельностью». Что это значит? Значит ли это, первое, что подсудимые признались в совместных действиях и в своей связи с НТС, как хочет представить дело Овчаренко? Или это значит, второе, что подсудимые не признают за собой антисоветской деятельности — и всё, а уж Овчаренко, от себя квалифицирует эту деятельность как совместную и связывает её с НТС? Можно не сомневаться, что второе, а не первое. Подсудимые всего лишь отказались от обвинения — иначе автор статьи непременно процитировал бы их показания дословно, как в случае с Добровольским.

Итак, вся вера на суде — показаниям Добровольского. Ему присуждается малый срок (2 года) по сравнению с Галансковым (7 лет) и Гинзбургом (5 лет). Авторы газетных статей всячески стараются выгодно отличить Добровольского от его однодельцев (не скажу — товарищей).

Гинзбург, Галансков и *вовлеченный в их компанию Добровольский* — рекомендует «Комсомольская правда».

«Хочется думать, что его раскаяние и признание вины на последнем процессе откроет ему глаза и поможет, наконец, стать на честный путь» — утешают Добровольского «Известия».

Как сопоставишь все факты поведения подсудимых и прочие обстоятельства, так и придет на ум, что роль Добровольского в чем-то аналогична роли Брокса-Соколова.

Впрочем, тем, кто присутствовал на суде — виднее.

«Присутствовавшие на суде москвичи с одобрением встретили приговор суда» — сообщают «Известия».

«Присутствовавшие в зале москвичи встретили приговор суда аплодисментами, возгласами одобрения» — уточняет «Комсомольская правда».

Я принадлежу к тем москвичам, которым не нашлось места в зале.

В соответствующие учреждения было подано заявление группы лиц с просьбой обеспечить присутствие на процессе — в полном соответствии с советским законом о гласности, публичности суда. Заявление мы сделали заблаговременно, чтобы потом не было ссылок на тесноту помещения и т. п.

Не знаю, какие москвичи присутствовали на процессе, хотя и догадываюсь. Я отношусь к числу тех москвичей, а также иногородних, которые могут судить о январском процессе только из газет. Одно выражение оттуда «массированная дезинформация» — вдруг да отнесут читатели не к тому, что сам автор.

А. Якобсон, переводчик.

P.S. Отмечу, как частность, один факт противоречия между «Известиями» и «Комсомольской правдой». «Комсомольская правда» цитирует выступление Брокса на январском процессе: «... мне говорили, что в этих пакетах находятся только материалы, которые могли бы оказать им помощь. Когда меня задержали, то оказалось, что там находилось не то, что мне сказали...»

«Да — продолжает автор статьи Овчаренко — в пакетах оказалось совсем не то, что думал Николас. На суде продемонстрировали их содержание. Деньги, предназначенные отнодь не для благотворительных целей. Шапирограф и пачка копирки для тайнописи... Листовки с антисоветскими призывами... А в пяти конвертах, которые *Брокс Соколов должен был опустить в почтовый ящик, находились увеличенные фотографии подсудимых* с краткой текстовкой на обороте, заканчивающей грозным требованием немедленного их освобождения».

Отсюда совершенно очевидно следует, что конверты с фотографиями, которые Броксу собственноручно надлежало опустить в почтовый ящик, не могли находиться в пакетах, предназначенных для передачи таинственному незнакомцу — иначе для Брокса не было бы секретом и остальное — криминальное содержание этих пакетов.

Но вот неувязка: «Известия» утверждают, подобно «Комсомольской правде», что «Брокс до ареста ничего не знал о содержимом пакетов», сообщают при этом *«Пакеты,* которые Брокс должен был передать определенному лицу в парке Сокольники в Москве, *содержали фотографии* людей, с которыми он знаком не был...»

Итак, это не те фотографии, о которых говорится в «Комсомольской правде» и люди сфотографированы не те? Читаем дальше статью «Известий»: «Пять конвертов с фотографиями, на фотографиях и на скамье подсудимых знакомые Броксу понаслышке Гинзбург, Галансков, Добровольский».

Кому прикажете верить — «Известиям» или «Комсомольской правде»?

Здесь только одно несомненно: главный свидетель обвинения Брокс с подсудимыми «знаком не был», знал о них понаслышке. Все же остальное вызывает изумление: как запутался в своем нехитром задании Брокс Соколов, а вслед за ним — авторы обоих статей!

(Январь 1968, Москва) А. Якобсон.

№ 35

В редакцию «Комсомольской правды»

В вашей газете от 18 января 1968 г. опубликована статья Ф. Овчаренко «В лакеях». В этой статье неправильно представлен мой сын Александр Гинзбург, ложно рассказаны обстоятельства судебного дела. Нет необходимости останавливаться на каждом отдельном моменте статьи, извращающем факты (как например, то, что он был моим иждивенцем, что он в 1964 году привлекался к уголовной ответственности и т. п.). Я отмечу лишь наиболее, на мой взгляд, существенные.

На четырех газетных столбцах мой сын неоднократно назван «платным агентом НТС», «пропагандировавшим» материалы и издания этой организации, будто бы заявившем на суде о своей «деятельности в содружестве с НТС».

На суде даже и речи не было о том, что мой сын получил от кого бы то ни было плату за составленный им сборник документов. Прокурор, назвавший его «агентом НТС» признал здесь же, в суде, что оговорился; видимо, также слу-

чайно эта «оговорка» попала в текст приговора. Однако, никакие материалы дела, ни одно из свидетельских показаний, ни один вопрос обвинения даже не касались этого пункта. Человек, присутствующий на процессе, должен это хорошо знать — я надеюсь, журналист, дающий отчет о судебном деле, был в зале суда?

Я не знаю, из каких источников автор статьи получил сведения о том, что у Гинзбурга были обнаружены при обыске «принадлежности шпионской экипировки», инструкции НТС, листовки. В протоколе обыска (копия хранится у меня) не названы никакие шапирографы или НТС-овская литература, никакие приспособления для тайнописи.

Ни в чем подобном не обвиняли моего сына и на суде.

Ничего «неожиданного» не было в том, что мой сын на суде не признал свою деятельность антисоветской, — он не «вдруг заявил это», а утверждал с самого начала следствия и до конца процесса.

Нескольких приведенных примеров достаточно, чтобы я могла назвать статью Ф. Овчаренко клеветнической и потребовать её опровержения.

Прошу проверить по документам (протоколы обысков, протоколы судебных заседаний) приводимые мной факты, а также другие пункты статьи, касающиеся Александра Гинзбурга. Прошу сообщить мне о результатах проверки и поместить опровержение в газете.

В случае, если проверка будет проведена недобросовестно, или мое письмо останется вообще без ответа, я буду вынуждена возбудить против автора статьи и против газеты дело о клевете на моего сына Александра Гинзбурга*.

23. 1. 1968. Л. И. Гинзбург.
Москва, Б. Полянка, 11/14 кв. 25

* По советскому законодательству, возбудить дело о клевете Л. И. Гинзбург не может до получения доверенности от своего сына на ведение от его имени дел в суде, поскольку клеветнические выпады в газете не относятся к самой Л. И. Гинзбург.

№ 36

В редакцию «Комсомольской правды»

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

В вашей газете от 18 января 1968 г. напечатана статья Ф. Овчаренко «В лакеях». Среди многих искажений фактов, касающихся судебного процесса и личностей осужденных, в статье есть место, относящееся непосредственно ко мне. Цитирую по тексту статьи:

> А ведь Гинзбург и компания, повторяю, не только упоенно внимали этим изданиям, но и всячески стремились их пропагандировать. Как показал на суде свидетель Е. Кушев, они будто невзначай подсовывали НТСовскую продукцию незадачливым молодым людям, своим бывшим соученикам и знакомым.

Здесь налицо умышленная ложь. Автор статьи, видимо, был на суде и не мог не слышать моих слов о том, что Гинзбурга я вовсе не знал. Он не мог не слышать то единственное место в моем допросе, касавшееся Галанскова, которое я здесь привожу по памяти.

> *Адвокат Каминская (защитник Галанскова):* Известно ли вам что-нибудь о преступной деятельности Галанскова?
>
> *Я:* Я хорошо знаком с Галансковым, но ничего компрометирующего его я не знаю. Я знаю, что он редактор журнала «Феникс», однако о враждебности этого журнала я не могу судить, так как не читал его*.

По существу же я на суде только *подтвердил* показания Добровольского и Лашковой, что я взял у них по собственной инициативе почитать три брошюры, изданные НТС. Ни из каких материалов дела не следует, что они мне или кому-нибудь еще «подсовывали» эти брошюры. Кроме того, ни о каких других лицах я не говорил.

Таким образом, Овчаренко, во-первых, клевещет на осужденных, во-вторых, намеренно обобщает единичный эпизод, в-третьих, походя, пытается выставить меня в качестве непорядочного человека.

Я требую опубликовать мое письмо и соответствующее

---

* См. здесь стр. 147.

редакционное опровержение, но так как почти не надеюсь на это, одновременно посылаю это письмо своим друзьям и знакомым.

Е. Кушев.

24 января 1968 г.
Москва. Г-99, Смоленская ул.
д. 10, кв. 17.

№ 37

Главному редактору газеты «Правда»
Главному редактору газеты «Известия»
Главному редактору газеты «Комсомольская правда»

Копии: *Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу*
Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину
Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному
Адвокату Б. А. Золотухину

1. Мы, друзья и знакомые Александра Гинзбурга, глубоко потрясены ходом суда над ним, приговором, а также освещением дела в печати (статья в «Известиях» от 16 января 1968 года и статья в «Комсомольской правде» от 18 января 1968 года). Если верить «Известиям» и «Комсомольской правде», то Александр Гинзбург — тунеядец, мошенник, злобный антисоветчик и, наконец, «платный агент НТС». Мы знали другого Гинзбурга — человека честного, бескорыстного, готового придти на помощь друзьям, человека эмоционального, с обостренным чувством справедливости. Как же могло возникнуть такое полное несоответствие этих двух образов одного человека? Который из них ложен? Мы не сомневаемся, что первый, и мы постараемся показать это.

2. Статьи в «Известиях» и «Комсомольской правде» не являются отчетами о процессе; эти статьи в лучшем случае можно рассматривать как изложение обвинения и приговора. Может быть, речь защитника Гинзбурга и показания свидетелей не дают ничего существенного для понимания дела? Чтобы убедиться в обратном, достаточно прочитать запись речи Б. А. Золотухина на суде. Из неё ясно, что ход

териалы сборника используются реакционными элементами на Западе в своих целях, Гинзбург за это не несет никакой ответственности: единственная, имеющаяся у обвинения версия передачи книги на Запад не выдерживает критики, а никаких других версий не выдвигалось.

Итак, «вина» Гинзбурга заключается в составлении книги в защиту Синявского и Даниэля, и те, кто осудили Синявского и Даниэля, безусловно, хотели наказать его за это. Для этого было использовано случайное и очень отдаленное знакомство Гинзбурга с Добровольским, на показаниях которого и было построено в основном обвинение против Гинзбурга. Хотя Добровольский ничего конкретного о «преступных связях» Гинзбурга рассказать суду не мог, тем не менее Гинзбург был зачислен в антисоветчики, НТС-овцы, и едва не стал по случайной (?!) оговорке прокурора главой НТС-овской группы в Москве.

Такова история «превращения» Гинзбурга из человека, открыто выступившего против того, что он считал несправедливостью, в «платного агента НТС».

3. Статьи в газетах о процессе (мы рассматриваем лишь ту их часть, которая касается Гинзбурга), также имели целью осуществить это превращение Гинзбурга. Поучительно проанализировать те способы, которыми компрометируется в газетах личность Гинзбурга и его деятельность.

а) В обеих статьях приводится одинаковая версия биографии Гинзбурга, несомненно, не являющаяся результатом тщательного знакомства с фактами его жизни. Версия эта фальшива по чисто внешней фактической стороне и по существу. Неверно, что осуждение Гинзбурга в 1960 г. увенчало его предшествующую жизнь тунеядца и летуна: тунеядцем и иждивенцем Гинзбург никогда не был. В 1960 г., когда Гинзбург был арестован, он работал и был студентом-заочником факультета журналистики МГУ. Тогда он был осужден за то, что сдавал экзамен за товарища. Факт этот говорит о легкомыслии Гинзбурга 8 лет назад, о безрассудной готовности помочь другу, но никак не вяжется с тем образом, который рисуют авторы статей. Ни для кого не является секретом, что в 1960 г. органами КГБ велось также следствие по делу о составлении Гинзбургом стихотворного журнала «Синтаксис»; это дело было прекращено за отсутствием состава преступления.

процесса изложен в упомянутых статьях совершенно произвольно. Прежде всего, Гинзбургу вообще не было предъявлено никаких конкретных обвинений в связях с НТС, за исключением обвинения в том, что он дал согласие на передачу своего сборника за рубеж, а это было убедительно опровергнуто защитой. Все конкретные обвинения, содержавшиеся в заключительной речи прокурора Терехова, касались лишь сборника документов по делу Синявского и Даниэля. В той части речи прокурора, которая относилась к Гинзбургу, не было никаких упоминаний о незаконных валютных операциях, шапирографе, листовках и НТС-овской литературе.

Значит, конкретно Гинзбурга судили за сборник документов по делу Синявского и Даниэля. Как характеризует Гинзбурга его решение составить этот сборник? По нашему мнению, как человека, обладающего гражданским мужеством. Многие люди были несогласны с приговором суда по делу двух писателей, десятки выразили это несогласие открыто, однако, когда их протест остался без внимания, они не предприняли более ничего. Гинзбург не нашёл для себя возможным поступить также. Он составил сборник документов, который должен был способствовать отмене ошибочного, по его мнению, решения суда. Можно по-разному оценивать процесс над Синявским и Даниэлем, однако невозможно осуждать человека за то, что он не согласен с решением суда и пытался доказать свою правоту.

Гинзбург не делал тайны из того, что он является составителем сборника, он открыто поставил под ним свою подпись и передал книгу соответствующим советским инстанциям. Он стремился сделать сборник максимально полным и объективным, считая, что только такой сборник убедительно покажет ошибочность приговора по делу двух писателей. В числе документов — все советские сообщения о процессе; это дало адвокату основание отвергнуть обвинение в тенденциозности автора.

Стремление к полноте привело Гинзбурга к включению в сборник двух документов, которые обвинение сочло антисоветскими. Возможно, Гинзбург был неправ, поместив их в сборник, — нам трудно об этом судить, не зная этих документов. Однако, осужден и смешан с грязью он был не за включение их в сборник, а за недоказанные связи с НТС, как «платный агент НТС» и т. д. Даже если некоторые ма-

Мы знаем, как трудно пришлось Гинзбургу после выхода на свободу; ему приходилось браться за работу, совершенно не соответствующую его знаниям и способностям, он и его мать жили в тяжелых материальных условиях. В последнее время он стремился поступить в вуз, чтобы, получив образование, занять твердое положение в обществе, а не быть на случайных работах. Осенью 1966 г. он поступил на вечернее отделение историко-архивного института. Однако для Гинзбурга твердое положение в жизни определялось не только материальным достатком и одобрением начальства, но и удовлетворением его внутреннего чувства справедливости. Необходимость исправить судебную ошибку, допущенную, по его мнению, с Синявским и Даниэлем, для него была важнее, чем его собственное благополучие.

б) В обеих статьях никак не дифференцируются цели и характер деятельности отдельных обвиняемых, о них говориться, как об единой группе, внутри которой были лишь поделены некоторые функции. Однако это не соответствует фактам судебного разбирательства. Умышленное объединение Гинзбурга в одну компанию с Добровольским, деятельность которого не имела ничего общего с деятельностью Гинзбурга и который был с Гинзбургом едва знаком, позволяет авторам статей действия Добровольского приписывать Гинзбургу, и тем самым дискредитировать последнего. Когда читаешь такие фразы, как «При обыске у Гинзбурга, Галанскова и Добровольского были изъяты десятки полученных из-за рубежа антисоветских изданий «или «При обыске у Гинзбурга, Галанскова и Добровольского были обнаружены принадлежности шпионской экипировки — копирка для тайнописи, шапирографы, инструкции, антисоветская литература, листовки», — хочется спросить автора: у кого же все-таки из трех названных лиц были найдены эти издания и эта экипировка. Ведь у Гинзбурга и Галанскова ничего из перечисленных предметов найдено не было, и автор статьи не мог этого не знать. Все это было найдено у Добровольского, который, однако получил лишь два года. Очевидно, автору статьи опорочить Гинзбурга было важнее, чем сообщить читателям факты, вскрытые на суде.

в) В газете «Известия» процесс (в очень общем и нерасчлененном виде) излагается на фоне истории с Броксом-Соколовым. Делается это так, чтобы создалось впечатление

о связи всех обвиняемых с теми, кто снарядил Брокса-Соколова. Однако, внимательное чтение газет убеждает в том, что ни показания этого человека, ни найденные у него предметы никак не могут свидетельствовать о связи обвиняемых с НТС. Они лишь усугубили общую мрачную атмосферу процесса, а авторам статьи позволили часто употреблять рядом слово НТС и фамилии обвиняемых, что, очевидно, и было их целью.

г) Иначе построена статья в «Комсомольской правде». В ней подробно освещаются некоторые стороны процесса, а именно, обвинительное заключение и показания обвиняемых. Нужно отдать должное автору: он не стал искажать неподходящие для него стороны процесса, он их просто замолчал. В статье нет никаких упоминаний о защите, а ведь адвокат Гинзбурга Золотухин просил для своего подзащитного *оправдательного приговора:* он не говорил ни о степени вины, ни о смягчающих обстоятельствах, он настаивал на *невиновности Гинзбурга по всем предъявленным ему пунктам обвинения.* Нет в статье и упоминания о тех прекрасных характеристиках, которые были даны Гинзбургу свидетелями Пинским и Столяровой. Совершенно непонятно, что за сборник составил Гинзбург, какова была цель сборника и какие документы он содержал. Зато в статье есть неизвестно на чем основанное заявление автора о том, что Гинзбург распространял антисоветские листовки; есть в ней и совершенно не соответствующие действительности утверждение, будто Гинзбург признал, что сотрудничал с НТС.

4. Таковы те способы, с помощью которых компрометируется личность Гинзбурга и его деятельность. Возможно, авторы статей считают их чисто журналистскими приемами, применение которых оправдывается некоторыми высшими целями. Мы не можем согласиться с тем, что замалчивание истины или ее искажение могут способствовать достижению каких бы то ни было высоких целей.

Мы убеждены в том, что действительную общественную пользу может принести лишь новое и открытое судебное разбирательство дела Гинзбурга, а также полное и объективное изложение его в печати.

5. Анализ статей в «Известиях» и «Комсомольской правде» показывает, что авторы их намеренно исказили целый ряд существенных фактов процесса над Гинзбургом и др., а

также скрыли от читателей многие важные факты. Мы считаем, что появление в печати таких статей нанесло вред нашему обществу. Мы глубоко возмущены опубликованием этих статей и требуем, чтобы виновные за их появление были наказаны.

Просим опубликовать наше письмо в Вашей газете и ответить на него.

С. Кадзасов, лингвист
Т. Козавчинская, лингвист
И. Корхова, экономист
А. Левитин, физик
А. Хануков, глав. инженер завода
А. Авраменко, врач
А. Штельмах, инженер
А. Добрович, врач
Г. Авруцкий, инженер
Г. Старостина, экономист

1 февраля 1968 г.,
Москва.

№ 38

В редакцию газеты «Комсомольская правда»

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

В газете «Комсомольская правда» от 18 января 1968 года была опубликована статья Ф. Овчаренко «В лакеях», посвященная процессу над Галансковым, Гинзбургом, Добровольским и Лашковой, окончившемуся 12 января с. г. в Московском городском суде.

Я присутствовала на этом процессе и лично знакома со всеми четырьмя подсудимыми. Мне известны обстоятельства этого дела. Поэтому я считаю своим долгом, гражданским и личным (я жена одного из осужденных — Юрия Галанскова), заявить протест по поводу грубого искажения фактов, допущенного автором этой статьи. Эти искажения представляются тем более недопустимыми, что автор присутствовал на процессе и имел возможность, ознакомившись с действительным положением вещей, объективно осветить ход процесса.

Так как мне известно, что матерью Александра Гинзбурга уже написано письмо аналогичного содержания, я позволю

себе остановиться только на тех моментах статьи Ф. Овчаренко, которые имеют непосредственное отношение к Юрию Галансков.

Действительно, Юрий Галансков является редактором и составителем журнала «Феникс». Он сам никогда, начиная с первого дня ареста и кончая судом, от этого не отказывался. Это и послужило, вероятно, единственной реальной причиной для вынесения ему столь строгого приговора: семилетнего заключения в лагере.

Я хотела бы начать с того, что Галансков занимался составлением этого журнала один, безо всякого участия Гинзбурга. Единственным доказательством участия Гинзбурга в составлении «Феникса» были показания Добровольского о том, что Гинзбург якобы передал Галансков фотопленку со статьей «Российский путь перехода к социализму». Галансков же на суде показал, что эту статью он получил от другого лица (при этом он назвал конкретную фамилию). Кроме этого Галансков на протяжении всего следствия и на суде неоднократно заявлял о том, что «Феникс» составил он один.

Все это, вероятно, известно автору статьи, и все же он пишет: «А у компаньонов — новые заботы... они составляют новый сборник с претенциозным названием «Феникс». О претенциозности мне трудно спорить с человеком, который употребляет в своей статье такие выражения, как «история падения новоявленных герострат ов», «неизменные духовные лохмотья» и т. п. Но я утверждаю, что «они» сборник не составляли, его составил один Галансков.

Что же это за сборник?

Ф. Овчаренко заявляет, что он составлен «из фальшивок, оставшихся в резерве».

Вот содержание журнала «Феникс», изложенное в протоколе обыска от 17 января 1967 г., при котором он был изъят: «Можете начинать» (редакционная статья); А. Синявский «Что такое социалистический реализм»; В. Вельский «Откровение Виктора Вельского»; Ю. Галансков «Открытое письмо»; «Стенографическая запись обсуждения дела Пастернака на собрании писателей Москвы»; А. Синявский «В защиту пирамиды»; «Протест творческой интеллигенции»; «Обсуждение третьего тома Истории КПСС в ИМЛ при участии старых большевиков»; Е. С. Варга «Российский путь перехода к социализму»; письмо Н. Бухарина;

Карагужин «Два рассказа»; О. Мандельштам «Два письма»; Э. Генри «Открытое письмо писателю Эренбургу»; «Вопросы, заданные писателю Э. Генри на лекции «О неофашизме» в МГУ; Г. Померанц «Дискуссионное выступление в институте философии»; Ю. Галансков «Организационные проблемы движения за полное и всеобщее разоружение и за мир во всем мире»; Г. Померанц «Квадрильон»; «Взаимоотношение знания и веры», апологетический опыт А. Добровольского; «Описание событий в Почаевской лавре в наши дни»; стихи молодых; некролог.

Было бы очень любезно со стороны автора, если бы он назвал в своей статье хотя бы одно произведение, вошедшее в «Феникс», которое он мог бы с уверенностью именовать фальшивкой. Судя по тому, что автор этого не сделал, он или писал заведомую ложь, или не имеет представления не только об идейном смысле этих произведений, но даже и самом содержании журнала.

Далее. Оставим на совести автора утверждение о том, что «через оборотистого посланца НТС Генриха этот гроссбух переправляют в Париж». Оставим потому, что этот момент обвинения основан исключительно на показаниях того же Добровольского и больше ничем не подкреплен и потому, что следующие строки статьи явно противоречат действительным фактам. А действительные факты свидетельствуют о том, что журнал «Феникс» никогда за границу не попадал. Овчаренко пишет: «И снова распирает от восторга «Посев» и «Грани». Они передают полученные материалы редакциям буржуазных газет и журналов, радиостанциям и те широко используют их в идеологической диверсии против Советского Союза».

Как должно быть известно автору, присутствовашему на суде, обвинение не располагало ни одним экземпляром «Феникса», изданным «Посевом» или каким бы то ни было другим зарубежным издательством. Не только «Феникс» целиком, но даже те пять статей из него, которые были признаны судом криминальными («Откровение Виктора Вельского», «Российский путь перехода к социализму», «Описание событий в Почаевской лавре в наши дни», «Что такое социалистический реализм» Синявского и «Открытое письмо Шолохову» Галанскова) ни «Гранями», ни «Посевом», ни каким-либо другим зарубежным издательством изданы не были. Это установлено судом. Исключением

является лишь статья Синявского, которая была опубликована за рубежом за много лет до того, как Галансковым был составлен «Феникс». Но может быть автор располагает сведениями хотя бы об одной передачи «Голоса Америки», Би-Би-Си или «Немецкой волны», посвященной какому-либо из этих, по мнению суда, криминальных произведений? Вряд ли, таких передач не было, во всяком случае ни одна из подобных передач не упоминалась.

И если поверить автору в том, что «Феникс» действительно был передан в Париж — «через оборотистого посланца НТС», то не представляется ли странным, почему ни «Грани», ни «Посев», которых, по выражению автора «распирает от восторга», не удосужились издать его за год с лишним хотя бы для того, чтобы использовать в »идеологической диверсии против Советского Союза»?

Тем более, что Овчаренко далее утверждает, что «Гранями» и «Посевом» были сделаны обещания «знакомить широкую публику с «новинками» сразу же по мере их поступления».

В своей статье автор не один раз пишет об «оплевывании *исподтишка* своей страны», о *«тайной»* переправке материалов за рубеж и даже о том, что Галансков и Гинзбург «с хитроумием рецидивистов соблюдают *«глухую конспирацию»*. Не противоречит ли этим эмоциональным утверждениям то, что Галансков и Гинзбург открыто поставили на созданных ими сборниках свои имена? Ведь и сам Овчаренко пишет о том, что «на целом сборнике с клеветническими материалами», составленном Гинзбургом (и являющемся, кстати, сборником материалов по делу Синявского и Даниэля), об этом в статье нет ни слова) стоит: «Составитель А. Гинзбург». И что на титульном листе журнала «Феникс» стоит: «Под редакцией Галанскова». Не слишком ли явное нарушение »глухой конспирации», как-то уж очень не вяжущееся с «хитроумием рецидивистов»?

Судя по статье «В лакеях» для Ф. Овчаренко является неопровержимым фактом то, что Галансков и Гинзбург имели связь с антисоветской эмигрантской организацией НТС.

Какие же доказательства этой связи он приводит? Он пишет: «Их вина неопровержимо доказана показаниями большого числа свидетелей, многочисленными документами, вещественными уликами, авторитетными заключениями

экспертов». Попробуем разобраться в каждом из этих «неопровержимых доказательств» в отдельности.

I. Показания большого числа свидетелей

На суде, как известно, выступало 25 свидетелей. Ни один из этих свидетелей не дал ни одного показания, хотя бы косвенно указывавшего на связь Галанскова и Гинзбурга с НТС. Что касается свидетеля, которому в статье Овчаренко уделено так много места, «молодого венесуэльца Николаса Брокса Соколова, прибывшего из Гренобля в Советский Союз в декабре прошлого года», то есть за две недели до процесса и спустя год после ареста Галанскова и Гинзбурга, то даже из статьи Овчаренко ясно, что он не имеет никакого понятия о якобы существующей связи кого-либо из осужденных с НТС. Он показал на суде (цитирую по статье Овчаренко): «Я напоминаю, что во время «лекции» Славинского я считал, что Гинзбург, Галансков, Добровольский — писатели. В газетах во Франции о них сообщалось как о писателях. Поэтому я считал, что они молодые писатели и заключены в тюрму, что с ними поступили несправедливо...» Кстати, именно Брокс Соколов, никогда ранее не видевший в глаза ни Галанскова, ни Гинзбурга, был единственным свидетелем, высказавшим свое осуждение по отношению к ним». «...Здесь судят уголовников за связи с НТС», — сказал он. Но и эти слова не могут служить никаким доказательством, так как сам Соколов, по его же словам, впервые услышал об этом от следователей КГБ.

Второй свидетель, на показания которого ссылается Овчаренко в своей статье — Кушев. Я не буду анализировать место статьи, относящееся к его показаниям, так как это уже сделано им самим в его открытом письме в редакцию «Комсомольской правды» (копию письма прилагаю)*. Из этого письма очевидно, что утверждение Овчаренко о том, что «Гинзбург и компания... будто невзначай подсовывали НТСовскую продукцию незадачливым молодым людям» (в связи с этим упоминается имя Кушева) является клеветой не только на Гинзбурга и Галанскова, но и на самого Кушева.

* Прилагаемая копия см. документ № 36.

II. О «документах и вещественных доказательствах»

«При обыске у Гинзбурга, Галанскова и Добровольского были обнаружены принадлежности шпионской экипировки — копирка для тайнописи, шапирографы, инструкции, антисоветская литература, листовки», пишет Овчаренко. Ничего подобного ни у Галанскова, ни у Гинзбурга обнаружено не было. Это подтверждается имеющимися у меня и у матери Гинзбурга копиями протоколов обысков. Единственным вещественным доказательством, обнаруженным у Галанскова и фигурировавшем на суде, является журнал «Феникс». Все те предметы, которые перечисляет Овчаренко, говоря о «шпионской экипировке» были найдены *только* у Добровольского.

III. «Авторитетные заключения экспертов»

Единственным экспертом, выступавшем на суде, был психиатрический эксперт. Как известно, сама по себе психиатрическая экспертиза устанавливает только вменяемость подсудимых, но никак не их виновность в чем бы то ни было.

Вот каковы эти «неопровержимые доказательства».

Я думаю, что нет надобности подробно писать о том, почему они не подтверждают и не могут подтвердить факт наличия связи Галанскова и Гинзбурга с НТС, а наоборот, скорее свидетельствуют о том, что таковой не существовало.

Сами же Галансков и Гинзбург на суде показали, что никакой связи с НТС они не имели.

Как же выглядит после всего вышесказанного следующее заявление Овчаренко: «Гинзбург же и Галансков, даже вконец припертые к стенке показаниями свидетелей вещественными уликами всячески продолжали извиваться, юлить, выкидывать неожиданные коленца. Так, оба вдруг заявили, что сделанное ими в содружестве с враждебной нашему народу организацией НТС, они не считают антисоветской деятельностью».

Ф. Овчаренко не только неоднократно на протяжении всей своей статьи повторяет, что Галансков и Гинзбург были связаны с НТС, но даже называет их «платными агентами НТС, так называемого народно-трудового союза, белоэмигрантской организации, состоявшей на службе у Гитлера, с ныне находящейся на содержании у Центрального разве-

дывательного управления США». Здесь Овчаренко уже не только извращает факты и ход судебного разбирательства, но и возводит на Галанскова и Гинзбурга новые обвинения, не вошедшие не только в приговор, но даже и в обвинительную речь прокурора. О «платных агентах» НТС речь на суде вообще не шла. Это известно автору статьи «В лакеях». Я надеюсь, ему известно также, что Галанскова и Гинзбурга судили по 70 статье УК РСФСР, то есть за антисоветскую агитацию и пропаганду, а никак не за участие в антисоветской организации. То, в чем обвиняет Овчаренко Галанскова и Гинзбурга, является преступлением, предусмотренным статьей 72 УК РСФСР (участие в антисоветской организации) или даже статьей 64 УК РСФСР (измена Родине), если учесть, что НТС находится на содержании у ЦРУ США. Я думаю, что автор, называя Галанскова и Гинзбурга «платными агентами НТС», не сомневался в том, что НТС — организация антисоветская, а «платные агенты» должны считаться ее участниками? И что участников антисоветской организации должны судить по статье 72 УК РСФСР, а не по статье 70 УК РСФСР?

Для любого непредубежденного человека, прочитавшего статью Овчаренко ясно, что доказательств преступности Галанскова, которые приводятся в ней, явно недостаточно. Впрочем, лично у меня есть все основания предполагать, что Ф. Овчаренко меньше всего стремился к тому, чтобы внятно изложить читателю суть происходившего политического процесса. Гораздо важнее для него было просто скомпрометировать, смешать с грязью людей, о судьбах которых с тревогой и желанием помочь им высказываются многие и многие советские и зарубежные общественные деятели (несколько имен приведено и в статье Овчаренко). Нравственному авторитету этих высказываний Ф. Овчаренко, к сожалению, противопоставил одно: ложь.

Начать с того, что он называет Юрия Галанскова тунеядцем, между тем как судили никак не тунеядца, а человека из трудовой семьи, который кончал школу, работая, и в момент ареста был рабочим. Овчаренко обвиняет затем Галанскова в корысти, рисует его человеком, действовавшим ради наживы, — и опять обвиняет ложно. Все, знавшие Галанскова и образ его жизни, могут подтвердить, что он никогда не имел таких побуждений и никогда не располагал лишним рублем. Он обвиняет, наконец Галанскова в тще-

славии, в жажде прославиться. Неужели автор молодежной газеты не может даже допустить мысли, что бывают люди, действующие — пусть даже опрометчиво — из высоких и чистых идейных побуждений. Скажем, руководствуясь тревогой о том, что решения XX и XXII съездов о восстановлении ленинских норм и демократизации общественного быта, если не отменены официально, то, во всяком случае, заторможены в своем проведении в жизнь. Неужели нужно находиться в связи с антисоветской организацией, чтобы испытать по этому поводу чувство тревоги и желание что-то сделать, что-то сказать вслух?

Но я не собираюсь в моем письме вступать с Ф. Овчаренко в спор по этому вопросу: слишком очевидны его предвзятость и недобросовестность.

Цель этого письма — совсем иная. Я отправляю его в редакцию «Комсомольской правды», но так как мне известно, что предыдущие письма аналогичного содержания не были опубликованы, то я приложу все усилия к тому, чтобы как можно шире распространить это письмо среди читателей «Комсомольской правды».

Я считаю это своим долгом тем более, что Юрий Галансков сейчас находится в тюрьме и не имеет возможности не только подать в суд на оклеветавших его, но даже элементарно защититься от этой клеветы, опровергнуть ее.

24 февраля 1968 г. О. Тимофеева

Москва, Ж-180, 3-й Голутвинский пер.
д. 7/9, кв. 4

№ 39

В редакцию газеты «Комсомольская правда»

Передо мной номер вашей газеты от 28 февраля сего года и письмо-протест матери Александра Гинзбурга против клеветнической, по её словам, статьи в этой газете за 18 января 1968 года. В который раз встречается подцензурная печать с её «собачьим вилянием» (слова Маркса) и бесцензурный — «самиздат». И встает проблема — кому верить? Непосредственную проверку произвести трудно — кто же допустит к материалам суда над Гинзбургом и Галансковым? Остается одно — опосредственная проверка. Попытаюсь объяснить вам, почему я не верю официозу в данном вопросе.

Аргумент 1.

Наша пресса не внушает никакого доверия с очень давних пор. Шумные трескучие статьи о «врагах народа» и последующие скромные статейки о «невинно пострадавших героях революции и гражданской войны»; барабанный бой о расцвете села и стыдливое упоминание о миллионах крестьян, умерших в дни *искусственного голода 30-х г.г.* на Украине (так, во всяком случае, расценивал эти события герой революции и гражданской войны адмирал Федор Раскольников); портреты «агента гестапо» Тито и почти незаметное извинение перед югославской компартией; травля Пастернака, ускорившая смерть поэта; бешеная свистопляска во времена очередного похода на культуру — 1963 г.; славословия «нашему дорогому» очередному временщику Н. С. Хрущеву и микродозы ядовитых намеков-уколов волюнтаристу, невежде и прочая; ложь об «антисемите» Синявском, якобы ненавидящем даже Чехова (я читал «Графоманы» и *непосредственно* убедился в лживости поклёпов на автора); зловонная фальшивка в журнале «Перец» против одного из самых лучших украинских критиков Дзюбы. Даже верные мысли наша пресса облекает в столь недостойную форму, что начинаешь сомневаться и в них (пример — «односторонняя полемика» со Стейнбеком). Перечень разоблачённой и еще не разоблачённой лжи нашей прессы льется потоком — тут и славословия тиранам и холуям, и грязь, выливаемая на наших лучших людей, и фальсификация истории (пример — «чудотворное» превращение Б. Хмельницкого из предателя украинского народа — смотрите Большую Советскую Энциклопедию довоенного издания — в героя этого же народа) и т. п. Этот поток лжи, зародившийся в конце 20-х г.г., никогда не исчезал полностью. Даже во времена оттепели — от XX до XXII съездов с небольшим, когда Хрущев пытался балансировать на полуправде.

Противостоит этому потоку «самиздат».

Есть ли основания доверять письму матери Гинзбурга, «Обращению к мировому общественному мнению» Л. Богораз и П. Литвинова, «Обращению к деятелям науки, культуры и искусства» Габая, Кима и Якира? (Якира — сына знаменитого командарма, замученного в сталинских застенках и оклевётанного всё той же печатью).

На мой взгляд, есть.

Или они тоже «недостаточно осведомлены» и «дезинформированы буржуазной пропагандой»? Или подкуплены НТС, ЦРУ, Би-Би-Си и «Голосом Америки»? Надеюсь, вы не докатились до такого абсурда.

Если бы они лгали, то КГБ и его филиалы с удовольствием возбудили бы против них дело о клевете — для этого даже не надо вводить исключительных законов по типу печальной ст. 190 УК РСФСР. Да и не покупается мужество.

Аргумент 2.

Если бы суд над Гинзбургом и его друзьями был законным, то не побоялись бы сделать его открытым. Овчаренко, правда, заявляет, что там присутствовали «представители предприятий и организаций, к которым в разное время имели отношение подсудимые». Но Литвинов и Якир утверждают, что это были клакеры. И я верю им, а не Овчаренко, так как собственными глазами видел аналогичный процесс над так наз. «украинскими националистами» в 1965 г. и слушал фантастически нелепые объяснения «открыто-закрытому» характеру суда от судейских чинов.

Если бы суд был законным, то «Комсомольская правда» напечатала бы письмо матери Гинзбурга и публично, с фактами налицо, с фактами, заверенными тем же Якиром или Литвиновым (не посмеют же они отрицать факты в виде протоколов обысков, протоколов суда, о которых пишет Л. И. Гинзбург), доказала бы неправоту её письма.

Но — увы! — прошли те времена, когда большевики гордо произносили: «Мы не боимся правды, так как она работает на нас!» Их побочные потомки (прямые уничтожены в сталинских застенках Берией), термидорианцы Октября, боятся правды. Самое большое, на что они способны, — это надёрганные и урезанные цитаты, произвольно скомпонованные.

А ведь только правдой можно было бы убедить и наше, и мировое общественное мнение, что суд был законен и справедлив. Ведь прошли времена наивного Фейхтвангера, который умудрился, присутствуя на процессе Радека, Пятакова, Сокольникова и др. поверить этой комедии (он до конца жизни не мог простить себе этого).

Лживость статьи видна и невооруженным прошлым опытом глазом. Газета утверждает, что Гинзбург и Галансков — «платные агенты НТС», что они соблюдали «глухую конспирацию», как и положено агентам антисоветской организации. И эта же газета в этой же статье пишет о том, что их «творения» выходили за рубежом *под их же фамилиями.* А конспирация? Да мыслимо ли это? Хотя бы врать научились за 40 лет термидора!

Овчаренко не решился среди фамилий «клюнувших на приманку» буржуазной пропаганды назвать фамилии подписавших «телеграмму пятнадцати», направленную Литвинову и Богораз-Даниэль — Бертрана Рассела, после смерти Ромэна Роллана олицетворяющего совесть Европы, *Игоря Стравинского,* Пристли и других, но не побоялся извратить последнее слово Ю. Галанскова — его слова об отсутствии у него желания прославиться.

Один только раз Овчаренко, кажется, сказал правду: «Советским читателям эти имена абсолютно ничего не говорят». Да, так же, как несколько лет тому назад молодым читателям ничего не говорила фамилия Булгакова, так до сих пор ничего не говорит фамилия Иванова-Разумника и многие другие фамилии. Мне жаль тех читателей, которые не знают, что на Руси живёт и творит великий русский писатель Солженицын, автор романов «Раковый корпус» и «В первом круге» и пьес «Свеча на ветру», «Олень и шалашовка». Мне жаль тех, кто подписал письма, напечатанные в «Комсомольской правде» от 28 февраля с.г. Они ведь так ничего и не поняли. Может, им будет стыдно впоследствии, как стыдно сейчас тем, кто шагал в многотысячных толпах и «гневно» требовал смерти соратникам Ленина. Ведь не все же они черносотенцы; скорее это потомки той старушки, которая подложила дровишек в костёр Яна Гуса. Дай Бог, чтобы они излечились от этой «святой простоты». Тогда не будет и костров...

Мне жаль тех, кто не знает и не хочет знать, что происходило и происходит на их Родине. Раскольников в своем письме к Сталину писал, что народ будет судить его за все, что он сделал с нашей революцией. Я надеюсь, что это время придет, когда будут судить и Сталина, и его лакеев по законам нашей страны, не попирая их. Так же, как и исказителей истины, как и вас, редакция «Комсомольской

правды», будут судить по законам чести. По этому закону вы уже заслужили презрение всех порядочных людей, как лакеи и лжесвидетели нашего времени.

(Март 1968, Киев.) Плющ, Л. И., математик, инженер

№ 40

Главному редактору «Литературной газеты» А. Чаковскому.

Гражданин А. Чаковский, я прочел в «Литературной газете» № 13 Вашу статью «Ответ читателю» и в ней, между прочим, такие строки: «... вместо того, чтобы поить и кормить подобных людей за народный счет в тюрьме или в исправительно-трудовых колониях...»

Вы в своей статье становитесь в позу человека с гражданской совестью, как будто Вы искренне озабочены судьбой и престижем нашей страны. Для человека, занимающего столь гражданственную позицию, даже незнание, неосведомленность не могут служить оправданием, — если Вы и не знали до сих пор, то могли, а значит, обязаны были знать, как именно поят и кормят в исправительно-трудовых колониях и за чей счет. Похоже, однако, что Вы этого и не пытаетесь представить себе, что Вас этот вопрос не интересует, а приведенные выше строки из Вашей статьи написаны Вами ради красоты стиля, для пущего обличения «преступников».

Не столько для Вас, сколько для Ваших читателей внесу уточнение к этим Вашим строчкам.

Заключенный в исправительно-трудовом лагере строгого режима (все политзаключенные содержатся именно на строгом режиме) получает в день 2400 калорий — норма семиодинадцатилетнего ребенка: утром порция (стакана два) жидкой постной баланды; в обед столько же щей из гнилой капусты и ложки две жидкой каши; вечером две ложки той же каши и кусочек вареной трески размером со спичечный коробок. На приготовление всех этих щей и каш вместе полагается в день 20 г. жира (не сливочного масла, конечно). К этому выдается 700 г. черного хлеба и 15 г. сахару в день. Вот и все.

Это общий паек. Для «строптивых» существует так называемая строгая норма питания — штрафной паек: утром

кружка кипятку, днем 400 г. щей и две ложки жидкой каши, вечером тот же кусочек отварной трески (без каши). Штрафные щи и кашу готовят отдельно: в них не полагается ни грамма жиру. Сахар тоже запрещен. Черного хлеба на весь день 450 г. Все вместе — 1300 калорий (норма для ребенка 1-3-х лет).

Вот так поят и кормят сегодня «подобных людей». А за чей счет — это разговор особый.

Заключенный в исправительно-трудовом лагере работает восемь часов в день, 48 часов в неделю. Это в исправительно-трудовом лагере Дубровлага сделан тот телевизор, который смотрит Ваша семья, и та радиола, по которой до Вас донесся (случайно, конечно) «Голос Америки«, Ваш мягкий диван и Ваш письменный стол. Но не думайте, что Ваша мебель достается легко тем, кто ее делает и кого «поят и кормят за народный счет». На «легком» мебельном производстве заключенные-грузчики (в том числе бывшие художники, писатели, научные и партийно-комсомольские работники) надрываются, вручную разгружая лес и камень; во вредных цехах, на полировке Вашего стола, быть может, Ваши бывшие коллеги навсегда теряют здоровье.

И за это — баланда, черный хлеб, недоедание изо дня в день на протяжении многих лет.

Это Вы имели в виду, когда писали, что народ «поит и кормит подобных людей»? Высок же тогда уровень Вашего гуманизма, писатель А. Чаковский!

Так ли поит и кормит народ — в том числе заключенные Дубровлага, Воркуты, Сибири и Казахстана — Вас и других писателей, «совесть народную»?

А может, высокий гражданский пафос Вашей статьи объясняется именно тем, что Вы получаете за нее немного больше, чем миску баланды и пайку черного хлеба?

Если Вам прикажут ответить на это мое письмо, Вы, вероятно, приведете примеры того, в каких условиях содержат заключенных в США или Китае. Вы могли бы не ограничивать себя этими двумя образцами, а сослаться на примеры Греции или Южной Родезии. Почему бы не сослаться и на гитлеровские концлагеря? Скорее всего, вы умолчите о сталинских концлагерях, хотя и призываете «обратить взоры в относительно недавнее прошлое».

Однако, как же все-таки обстоит дело *у нас и сегодня?*

Вот на что обратить бы прежде всего гражданский пафос такому высокопоставленному гражданину, как Вы!

Я бы хотел, чтобы это мое открытое письмо Вам дошло до моих сограждан не через «Голос Америки» или Би-Би-Си, а было бы опубликовано в Вашей газете. Только тогда можно было бы говорить о «совершенствовании социализма», и зарубежные идеологические враги не могли бы использовать приведенные здесь позорные факты в своих целях.

27 марта 1968 г. А. Марченко, грузчик
бывший политзаключенный

Г. Александров Владимирской обл., ул. Новинская, 27.

№ 41

Главному редактору «Литературной газеты» А. Чаковскому.

Копия: *Павлу Литвинову.*

В своем «Ответе читателю» («Лит. газета» № 13) Вы спрашиваете: «Почему я обязан верить Литвинову?»

А я — рядовой читатель — спрашиваю: — Почему я обязана верить Вам, Александр Чаковский, и «свидетелю» Броксу Соколову?

И вот *мой* ответ:

Позиция Литвинова принципиальна: считая процесс над Гинзбургом и Галансковым опасным беззаконием, он совершенно бескорыстно, более того, рискуя многим, борется за необходимость соблюдения элементарных правовых норм.

У Вас, обладающего, как видно, короткой памятью, конечно же, «нет никаких оснований не доверять суду». Вы с готовностью называли и называете черное белым, а белое — черным, исповедуя лишь один «принцип» — сохранение своего положения и связанных с ним привилегий.

А наемник Брокс Соколов попросту ложью спасал свою шкуру.

Вот почему, лишенная информации о процессе, я верю Литвинову и не верю Вам и Броксу Соколову.

27 марта 1968 г. Л. Коган, киноработник

Москва, А-55, Угловой пер. д. 2, кв. 125.

№ 42

Главному редактору «Литературной газеты»

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Гражданин Чаковский.

В «Литературной газете» № 13 я прочел «Ответ читателю», опубликованный за Вашей подписью. Несомненно, это одно из самых значительных Ваших произведений, хотя бы потому, что оно лаконично.

Ваша статья поднимает вопросы, вызывающие широкий интерес, и я хочу воспользоваться своим правом читателя на ответ.

Я не собираюсь полемизировать с Вами, поскольку наши нравственные критерии различны. Я не нахожу возможным спорить с человеком, чьими духовными наставниками в вопросах морали являются, вероятно, сотрудники внутренней службы госбезопасности (быть может, существует добровольная обратная связь).

Поэтому я пытаюсь лишь кое в чем дополнить то «главное», о чем Вы умолчали, и высказать некоторые сугубо личные суждения.

«Основное, что нам известно», Вы почти целиком переписали из «Комсомольской правды», но я уверен, что Вам была доступна и другая информация.

Не худо было бы пролить свет на позиции адвокатов и обвиняемых, раз Вы беретесь обсуждать вопрос по существу.

Я хочу отметить следующее:

Гинзбург и Галансков своей вины не признали, т. к. фактически такой не было целиком в отношении Гинзбурга и в основном в отношении Галанскова.

Об этом убедительно говорили и адвокат Галанскова Каминская, и адвокат Гинзбурга Золотухин.

Коммунист Золотухин легко отмел все пункты обвинения и впервые в истории политических процессов в нашей стране потребовал оправдания подзащитного по существующим в нашем государстве законам. Это тем более знаменательно, что на процессах такого рода адвокаты всегда фактически поддерживали обвинение.

Я не буду снова и снова анализировать подробности процесса. Это сделано без меня. Остановлюсь на проблеме

«свободных мест» в зале суда, т. к. этому Вы уделяете подозрительно много места.

Я не был в Москве в это время, но пытался недавно попасть на политический процесс, заканчивающийся сейчас в Ленинграде.

Повидимому, на этом процессе обвинению легко доказывать свою правоту на основании существующих государственных законов, и, по слухам, обвиняемые полностью признали свою вину.

Но даже на такой процесс, несмотря на официальный запрос, направленный зам. председателя Ленгорсуда Позднякову, ни я, ни ряд других известных мне людей попасть не смогли. Пропускали в зал по кускам красного картона (бог знает, кто эти пропуска выдает).

Могу с ответственностью заявить, что свободные места в зале были, но к тем, кто упорно добивался впуска в зал заседаний подходили люди в штатском, казалось, отмеченные какой-то общей печатью, и рекомендовали «убраться».

Я убежден, что Вы отлично знаете всю эту «химию». Но факты, не соответствующие занятой Вами позиции, Вы отметаете, а поскольку большинство фактов относится именно к такому разряду, то Вам приходится заниматься хорошо известными внимательному читателю вещами: приводить письма «возмущенных» граждан и целых «возмущенных» организаций. Все идет по недоброй памяти известным образцам. Но вот читаю любопытную фразу: «Почему я должен верить Литвинову и его прокламациям». В такой форме эти строки воспринимаются как донос.

Мне неизвестны прокламации Литвинова, но я читал и слышал «Обращение к советской и мировой общественности», подписанное Л. Богораз и П. Литвиновым, обращение к Консультативному совещанию в Будапеште, под которым, кроме двух указанных подписей, стоит еще десять.

Быть может, Вы, действительно, знаете какие-нибудь прокламации. Чтобы Вам порадовать нас: опубликовать хотя бы одну из них, а потом обрушиться на нее со всем талантом «инженера человеческих душ», вскрыть ее тупость, глупость, несвоевременность и империалистическую сущность.

Да, гражданин Чаковский, даже на это Вы не способны. Вы не можете высказаться «по существу» затронутых вопросов, хотя это и обещано в начале статьи, ибо «по суще-

ству» статья направлена против поименованных Вами нескольких сотен представителей московской интеллигенции; их аргументов Вы не приводите, т. к. нужно было бы опубликовать их письма.

Ваше плохо скрываемое возмущение по поводу того, что письма интеллигенции, «адресованные советским организациям с поразительной синхронностью, а иногда даже с опережением попадают в Америку, Англию и ФРГ», понятно. Действительно, неудобно как-то. Но неудобство для Вас состоит лишь в том, что, как и все дети тьмы, Вы боитесь бледного луча света, который, отражаясь от «Запада», возвращается вовнутрь.

Обратите внимание, гражданин Чаковский, Вы сами сообщаете, что письма направлены в советские организации, а «Запад» лишь информирует советских граждан, что подобный факт имел место. Содержание любого такого письма вряд ли является секретом. Но почему же именно радиостанции Англии, Америки и ФРГ стали передаточным звеном между народом и частью его интеллигенции (в том, что передачи этих радиостанций слушают миллионы советских людей, Вы, надеюсь, не сомневаетесь). Может быть, «Литературная газета», всегда так подробно освещающая процессы даже над фашистскими преступниками, поместила хоть одно из писем, протестующих против судебной расправы над Гинзбургом и Галансковым, хотя бы в порядке полемики.

Я отвечу: «Литературная газета» не сделала этого, но охотно в свое время опубликовала письма такого рода:

«Пастернак получил широкую известность, как Иуда, а мы, советские люди, остаемся со своей родной советской литературой» (Мамонтов, рабочий).

А может быть, были опровержения по поводу подобных творений, может быть, было сообщение, что за подобный позор редакция понесла суровое наказание? Нет.

Так неча на зеркало пенять...*

Мне забавно было читать Ваше объяснение по поводу того факта, что на защиту осужденных встали зарубежные писатели. Вы считаете, что они не имеют иммунитета против лжи, мне же кажется, что в отношении Вас у них нет никаких иллюзий. У меня и моих единомышленников, как видите, тоже.

---

* Русская пословица: Неча на зеркало пенять, коли рожа крива.

По Вашему мнению, в тюрьмах и лагерях политических заключенных поят и кормят за народный счёт.

Я хотел бы только выразить Вам свое личное презрение за эти строки, но не буду подробно касаться этой темы — с этой стороны как эпистолярная собственность Вы всецело принадлежите перу бывших и настоящих политзаключенных концлагерей от Сталина до 1968 года — *Года прав человека.*

В своей статье Вы занимаетесь (заодно со своим коллегой Ф. Овчаренко из «Комсомольской правды») духовным растлением граждан, которые обращаются к Вам за пояснениями.

Настанет время, когда поимённо будут вспоминать тех, кто творил, поощрял и оправдывал произвол, и тогда вспомнят и о Вас.

4 апреля 1968 года.
Ленинград.

Лев Квачевский,
инженер-химик.

№ 43

Редактору «Литературной газеты»
А. Чаковскому.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

«...и мы из рабов дезинформации станем хозяевами информации».
(Дж. Пирс. Символы, сигналы, шумы.)

Товарищ Чаковский! Позвольте поблагодарить Вас за статью «Ответ читателю». Благодаря ей я узнал интересные факты об условиях, в которых проходил процесс над Галансковым, Гинзбургом, Добровольским и Лашковой. Я, например, раньше и предположить не мог, что на заводе «Шарикоподшипник» такой здоровый, сплочённый и единодушный коллектив. Подумать только, какая целеустремлённость и общность интересов. Заинтересовался коллектив завода процессом и добился присутствия в зале суда тридцати наиболее достойных своих представителей. Не отстали от коллектива завода «Шарикоподшипник» и преподаватели I-го Московского Медицинского и Автодорожного институтов, а также ученые института Минерального сырья.

Поражает единодушие иностранных корреспондентов.

Они единодушно ждали приглашения и, разумеется, единодушно не смогли попасть на процесс, так как, очевидно, не проявили такой организованности, как советские граждане, которые для лучших представителей своих производственных коллективов заблаговременно подали коллективные заявки на посещение суда, не ожидая приглашений.

Правда, есть и у нас еще неорганизованные и недисциплинированные люди, но они, также по причине своей неорганизованности, на процесс не попали, так как, учитывая большой интерес общественности, к процессу, в зал суда, кроме родственников обвиняемых и свидетелей, допускали только по коллективным заявкам от лучших коллективов. Но раз в зале собралась такая элита из образцовых коллективов, то у кого же могут возникнуть сомнения, дружинники они или нет. Конечно, вся эта публика активно участвует в работе народных дружин, иначе они не были бы самыми лучшими. Ну, а дружинники всегда и везде призваны поддерживать порядок и помогать органам милиции и, разумеется, органам госбезопасности. Ни для кого не является секретом, что дружинники всегда получают соответствующий инструктаж. Как же эти люди могли протестовать против действий организаторов процесса, если они призваны их поддерживать? Ведь протест — это беспорядок. Теперь ясно, почему в зале не видно было лиц, подписавших протесты. И как это Л. И. Богораз-Даниэль и П. М. Литвинов в своем обращении посмели заявить, что зал суда наполнен специально подобранной публикой, сотрудниками КГБ и дружинниками?

Правильно, товарищ Чаковский, нам незачем брать пример с маоистов. Пусть лучше они учатся у нас. Ведь послужил же им образцом культ личности Сталина. Незачем устраивать процессы на стадионах. Но не следует забывать, что XX век — век кино, радио и телевидения, а не век инквизиции. И если даже стадион не сможет вместить всех желающих присутствовать на процессе, то мест у экранов кино и телевизоров хватит всем.

Большое Вам спасибо, товарищ Чаковский, за Вашу заботу о советских налогоплательщиках. Я по своей темноте не знал, что часть налогов идет на содержание заключённых. Ведь об этом у нас никогда не писали. А я-то думал, что все комсомольские стройки и стройки коммунизма построены заключёнными, а они, очевидно, бездельничают,

благодаря попустительству тюремных властей. Какая явная ложь! Вот уж заодно оболгали Вы и власти, и заключённых. Не верю я Вам. Нет у меня оснований верить ни Вам, ни печати, печатающей статьи, подобные Вашей, которые вызывают сомнений больше, чем разрешают, ни суду, скрывающему дела свои от глаз людских.

Честные и мужественные люди действуют открыто и смело, так, как это сделали Л. И. Богораз-Даниэль и П. М. Литвинов. Ведь публикация материалов дела или его пересмотр изобличат их в клевете, если их обращение — ложь. Как же можно требовать собственного разоблачения?

Поэтому я верю им, а не Вам и авторам статей, подобных Вашей, которые ни в коей мере не заменят публикации материалов дела.

Статьи, подобные Вашей, не требующие для их публикации ни таланта, ни мужества, не развеют подозрений, а лишь усилят их и сведут на нет все усилия контрпропаганды и, возможно, даже вызовут противоположную реакцию.

А между тем умы ученых сейчас заняты политическими процессами в ущерб науке, а это уже нанесло непоправимый ущерб нашей родине.

Да, прав был Грэм Грин, сказав, что не звонят в ваших ушах никакие колокола.

Поздравляю Вас с Первым Мая.

27 апреля 1968 г.
г. Одесса 5, ул. Индустриальная, д. 44, кв. 4

Л. Н. Тымчук,
матрос.

№ 44

Главному редактору «Литературной газеты» А. Чаковскому.

Ответ читателя.

Можно соглашаться или не соглашаться с Вашей статьей «Ответ читателю». Однако это не однообразный доклад, стандартное выступление по бумажке, а живая, разговорная речь. Какой контраст, скажем, с выступлением Тельпугова («Литературная газета» за 3. 4. 68 г.). Одна и та же сотня слов. Чувствуется, что Вы спорите с человеком, уважая его мнение, и, как опытный литератор, понимаете, что

взгляды на общественные, социальные и политические стороны нашей жизни и у наших граждан могут не совпадать между собой, несколько расходиться с официальной точкой зрения, быть общими, скажем, на 99,97%. Это не страшно, если у всех нас, даже у «инакомыслящих», одна и та же цель: социалистический, ленинский, демократический путь развития нашей Родины.

Тема Вашей статьи — защита официальной версии суда над Александром Гинзбургом, Юрием Галансковым, Верой Лашковой: одного из недавних процессов над молодыми писателями. Так как доводы о поддержке процессов отдельными гражданами и даже группами отпадают, вернее, уравновешиваются протестами. Вот здесь полностью справедливо применение упоминаемого Вами компромиссного принципа: 50 на 50. С обеих сторон есть и кандидаты, доктора наук, писатели и другие уважаемые люди нашей страны, групповые протесты. Однако заявления протестующих не были опубликованы, имена их не названы. Разве справедливо такое положение? Положение, когда только одна категория лиц обладает преимущественным правом излагать свое мнение. В то время как и те, так и другие являются высокообразованными и, безусловно, лояльными гражданами нашей страны.

Сейчас некоторые выступают против осуждённых. Это так просто и совершенно безопасно. Но я никогда не пойму, как можно топтать сбитых с ног, лишенных возможности защищать себя. Как можно было вообще осудить Синявского и Даниэля за неугодные кому-то художественные произведения, да еще на такие сроки?

Что я знаю о процессах Синявского и Даниэля, А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, В. Буковского? Несколько газетных статей, где приводились только аргументы обвинения. А где выступления обвиняемых, защиты? Согласитесь, что это самое элементарное условие объективного освещения судебных разбирательств.

На эти и подобные им вопросы не даны до сих пор деловые, убедительные ответы.

«Антисоветчики». Это очень тяжкое обвинение, эквивалентное термину «враги народа» периода кровавой сталинской диктатуры.

Обращение-протест П. М. Литвинова и Л. И. Богораз-Даниэль, содержащее факты грубого нарушения социалис-

тической законности на январском процессе молодых писателей.

В результате — моё твердое личное мнение: учитывая огромный общественный интерес к процессам писателей, глубокие сомнения и тревогу, испытываемые самыми различными гражданами нашей страны относительно характера судебных заседаний, я настаиваю на проведении нового судебного разбирательства дел Синявского и Даниэля, А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, Веры Лашковой, В. Буковского, на основании строгого соблюдения норм социалистического судопроизводства, на объективной информации в печати, по радио и телевидению.

Только таким образом, в атмосфере терпимости, недопустимости трагических ошибок нашего прошлого, неприменения административных мер к подписавшим протесты, разрешатся все противоречия, вызванные этими процессами. Это будет достойным ответом на все зарубежные кривотолки относительно свобод и демократичности моей Родины.

У меня нет веских оснований сомневаться в искренности намерений П. М. Литвинова и Л. И. Богораз-Даниэль. Уверен — это люди большой культуры и гражданского мужества. Высокая ученая степень доктора П. М. Литвинова — лучшее свидетельство в пользу его личных качеств*.

Их «прокламации», как Вы выражаетесь, результат невозможности выступить в печати. Результат неопубликования письма матери А. Гинзбурга в защиту сына в редакцию «Комсомольской правды». Вот она, объективность! О какой рекламе может быть речь? До неё ли Л. И. Богораз-Даниэль, женщине, у которой столько личного горя? Доктор П. М. Литвинов нуждается в ней? Может быть, я, рабочий, пишу это письмо и грежу наяву: моё имя на страницах буржуазных газет? Чушь какая-то!

Я просто хочу, чтобы нас объективно информировали обо всём, что происходит в мире и внутри страны, без излишнего упора на идеологическую борьбу, в ущерб фактам. На протяжении февраля-марта — полное молчание о колоссальных политических событиях в Чехословакии, недостаточно полное освещение недавних событий в Польше. Потери во Вьетнаме несут не только американские и южно-

* По-видимому, автор письма основывается здесь на ошибочной информации зарубежного радио. В действительности, у П. М. Литвинова нет докторской степени.

вьетнамские войска. Это уж совсем по-детски. Из номера в номер словесная война, идеологическая борьба со своими и чужими. Как она еще не надоела Вам, редакторам. Каждый день одно и то же.

Сообщая о тревожных фактах возрождения нацизма в Западной Германии, расовой дискриминации в США и ЮАР, наша печать в то же время полностью прекратила десталинизацию. Или Вы думаете, мы забыли о катастрофе 1941 года, о кровавом кошмаре 30-их годов. Никогда. Как никогда не поверю, что писатель А. Солженицын, смелый и мужественный человек, всю войну проведший на фронте, награждённый боевыми орденами, был предателем.

Несомненно, эти кривотолки на 100% состоят из «дела», состряпанного сталинско-бериевскими палачами, по которому капитан А. Солженицын в феврале 1945 года был посажен в концлагерь. XX и XXII съезды КПСС полностью восстановили доброе имя его и тех, кто выжил. О каких «ошибочных» реабилитациях может быть речь? Вздор.

Почему вы, писатели и журналисты, молчите об этом? Это ваш коллега. Может быть, капитан А. Солженицын тоже «антисоветчик»? Или прав писатель Грэм Грин, сказав, что в ваших ушах не звонят никакие колокола...

Всего Вам доброго.

29 апреля 1968 г.
Г. Одесса.

Крюков В. Н., 1930 г. рожд.,
токарь.

Иную оценку, чем в официальной советской печати, получили суд, протесты советской общественности и репрессивные действия властей в нецензурованном машинописном журнале «Год Прав Человека в Советском Союзе», издаваемом и распространяемом анонимно.

№ 45

I.

10 декабря 1968 года исполнится 20 лет со дня принятия Генеральной Ассамблеей ООН Декларации Прав Человека.

10 декабря 1967 г. во всем мире начался Год Прав Человека.

11 декабря в Москве должен был начаться судебный процесс по делу Юрия *Галанскова*, Александра *Гинзбурга*,

Алексея *Добровольского* и Веры *Лашковой*. Однако, процесс был отложен и начался только 8 января 1968 г. Всем четверым было предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда), а Галанскову дополнительно по ст. 88 УК РСФСР (незаконные валютные операции). Все четверо арестованы в январе 1967 г. и провели в Лефортовской тюрьме до суда почти год, в нарушение ст. 97 УПК РСФСР, по которой максимальный срок содержания под стражей не может превышать девяти месяцев.

Юрий Галансков, 1939 г. рождения, перед арестом работал рабочим в Государственном литературном музее и учился на втором курсе вечернего отделения Историко-архивного института. Составил и выпустил машинописный литературный сборник «Феникс-66». Стихи Галанскова печатались в первом «Фениксе» (1961 г.) и ходили отдельно в списках.

Александр Гинзбург, 1936 г. рождения, также работал рабочим в Гослитмузее и учился на первом курсе вечернего отделения Историко-архивного института. Составил сборник материалов по делу Синявского и Даниэля (так называемую «Белую книгу») и отправил его в ноябре 1966 г. депутатам Верховного Совета СССР и в Комитет государственной безопасности при СМ СССР. В 1960 г. привлекался органами КГБ в связи с выпуском поэтических сборников «Синтаксис» (три номера), а осуждён был по ст. 196 ч. I УК РСФСР (подделка документов), получил по этой статье два года исправительно-трудовых лагерей — максимальный срок, несмотря на незначительность преступления (подделка справки для сдачи экзаменов за товарища) и полное отсутствие корыстных мотивов в его действиях. Отбывал наказание в лагерях Коми АССР. В 1964 году КГБ снова предпринял попытку возбудить против Гинзбурга дело по ст. 70, инкриминируя ему хранение «антисоветской» литературы, но дело было прекращено за отсутствием состава преступления.

Алексей Добровольский, 1938 г. рождения, работал переплетчиком в Государственном литературном музее, учился на первом курсе Московского института культуры. В 1957 г. был осужден по ст. 58^{10} УК РСФСР (нынешняя ст. 70) на 6 лет исправительно-трудовых лагерей. Отбывал наказание в Потьме Мордовской АССР. Освобождён из лагеря в 1961 г. В 1964 г. снова был привлечён к уголовной ответственности,

судебно-психиатрической экспертизой был признан невменяемым (с диагнозом «шизофрения») и отправлен в специальную тюремную психиатрическую больницу в Ленинграде. В сборнике «Феникс-66» опубликована статья Добровольского «Взаимоотношения знания и веры».

Вера Лашкова, 1945 г. рождения, перед арестом работала машинисткой в МГУ и училась на втором курсе Института культуры.

Судебный процесс продолжался пять дней (8-12 января), было допрошено 25 свидетелей, суду были предъявлены вещественные доказательства (книги и брошюры НТС, деньги и шапирограф, изъятые при обыске у Добровольского; два машинописных экземпляра сборника «Феникс-66», изъятые при обысках у Галанскова и Гинзбурга; «Белая книга», выпущенная за границей в марте 1967 г.; несколько машинок, на которых перепечатывались материалы «Белой книги» и «Феникса»).

Процесс формально был открытым, но вход на него был по пропускам. В ноябре 1967 г. в Мосгорсуд было отправлено письмо со 116 подписями, авторы которого, ссылаясь на существующую практику закрытого доступа на открытые процессы, заранее просили обеспечить им возможность присутствовать на этом процессе. Ни одному из подписавших письмо такой возможности не было предоставлено — практика распределения пропусков на процесс до сих пор остается не совсем ясной. Известно только, что кроме большого числа работников КГБ и членов комсомольских оперотрядов, а также немногих представителей юридической общественности (так, на Московскую коллегию адвокатов было выдано всего два пропуска), остальная часть публики в основном получала пропуска в райкомах КПСС.

Ближайшие родственники (родители, сестра и жена Галанскова, невеста Гинзбурга, мать Добровольского, мать Лашковой, а также — после дачи свидетельских показаний, т. е. к концу третьего дня процесса, — мать Гинзбурга и жена Добровольского) присутствовали в зале суда. Сестра Галанскова на второй день суда (и до конца процесса) была не допущена в зал после того, как вышла на несколько минут подышать свежим воздухом (Елена Галанскова была беременна), якобы за общение с недопрошенными свидетелями.

Большое число людей, несмотря на морозы, собиралось

около здания суда, особенно к концу судебных заседаний. Наибольшее количество — человек 100 (не считая иностранных корреспондентов и огромного количества стукачей) собралось в последний день, к объявлению приговора.

Суд (прокурор Терехов, судья Миронов) приговорил Юрия Галанскова к 7 годам лишения свободы с отбыванием наказания в лагерях строгого режима, Александра Гинзбурга — к 5 годам, Алексея Добровольского — к 2 годам, Веру Лашкову — к 1 году.

Адвокаты всех четырех осужденных подали кассационные жалобы.

Кассационное разбирательство в Верховном Суде РСФСР состоялось 16 апреля 1968 г. (прокурор Терехов, судья Остроухова). Приговор Мосгорсуда оставлен в силе.

Лашкова освобождена 17 января 1968 года, отбыв полный срок наказания. Остальные трое подсудимых до самого кассационного суда содержались под стражей в Лефортовской тюрьме (таким образом, ст. 97 УПК РСФСР продолжала нарушаться).

II.

Московский процесс вызвал широкие отклики в кругах советской общественности. Первым из них было написанное еще во время процесса обращение Ларисы Богораз и Павла Литвинова «К мировой общественности», рисующее атмосферу беззакония на процессе и вокруг него и требующее публичного осуждения этого позорного процесса, наказания виновных, освобождения подсудимых из-под стражи и повторного разбирательства с соблюдением всех правовых норм и в присутствии международных наблюдателей. После вынесения приговора и окончания процесса в советские судебные, государственные и партийные организации, а также в органы печати (в основном, в ответ на появившиеся в некоторых газетах статьи) был направлен ряд коллективных и индивидуальных писем. Общее число людей, подписавших эти письма, к настоящему времени составляет около 700 человек.

А. Перечень основных материалов советской прессы, посвященных процессу.

1. Из зала суда. «Веч. Москва», 14. января 1968 г.

2. Т. Александров, В. Константинов. Затянутые одним поясом. «Известия», 16 января 1968 г.
3. Ф. Овчаренко. В лакеях. «Комс. правда», 18 января 1968 г.
4. Без снисхождения! (Обзор писем читателей). «Комс. правда», 28 февраля 1968 г.
5. А. Чаковский. Ответ читателю. «Лит. газета», 10 марта 1968 г.

Б. Описание важнейших писем.

1. Письмо Генеральному Прокурору СССР и в Верховный Суд РСФСР об отсутствии гласности на процессе, о вмешательстве органов госбезопасности в обстановку суда и о том, не явилось ли обвинение в связи с НТС прикрытием расправы за легальные, но неугодные КГБ действия подсудимых. Письмо требует пересмотра дела при новом составе суда, при соблюдении всех норм судопроизводства, при полном обеспечении гласности, а также привлечения к ответственности лиц, виновных в грубом нарушении законности. 80 подписей.

2. Письмо Генеральному Прокурору СССР и в Верховный Суд РСФСР с приложением обращения Богораз и Литвинова, к которому подписавшиеся полностью присоединяются. В письме говорится о фактически закрытом характере суда, о тенденциозности суда и приговора, об усилении произвола на политических процессах. Письмо требует пересмотра дела с соблюдением подлинной гласности и всех правовых норм, в присутствии представителей общественности из числа подписавшихся, а также наказания виновных в организации процесса и дискредитации советского законодательства. 224 подписи (По первоначально собранному количеству подписей известно как «письмо 170-ти»).

3. Письмо Л. И. Брежневу, А. Н. Косыгину, Н. В. Подгорному, Генеральному Прокурору СССР Р. А. Руденко об отсутствии гласности во время процесса и о туманных, противоречивых газетных статьях в «Известиях» и «Комсомольской правде», о том, что «открытые» процессы последних лет напоминают «открытые» процессы тридцатых годов. Письмо требует нового, гласного и объективного рассмотрения дела — в интересах истины и законности, в интересах престижа социалистического государства, во имя

справедливости и гуманности. 24 подписи — в основном, членов Союза писателей.

4. Письмо 10 ленинградцев в редакции газет «Правда», «Известия», «Морнинг Стар», «Юманите», «Унита», содержащее поддержку обращения Богораз и Литвинова и требование пересмотра дела. Одновременно письмо обращает внимание на содержание в Ленинграде в тюрьме без суда около года группы ленинградских интеллигентов и выражает опасения относительно соблюдения законности на предстоящем суде над ними.

5. Письмо Л. И. Брежневу, А. Н. Косыгину, Н. В. Подгорному, Председателю Суда СССР А. Ф. Горкину и Генеральному Прокурору СССР Р. А. Руденко о несправедливости суда над Гинзбургом, дело которого воспринимается как прямое продолжение суда над Синявским и Даниэлем, а приговор и обвинение в связи с НТС — как попытка расправиться с составителем сборника материалов по их делу. Письмо требует немедленного пересмотра дела. 120 подписей.

6. Письмо Генеральному Прокурору СССР и в Верховный Суд РСФСР от группы научных работников, инженеров, аспирантов из Новосибирска. Письмо выражает тревогу по поводу нарушения принципа гласности и требует отмены приговора, пересмотра дела и привлечения к ответственности виновников нарушения гласности и законности. 46 подписей.

7. Письмо Л. И. Брежневу, А. Н. Косыгину, Н. В. Подгорному от группы украинских интеллигентов и рабочих. В письме осуждается практика нарушений законности и гласности. 139 подписей.

8. Письмо родственников и друзей подсудимых главному редактору и в партком газеты «Комсомольская правда» о лживости статьи Ф. Овчаренко «В лакеях» с требованием открытого обсуждения статьи в редакции или в Союзе журналистов.

9. Открытое письмо в редакцию газеты «Комсомольская правда» О. Тимофеевой (жены Галанскова), подробно опровергающее лживую информацию Ф. Овчаренко.

10. Письмо Л. И. Гинзбург (матери Гинзбурга) в «Комсомольскую правду» о клевете автора статьи «В лакеях» на А. Гинзбурга с требованием проверки и опровержения статьи.

11. Письмо 10 друзей и знакомых Гинзбурга главным редакторам газет «Правда», «Известия» и «Комсомольская правда» с опровержением статей в «Известиях» и «Комсомольской правде».

12. Письмо 13 свидетелей, выступавших на процессе, о нарушении ст. 283 УПК РСФСР, которая требует присутствия свидетелей в зале заседаний до конца судебного следствия, в то время как судья и «комендант суда» грубо удаляли свидетелей сразу после дачи показаний. Письмо адресовано Председателю Мосгорсуда, Председателю Верховного Суда РСФСР, Председателю Верховного Суда СССР, Прокурору РСФСР и Генеральному Прокурору СССР.

13-14. Письмо Л. И. Брежневу, А. Ф. Горкину, Р. А. Руденко и Президенту АМН СССР Блохину, написанное З. М. Григоренко, в котором она протестует против отклонения вызова на суд свидетелем ее мужа П. Г. Григоренко, которое мотивировалось фальшивой справкой о его психической невменяемости. Письмо самого П. Г. Григоренко в Верховный Суд РСФСР с изложением показаний, которые он не смог дать на суде и содержанием которых было происхождение денег, найденных у Добровольского.

Здесь перечислены письма с наибольшим количеством подписей и письма людей, наиболее близких к суду и подсудимым и наиболее осведомленных о существе дела. Кроме них, существует большое количество индивидуальных и коллективных (до 8 подписей) писем-протестов. В качестве наиболее содержательных можно назвать обращение *И. Габая, Ю. Кима, П. Якира* «К деятелям науки, культуры, искусства», в котором политические процессы последних лет ставятся в прямую связь с другими явлениями реталинизации в нашей стране; заявление Председателю Верховного Суда РСФСР *А. Э. Левитина (Краснова)*, выступавшего свидетелем на этом процессе и на процессе Буковского, — он указывает на ограничение свободы слова и совести как на причину действий Галанскова и Гинзбурга и требует освободить обоих молодых людей; письмо в ЦК КПСС председателя колхоза «Яуне Гварде» Латвийской ССР члена КПСС *И. А. Яхимовича* об огромном вреде подобных судебных процессов и преследовании инакомыслящих для нашей страны; письмо члена КПСС, члена Союза писателей *Л. З. Копелева* в Секретариат ЦК КПСС о том,

что прошедший процесс — новая попытка «подкрепить» идеологическую борьбу и политико-воспитательную работу репрессиями, что наносит вред нашей культуре, престижу и, в конце концов, самой государственной безопасности, — Копелев требует пересмотреть вредные судебные решения, отстранить от работы лиц, ответственных за эти судебные процессы, предать гласности материалы процессов, отстранить ведомства охраны общественного порядка, госбезопасности, прокуратуру и суд от вмешательства в культурную жизнь; письмо *В. М. Воронина* из Арзамаса главному редактору газеты «Известия» о безнравственности и бездоказательности статьи Т. Александрова и В. Константинова, об искажении в ней одних фактов и замалчивании других; письмо переводчика *А. Якобсона,* который доказывает лживость статей «В лакеях» и «Затянутые одним поясом», не имея дополнительной информации, а только детально анализируя их собственный текст; письмо инженера-математика *Л. Плюща* из Киева в редакцию газеты «Комсомольская правда», в котором он объясняет, почему он верит «самиздатовским» документам, а не официозным статьям о процессе.

Ни на одно из писем не последовало ответа.

III.

Неслыханный размах движения протеста вызвал ряд мер репрессивного характера.

1. В начале февраля 1968 г. Л. И. Гинзбург, Ирина Жолковская (невеста А. Гинзбурга) и Ольга Тимофеева (жена Ю. Галанскова) были вызваны в прокуратуру г. Москвы. (Так как по закону явка обязательна при вызове свидетеля, а повестки не указывали ни цели вызова, ни последствий неявки, О. Тимофеева на вызов не явилась). С *Л. И. Гинзбург и И. Жолковской* была проведена «профилактическая беседа» о том, что они якобы распространяют ложные сведения о процессе. В конце беседы была высказана угроза применения статьи 190[1] УК РСФСР.

Вслед за этим для подобных же «профилактических бесед», но уже в КГБ были вызваны *Л. Богораз, П. Г. Григоренко, П. Литвинов, П. Якир.* (Литвинов не явился ни по первому, ни по повторному вызову, после чего уже в марте был вызван в прокуратуру г. Москвы). Содержание бесед

было однозначным: всех вызванных предупреждали о том, чтобы они прекратили свою «антиобщественную деятельность». Петру Якиру, сыну *расстрелянного в 1937* г. командарма Ионы Якира заявили: «Не вы духовный наследник вашего отца! Мы — его духовные наследники!» Ларисе Богораз, которая сказала, что она не будет разговаривать, пока ей не дадут сделать заявления о грубых беззаконных преследованиях по отношению к бывшему политзаключенному Анатолию Марченко, сказали, что это заявление — еще одно проявление её «антиобщественной деятельности». П. Г. Григоренко изложил проведенную с ним длинную, полную угроз беседу в письме на имя Председателя КГБ Ю. В. Андропова — на это письмо он тоже не получил ответа.

2. 14-15 февраля двое из активных участников протестов кандидат физико-математических наук Александр Вольпин и переводчик Наталья Горбаневская были подвергнуты принудительной госпитализации в психиатрическую больницу.

Н. Горбаневская, без предупреждения и без ведома родных, 15 февраля была перевезена из 27 роддома, где она лежала на сохранении беременности, в 27 отделение больницы им. Кащенко. Решение о переводе было принято с участием дежурного психиатра Тимирязевского района, а основанием для перевоза были названы просьбы больной о выписке. 23 февраля Горбаневская была выписана из больницы им. Кащенко, так как психиатры признали, что она не нуждается в лечении.

А Вольпин был взят 14 февраля из дома с помощью милиции при участи дежурного психиатра Ленинградского района Альберта Матюкова. Основанием было названо то, что Вольпин давно не был в психдиспансере, где он состоит на учете (и куда за предыдущие четыре года он ни разу не был вызван). Он был помещен в 3-е отделение больницы им. Кащенко, где подвергся грубому обращению со стороны зав. отделением А. А. Казарновской и лечащего врача Леона Христофоровича (не назвавшего свою фамилию). 16 февраля по распоряжению, подписанному главным психиатром г. Москвы И. К. Янушевским, Вольпин был переведен в больницу № 5 на ст. Столбовая в 70-ти км от Москвы (в этой больнице, в основном, содержатся хроники, а также направленные на принудительное лечение мелкие уголов-

ники). Обращение его родных к И. К. Янушевскому осталось без ответа. Только после обращения к министру здравоохранения СССР академику В. В. Петровскому сначала академиков А. Н. Колмогорова и П. С. Александрова, а затем еще 99-ти ученых (в том числе крупнейших советских математиков — академиков, профессоров, лауреатов Ленинской премии) положение Вольпина было несколько улучшено — в настоящее время он снова в больнице им. Кащенко, но в 32-м отделении, более спокойном, чем 3-е.

Единственным официальным основанием подобных действий может явиться инструкция «О неотложной госпитализации психически больных, представляющих общественную опасность» (сб. «Законодательство по здравоохранению», т. 6, М. 1963). Но, во-первых, только официальным, а не законным, так как сам факт насильственной госпитализации противоречит ст. ст. 58-60 УК РСФСР, по которым принудительные меры медицинского характера назначаются судом. Госпитализация же людей в качестве «общественно опасных» прямо противоречит основному принципу законности — принципу презумпции невиновности, так как социально опасным признается лицо, совершившее преступление, что может быть установлено только приговором суда. Во-вторых, и эта достаточно жестокая и незаконная инструкция грубо нарушалась. По прибытии в больницу в течение 24-х часов направленного должна осмотреть комиссия из трех человек, чего не было ни в случае Вольпина, ни в случае Горбаневской. Не были извещены родные, что тоже обязательно по инструкции. Наконец, комиссия, назначенная после писем математиков, установила только, что Вольпин нуждается в лечении, и частично улучшила ему условия содержания в больнице. По инструкции же, эта комиссия и так должна раз в месяц осматривать больного и при этом давать заключение не о том, болен ли он вообще, а о том, продолжает ли его заболевание носить «общественно опасный» характер, — если нет, больного выписывают на попечение родных. Очередная комиссия, состоявшаяся 17 апреля, также заявила о том, что Вольпину еще месяца полтора надо «полечиться».

3. Следующая, пока что наиболее широкая волна репрессий коснулась членов партии, подписавших те или иные письма. Во все райкомы партии были направлены копии или фотокопии писем (в том числе и таких, авторы которых

адресовались только в суд и прокуратуру, не направляя даже копии письма в ЦК КПСС). По спискам подписей райкомы выискивали своих членов партии. Мера почти ко всем применялась одна и та же — исключение из партии, вне зависимости от того, рассматривалось ли вообще дело на собрании парторганизации*.

. . . . . .

Одновременно с тем, как начали исключать из партии участников компании протестов, был исключен из партии и адвокат *Б. А. Золотухин,* защитник Гинзбурга, — «за непартийную, несоветскую линию защиты». В своей защитительной речи адвокат убедительно опроверг все доводы обвинения и — впервые за многолетнюю практику политических процессов — потребовал полного оправдания своего подзащитного. После исключения из партии Б. А. Золотухин снят с должности зав. юридической консультацией.

Все исключения сопровождались нарушениями устава партии — вплоть до того, что некоторых исключали заочно. Со многими людьми (не членами партии), подписавшими различные письма, проведены «беседы» по месту работы, нередко с предложением уволиться «по собственному желанию». Некоторые лишены уже намеченных заграничных командировок. В редакциях и издательствах появились новые списки нежелательных авторов. Отклонены некоторые рукописи, уже намеченные к публикации.

Уволены с работы учителя *Юрий Айхенвальд* и его жена *Валерия Герлин,* подписавшие письмо 170-ти (оба в сталинские времена были репрессированы).

Уволен из Института народов Азии кандидат исторических наук *Юрий Глазов,* подписавший письмо 80-ти, 170-ти и Обращение к Будапештскому совещанию.

Уволены «по сокращению штатов» *Петр Григоренко* с должности инженера строительно-монтажного управления, младший научный сотрудник Института теоретической и экспериментальной физики *Ирина Кристи* (письмо 170-ти и 99-ти) и *Александр Кронрод,* доктор физико-математических наук, зав. лабораторией того же института (письмо 99-ти). Исключен из комсомола редактор издательства «Советская энциклопедия» Сергей Воробьев, выразивший на

* Далее следует список 17-ти лиц, исключенных из партии, который здесь не приводится, поскольку все известные данные о репрессиях отражены в именном указателе.

собрании свое недовольство методами обсуждения: обсуждают людей, подписавших письма, а писем этих никто из присутствующих не читал.

«Год Прав Человека в Советском Союзе,
Хроника текущих событий», выпуск 1, 30 апреля 1968 г.

№ 46

ВНЕСУДЕБНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ 1968 ГОДА

В первом номере хроники был назван ряд лиц, исключенных из партии за подписи под письмами о процессе Галанскова, Гинзбурга и др. и за некоторые другие «идеологические» проступки. Приводились фамилии некоторых людей, уволенных с работы. За это время число людей, подвергшихся тем или иным репрессиям или взысканиям, увеличилось. Далее следует список с указанием причины и характера репрессии*.

. . . . . .

НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ КАМПАНИИ ОСУЖДЕНИЯ ПОДПИСАВШИХ ПИСЬМА

В Новосибирске основной идеей гонения стало стремление очистить Академгородок, то есть институты СО АН и университет, от тех, кто подписал письмо новосибирцев. Это стремление выражалось по разному: от более или менее настойчивых предложений уйти «по собственному желанию», причем, например, нескольким предподавателям предложили работу и квартиру в самом Новосибирске, лишь бы не в Академгородке, — до угроз. 36-летний член-корр. СО АН СССР *Р. Сагдеев* предложил «изгнать всех из Академгородка, пусть идут грузить свинцовые чушки». В гонениях, по слухам, отличаются акад. *Трофимук*, член-корр. *Дмитрий Беляев*, член-корр. *Слинько*, проректор университета *Евгений Биченков*. По инициативе декана гуманитарного факультета НГУ члена-корр. *Валентина Аврорина* в университете закрыто отделение математической лингвистики, несколько преподавателей которого подписали письмо.

* Далее следует перечисление коллективных писем и список 91 человека, подвергшихся разного рода репрессиям, который здесь не приводится, поскольку все известные данные о репрессиях отражены в именном указателе.

Под угрозой существование филологического отделения гуманитарного факультета НГУ и отделения северных языков и сибирской литературы в Институте философии, истории, литературы СО АН.

★

Трех членов МОСХ — *Бориса Биргера, Юрия Герчука* и *Игоря Голомштока* обсудили на собрании и осудили, не применив никаких санкций, чисто словесно. Тогда был созван президиум правления, причем о его заседании не были извещены не только обсуждаемые, но и пять членов президиума, которые, как можно было предполагать, возражали бы против санкций. Лишь по случайности эти пятеро и *Борис Биргер* узнали о заседании и пришли на него — благодаря этому предложенное исключение всех троих не удалось.

★

Говорят, что после того как в газетах, особенно в «Литературной газете» и «Литературной России», появились фразы о несовместимости подписи под письмами по процессу и пребывания в рядах Союза писателей, несколько писателей — называют имена *Василия Аксенова, Евгения Евтушенко, Владимира Тендрякова* — явились в секретариат СП и заявили от имени ста (по другим версиям — 120 или 150) членов Союза, что если хоть один подписавший будет исключен из Союза писателей, то все они также выйдут из его рядов.

Говорят, что с подобным же заявлением выступил *Вениамин Каверин* от своего имени и от имени *Павла Антокольского, Константина Паустовского и Корнея Чуковского.*

★

В Институте русского языка, где происходило обсуждение 11 научных сотрудников, подписавших письма по процессу, наибольшим рвением в их осуждении отличился 32-летний кандидат филологических наук *Лев Скворцов.* Он заявил примерно следующее: «Я знаю, что в Москве есть антисоветская организация и центр её — в нашем институте». *Лев Скворцов* известен как участник технологической экспертизы во время следствия по делу *Галанского* и др., но результаты этой экспертизы не были вынесены на рассмотрение суда в силу их предположительности. Говорят, что в выводах этой экспертизы, например, «Письмо старому

другу» было названо совместным произведением *Галанскова* и *Гинзбурга*, хотя невооруженным глазом, без применения стилистики и текстологии видно, что оно написано человеком другого поколения. «Письмо старому другу» в приговоре суда признано антисоветским документом, в том же качестве этот документ представлен в обвинительном заключении — отсюда понятно, сколь серьезно обвинение в его авторстве.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Юрий Галансков и Александр Гинзбург в мае прибыли на 17 лагпункт мордовских лагерей. Их адрес: Мордовская АССР, ст. Потьма, п/о Озерный, п/я ЖХ 385/17 а. С первого дня поставлены на работу — шьют рукавицы для спецодежды. Через некоторое время *Юрий Галансков* был отправлен на больничный лагпункт на обследование по поводу язвы желудка. На больничном же, в строительной бригаде, находится *Алексей Добровольский*. Адрес: Мордовская АССР, ст. Потьма, п/о Явас, п/я ЖХ 385/3.

★

12 мая, после трех месяцев пребывания в психиатрических больницах, выписан *Александр Вольпин*.

СПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ К ВЫПУСКУ ПЕРВОМУ

В сообщении о московском процессе была неудачно сформулирована фраза о вещественных доказательствах, фигурировавших на процессе.

Главные из них:

— экземпляр сборника «Феникс-66», изъятый при обыске *у Галанскова;*

— экземпляр того же сборника, изъятый при обыске у *Гинзбурга;*

— деньги, шапирограф, копирки для тайнописи, брошюры НТС, изъятые при обыске у *Добровольского;*

— пишущие машинки, изъятые при обысках у разных лиц;

— «Белая книга», вышедшая во Франции в феврале, номер журнала «Грани», вышедший в марте, — всё это вышло после ареста подсудимых и, естественно, ни у кого из них не могло быть изъято.

★

«Год Прав Человека в Советском Союзе,
Хроника текущих событий», выпуск 2, 30 июня 1968 года.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИЗДАНИЙ

«Вечерняя Москва» — газета МГК КПСС и Моссовета, выходит 6 раз в неделю.

«Год Прав Человека в Советском Союзе» — машинописный журнал, издаваемый анонимно, выходит 1 раз в два месяца.

«Голос Родины» — газета, издаваемая советским правительством для русских эмигрантов, выходит 2 раза в неделю.

«Известия Советов депутатов трудящихся СССР», выходит 6 раз в неделю.

«Комсомольская правда» — газета ЦК ВЛКСМ, выходит 6 раз в неделю.

«Литературная газета» — газета Правления СП СССР, выходит 1 раз в неделю.

«Литературная Россия» — газета Правлений СП РСФСР и Московского отделения СП РСФСР, выходит 1 раз в неделю.

«Московская правда» — газета МГК КПСС и Моссовета, выходит 6 раз в неделю.

«Московский художник» — газета Правления Московского отделения СХ СССР, выходит 1 раз в неделю.

«Правда» — ежедневная газета ЦК КПСС.

«Советская культура» — газета Министерства культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры, выходит 2 раза в неделю.

«Советская Россия» — газета ЦК КПСС, выходит 6 раз в неделю.

VI

КАССАЦИОННЫЙ СУД

ЗАСЕДАНИЕ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР

в составе председательствующей Остроуховой, членов Верховного суда Тимофеева и Луканова, с участием прокурора Терехова и защитников Швейского, Арии, Каминской и Золотухина

16 апреля 1968 года

Заседание начинается в 10 часов утра, в здании Верховного Суда РСФСР (Москва, ул. Куйбышева). В зале суда находятся мать и жена Ю. Галанскова, мать и невеста А. Гинзбурга, мать А. Добровольского, подсудимая В. Лашкова и еще около 50-ти человек, получивших специальные пропуска от КГБ и райкомов. Никто из друзей подсудимых или иностранных корреспондентов недопущен — они ожидают решения суда в коридоре. Обвинение и защиту представляют те же лица, что и в суде первой инстанции.

Обстановка в зале суда во время заседания спокойная. Никто не позволил себе каких-либо выкриков или аплодисментов.

В основу приводимой ниже записи судебного заседания положены те же принципы, что и при составлении записи заседания Московского городского суда 8-12 января 1968 г.

Ровно в 10 утра распорядитель провозглашает: «Встать, суд идет!» Все встают, входят Остроухова, Тимофеев и Луканов. Все садятся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СУДА (далее везде СУДЬЯ) объявляет судебное заседание открытым и сообщает о слушании в кассационной инстанции уголовного дела № 286. Объявляет состав суда, фамилию прокурора и спрашивает, имеются ли у явившихся по делу лиц какие-либо ходатайства.

КАМИНСКАЯ, ЗОЛОТУХИН и ШВЕЙСКИЙ ходатай-

ствуют о вызове в судебное заседание своих подзащитных, ссылаясь на имеющиеся в деле заявления самих подсудимых.

СУДЬЯ спрашивает мнение прокурора.

ПРОКУРОР заявляет, что вызов подсудимых необязателен, так как их показания и письменные замечания на протокол судебного заседания первой инстанции имеются в деле.

Суд удаляется на 20-минутное совещание. Затем зачитывается определение суда: в судебное заседание подсудимых не вызывать.

СУДЬЯ вкратце докладывает по делу:

Суд первой инстанции в приговоре от 12 января 1968 года осудил:

Гинзбурга Александра Ильича, год рождения 1936, беспартийный, образование среднее, последнее место работы — разнорабочий Литературного музея, обвинявшегося по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР, приговорив его к 5 годам лишения свободы с отбыванием в ИТЛ строгого режима,

Галанскова Юрия Тимофеевича, год рождения 1939, беспартийный, образование среднее, последнее место работы — разнорабочий Литературного музея, обвинявшегося по ст. ст. 70 ч. 1 и 88 ч. 1, приговорив его по ст. ст. 88 ч. 1 — к 3 годам, а по ст. 70 ч. 1 — к 7 годам, по совокупности к 7 годам лишения свободы с отбыванием в ИТЛ строгого режима,

Добровольского Алексея Александровича, год рождения 1938, беспартийный, образование среднее, последнее место работы — переплетчик Литературного музея, обвинявшегося по ст. 70 ч. 1, приговорив его к 2 годам лишения свободы с отбыванием в ИТЛ строгого режима,

Лашкову Веру Иосифовну, год рождения 1944, беспартийная, образование среднее, последнее место работы — лаборантка подготовительного факультета МГУ, обвинявшуюся по ст. 70 ч. 1, приговорив ее к 1 году лишения свободы с отбыванием в ИТЛ строгого режима.

Суд постановил приобщенные по делу вещественные доказательства пишущие машинки систем «Оливетти», «Москва» и «Олимпия» конфисковать, а изъятые у Добровольского деньги в сумме более двух тысяч рублей как нажитые нечестным путем обратить в доход государства.

Судом первой инстанции установлено, что:

Гинзбург в течение длительного времени вел антисоветскую агитацию и пропаганду, с лета 1966 установил и поддерживал преступную связь с антисоветской эмигрантской организацией НТС, передавал для опубликования на Запад материалы клеветнического антисоветского содержания, которые широко использовались НТС в целях подрыва и ослабления советского общественного и государственного строя, распространял в СССР материалы антисоветского содержания, изданные за границей, в июне 1966 года получил от иностранца антисоветские вырезки из иностранных газет, в которых содержалась клевета на советскую действительность, и распространил их, передав Губанову, в феврале-октябре 1966 года Гинзбург при участии Галанскова составил сборник, в который включил два документа антисоветского содержания, порочащих советский государственный и общественный строй: листовку, подписанную «Сопротивление», и «Письмо старому другу», при содействии Галанскова и Лашковой напечатал этот материал в количестве около 10 экземпляров и 1 экземпляр через Галанскова передал в НТС, этот материал был опубликован в № 62 журнала «Грани», тогда же Гинзбург принял участие в составленном Галансковым сборнике под названием «Феникс», в который были включены некоторые антисоветские документы;

Галансков проводил антисоветскую агитацию и пропаганду, установил и длительное время поддерживал связь с антисоветской эмигрантской организацией НТС, неоднократно встречался с ее представителями, получал от них деньги и средства тайнописи, в течение 1966 года получил антисоветскую литературу, изданную НТС: брошюру «Солидаризм — идея будущего», книги «Сила идей» и «Ценою подвига», журнал «Наши дни» и газету «Посев», помеченную августом 1966 года, в виде 8-ми листовок, а также практические советы по созданию подпольных организаций на территории Советского Союза, тогда же получил шапирограф и деньги — 560 долларов и более 2000 рублей в советских деньгах, все это, кроме долларов, он передал Добровольскому, совместо с Гинзбургом принял участие в составлении сборника материалов по делу Синявского и Даниэля, так называемой «Белой книги», в которую были

включены два документа антисоветского содержания, порочащих советский государственный и общественный строй: листовка, подписанная «Сопротивление», и «Письмо старому другу», в ноябре 1966 года вместе с Гинзбургом и Лашковой принял участие в размножении этого сборника, который впоследствии передал за границу через иностранца по имени Генрих, этот сборник был опубликован во второй половине 1966 года в журнале «Грани» и в других зарубежных изданиях*, в декабре 1966 года Галансков при участии Гинзбурга составил сборник под названием «Феникс», в который вошел ряд антисоветских материалов: статья Синявского «Что такое социалистический реализм?», статья «Откровение Виктора Вельского», «Открытое письмо Шолохову» Галанскова, статья «Российский путь перехода к социализму и его результаты», при участии Лашковой размножил этот сборник в количестве 5 экземпляров, в январе 1967 года через иностранку по имени Надя договорился о передаче этого сборника за границу и передал его, в «Гранях» № 63 было опубликовано сообщение о получении этого сборника и краткая аннотация на него, летом 1966 года Галансков написал «Открытое письмо Шолохову» и при помощи Лашковой размножил его в количестве 12 экземпляров, один из которых передал Наде, в декабре 1966 года при посредстве Ентина и Борисовой в нарушение правил о валютных операциях продал 400 долларов из расчета 3 рубля за доллар и получил за проданные 200 долларов 600 рублей, а за оставшиеся 200 долларов была получена пачка горчичников;

Добровольский, вступив в преступную связь с Галансковым и Лашковой, проводил антисоветскую агитацию и пропаганду, хранил у себя полученные от Галанскова средства тайнописи, в октябре 1966 года получил от Галанскова НТСовскую литературу: брошюру «Солидаризм — идея будущего», книги «Сила идей» и «Ценою подвига», журнал «Наши дни» для распространения и распространил эту литературу, передав Лашковой, Кац и Кушеву, хранил у себя в квартире полученную от Галанскова газету «Посев» в виде 8-ми листовок, шапирограф и более 2000 советских денег, в декабре 1966 года с помощью Устиновой и Камышановой размножил «Откровение Виктора Вельского», в январе 1967 года договорился с Галансковым о размноже-

* По-видимому, это оговорка вместо «в первой половине 1967 года».

нии для распространения «Открытого письма Шолохову» и передал текст этого письма Радзиевскому, с помощью Устиновой размножил статью «Российский путь перехода к социализму»;

Лашкова занималась с лета 1966 года антисоветской агитацией и пропагандой, размножала документы антисоветского содержания и распространяла полученную от Добровольского литературу антисоветского содержания, в октябре-ноябре 1966 года размножила в 5-ти экземплярах полученные от Гинзбурга и Галанскова материалы, вошедшие впоследствии в так называемую «Белую книгу», среди которых было два документа антисоветского содержания: листовка, подписанная «Сопротивление», и «Письмо старому другу», размножила в 15-ти экземплярах «Открытое письмо Шолохову» и в 10-ти экземплярах статью «Российский путь перехода к социализму», в ноябре-декабре получила от Добровольского для чтения НТСовскую литературу и распространила ее путем передачи Кушеву и Левитину.

Гинзбург в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал и показал, что антисоветской агитации не проводил, никакой связи с НТС не имел и «никогда никому ничего не передавал», что он составил сборник материалов по делу Синявского и Даниэля, «потому что считал приговор суда несправедливым», и, составляя этот сборник, имел целью добиться пересмотра дела и отмены приговора путем ознакомления с материалами этого дела высших должностных лиц нашего государства, что включил в этот сборник два документа — «Письмо старому другу» и листовку, подписанную «Сопротивление», которые он не считает антисоветскими, что в составлении «Феникса» участия не принимал.

В своей кассационной жалобе, поданной на имя Верховного Суда РСФСР, Гинзбург просит об отмене приговора и прекращении дела.

О том же просит в своей кассационной жалобе и защитник Гинзбурга адвокат Золотухин. В его жалобе говорится о том, что утверждение о передачи сборника материалов по делу Синявского и Даниэля в зарубежную антисоветскую организацию НТС основано лишь на противоречивых показаниях одного из подсудимых — Добровольского, что два документа — листовка, подписанная «Сопротивление», и «Письмо старому другу», которые были признаны судом

антисоветскими, по его мнению, таковыми не являются, так как они направлены не против советского государственного и общественного строя, а против отдельных нарушений закона отдельными представителями власти, что участие Гинзбурга в составлении сборника «Феникс» ничем, кроме показаний Добровольского, не доказано, что передача Губанову вырезок из иностранных газет якобы антисоветского содержания не содержит в себе состава преступления по ст. 70 УК РСФСР, что утверждение о вовлечении Гинзбургом Добровольского в преступную деятельность является нарушением ст. 314 УПК РСФСР, что ссылка на уголовные дела, возбужденные против Гинзбурга в 1960 и 1964 годах привлечены к данному делу незаконно.

Галансков в начале следствия виновным себя признавал, впоследствии от своих показаний отказался и заявил, что, по его мнению, его действия не являются криминальными, показания Добровольского Галансков считает оговором.

В своей кассационной жалобе Галансков просит об отмене приговора и закрытии дела.

Защитник Галанскова адвокат Каминская в своей кассационной жалобе просит исключить из приговора следующие пункты как недоказанные: связь с НТС, участие в создании «Белой книги», проведение антисоветской агитации и пропаганды и размножение через Добровольского «Открытого письма Шолохову», статьи «Российский путь перехода к социализму» и «Откровения Виктора Вельского». По остальным пунктам приговора Каминская просит квалифицировать действия Галанскова как предусмотренные ст. 190[1] УК РСФСР. Приговор по ст. 88 ч. 1 УК РСФСР Каминская не оспаривает.

Добровольский виновным себя полностью признал и в кассационной жалобе просил о переквалификации его действий по ст. 190[1] УК РСФСР.

Защитник Добровольского адвокат Швейский в своей кассационной жалобе просит переквалифицировать действия Добровольского по ст. 190[1] УК РСФСР и исключить из приговора размножение «Откровения Виктора Вельского» и «Российский путь перехода к социализму», так как они, по его мнению, криминальными не являются.

Лашкова виновной себя признала.

Защитник Лашковой адвокат Ария просит в своей касса-

ционной жалобе квалифицировать ее действия по ст. 190[1] УК РСФСР, определив по этой статье наказание, не связанное с лишением свободы.

Перерыв на 15 минут. Затем заседание возобновляется.

СУДЬЯ. Лашкова, будете ли вы говорить?

ЛАШКОВА. Нет.

СУДЬЯ. Слово предоставляется защитнику Добровольского адвокату Швейскому.

Речь адвоката Швейского

Прежде всего я обязан заявить, что ряд действий моего подзащитного Добровольского безусловно является уголовно наказуемым. Именно у него была найдена НТСовская литература, шапирограф, средства тайнописи, 2000 рублей. Эти факты, согласно существующим законам, образуют состав преступления. В своей кассационной жалобе Добровольский излагает причины, толкнувшие его на преступление, и просит переквалифицировать ст. 70 УК РСФСР, по которой он осужден, на ст. 190[1] УК РСФСР.

Различие между статьями 70 и 190[1] состоит прежде всего в том, имелся ли у подсудимого умысел. Однако умысел — это понятие в большой степени субъективное; внешне тождественные действия могут быть квалифицированы различно именно по линии умысла. В своей кассационной жалобе Добровольский подробно излагает мотивы своего поведения, и именно это дает основание мне, его адвокату, просить переквалифицировать его действия со ст. 70 на ст. 190[1].

В своей речи я хотел бы выделить три основных вопроса:

1) как складывалось мировоззрение Добровольского;
2) о некоторых психических особенностях личности Добровольского;
3) в какой мере совершенные им действия подтверждают его утверждение об отсутствии у него умысла, направленного на подрыв советского общественного и государственного строя.

Сначала я остановлюсь на первом вопросе — на условиях формирования личности Добровольского.

В своей кассационной жалобе он пишет: «Я был воспитан в преклонении перед личностью Сталина». Добровольский

формировался как сознательная личность в период переоценки ценностей — в период развенчивания культа личности Сталина. Ему было 17 лет, когда он стал интересоваться политическими вопросами, стал заниматься, по его собственным словам, «критиканством, ложно понимая при этом свободу слова». Но его определяла при этом не враждебность к советскому строю, а скорее политическая незрелость и неспособность разобраться в глубоких исторических сдвигах, которые в это время совершались в нашей стране. На XXII съезде партии говорилось о том, что, может быть, разоблачение культа личности Сталина вызовет в народе некоторую горечь и недовольство, известные издержки и минусы. Об этом нельзя забывать, когда мы говорим о том периоде жизни Добровольского. После XXII съезда партии в нашем руководстве наблюдались известные проявления волюнтаризма и субъективизма. Это тоже дало богатую пищу уму Добровольского. Он пишет: «Промахи Хрущева я отождествлял с линией партии. И за этим я не видел того основного и светлого, что составляет суть нашей действительности». В силу своей незрелости Добровольский не понял глубоких сложных изменений в общественно-политической жизни нашей страны тех лет. «Я не смог вовремя остановиться даже после октябрьского пленума*, — пишет он далее. — Желая блага своему народу, я по сути дела играл на руку нашим врагам».

Из кассационной жалобы ясно видно, что Добровольский не имел антисоветского умысла. В отличие от существовавшей прежде ст. 58^{10}, ст. 70 УК РСФСР прямо указывает на цель как на обязательный признак применения данной квалификации. По ст. 70 необходимо доказать цель подрыва или ослабления советского государства. Если этого нет, действия подсудимого должны квалифицироваться по ст. 190^{1}. Из всех показаний Добровольского видно, что прямого умысла к свержению советской власти он не имел. Он говорит: «В глубине души я всегда чувствовал себя советским человеком и свои действия считал патриотическими». Я считаю, что всё происшедшее с Добровольским — результат глубокого и серьезного заблуждения.

Теперь я хотел бы остановиться на вопросе о психическом состоянии Добровольского. Эксперты-психиатры,

* Имеется в виду октябрьский (1964) пленум ЦК КПСС, отстранивший от руководства Н. С. Хрущева.

проводившие во время следствия судебно-психиатрическую экспертизу, признали Добровольского вменяемым. Однако и они констатировали у него наличие серьезных психических отклонений. Безусловно, эти отклонения не могли не оказать влияния на развитие и взгляды Добровольского. Тем более, что я говорил уже о том, в какое сложное время формировалось мировоззрение Добровольского. Ведь даже здоровые люди часто совершают ошибки во время серьезных жизненных и общественных ситуаций.

Впервые психические отклонения проявились у Добровольского еще в 9 классе. В это время он стал интересоваться вопросами существования души, увлекся идеями анархистов. После одного из диспутов товарищи по школе объявили ему бойкот. Вскоре после этого, в 1955 г., вне всякой связи с уголовными преследованиями Добровольский был поставлен на учет к районному психиатру и помещен в больницу, где у него диагностировали «патологическое развитие личности». В 1958 г., отбывая наказание, Добровольский был обследован в Саранске, и судебная экспертиза поставила диагноз «шизофрения». В 1960 г. на экспертизе в институте им. Сербского ему был поставлен диагноз «психопатическое развитие личности». В 1962 г. Добровольский был помещен в психиатрическую больницу с диагнозом «психопатия». В 1964 г. на экспертизе в институте им. Сербского ему ставят диагноз «глубоко психопатическая личность». (Здесь я не могу не обратить внимания на одну мелкую, но достаточно симптоматичную деталь. В протоколе судебного заседания, утвержденного коллегией Мосгорсуда, эта дата была ошибочно записана как 1954 г. Естественно, я подал замечание с целью исправить эту мелкую неточность. Однако, как и все другие замечания всех других адвокатов, это мое замечание не было принято.) В 1966 г. Добровольский находился в больнице № 3 с диагнозом «шизофрения в психопатической форме».

Таким образом, мы можем видеть, что в течение ряда лет различные врачи различных медицинских учреждений находили у Добровольского серьезные психические отклонения, и он был даже признан невменяемым. В последнем заключении, которое было дано судебно-психиатрической экспертизой института им. Сербского, говорится, что ранее у Добровольского был период «временной декомпенсации, выразившейся в некритическом отношении к своему пове-

дению, но за последние годы не развилось никаких других аномалий». Я не понимаю, о каких «последних годах» может идти речь, если за восемь месяцев до своего ареста Добровольский находился в психиатрической больнице с тяжелым психическим заболеванием. И не нужно никаких новых аномалий, для того чтобы говорить о психических отклонениях Добровольского.

Теперь я хочу поставить вопрос: как могла психопатия повлиять на поведение Добровольского? Для этого я обращусь к медицинской литературе. Так, «Терминологический словарь психиатра» определяет психопатию как «недуг, врожденный или развившийся, аномалию личности, патологический вариант нервной системы». В свете того, что я только что зачитал, требовать ясности в оценке событий от человека, который страдает психопатией, представляется мне совершенно неверным. Другой медицинский источник — солидное академическое издание «Судебная психиатрия» под редакцией проф. Морозова. Там говорится, что психопатия — это совершенно особый тип психического заболевания, которое мешает правильной реакции личности на окружающие ее явления. Следовательно, психопатия должна сказываться на всем поведении личности. И я полагаю, что, давая оценку деятельности Добровольского, мы не должны игнорировать этот серьезный и чрезвычайно важный для всего дела факт.

Перейдем теперь к третьему вопросу, на котором я хотел остановиться, — наличие в действиях Добровольского антисоветского умысла. Внешне его действия как будто бы делают излишней подобную постановку вопроса. Казалось бы, нет даже смысла говорить об этом. Именно у него и только у него была обнаружена при обыске НТСовская литература. Содержание ее злобно клеветническое и не вызывает никаких сомнений относительно позиции ее авторов. А вот отношение Добровольского к ней — это вопрос уже более сложный. Известно, что Добровольский давал ее читать нескольким лицам: Лашковой, Кац, Кушеву. Однако сам он говорит по этому поводу следующее: «Я не хотел сделать из этих людей антисоветчиков. Я не понимал, что эти книги могут подействовать на их незрелый ум. Я не пропагандировал эти книги, так как не разделял их идей». Он никому больше эти книги и не дал, кроме перечисленных трех лиц, близких ему по взглядам. И это говорит об от-

сутствии у него стремления использовать эту литературу в антисоветских целях.

Известно также, что именно у Добровольского были найдены листовки и средства тайнописи. То, что они были засланы в нашу страну с антисоветским умыслом, не вызывает сомнений ни у кого. Однако посмотрим, как Добровольский их использовал. Сам он говорит: «Когда я увидел их содержание, я отказался их размножать». И действительно: листовки были помечены августом 1966 года, но к марту 1967 года, когда они были изъяты при обыске у Добровольского, не было сделано ни одной попытки к их распространению. А шапирограф так и хранился в нераспечатанном виде.

Добровольскому также инкриминируется размножение двух статей антисоветского содержания: «Откровение Виктора Вельского» и «Российский путь перехода к социализму». Однако и это преступление должно квалифицироваться не по ст. 70 УК РСФСР, а по ст. 190[1].

Человек, осужденный по ст. 70 УК РСФСР, — это злобный враг, сознательно действующий против советского государства. Добровольский — не враг, он заблудившийся, и поэтому наказывать его за преступления следует не по ст. 70, а по ст. 190[1] УК РСФСР. Такое решение диктует и политическая целесообразность исхода этого процесса.

Я прошу квалифицировать преступления, совершенные Добровольским, по статье 190[1] УК РСФСР и снизить срок его заключения до фактически отбытого в период пребывания под стражей*.

СУДЬЯ. Слово предоставляется защитнику Лашковой адвокату Ария.

Речь адвоката Ария

Я хотел бы начать с того, что это дело, по моему мнению, не заслуживает того шума, который вокруг него был поднят. Однако, интерес общественности к этому делу требовал от суда максимальной точности в соблюдении процессуальных и правовых норм. Следует между тем признать, что

* По-видимому, сам Добровольский рассчитывал на снижение кассационным судом срока заключения, поскольку после суда первой инстанции просил разрешения встретиться с сотрудниками КГБ, чтобы «сообщить много нового». На просьбе была начертана резолюция: «Разрешить».

ни ведение процесса, ни вынесение приговора не были проведены на высоком уровне. Целый ряд нарушений, допущенных в ведении процесса, позволяет сомневаться и в вынесенным судом приговоре. Эти нарушения дают пищу не только защите, и не надо забывать об этом. Таким, например, было удаление свидетелей из зала после дачи ими показаний. Показательно и отношение к замечаниям адвокатов на протокол судебного заседания. Все мы принесли замечания, мы стремились со всем чувством ответственности исправить и дополнить протокол. Это вполне естественно, так как протокол — не стенограмма и не магнитная запись, секретарь просто не в состоянии изготовить совершенный документ. Характерна, например, такая деталь: дата 1964 записана ошибочно как 1954 (это о болезни Добровольского). Или показания Лашковой, где объединены в одно два абсолютно разных документа, отнюдь не представляющих собой одно и то же: «Гражданское обращение» и листовка, подписанная «Сопротивление». Абсолютно все замечания адвокатов, в том числе и замечания по поводу этих моментов, были признаны несоответствующими действительности. А у Гинзбурга, например, эти же замечания были утверждены. Я далек от мысли, что суд просто хотел оскорбить защиту. Но суд проявил невнимание, нежелание разобраться, отмахнулся от замечаний защиты. И эти, и другие процессуальные нарушения, допущенные судом, наводят на мысль о том, что суд без достаточного внимания отнесся и к существу дела, вызывают сомнения не только в процессуальном отношении. В ряду нарушений есть и более серьезные. Суд по некоторым частям обвинения вообще приговора не вынес. Обвинение предъявлено, а приговора по нему не вынесено. Это беспрецедентный случай! У Гинзбурга, например, не вынесен приговор по части обвинения, касающийся магнитофонных пленок. У Лашковой — обвинение в том, что она перепечатывала и распространяла «События в Почаевской лавре в наши дни», исключено, но путем умолчания. В приговоре об этом нет ни слова. Это противоречит статьям 303 и 314 УПК РСФСР.

Первая просьба защиты — признать подсудимых в части обвинения, не вошедшей в приговор, невиновными.

Далее, Лашкова признана виновной, в частности, в перепечатке для Гинзбурга листовки, подписанной «Сопротивление». Лашкова отрицает, что она ее печатала, а Гинзбург

утверждает, что листовку печатал он. Приговор по этому пункту есть, но суд не указал, почему их показания признаны недействительными. Ни в материалах дела, ни в приговоре нет этому достаточной мотивировки. Это свидетельствует о профессиональном уровне суда.

На следствии и на суде Гинзбург говорил о том, что он приносил Лашковой большую часть материала, а не всю книгу целиком. Следовательно, Лашкова печатала не все. Лашкова обвиняется также и в том, что она печатала «Письмо старому другу». Но Гинзбург говорит о том, что, создавая этот сборник, он преследовал одну цель — вручение его компетентным лицам для передачи в наши высшие органы. У Лашковой — это подтвердил и сам Гинзбург — была такая же информация, Гинзбург говорил ей о том, что эта книга должна быть направлена в Верховный Совет. Это подтверждается показаниями свидетельницы Столяровой о том, что Гинзбург приносил свой сборник Эренбургу и хотел ему его передать. Известно, что в то же время Гинзбург передал сборник в приемную КГБ. Таким образом, Лашкова печатала этот сборник для передачи не за границу, а компетентным лицам нашего государства. Это не образует состав какого-либо преступления. Мне представляется, что и этот документ должен быть исключен из обвинения Лашковой.

Для Галанскова Лашкова печатала «Российский путь перехода к социализму и его результаты». Из показаний Галанскова видно, что он принес Лашковой эту статью и она, не читая ее предварительно, начала печатать ее с листа. Надо сказать, что эта статья трудна для восприятия. А машинистка во время беглого знакомства с этим документом в процессе печатания могла принять его за документ не криминальный. В этой статье автор с симпатией и уважением относится к Ленину, Дзержинскому, Свердлову, Кирову, к руководителям пролетарского типа, основателям партии и советского государства. Автор стоит за советскую власть, за социалистическую систему хозяйства, за партийное руководство страной. Автор относится отрицательно лишь к тем якобы отходам от ленинского пути, которые были допущены Сталиным. Вполне понятно, что Лашкова не видела его криминальности, да и вообще криминальность этой статьи — вопрос спорный. В нашем законе сказано, что статья 70 УК РСФСР охраняет общественный и

государственный строй СССР. А в Конституции даны совершенно точные признаки того и другого. Удаление за рамки закона представляется мне невозможным. В приговоре суда сказано об этой статье: «В ней искажена историческая перспектива развития нашей страны». Но историческая перспектива — это же не строй. Там сказано также: «В ней возводится клевета на экономические мероприятия». Но они также не являются общественным строем. Любая советская организация — это советская действительность, и ее критика — это критика советской действительности, но не советского общественного и государственного строя. Даже приговор, как видно, не дает основания для квалификации этих действий Лашковой (напечатания статьи «Российский путь») по ст. 70 УК. С обеих сторон — и с субъективной точки зрения Лашковой, и с объективной, отраженной в приговоре, — эту статью нельзя расценивать как криминальную. Поэтому я считаю, что этот документ должен быть исключен из обвинения Лашковой.

Лашкова напечатала для Галанскова также и «Открытое письмо Шолохову». Криминальный характер этого письма не вызывает сомнений. Но не нужно забывать о том, что Лашкова печатала его крайне неохотно. У нее в то время, как видно из дела, была машинка Галанскова, и если бы она отказалась его печатать, то Галансков мог бы забрать у нее машинку. Это я беру даже не из показаний Лашковой, а из показаний самого Галанскова. В деле также имеются показания свидетеля Батшева о том, что Лашкова не хотела печатать этот материал. Следует, таким образом, признать, что у Лашковой не было цели, направленной на подрыв советской власти. А если человек печатает не для того, чтобы подорвать советскую власть, а для того, чтобы сохранить у себя машинку, эти действия нельзя квалифицировать по статье 70 УК РСФСР. В них отсутствует прямой умысел, они могут быть расценены только как косвенный умысел. Это — статья 190^1 УК РСФСР.

Лашкова обвинялась также в том, что она с антисоветской целью распространила полученные от Добровольского брошюры «Солидаризм — идея будущего» и «Наши дни». Из обвинения исключено, что она получила эту литературу для распространения, суд признал, что она получила ее для чтения. И действительно, она получила эти две брошюры у Добровольского, но для чтения, а не для распространения.

Но далее — она передала их Кушеву и Левитину, говорится в обвинении. Но из показаний Кушева следует, что он сам попросил эту брошюру у Лашковой, найдя ее у нее на книжной полке. А Левитин показывает, что он не только не брал домой брошюру, но даже и не прочитал ее, а только просмотрел. Лашкова не предлагала сама эту литературу ни тому, ни другому. Показания Кушева и Левитина свидетельствуют о безразличии Лашковой, а не о стремлении к распространению этой литературы, то есть можно сказать, что она действовала без наличия умысла. Но сам факт хранения НТСовской литературы может быть расценен как косвенный умысел. Это — статья 190^1 УК РСФСР.

В приговоре говорится и о том, что Лашкова признала себя виновной полностью. Однако это действительности не соответствует. Она не полностью признала себя виновной. Ее обвиняют в наличии умысла, а она, признавая факты, всегда отрицала антисоветский умысел. Во время следствия она говорила о том, что никогда не имела антисоветской цели.

Лашкова родом из рабочей семьи, сама труженица, она привыкла своим трудом зарабатывать каждую копейку. Об этом нельзя забывать.

Ведение и ход дела, кроме того, дают неверное представление о настроении нашей молодежи. Некоторый идейный ералаш и критическую настроенность нельзя считать особо опасным государственным преступлением.

Я считаю, что суд должен квалифицировать вину Лашковой в части, касающейся напечатания «Открытого письма Шолохову» и хранения НТСовской литературы по статье 190^1 УК РСФСР, а в остальной части дело прекратить и назначить Лашковой наказание по статье 190^1, не связанное с лишением свободы.

СУДЬЯ. Слово предоставляется защитнику Галанскова адвокату Каминской.

Речь адвоката Каминской

Я прошу не об отмене приговора, а об изменении его. В части правовой оценки действий, совершенных Галансковым, прошу признать Галанскова виновным по части обвинения по ст. 190^1 УК. Часть обвинения я полагаю недоказанной. Это:

1) связь с НТС;
2) участие в создании «Белой книги»;
3) проведение антисоветской агитации;
4) размножение через Добровольского «Открытого письма», статьи «Российский путь перехода к социализму» и повести «Откровение Виктора Вельского».

По утверждению приговора, обвинение в этой части основано на следующем: что Галансков неоднократно встречался с представителями НТС и передавал им материалы; что именно Галансков получил шапирограф и средства тайнописи; что он получал и распространял антисоветскую литературу; что именно Галансков получал от НТС деньги в долларах и советских рублях.

Я считаю, что в деле было недостаточно материалов для того, чтобы утверждать это. На чем основывается обвинение?

Во-первых, на показаниях самого Галанскова. Я хочу сказать, что на протяжении всего следствия он признавал только одно, что он является редактором «Феникса». Те показания, в которых он признавал связь с НТС, он дал в мае и в мае же от них отказался. Я, как юрист, не могу строить обвинение на показаниях самого подсудимого, тем более, что Галансков находился в то время в тяжелом психическом состоянии, кроме этого, у него тяжелое заболевание — язва желудка. Далее. Обвинение основывается также на показаниях Добровольского. Это тоже показания подсудимого. Они появились не в начале следствия, а только в марте, они противоречивы и предположительны. Мы всегда должны считаться с тем, что показания соподсудимого должны быть тщательно проверены и подтверждены. А эти показания дает нам человек психически неуравновешенный, о чем нам только что говорил его адвокат. Эти показания дает человек, заинтересованный в исходе дела, человек, у которого были найдены все вещественные доказательства связи с НТС. Я считаю, что ни показания Добровольского, ни показания Галанскова не могут быть положены в основу обвинения. Эти показания не являются доказательным материалом, ни один суд не может позволить себе выносить приговор по недостаточным доказательствам.

Вина Галанскова подтверждается якобы еще и тем, что на квартире у Добровольского найдена антисоветская литература, шапирограф и деньги. Это может скорее служить

доказательством вины самого Добровольского. И по сути дела, это то же самое, что и показания Добровольского. Нельзя считать этот факт отдельным доказательством вины Галанскова.

Вина Галанскова подтверждается якобы также показаниями Лашковой о зашифрованном письме. Для того, чтобы это было доказательством, нужно установить, какого содержания было это письмо и куда оно было отправлено. Лашкова говорила о том, что там идет речь о взаимоотношениях между цифрами. Галансков показал, что это письмо он написал свидетелю Батшеву и что речь там шла об их общих знакомых. Чем это опровергается? Ничем. Ни в приговоре суда, ни в материалах дела нет никаких данных об этом письме и о том, куда оно было отправлено. Следовательно, нельзя утверждать, что это письмо было антисоветским и было отправлено в организацию НТС.

Какие же еще факты были признаны доказательством вины Галанскова? Факт получения денег. Здесь я хочу остановиться на показаниях Добровольского. Он утверждает: «Галансков считал, что я фигура скомпрометированная. У него были основания для этого: я был ранее осужден по статье 58[10]. Галансков считал, что за мной следили». Добровольский утверждает, что когда речь заходила о получении посылок из-за границы или о написании письма, Галансков говорил, что ему, Добровольскому, нельзя получать посылки, так как за ним следят, что ему нельзя собственноручно писать письмо, так как его почерк известен органам. И после всего этого вдруг Добровольский утверждает, что на его имя должна была строиться кооперативная квартира для приема иностранцев и Галансков передал ему для этой цели деньги. Эти показания Добровольского кажутся мне нелепыми и не заслуживающими внимания. Они ничем не подтверждены. Это показания человека, заинтересованного в решении собственной судьбы.

И если в материалах дела нет никакого подтверждения показаниям Добровольского, то есть ряд обстоятельств, которые опровергают их.

Обвинение в передаче через иностранца по имени Генрих «Белой книги» — один из самых важных эпизодов обвинения Галанскова. Я не буду останавливаться на показаниях самого Галанскова по этому поводу. Добровольский давал на следствии об этом лишь предположительные по-

казания. Сначала он говорил о том, что не знает, в каком месяце и где была передана «Белая книга», потом говорит, что она была передана у метро «Кропоткинская». В суде же Добровольский утверждает, что Галансков передал сборник при встрече у метро «Кропоткинская» неизвестному иностранцу. Была ли действительно «Белая книга» передана в этот день? Никому не известно. Но одновременно в судебном заседании было установлено, что печатание «Белой книги» было закончено не ранее середины ноября 1966 года. А встреча, о которой говорит Добровольский, что также установлено судом, состоялась 22 октября, то есть за три недели до окончания работы над «Белой книгой». Это было установлено путем допроса подсудимых и свидетелей, даже Добровольский этого не отрицает.

Предположительные показания Добровольского не выдерживают соприкосновения с реальными фактами.

Я заканчиваю анализ центрального пункта обвинения тем, что обязанность суда — мотивировать приговор, приводя доказательства, которые не вызывают никаких сомнений. Необходимо располагать конкретными доказанными фактами. А здесь есть только показания Галанскова и Добровольского, которые отнюдь не должны считаться неопровержимыми доказательствами. Тем более, что Галансков и Добровольский — люди психически неполноценные.

Теперь я хочу сказать несколько слов о передаче «Феникса» за границу. Я прошу вас обратить внимание на показания Добровольского, посвященные этому вопросу. Мне непонятно, почему его заявление о том, что он может представить следствию недостающие экземпляры «Феникса», не вызвало внимания, не заинтересовало следователей. Добровольский просил дать ему возможность предоставить эти экземпляры следствию. Он писал: «Я могу их представить следствию... Они могут уйти за границу». Однако никаких вопросов по этому поводу ему задано не было. На суде Добровольский не захотел отвечать на вопрос об этом. Бесспорно установлено следующее: редактором «Феникса» является Галансков. Он сам этого никогда не отрицал. Установлено, что было 5 экземпляров «Феникса», один из которых был Галансковым уничтожен, так как он был непригоден для чтения. Следовательно, остается 4 экземпляра. Один из них, как утверждает Галансков, находится у него дома, два были изъяты при обысках, еще один — передан

Галансковым Добровольскому. Где этот экземпляр, никто не знает. Надя встречалась и с Добровольским, и с Галансковым. Суд должен был установить путем объективных доказательств, кто именно из них передал ей «Феникс». Нельзя возлагать вину только на одного Галанскова, тем более, что свидетелей нет, Надя не установлена и не допрошена. Я считаю, что серьезных доказательств виновности Галанскова и по этому эпизоду у обвинения нет.

Нет доказательств и тому, что Галансков принимал участие в составлении «Белой книги». В распоряжении суда имелись показания Гинзбурга, который всегда говорил, что он один составил «Белую книгу», показания Добровольского о том, что он от Галанскова узнал, что Гинзбург собирает материал для «Белой книги», показания Лашковой о том, что документы для «Белой книги» ей приносил Гинзбург, и показания Хаустова, который говорит: «Я не знаю, принимал ли Галансков участие в составлении сборника». На чем основывался суд, вынося по этой части обвинения приговор, неясно. Следующий пункт обвинения Галанскова, который я считаю недоказанным, — размножение через Добровольского «Откровения Виктора Вельского», «Российского пути перехода к социализму» и «Открытого письма Шолохову». Этот пункт обвинения основан только на показаниях Добровольского. Это противоречивые показания, так как сначала он говорил, что вообще не знает Радзиевского, сам, потом, что сказал неправду, что передал по просьбе Галанскова Радзиевскому эти материалы. Показания Радзиевского ничем не подтверждают показания Добровольского. Галансков отрицает то, что просил его об этом. С другой стороны, судом установлено, что Добровольский хотел издать свой собственный журнал (показания Левитина, Лашковой).

Эта группа эпизодов не имеет достаточных доказательств. Поэтому я прошу об исключении их из обвинения Галанскова.

Но в приговоре имеются факты и другого типа, то есть факты, которым суд, по моему мнению, дал неправильную оценку.

Это размножение «Откровения Виктора Вельского» и «Российского пути перехода к социализму» и включение их в «Феникс». Я не спорю против признания криминальными двух работ — статьи Синявского «Что такое социалисти-

ческий реализм», так как приговор по делу Синявского и Даниэля уже вступил в законную силу и я не имею права оспаривать его, и «Открытого письма Шолохову» Галанскова. Но мне хотелось бы обратить ваше внимание на то, что это письмо адресовано одному человеку по поводу его конкретного выступления. Не надо забывать и о том, что оно было задумано Галансковым во время его пребывания в психиатрической больнице.

Что касается двух остальных работ, распространение которых инкриминируется Галанскову, — статьи «Российский путь перехода к социализму» и повести «Откровение Виктора Вельского», — то я хочу сказать следующее. О статье «Российский путь перехода к социализму» говорили уже сегодня два моих товарища (Швейский и Ария). Я могу добавить лишь то, что в конце автор этой статьи говорит, что нам нужны реформы, но они должны проводиться только сверху, то есть автор считает, что они должны проводиться советской властью. «Откровение Виктора Вельского» тоже было признано криминальным судом первой инстанции. Но не надо забывать, что это художественное произведение, что там описываются события и люди, которые вымышлены. Действительно, герой этой повести произносит слова, которые мы не можем не считать криминальными. Но он произносит эти слова так же, как мог бы их произнести любой другой отрицательный персонаж в любом другом произведении. Высказывания героя, если они не являются выражением идеи произведения, не могут служить основанием для признания этого произведения криминальным. Прочитав эту повесть, я пришла к выводу, что антисоветские высказывания героя ни в коем случае не выражают идею произведения. Сам герой говорит о себе: «Я не портрет и не тип, просто у меня так сложилась жизнь». Автор противопоставляет герою его же товарищей по институту, его дядю. Автор говорит о своем герое как о морально деградирующей личности. Есть еще один важный момент. В этой повести полностью развенчивается идея эмиграции. Потому-то она и не была напечатана ни в одном эмигрантском журнале. Все эти соображения заставляют меня считать, что это произведение очень сложное, но ни в коей мере не антисоветское. Поэтому это произведение должно быть исключено из числа криминальных.

С признанием антисоветскими двух работ — статьи Си-

нявского «Что такое социалистический реализм» и «Открытого письма Шолохову» — я не спорю и прошу о переквалификации действий Галанскова, связанных с их включением в «Феникс», по статье 190[1] УК РСФСР.

Мои товарищи очень много говорили здесь о необходимости наличия прямого умысла для квалификации действий обвиняемого по статье 70 УК. Я считаю, что у Галанскова прямого умысла не было. Он, может быть, неправильно пытался бороться с тем, что ему представлялось неверным. Он считал, что он должен лично участвовать во всем. Может быть, он не совсем верно представлял себе формы этой борьбы, пример этому — его единоличная демонстрация у здания американского посольства против вторжения американских войск на территорию Доминиканской республики. Галансков никогда не хотел ослабить советскую власть. Он говорит о себе в своих показаниях: «Я пролетарский демократ, марксист». Если бы он не включил в «Феникс» две криминальные статьи, то я бы просила оправдания по статье 70 УК, но он включил их, и поэтому я прошу лишь о переквалификации его действий по статье 190[1] УК РСФСР.

Что касается ст. 88 ч. 1 УК, то Галансков в своей кассационной жалобе просит о прекращении делопроизводства. Я, как юрист, понимаю, что отсутствие корысти не может служить для него оправданием. Поэтому я не могу оспаривать приговор в части обвинения Галанскова по ст. 88 ч. 1 УК РСФСР.

СУДЬЯ. Слово предоставляется защитнику Гинзбурга адвокату Золотухину.

Речь адвоката Золотухина

Товарищи члены Верховного Суда!

Приговор коллегии Мосгорсуда в отношении моего подзащитного Александра Гинзбурга я полагаю подлежащим отмене.

Я считаю, что приговор должен быть отменен, а уголовное преследование Александра Гинзбурга должно быть прекращено со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Я намереваюсь представить вам мои соображения по поводу доказательств, которые были приведены судом первой инстанции в обоснование вынесенного им приговора.

В чем конкретно был найден виновным Александр Гинзбург?

1. В том, что в ноябре 1966 г. через Галанскова он передал в зарубежную эмигрантскую организацю НТС составленный им сборник материалов по делу Синявского и Даниэля.

2. В том, что он принимал участие в составлении сборника «Феникс», редактором и составителем которого является Галансков.

3. В том, что он передал Губанову четыре газетных вырезки антисоветского содержания на французском, итальянском, норвежском и датском языках.

4. В том, что он установил преступную связь с зарубежной эмигрантской организацией НТС.

5. И, наконец, в том, что он привлек к антисоветской деятельности Лашкову и Добровольского.

Центральным пунктом обвинения является передача на Запад, в НТС, сборника по делу Синявского и Даниэля, называемого также «Белой книгой». В приговоре говорится, что при содействии Галанскова и Лашковой Гинзбург организовал в ноябре 1966 г. перепечатку этого сборника, который был отпечатан в количестве 10 экземпляров, и один из них через Галанскова был передан НТС для напечатания. Давайте рассмотрим, какие доказательства приведены судом в обоснование этого серьезного — я бы даже сказал, грозного — обвинения.

В приговоре сказано, что передача доказана показаниями Добровольского о том, что Гинзбург составил «Белую книгу», а Галансков передал этот сборник представителям НТС *с ведома* Гинзбурга. То есть единственным доказательством этого серьезного обвинения являются, как мы видим, показания подсудимого Добровольского. Уже одно то, что по такому важному пункту имеется лишь одно доказательство, должно было насторожить суд. А когда к тому же оказывается, что этим единственным доказательством являются показания *подсудимого*, кровно заинтересованного в исходе дела. это должно было вызвать особую настороженность. Кроме того, нельзя было оставить без внимания и психическое состояние этого лица, столь выпукло и выразительно обрисованное его адвокатом.

Итак, у следствия и суда была единственная версия передачи сборника за границу, а именно версия Добровольского. Он показывает, что осенью 1966 г. Лашкова перепечатывала материалы для сборника по делу Синявского

и Даниэля. Он говорит также, что в последние дни она трудилась очень напряженно, чтобы успеть к приезду иностранца, которого ждали. Далее Добровольский сообщил, что приехавшего иностранца звали Генрих и что именно через него была передана «Белая книга». Добровольский настаивает на том, что передача состоялась у станции метро «Кропоткинская». Точной даты он не помнит, однако сообщил ориентир: это было в день вечеринки у Светланы Поташевой, подруги жены Галанскова Ольги Тимофеевой. На этой вечеринке присутствовали Поташева, Галансков, Тимофеева, Лашкова и Добровольский. (Зачитывает показания Добровольского.)

Итак, из показаний Добровольского мы узнаем, что готовый материал книги некоторое время лежал без движения, поскольку приезд иностранца задерживался, и что передача состоялась в день вечеринки у Поташевой. Во время предварительного следствия и на суде было точно установлено, что перепечатывание сборника было закончено после ноябрьских праздников 1966 г. Показания Гинзбурга и Лашковой относительно этого полностью совпадают. Дата вечеринки у Поташевой была тоже точно установлена следствием и судом, путем допроса подсудимых и свидетелей. Этот день — 22 октября 1966 г.

Как же суд первой инстанции проверил показания Добровольского, которые он положил в основу обвинения против других подсудимых? Естественно предположить, что суд столкнул показания Добровольского с другими показаниями подсудимых и свидетелей. Однако этого не произошло. А когда мы попробовали сделать это сейчас, мы увидели, что показания Добровольского не выдерживают проверки — они полностью разбиваются, как только их поставишь рядом с точно установленными фактами.

И еще один тревожный момент: Добровольский, перелистывая альбомы с фотографиями лиц иностранного подданства, побывавших в СССР осенью 1966 г., не нашел среди них Генриха, не опознал его.

Вот и все, чем располагал суд первой инстанции, приговорив Александра Гинзбурга к тяжелому наказанию за то, что он «через Галанскова передал НТС для опубликования» сборник материалов по делу Синявского и Даниэля. С моей точки зрения, это обвинение совершенно необосновано.

Вторым, не менее грозним пунктом приговора является

обвинение в установлении Гинзбургом преступной связи с НТС: «В 1965 году подсудимые Гинзбург и Галансков установили преступную связь с зарубежной антисоветской организацией, именующей себя НТС». Откуда появилась в приговоре дата «1965 год», я думаю, никто сообщить не может, так как она не фигурировала ни в материалах следствия, ни в обвинительном заключении, ни на суде. Посмотрим, какими доказательствами располагал суд первой инстанции в обосновании этого пункта приговора. Во-первых, показаниями Добровольского о том, что Гинзбург связал Галанскова с НТС и что Гинзбург и Галансков знали о приезде в Москву эмиссара НТС Шаффхаузера. Во-вторых, показаниями Брокса Соколова о том, что деятель НТС Славинский называл в разговоре с ним Гинзбурга как участника подпольной деятельности в СССР. Беспристрастный анализ этих доказательств показывает, что опираться на них в приговоре совершенно невозможно. Рассмотрим их подробнее.

Итак, суд приводит слова Добровольского, что якобы Гинзбург связал Галанскова с НТС. Это конкретное утверждение, которое должно было бы опираться на какие-то доказательства. Ничего подобного по этому поводу в деле не имеется. В другом месте своих показаний Добровольский говорит о том, что связь с заграницей Галанскову передал Гинзбург, но при этом ни о какой организации НТС речь не идет. В приговоре сказано «связь с НТС», а об этом даже Добровольский ничего не говорил на предварительном следствии. Вот его показания: «Галансков сказал мне, что у него есть связь с заграницей с 1962 т. и что он получил ее от Гинзбурга. Я *догадывался*, что это НТС. С Гинзбургом я об этом никогда не говорил». Таким образом, мы видим явное нарушение, предусмотренное статьей 309 УПК РСФСР, когда обвинение основано на предложениях и догадках.

Приговор основывается также на показаниях Добровольского о том, что якобы Гинзбург и Галансков знали о предполагаемом приезде в Москву эмиссара НТС Шаффхаузера, что подтверждает наличие у них связи с этой организацией. Что же именно показывал Добровольский? «На работе в Литературном музее *из разговора* Гинзбурга с Галансковым *я понял*, что к Есенину-Вольпину должен приехать какой-то иностранец». Вот и все. Это не факт сообщения, а вывод Добровольского о каком-то разговоре, притом чу-

жом. «Я понял», — говорит он. При этом Добровольский нигде не говорит, что речь шла конкретно о Шаффхаузере и об НТС. Таким образом, мы видим, что даже показания Добровольского, на которые опирался суд первой инстанции, сильно интерпретированы и никак не могут быть положены в основу обвинения.

Обратимся к показаниям Брокса Соколова. В приговоре сказано, что в разговоре с Броксом Славинский называл Гинзбурга участником подпольной деятельности в Советском Союзе. В судебном заседании Николас Брокс Соколов показал, что он присутствовал в Гренобле на лекции Славинского «Подпольная литература в СССР». При этом в докладе Славинский упоминал фамилии Гинзбурга, Галансковa, Добровольского и некоторых других, а также называл различные журналы — среди прочего «Феникс-61», «Синтаксис», «Феникс-66» — и говорил о «Белой книге». Вот и все. Никаких записей о личных беседах Брокса со Славинским в деле нет, и непонятно, какими материалами располагал суд, когда ссылался на подобные »разговоры». Из лекции Славинского Брокс узнал то, что было общеизвестно и широко сообщалось зарубежной печатью и радио, а именно, что Александр Гинзбург составил сборник по делу Синявского и Даниэля, называемый «Белой книгой». Гинзбург никогда от этого и не отказывался, как, впрочем, и от того, что в 1960 г. он составил журнал «Синтаксис», включавший ненапечатанные стихи советских поэтов. Никаких новых сведений на этой публичной лекции Брокс Соколов не почерпнул. Таким образом, Брокс Соколов рассказал о содержании публичной лекции, прочитанной Славинским в Гренобле, а отнодь не о подпольной деятельности Гинзбурга в СССР.

Никакими другими доказательствами связи Гинзбурга с НТС суд не располагал. Но более того: в деле есть доказательства *отсутствия связи* Гинзбурга с этой эмигрантской организацией. Известно, что в январе 1967 г. в Ленинграде был задержан гражданин ФРГ Шаффхаузер. При аресте у него был отобран вопросник, с помощью которого на Западе хотели получить сведения о некоторых советских гражданах, в том числе и о Гинзбурге. Какие же вопросы там были? «Как оценивается политическая серьезность Гинзбурга? На какой политической платформе стоит Гинзбург?» и некоторые, подобные этим. В протоколе допроса

Шаффхаузера есть запись, где Шаффхаузер говорит, что эти вопросы имели целью изучить возможность привлечь этих лиц к сотрудничеству с НТС в будущем. *В будущем.* Я считаю, что это является полным оправданием Гинзбурга в отношении связи с зарубежной эмигрантской организацией НТС. Принимая все это во внимание, судебная коллегия должна была либо вынести оправдательный приговор, либо на основании ст. 314 УПК РСФСР указать на причины, по которым она отвергает эти доказательства. Однако судебная коллегия просто игнорировала эти факты и отвергла оправдательные доказательства без какой-либо мотивировки.

Теперь о содержании сборника материалов по делу Синявского и Даниэля. В приговоре сказано, что сборник содержит два криминальных документа: листовку, подписанную «Сопротивление», и «Письмо старому другу». Сам сборник криминальным не считается, а признан лишь тенденциозным. Чем же руководствовался Гинзбург, включая в свой сборник эти два документа?

Гинзбург считал приговор по делу Синявского и Даниэля неправильным. Он стремился к тому, чтобы этот приговор был отменен в установленном судебном порядке. Он собрал все доступные ему материалы — 150 документов. Из них 148 не квалифицируются судом как криминальные и лишь 2 признаны антисоветскими, содержавшими клевету на советский строй. Сам Гинзбург антисоветскими их не считает, и это должно было бы иметь для суда первостепенное значение, ибо это указывает на отсутствие у него антисоветского умысла. Гинзбург говорил о том, что эти документы широко ходили по Москве, имели непосредственное отношение к делу Синявского и Даниэля, и не было никаких оснований не включать их в сборник, предназначавшийся для передачи в высшие правительственные инстанции и компетентным должностным лицам. И Гинзбург принес свой сборник, например, в Комитет государственной безопасности, показывал его депутату Верховного Совета СССР писателю Эренбургу. Таким образом, мы видим, что цель, которую ставил перед собой Гинзбург, — это не свержение или подрыв власти, а ходатайство об отмене неверного, с его точки зрения, приговора по делу Синявского и Даниэля и передача сборника материалов по этому делу в высшие правительственные инстанции. Как уже говорил здесь

адвокат Ария, передача правительству своего государства любого документа с просьбой о его рассмотрении не образует состава преступления. И я с ним полностью солидарен в этом вопросе.

Александр Гинзбург обвиняется также в том, что совместно с Галансковым составил сборник «Феникс», содержащий ряд материалов, признанных криминальными, антисоветскими. Доказательствами этого обвинения являются: изъятие на квартире у Гинзбурга одного экземпляра этого сборника; показания самого Гинзбурга, что на квартире у Галанскова весной 1966 г. он читал «Открытое письмо Шолохову», автором котрого является Галансков; показания Добровольского о том, что «Феникс» Гинзбург и Галансков составляли вместе.

Начну с последнего. Дело в том, что, с моей точки зрения, в суде Добровольский не давал таких показаний. Но поскольку мои замечания на протокол разделили судьбу всех других замечаний всех других адвокатов, то есть, попросту говоря, не были приняты — мне придется считаться с этими показаниями Добровольского как с объективно существующим фактом и анализировать их. Даже приняв это голословное утверждение, суд не подкрепил его ни одним конкретным фактом, не привел никаких упоминаний ни об одном конкретном действии. Факт изъятия у Гинзбурга одного экземпляра сборника «Феникс» ни в коей мере не является доказательством участия Гинзбурга в составлении сборника. Максимально строгое обвинение, которое суд мог выдвинуть против Гинзбурга на основании этого факта, — это хранение этого сборника. Однако и этого сделать было нельзя, так как на предварительном следствии и суде Галансков подробно объяснил обстоятельства, при которых «Феникс» попал на квартиру к Гинзбургу, тем самым сняв с него обвинение в хранении. Относительно «Открытого письма Шолохову» Гинзбург показал, что он читал его на квартире у Галанскова весной 1966 г. в отсутствие самого Галанскова: «Я читал письмо, которое было значительно короче, чем то, что я потом прочел в сборнике во время предварительного следствия, когда мне дали возможность ознакомиться с «Фениксом». Но даже если бы Гинзбург читал и тот вариант письма, который вошел в «Феникс», и, более того, все документы этого сборника по отдельности или целиком, все равно это доказывает лишь то, что он

был *читателем* сборника «Феникс», но отнюдь не его автором или редактором. Таким образом, обвинение Александра Гинзбурга в составлении сборника «Феникс» я считаю беспочвенным, а доказательства, приведенные судом первой инстанции в обоснование этого пункта обвинения, совершенно недостаточными.

Александр Гинзбург обвиняется в распространении в СССР материалов антисоветского, клеветнического характера, изданных зарубежными издательствами. Под этим подразумевается передача Гинзбургом Губанову четырех газетных вырезок на французском, итальянском, норвежском и датском языках. В приговоре сказано, что вина Гинзбурга доказана его собственными показаниями и показаниями свидетельницы Басиловой — жены Губанова. Сам Гинзбург показывал: «Когда я собирал материалы по делу Синявского и Даниэля, мне попались в руки несколько газетных статей. Там шла речь о СМОГе. Я это понял, так как слово СМОГ было набрано крупными буквами. Эта тема меня не интересовала. Итальянским, датским и норвежским языками я не владею, с французского перевожу со словарем с трудом. Я отдал эти вырезки Губанову, одному из поэтов-смогистов, которого это могло интересовать». Таким образом, из показаний Гинзбурга мы видим, что содержание этих газетных вырезок было ему неизвестно. Но даже если предположить, что он знал о содержании этих статей, он не »распространял их в СССР», а передал только одному из смогистов, чтобы тот мог ознакомиться с тем, что пишут о СМОГе за рубежом. Однако, повторяю, Гинзбург вообще не знал содержания этих газетных материалов. Что же касается показаний свидетельницы Басиловой, то она, действительно, подтверждает, что Гинзбург передал ее мужу Губанову четыре газетных вырезки на иностранных языках, но она нигде не говорит, что Гинзбург знал, что они антисоветского содержания, и пропагандировал их.

Суд признал эти газетные материалы антисоветскими на том основании, что они клевещут на советскую действительность. В этой связи я хотел бы высказать одно соображение правового свойства: нельзя ставить знак равенства между понятиями «советская действительность» и «советский государственный и общественный строй». Первое можно трактовать сколь угодно широко, включая в него работу отдельных учреждений и их представителей, тогда как под

вторым следует понимать институт государственного устройства Советского Союза. И в этом смысле даже те документы, которые признаны судом антисоветскими, не являются таковыми в точном смысле слова.

Александру Гинзбургу предъявлено обвинение в том, что он привлек к преступной деятельности Лашкову и Добровольского (который, кстати говоря, как мы видим из материалов дела, уже в 1957 г. привлекался к уголовной ответственности по ст. 58[10] УК). Непонятно также, как мог Гинзбург привлечь Добровольского к преступной деятельности, если, по словам самого Добровольского, у них были отношения «здравствуй — до свиданья» и ни разу не было ни одного разговора на сколько-нибудь серьезную тему. Лашкова же печатала Гинзбургу материалы для сборника по делу Синявского и Даниэля. Один из этих документов — «Письмо старому другу» — признан судом криминальным. Но она показывала и на предварительном следствии, и на суде, что, принося эти материалы, Гинзбург говорил ей, что собирается послать свой сборник в высшие правительственные инстанции. Следовательно, никакого привлечения к преступной деятельности со стороны Гинзбурга не было. Это обвинение я также считаю недоказанным и необоснованным.

В приговоре говорится, что с 1960 г. органы государственной безопасности неоднократно привлекали Гинзбурга к ответственности за его антисоветскую деятельность. Действительно, два раза — в 1960 и 1964 годах — против Гинзбурга возбуждали уголовные дела по ст. 70 УК РСФСР, и оба раза эти дела были прекращены за отсутствием состава преступления. Таким образом, ссылка на эти прекращенные дела является нарушением, предусмотренным ст. 13 УПК РСФСР.

И, наконец, последнее. Когда речь идет об особо опасном государственном преступлении, которое квалифицируется по ст. 70 УК РСФСР, необходимо указывать на наличие у обвиняемого цели, направленной к свержению или ослаблению власти. В приговоре говорится: «Гинзбург, Галансков, Добровольский и Лашкова преследовали цель ослабления советской власти». В таких серьезных обвинениях нельзя говорить обо всех обвиняемых вкупе, тем более, что это не организация. Суд должен был представить отдельные доказательства применительно к каждому обвиняемому.

Между тем, ни один из свидетелей или подсудимых, даже Добровольский, не показывали, что Гинзбург совершал свои действия с целью подрыва или свержения власти, а сборник по делу Синявского и Даниэля, составленный им, даже органы следствия признали не антисоветским, а лишь «тенденциозным».

Кроме всего перечисленного, в приговоре говорится, что вина Гинзбурга доказана «совокупностью материалов предварительного и судебного следствия». Я всегда выступал против этой расплывчатой формулировки, поскольку совокупность материалов не является каким-либо новым доказательством и ничего не добавляет к тем доводам, которые уже были приведены ранее.

Итак, я считаю, что вина Александра Гинзбурга не доказана и справедливость требует, чтобы приговор в отношении его был отменен, а уголовное преследование прекращено.

СУДЬЯ предоставляет для заключения слово государственному обвинителю прокурору Терехову.

Речь государственного обвинителя

Я не думаю произносить обвинительную речь и анализировать все доводы, которые были представлены защитой. На это потребовалось бы не меньше, чем 6-7 часов. Но если я что и пропущу, то это не значит, что я согласен с тем, что говорит защита. А то тут появились отдельные комментаторы, которые говорят, что я в суде первой инстанции молчал после речей адвокатов, значит я с ними согласился. Так вот я заранее хочу предупредить, что я не согласен ни с одним доводом защиты.

Прокуратура Союза поручила мне высказать мнение, что она считает приговор по делу Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой правильным и законным по отношению ко всем осужденным.

В жалобах защиты имеется просьба признать Гинзбурга невиновным, а вину всех остальных подсудимых — Галанскова, Добровольского и Лашковой — переквалифицировать по ст. 190[1] УК РСФСР. Вернемся к доказательствам, которые были положены в основу решения суда первой инстанции.

Вина подсудимых Добровольского и Лашковой, кроме их чистосердечного признания в суде, подтверждается пока-

заниями свидетелей, а также фактом обнаружения у них вещественных доказательств.

Обвинение, предъявленное Гинзбургу, доказано признанием самим подсудимым того факта, что он составил сборник по делу Синявского и Даниэля, называемый также «Белая книга», в который включены два антисоветских документа: «Письмо старому другу» и листовка, подписанная «Сопротивление»; показаниями Гинзбурга и Лашковой о том, что она печатала этот сборник; а также показаниями Добровольского о том, что Гинзбург сделал, а Галансков передал с ведома Гинзбурга этот сборник за рубеж. Факт опубликования этого сборника за границей подтверждается приобщенным к делу журналом «Грани» № 62. Участие Гинзбурга в сборнике «Феникс-66», составленным Галансковым, подтверждается фактом изъятия у него на квартире одного экземпляра этого сборника, показаниями Добровольского о том, что этот сборник Гинзбург и Галансков делали вместе, и показаниями самого Гинзбурга о том, что он читал в рукописи «Открытое письмо Шолохову», написанное Галансковым и включенное им в сборник «Феникс».

Антисоветский характер деятельности Гинзбурга подтверждается показаниями свидетеля Брокса Соколова о том, что деятель НТС Славинский в личной беседе с ним называл Гинзбурга в числе тех, кто ведет в СССР подпольную антисоветскую борьбу, а также показаниями свидетелей Губанова и Басиловой о том, что Гинзбург передал им несколько вырезок антисоветского содержания из иностранных газет, получив их летом 1966 г. от одного иностранца. Тот факт, что Гинзбург не владеет или слабо владеет языками, на которых написаны эти газетные статьи, ничего не доказывает, ибо он мог пользоваться помощью лиц, знающих эти языки. Гинзбург был связан со шпионской разведывательной организацией НТС — тут адвокаты почему-то стыдливо называют ее не шпионской, а зарубежной эмигрантской организацией, а она именно шпионская и находится на содержании у ЦРУ. Связь Гинзбурга с НТС подтверждается показаниями Добровольского о том, что Гинзбург связал Галанскова с этой организацией и что они знали о предстоящем приезде в СССР эмиссара НТС Шаффхаузера.

Далее прокурор без дополнительных аргументов повто-

ряет все пункты приговора, касающиеся Галанскова, Добровольского и Лашковой.

Теперь мне хотелось бы остановиться на двух доводах защиты.

Защита говорит, что все основные пункты обвинения — связь с НТС, передача за рубеж сборников «Феникс» и «Белая книга» — базируются лишь на показаниях Добровольского, а Добровольский во время предварительного и судебного следствия многократно уличался во лжи, следовательно мы не должны были его показания брать в основу обвинения. Так ли это? Действительно ли Добровольского уличили во лжи? Давайте посмотрим.

Оказался ли за границей сборник «Белая книга»? Да. Тот ли это сборник, что составил Гинзбург? Да, тот. К делу приобщены все экземпляры сборника, а также журнал «Грани» № 62, в котором опубликована «Белая книга», включая два антисоветских документа: «Письмо старому другу» и листовку, подписанную «Сопротивление». Интересно заметить, что, как известно, всего было изготовлено 5 экземпляров этого сборника — где находятся 4 из них, Гинзбург называет, а на вопрос о местонахождении пятого он отвечать отказывается. Может быть, именно этот экземпляр и оказался за границей?

Теперь я хочу перейти к так сказать «коронному номеру» защиты — к вопросу о дате вечеринки в доме Поташевой, которая, по словам защиты, противоречит показаниям Добровольского и выводам следствия о факте и времени передачи за рубеж сборника «Белая книга».

Суд установил, что вечеринка у Поташевой была 22 октября 1966 г. По словам Добровольского, именно в этот день Галансков передал сборник «Белая книга» приехавшему в СССР эмиссару НТС Генриху. Лашкова говорит что закончила печатание сборника в ноябре, сразу после Октябрьских праздников 1966 г. Стало быть, делает вывод защита, 22 октября сборник «Белая книга» еще не мог быть передан за рубеж, так как был ненапечатан. Интересно получается. Вот у меня в руках «Грани» № 61. Здесь говорится, что в ряде западных издательств появились сообщения о предстоящей публикации сборника «Белая книга». Такие сообщения появились и во многих зарубежных газетах: 23 ноября были публикации в Швеции и Италии, 16 ноября —

в Швейцарии, 15 ноября — во Франции, в газете «Монд», 3 ноября — в Италии.

Далее прокурор подробно перечисляет зарубежные газеты, опубликовавшие сведения о предстоящей публикации «Белой книги». Сведения крайне противоречивы: в одних говорится, что сборник составил Галансков, в других — Гинзбург, в третьих — группа московских интеллигентов. В сообщениях содержится также много противоречий по поводу того, кому составитель его вручил или послал: Подгорному, Косыгину или кому-либо другому. Наконец, прокурор ссылается на заметку в итальянской газете от 19 октября, где говорится, будто группа московских интеллигентов составила сборник материалов по делу Синявского и Даниэля и вручила его Подгорному. Из этого прокурор делает вывод, что доводы защиты необоснованны и что уже к 19 октября сборник «Белая книга» был готов и мог быть 22 октября передан за рубеж.

СУДЬЯ спрашивает, есть ли у защиты какие-либо дополнительные объяснения.

ЗОЛОТУХИН. По поводу того, что мы в своих речах и жалобах называем НТС не шпионской, разведывательной, а зарубежной эмигрантской организацией, я хотел бы сказать, что мы пользуемся формулировкой обвинительного заключения и приговора. Что же касается факта передачи за рубеж сборника материалов по делу Синявского и Даниэля, я хотел бы привлечь ваше внимание к двум вопросам.

Во-первых, обвинение в кассационном суде широко использует материалы зарубежной прессы. Я высказываюсь против подобного рода доказательств, ибо свидетельства иностранных журналистов крайне противоречивы и не обоснованы, а между тем мы не можем вызвать этих журналистов в суд и проверить, где, когда и при каких обстоятельствах получили они эти сведения. Стало быть, эти свидетельства не могут быть использованы в качестве доказательств.

Во-вторых, по поводу «Граней» № 62. Там не опубликована *«Белая книга» Гинзбурга*, там опубликовано несколько документов, вошедших также и в сборник Гинзбурга. Сам Гинзбург на следствии и в суде показывал, что текст документов, вошедших в книгу, составлял не он сам, кроме его личного письма Косыгину, — они имели широкое хож-

дение по Москве. Кроме того, еще в «Гранях» № 58 была опубликована стенограмма процесса Синявского и Даниэля. Возвращаясь к «Граням» № 62, хочу сказать, что там опубликовано всего лишь 36 документов из 150, вошедших в «Белую книгу».

ПРОКУРОР. Но ведь среди этих документов есть листовка «Сопротивление» и «Письмо старому другу», а нас интересует *только это*.

ЗОЛОТУХИН. А меня интересует не только это, но и судьба Гинзбурга и вообще справедливость. Итак, там было опубликовано только 36 документов, а не «Белая книга», составленная Гинзбургом, как изволил выразиться прокурор.

КАМИНСКАЯ. Судебная коллегия установила, что печатание сборника «Белая книга» было закончено в ноябре 1966 г., и мы, естественно, пользуемся и должны пользоваться именно этими фактами и датами. Оспаривать это можно лишь в том случае, если появились какие-либо новые доказательства. Но тогда процессуальные нормы требуют признания приговора неверным и передачи дела на доследование. Я надеюсь, что товарищ прокурор такой цели не преследует.

Теперь несколько слов о том, что Галансков якобы распространял антисоветскую литературу. По словам прокурора, это подтверждается показаниями Кац и Лашковой. Прошу суд проверить по материалам дела, что на всем протяжении предварительного и судебного следствия все свидетели показывали, что никто из них не получал от Галанскова ни одного антисоветского материала. Я думаю, что в речь прокурора вкралась ошибка, и прошу суд это учесть.

ШВЕЙСКИЙ. Здесь, как и в суде первой инстанции, опять возникла полемика по поводу показаний Добровольского, их правильности и истинности. Я как адвокат Добровольского не могу выступить по этому вопросу только потому, что это вывело бы меня за пределы обвинения, предъявленного Добровольскому. Кроме того, я хочу повторить, что Добровольский действительно признавал, что читал сам и давал читать другим литературу антисоветского характера, но у суда не было никаких доказательств, что при этом у Добровольского имелся умысел, а потому я повторяю свою

просьбу переквалифицировать применительно к моему подзащитному ст. 70 на ст. 190[1] УК РСФСР.

СУДЬЯ. Суд удаляется на совещание.

Суд совещается полтора часа. Затем зачитывается определение суда, оставляющее приговор суда первой инстанции без изменения, а жалобы без удовлетворения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

СВИДЕТЕЛЬ Н. Б. БРОКС СОКОЛОВ

В настоящее приложение включены сообщения и статьи из газеты «Известия» в связи с задержанием и судом над гражданином Венесуэлы Броксом Соколовым, приехавшим в Москву в январе 1968 года с поручением от НТС. «Дело» Брокса, по-видимому, было задумано как своего рода пропагандный фон к процессу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой. Поэтому составитель настоящего сборника счел целесообразным приложить к нему посвященные Броксу Соколову публикации. «Открытое письмо» Брокса Соколова, опубликованное в «Известиях» 26. 2. 1968, включено в V раздел настоящего сборника, поскольку оно содержит прямые упоминания Галанскова, Гинзбурга и Добровольского (см. док. V-6).

№ 1

В КОМИТЕТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Несколько дней тому назад в результате проведенного оперативного мероприятия в гор. Москве задержан Брокс Соколов Николас, 1947 года рождения, уроженец гор. Целле, ФРГ, гражданин Венесуэлы, студент университета в гор. Гренобле (Франция), прибывший в СССР как турист.

У Брокса Соколова изъяты шапирограф, копирка для тайнописи, инструкция о нелегальных способах связи, антисоветские брошюры и газеты, несколько сот фотоклише для изготовления и распространения враждебных материалов с призывами к свержению существующего в СССР строя, письма провокационного характера и адреса некоторых деятелей науки и культуры, а также деньги на расходы, связанные с проведением подрывных акций.

Ведется расследование.

(«Известия», 3. 1. 1968.)

№ 2

ДНО

Ему на днях исполнится двадцать один год. Он родился в Западной Германии в семье выходца из России. Дома у него говорили по-русски, но с годами для его семьи понятие «родина» все больше утрачивало свой смысл. Родители переехали в Венесуэлу, приняли венесуэльское гражданство, отец, архитектор, поступил на службу в министерство общественных работ. Сына учиться послали во Францию, в университет в Гренобле. Там все и началось. Вначале около него оказался Дроздовский, давний друг их семьи, он только все выспрашивал, давал как будто полные дружеского участия советы. Дроздовский рекомендовал его Славинскому. Этот вел беседы, политика заняла в них главное место. Славинский в свою очередь познакомил его с Тамарой Волковой.

Волкова взяла быка за рога. Она объявила однажды, что ее «друзья» при его поездке в Россию хотели бы дать ему небольшое поручение. Потом Волкова его пригласила в Париж. Здесь к нему подключился некий Виктор, а затем Женя. Женя и принес ему туристическую путевку, деньги, а затем потайной пояс с закладками. Через несколько дней надлежало выехать в Советский Союз.

Так Николас Брокс Соколов отправился выполнять секретное подрывное задание против родной земли его отцов и дедов. Он стал шпионом.

Ему было приказано первые три дня пребывания в Москве ничего не предпринимать — следует осмотреться, учили его. «Предпринять» что-нибудь он так и не успел, органы безопасности взяли его с поличными. У Брокса Соколова изъяли шапирограф, копирку для тайнописи, несколько сот фотоклише для изготовления материалов, призывающих к свержению советского строя, а также советские деньги крупными купюрами.

С типично русским лицом парень, хорошо говорящий по-русски, — встретишь такого на улице или в театре, не отличишь его от наших ребят, — когда его арестовали, вначале, как его научили, все отрицал. Приехал-де на собственные деньги, очень интересно, мол, побывать в СССР, пояс — это просто так, забавы ради, действовал по собствен-

ной инициативе. Когда его изобличили, растолковали, в какую грязь он угодил, Николас все рассказал.

Да, попал в сети НТС, завербовали. Что за люди его вербовали, Николас точно не знал, ему неизвестно также и почему одно из клише датировано январем 1968 года, хотя арестовали его в декабре 1967-го. Он, похоже, действительно, немного знал, ему не очень доверяли — молодой, непроверенный. Да его информация вряд ли и добавила бы что-либо новое к тому, что в Москве и без того хорошо — шефы НТС не представляют себе, насколько хорошо, — известно.

Дело суда определить степень виновности Николаса. Пришли сообщения о том, что родители его крайне встревожены. Первой реакцией Бориса Брокса, отца Николаса, было крайнее изумление: как сын попал в Москву, откуда у него взялись для этого деньги? «Я предполагаю, что моим сыном воспользовались в качестве курьера для доставки подрывной литературы», — заявил потрясенный отец. Теперь, наверное, родители уже все узнали. Можно посочувствовать им. Венесуэльская газета «Насьональ» сообщила, что когда радиостанции Каракаса начали передавать сообщения об аресте Николаса в Москве по обвинению в шпионаже, «неизвестные личности забросали камнями крышу и двери дома его родителей». В Венесуэле, как видно, тоже не любят шпионов. Жаль и самого Николаса, жизнь его началась нехорошо, НТС навлекла на него беду.

Итак, снова НТС, о котором у нас знают в связи с его провалами. Вспомним арест другого эмиссара НТС — англичанина Брука, или как позднее «засыпался» агент НТС из ФРГ — Шаффхаузер. Теперь еще один. Ведь знают, что на советской земле им не разгуляться, а все едут и едут. Диву даешься.

Об НТС приходится вспомнить в связи с некоторыми новыми обстоятельствами. Привезенные Николасом Броксом Соколовым в поясе клише имеют к ним прямое отношение. Что же за таинственные клише были в поясе Николаса? Это длинная история, чтобы рассказать ее, приходится начинать «от печки».

НТС — осколок бесславно почившего «Российского общевоинского союза», который все пытался «освободить» Россию, да так и не преуспел. НТС, который расшифровывается ни более ни менее как «Народно-трудовой союз» (!), хотя

и к народу, и к честному труду его деятели имеют такое же отношение, что и к Марсу, также взвалил на себя непосильную работу по «освобождению». Это объединение «русских патриотов» очень скоро стало содержанкой едва ли не всех капиталистических разведок — от английской до японской. Во время войны НТС превратился в филиал гестапо, его деятели участвовали в расправах над населением оккупированных гитлеровцами районов, «консультировали» операции против партизан.

После войны НТС полностью перешел на службу сначала «Интеллидженс сервис» — британской разведки, а затем запродался американскому Центральному разведывательному управлению. В свое время в печати были опубликованы официальные документы совещания английской и американской разведок по вопросу об НТС. В документах на эту организацию прямо, неприкрыто возлагались функции шпионажа, причем «Интеллидженс сервис» уступала ЦРУ приоритет в руководстве НТС. Доллар стал хозяином. И хотя штаб-квартира НТС разместилась в специально выстроенном бараке на окраине Франкфурта-на-Майне и западногерманские марки, конечно, тоже не потеряли притягательной силы для новых руководителей этой организации, их черные душонки были отданы теперь доллару.

Подрывной работой НТС руководит так называемый «оперативный штаб». Ему непосредственно подчинены два основных отдела: «служба защиты», иначе говоря, контрразведка, она занимается в основном слежкой за самими НТС-овцами, и «оперативный», или «закрытый», сектор. В функции второго входит подготовка и заброска агентуры в Советский Союз и организация провокаций против советских граждан в капиталистических странах.

Алексей Толстой в своем «Черном золоте» приоткрыл дверь в затхлые подвалы предвоенной белой эмиграции. Однако мерзавцы, ярко и правдиво изображенные писателем, выглядят чуть ли не рыцарями в сравнении с публикой, окопавшейся ныне в НТС. Дело-то, собственно, не в них, природа уголовников — не тема нашего повествования. Эти люди самим присутствием у руководства антисоветской организации показывают, как мельчают слуги капитализма, какой дрянью пользуются в борьбе против идей коммунизма сегодняшние его враги.

Вот Околович, старый агент английской и бывшей бур-

жуазной польской разведок. В годы войны он был резидентом гестапо и руководителем группы провокаторов-подрывников в Смоленске, Минске, Бобруйске, не раз лично принимал участие в карательных операциях против местного населения. После войны Околович возвращается в английскую и поступает на службу в американскую разведки, его назначают «старшим руководителем» НТС. Регулярные провалы НТС плохо отражаются на карьере Околовича, он всеми силами пытается удержаться на своем посту. Это он, Околович, устроил взрыв в Шпредлингене, в переданном в распоряжение НТС здании, где прежде располагалась американская радиостанция, которая вела антисоветские передачи на русском языке. Здание было полностью разрушено. «Дело рук советских агентов!» — поднял истошный крик Околович. Потом выяснилось, что взрыв устроил он сам: таким образом хотел набить цену НТС, вот, дескать, как большевики нас боятся. Околовича все-таки сняли с поста «старшего руководителя», он теперь на вторых ролях, люто ненавидя тех, кто на первых, отчаянно завидуя им.

А вот другой «борец за свободную Россию» — Поремский. Еще до войны он вступил в контакт с французскими фашистами. Когда нацисты оккупировали Францию, Поремского сразу же направили в Берлин. Он оказывается в ведомстве Геббельса, становится комендантом школ немецких пропагандистов в Циттенгорсте и Вустрау. Он же преподаватель по «европейскому вопросу». Еще до капитуляции гитлеровцев Поремский бежал к англичанам. Его как военного преступника вначале посадили в лагерь, но уже через несколько дней освободили, поручив сколотить ядро НТС, — превозглашенная вскоре в Фултоне Черчиллем программа холодной войны нуждалась и в таком материальном подкреплении. Пьяница и развратник Поремский сегодня один из лидеров НТС.

Романов, он же Островский, нынешний главный руководитель этой организации, значится «председателем исполнительного бюро» НТС. До войны он был жителем Днепропетровска, в самый канун войны Романов за уголовные преступления должен был сесть в тюрьму. Его и теперь не раз привлекали к ответственности за то же, — американцы всякий раз выручали. Гитлеровцы тоже выручили его. Он сразу же предложил им свои услуги, и его назначили ре-

дактором издававшегося в Днепропетровске фашистского листка. Романов, наверное, очень хотел бы, чтобы не только листок, именовавшийся «Днепропетровской газетой», но и сама память о нем ушли, исчезли, растворились. Нет, Романов, ничего не забыто, ничто не растворилось! Экземпляры листка со статьями Романова, в которых он призывал немецкое командование еще более жестоко расправляться с местным населением, сохранились. В одной из статей он писал: «Фюрер, приказывай, мы слушаемся!» Другую прямо так и озаглавил: «Хайль, Гитлер!» Сегодня Романов все еще не отказался от намерения нести «свободу русскому народу!». Хваленый «свободный мир», гордись этим своим «крестоносцем»!

В 1943 году фашисты бегут из Днепропетровска. Романов с ними. Он работает в Берлине ответственным секретарем газеты «Новое слово», доносит гестапо на сотрудников, лижет у хозяев, что положено, те терпят его — такие фашистам нужны. Он оказался нужен и ЦРУ, на него в НТС была сделана главная ставка, с его помощью по линии этой организации планируются все подрывные антисоветские акции, через него в НТС от американской разведки идут денежные ассигнования.

Вот мы и подошли к главному, к деньгам, они ключ ко всему в этой компании. Среди всякого рода антисоветских эмигрантских организаций в США, Англии, Западной Германии НТС занимает особое место. Даже заведомые антикоммунисти из числа эмигрантов считают этот филиал ЦРУ, замешанный в самых грязных, «мокрых» делах, настолько мерзким средоточием уголовников, что стараются за версту обходить его стороной. В самом НТС практически не осталось былых его сторонников. Увидев, что за сброд оказался в руководстве, они в большинстве своем разбежались.

Романов, Поремский, Околович и их прихвостни остались практически наедине с ЦРУ — в американской разведке брезгливость не в ходу. Но и американцы все более косо глядят на барак НТС — деньги уплывают, и немалые, а результатов «работы» нет. О бездарности, никчемности, просто глупости «кадров» из НТС руководители ЦРУ уже не могут слышать — им прожужжали об этом уши. Романову все более неохотно отваливают щедрые когда-то куши.

Привыкшие купаться в роскоши «борцы» запаниковали —

угроза потерять доходные места стала вполне реальной. Они лезут из кожи вон, чтобы доказать американской разведке свою полезность, убедить ее, что расходы не являются напрасными. «Посев» — листок НТС, издание на уровне «Днепропетровской газеты» Романова — печатает теперь еще более вздорную, чем прежде, клевету на советский народ. Радиостанции НТС захлебываются в более злобной, чем когда-либо брани в адрес Советской страны. «Боевики» НТС, хвастается Романов перед шефами из ЦРУ, приведены в состояние готовности, их натаскивают для выполнения особо важных заданий, которые нанесут-де не иначе как «сокрушительный удар» по «советскому коммунизму». Вранье точно такое, как те сообщения, что вожаки банды запускают по радио. Им не на кого опереться, они в блокаде окружающего их всеобщего отвращения. «Нет, мы еще покажем себя, вот погодите, — визжат Романов и Поремский, — у нас есть планы».

Смешное состоит в том, что в ЦРУ все еще чего-то ожидают от них, рассчитывают на какие-то дивиденды, на то, что смогут с их помощью погреть руки. И все это после той бесконечной «липы», что долгие годы шла от руководителей НТС. Что-что, а искусство выколачивать из американцев доллары эта братия освоила. Какую только чушь Романов, Поремский, Околович и их прихлебатели не подбрасывали ЦРУ! Как-то они торжественно объявили, к примеру, о создании на территории ГДР «агентурной сети» из числа советских военнослужащих, представив даже их фотографии. За каждого «агента» был получен солидный «гонорар». А потом выяснилось, что никаких «агентов» нет и в помине, фотографии же оказались копиями со снимков погибших на войне советских воинов, отснятых на кладбище.

В 1964 году отряд советских военных кораблей посетил Данию и Норвегию. НТС создал «оперативную группу» для «работы» с советскими моряками. Участники группы отправились в Тронхейм, их снабдили немалыми деньгами. Там они прочно обосновались в местных ресторанах, к морякам же и не пытались подходить, зная, чем это может кончиться. Когда советские корабли уже разворачивались, покидая Тронхейм, «оперативники», убедившись, что им теперь никто не может дать по шее, выбросили заранее подготовленный антисоветский плакат. Плакат сфотогра-

фировали на фоне советских кораблей и представили как «вещественное доказательство успешной работы среди советских моряков».

Когда арестовали Брука, стало известно, что он опустил в Москве в почтовые ящики шесть адресованных жителям столицы конвертов с антисоветскими материалами НТС. Кстати, все шесть были переданы адресатами органам государственной безопасности. Прокурор спросил Брука: почему надо было привозить эти конверты в Москву, а не отправить их из Лондона?

— Видите ли, в этом весь фокус, — объяснил Брук. — Создается иллюзия, что такого рода материалы широко распространяются в Советском Союзе. — Иллюзия, разумеется, создавалась главным образом для кредиторов из ЦРУ.

«Имущество», изъятое у Брокса Соколова, было привезено с той же целью — создать видимость, что оно «местного», «советского» производства. Клише, изготовленные во Франкфурте-на-Майне, задолго до ареста очередного агента НТС, датировались январем 1968 года и были подписаны так, словно их сработали в Москве.

Это и есть разгадка. Романов и компания собирались подбросить ЦРУ очередной «успех». Снова сели в лужу. И всегда будут садиться, потому что их «свобода» не подходит нашим людям, потому что к фашистам у нас известное отношение — мы их бьем.

Плохо, плохо «борцам» из барака на окраине Франкфурта-на-Майне, в тираж они выходят. И пора. ЦРУ без них, конечно, будет труднее околпачивать конгрессменов, водить за нос налогоплательщиков. Но когда-нибудь это должно было случиться.

Что же касается Николаса Брокса Соколова, то зря он впутался в грязное дело.

В. Терентьев.

(«Известия», 9. 1. 1968.)

№ 3

ЗНАКОМОЕ ИМЯ

Из зала суда.

Уроженец ФРГ, гражданин Венесуэлы, студент Франции... Николас Брокс Соколов.

Не правда ли, знакомое имя? Да, это о нем писали «Известия» в начале года (№ 7 и 13). Этот человек был задержан органами государственной безопасности. У «туриста» были изъяты шапирограф, копирка для тайнописи, инструкция о нелегальных способах связи, антисоветские брошюры и газеты, фотоклише для изготовления и распространения материалов с призывами к свержению советского строя, письма провокационного характера в адреса некоторых советских деятелей науки и культуры, а также деньги — 3 000 рублей.

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда с утра 10 июля на открытом заседании начала слушание дела Соколова. В зале находятся жители советской столицы, советские и иностранные журналисты.

Перед советским судом предстал посыльный эмигрантского антисоветского отребья. Его, 20-летнего юношу, заманили в свои сети антисоветчики, именующие себя «народно-трудовым союзом», прислуживающие западным разведкам. Николас Брокс Соколов во всех деталях рассказывает суду о том, как его «обрабатывали» окопавшиеся во Франции и Западной Германии члены этой шпионской организации.

Подсудимый признает все выдвинутые против него обвинения по части 1 статьи 70 Уголовного кодекса РСФСР. Да, он дал согласие врагам Советского государства использовать свою туристскую поездку в Советский Союз для провоза антисоветских материалов. Он приехал в декабре 1967 года. Морозно было тогда в Москве, но иностранного гостя знобило не от холода. Он дрожал от страха. Его талию крепко перехватывал широкий полотнянный пояс с антисоветской начинкой.

Один за другим ложатся на судейский стол вещественные доказательства. Брокс Соколов и не думает отпираться. Он признает все. Выступают свидетели, в том числе и прибывший из ФРГ дядя подсудимого.

Суд идет. Точно соблюдается процедура правосудия. Подсудимому разъяснены права, которыми он может пользоваться, к его услугам переводчик и адвокат.

Суд идет...

Б. Кириллин.

(«Известия», 10. 7. 1968.)

№ 4

ДИВЕРСИОННАЯ ЗАТЕЯ И ЕЕ ФИНАЛ

Из зала суда.

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда вечером 10 июля закончила слушание дела уроженца Венесуэлы Николаса Брокса Соколова (см. «Известия» № 7, 13, 160), прибывшего на несколько дней в декабре 1967 года в Советский Союз в качестве туриста с намерением выполнить задание враждебной советскому народу шпионско-диверсионной организации, именующей себя «народно-трудовой союз». Суд, учитывая чистосердечное признание обвиняемого, его возраст, а также то обстоятельство, что он фактически подвергся обману натасканных западными разведками провокаторов из НТС, счел возможным ограничить меру наказния Брокса Соколова сроком предварительного заключения.

Б. Кириллин

(«Известия», 11. 7. 1968.)

Приложение II

ОТЧЕТ

Международному комитету борьбы за амнистию о моей поездке в Москву в связи с судом над Гинзбургом, Галансковым, Добровольским и Лашковой

И. О. Сёрхейм

Приготовления

В субботу 6 января в Норвежском отделении Комитета борьбы за амнистию меня спросили, не хочу ли я отправиться в Москву на суд, который, по сообщениям, должен начаться в понедельник 8-го. Я немедленно обратился за визой в советское посольство и заказал билеты через Norsk Folkeferie/Intourist.

Я просил о *туристской визе* и как »цель поездки« назвал «культурные и организационно-профессиональные контакты». При этом я советовался с проф. Торкелем Опсалом, который пытался совершить путешествие в декабре, когда о суде было впервые объявлено. Сначала он просил о визе как наблюдатель, но, получив отказ советского посольства, стал добиваться обычной туристской визы. С нашей точки зрения, важно, что нам не отказали — поездка не состоялась из-за того, что Интурист не утвердил заказа на билеты. (Поначалу утверждение было получено, но потом взято назад с объяснением, что произошла «ошибка»). Из этого мы вывели заключение, что на вопрос, можно ли наблюдать суд в качестве туриста, советские власти ответа не дали. Фактически они ответили проф. Опсалу, что вопрос о посещении суда нужно обсуждать с компетентными органами в Москве. Итак, наши действия основывались на прецеденте с проф. Опсалом. Процедура получения туристской визы довольно автоматична, ее выдали в 3 часа дня по времени Осло во вторник 9-го января, мой билет на самолет был заказан на среду 10-го в 12 часов 50 минут дня.

Международный комитет борьбы за амнистию сделал заявление для печати в полдень 9-го — за 20 часов до моего отбытия из Осло. Мы хотели сделать ясным до моего отъез-

да, что моей целью является посещение суда и получение информации о нем.

В среду утром в 10.30 мне позвонил г-н Лебедев, занимающийся оформлением виз в здешнем советском посольстве. Он был рассержен и сказал, что я дезинформировал их о цели поездки. Я возражал, что то, что названо в прошении о визе, отвечает цели поездки. Я сообщил ему, что собираюсь на месте обсудить с московскими властями возможность посещения суда. Он отвечал, что я еду в Советский Союз «как турист и по туристской визе». Я спросил, значит ли это, что статутом туриста несовместимы контакты с судебными органами с целью посещения суда и получения информации о нем. Я пять или шесть раз просил его конкретно объяснить мне, могу я или нет устанавливать подобные контакты, будучи туристом. Он же повторял все то же: «Вы едете как турист и по туристской визе».

Стало ясно, что он не имеет полномочий обсуждать с нами этот вопрос, и мы прекратили разговор. Он также сказал мне, что «суд, по-видимому, окончится сегодня» (в среду). Я спросил, справедливо ли сообщение об этом по радио (в среду утром, АП), и он ответил утвердительно.

Я подчеркиваю, что звонок из советского посольства был единственным случаем, когда советские власти подняли вопрос о моей визе. Я упоминаю об этом для тех из находящихся здесь и некоторых корреспондентов в Москве, кто считает, что цель звонка была в том, чтобы иметь оправдание на случай недовольства в Москве. Другой целью, разумеется, было иметь предлог для того, чтобы я вовсе не поехал.

Как вы помните, мы, посоветовавшись с вами по телефону, решили, что надо ехать.

Пребывание в Москве

Среда

Я прибыл в Москву в 8.05 вечера в среду 10-го января. Никаких проблем с проверкой паспорта не возникло. Таможенный офицер очень тщательно исследовал мой багаж, который состоял из одежды и трех словарей и не содержал никакой литературы полемического содержания. Я был настолько осторожен, что не взял с собой даже своего экземпляра Уголовного кодекса РСФСР, так как он был

на английском языке с предисловием американского профессора. Насколько я мог заметить, больше никто из пассажиров обыскан не был. Обыск происходил в мягкой атмосфере, и это был единственный инцидент в моем общении с властями, который можно считать неприятным. Я поехал в гостиницу «Россия», где останавливался в течение трех ночей моего пребывания в Москве.

Четверг

Утром я отправился в Московский городской суд (Каланчевская ул., 43), имея с собой рекомендательное письмо г-на Хааланда от Международного комитета борьбы за амнистию и сопроводительное письмо из Норвежской ассоциации адвокатов. Главный вход в здание был закрыт, и охранники предложили мне войти через заднюю дверь. Затем я вошел в коридор одного из крыльев здания, суд происходил в другом крыле. Прохода из крыла в крыло не было, коридор охранялся. Не было возможности увидеть вход в зал заседания из коридора в открытом крыле.

До обеда (2.00 дня) я сделал несколько попыток установить контакт с руководством суда и судьей, но без успеха. Служащие сообщили мне, что все судьи находятся на заседании «президиума» (собрание судей). Между этими попытками я находился в коридоре, где также ожидали иностранные корреспонденты и публика. Корреспонденты (до 20 человек) сказали мне, что среди ожидающих русских были некоторые друзья и родственники подсудимых, но большинство, по их мнению, из полиции безопасности (КГБ). У них, по-видимому, было три задачи: следить за происходящем в коридоре, информировать о суде и вовлекать ожидающих в споры. Ко мне скоро подошла их группа. Они вели себя довольно провокационно, пытались вступить со мною в спор, спрашивали обо мне самом и о моем мнении по поводу процесса. Мой ответ, разумеется, состоял в том, что я не могу иметь своего мнения, так как я не был допущен в зал заседаний суда. Они утверждали, что я должен был составить мнение на основании слышанного, но я настаивал на своем ответе. Их вопросы показывали, что они были очень хорошо проинструктированы относительно моей личности и намерений. В коридоре находился фотограф (в пятницу их было двое), который несколько раз снял меня, каждый раз, когда со мной загова-

ривали новые люди. Меня фотографировали с двух-трехметрового расстояниня — не делалось никаких попыток скрыть это.

После обеда секретарь в кабинете председателя суда сказала мне, что с просьбой о пропуске нужно обращаться к заместителю председателя Алмазову. Я ждал в течение 15 минут в его кабинете и был принят им и другим заместителем, Ряжским. Беседа длилась около 20 минут и проходила в вежливой, но формальной обстановке. Они ответили утвердительно на вопрос, открытый ли суд, но заявили, что зал заседаний столь переполнен, что получить пропуск нельзя. Это был *единственный аргумент*, который я услышал. Они подчеркивали, что хотели бы мне помочь, и сожалели, что это невозможно. Говорил Алмазов, Ряжский молчал, за исключением некоторых побочных замечаний: «О да, он был столь переполнен, что я сам не смог присутствовать в последние дни». Я настойчиво подчеркивал тот факт, что я, вероятно, единственный иностранный юрист из присутствующих, поэтому, если меня допустят в зал, это не будет иметь никаких практических последствий. Я использовал и такие аргументы: некоторые русские говорят, что иностранные журналисты дают необъективную информацию о суде. Поэтому в интересах советских властей дать мне сделать о нем объективный отчет. Но Алмазов лишь повторял, что дата суда стала известна нам слишком поздно. Я подчеркивал принципы и характер деятельности нашего Комитета и то, что моей единственной целью является получение возможно большей объективной информации о суде и подсудимых. Он никак не отвечал на это.

Беседа закончилась — довольно неожиданно — тем, что Алмазов взял мои рекомендательные письма, сказал: «Я попытаюсь увидеться с судьей, он — единственный, кто может сделать для вас исключение». Он вернулся через 45 минут и сказал, что судья слишком занят, чтобы рассмотреть мой вопрос. Алмазов казался очень расстроенным, но оставался корректным. Я сказал, что хочу подождать какой-либо возможности встретиться с судьей. Я сделал несколько попыток осуществить это через канцелярию суда, но не смог установить контакта с судьей (Мироновым).

Пятница

Я пришел к зданию суда за 20 минут до назначенного времени открытия (10 часов утра), но мне было сказано, что суд в этот день начался раньше. Судья был занят. В течение дня я много раз разговаривал с администрацией суда, полицией, заместителями председателя, с которыми встречался в четверг, но поговорить с судьей оказалось невозможным, хотя мне и говорили о нескольких перерывах. Я даже остался в здании суда на время обеда, но все напрасно. Я не пытался использовать другие каналы, как например Верховный Суд РСФСР. У меня не было юридических оснований для апелляций, так как единственное выдвинутое основание имело практический характер, что, очевидно, не является предметом разбора в более высоких судебных инстанциях. Кроме того, корреспонденты и другие лица были уверены, что решение закрыть вход в зал суда принято на очень высоком политическом уровне и не может быть предметом обсуждения. Я не хотел покидать здание суда еще по одной причине — чтобы мне не сказали потом: «Когда мы решили впустить вас, вас не оказалось».

В конце дня я был свидетелем того, как через главный вход выходили родственники после объявления приговора. По требованию прокурора, приговоры были следующими: Галанскову — 7 лет, Гинзбургу — 5 лет, Добровольскому — 2 года и Лашковой — 1 год. Происходившее было очень трогательным. У жены Галанскова была сломана нога, и ее отвозили в такси Павел Литвинов (опубликовавший очень энергичный протест против суда вместе с женой Юлия Даниэля) и сын осужденного писателя Юлия Даниэля. Она, казалось, была в трансе — не отвечала на приветствия собравших друзей. После ее отъезда тишина этого ледяного вечера (-25°С) была нарушена рыданиями старой женщины — матери Галанскова. Ее также посадили в такси и увезли. Толпа (около 200 человек) медленно расходилась.

Суббота

Я начал день с телефонных звонков в другие юридические органы, с которыми я планировал связаться с целью получения информации о процессе. Я скоро обнаружил, что все учреждения в субботу закрыты, и решил уехать на

родину в этот день, а не в понедельник утром, как намечалось раньше.

Я покинул Москву в 5.30 вечера; при отъезде не возникло никаких проблем.

Первые новости о суде советским людям сообщила вечерняя газета «Вечерняя Москва». В короткой заметке упоминались имена и приговоры; сообщалось также, что они были осуждены за антисоветскую деятельность.

Другие контакты

Я избегал контактов с отдельными гражданами. За мной все время следили, и я считал, что для целей поездки и Комитета будет лучше, если я буду вести себя строго корректно с точки зрения официальных органов.

Реакция советских властей

Вдобавок к тому, что я уже сообщал, хотел бы подчеркнуть, что я не слышал *ни одного аргумента против Комитета* и его деятельности. Доводы были практическими — нет места в зале суда.

Освещение в прессе

Моей поездке уделили большое внимание местная пресса, радио и телевидение. Меня три раза интервьюировали от радио, была прямая телевизионная передача в начале вечерних новостей в вечер моего возвращения, шведское телевидение интервьюировало меня в Стокгольмском аэропорту. Несколько газет посвятили суду передовицы, высказывая сожаление и осуждение, что представителя Комитета по амнистии не допустили в зал суда. Все газеты осуждали суровость приговоров.

Норвежское отделение пришлет вам отчет об этом.

Я при каждом случае подчеркивал цели и позицию Комитета и рассказывал о цели поездки.

Что теперь делать?

Не легко делать какие-либо предложения. Что, по моему мнению, надо сделать — это, очевидно, потребовать *полного отчета* о процессе, обвинении, ходе судебного разбирательства (в виде стенограммы), характере наказания, которое придется отбыть осужденным, возможность апелляций и т.д.

Интересно, что обвинение в спекуляции валютой как будто отпало в ходе процесса. Трудно что-либо советовать вам относительно формы протеста. Очень невелика информация о процессе, доказательствах вины и т. д. Но даже если и было установлено, что существовала связь с какой-либо организацией типа НТС, приговоры слишком суровы, трудно понять, каким образом небольшие группы такого типа могут представить существенную угрозу советскому государству. Могли бы протесты что-либо изменить, трудно сказать, равно как и судить о том, как протесты повлияют на возможность будущей деятельности Комитета по амнистии в Советском Союзе. Жаль, что я ничего не могу посоветовать вам по этому вопросу. Но, как я уже указывал, не было никаких нападок на Комитет ни во время моего пребывания в СССР, ни здесь со стороны представителей посольства.

Некоторые замечания о фоне событий

Суд над четырьмя молодыми советскими гражданами, Гинзбургом, Галансковым, Добровольским и Лашковой, как поначалу ожидалось, должен был состояться в Москве в конце 1967 года, но был отложен до 8-го января. Немногое известно об обвинениях, они идут под общей вывеской «антисоветской деятельности», статья 70 Уголовного кодекса РСФСР. Гинзбург, как стало известно, обвиняется в том, что он участвовал в издании в Западной Германии «Белой книги» о процессе Синявского и Даниэля. Галанскова обвиняют в подготовке и публикации машинописного журнала «Феникс-66». Добровольский и Лашкова были обвинены в помощи названным лицам в их деятельности, которая, по заявлению прокурора, включала контакты с эмигрантскими организациями типа НТС и распределение материалов, поступающих от этих организаций. Участие Лашковой, как говорят, включало работу по печатанию на пишущей машинке. Добровольский был свидетелем обвинения на суде.

В статьях, опубликованных после процесса (в «Литературной газете» и правительственных «Известиях») делаются попытки осмеять осужденных как писателей и интеллектуалов, заявляя, что они ничего не опубликовали в Советском Союзе. (Если они осуждены за то, что они написали,

сказали или сделали в связи с публикацией в других странах, то трудно понять логику этих статей.)

Максимальное наказание по ст. 70 — 7 лет; именно такое наказание получили как Галансков, так и Синявский более года тому назад. Этот суд — четвертый из судов над интеллигенцией за полуторогодовой период. Ранее прошли процессы над Синявским и Даниэлем, над Буковским и процесс над группой лиц в Ленинграде, которые интересовались религиозной философией. Некоторые из корреспондентов, с которыми я встречался в Москве, рассматривали эти процессы (равно как и другие события) как свидетельства похолодания климата во внутренней жизни в Советском Союзе. В этой связи нужно отметить, что либерализация не зашла столь далеко, чтобы позволить продавать в СССР какие-нибудь иностранные газеты кроме коммунистических. Представляет интерес тот факт, что подобные суды становятся известными советской общественности, и еще больший интерес представляет появление протестов против них. (Вроде демонстрации у здания суда и публикации, не в СССР, протестов, как тот, который выразили Литвинов и г-жа Даниэль.) В самом деле, очень трудно представить себе что-либо подобное в сталинский период, когда люди просто исчезали*.

(Перевод с английского.)

* К Отчету приложено Обращение к мировой общественности, подписанное Ларисой Богораз и Павлом Литвиновым.

Приложение III

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ

19 января 1968 года в доме Л. И. Гинзбург должна была состояться встреча иностранных корреспондентов в Москве с Л. И. Гинзбург, матерью Александра Гинзбурга, и О. В. Тимофеевой, женой Юрия Галанскова, на которой они собирались рассказать корреспондентам о недавно закончившемся процессе. Однако из-за вмешательства Отдела печати МИД СССР встреча не состоялась. Составитель настоящего сборника обратился к А. А. Амальрику, который в этот день был у Л. И. Гинзбург, с просьбой сообщить все, что тому известно об обстоятельствах несостоявшейся встречи.

П. М. Литвинову,
Москва, ул. Алексея Толстого, 8, кв. 78

Уважаемый Павел Михайлович,

в ответ на Вашу просьбу рассказать, что мне известно о несостоявшейся встрече матери Гинзбурга и жены Галанскова с иностранными журналистами, могу сообщить Вам следующее.

Я знаком с Людмилой Ильиничной Гинзбург, матерью Александра Гинзбурга, много лет, неоднократно заходил к ней и во время следствия и суда над ее сыном. 19 января 1968 года я зашел к ней около 11 часов утра и застал у нее Ольгу Тимофееву, жену Юрия Галанскова. Обе были очень взволнованы и тепло одевались, чтобы идти куда-то. Я спросил, в чем дело. Они ответили мне, что сегодня, к 11 часам, к ним должны приехать несколько иностранных корреспондентов, которым они собирались рассказать об обстоятельствах суда над их сыном и мужем. Однако, по их словам, в 9.30 к Л. И. Гинзбург неожиданно пришел помощник прокурора Октябрьского района Москвы П. П. Смекалкин, сообщил, что ему известно о предстоящей встрече, которую он назвал пресс-конференцией, и сказал, что частным лицам советскими законами запрещено устраивать пресс-конференции у себя дома, он предложил Л. И. Гинзбург и О. Тимофеевой выйти на улицу и там встретиться с журналистами. И вот теперь они одевались, чтобы выйти на улицу. Я спросил, не боятся ли они, что П. П. Смекалкин хотел таким

образом спровоцировать их на какие-либо уличные беспорядки, связанные с возможным нарушением работы транспорта, тем более, что журналисты приедут на машинах. В таком случае нескольким агентам КГБ ничего не стоило бы создать толпу и видимость беспорядков, что дало бы затем возможность предъявить Л. И. Гинзбург и О. Тимофеевой обвинения по ст. 190[3] УК РСФСР. Я посоветовал им не уходить из дома, тем более, что таких законов, на которые ссылался Смекалкин, в действительности нет. Тогда Л. И. Гинзбург и О. Тимофеева решили остаться дома, но попросили и меня не уходить на случай возможных новых провокаций.

Я спросил, о чем они собираются говорить. Они ответили, что об обстоятельствах следствия и суда, о многочисленных процессуальных нарушениях, о том, что им не давали делать записей на суде, а также собираются опровергнуть клеветнические измышления о их муже и сыне, появившиеся в «Известиях» и «Комсомольской правде». Я заметил, что на столе лежали копии протоколов обысков у Гинзбурга и Галанскова, а также программы спектаклей, в которых участвовал Гинзбург как актер, и дипломы, полученные им за победы в спортивных соревнованиях.

В 11 часов в комнату вошел человек, заявивший, что он один из иностранных корреспондентов, приглашенных на пресс-конференцию. Так как его никто не знал и не приглашал и его вид внушил подозрения, я попросил у него корреспондентское удостоверение. Он оказался сотрудником Управления по обслуживанию дипкорпуса МИД СССР В. Грицаном, прикомандированным в качестве фотокорреспондента к агенству Ассошиэйтед Пресс. Однако, поскольку он пришел один, я заподозрил, что он не только фотокорреспондент, но и агент КГБ, и, с согласия Л. И. Гинзбург, предложил ему уходить, сказал, что никакой пресс-конференции не будет. Он обрадовался и сказал, что он пришел как раз «подсказать», чтобы пресс-конференцию не устраивали, и предложил совместно «выработать формулировочку», которую он сейчас пойдет и сообщит журналистам. Я ответил, что никто не нуждается в его подсказаниях, пусть он ничего никому не сообщает и просто уходит. После этого он ушел.

Никто из журналистов, однако, не приходил. Зашла соседка и сказала, что из окна ее комнаты видно, как какие-

то люди стоят около дома и заворачивают подъезжающие иностранные машины. Нам из окна было видно, как по двору под окнами ходят несколько человек взад-вперед, по виду агентов КГБ. Так прошло более получаса. Я посоветовал О. Тимофеевой позвонить в одно из иностранных агентств и спросить, придет ли кто-нибудь. Она позвонила в агентство Рейтер и спросила, почему никто не едет. Корреспондент Рейтера извинился и объяснил, что их, а также других иностранных корреспондентов в Москве отдел печати МИД СССР предупредил, что если они поедут к Л. И. Гинзбург, то будут иметь «крупные неприятности».

Вскоре после этого Л. И. Гинзбург пошла в магазин купить чего-нибудь к кофе, а также рыбы для своей кошки. По ее словам, иностранных машин уже не было возле дома, но стояло значительное число машин КГБ, а также следом за ней, пока она делала покупки, ходило несколько агентов. Выпив кофе и посидев еще около часа, я пошел домой. Возле дома Л. И. Гинзбург никаких машин уже не было, также я не заметил какой-либо слежки за собой.

Андрей Амальрик
Москва Г-2, Вахтангова ул., 5, кв. 5

1 февраля 1968

ЛИСТОВКИ В МОСКВЕ

В июне 1968 года, независимо одна от другой, в Москве иностранными гражданами были сделаны две попытки распространить материалы в защиту политзаключенных, в том числе Галанскова и Гинзбурга.

6 июня бельгиец Роже де Би сделал попытку распространять петицию Фламандского комитета содействия Восточной Европе в защиту политзаключенных в СССР и листовки с портретами Галанскова и Гинзбурга. Он был выдворен из СССР, и эпизод прошел почти незамеченным. Больше внимания привлекла другая попытка. 17 июня трое англичан, Мариан Джанет Хаммонд, Джон Вивиан Бротон и Питер Джон Карсвелл, пытались распространить листовку группы «Черч» с требованием освобождения политзаключенных в СССР. Все трое также были выдворены из СССР.

Ниже приводится листовка группы «Черч», а также статья из газеты «Известия» и информация из машинописного журнала «Год Прав Человека в Советском Союзе», посвященные этим событиям.

№ 1

СВОБОДУ ГАЛАНСКОВУ!
СВОБОДУ БАПТИСТАМ!
СВОБОДУ ВСЕМ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫМ СССР!

(портрет Галанскова)

ЮРИЙ ГАЛАНСКОВ

28-летний поэт и пацифист, отбывает семилетний срок за свою деятельность за мир и свободу.

(портрет Рассела)

БЕРТРАН РАССЕЛ

Британский философ мировой известности, выдающийся среди прогрессивных кругов Запада. Его комментарии суда над Галансковым приводятся на последней странице.

В течение последних лет многие из нас на Западе, разделяющие желание советского народа найти более гуманную и справедливую замену капиталистической системы эксплу-

атации, были опечалены репрессивными действиями, предпринятыми вашей великой страной против горстки молодых писателей и поэтов, единственное преступление которых было утверждение, что понятие социалистическая справедливость вмещает в себе свободное экспериментирование с политическими и творческими мыслями, пусть даже с неправильными.

Мы верим, что справедливость и свобода это неотъемлимые основы великого общества, что одна зависит от другой. Вам и нам ясно, что капиталистическая система зиждится на свободе без справедливости, следовательно, недостаточно ни одной, как и другой. События же в Советском Союзе после революций указывают на то, что мощная элита попыталась создать социалистическую справедливость без свободы. Единственное последствие такого курса может быть отсутствие не только свободы, но и самой справедливости.

Эта простая доктрина стала очевидна во всем своем ужасе на суде Юрия Галанскова, Александра Гинзбурга, Алексея Добровольского и Веры Лашковой, который происходил в Москве 8-го января 1968 г. Этот процесс был издевательством над правосудием, с нарушением важнейших советских правовых норм. Нам хочется обратить ваше внимание на заявление *Ларисы Богораз* (жены заключенного писателя Юлия Даниэля) и *Павла Литвинова* (физика и внука Максима Литвинова), сделанное во время процесса.

«Дело приняло характер известных «процессов над ведьмами» уже на второй день, когда Галансков и Гинзбург, несмотря на год предварительного тюремного заключения... доказывали свою невиновность...

Судья Миронов ни разу не остановил прокурора — представителя обвинения. Лицам же, представляющим защиту, он позволяет говорить лишь то, что укладывается в заранее намеченную следствием КГБ программу...

Никому из свидетелей не разрешается оставаться в зале суда после дачи показаний, хотя советское законодательство даже обязывает к этому...

Зал заполнен специально отобранной публикой, сотрудниками КГБ, дружинниками, создающими видимость открытого, гласного судопроизводства. Эта публика шумит, гогочет, оскорбляет подсудимых, оскорбляет свидетелей. Судья Миронов не пытается прекратить нарушения порядка...

В такой накаленной атмосфере не может быть и речи ни

о какой объективности суда, ни о какой справедливой законности. Обвинительный приговор предрешен с самого начала.

Мы обращаемся к мировой общественности, и в первую очередь — к советской. Мы обращаемся ко всем, в ком жива совесть и смелость.

Требуйте публичного осуждения этого позорного процесса и наказания виновных.

Требуйте освобождения подсудимых из-под стражи.

Требуйте повторного разбирательства с соблюдением всех правовых норм и в присутствии международных наблюдателей.

Граждане нашей страны! Этот процесс — пятно на чести нашего государства и на совести каждого из нас. Вы сами избрали этот суд, этих судей — требуйте лишения их полномочий, которыми они злоупотребляли. Сегодня в опасности не только судьба трех подсудимых — процесс над ними ничуть не лучше знаменитых процессов тридцатых годов, обернувшихся для нас всех таким позором и такой кровью, что мы от этого до сих пор не можем очнуться».

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ

Андрей Синявский. 43-х лет. Литературный критик и преподаватель Литературного института в Москве. Поддерживал в печати молодых и талантливых писателей. Печатал свои произведения под псевдонимом за границей. В феврале 1966 года был осужден на *семь лет* заключения за то, что некоторые его произведения были признаны закрытым судом антисоветскими.

Юлий Даниэль. 43-х лет. Учитель, литературный переводчик. Печатал свои произведения под псевдонимом за границей. Осужден вместе с Синявским на *пять лет*. Протестовал против варварского лагерного режима.

Юрий Галансков. 28-и лет. В 1959-60 тодах участвовал вместе с Александром Гинзбургом в создании неофициальных журналов «Синтаксис» и «Феникс-1961», за что был исключен из МГУ. В 1965 году один демонстрировал против политики США в Доминиканской Республике. Редактор «Феникса-1966». Выступил в защиту политических прав Синявского и Даниэля, за что был арестован в январе 1967 г. осужден на *семь лет* год спустя.

Александр Гинзбург. 31-го года. Был редактором 3-х номеров журнала «Синтаксис», за что был осужден на *два года.* За составление Белой книги по делу Синявского и Даниэля, копию которой послал властям, был осужден на *пять лет* в январе 1968 г.

Владимир Буковский. 26-ти лет. Сотрудничал в качестве прозаика и критика в разных неофициальных журналах, за что был исключен из МГУ. Принимал участие в демонстрации против судебного произвола, за что был осужден на *три года* в августе 1967 г.

Помимо этих писателей, мы также знаем о 90 украинских интеллектуалов, осужденных в своем большинстве в 1965 году на долгие сроки за их требования культурной и политической автономии для Украины, гарантированной советской Конституцией. Других данных о них у нас нет.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ХРИСТИАН

Писатели и интеллектуалы не единственное меньшинство в Советском Союзе, которое предпочло каторгу компромиссу со своей совестью. В данное время около 200 баптистов-христиан отбывают сроки за свою веру. Некоторые отделы Уголовного кодекса (особенно параграф 142 и законы 1929 года, которые сильно ограничивают религиозную деятельность), по их мнению, не совместимы с христианским образом жизни, а также (что, кстати, должно больше интересовать советского гражданина) они противоречат 1) основному принципу советской Конституции и 2) «Всеобщей декларации прав человека», принятой Объединенными Нациями и подписанной Советским Союзом.

По определению, христиане в первую очередь верны авторитету высшему, стоящему вне любого авторитета, созданного человеком. Поэтому каждый христианин может стать перед дилеммой — повиноваться закону или велению совести. В протяжении истории подобная дилемма не раз вставала перед людьми. В то время, когда вы читаете эти строки, тысячи молодых и мужественных американцев не повинуются закону, предпочитая тюремное заключение участию в аморальной войне во Вьетнаме. Они следуют велению совести. Поэтому, как и советских христиан в заточении, их нельзя обвинять в нелояльности к своему народу.

ЗАЯВЛЕНИЕ БЕРТРАНА РАССЕЛА

«На Западе есть группа влиятельных людей, которая всегда готова злостно клеймить любое происшествие в Советском Союзе, одновременно хвастаясь «свободой» и «демократией», которыми пользуется так называемый свободный мир. Такие люди живут в черно-белом мире и не проявляют готовности оценивать вопросы по-существу. Те из нас на Западе, которые на протяжении многих лет боролись против этих холодных войн, приветствовали те большие перемены, которые происходили в Советском Союзе в течение последних пятнадцати лет и направленные, безусловно, к большему счастью и свободе. Эти замечательные развития подвергаются опасности издевательским судом, только что окончившимся в Москве. Несправедливость судопроизводства даже принудила обычно верного представителя коммунистической партии Советского Союза, орган коммунистической партии Великобритании, напечатать свои критические комментарии этого суда. Считаю, что дело этих советских писателей должно разбираться новым открытым судом, на котором им дана полная возможность себя защитить».

КТО МЫ ТАКИЕ?

Год тому назад в Англии группа христианских радикалов, марксистов и анархистов объединилась в единую организацию «ЧЁРЧ» (ЦЕРКОВЬ). Такое название было избрано в противовес ложному впечатлению реакционности христианства, созданному признанными церквами. За этот короткий срок наше воздействие возросло главным образом из-за необычных уличных демонстраций против американской агрессии во Вьетнаме. Среди таких демонстраций была попытка блокировать американскую воздушную базу; была и очная ставка с американским проповедником Билли Грэамом, как и пробный уличный спектакль, в котором изображались американские солдаты, наступающие на вьетнамских крестьян, и гибель последних.

В январе текущего года мы, как и большинство наших товарищей в движении за мир, были потрясены московским процессом. В виде протеста организовали шестичасовую демонстрацию возле советского посольства в Лондоне, тре-

буя немедленного освобождения заключенных. *Это и есть наш призыв сейчас, так как эти мужественные люди все еще в заточении. Пятно позора навеки ляжет на русский народ, если справедливость и свобода не восторжествуют в Советском Союзе.*

Издательство ЧЁРЧ. Лондон.

№ 2

ОСВИСТАННЫЙ ФАРС НА ПЛОЩАДИ МАЯКОВСКОГО

«Джон пошел встретиться с представителями прессы (иностранной — М. М.) в Москве в пятницу вечером и сообщить им, что мы намереваемся распространять листовки на площади Маяковского в понедельник около 6 часов вечера».

(Из показаний английской туристки Джанет Хаммонд.)

«Листовки не были задекларированы на таможне, они были провезени не в багаже, а под одеждой».

(Из показаний Джона Вивиан Бротона.)

Летний московский вечер, «час пик». Жарко. Тесно на мостовой, тесно на тротуарах. На площади Маяковского в это время особенно людно и шумно. Кончился рабочий день, но неугомонные москвичи по-прежнему спешат: кто на дачу, кто по делам, кто за билетом в кино, театр, на концерт. В общем все так, как было вчера и позавчера. Обычно...

Но прохожие не знали, что здесь, на площади искусства, троица молодых людей, прижавшись к подножию памятника Маяковскому, готовилась разыграть перед ними необычный спектакль, точнее — постыдный хулиганский фарс. Три парня в джинсах и девица в черных брюках бойко шарили глазами по площади. Они явно кого-то ждали. 18.20. «Кто-то», видимо, появился.

И это был сигнал. Обладатели потертых джинсов одним рывком сбрасывают свитера и остаются в белых майках, на которых крупными буквами намалеваны грубые антисоветские лозунги. Еще секунда, и с пачками каких-то бумаг вся троица бросается рассовать листки по чужим карманам, всунуть в сумки, в руки ничего не понимающих людей. То были листовки с клеветническими выпадами против советского народа и нашей страны. Молодые люди

продолжали наскакивать на прохожих, а в это время несколько человек лихорадочно защелкали затворами фотоаппаратов...

Удивление, вызванное наглостью провокаторов, длилось всего несколько мгновений. Москвичи быстро поняли, какую печатную «продукцию» намеревались всунуть им. Кто-то крикнул: «Товарищи, прекратим это безобразие!» Плотным кольцом троицу окружила возмущенная толпа. Вот прохожий крепко схватил одного из парней за руку, в которой тот сжимал пачку листовок. Парень бросил их на тротуар. Это был финальный жест неудавшегося провокатора. Листовки собрали. А через несколько минут москвичи уже вели всех троих в отделение милиции.

Там выяснилось, что задержанные являются английскими туристами. Поначалу они пытались вести себя с беззаботной наглостью, разговаривали свысока, грубили. Но как только узнали, что им придется отвечать за свои хулиганские поступки, наигранная спесь слетела с них в одно мгновение. Присмирев, они назвали себя: инженер-химик фирмы «Розин инжиниэринг компани» Джон Вивиан Бротон (25 лет), студент Саутхемптонского университета Питер Джон Карсвелл (22 года) и сотрудница международного издательства в Лондоне Мариан Джанет Хаммонд (21 год).

«Туристы» рассказали, что являются членами организации «Черч» (церковь), объединяющей церковников и анархистов, и что они приехали в Советский Союз специально для того, чтобы устроить на одной из центральных площадей Москвы антисоветскую демонстрацию. Для этого они тайно перевезли через границу 300 отпечатанных в Англии листовок.

Из показаний «туристов» видно, что распространение листовок было только частью их плана. Приехав в Москву, они сразу же связались с аккредитованными в СССР американскими и английскими журналистами, сообщив им место и час предстоящей провокации. Наивно надеясь на успех своей затеи, молодые англичане предполагали, что западным журналистам удастся заснять «манифестацию», которую, по их расчетам, должны были поддержать москвичи. Не случайно они и вырядились в майки, испещренные лозунгами на русском языке. В таком виде важно попасть в объектив фотоаппарата в окружении «сочувствующей толпы». А там, на снимке, поди разберись, сочувствует ли она или нет. По замыслам авторов провокации, появление

этих кадров должно было послужить сигналом для новой антисоветской кампании в буржуазной западной прессе.

Но организаторов «демонстрации» постигло жестокое разочарование. Прохожие быстро поставили их на место.

Не поздоровилось и фотографам. Старший инженер МВТУ С. А. Попов, слесарь СУ-60 А. П. Зарочинцев, инженер научно-исследовательского института А. К. Тулин и другие москвичи, возмущенные действиями иностранцев и тех, кто в провокационных целях старательно фотографировал эту безобразную сцену, посоветовали корреспондентам прекратить съемку. Однако слова не возъмели действия. Тогда москвичи потребовали у фотографов, чтобы они засветили пленку. Один из журналистов отмахивался от наседавших на него людей. Но в конце концов отдал камеру, а сам бросился наутек. Свидетели говорят, что перед тем как сесть в машину, он мрачно бросил на прощание: «Это дело хорошим не кончится. Пора уходить».

На крышке футляра фотоаппарата «Тарон» была обнаружена надпись — «Тони Коллингс, Ассошиэйтед Пресс». Однако впоследствии оказалось, что на месте происшествия был не Коллингс, а сам Генри Брэдшер, глава отделения агенства АП в Москве. А уж если Генри Брэдшер, в основу своей журналистской деятельности взявший сочинение всякого рода пасквилей и выискивание сенсаций, так позорно бежал с «поля боя», нетрудно догадаться, что дела провокаторов в тот вечер на площади Маяковского были действительно плачевны. Кстати, можем сообщить американскому журналисту: после того как москвичи засветили пленку в вашем, господин Брэдшер, фотоаппарате, они хотели его вам вернуть. Но отдать камеру было уже некому...

Что же толкнуло молодых англичан на столь, мягко выражаясь, необдуманный шаг? В показаниях «туристов» упоминается человек, который заслуживает того, чтобы о нем рассказать более подробно. Вивиан Бротон заявил, что после того как на собрании членов организации «Черч» была одобрена идея поездки в Москву, в подготовке листовок участникам провокации помогал некто Питер Реддевей. А эта личность хорошо известна в Советском Союзе. Выходец из богатой семьи (одному из его родственников, промышлявшему в России, до революции принадлежало предприятие в Кунцеве), выпускник славянского отделения Кэмбриджского университета (откуда английская разведка

вербует себе «специалистов» по Восточной Европе), Питер Реддевей был частым посетителем нашей страны.

В последний раз он приезжал в Советский Союз в 1963 году на стажировку в МГУ. Но науки англичанина явно не влекли. Он интересовался военными объектами, искал контактов с рабочими и служащими оборонных предприятий, собирал политическую информацию, в беседах с людьми охаивал советскую действительность, стремился вызвать недовольство.

В его московском «послужном списке» имеется и такая выразительная деталь. Реддевей пытался подбить обучавшихся в Москве студентов из Африки, Азии и Латинской Америки на создание антикоммунистической организации. Большое внимание «стажер» оказывал родственникам одного из изменников Родины, проживающих в Москве. Он стремился склонить их к выезду из СССР. Дело дошло до того, что родственники вынуждены были обратиться в Министерство иностранных дел СССР с просьбой оградить их от назойливого зарубежного гостя. В 1964 году Питер Реддевей был выдворен из нашей страны. Вот этот-то человек, тесно связанный с английской разведкой, и помогал туристам из организации «Черч» готовить гнусную провокацию в центре Москвы.

В отделении милиции Бротон, Карсвелл и Хаммонд пытались оправдать свой хулиганский поступок. Они, видите ли, приехали в Москву чуть ли не для того, чтобы «просветить» советских людей. Этим «свободолюбцам» невдомек, что в подлинно демократическом обществе форму общественного строя избирает сам народ. Советские люди гордятся своей страной, своей социалистической системой и не позволят вмешиваться в свои внутренние дела никаким лжепоборникам свободы.

Однако английские «туристы», видимо, забыли об этом элементарном требовании демократии. Да и им ли говорить о свободе, о демократии, им, впутавшимся в нечистую игру империалистической разведки?! Их выходка должна была сыграть на руку тем кругам, которые враждебно настроены к нашей стране, нашему народу. Хотели они этого или нет, Бротон, Карсвелл и Хаммонд оказались орудием в руках людей типа Питера Реддевея и тех, кто стоит за его спиной, людей, не брезгующих никакими средствами в борьбе против Страны Советов.

За незаконный провоз антисоветских листовок, их распространение среди советских граждан, за нарушение общественного порядка на удлицах Москвы Бротон, Карсвелл и Хаммонд по советским законам должны были предстать перед судом и соответственно понести наказание. Однако компетентные органы Советского Союза гуманно отнеслись к нарушителям и ограничились выдворением их из СССР, приняв во внимание молодость преступников, их политическую незрелость и чистосердечное признание.

Но дело не только в этих смягчающих вину обстоятельствах. Ясно, что при всей своей наглости «туристы» — не более чем мелкие исполнители, попавшие в липкие сети английской разведки. Реддевей и ему подобные предпочли остаться в Лондоне, не рискнув приехать в Москву. Роль «козлов отпущения» они отвели молодым. А таким исполнителям, право же, лучше всего просто показать на дверь. И больше никогда ее перед ними не открывать.

Антисоветский спектакль, как видим, с треском провалился. В этот жаркий вечер в Москве, на площади Маяковского, его провалили советские люди. Авторы фарса жестоко посрамлены.

Такой поворот событий пришелся кое-кому в Англии явно не по душе. В целом ряде британских газет появились статьи, в которых тенденциозно излагалась неудавшаяся антисоветская демонстрация. «Дейли миррор» и «Гардиан», например, пытаются связать фиаско молодых церковников и анархистов с тем, что площадь Маяковского будто бы была заполнена... переодетыми в штатское милиционерами и что они, мол, «грубо обращались» с западными журналистами. Ну и, конечно, «Гардиан» уверяет, что фотоаппарат у корреспондента агентства АП Генри Брэдшера отобрали все те же переодетые агенты.

Что ж, ложь — испытанный прием буржуазной прессы, и вряд ли стоит вступать в полемику с лгунами. Скажем лишь, что в сообщении другой английской газеты «Дейли Телеграф» промелькнула правдивая фраза о том, что провокацию на площади Маяковского прервала «возмущенная толпа» прохожих. Ну а тем, кто в это не верит, мы посоветуем обратиться к Генри Брэдшеру. Он-то отлично знает, что и как произошло на площади Маяковского и почему он поспешил унести ноги, бросив фотокамеру.

М. Меласов

(«Известия», 21 июня 1968.)

№ 3

ЛИСТОВКИ ГРУППЫ «ЧЕРЧ» НА ПОЩАДИ МАЯКОВСКОГО

В 6 часов вечера 17 июня в Москве на площади Маяковского трое молодых англичан предприняли попытку распространить листовку, требующую свободы для советских политзаключенных. Молодые люди, Джанет ХЭММОНД, 20 лет, Джон КЭРСВЕЛЛ, 21 года, и Вивиан БРОТОН, 25 лет, были задержаны представителями органов госбезопасности и на следующий день высланы за пределы Советского Союза. Они являются членами молодежной организации «Черч» («Церковь»). Эта организация создана год назад и объединяет христианских радикалов, марксистов и анархистов. Она известна многими уличными демонстрациями против американской агрессии во Вьетнаме. В январе, после московского процесса, ее члены организовали шестичасовую демонстрацию у советского посольства в Лондоне.

Листовка группы «Черч» ни в коем случае не носит антисоветского характера. Как в приведенном там заявлении Бертрана РАССЕЛА, так и в словах самих авторов листовки — сожаление и тревога друзей нашей страны по поводу репрессивных мер, предпринимаемых в Советском Союзе против свободы слова и совести. Листовка открывается портретами Юрия ГАЛАНСКОВА и лорда Бертрана РАССЕЛА и призывом: «СВОБОДУ ГАЛАНСКОВУ! СВОБОДУ БАПТИСТАМ! СВОБОДУ ВСЕМ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫМ СССР!» В листовке приводятся краткие сведения о пятерых политзаключенных — об Андрее СИНЯВСКОМ, Юлии ДАНИЭЛЕ, Юрии ГАЛАНСКОВЕ, Александре ГИНЗБУРГЕ и Владимире БУКОВСКИМ, о преследовании християн-баптистов в СССР, напечатан отрывок из обращения Ларисы БОГОРАЗ и Павла ЛИТВИНОВА «К мировой общественности» и заявление Бертрана РАССЕЛА. Вот это заявление с небольшими сокращениями:

«На Западе есть группа влиятельных людей, которая всегда готова злобно клеймить любое происшествие в Советском Союзе, одновременно хвастаясь «свободой» и «демократией», которыми пользуется так называемый свободный мир. Такие люди живут в черно-белом мире и не проявляют готовности оценивать вопросы по существу. Те из нас на Западе, кто на протяжении многих лет боролся против

этих Холодных Войн, приветствовали большие перемены, происходившие в Советском Союзе в течение последних лет и направленные, безусловно, к большему счастью и свободе. Это замечательное развитие подвергнуто опасности издевательским судом, только что окончившемся в Москве. Несправедливость судопроизводства даже принудила орган коммунистической партии Великобритании напечатать свои критические комментарии этого суда. Я считаю, что дело этих советских писателей должно разбираться новым открытым судом».

Еще раньше, 6 июня, представитель Фламандского комитета содействия Восточной Европе Роже де БИ распространял около метро «Арбатская» петицию комитета об освобождении политзаключенных и открытки с их портретами. Он также был задержан и выслан.

23 июня Лариса БОГОРАЗ и Павел ЛИТВИНОВ сделали следующее заявление: «Мы глубоко тронуты смелым поступком трех молодых англичан, открыто выступивших в защиту прав человека в нашей стране. Несколько месяцев назад мы убедились, что наш протест нашел отклик у ведущих деятелей культуры Европы и Америки. Это было для нас огромной моральной поддержкой. Теперь мы с радостью видим, на примере фламандцев и англичан, что также и прогрессивная молодежь Запада понимает смысл нашей борьбы».

«Год Прав Человека в Советском Союзе, хроника текучих событий», выпуск 2, 30 июня 1968

СПРАВОЧНЫЙ РАЗДЕЛ

УПОМИНАЕМЫЕ СТАТЬИ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСОВ РСФСР*

УК РСФСР

Ст. 64. Измена Родине

а) Измена Родине, то есть деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб государственной независимости, территориальной неприкосновенности или военной мощи СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти —

наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или смертной казнью с конфискацией имущества.

б) Не подлежит уголовной ответственности гражданин СССР, завербованный иностранной разведкой для проведения враждебной деятельности против СССР, если он во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой.

Ст. 69. Вредительство

Действие или бездействие, направленное к подрыву промышленности, транспорта, сельского хозяйства, денежной системы, торговли или иных отраслей народного хозяйства,

* Тексты статей приводятся по изданиям: «Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 16 сентября 1966 г.», изд-во «Юридическая литература», Москва, 1966 и «Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 23 июня 1967 г.», изд-во «Юридическая литература», Москва, 1967. Указания на даты введения настоящих редакций ряда статей везде опущены. Не включены статьи УПК, упомянутые только в док. IV-27, поскольку в нем содержатся пространные выдержки из упоминаемых статей.

а равно деятельности государственных органов или общественных организаций с целью ослабления Советского государства, если это деяние совершено путем использования государственных или общественных учреждений, предприятий, организаций либо путем противодействия их нормальной работе, —

наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки.

Ст. 70. Антисоветская агитация и пропаганда*

Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания —

наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или ссылкой на срок от двух до пяти лет.

Те же действия, совершенные лицом, ранее осужденным за особо опасные государственные преступления, а равно совершенные в военное время, —

наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки.

Ст. 72. Организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации

Организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению особо опасных государственных преступлений, к созданию организации, имеющей целью совершить такие преступления, а равно участие в антисоветской организации —

наказываются соответственно по статьям 64–71 настоящего Кодекса**.

---

* В УК РСФСР 1926 г. этой статье соответствовала ст. 58[10].

** Статьи, определяющие «особо опасные государственные преступления».

Ст. 88. Нарушение правил о валютных операциях

Нарушение правил о валютных операциях, а также спекуляция валютными ценностями или ценными бумагами —

наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет с конфискацией имущества или без конфискации, с обязательной конфискацией валютных ценностей и ценных бумаг и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки.

Спекуляция валютными ценностями или ценными бумагами в виде промысла или в крупных размерах, а равно нарушение правил о валютных операциях лицом, ранее осужденным по части первой настоящей статьи, —

наказывается лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или смертной казнью с конфискацией имущества.

Ст. 171. Превышение власти или служебных полномочий

Превышение власти или служебных полномочий, то есть умышленное совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему законом, если оно причинило существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан, —

наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или увольнением от должности.

Превышение власти или служебных полномочий, если оно сопровождалось насилием, применением оружия или мучительными и оскорбляющими личное достоинство потерпевшего действиями, —

наказывается лишением свободы на срок до десяти лет.

Ст. 181. Заведомо ложное показание

Заведомо ложное показание свидетеля или потерпевшего или заведомо ложное заключение эксперта, а также заведомо неправильный перевод, сделанный переводчиком в суде либо при производстве предварительного следствия или дознания, —

наказывается лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на тот же срок.

Те же действия, соединенные с обвинением в особо опас-

ном государственном или ином тяжком преступлении либо с искусственным созданием доказательств обвинения, а равно совершенные с корыстной целью, —

наказываются лишением свободы на срок от двух до семи лет.

Ст. 182. Отказ или уклонение свидетеля или потерпевшего от дачи показаний или эксперта от дачи заключения

Отказ или уклонение свидетеля или потерпевшего от дачи показаний или эксперта от дачи заключения в судебном заседании либо при производстве предварительного следствия или дознания, а равно воспрепятствование явке свидетеля или потерпевшего или даче ими показаний —

наказывается исправительными работами на срок до шести месяцев, или штрафом до пятидесяти рублей, или общественным порицанием.

Ст. 190^1. Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй

Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания —

наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей.

Ст. 190^3. Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок

Организация, а равно активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти, или повлекших нарушение работы транспорта, государственных, общественных учреждений или предприятий, —

наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей.

Ст. 196. Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков

Подделка удостоверения или иного выдаваемого государственным учреждением, предприятием или общественной организацией документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях использования такого документа самим подделывателем или другим лицом, либо сбыт такого документа, а равно изготовление поддельных штампов, печатей, бланков государственных учреждений, предприятий или общественных организаций в тех же целях либо сбыт их —

наказывается лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок до одного года.

Те же действия, совершаемые систематически, —

наказываются лишением свободы на срок до пяти лет или ссылкой на тот же срок.

Использование заведомо подложного документа —

наказывается лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до тридцати рублей.

Ст. 198. Нарушение паспортных правил

Злостное нарушение паспортных правил в местностях, где введены специальные правила проживания и прописки, если это нарушение выразилось в проживании без паспорта или без прописки и если ранее лицо за это уже было дважды подвергнуто административному взысканию, —

наказывается лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до пятидесяти рублей.

УПК РСФСР

Ст. 13. Осуществление правосудия только судом

Правосудие по уголовным делам осуществляется только судом. Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда.

Ст. 18. Гласность судебного разбирательства

Разбирательство дел во всех судах открытое, за исключением случаев, когда это противоречит интересам охраны государственной тайны.

Закрытое разбирательство, кроме того, допускается по мотивированному определению суда по делам о преступлениях лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, по делам о половых преступлениях, а также по другим делам в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц.

Приговоры судов во всех случаях провозглашаются публично.

Ст. 59. Обстоятельства, устраняющие судью от участия в рассмотрении уголовного дела

Судья не может участвовать в рассмотрении дела:

1) если он является потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, свидетелем, а также если он участвовал в данном деле в качестве эксперта, специалиста, переводчика, лица, производившего дознание, следователя, обвинителя, защитника, законного представителя обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика;

2) если он является родственником потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей, родственником обвиняемого или его законного представителя, родственником обвинителя, защитника, следователя или лица, производившего дознание;

3) если имеются иные обстоятельства, дающие основание считать, что судья лично, прямо или косвенно, заинтересован в этом деле.

В состав суда, рассматривающего уголовное дело, не могут входить лица, состоящие в родстве между собой.

Ст. 135. Участие понятых

При производстве осмотра, обыска, выемки, освидетельствования, а также других следственных действий, в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, вызываются понятые. Понятые вызываются в количестве не менее двух.

В качестве понятых могут быть вызваны любые незаинтересованные в деле граждане.

Понятой обязан удостоверить факт, содержание и результаты действий, при производстве которых он присутствовал. Понятой вправе делать замечания по поводу произведенных действий. Замечания понятого подлежат занесению в протокол соответствующего следственного действия.

Перед началом следственного действия, в котором участвуют понятые, следователь разъясняет им права и обязанности.

Ст. 169. Лица, присутствующие при выемке и обыске

При производстве выемки или обыска обязательно присутствие понятых.

При обыске и выемке должно быть обеспечено присутствие лица, у которого производится обыск или выемка, либо совершеннолетних членов его семьи. В случае невозможности их присутствия приглашаются представители домоуправления, исполнительного комитета сельского или поселкового Совета депутатов трудящихся.

Выемки или обыски в помещениях, занятых учреждениями, предприятиями, организациями, производятся в присутствии представителя данного учреждения, предприятия, организации.

Лицам, у которых производится выемка или обыск, понятым, представителям должно быть разъяснено их право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявления по поводу этих действий, подлежащие занесению в протокол.

Ст. 170. Порядок производства выемки и обыска.

Производство выемки и обыска в ночное время, кроме случаев, не терпящих отлагательства, не допускается. Приступая к выемке или обыску, следователь обязан предъявить постановление об этом. В необходимых случаях для участия в производстве выемки или обыска следователь вправе вызвать соотвествующего специалиста.

При производстве обыска после предъявления постановления следователь предлагает выдать орудия преступления, предметы и ценности, добытые преступным путем, а также другие предметы или документы, могущие иметь значение для дела. Если они выданы добровольно и нет оснований опасаться сокрытия разыскиваемых предметов и документов, следователь вправе ограничиться изъятием выданного и не производить дальнейших поисков.

При производстве обыска и выемки следователь вправе вскрывать запертые помещения и хранилища, если владелец отказывается добровольно открыть их, при этом следователь должен избегать не вызываемого необходимостью повреждения запоров, дверей и других предметов.

Следователь обязан принимать меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные при обыске и выемке обстоятельства интимной жизни лица, занимающего данное помещение, или других лиц.

Следователь вправе запретить лицам, находящимся в помещении или месте, в котором производится обыск, а также лицам, приходящим в это помещение или место, покидать его, а также сноситься друг с другом или иными лицами до окончания обыска.

Ст. 171. Изъятие предметов и документов при выемке и обыске

При производстве выемки и обыска следователь должен строго ограничиваться изъятием предметов и документов, могущих иметь отношение к делу. Предметы и документы, запрещенные к обращению, подлежат изъятию независимо от их отношения к делу.

Все изымаемые предметы и документы предъявляются понятым и другим присутствующим лицам и в случае необходимости упаковываются и опечатываются на месте выемки или обыска.

Ст. 176. Протокол выемки, обыска, наложения ареста на имущество

О производстве выемки, обыска, наложения ареста на имущество следователь составляет протокол с соблюдением требований статей 141 и 142 настоящего Кодекса. Если, кроме протоколов, составляется особая опись изъятых или передаваемых на особое хранение предметов и документов, опись прилагается к протоколу. Протокол выемки, обыска, наложения ареста на имущество должен содержать указание на разъяснение присутствующим лицам прав, предусмотренных статьей 169 настоящего Кодекса, и сделанные ими заявления.

В отношении предметов и документов, подлежащих изъятию, должно быть указано, выданы ли они добровольно или изъяты принудительно, в каком именно месте и при каких обстоятельствах они обнаружены. Все изымаемые предметы и документы, а равно все описываемое имущество, должны быть перечислены в протоколе или приложенной к нему описи с точным указанием количества, меры, веса или индивидуальных признаков и по возможности их стоимости.

Если при выемке, описи, наложении ареста на имущество имели место попытки уничтожить или спрятать предметы и документы либо факты нарушения порядка со стороны обыскиваемых или других лиц, протокол должен содержать указание на это и на меры, принятые следователем.

Ст. 177. Обязательность вручения копии протокола

Копия протокола вручается под расписку лицу, у которого были произведены выемка, обыск, наложение ареста на имущество, или совершеннолетним членам семьи, а при их отсутствии — представителю исполнительного комитета сельского или поселкового Совета депутатов трудящихся или домоуправления.

Если выемка, обыск, наложение ареста на имущество производились в помещении, принадлежащем учреждению, предприятию, организации, копия протокола вручается под расписку соответствующему должностному лицу.

Ст. 201. Ознакомление обвиняемого со всеми материалами дела

Признав собранные доказательства достаточными для составления обвинительного заключения и выполнив требования статьи 200 настоящего Кодекса*, следователь объявляет обвиняемому, что следствие по его делу окончено и что он имеет право на ознакомление со всеми материалами дела как лично, так и с помощью защитника, а равно на заявление ходатайства о дополнении предварительного следствия.

Если обвиняемый не заявил о желании иметь защитника, ему предъявляются для ознакомления все материалы дела. В случаях, когда обвиняемый ходатайствует о вызове защитника для участия в ознакомлении с производством по делу, а равно в случаях, когда защитник участвует в деле с момента предъявления обвинения, следователь предъявляет все материалы дела обвиняемому и его защитнику. При этом предъявление материалов дела должно быть отложено до явки защитника, но не более чем на пять суток. При невозможности для избранного обвиняемым защитника явиться в указанный срок следователь принимает меры для вызова другого защитника. Все материалы дела предъявляются обвиняемому и его защитнику в подшитом и про-

* Ст. 200. Ознакомление потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика с материалами дела.

нумерованном виде. Если при производстве предварительного следствия применялись киносъемка или звукозапись, то они воспроизводятся обвиняемому и его защитнику. По просьбе обвиняемого или его защитника следователь вправе разрешить им знакомиться с материалами дела раздельно.

Если по делу привлечено несколько обвиняемых, каждому из них предъявляются все материалы дела.

По окончании ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела следователь обязан спросить их, ходатайствуют ли они о дополнении следствия и чем именно.

Обвиняемый вправе в процессе ознакомления с материалами дела выписывать из него необходимые сведения.

Ст. 221. Предание суду

Судья при наличии достаточных оснований для рассмотрения дела в судебном заседании, не предрешая вопроса о виновности, выносит постановление о предании обвиняемого суду.

В случаях несогласия судьи с выводами обвинительного заключения, а также при необходимости изменить меру пресечения, избранную в отношении обвиняемого, дело подлежит рассмотрению в распорядительном заседании суда. При этом независимо от оснований внесения дела на рассмотрение распорядительного заседания суд решает все вопросы, отнесенные к ведению распорядительного заседания.

Вопрос о предании суду должен быть разрешен судьей или судом в распорядительном заседании не позднее четырнадцати суток с момента поступления дела в суд.

Ст. 239. Сроки рассмотрения дела в судебном заседании

Дело должно быть начато рассмотрением в судебном заседании не позднее четырнадцати суток с момента вынесения постановления судьи либо определения распорядительного заседания о предании обвиняемого суду.

Ст. 283. Допрос свидетелей

Свидетели допрашиваются порознь и в отсутсвие еще не допрошенных свидетелей.

Председательствующий выясняет отношение свидетеля к подсудимому и потерпевшему и предлагает сообщить свидетелю все, что ему известно по делу. После этого свидетеля допрашивают судьи, обвинители, а также потерпев-

ший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, защитники и подсудимые.

Если свидетель вызван в судебное заседание по ходатайству одного из участников судебного разбирательства, этот участник задает вопросы такому свидетелю первым. Председательствующим устраняются вопросы, не имеющие отношения к делу.

Судьи вправе задавать вопросы свидетелю в любой момент судебного следствия.

Допрошенные свидетели остаются в зале заседания и не могут удаляться до окончания судебного следствия без разрешения суда.

Председательствующий может разрешить допрошенным свидетелям удалиться из зала судебного заседания ранее окончания судебного следствия не иначе, как по заслушании мнений обвинителя, подсудимого, защитника, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей.

Ст. 286. Оглашение показаний свидетеля

Оглашение на суде показаний, данных свидетелем при производстве дознания или предварительного следствия, а также воспроизведение приложенной к протоколу допроса звукозаписи его показаний, может иметь место в следующих случаях:

1) при наличии существенных противоречий между этими показаниями и показаниями свидетеля на суде;

2) при отсутствии в судебном заседании свидетеля по причинам, исключающим возможность его явки в суд.

Это правило распространяется также на случаи оглашения показаний свидетеля, данных в суде.

Не допускается воспроизведение звукозаписи без предварительного оглашения показаний, содержащихся в соответствующем протоколе допроса или протоколе судебного заседания. В протоколе судебного заседания делается отметка о воспроизведении звукозаписи.

Ст. 303. Вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора

При постановлении приговора суд в совещательной комнате разрешает следующие вопросы:

1) имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый;

2) содержит ли это деяние состав преступления и каким именно уголовным законом оно предусмотрено;

3) совершил ли это деяние подсудимый;

4) виновен ли подсудимый в совершении этого преступления;

5) подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление;

6) какое именно наказание должно быть назначено подсудимому и подлежит ли оно отбытию подсудимым;

6[1]) имеются ли основания для признания подсудимого особо опасным рецидивистом; какой вид исправительно-трудовой колонии должен быть определен подсудимому при назначении ему наказания в виде лишения свободы;

7) подлежит ли удовлетворению гражданский иск, в пользу кого и в каком размере, а также подлежит ли возмещению материальный ущерб, если гражданский иск не был предъявлен;

8) как поступить с вещественными доказательствами;

9) на кого и в каком размере должны быть возложены судебные издержки;

10) о мере пресечения в отношении подсудимого.

Если подсудимый обвиняется в совершении нескольких преступлений, суд разрешает вопросы, указанные в пунктах 1–6 настоящей статьи, по каждому преступлению в отдельности.

Если в совершении преступления обвиняется несколько подсудимых, суд разрешает эти вопросы в отношении каждого подсудимого в отдельности.

Ст. 314. Описательная часть приговора

Описательная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, характера вины, мотивов и последствий преступления; доказательства, на которых основаны выводы суда и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства; указания на обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность; в случае признания части обвинения необоснованной — основания к этому. Суд обязан также привести мотивы изменения обвинения, если таковое было произведено в суде, а в необходимых случаях — мотивы относительно избранной меры наказания. Кроме того, должно

быть мотивировано признание подсудимого особо опасным рецидивистом, освобождение подсудимого от наказания, применение условного осуждения, а также назначение наказания ниже низшего предела, предусмотренного уголовным законом за данное преступление, или переход к другому более мягкому наказнию, или назначение вида исправительно-трудовой колонии с отступлением от общих правил. Если по делу имеется более одного подсудимого, перечисленные указания должны быть сделаны в отношении каждого из подсудимых в отдельности.

В описательной части оправдательного приговора излагается сущность обвинения, по которому обвиняемый был предан суду; обстоятельства дела, установленные судом; приводятся доказательства, послужившие основанием для оправдания подсудимого с указанием мотивов, объясняющих, почему суд отвергает доказательства, на которых было основано обвинение. Не допускается включение в оправдательный приговор формулировок, ставящих под сомнение невиновность оправданного.

В описательной части обвинительного и оправдательного приговора должны содержаться мотивы, обосновывающие решение суда в отношении гражданского иска или возмещения материального ущерба, причиненного преступлением.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Настоящий постраничный указатель включает всех упомянутых в сборнике лиц. У тех, кто написал или подписал какую-либо статью, обращение, заявление или письмо, включенное в сборник, рядом с фамилией помещен номер, под которым этот документ значится в сборнике. Указатель содержит также данные о внесудебных репрессиях против лиц, подписавших письма, в которых осуждаются методы проведения и освещения в печати «процесса четырех» или выражается сомнение в их законности. Составитель хочет оговориться, что он не располагает всеми данными о подобных репрессиях, а кроме того, есть указания на то, что они будут продолжаться и дальше. Таким образом, репрессивные меры против подписавших письма отражены в указателе не полностью.

Помимо принятых для всего сборника, в указателе употреблены следующие сокращения: д. — доктор, к. — кандидат, б. — биологических, иск. — искусствоведческих, ист. — исторических, т. — технических, филол. — филологических, филос. — философских, ф.-м. — физико-математических, н. — наук, научный, м. — младший, ст. — старший, с. — сотрудник. Например, д.ф.-м.н. — читается как «доктор физико-математических наук»; м.н.с. — «младший научный сотрудник».

Абакаров Д., мастер спорта СССР, IV-28 — 345

Абакумов В., парторг МГК КПСС в МОСХ РСФСР, V-16 — 422-423

Абалкин Н., журналист, V-18 — 425

Абрамов А. А., к.ф.-м. н., IV-20 — 317

Абрамов С. А., студент, IV-20 — 317

Аверочкин Н., юрист, в 1967 г. был осужден на 8 лет как один из руководителей ВСХСОН — 268

Авраменко А., врач, V-37 — 467

Авраменко И., математик, IV-17 — 303

Аврорин В., член-корреспондент АН СССР — 500

Авруцкий Г. Д., инженер, II-16, IV-17, V-37 — 48, 303, 467

Агин А. — 32

Адамян Н. Г., писательница, член СП СССР, IV-21, поставлено на вид Секретариатом Правления МО СП — 318

Азарова Н. И., филолог, IV-17 — 303
Айдинов Г., писатель — 441
Айзен Г., инженер, IV-3 — 268
Айхенвальд Ю., поэт, переводчик и учитель, IV-17, уволен с работы в школе и восстановлен после обращения в суд — 303, 499
Акилов Г. П., к.ф.-м.н., IV-23 — 325
Аксельрод И. М., учитель, IV-17 — 303
Аксенов В. П., писатель, член СП СССР, II-18, IV-22, Секретариатом Правления МО СП объявлен выговор с занесением в личное дело — 52, 137, 225, 323, 501
Александров П. С., математик, академик — 498
Александров Т., журналист, V-2 — 310, 356-361, 447, 448, 449, 452, 493, 496
Александрова А., студентка, II-16, IV-17, исключена из комсомола и из Педагогического института — 48, 303
Алексеев И., журналист, V-7 — 394
Алексеев И. С., к.филос.н., IV-23, партийный строгий выговор — 325
Алексеев М., член Секретариата Правления МО СП РСФСР — 423, 429
Алексеева Л. М., редактор, II-16, II-17, IV-11, исключена из партии и уволена с работы (из-во «Наука») — 48, 51, 292
Алексий, патриарх всея Руси — 327
Алмазов Л., заместитель председателя Московского городского суда — 554
Альбанов С. Д., архитектор, IV-17 — 303
Амальрик А. А., драматург — 559-561
Андреев С. Л., инженер, IV-23 — 325
Андронов Н., художник, член СХ СССР, IV-21, партийный строгий выговор — 318, 423, 432, 434
Андронова-Леонтович Е., д.ф.-м.н., IV-21 — 318
Андропов Ю. В., председатель КГБ — 242, 497
Антокольский П. Г., поэт, член СП СССР, IV-22, партийный строгий выговор — 323, 501
Антоненко-Давидович Б., писатель, член СП УССР, IV-28 — 346
Антонова Е. Т., — см. Галанскова Е. Т.
Апресян Ю. Д., к.филол.н., II-16, IV-11, IV-21 — 48, 292, 318
Арагон Л., французский писатель — 195, 231
Арапов М., лингвист, IV-21 — 318
Ария С. Л., защитник Веры Лашковой — 23, 48, 49, 55, 56, 97,

98, 106, 114-117, 138, 147, 152-153, 156, 165, 185, 202-212, 244, 269, 301, 322, 505, 510, 515-519, 524, 531
Архиев Н., II-16, IV-14 — 48, 299
Афанасьева, журналист, член СЖ СССР, IV-11 — 292
Афанасьева П. И., библиотекарь, народный заседатель, IV-21 — 318
Афинагор, вселенский патриарх — 349
Ахмадулина Б. А., поэтесса, член СП СССР, II-18, Секретариатом Правления МО СП поставлено на вид — 8, 52
Ахматова А. А., поэтесса — 34, 41, 42, 287
Ашпис Э., музыкант, IV-28 — 347

Бабаев А., к.филол.н., член СП СССР, II-18 — 52
Бабель И., писатель — 435, 440
Бабицкий К., лингвист, II-16, III-1, IV-11, IV-21, на неопределенный срок отложена защита кандидатской диссертации — 48, 259, 292, 318
Багров, м.н.с., направил в «Комсомольскую правду» письмо с одобрением приговора — 392
Багровникова М. В., учительница, IV-17 — 308
Багровникова Т. В., техник, IV-17 — 303
Баева Т., студентка, II-16, II-17, IV-17 — 48, 51, 303
Байрон Дж. Г., английский поэт — 373, 377
Балакирев, старший лейтенант КГБ — 27, 31
Балтер Б., писатель, член СП СССР, IV-22, исключен из партии МГК КПСС, Секретариатом Правления МО СП объявлен выговор с занесением в личное дело — 323
Барро Ж.-Л., французский актер — 367
Барышев, лейтенант КГБ — 31, 36
Басилова Е., поэтесса, свидетель на суде, IV-4, V-33 — 135, 176-179, 251, 261, 270, 451, 532, 535
Батшев В., поэт, в 1965 г. был осужден на 5 лет ссылки, в 1967 г. амнистирован, был вызван на суд в качестве свидетеля, но не явился — 67, 97, 104, 105, 110, 125, 126, 152, 341, 518, 521
Бачинский Г. А., к.б.н., IV-28, уволен с работы (Ин-т зоологии АН УССР) — 347
Беа, кардинал — 351
Безпалько В. О., рабочий, IV-28 — 347
Безпалько Н. П., служащий, IV-28 — 347
Беззубиков А. А., рабочий, IV-17 — 308
Белецкий А. А., д.ф.н., IV-28 — 346

Белецкий М. И., математик, IV-28, уволен с работы — 345
Белинский В. Г., критик — 444
Белова Л., к.филол.н., член СК СССР, IV-11, исключена из партии РК КПСС, КПК заменил исключение на строгий выговор — 292
Белогоров И., служащий, отец Веры Лашковой — 18
Белогородская И. М., инженер, II-16, IV-11 — 48, 294
Белокриницкая С., лингвист, IV-11, IV-21 — 292, 318
Беляев Д., член-корреспондент АН СССР — 500
Берг Р. Л., д.б.н., IV-23, уволена с работы (Ин-т молекулярной биологии СО АН СССР) — 325
Березанский Ю.М., проф., д.ф.-м.н., член-корреспондент АН УССР, IV-28, отстранен от преподавания в КГУ — 346
Берзина М. Я., м.н.с., II-16, IV-17 — 48, 303
Берия Л. П., руководитель органов госбезопасности (1938-53) — 274, 476
Беркинблит М., м.н.с., IV-21 — 318
Берлинская, рабочая, IV-28 — 348
Бернс Р., шотландский поэт — 377
Би де Р., член Фламандского комитета содействия Восточной Европе — 562, 573
Биргер Б. Г., художник, член СХ СССР, II-18, IV-22, исключен из партии РК КПСС, переведен из членов СХ в кандидаты — 52, 324, 423, 432, 434, 501
Бирюков В., рабочий, направил в «Комсомольскую правду» письмо с одобрением приговора — 392
Биченков Е., проректор НГУ — 500
Блейк Ю. К., генеральный секретарь Всемирного Совета Церквей — 351
Блохин Н. Н., президент АМН СССР — 280, 495
Блюменталь А. В., студентка, IV-11, IV-17 — 294, 308
Блюменталь Ю. А., музыкант, IV-11, IV-17 — 294, 308
Блюмкин В. Н., д.б.н., отчим жены Ю. Галанскова О. Тимофеевой — 340
Бовшеверов В. М., к.ф.-м.н., IV-21 — 318
Богатырев К. П., переводчик, член СП СССР, II-18, IV-11, строго предупрежден Секретариатом Правления МО СП — 52, 292
Богданович В. Б., инженер, IV-28 — 346
Богораз Л. И., филолог, жена Ю. Даниэля, соавтор обращения «К мировой общественности», II-16, II-17, III-2 — 45, 48, 51, 260, 262, 266, 268, 279, 284, 294, 301, 303, 309-311,

316, 331, 332, 344, 448, 475, 477, 482, 485-489, 492, 493, 494, 496, 497, 555, 558, 563, 572, 573
Богословский В., врач, IV-28 — 348
Бодиева, м.н.с., IV-21 — 318
Божович, к.иск.н., IV-21 — 318
Бойчак И. Я., к.филол.н., член СП УССР, IV-28 — 347
Болехивський А. Т., врач, IV-28 — 247
Болотова Г. В., служащая, IV-28 — 346
Болтрукевич А. В., математик, II-17, V-33 — 51, 251
Бонгард М. М., ст.н.с., IV-21 — 318
Бондарчук В. Г., к.ф.-м.н., IV-28, уволен с работы (КГУ) — 345
Бондарь В., к.ф.-м.н., IV-28 — 345
Борисов Ю., д.ф.-м.н., IV-23 — 325
Борисова И., балерина, свидетель на суде — 22, 62, 66, 67, 167-171, 199, 227, 238, 249, 253, 508
Борисова Л. Г., социолог, IV-23, партийный строгий выговор — 325
Брайчевский М. Ю., к.ист.н., IV-28, уволен с работы (Ин-т истории АН УССР) — 247
Братко А. А., к.филос.н., IV-28 — 346
Брегель Ю., к.ист.н., IV-21 — 319
Брежнев Л. И., генеральный секретарь ЦК КПСС — 37, 51, 59, 200, 269, 290, 301, 317, 322, 324, 327, 342, 413, 414, 417, 420, 431, 462, 493, 494, 495
Брекин, м.н.с., направил в «Комсомольскую правду» письмо с одобрением приговора — 392
Бродский И. А., поэт и переводчик, в 1964 году был осужден на 5 лет ссылки — 329
Брокс Соколов Н. Б., гражданин Венесуелы, студент, свидетель на суде, в 1968 г. был осужден на 6 месяцев за связь с НТС, V-6 — 25, 26, 138, 139, 187-193, 251, 274, 300, 302, 311, 335, 341, 356-360, 367-369, 374, 377-384, 390-393, 407, 448, 450-455, 459, 465, 466, 471, 480, 528, 529, 535, 541-543, 548-550
Бротон Дж. В., гражданин Великобритании, инженер, член организации «Черч» — 562, 567-572
Брэдшер Г., начальник бюро АП в Москве — 569, 571
Бряндинская А. А., математик, IV-17 — 303
Брук Дж., гражданин Великобритании, учитель, в 1965 г. был осужден на 5 лет по обвинению в связи с НТС — 105, 366, 387, 398, 543, 548

Буймистр И., инженер, II-16 — 48
Буковский В. К., журналист, в 1967 г. был осужден на 3 года за организацию 22 января 1967 года демонстрации против ареста Галанскова, Добровольского, Лашковой и Радзиевского — 14, 24, 100, 122, 145, 267, 278, 282, 289, 303, 312, 329, 333, 487, 488, 495, 558, 565, 572
Булай, рабочий, IV-28 — 348
Булатов Г., актер, IV-11 — 294
Булгаков М., писатель — 230, 477
Бунина И. К., историк, IV-21 — 319
Бурас М., инженер, II-16 — 48
Бурковский, подполковник — 281
Бутко В., II-16 — 48
Бухарин Н. И., член политбюро ЦК ВКП(б), расстрелян в 1937 г. — 33, 468

Вавилов Н. И., биолог, академик, расстрелян в 1937 г. — 287
Вагин Е., литературовед, в 1967 г. был осужден на 10 лет как один из руководителей ВСХСОН — 268
Важенов В. М., понятой при втором обыске у Ю. Галанскова — 43-44
Вайнберг Н. Г., математик, IV-21 — 319
Вайсберг Е., II-16 — 48
Ванников Б. Л., народный комиссар боеприпасов во время войны 1941-45 гг. — 286
Варга Е. С., экономист, академик — 33, 62, 64, 87, 155, 208, 214, 228, 468
Васильев А., писатель — 33, 288
Васильев Л. Ф., юрист, IV-17 — 303
Васильев Н. М., преподаватель МАДИ, V-11 — 408
Васильевский П. Л., математик, IV-17 — 303
Вассерман И., аспирант, IV-23 — 325
Васюкин, старший лейтенант КГБ — 27, 31
Вахтин Б. Б., к.филол.н., член СП СССР, IV-2 — 267-268
Вахтин Ю. Б., к.б.н., IV-2 — 267-268
Введенская Н., к.ф.-м.н., IV-11 — 292
Вейсберг В. Г., художник, член СХ СССР, II-18 — 52, 432, 434
Великанов А., физик, IV-11 — 292
Великанова Т., математик, IV-11, — 292
Вельский В., писатель — 32, 61, 62, 63, 87, 91, 121, 126, 127, 142, 143, 150, 214, 215, 246-249, 468, 469, 508, 510, 515, 520, 523, 524

Венцлова Т. А., писатель, IV-17 — 308
Вергасов И., писатель — 441
Верченко Ю., заведующий отделом культуры МГК КПСС — 441
Виктор, «член НТС» — 188, 189, 359, 379, 380, 542
Викторов А., двоюродный брат Ю. Галанскова, V-33 — 451
Викторова Н., двоюродная сестра Ю. Галанскова, V-33 — 451
Вильямс Н., математик, IV-11, уволен с работы (Ин-т тонкой химической технологии) — 292
Винграновский Н., писатель, член СП УССР, IV-28 — 347
Виневич Б. С., инженер, IV-16 — 300-301
Виневич К. Я., инженер, IV-16 — 300-301
Винер Н., американский математик, один из создателей кибернетики — 332
Винн Г., гражданин Великобритании, коммерсант, в 1963 г. осужден на 5 лет по обвинению в шпионаже — 398
Винников С., солдат, направил в «Комсомольскую правду» письмо с одобрением приговора — 392
Виноград, рабочий, IV-28 — 348
Виноградов В., техник, свидетель на суде, II-16, IV-4 — 48, 154-156, 212, 253, 261, 270, 340
Виноградова Е., к.иск.н., IV-11 — 292
Виноградова Т., II-16 — 49
Висков П., V-7 — 395
Вишневская Ю., поэтесса, служащая, II-16, IV-17 — 49, 303
Вишневский Е. Б., м.н.с., IV-23 — 325
Власов А. А., генерал-майор, командующий РОА — 146
Вознесенский А. А., поэт — 276
Войнович В. Н., писатель, член СП СССР, IV-22, Секретариатом Правления МО СП объявлен выговор с занесением в личное дело, сняты пьесы с репертуара многих театров — 324
Волкова О. Ф., м.н.с., IV-17 — 303
Волкова Т., «член НТС» — 190, 192, 359, 360, 381, 383, 542
Волоцкая З. М., лингвист, IV-17, на неопределенный срок отложена защита кандидатской диссертации — 303
Волконская Е., лингвист, IV-11 — 292
Вольпин-Есенин А. С., поэт и логик, к.ф.-м.н., II-16, II-17, IV-17, V-33 — 49, 51, 103, 262, 303, 307, 451, 497, 498, 502, 528
Воробьев С., редактор, исключен из комсомола за выступление на собрании — 499

Воронин В. М., инженер, V-32 — 447-449, 496
Всесвятская А., II-16, II-17 — 49, 51
Вышенский А., направил в «Комсомольскую правду» письмо с одобрением приговора — 393
Вышенский В. А., математик, IV-28, объявлен выговор на работе (КГУ) — 345
Вышинский А. Я., государственный обвинитель на «троцкистско-бухаринских» процессах, позднее министр иностранных дел и представитель СССР в ООН — 276, 283
Вышиньский С., кардинал — 351
Вяткин А., журналист, V-31 — 445-446
Вячеславов Л., аспирант, IV-23 — 325

Габай Г., учительница, II-16, II-17, IV-17 — 49, 51, 304
Габай И. Я., редактор, соавтор обращения «К деятелям науки, культуры и искусства», II-17, IV-10, IV-14, IV-17, уволен с работы (Ин-т народов Азии) — 24, 51, 282-288, 299, 304, 308, 344, 475, 495
Габриэль, иностранец — 94
Гайденко П., к.филос.н., IV-11, уволена с работы (ИМРД), исключена из партии РК КПСС, КПК заменил исключение на строгий выговор — 292
Галансков Т. С., рабочий, отец Юрия Галанскова, V-33 — 11, 30, 31, 43, 59, 226, 255, 451, 491
Галансков Ю. Т., — 5, 11-19, 21-35, 43-44, 48-50, 56-91, 94-104, 108-115, 119-129, 131-133, 137, 139-143, 145, 151-175, 180-184, 186, 187, 190-193, 197-199, 202, 206, 212-229, 233-235, 237-240, 243-256, 258, 260, 261, 267-273, 279, 280, 283, 287, 289-292, 294, 297-303, 310-316, 322, 325, 327, 329, 332, 333, 337-340, 344, 350, 352, 353, 355-372, 374-378, 381-388, 391-397, 399, 401, 405, 408, 423, 427-429, 433, 436, 439, 444, 445, 447, 449-451, 454-457, 459, 461, 465, 467-474, 477, 480, 481, 483, 484, 487-492, 495, 496, 500-502, 505-507, 509, 510, 517-529, 531, 533-538, 541, 551, 555, 557-560, 562-564, 572
Галанскова Г. В. — см. Симонова Г. В.
Галанскова Е. А., мать Юрия Галанскова, V-33 — 11, 27, 31, 59, 226, 251, 255, 491, 505, 555
Галанскова Е. Т., по мужу Антонова, техник, сестра Юрия Галанскова, V-33 — 43, 44, 59, 255, 258, 451, 491
Галанскова К., тетка Юрия Галанскова, V-33 — 451
Галин Б., член Секретариата Правления МО СП РСФСР — 423, 429

Гарлинская, сценарист, член СК СССР, IV-21 — 319
Гастев Ю., преподаватель МГУ, II-16, II-17, IV-11 — 49, 51, 292
Геббельс И. П., — 545
Гегель Г. ф. В., немецкий философ — 438
Гельфанд И. М., член-корреспондент АН СССР, президент Математического общества, II-18, IV-21 — 52, 319
Гендлер Ю. Л., юрист, IV-3, IV-17 — 268, 304
Генкин С., математик, II-16, II-17, III-1, IV-17, V-33 — 49, 51, 259, 304, 451
Генри Э., журналист — 33, 469
Генрих, «эмиссар НТС» — 62, 65-69, 74, 75, 78, 82-85, 95, 101, 112, 123-125, 222, 223, 233, 234, 366, 385, 386, 469, 508, 521, 527, 536
Герлин В., учительница, IV-17, уволена с работы в школе и восстановлена после обращения в суд — 304, 499
Герчук Ю. Я., критик, член СХ СССР, II-16, IV-11, исключен заочно из СХ, понижен в должности (Ин-т истории искусств) — 49, 292, 432, 434, 501
Гершович В. А., математик, IV-17 — 304
Гилерова Е., учительница, II-16, II-17, IV-17 — 49, 51, 304
Гиндикин С., к.ф.-м.н., IV-11 — 292
Гинзбург А. И. — 5-19, 21-26, 31, 36-42, 45-52, 56-75, 78, 79, 83, 89, 95, 99, 103-105, 112-115, 121, 122, 129-141, 148, 149, 152, 154, 157-163, 166, 174-179, 190-196, 198, 199, 206, 207, 213, 214, 222, 223, 228-237, 240-248, 250, 251, 253-255, 258, 260, 267-270, 273, 278-280, 283, 289-292, 294, 298-303, 310-318, 322, 324, 327, 329, 332-342, 344, 350, 352, 355-372, 374-378, 381, 383, 384, 390-397, 399, 401, 405, 408, 423, 427-429, 433-435, 436, 439, 443-445, 447-451, 454-468, 470-474, 476, 477, 480, 481, 483, 484, 487-492, 494, 495, 499, 500, 502, 505-510, 516, 517, 523, 525-539, 541, 551, 555, 557, 559, 560, 562-565, 572
Гинзбург Е., лингвист, II-16 — 49
Гинзбург Е. С., журналистка, автор воспоминаний о сталинских лагерях — 235, 278, 286
Гинзбург Л. И., мать Александра Гинзбурга, II-3, II-13, V-35 — 7, 9, 25, 31, 36-41, 45-47, 122, 131, 174, 255, 313, 316, 334, 358, 362, 374, 451, 459-460, 472, 474-476, 488, 491, 494, 496, 505, 559-561
Гиппиус З., поэтесса — 421
Гирнык Т. Р., филолог, IV-28 — 347
Гитлер А. — 363, 472, 546

Гладкий А. В., д.ф.-м.н., IV-23, уволен с работы (НГУ) — 325
Гладкова Г., редактор, II-16, II-17, IV-17 — 49, 51, 304
Глазков А., поэт — 8
Глазов Ю., лингвист, II-18, IV-11, IV-17, уволен с работы (Ин-т народов Азии) — 52, 292, 304, 499
Глазова М., филолог, IV-17 — 304
Глезин Е., инженер, IV-17 — 308
Глезос М., греческий политический деятель — 430
Годун, рабочий, IV-28 — 348
Гожик П. Ф., геолог, IV-28 — 347
Голлан Дж., генеральный секретарь компартии Великобритании — 231
Голованов В., рабочий, свидетель на суде — 60, 172, 173, 250
Голомидов В., студент, IV-17 — 304
Голомшток И. Н., к.иск.н., член СХ СССР, II-16, IV-11, переведен на 6 месяцев из членов СХ в кандидаты — 49, 292, 432, 434, 501
Голубь, свидетель на предварительном следствии — 67
Голышев В. П., переводчик, IV-21 — 319
Голышева Е. М., переводчик, член СП СССР, II-18, IV-21, поставлено на вид Секретариатом Правления МО СП — 52, 319
Гольденберг И. З., филолог, IV-17, IV-23, отстранен от преподавания в НГУ — 308, 325
Гольдин Р. Я., инженер, II-16, IV-17 — 49, 304
Гольштейн Г. — 35
Гомер — 373, 377
Гопник Б., журналист, член СЖ СССР, IV-28 — 346
Горбаневская Н. Е., поэтесса, II-16, II-17, III-1, IV-11, IV-17, V-33 — 49, 51, 122, 259, 294, 304, 308, 451, 497, 498
Горбач, рабочий, IV-28 — 348
Горев И. — 377
Горкин А. Ф., председатель Верховного Суда СССР — 269, 280, 312, 317, 327, 494, 495
Горская А., художник, член СХ УССР, IV-28, исключена из СХ — 345
Горький М., писатель — 371, 396, 412, 415, 420
Готман Я. Д., ст.н.с., V-11 — 408
Гоффе С., искусствовед, IV-11 — 292
Грабарь М. И., математик, II-16, IV-11, IV-21, уволен с работы (МАТИ) — 49, 292, 319
Гриб А. В., химик, IV-17 — 304

Грибанов А. Б., филолог, IV-17 — 308
Грибачев Н., писатель, V-12, V-20 — 412-413, 426
Грибников З. С., к.ф.-м.н., IV-28 — 345
Грибоедов А. С., писатель и дипломат — 287
Григоренко А. П., техник, IV-11, IV-14 — 294, 298
Григоренко З. М., жена П. Г. Григоренко, IV-9 — 280-282, 295, 299, 495
Григоренко П. Г., инженер, бывший генерал-майор, II-16, III-1, IV-6, IV-11, IV-13, уволен с работы (Мосстрой) — 49, 137, 138, 179, 259, 261, 275, 280, 281, 282, 294, 295-299, 337, 338, 495, 496, 497, 499
Григорьев В. М., ст.н.с., V-11 — 408
Григорьев Н. Н., физик, IV-28 — 345
Григорян Б. Т., заместитель главного редактора журнала «Наука и религия» — 165, 210
Грикевич В. В., инженер, IV-17 — 304
Гримблит И. В., инженер, IV-17 — 308
Гримм Ю., IV-14 — 299
Грин Е., редактор, II-18 — 52
Грин Г., английский писатель — 486, 489
Грищан В., фотокорреспондент — 560
Гришин В. Н., математик, IV-17 — 304
Громадка Й., председатель Христианской Мирной Конференции — 351
Громадюк, рабочий, IV-28 — 348
Громов А., профессор, д.медиц.н., V-11 — 407
Громыко М. М., профессор, д.ист.н., IV-23, отстранена от преподавания в НГУ — 325
Грэам Б., американский проповедник — 566
Губанов, рабочий, IV-11 — 294
Губанов Л., поэт, свидетель на предварительном следствии — 61, 64, 65, 69, 107, 135, 136, 176-179, 228, 236, 242, 245, 251, 507, 510, 526, 532, 535
Гуганов, лейтенант КГБ — 31, 36
Гурвич А. Е., профессор, д.б.н., IV-21, снят с заведывания лабораторией (Ин-т эксперимент. медицины) — 319
Гурвич С., ст.н.с., II-16, IV-21 — 49, 319
Гуревич-Сапгир К. — 179
Гус Я. — 477

Давыдов Ю., к.филос.н., IV-11, партийный строгий выговор — 292
Давыдовская, инженер, IV-21 — 319

Данилов А., валютчик — 68, 167-170
Даниэль А. Ю., сын Ю. Даниэля, II-16, II-17, IV-11 — 49, 51, 294, 555
Даниэль Л. И., — см. Богораз Л. И.
Даниэль Ю. М., писатель, в 1966 г. был осужден на 5 лет за свою литературную деятельность — 5, 11, 13, 14, 16, 18, 19, 23, 24, 25, 34, 37, 42, 46-48, 52, 59, 61-70, 74, 83, 89, 100, 114, 115, 121, 129, 133-136, 148, 152, 155, 162, 181, 182, 190, 195, 196, 213, 214, 222, 223, 228-232, 236, 239-243, 256, 260, 267, 276, 278, 282, 287, 289, 291, 303, 317, 318, 327, 329, 333, 350, 381, 384-386, 437, 444, 449, 456, 463-465, 470, 487, 488, 494, 507, 509, 524, 526, 527, 529, 530, 532-535, 537, 538, 555, 557, 558, 563-565, 572
Дворко Г. Ф., д.хим.н., IV-28, исключен из партии — 347
Деза М. Е., математик, IV-17 — 304
Делецкий А. А., филолог, IV-28 — 347
Делоне В., поэт, в 1967 г. был осужден на 1 год условно за участие в демонстрации 22 января 1967 года против ареста Галанскова, Добровольского, Лашковой и Радзиевского — 24, 94, 100, 312
Демнин В., математик, IV-17 — 304
Денисов В., врач, IV-17 — 308
Денисов К. С., понятой при первом обыске у Гинзбурга — 31, 36
Джилас М., югославский политический писатель — 10, 14, 60
Джилл, англичанка — 181
Джонс Л., американский негритянский поэт и общественный деятель — 399, 409
Дзебоева З., биолог, II-16, IV-17 — 49, 304
Дзержинский Ф. Э., член политбюро ЦК ВКП(б) и руководитель органов госбезопасности (ВЧК, с 1923 ГПУ, 1917-1926) — 209, 517
Дзюб И. П., к.ф.-м.н., IV-28 — 345
Дзюба И. М., литературовед, член СП УССР, IV-28 — 345, 475
Диброва П., инженер, IV-28 — 346
Дикий Л. А., к.ф.-м.н., IV-21 — 319
Динабург, математик, IV-21 — 319
Дипцева Г., II-16 — 49
Добрович А., врач, II-18, V-37 — 52, 467
Добровольская Г., жена Алексея Добровольского, свидетель на суде — 184-186, 225, 226, 255, 256, 295-298, 491
Добровольская Н. В., мать Алексея Добровольского — 14, 255, 256, 296-298, 491, 505

Добровольский А. А. — 5, 14-18, 21, 22, 23, 26, 28, 33, 48, 49, 56-129, 132, 137-146, 150-157, 159-166, 171, 184-186, 190-192, 197-203, 206, 210, 211, 213, 214, 217-226, 233-239, 244, 245, 248-256, 258, 260, 266-274, 279, 280, 283, 289-291, 294-303, 311, 316, 322, 325, 329-333, 337, 338, 344, 352, 353, 355-372, 374-378, 381-389, 391-397, 401, 405, 407, 408, 427, 436, 447, 450, 451, 454-457, 459, 461, 464-465, 468, 469, 471, 472, 484, 488, 490-492, 495, 502, 505-516, 518, 520-523, 526-529, 531, 533-536, 538, 541, 551, 555, 557, 563
Доброхотов М., церковный писатель — 13, 91, 105, 163, 206
Добрушин Р., д.ф.-м.н., II-16, II-17, IV-11 — 49, 51, 292
Довгань В. С., скульптор, член СХ УССР, IV-28, исключен из СХ — 348
Довгань Р., журналист, IV-28 — 348
Домбровский Ю., писатель, член СП СССР, IV-21, строго предупрежден Секретариатом Правления МО СП — 319
Домшлак М., искусствовед, II-16, IV-11 — 49, 292
Дорохова Н., машинистка, IV-17 — 304
Доценко А. Н., инженер, IV-28 — 347
Драч И., поэт, член СП УССР, IV-28, исключен из партии — 347
Дреер В., студент, IV-3 — 269
Дрейзин Ф. А., к.филол.н., IV-23, уволен с работы (НГУ) — 325
Дроздовский Н. Б. — 392, 542
Дудников С. Г., народный заседатель на суде — 55, 56, 154, 243
Дурман Г. Г., м.н.с., IV-17 — 304
Душечкина Е., филолог, IV-17 — 308
Дыбо В., филолог, IV-11, IV-21 — 292, 319
Дымшиц А., критик, V-27 — 442
Дырив, рабочий, IV-28 — 348

Евгенов, биолог, IV-17 — 308
Евграфов Н., II-16 — 49
Евтушенко Е. А., поэт — 41, 501
Егоров А. И., маршал, расстрелян в 1938 г. — 286
Егорычев Н. Г., бывший первый секретарь МГК КПСС — 37
Ежов Н. И., глава НКВД (1937-38) — 274
Елизаренкова Т., филолог, IV-21 — 319
Елизаров В. А., преподаватель МАДИ, V-11 — 408
Елисеев В. И., майор КГБ, следователь — 21, 27, 45, 46, 195, 196, 218, 224
Емелькина Н., служащая, IV-11 — 294

Ентин Л., свидетель на суде — 22, 62, 66, 67, 128, 166-170, 199, 226, 227, 238, 249, 253, 341, 508
Епифанов А., студент, свидетель на суде, II-16, IV-4 — 49, 67, 125, 156-160, 270
Ердан, рабочий, IV-28 — 348
Ермолаев Б., направил в «Комсомольскую правду» письмо с одобрением приговора — 392
Ерофеева Н., архитектор, IV-21 — 319
Ершов А. Д., ст.н.с., V-11 — 408
Есенин-Вольпин А. С. — см. Вольпин-Есенин А. С.
Ефимов Б. В., служащий, II-16, IV-17, уволен с работы — 48, 304
Ефимов В. Т., преподаватель МАДИ, V-11 — 408
Ефимова Л. М., преподаватель, IV-17 — 304

Жадько И. П., к.ф.-м.н., IV-28 — 345
Жданов А. А., член политбюро ЦК ВКП(б) — 287
Желудков С. А., священник, IV-29 — 349-351
Женя, «член НТС» — 188, 189, 357, 359, 379, 380, 542
Жигунов Е., редактор, IV-17 — 304
Житомирский Д., д.иск.н., IV-11 — 294
Жолковская И. С., филолог, невеста Александра Гинзбурга — 36, 59, 255, 290, 448, 491, 496, 505
Жолковский А. К., лингвист, IV-21, на неопределенный срок отложена защита кандидатской диссертации — 319
Жуков Ю., журналист — 440

Забалуев М. С., старший лейтенант КГБ — 31, 36
Забой А. В., художница, IV-28, исключена из Киевского художественного института — 347
Завельский, экономист, IV-17 — 304
Задорина М., художница и манекенщица, IV-3 — 269
Закс Ю., инженер, IV-17 — 304
Закусило, студент, V-7 — 396
Занд М., этнограф, II-18 — 52
Занченко О. В., математик, IV-21 — 319
Занюк П., солдат, направил в «Комсомольскую правду» письмо с одобрением приговора — 392
Зарецкий В. И., художник, член СХ УССР, IV-28, партийный строгий выговор, исключен из СХ — 348
Зарочинцев А. П., рабочий, член комсомольского оперотряда — 569

Заславская И. Г., к.ф.-м.н., IV-28, уволена с работы с выражением «политического недоверия» (Ин-т полупроводников АН УССР) — 345
Заславский Г., к.ф.-м.н., IV-23 — 326
Захаров В. Е., к.ф.-м.н., IV-23 — 326
Захаров М., режиссер — 420
Захарчук А., художник, член СХ УССР, IV-28, исключен из СХ — 348
Збарский Ф. В., художник, член СХ СССР, IV-20 — 317
Здоровило В. В., инженер, IV-28 — 347
Зиман Л., учитель, II-16, IV-17 — 48, 304
Зимина К. Х., архитектор, IV-17 — 304
Злобина М., литературовед, II-16 — 48
Золотухин Б. А., защитник Александра Гинзбурга, исключен из партии РК КПСС за «непартийную, несоветскую линию защиты», исключен из коллегии адвокатов, т. е. лишен права выступать защитником — 23, 48, 49, 51, 55-59, 95, 96, 97, 129, 136-138, 158, 167, 178, 179, 182, 195, 196, 212, 228-236, 243, 269, 279, 301, 317, 318, 322, 324, 329, 335, 462, 466, 481, 499, 505, 509, 525-534, 537, 538
Зоркая Н., искусствовед, IV-21, исключена из партии и на год понижена в должности (Ин-т истории искусств) — 319
Зубакова Л., II-16 — 48
Зубковский, м.н.с., IV-21 — 319
Зубок Б., студент, IV-17 — 304
Зуев В., физик, IV-28 — 345
Зыкина И. С., химик, IV-21 — 319

Иваненко, гравер, IV-28 — 348
Иванов А., историк, II-16, IV-17 — 48, 304
Иванов В. В., к.филол.н., II-18, IV-11, IV-21 — 52, 292, 319
Иванов В. В., инженер, IV-17 — 304
Иванов К., журналист, V-5 — 373-377, 378
Иванов М. В., художник, член СХ СССР, II-18, IV-21 — 52, 319, 432, 434
Иванова И., художница, свидетель на предварительном следствии — 86, 118, 124
Иванов-Разумник Р. В., писатель — 477
Иващенко А., журналист, V-28 — 9, 442-443
Икрамов К., писатель, член СП СССР, IV-22, Секретариатом Правления МО СП поставлено на вид — 324

Ильин В., член Секретариата Правления МО СП РСФСР — 423, 429, 441
Ильичев К., физик, IV-23, исключен из комсомола РК ВЛКСМ — 326
Имшенник В. С., ст.н.с., IV-17 — 304
Исаева, техник, IV-17 — 308
Искандер Ф. А., писатель, член СП СССР, II-18, IV-22, Секретариатом Правления МО СП поставлено на вид — 52, 324

Каверин В. А., писатель, член СП СССР, IV-22, предупрежден Секретариатом Правления МО СП — 231, 324, 501
Каганов З., математик, II-16, IV-21 — 48, 319
Каганов М. И., профессор, д.ф.-м.н., IV-21 — 319
Кагановский Г., V-33 — 451
Каданцев В. Н., инженер, IV-21 — 319
Кадзасов С., лингвист, II-17, V-37 — 51, 467
Казаков, инженер, IV-21 — 319
Казаков Ю., писатель, член СП СССР, IV-22, предупрежден Секретариатом Правления МО СП — 24, 41, 42, 324
Казаков Я. И., техник, IV-17 — 308
Казарновская А. А., психиатр — 497
Казарцев М., рабочий, IV-11 — 294
Калашникова М., врач, V-7 — 394
Каллистратова М. А., к.ф.-м.н., IV-21 — 319
Калугин В., драматург — 35
Калустян Т., артистка, IV-28 — 346
Каменомостская, физик, IV-21 — 319
Каминапова И., II-16 — 48
Каминская Д. И., защитник Юрия Галанскова — 23, 48, 49, 55-59, 92-95, 118, 126-128, 137, 138, 144, 145, 147, 157-159, 179, 181-183, 185, 191-193, 196-198, 212-228, 233, 243, 269, 279, 280, 295, 298, 301, 322, 324, 329, 382, 461, 481, 505, 510, 519-525, 538
Камышанова И., машинистка, свидетель на суде, IV-4, V-33, уволена с работы — 62, 83, 141-145, 249, 270, 451, 508
Канаев А., геолог, IV-17 — 304
Каневский, инженер, IV-21 — 319
Кантов, следователь КГБ — 281
Капанидзе Л., филолог, IV-11 — 292
Каплан А., к.ф.-м.н., II-16, IV-11 — 48, 294

Каплан М., поэт, II-16, II-17, IV-17 — 48, 51, 104, 122, 304
Карагужин, писатель — 33, 469
Карамас, старший лейтенант КГБ — 27, 31
Карелин, V-33 — 451
Кармазина Л. П., инженер, IV-28 — 348
Карсвелл П. Д., гражданин Великобритании, студент, член организации «Черч» — 562, 567-572
Касаткин Л., филолог, II-16, IV-11, IV-21 — 48, 292, 319
Касимчук, рабочий, IV-28 — 348
Кассиль Л., писатель, член Секретариата Правления МО СП РСФСР — 423
Кассис В., журналист — 10
Кац Л. А., библиотекарь, свидетель на суде, II-16, II-17, IV-4, IV-17, V-33 — 48, 51, 63, 68, 70, 76, 79, 80, 91, 103, 107, 108, 152-154, 203, 234, 249, 250, 253, 261, 270, 304, 451, 508, 514, 538
Кашина Г., геолог, IV-17 — 304
Квачевский Л., инженер, IV-3, IV-17, V-42, уволен с работы — 269, 304, 481-484
Квачевский О., геолог, IV-24 — 227-228
Кваша И. В., актер, IV-20 — 317
Кедрина З., критик — 288
Келдыш Л. В., профессор, д.ф.-м.н., II-18, IV-21 — 52, 320
Келдыш М. В., президент АН СССР, V-13 — 417
Кендзьор Я., рабочий, IV-23 — 349
Керенский А. Ф., премьер-министр Временного правительства (1917) — 134
Кзыгач В., солдат, V-7 — 395
Кибальчич А. И., архитектор, IV-17 — 304
Ким А., врач, IV-17 — 304
Ким Ю., учитель, автор и исполнитель песен, соавтор обращения «К деятелям науки, культуры и искусства», II-16, II-17, IV-10, IV-17, уволен с работы в школе, расторгнуты все договоры о выступлениях с песнями — 48, 51, 282-288, 304, 344, 475, 495
Кинг М. Л., негритянский лидер в США — 429, 430
Кирев, рабочий, IV-28 — 348
Кириллин Б., журналист, — 549-550
Кириченко С., заслуженный деятель искусств УССР, IV-28 — 204
Киров С. М., член политбюро ЦК ВКП(б), убит в 1934 г. — 209, 517

Кирсанов Ю. В., переводчик в суде — 187-188, 378-379
Киртниц Д. А., д.ф.-м.н., IV-17 — 304
Кирягина А. Ф., понятая при первом обыске у Гинзбурга, V-33 — 31, 36, 451
Киселев О., актер, IV-11 — 292
Киселева Ю. И., художница, IV-17 — 304
Климович С. Ф., понятой при автором обыске у Гинзбурга — 45, 46
Клорин А. В., инженер, IV-23 — 326
Книпович Е., член Секретариата Правления МО СП РСФСР — 423, 429
Кобасова Е., инженер, IV-21 — 320
Ковалев С. А., биолог, IV-21 — 320
Ковалевская И. А., биолог, IV-17 — 308
Коваленко Л. Н., филолог, член СП УССР, IV-28, партийный строгий выговор — 347
Коваленко Ю. Н., к.т.н., IV-28 — 346
Ковенадский, поэт — 32
Коган А., музыкант, IV-17 — 308
Коган Л. С., киноработник, V-41 — 480
Кодер-Степанова Н., к.б.н., IV-21 — 320
Кожевников В., писатель — 439
Козавчинская Т., лингвист, II-17, V-37 — 51, 467
Колесников Э., инженер, IV-17 — 305
Коллингс Т., корреспондент АП в Москве — 569
Колмогоров А. Н., математик, академик — 498
Коломиец В., писатель, член СП УССР, IV-28 — 347
Коломиец Т. А., писатель, член СП УССР, IV-28 — 346
Комашков, рабочий, IV-28 — 348
Кон А., физик, IV-21, исключен из комсомола — 320
Конев В. А., к.филос.н., IV-23, партийный строгий выговор — 326
Коненко И. Р., химик, IV-17 — 308
Коновалов В., секретарь Правления СХ РСФСР — 444
Конопада Я. В., врач, IV-28 — 247
Константинов В., журналист, V-2 — 310, 356-361, 447, 448, 452, 493, 496
Копелев Л. З., литературовед и переводчик, член СП СССР, IV-21, IV-25, исключен из партии РК КПСС, уволен с работы (Ин-т истории искусств), расторгнуты договоры на издание книг и статей, Секретариатом Правления

МО СП вынесен строгий выговор с занесением в личное дело — 320, 329-331, 427, 495, 496
Копелева Е. Л., корректор, IV-11 — 292
Копылов Г., физик, IV-17 — 305
Коржавин Н. М., поэт, член СП СССР, IV-22, Секретариатом Правления МО СП поставлено на вид — 324
Кормер В. Р., инженер, IV-17 — 305
Корнилов В., поэт, член СП СССР, II-16, IV-21, IV-22, строго предупрежден Секретариатом Правления МО СП — 48, 320, 324
Корогодский Р., искусствовед, IV-28 — 348
Королев А. М., к.ф.-м.н., IV-28 — 345
Королев Ю. П. — 43
Корольков Ю., заместитель секретаря парткома МО СП РСФСР — 423, 429
Коротков М. К., понятой при втором обыске у Галансковa — 43-44
Корпелевич Г., аспирантка, IV-11 — 292
Кортан П., инженер, IV-17 — 308
Корхов А., служащий, II-17, IV-17 — 51, 305
Корхова И., экономист, II-16, IV-17, V-37 — 48, 305, 467
Корчагин И., V-7 — 395
Корытная С., критик, IV-17 — 305
Косицына Э. С., учительница, IV-23, исключена из партии, уволена с работы в школе — 326
Костенко Л., поэтесса, член СП УССР, IV-28 — 346
Костерин А. Е., писатель, член СП СССР, II-16, IV-11, IV-14 — 48, 294, 299
Костомаров Н. И., историк и общественный деятель — 283
Косыгин А. Н., председатель Совета Министров СССР — 37, 46, 51, 61, 69, 114, 131, 135, 229, 230, 240, 269, 299, 301, 310, 317, 322, 324, 327, 342, 462, 493, 494, 537
Коцюбинская М., филолог, IV-28, уволена с работы — 346
Кочетов В. А., писатель — 134, 286
Кочмаров, сотрудник газеты «Правда» — 41
Кочур Г. П., писатель, член СП УССР, IV-28 — 345
Кравцов И. И., преподаватель МАДИ, V-11 — 408
Кравцова Г., инженер, II-16, IV-11 — 48, 294
Краевская Н. М., инженер, IV-17 — 308
Краминов Д., главный редактор журнала «За рубежом», V-8 — 398
Крапивянский Г., IV-17 — 305

Красин В. А., экономист, IV-17, уволен с работы (Центр. эконом.-математ. ин-т) — 305, 308
Красина А. Г., техник, IV-17, уволена с работы — 305
Краснов А. Э. — см. Левитин (Краснов) А. Э.
Криворучко Г. Т., рабочий, IV-28 — 346
Кристи И., математик, II-16, IV-17, уволена с работы (Ин-т теорет. и эксперим. физики) — 48, 305, 499
Кронрод А., д.ф.-м.н. — 499
Крутков И., рабочий, IV-3 — 269
Крысин Л., к.филол.н., IV-11, IV-21, выведен из редколлегии журнала «Русский язык в школе» — 292, 320
Крюков В. Н., рабочий, V-44 — 486-489
Кудряшов В., направил в «Комсомольскую правду» письмо с одобрением приговора — 392
Кузнецов, подполковник КГБ, следователь — 281
Кузнецов Н. С., преподаватель МАДИ, V-11 — 408
Кузнецова Т., служащая, IV-17 — 305
Кузьмин В. И., ст.н.с., V-11 — 408
Кук К. М., переводчик, IV-21 — 320
Кулаков, к.ф.-м.н., IV-23 — 326
Куликов, сотрудник КГБ — 45, 46
Кулюпин Ю., к.ф.-м.н., IV-28 — 345
Купневич В., направил в «Комсомольскую правду» письмо с одобрением приговора — 392
Куров А., журналист, V-9 — 399
Кустов, капитан КГБ — 27, 31
Кушев В., биолог, IV-3 — 269
Кушев Е. И., поэт, в 1967 г. осужден на 1 год условно за участие в демонстрации 22 января 1967 года против ареста Галанскова, Добровольского, Лашковой и Радзиевского, свидетель на суде, IV-4, V-36 — 24, 63, 68, 70, 91, 107, 116, 145-150, 152, 156, 161, 211, 212, 241, 249, 250, 269, 270, 312, 364, 452, 461, 462, 471, 508, 514, 519
Кушин Н., направил в «Комсомольскую правду» письмо с одобрением приговора — 392

Лабедц Л., английский литературовед — 7
Лавут А. П., инженер, IV-21 — 320
Ларин С., критик и переводчик, член СЖ СССР, IV-22, исключен из СЖ — 324
Лашкова А., мать Веры Лашковой — 18, 117, 491
Лашкова В. И. — 5, 13-19, 21, 23, 48, 49, 56-80, 83-91, 96-98, 104-132, 139-141, 145-148, 150-163, 166, 175, 180, 184, 191,

192, 197-199, 202-214, 223, 226, 234, 237-239, 244-255, 258, 260, 267-270, 273, 279, 280, 283, 289-291, 295, 298-303, 316, 322, 325, 329-332, 333, 337, 344, 352, 355, 356, 358, 361, 362, 364-366, 368-370, 374-378, 382, 384-390, 392, 394-396, 407, 408, 436, 447, 451, 461, 467, 484, 487, 488, 490-492, 505-511, 514-519, 521, 523, 526, 527, 533-536, 538, 541, 551, 555, 557, 563

Лебедев, сотрудник Посольства СССР в Норвегии — 552

Лебедев В., редактор, II-16, II-17, IV-17, уволен с работы (редакция журнала «Турист») — 49, 51, 305

Лебедева Е., журналистка, IV-17 — 305

Левин М. Л., д.ф.-м.н., IV-17 — 308

Левин Ю., II-16, III-1 — 49, 259

Левитанский Ю. Д., поэт, член СП СССР, IV-21, Секретариатом Правления МО СП поставлено на вид — 320

Левитин А., физик, II-16, V-37 — 49, 467

Левитин (Краснов) А. Э., церковный писатель, свидетель на суде, IV-4, IV-17, IV-19 — 28, 63, 68, 70, 107, 108, 163-166, 210, 211, 235, 250, 270, 305, 312-316, 495, 509, 519, 523

Ле Клек Г., французский журналист — 41-42

Левицкий Л. А., критик, член СП СССР, IV-22, строго предупрежден Секретариатом Правления МО СП — 324

Лекомцев Ю. К., к.филол.н., IV-17 — 305

Ленин В. И. — 33, 90, 129, 136, 155, 164, 209, 276, 285, 286, 296, 314, 343, 397, 414, 419, 421, 422, 432, 434, 441, 444, 477, 517

Леон Христофорович, лечащий врач Есенина-Вольпина, не пожелавший назвать свою фамилию — 497

Леонтович М. А., физик, академик, IV-21 — 320

Леонтьева О., к.иск.н., IV-11 — 294

Линчевский В. В., студент, IV-28 — 346

Липкина И. С., инженер, IV-21 — 320

Лисовская Н. П., II-16, II-17 — 49, 51

Литвинов М. М., народный комиссар иностранных дел (1931-1939), затем посол СССР в США (1941-43), дед П. М. Литвинова — 311, 563

Литвинов П. М., физик, соавтор обращения «К мировой общественности», II-16, II-17, III-1, III-2, уволен с работы (ИТХТ) — 24, 36, 49, 51, 259, 260-262, 266, 268, 279, 284, 294, 300, 301, 303, 309-311, 316, 331, 332, 344, 407, 448, 475, 476, 477, 480, 482, 485-488, 492, 493, 494, 496, 555, 558, 559, 563, 572, 573

Литвинова Т. М., переводчик, член СП СССР, II-16 — 49

Литвоченко И. С., художник, член СХ УССР, IV-28, исключен из СХ — 348
Литовченко Л. И., студентка, IV-28 — 347
Лихачева Д. В., м.н.с., IV-23 — 326
Логинова Т., студентка, IV-17 — 305
Лозенко В. В., понятой при первом обыске у Галансковa — 27, 31
Лозинский М. М., поэт и переводчик — 34
Лозовский Л. А., инженер, IV-23 — 326
Лорие М., переводчик, член СП СССР, IV-21, предупреждена Секретариатом Правления МО СП — 320
Лубченко А. Ф., профессор, д.ф.-м.н., лауреат Ленинской премии, IV-28 — 345
Луканов, член Верховного Суда СРФСР — 505
Луконин М., поэт, V-24 — 435, 441
Лунц Д. Р., профессор, эксперт на суде — 56, 193, 194, 196-198
Луцак В. П., скульптор, член СХ УССР, IV-28, исключен из СХ — 348
Лучков В., физиолог, IV-14, IV-17, исключен из комсомола РК ВЛКСМ — 299, 305
Лучкова М., инженер, IV-14, IV-17, исключена из комсомола — 299, 305
Людмирская Г., преподаватель, IV-21 — 320
Люрин И. Б., биолог, IV-28 — 347
Ляхович Э., переводчик, II-18 — 52

Макаревич И. Г., студент, IV-17 — 305
Максимова Е. Г., геолог, IV-17 — 308
Максимова И. Р., редактор, IV-17 — 305
Мальцев Ю. В., переводчик, IV-17 — 308
Мамонов В., писатель — 35
Мамонова В., переводчик, IV-17 — 308
Мамонтов, рабочий — 483
Манакеев, рабочий, IV-28 — 348
Мандельштам О. Э., поэт — 33, 287, 469
Мао Цзе-дун — 286, 409
Мар-Акулин С., II-16 — 49
Марамзин В. Р., писатель, IV-17 — 308
Марковская И., врач, IV-17 — 309
Марковский В., к.т.н., IV-17 — 309
Маркс К. — 155
Марченко А. Т., грузчик, бывший политзаключенный, автор

книги «Мои показания», II-16, II-17, V-40 — 45, 49, 51, 349-351, 478-480, 497
Марчук А., художник, IV-17 — 305
Марчук И. С., художник, IV-28 — 345
Марчуков А. С., математик, IV-21 — 320
Маслова Т., натурщица, свидетель на суде, II-16 — 49, 83, 139-141
Матвеева Н. В., поэтесса, член СП СССР, IV-22, предупреждена Секретариатом Правления МО СП — 324
Матвиенко Г. Ф., биолог, IV-28 — 347
Матушевский Б. Ф., инженер, IV-28 — 247
Матюков А., психиатр — 497
Мдивани Г., драматург — 441
Медведовская, математик, IV-21 — 320
Меерсон М., студент, IV-17 — 305
Межова И. А., филолог, IV-18 — 310-312
Мейман Н. Н., д.ф.-м.н., IV-17 — 309
Меласов М., журналист — 567-571
Мельников, II-16 — 49
Мельниченко Р. О., филолог, IV-28 — 347
Мельчук И. А., к.филол.н., II-16, IV-11, IV-21 — 49, 292, 320
Мендель Г., один из основателей генетики — 332
Меникер В., экономист, II-16, IV-11, уволен с работы (Ин-т экономики мировой соц. системы) — 49, 292
Меньшиков В., д.мед.н., V-11 — 407
Меньшиков В. Ф., аспирант, IV-23 — 326
Мережковский Д., писатель — 421
Метлин Ю., геофизик, IV-17 — 305
Мешковский А. Г., д.ф.-м.н., IV-21 — 320
Мид И., американский искусствовед, гид Выставки американской графики в Москве — 60
Микулинская, французская журналистка, летом 1967 г. приезжала в Москву, была задержана КГБ и затем выслана — 137, 118, 341, 366
Милошевич В., инженер, IV-17, уволен с работы (Гидрометцентр) — 305
Миллер А. Ф., к.ф.-м.н., IV-21 — 320
Мингулов, студент, V-7 — 396
Минлос Р., к.ф.-м.н., IV-11 — 292
Миркина А., пенсионерка, IV-17 — 309
Миркина Е. В., переводчик, IV-17 — 309
Миркина З., переводчик, IV-17 — 305

Миронов Л. К., заместитель председателя Московского городского суда, председательствующий на процессе — 47, 55-59, 70-72, 83, 89, 94-99, 101, 103-106, 119-122, 126-131, 137-199, 203, 212, 228, 236-238, 240-243, 257-261, 270, 278, 280, 283, 284, 335, 378, 379, 382, 383, 389, 492, 554, 563
Михайлов В. А., инженер, II-16, IV-17 — 49, 305
Михайлов О., критик, член СП СССР, IV-22, после вызова в Секретариат Правления МО СП снял свою подпись — 324
Михайлова С., инженер, IV-21 — 320
Михалков С. В., первый секретарь Правления МО СП РСФСР, V-13, V-22 — 414-416, 420, 423, 425, 429-432, 441
Михина Е., II-16 — 49
Могиль, рабочий, IV-28 — 348
Модель Г., филолог, IV-17 — 309
Можаев С., направил в «Комсомольскую правду» письмо с одобрением приговора — 392
Мокарик И., математик, IV-21 — 320
Молотов В. М., член президиума ЦК КПСС, в 1957 г. выведен из ЦК как «фракционер» — 34
Момджи Г. С., ст.н.с., V-11 — 408
Монастырский А., II-16 — 49
Монина, искусствовед, IV-17 — 309
Мориак Ф., французский писатель — 367
Морозов, профессор, психиатр — 514
Морозов, студент, V-7 — 396
Морозов С., архитектор, IV-21 — 320
Мостовая, математик, IV-21 — 320
Муравьев Д., редактор, IV-21, уволен с работы (изд-во «Искусство») — 320
Мурина Е. Б., искусствовед, член СХ СССР, IV-21 — 320, 432, 434
Мучник А., математик, IV-17 — 305
Мыльников В., преподаватель, IV-17 — 309

Набоков В., писатель — 34
Надя, «эмиссар НТС» — 62, 65-69, 73, 87, 95, 102, 124, 125, 223, 248, 508, 523
Назаренко В., рабочий, IV-28 — 348
Найдорф Б., учитель, IV-23, уволен с работы в школе — 326
Наровчатов С., член Секретариата Правления МО СП РСФСР, V-24 — 423, 424, 429, 434-435, 440
Натапов Г., математик, IV-17 — 305

Наумов Е. А., понятой при втором обыске у Гинзбурга — 45, 46
Наумов Н. В., критик, член СП СССР, IV-21, исключен из партии, строго предупрежден Секретариатом Правления МО СП — 320
Нахмансон Р., к.ф.-м.н., IV-23 — 326
Недошковский, рабочий, IV-28 — 348
Некрасов В. П., писатель, член СП УССР, лауреат Государственной премии, IV-28 — 348
Некрасов Вс., поэт — 8
Некрасов Н. А., поэт — 415
Некрасова Т. М., инженер — 36
Немухин В. Н., художник, II-16 — 49
Непомнящий В. С., критик, член СЖ СССР, IV-22, исключен из партии РК КПСС, исключен из СЖ — 324
Нечаев А. — 425
Никифоров В., инженер, IV-17 — 305
Николаева Т., к.филол.н., IV-17 — 305
Николай, митрополит — 315
Николай II, последний русский император — 155, 156
Никольская А., II-16 — 49
Никольская Т., студентка, IV-17 — 305
Никольский В. А., инженер, II-16, III-1, IV-11, V-33 — 49, 259, 294, 451
Ницберг Э., филолог, IV-17 — 309
Новиков Г., V-11 — 403-412
Новиков П. С., математик, академик, II-18 — 52
Новиков С. П., математик, член-корреспондент АН СССР, IV-21 — 320
Новикова, преподаватель, IV-17 — 305
Норман, американец — 241
Норт Д., V-9 — 399

Овечкин В. В., писатель, в 1963 г. был исключен из партии за выступление на партконференции в Курске — 397
Овчаренко Ф., заведующий литературным отделом «Комсомольской правды», V-3 — 274, 310, 334, 361-371, 450, 451, 455, 458, 459, 460, 461, 467-474, 476, 477, 484, 493, 494
Огибенин Б., к.филол.н., IV-17 — 305
Огурцов А., к.филос.н., IV-11, исключен из партии РК КПСС, уволен с работы (ИМРД) — 293
Огурцов И., лингвист, в 1967 г. осужден на 15 лет как организатор и руководитель ВСХСОН — 267, 268, 333

Околович, один из руководителей НТС — 544-547
Окуджава Б., поэт — 8
Олегина Т. И., учительница, IV-17 — 309
Описал Т., профессор, член Международного Комитета борьбы за амнистию — 551
Ораевский В. Н., к.ф.-м.н., IV-28 — 346
Орел В. Г., инженер, IV-28 — 347
Орел Л. Г., учительница, IV-28, уволена с работы в школе — 346
Осетров Н. А., председатель Московского городского суда — 25, 48, 49, 257, 269, 333, 495
Осинская А., артистка, IV-28 — 348
Островская Л., архитектор, IV-21 — 320
Остроухова, член Верховного Суда РСФСР, председательствующая на кассационном суде — 492, 505, 506, 511, 515, 519, 525, 534, 537, 539
Оттен Н. Д., переводчик, член СП СССР, II-18, IV-21, Секретариатом Правления МО СП поставлено на вид — 52, 320

Павлий, студент, V-7 — 396
Павлинчук В. А., физик, IV-17, горкомом КПСС исключен из партии, уволен с работы (Физико-энергетич. ин-т, Обнинск) — 305
Павлов, заместитель прокурора Москвы — 40
Павлова А., инженер, IV-11 — 294
Павловская Л. Г., инженер, IV-17 — 305
Пажитнов Л., к.филос.н., IV-11, исключен из партии РК КПСС, уволен с работы (Ин-т истории искусств) — 293
Палий М. И., студентка, IV-28 — 247
Параджанов С., кинорежиссер, лауреат международных кинофестивалей, IV-28 — 345
Пастернак Б. Л., поэт — 38, 42, 230, 291, 313, 378, 468, 475, 483
Паустовский К. Г., писатель, член СП СССР, IV-22 — 41, 324, 327, 501
Пауэрс Ф., американский летчик — 398
Пашковский В., врач, IV-17 — 309
Пеньковский О. В., полковник, в 1963 г. был расстрелян по обвинению в связи с английской и американской разведками — 330
Перская И. Ю., историк, IV-20 — 317
Перцовский В. С., учитель, IV-23, уволен с работы в школе — 326

Петров А., V-7 — 397
Петров Е., м.н.с., IV-17 — 309
Петров М. П., м.н.с., IV-21 — 320
Петров, рабочий, IV-28 — 348
Петровский В. В., министр здравоохранения СССР — 498
Пикассо П., французский художник — 9
Пильняк Б., писатель — 230
Пиляр Ю., писатель, член СП СССР, IV-22, после вызова в Секретариат Правления МО СП снял свою подпись, получил партийный строгий выговор — 324, 424, 428
Пинский Л. Е., литературовед, член СП СССР, II-18, IV-21, свидетель на суде, Секретариатом Правления МО СП поставлено на вид — 52, 194, 236, 320, 466
Пирогов Е. А., первый секретарь Ленинградского РК КПСС, V-13 — 419
Пирс Дж., английский математик — 484
Писарев С., историк, II-16, IV-11, IV-14 — 49, 294, 299
Плаксий, художник, IV-28 — 348
Плитко С. И., инженер, IV-23 — 326
Пломпер А., пенсионер, IV-17 — 305
Плющ Л. И., математик, V-39, уволен с работы (Ин-т кибернетики АН УССР) — 474-478, 496
Поволоцкая А., редактор, IV-17, V-33 — 305,,451
Подгорный Н. В., председатель Президиума Верховного Совета СССР — 37, 46, 51, 269, 278, 301, 316, 317, 322, 324, 342, 462, 493, 494, 537
Подольская Н., к.филол.н., IV-11, IV-21 — 293, 320
Подъяпольский Г. С., геолог, IV-5, IV-17 — 272, 305
Пожарицкая С., к.филол.н., IV-11 — 293
Поженян Г. М., поэт, член СП СССР, IV-22, Секретариатом Правления МО СП поставлено на вид — 324
Поздняев К., писатель — 441
Поздняк М., инженер, IV-17 — 305
Поздняков, заместитель председателя Ленинградского городского суда — 482
Покровская К. М., физик, IV-21 — 320
Покровский В., физик, IV-28 — 346
Поленов М. Н., студент, IV-20 — 317
Поляк В., к.ф.-м.н., IV-11 — 293
Поляков В. И., художник, член СХ СССР, IV-21 — 321, 432, 434
Полянский Е., писатель, V-7 — 397

Померанц Г. С., историк, IV-17, на неопределенный срок отложена защита кандидатской диссертации — 28, 33, 142, 306, 469
Пономарев В., физик, II-17, IV-17 — 51, 306
Пономарев М. А., агитатор — 446
Попов А., геолог, IV-17 — 306
Попов С. А., инженер, член комсомольского оперотряда — 569
Попович Е. А., писатель, IV-28 — 346
Поремский В., один из руководителей НТС — 148, 545-547
Порхун Д., пенсионер, IV-28 — 347
Посвянский, математик, IV-21 — 321
Постников М., математик, II-17 — 51
Потапенко В. А., инженер, IV-12 — 294-295
Потапова О., студентка, II-16, IV-17 — 49, 306
Поташева С., студентка, свидетель на суде, IV-4 — 74, 104, 123, 160, 161, 197, 223, 234, 270, 385, 527, 536
Похлебин, прокурор отдела Прокуратуры СССР по надзору за следствием в органах госбезопасности — 41
Походаев В., V-33 — 451
Праворотова М. А., инженер, IV-21 — 321
Прилоус Б. И., лаборант, IV-23 — 326
Пристли Дж. Б., английский писатель — 477
Просяткивська Л. Г., учительница, IV-28 — 347
Прядкина Н., студентка, IV-17 — 306
Пузиков М., инженер, II-16, IV-11, IV-14 — 49, 294, 299
Путь А. Л., к.б.н., IV-28 — 347
Пушкин А. С. — 287, 373, 377, 397
Пэк А., геолог, II-16 — 49
Пятаков Г. Л., член политбюро ЦК ВКП(б), расстрелян в 1938 г. — 476
Пятигорский А. М., к.филол.н., II-18, IV-11, уволен с работы (Ин-т народов Азии) — 52, 293

Рабин О. Я., художник, II-16 — 49
Рабинович А. В., математик, IV-21 — 321
Рабле Ф., французский писатель — 373, 377
Радек К. Б., член ЦК ВКП(б), погиб в 1939 г. — 476
Радзиевский П., рабочий, свидетель на суде — 14, 21, 23, 66, 70, 87, 93, 97, 145, 161, 171-172, 218, 219, 249, 250, 509, 523
Радищев А. Н., в 1790 г. за свою книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь на 10 лет — 276, 287

Рамзей М., архиепископ Кентерберийский — 352
Рапп И., д.ф.-м.н., II-17, IV-17 — 51, 306
Рапп Ю., м.н.с., IV-17 — 306
Раппопорт А. С., к.филол.н., IV-15, IV-17 — 299-300, 306
Раскольников Ф., адмирал и дипломат — 475, 477
Расновский А., V-7 — 395-396
Рассел Б., английский философ — 477, 562, 566, 572
Ратновский Б. М., инженер, IV-17 — 306, 308
Ревзин И., д.филол.н., II-18, IV-21 — 52, 321
Ревякина Н. В., к.ист.н., IV-23 — 326
Реддевей П., английский историк — 569-571
Резник, инженер, IV-21 — 321
Резник О., писатель — 441
Резников Б. А., физик, IV-17 — 306
Резников С., архитектор, IV-21 — 321
Рендель Л., историк, бывший политзаключенный — 283, 284
Робинзон Дж., епископ Вуличский — 352
Родзянко В., протоиерей — 352
Родионов В. М., д.б.н., IV-21, исключен из партии — 321
Рожнова С., историк, IV-23, исключена из партии — 326
Розанов М. А., инженер, IV-16 — 300-301
Розанова А. М., инженер, IV-16 — 300-301
Розенфельд, д.б.н., профессор, II-18 — 52
Розов В., драматург, член Секретариата Правления МО СП РСФСР — 423, 429
Рокитянский В., физик, IV-17 — 309
Роллан Р., французский писатель — 477
Романов (Островский), один из руководителей НТС — 545-548
Романов В., библиограф, IV-17 — 306
Романова И. Г., учительница, IV-17 — 306
Романова Н. Н., математик, IV-21, исключена из комсомола — 321
Росляков В., член Секретариата Правления МО СП РСФСР — 423, 424, 429
Рощин М., писатель, член СП СССР, IV-22, партийный строгий выговор, предупрежден Секретариатом Правления МО СП — 324
Рубанова И., к.иск.н., IV-21 — 321
Рубин В., к.ист.н., IV-17 — 306
Рубина М., к.б.н., IV-17 — 306
Рубинштейн Л., II-16 — 49

Рудаков И., инженер, II-16, IV-11, уволен с работы — 49, 294
Руденко Р. А., Генеральный прокурор СССР — 25, 37, 46, 48, 49 269, 270, 280, 289, 293, 294, 300, 301, 316, 317, 322, 324-329, 493, 494, 495
Рудницкий К. Л., критик, к.филос.н., член СП СССР, II-18, партийный строгий выговор, предупрежден Секретариатом Правления МО СП — 52
Рудой Ю. Г., физик, IV-21 — 321
Рунге Е. — 330
Русанов А., техник, II-16 — 49
Русин И. И., инженер, IV-28 — 347
Рылеев К. Ф., поэт, декабрист — 34
Рябоконь, рабочий, IV-28 — 348
Ряжский, заместитель председателя Московского городского суда — 554
Рязанцев, сотрудник КГБ — 45, 46
Рязанцева И., киносценарист, IV-21 — 321

Савенкова В., рабочая, II-16, II-17, IV-14, уволена с работы — 49, 51, 299
Савчук В. П., рабочий, IV-28 — 347
Саган Ф., французская писательница — 367
Сагдеев Р., член-корреспондент АН СССР — 500
Садо М., лингвист, в 1967 г. был осужден на 13 лет как один из руководителей ВСХСОН — 268
Садомская Н., к.ист.н., II-16, IV-11 — 48, 293
Сазонов Б. В., к.филос.н., IV-8 — 279-280
Самбор А., журналист, IV-17 — 306
Самойлов Д. С., поэт, член СП СССР, IV-21, Секретариатом Правления МО СП объявлен выговор с занесением в личное дело — 321
Санников В., к.филол.н., IV-21 — 321
Санникова В., рабочая, IV-17 — 306
Сапгир Г., поэт — 35
Сапронов Ю., II-17 — 51
Сарбей О. Г., к.ф.-м.н., IV-28 — 345
Сарнов Б. М., критик, член СП СССР, IV-22, Секретариатом Правления МО СП постановлено на вид — 324
Сахаров А. Д., физик, академик — 24
Саша, валютчик — 168
Свердлов Я. М., член политбюро ЦК РКП(б) — 209, 517
Сверстюк Е. А., писатель, IV-28 — 346

Светличный И. А., поэт, IV-28 — 345
Светлова Н., V-33 — 451
Светов Ф., критик, член СП СССР, IV-22 — 324
Свечинский В. Л., архитектор, IV-17 — 306
Свирепова Т., II-16 — 48
Свиридова, II-16 — 48
Севрук Г., художник, член СХ УССР, IV-28, исключен из СХ — 347
Сегал Д. М., лингвист, II-18, IV-17, на неопределенный срок отложена защита кандидатской диссертации — 52, 306
Седов, к.ист.н., IV-11 — 293
Седов, капитан КГБ, следователь — 27, 31
Секлоча П., американский историк, гид Выставки американской графики в Москве — 60
Селивачив М. Р., студент, IV-28 — 346
Семашкин, лейтенант КГБ — 31, 36
Семека Е., к.ист.н., II-18, IV-11 — 53, 293
Семенов А., инженер, IV-28 — 348
Семенов М., редактор журнала «Крокодил», V-10 — 400-403
Семенова, биолог, IV-28 — 348
Семеров В., сотрудник приемной Президиума Верховного Совета СССР — 39
Семичастный В. Е., председатель КГБ (1961-1967) — 24, 37
Семыкина Л. Н., художница, член СХ УССР, IV-28, исключена из СХ — 347
Семячкин Б. Е., м.н.с., IV-23 — 326
Сергеев В. А., инженер, II-16, IV-17 — 48, 306
Сергиенко А. Ф., студент, IV-28 — 346
Сергиенко М., студентка, IV-17 — 306
Сердюк Ю., писатель, член СП УССР, IV-28 — 347
Серебрякова Г., писательница, автор воспоминаний о сталинских лагерях — 235, 278
Серебрякова Н., студентка, свидетель на суде, IV-4 — 151-153, 270
Серош, рабочий, IV-28 — 348
Сёрхейм И. О., представитель Международного комитета борьбы за амнистию — 551-558
Сизарев, студент, V-7 — 396
Сильвестров Д., инженер, IV-17 — 309
Симолон А., м.н.с., IV-21 — 320
Симонов А., писатель, IV-21 — 320
Симонов К., писатель — 268

Симонова Г. В., первая жена Юрия Галанскова, свидетель на суде, IV-4, V-33 — 193, 194, 270, 451
Синявский А. Д., писатель, в 1966 г. осужден на 7 лет за свою литературную деятельность — 5, 11, 13, 14, 16, 18, 19, 23-25, 32-34, 37, 42, 46-48, 52, 59-74, 83, 89, 100, 114, 115, 121, 129, 133-136, 148, 152, 155, 162, 181, 182, 190, 195, 196, 213, 214, 216, 217, 222, 223, 227-233, 236, 239-243, 256, 267, 276, 278, 282, 287-291, 303, 317, 318, 327, 329, 333, 350, 381, 384-386, 437, 444, 449, 456, 463-465, 468, 470, 475, 487, 488, 494, 507-509, 523-538, 557, 558, 564, 565, 572
Сипачев В. А., химик, IV-17 — 306
Ситенко А. Г., профессор, д.ф.-м.н., член-корреспондент АН УССР, IV-28 — 347
Ситников В. Я., художник — 102
Сквирский В., географ, II-17, IV-11 — 51, 293
Скворцов А. А., генерал КГБ — 21
Скворцов Л., к.филол.н. — 501
Скляренко Ж., физик, IV-28 — 346
Скороход А. В., профессор, д.ф.-м.н., член-корреспондент АН УССР, IV-28, отстранен от преподавания в КГУ — 346
Славин Л., писатель — 286
Славинский М., один ир руководителей НТС — 189, 190, 251, 335, 357-360, 367, 368, 380, 381, 390-393, 454, 471, 523, 529, 535, 542
Слинько М. Г., член-корреспондент АН СССР — 439, 500
Слоним М., студентка, IV-17 — 306
Слуцкий Б., поэт — 8
Смекалкин П. П., помощник прокурора Октябрьского р-на Москвы — 559
Смелов К. К., капитан КГБ, старший следователь — 31, 36
Смирнов С. В., поэт — 286
Смирнов Т. И., преподаватель, IV-17 — 306
Смолянинов В. В., м.н.с., IV-21 — 321
Сморгунова Е. М., лингвист, IV-21 — 321
Смородинова Е. В., инженер, IV-17 — 306
Соболев Н. Д., с.н.с., V-11 — 408
Сойдма Т., биолог, IV-3 — 269
Соколов, к.ф.-м.н., IV-23 — 326
Соколов Ю. Д., профессор, д.ф.-м.н., член-корреспондент АН УССР, IV-28 — 346
Соколов Ю. Н., геофизик, IV-21 — 321

Сокольников Г. Я., член ЦК ВКП(б), расстрелян в 1939 г. — 476
Солженицын А. И., писатель — 181, 182, 219, 276, 278, 286, 313, 444, 477, 489
Соловьева Е., II-16, II-17 — 48, 51
Соловьева И. Н., критик, член СП СССР, IV-21, Секретариатом Правления МО СП поставлено на вид — 321
Солоухин В. А., писатель — 43
Сотникова Л. Е., инженер, IV-17 — 309
Сохранский Б. Б., инженер, IV-17 — 306
Спок Б., американский врач и общественный деятель — 398, 412, 429
Сталин И. В., — 6, 15, 41, 72, 200, 209-211, 285-286, 332, 477, 485, 511, 512, 517
Стариков Е., инженер, IV-17 — 306
Старостин А., физик, IV-17 — 306
Старостин Е. В., преподаватель МАДИ, V-11 — 408
Старостина Г., экономист, V-37 — 467
Стеблев, сотрудник КГБ — 45, 46
Стейнбек Дж., американский писатель — 475
Степанов Е. Л., библиотекарь, IV-17 — 306
Стефанчук, рабочий, IV-28 — 348
Стивенс Н. А., жена корреспондента «Ньюсдей» в Москве Э. Стивенса — 180
Столярова Н. И., переводчик, бывший секретарь И. Эренбурга, свидетель на суде, II-18, IV-4 — 53, 64, 195, 196, 208, 235, 236, 270, 466, 517
Стравинский И. Ф., композитор — 477
Строева Е., редактор, IV-17 — 309
Строева Н., музыкант, IV-17 — 309
Ступак Я., писатель, IV-28 — 349
Стуруа М., журналист — 10
Стус В., писатель, IV-28 — 348
Сугоняко, рабочий, IV-28 — 348
Сумеров, оперуполномоченный следственного отдела Управления охраны общественного порядка Мосгорисполкома по Ленинградскому району — 42, 43, 44
Суперфин Г. Г., студент, IV-17 — 306
Суриц Е., переводчик, IV-17 — 306
Сурнев В. И., понятой при первом обыске у Галанскова — 27, 31
Суслов М., член политбюро и секретарь ЦК КПСС — 276, 279
Сухотин Б. В., к.филол.н., II-16, IV-21 — 48, 321

Сучков Ф., критик, член СП СССР, IV-22, исключен из партии РК КПСС, КПК заменил исключение на строгий выговор — 324
Сушко Б., лаборант, IV-17 — 306
Сушко Т., химик, IV-17 — 306
Сыроечковский Е. В., зоолог, IV-17 — 309

Тамба М., третий секретарь Японского посольства в Москве — 29, 180, 181
Танюк Л., режиссер, II-16, IV-11 — 48, 293
Таран А. М., журналист, IV-28 — 346
Тарасов, знакомый Добровольского — 112
Тарасов К., к.филос.н., V-11 — 407
Тарсис В., писатель, в 1966 г. лишен советского гражданства — 406
Татарский В. И., д.ф.-м.н., IV-17, IV-21 — 306, 321
Телесин Ю., математик, II-16, IV-11, IV-17 — 48, 293, 306
Тельников В., учитель, II-16, II-17, III-1, IV-17 — 48, 51, 259, 306
Тельпугов В., парторг МГК КПСС при МО СП РСФСР — 423, 429, 441, 486
Темпест П., корреспондент «Морнинг стар» в Москве — 334, 335
Тендряков В., писатель — 501
Теодоракис М., греческий композитор — 430
Терентьев В., журналист — 542-548
Терехов Г. А., государственный обвинитель — 55, 56, 72-89, 104-114, 119, 122-126, 129-142, 145, 146, 150-158, 160-162, 167, 169, 171-176, 179-181, 184-186, 188-191, 197-199, 203, 228-230, 236, 240, 243, 260, 278, 283, 335, 336, 363-366, 379-389, 456, 459, 463, 464, 492, 505, 506, 534-538
Тесля Ю., IV-14 — 299
Тетерин В., служащий, IV-11 — 294
Тимачев В., геолог, II-16, II-17, III-1, IV-17 — 48, 51, 259, 306
Тимофеев, член Верховного Суда РСФСР — 505
Тимофеева О. В., студентка, жена Юрия Галанскова, IV-30, V-33, V-38, исключена из ВГИКа — 24, 27, 31, 104, 144, 160-161, 180, 186, 197, 226, 255, 256, 290, 316, 334, 352-353, 451, 467-474, 491, 494, 496, 505, 527, 555, 559-561
Тимофеева О., мать жены Ю. Галанскова О. В. Тимофеевой, свидетель на суде — 186, 187
Тимофеевский А., киносценарист, IV-17, IV-21 — 309, 321

Тимошенко Л. Я., критик, член СП СССР, IV-21 — 321
Тито И. Б. — 35, 475
Титов Е., IV-23 — 326
Титов Ю., архитектор и художник, IV-17 — 100, 102, 309
Титов Ю., председатель Правления Московского областного отделения СХ РСФСР — 444
Тищенко А. С., понятой при первом обыске у Галанскова — 27, 31
Товстуха Т. И., м.н.с., IV-21 — 321
Тодоров А., болгарский писатель — 371-372
Толпыго К. Б., профессор, д.ф.-м.н., член-корреспондент АН УССР, IV-28 — 348
Толстой А. Н., писатель — 544
Толстой Л. Н. — 136, 373, 377
Тольятти П., генеральный секретарь Итальянской компартии (до смерти в 1964 г.) — 211, 277
Томчук П. М., к.ф.-м.н., IV-28 — 345
Топешкина А. М., редактор, свидетель на суде, II-16, II-17, IV-4, IV-17, V-33 — 49, 51, 179-184, 261, 270, 306, 451
Топешко Н. А., инженер, IV-23 — 326
Топоров В. Н., к.филол.н., IV-21 — 321
Торчилина М., пенсионерка, IV-17 — 309
Трауберг Н. Л., переводчик, к.филол.н., IV-17 — 309
Тришина Л. А., лингвист, IV-23 — 326
Трофимук, академик — 500
Троцкий Л. Д. — 286
Трунова, учительница, направила в «Комсомольскую правду» письмо с одобрением приговора — 392
Трушин В. П., первый секретарь МГК ВЛКСМ, V-13 — 418
Трушнович — 200
Тулин А. К., инженер, член комсомольского оперотряда — 569
Тульчинский М. Р., к.ист.н., II-16, IV-21, исключен из партии РК КПСС, КПК исключение заменено на строгий выговор — 49, 321
Тумасян В., к.медц.н., V-11 — 407
Тупицын В., математик, IV-17 — 306
Турчин Е., д.ф.-м.н., IV-17 — 306
Турчин К. Ф., м.н.с., IV-17 — 307
Тымчук Л. Н., матрос, IV-26, V-43 — 331-333, 484-486
Тюфанов Б. Е., инженер, IV-28 — 346
Тягай В. А., к.ф.-м.н., IV-28 — 245

Улановская М., библиограф, II-16, IV-11 — 49, 293
Улицкая Л., биолог, IV-17 — 309
Успенский И. Б., к.б.н., IV-17 — 307
Устинова Н., машинистка, свидетель на суде, II-16, II-17, IV-4, уволена с работы — 49, 51, 62, 83, 88, 104, 113, 123, 141, 142, 150-151, 155, 249, 250, 270, 508, 509
Уткина, инженер, IV-11 — 294
Утрилло М., французский художник — 10

Фадеева И., геолог, IV-17 — 307
Файнгольд Н., инженер и художник — 122, 229, 338
Фалеева И., социолог, IV-11 — 293
Федоренко Р. П., к.ф.-м.н., IV-17 — 309
Федоров А., рабочий, V-7 — 396
Федоров Л., инженер, IV-17 — 307
Федосеев, академик, директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — 268
Фейгина М., историк, IV-11 — 293
Фейхтвангер Л., немецкий писатель — 476
Фельдман Н., ст.н.с., IV-17 — 307
Фет А. И., д.ф.-м.н., IV-23, уволен с работы (Ин-т математики СО АН) — 326
Филипп, иностранец — 62, 65, 67, 125, 157-159, 366
Филиппов Б., издатель и писатель — 442, 443
Филоненко Н. Н., аспирант, IV-23 — 326
Фильштинский И. М., к.ист.н., IV-15, исключен из партии РК КПСС — 299-300
Финкельштейн Л. М., музыкант, IV-17 — 307
Фоменко В. А., студент, IV-28 — 346
Фоменко И. В., аспирант, IV-17 — 309
Фомичева А. И., секретарь суда — 55, 56, 111, 243, 378
Франко З. Т., писатель, IV-28, уволен с работы (Ин-т языкознания АН УССР) — 346
Фрейдин Г., переводчик, IV-17 — 307
Фридман А. М., к.ф.-м.н., IV-23 — 326
Фридман В., инженер, IV-3, IV-17 — 268, 307

Хааланд, член Международного комитета борьбы за амнистию — 553
Хазанов Б., математик, IV-17 — 307
Халиф Л. Я., поэт, IV-17 — 309
Хаммонд М. Д., гражданка Великобритании, служащая, член организации «Черч» — 562, 567-572

Хануков А., инженер, V-37, исключен из партии, понижен в должности — 467
Харитонов М., редактор, II-16, II-17, IV-17 — 49, 51, 307
Харчук Б., писатель, член СП УССР, IV-28 — 346
Хаустов В. А., рабочий, в 1967 г. был осужден на 3 года за участие в демонстрации 22 января 1967 года против ареста Галанскова, Добровольского, Лашковой и Радзиевского, свидетель на суде — 24, 67, 100, 161-163, 253, 282, 289, 303, 319, 523
Хейвард М., английский литературовед и переводчик — 7
Хинкис В., переводчик, член СП СССР, IV-21, предупрежден Секретариатом Правления МО СП — 321
Хмельницкий Б., гетман Украины (XVII век) — 475
Ходорович Т., филолог, IV-21 — 321
Хоринов, эксперт КГБ — 31, 36
Хохлов В., редактор машинописного журнала «Русское слово» — 28, 34, 212
Хохлова Л., студентка, направила в «Комсомольскую правду» письмо с одобрением приговора — 392
Хохлушкин И. Н., м.н.с., IV-23 — 326
Храбровицкий А., литературовед, II-16, IV-11, IV-14, IV-17 — 49, 294, 299, 307
Хриплович И. В., к.ф.-м.н., IV-23 — 326
Хромова Т., историк, II-16 — 49
Хрущев Н. С. — 15, 41, 89, 281, 337, 475, 512
Хьютес Л., американский журналист — 10, 134

Цветков А., рабочий, свидетель на суде — 60, 172, 173, 250
Цветопольская А., инженер, IV-11 — 294
Цебенко, шофер, IV-28 — 348
Цельник Ф. А., инженер, IV-23 — 326
Цехмистренко Ю. В., к.ф.-м.н., IV-28, партийный строгий выговор — 345
Цивьян Т., к.филол.н., II-18, IV-21 — 53, 321
Циркуненко, полковник КГБ — 154, 183, 256, 261, 270, 278, 290
Цицерон М. Т. — 331
Цыплаков В., студент, IV-17 — 307

Чайлахян Л. М., к.б.н., IV-21 — 321
Чаковский А., главный редактор «Литературной газеты» — 403-412, 478-489, 493
Чамарья С. П., понятой при первом обыске у Галанскова — 27, 31

Черемисина М. И., к.филол.н., IV-23, уволена с работы (НПУ) — 326
Черненко И. А., редактор, IV-28 — 346
Черницын — 124-125
Черновол В., журналист, в 1967 г. был осужден на 3 года за составление сборника о политических процессах на Украине в 1965-66 годах — 344
Чернышева Т. Н., филолог, IV-28 — 346
Черчилль У. — 545
Чехов А. П., писатель — 420, 475
Чижевский, рабочий, IV-28 — 348
Чижова Г. В., народный заседатель на суде — 55, 56, 118, 133, 142, 159, 243
Чиликина А., преподаватель, IV-17 — 307
Чирков С., II-16 — 49
Чудаков С., журналист, V-33 — 351
Чуковская Л. К., писательница, член СП СССР, IV-21, Секретариатом Правления МО СП объявлен выговор с занесением в личное дело — 148, 216, 321
Чуковский К. И., писатель — 231, 501
Чурганова Б., лингвист, IV-21 — 321

Шабат А. В., к.ф.-м.н., IV-23 — 326
Шайкевич А., II-16 — 49
Шак, фон А., американский социолог — 437
Шалагин А. М., инженер, IV-23 — 326
Шамовский Л. М., ст.н.с., V-11 — 408
Шанина Б. Д., физик, IV-28 — 345
Шапиро З. Я., к.ф.-м.н., IV-17 — 309
Шапошников М., рабочий, IV-11 — 294
Шапошникова А., секретарь МГК КПСС — 441
Шафаревич И. Р., математик, член-корреспондент АН СССР, лауреат Ленинской премии, II-18 — 53
Шаффхаузер Ф. В., гражданин ФРГ, студент, в 1967 г. осужден на 4 года по обвинению в связи с НТС, свидетель на предварительном следствии — 136, 198, 224-225, 251, 341, 366, 528, 529, 530, 535, 543
Шахсуваров В., инженер, IV-17, уволен с работы — 307
Шашенков Е., инженер, IV-3 — 268
Шварцман В., преподаватель, IV-17 — 309
Швейский В. Я., защитник Алексея Добровольского — 23, 48, 55, 56, 89-92, 118, 127, 144, 147, 165, 185, 196, 199-203, 212, 244, 269, 301, 322, 505, 510-515, 524, 538, 539

Шевцова, к.экономич.н., IV-17 — 307
Шевченко А., журналист, IV-28 — 347
Шевченко, подполковник — 281
Шевчук В., II-16 — 49
Шевчук В. О., писатель, член СП УССР, IV-28 — 346
Шека В. И., к.ф.-м.н., IV-28 — 345
Шекспир В. — 373
Шик М. Л., к.б.н., IV-21 — 321
Широцкий Б. Д., юрист, IV-28 — 347
Ширяева Н., библиограф, IV-17 — 307
Шитова В., критик, член СП СССР, IV-21, Секретариатом Правления МО СП поставлено на вид — 321
Шифрин И. Е., физик, IV-21 — 322
Шифферс Е., режиссер, IV-1 — 266
Шлифштейн Б. И., инженер, II-16, IV-17 — 49, 307
Шмайн И. Х., математик, IV-17 — 307
Шмаринов Д., первый секретарь Правления МОСХ РСФСР — 432
Шмеман А., протоиерей — 352
Шмидт В. В., к.ф.-м.н., IV-21 — 322
Шолохов М., писатель — 13, 59-70, 87, 88, 113, 115, 119-121, 126, 148, 162, 172, 173, 208, 212, 214, 216-219, 227, 256, 403, 469, 508-510, 518, 519, 523-525, 531
Шпаков Ю., журналист, V-25 — 435-439
Шрагин Б., к.филос.н., II-16, IV-11, исключен из партии РК КПСС, уволен с работы (Ин-т истории искусств) — 49, 293
Штейн Ю. Г., кинорежиссер, IV-20 — 317
Штейнберг А. А., поэт и переводчик, член СП СССР, IV-21, Секретариатом Правления МО СП объявлен выговор с занесением в личное дело — 322
Штельмах А. А., инженер, II-16, II-17, III-1, IV-17, IV-27, V-33, V-37 — 49, 51, 259, 307, 333-342, 451, 467
Штенгель Э., м.н.с., IV-23, уволен с работы (Ин-т автоматики СО АН) — 326
Штернфельд, V-33 — 451
Штутина С., инженер, IV-17, V-33 — 307, 451
Шуб А. И., физик, IV-21 — 322
Шульгина Л. М., студентка, IV-17 — 309
Шустер А., физик, II-16, IV-17 — 49, 307

Щадрина, V-33 — 451
Щеглов В., математик, II-16, IV-17 — 49, 307
Щедрин Е., физик, IV-17 — 307
Щедровицкий Г., к.филос.н., IV-17, исключен из партии — 307

Эдлис Ю. Ф., переводчик, член СП СССР, II-18, предупрежден Секретариатом Правления МО СП — 53
Эйдельман В., физик, II-16, II-17, IV-17 — 49, 51, 307
Эйдельман Г., математик, II-16, II-17, IV-17 — 49, 51, 307
Эпштейн Д., переводчик, IV-17 — 309
Эпштейн С. М., лаборант, IV-21 — 322
Эрастов К. О., переводчик, IV-17 — 307
Эрастова Т. Д., биолог, IV-17 — 307
Эренбург И. Г., писатель, депутат Верховного Совета СССР 11, 33, 64, 130, 195, 196, 208, 231, 235, 469, 517, 530
Эфрос А. В., режиссер — 420

Юдин Г. Ф., преподаватель МАДИ, V-11 — 408
Юдина М. В., пианистка, профессор консерватории, IV-20, IV-22 — 317, 324
Юликов А., студент, IV-17 — 307
Юсина К., математик, IV-21 — 322
Юхновец Ю., рабочий, II-16, III-1, IV-11 — 49, 259, 294

Яблонский Г. С., химик, автор и исполнитель песен, IV-23, исключен из партии — 325, 436-439
Яглом А. М., математик, профессор, II-18, IV-21, уволен с работы (Мос. педагогический ин-т) — 53, 322
Ягода Г. Г., глава НКВД (1934-1936), расстрелян в 1938 г. — 274
Якир Е., инженер, II-16 — 49
Якир И. Э., командарм, расстрелян в 1937 г., отец П. И. Якира — 497
Якир И. П., студентка, II-16, II-17, IV-17 — 49, 51, 307
Якир П. И., историк, соавтор обращения «К деятелям науки, культуры и искусства», II-16, II-17, III-1, IV-10, уволен с работы (Ин-т истории) — 49, 51, 259, 282-288, 299, 307, 344, 475, 476, 495, 496, 497
Якир Р., инженер, IV-17 — 307

Якир С. Л., мать П. И. Якира, II-16 — 49
Якобсон А., переводчик, II-16, IV-11, IV-17, V-34 — 49, 293, 307, 451-459, 496
Янушевский И. К., главный психиатр г. Москвы — 497, 498
Яременко В., писатель, IV-28 — 349
Яхимович И. А., председатель колхоза, IV-7, исключен из партии РК КПСС, снят с должности председателя колхоза, лишен прописки — 276-279, 495
Ященко Л. И., композитор, член Союза композиторов УССР, IV-28, уволен с работы (Ин-т фольклора и искусствоведения АН УССР) — 347

Примечание. Там, где подчеркнуто, что кто-либо исключен из партии РК или ГК КПСС, это означает, что исключение произошло без предварительного обсуждения и голосования в первичной партийной организации, то есть с грубым нарушением Устава КПСС.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМН — Академия медицинских наук
АН — Академия наук
АП — Ассошиэйтед пресс
ВГИК — Всесоюзный государственный институт кинематографии
ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВСХСОН — Всероссийский социально-христианский союз освобождения народа
ГК — Городской комитет
ИАТ — Институт автоматики и телемеханики
ИМЕТ — Институт металлургии
ИМРД — Институт международного рабочего движения
ИНА — Институт народов Азии
ИОХ — Институт органической химии
ИППИ — Институт проблем передачи информации
ИРЯ — Институт русского языка
ИТХТ — Институт тонкой химической технологии
ИФА — Институт физики атмосферы
ИХФ — Институт химической физики
КГБ — Комитет государственной безопасности
КГУ — Киевский государственный университет
КПК — Комиссия партийного контроля при ЦК КПСС
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
ЛМП I МГПИИЯ — Лаборатория машинного перевода I-го Московского государственного педагогического института иностранных языков
МАДИ — Московский автодорожный институт
МГК — Московский городской комитет
МГУ — Московский государственный университет
МИИТ — Московский институт инженеров транспорта
МО — Московское отделение
МООП — Министерство охраны общественного порядка
МРАСТ — Московский радиоаппаратостроительный техникум

НГУ — Новосибирский государственный университет
НТС — Народно-трудовой союз
РК — Районный комитет
СЖ — Союз журналистов
СК — Союз кинематографистов
СМОГ — Самое молодое общество гениев, ироническое название, взятое группой молодых московских поэтов в 1964-65 годах (по звуковой аналогии с англ. smog)
СО — Сибирское отделение
СП — Союз писателей
СУ — Строительное управление
СХ — Союз художников
УК — Уголовный кодекс
УКГБ при СМ СССР по Москве и МО — Управление КГБ при Совете Министров СССР по Москве и Московской области
УПК — Уголовно-процессуальный кодекс
ЦК — Центральный комитет

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ 3

I. ПРЕДЫСТОРИЯ. ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМЫХ 5

II. ДО СУДА 21
№ 1. Протокол обыска Галанскова 17. 1. 1967 27
№ 2. Протокол обыска Гинзбурга 17. 1. 1967 31
№ 3. Письмо Л. И. Гинзбург от 25. 2. 1967 37
№ 4. Ответ Приемной Президиума Верховного Совета СССР 39
№ 5. Ответ Прокуратуры СССР от 4. 3. 1967 40
№ 6. Ответ Прокуратуры г. Москвы от 6. 3. 1967 40
№ 7. Ответ Отдела писем «Правды» 41
№ 8. Ответ Прокуратуры СССР от 20. 3. 1967 41
№ 9. Беседа Ги ле Клек с Казаковым 41
№ 10. Протокол обыска (выемки) у Галансковых 21. 7. 1967 42
№ 11. Протокол описи имущества Галанскова 21. 7. 1967 44
№ 12. Протокол обыска у Л. И. Гинзбург 5. 9. 1967 45
№ 13. Письмо Л. И. Гинзбург от 25. 11. 1967 46
№ 14. Ответ Прокуратуры СССР от 2. 12. 1967 47
№ 15. Ответ Прокуратуры СССР от 16. 12. 1967 47
№ 16. «Письмо 116-ти» 48
№ 17. «Заявление 42-х» 49
№ 18. «Письмо 31-го» 51

III. СУД 55
Заседание судебной коллегии, 8 января 1968 56
" 9 января 118
" 10 января 138
" 11 января 195
" 12 января 213
№ 1. «Письмо 12-ти» 258
№ 2. «К мировой общественности» (Л. Богораз и П. Литвинов) 260

IV. ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ 265
№ 1. «Открытое письмо товарищу по профессии» 266
№ 2. «Заявление братьев Вахтиных» 267

№ 3. «Письмо ленинградцев» 268
№ 4. «Письмо свидетелей» 269
№ 5. Письмо Г. Подъяпольского 270
№ 6. Письмо П. Григоренко в Политбюро ЦК КПСС 272
№ 7. Письмо И. Яхимовича 276
№ 8. Заявление Б. Сазонова 279
№ 9. Заявление З. Григоренко 280
№ 10. «К деятелям науки, культуры и искусства» 282
№ 11. «Письмо 79-ти» (52-х) 289
№ 12. Письмо В. Потапенко 294
№ 13. Письмо П. Григоренко в Верховный Суд РСФСР 295
№ 14. «Письмо 13-ти» 298
№ 15. Письмо А. Раппопорт и И. Фильштинского 299
№ 16. «Письмо 4-х» 300
№ 17. «Письмо 224-х» (170-ти) 301
№ 18. Письмо И. Межовой 310
№ 19. Заявление А. Левитина (Краснова) 312
№ 20. «Письмо 8-ми» 316
№ 21. «Письмо 121-го» 317
№ 22. «Письмо 25-ти» (писательское) 322
№ 23. «Письмо 46-ти» (новосибирское) 324
№ 24. Письмо О. Квачевского 327
№ 25. Письмо Л. Копелева 329
№ 26. Заявление Л. Тымчука 331
№ 27. «Открытое письмо» А. Штельмаха 333
№ 28. «Письмо 139» (украинское) 342
№ 29. Письмо С. Желудкова 349
№ 30. Письмо О. Тимофеевой 352

V. ОСВЕЩЕНИЕ ДЕЛА В ПЕЧАТИ 355

№ 1. «В Московском городском суде» («Вечерняя Москва») 355
№ 2. «Затянутые одним поясом» («Известия») 356
№ 3. «В лакеях» («Комсомольская правда») 361
№ 4. «У лжи короткие ноги» («Советская культура») 371
№ 5. «Как стать знаменитым» 373
«Литераторы» («Голос Родины») 377
№ 6. «Открытое письмо Брокса Соколова» («Известия») 390
№ 7. «Без снисхождения!» («Комсомольская правда») 392
№ 8. «Крокодиловы слезы» («Правда») 398
№ 9. «Почему вы молчите о Лерое Джонсе?» («Литгазета») 399

№ 10. «Волны сочувствия» («Литгазета») 400
№ 11. «Ответ читателю» («Литгазета») 403
№ 12. «С нами» («Известия») 412
№ 13. Материалы XIX конференции Московской городской организации КПСС 413
№ 14. «Спасибо, коммунисты!» («Литературная Россия») 420
№ 15. «Советские художники всегда с партией» («Правда») 421
№ 16. «Всегда с партией, всегда с народом» («Московский художник») 422
№ 17. «В секретариате Правления Московской писательской организации» («Литгазета») 423
№ 18. «Драматург выходит на трибуну» («Правда») 425
№ 19. «Высокий долг ученых» («Правда») 425
№ 20. «Весна идет» («Вечерняя Москва») 426
№ 21. «Осуждение беспечности, беспринципности и клеветы» («Литературная Россия») 426
№ 22. «Свет и тень» («Правда») 429
№ 23. «На пленуме Правления МОСХ РСФСР» («Московский художник») 432
№ 24. «Рядом с Лениным всегда, везде и во всем!» «Против мещанского равнодушия» («Литературная Россия») 434
№ 25. «Логика падения» («Советская Россия») 435
№ 26. «Верность, единство, убежденность» («Литгазета») 439
№ 27. «Вечное беспокойство художника» («Литературная Россия») 442
№ 28. «Подсадная утка» («Комсомольская правда») 442
№ 29. «За коммунистические идеалы» («Советская культура») 444
№ 30. «Идейная борьба, ответственность писателя» («Литгазета») 444
№ 31. «На линии огня» («Советская Россия») 445
№ 32. Письмо В. Воронина в «Известия» 447
№ 33. «Письмо 29-ти» в «Комсомольскую правду» 450
№ 34. «Открытое письмо» А. Якобсона в Союз журналистов 451
№ 35. Письмо Л. И. Гинзбург в «Комсомольскую правду» 459
№ 36. «Открытое письмо» Е. Кушева в «Комсомольскую правду» 461
№ 37. «Письмо друзей Гинзбурга» 462
№ 38. «Открытое письмо» О. Тимофеевой в «Комсовольскую правду» 467
№ 39. Письмо Л. Плюща в «Комсомольскую правду» 474

№ 40. Письмо А. Марченко в «Литгазету» 478
№ 41. Письмо Л. Когана в «Литгазету» 480
№ 42. «Открытое письмо» Л. Квачевского в «Литгазету» 481
№ 43. «Открытое письмо» Л. Тымчука в «Литгазету» 484
№ 44. «Ответ читателя» (В. Крюкова в «Литгазету») 486
№ 45. Процесс, отклики общественности, репрессии («Год Прав Человека в Советском Союзе») 489
№ 46. «Внесудебные политические репрессии 1968 года» («Год Прав Человека в Советском Союзе») 500
Список использованных изданий 503

VI. КАССАЦИОННЫЙ СУД 505

ПРИЛОЖЕНИЯ 541

I. СВИДЕТЕЛЬ Н. Б. БРОКС СОКОЛОВ 541
№ 1. «В Комитете государственной безопастности» («Известия») 541
№ 2. «Дно» («Известия») 542
№ 3. «Знакомое имя» («Известия») 549
№ 4. «Диверсионная затея и ее финал» («Известия) 550

II. ОТЧЕТ МЕЖДУНАРОДНОМУ КОМИТЕТУ БОРЬБЫ ЗА АМНИСТИЮ 551

III. НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ Л. И. ГИНЗБУРГ и О. В. ТИМОФЕЕВОЙ 559

IV. ЛИСТОВКИ В МОСКВЕ 562
№ 1. Листовка группы «Черч» 562
№ 2. «Освистанный фарс на площади Маяковского» («Известия») 567
№ 3. «Листовки группы «Черч» на площади Маяковского» («Год Прав Человека в Советском Союзе») 572

СПРАВОЧНЫЙ РАЗДЕЛ 574

УПОМИНАЕМЫЕ СТАТЬИ УК и УПК РСФСР 574

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 587

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 629